

ТРУДЫ
ИМПЕРАТОРСКАГО
МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ

СЪ 25 РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТЪ, 2 ХРОМОТИПИЧЕСКИМИ, 6 ФОТОТИПИЧЕСКИМИ, 2 ЦИНКОГРАФИЧЕСКИМИ ТАБЛИЦАМИ.

Выпускъ 2-й.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

В. К. ТРУТОВСКАГО

СЕКРЕТАРЯ ОБЩЕСТВА.

МОСКВА

—
1909.

1951

1962 г.

1957

ТРУДЫ

1965 г.

ИМПЕРАТОРСКАГО
МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ

съ 25 рисунками въ текстъ, 2 хромотипическими, 6 фототипическими, 2 цинкографическими таблицами.

Выпускъ 2-й.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

В. К. ТРУТОВСКАГО

СЕКРЕТАРЯ ОБЩЕСТВА.

МОСКВА

1909

Печатано по распоряженію Императорскаго Московскаго Археологическаго
Общества, на основаніи § 56 его Устава.

Предсѣдатель Графиня Уварова.

81
1950 г. БИБЛИОТЕКА
Ин-та Краеведческой
и Музейной работы В-365

Оглавление 2 вып. XXII т. «Древностей».

	Стран.
Д. Н. Анучинъ. Трудъ профессора В. И. Модестова: „Введение въ Римскую Исторію. Вопросы доисторической этнологіи и культурныхъ вліяній въ до-римскую эпоху въ Италіи и начало Рима“.	1— 28
Онъ же. И. Е. Забѣлинъ какъ археологъ, въ первую половину его научной дѣятельности (1842—1876)	29— 70
Н. Н. Ардашевъ. И. Е. Забѣлинъ какъ теоретикъ археологіи.	71—218
И. Я. Стеллецкій. Мадебская карта-мозаика Палестины въ связи съ вопросомъ о новой (русской) Горней Бетъ-Захари. Съ 18 рисунками.	219—248
Н. И. Троицкій. Панагіарій и складень изъ собранія гр. А. С. Уварова. Съ 2 хромотипическими таблицами.	249—267
Онъ-же. Антиминсы. Изъ собранія гр. А. С. Уварова. Съ 2 цинкографическими и 2 фототипическими таблицами.	268—275
о. І. І. Кузнецовъ. Жалованная грамота Вел. Кн. Василя Ивановича протопопу Волоколамскаго Воскресенскаго собора Антонію съ братіей отъ 4-го октября 7023 (1514) г. Съ таблицей.	276—280
В. В. Хвойко. Раскопка площадокъ въ с. Крутобородинцахъ, Летичевскаго у., Подольской губ. и вблизи с. Веремье, Кіевскаго у. и губ. Съ 7 рисунками и одной таблицей.	281—309.
С. Н. Кологривовъ. Синодикъ дворцовой церкви св. великомученицы Евдокіи въ 7141 (1633) г. Съ 2 таблицами.	310—314

Трудъ профессора В. И. Модестова:

„Введение въ римскую исторію. Вопросы до-исторической этнологіи и культурныхъ вліяній въ до-римскую эпоху въ Италіи и начало Рима“. Спб. 1902—1904.

Трудъ покойнаго проф. В. И. Модестова, посвященный вопросамъ доисторической археологіи и палеоэтнологіи Италіи, представляетъ выдающееся явленіе въ русской научной литературѣ. Какъ извѣстно, наша литература по доисторическимъ судьбамъ Европы (за исключеніемъ Россіи) весьма скудна и ограничивается лишь переводами нѣсколькихъ общихъ сочиненій и немногими, большей частью компилятивными, статьями. Самостоятельныхъ изслѣдованій, которыя были бы основаны на подробномъ изученіи соотвѣтственной спеціальной литературы и на провѣркѣ ея данныхъ сравненіемъ археологическихъ коллекцій въ музеяхъ, у насъ, можно сказать, нѣтъ, даже по отношенію къ такимъ, болѣе изученнымъ археологически странамъ, какъ Франція, Данія, Швейцарія и т. д. Тѣмъ болѣе нѣтъ ихъ по отношенію къ Италіи, спеціальная литература которой по доисторической археологіи еще менѣе у насъ извѣстна и доступна, хотя за послѣднія десятилѣтія она достигла значительнаго развитія и продолжаетъ обогащаться съ каждымъ годомъ. Цѣлый рядъ изслѣдователей сосредоточиваетъ тамъ свое вниманіе на далекой доисторической старинѣ своей страны, и ими сдѣланы уже многія любопытныя археологическія открытія, позволяющія возстановить до извѣстной степени всѣ послѣдовательныя стадіи развитія культуры на Аппенинскомъ полуостровѣ и островахъ Сициліи и Сардиніи, начиная съ древнѣйшей эпохи палеолитическаго періода до вѣковъ, примыкающихъ уже къ эпохѣ исторической. Эти открытія послужили темами для многихъ мемуаровъ (между прочимъ, въ спеціальномъ органѣ — *Bulletino di paletnologia italiana*), а отчасти и для сочиненій болѣе обобщающаго характера, принадлежащихъ не однимъ итальянскимъ, но также и ученымъ другихъ странъ (Helbig, Hoernes, Undset, Montelius и др.). Тѣмъ не менѣе, даже въ Италіи мы не имѣемъ еще сочиненія, которое бы обобщало важнѣйшіе факты доисторической жизни этой страны и, опираясь на данныя археологіи, антропологіи, отчасти также филологіи и историческаго преданія, возстановляло бы по нимъ послѣдовательное развитіе первобытной культуры отъ древнѣйшей эпохи каменнаго

вѣка до начала Рима, въ связи съ постепенно расширявшимися торговыми сношеніями и вторженіемъ или иммиграціей новыхъ племенъ. Объясняется это, прежде всего, трудностью задачи, нуждающейся еще для своего разрѣшенія во многихъ предварительныхъ разьясненіяхъ, которыя могутъ дать только послѣдующія открытія. Что имѣющіеся факты еще недостаточно выясняютъ нѣкоторые вопросы, это явствуетъ изъ противорѣчивыхъ взглядовъ на различныя явленія доисторической жизни Италіи, раздѣляемыхъ такими учеными, какъ Пигорини, Бриціо, Серджи, Колини и др. Требовалась поэтому большая доля смѣлости со стороны русскаго изслѣдователя, чтобы выступить съ самостоятельными воззрѣніями на доисторическія судьбы Италіи и съ попыткою стройнаго палеоэтнологическаго синтеза для этой страны на основѣ имѣющагося, неизбѣжно разрозненнаго и во многихъ отношеніяхъ недостаточнаго матеріала. Само собою разумѣется, что такая попытка требовала энергичной работы въ теченіе многихъ лѣтъ, какъ по изученію всей относящейся до предмета итальянской и прочей иностранной литературы, такъ и по сравненію различныхъ археологическихъ коллекцій въ музеяхъ. Вся эта работа не остановила нашего покойнаго ученаго, и въ результатѣ ея явилось солидное сочиненіе, въ 2-хъ частяхъ (1902—1904), вышедшее затѣмъ и во французскомъ переводѣ Делиня, просмотрѣнномъ авторомъ и снабженномъ предисловіемъ Саломона Рейнака.

Слѣдуетъ замѣтить, впрочемъ, что въ задачу покойнаго изслѣдователя не входило дать полную и подробную картину доисторической жизни Италіи. Модестовъ исходилъ изъ спеціальной цѣли, связанной съ предметомъ его прежнихъ научныхъ занятій по древнѣйшей исторіи Рима. Убѣдившись въ недостаточности имѣющихся легендарныхъ сказаній о началѣ «вѣчнаго города» и о происхожденіи латинянъ, онъ еще въ началѣ 90-хъ годовъ заинтересовался обширнымъ и новымъ археологическимъ матеріаломъ, полученнымъ путемъ раскопокъ какъ въ самомъ Римѣ и его окрестностяхъ, такъ и въ другихъ частяхъ Италіи. Этотъ матеріалъ открывалъ возможность заглянуть глубже въ доисторическую жизнь итальянскаго населенія, наглядно констатировать совершавшіяся въ теченіе эпохъ измѣненія въ его быту и technikѣ, прослѣдить вообще послѣдовательное развитіе культуры вглубь вѣковъ до древнѣйшей эпохи каменнаго періода включительно. Ознакомившись съ этимъ матеріаломъ, Модестовъ пришелъ къ убѣжденію, что «древнѣйшую исторію Рима надо начать съ первыхъ слѣдовъ появленія въ долинѣ Тибра человѣка, чтобы войти въ городъ Ромула не съ пустыми руками и не съ миѳическими и легендарными сказаніями, а съ фактами послѣдовательно развивавшейся культурной жизни въ рукахъ». Этимъ убѣжденіемъ и было вызвано составленіе «Введенія въ римскую исторію». Ему предшествовали многія отдѣльныя статьи по тѣмъ же вопросамъ, помѣщенные авторомъ въ «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 90-ые годы.

Поставивъ себѣ задачей прослѣдить первое появленіе въ Ита-
ліи латинянъ, вообще выяснитъ вопросъ о развитіи той культуры,
на основѣ которой создавалась послѣдующая цивилизація Рима, ав-
торъ обратилъ главное свое вниманіе на тѣ факты, которые «вели
его къ этой цѣли», и не считалъ нужнымъ останавливаться на дру-
гихъ данныхъ, имѣвшихъ болѣе отдаленное соотношеніе съ предме-
томъ его изученій, касающихся, напримѣръ, такихъ окраинныхъ
областей Италіи, какъ Піемонтъ, Сардинія и т. д., или второсте-
пенныхъ частныхъ отдѣльныхъ культурныхъ эпохъ. Результатомъ
занятій автора въ римскомъ музеѣ доисторическихъ древностей
явились, между прочимъ, таблицы рисунковъ (числомъ 39 во
французскомъ изданіи его книги; кромѣ того, еще 30 рисунковъ въ
текстѣ), дающія наглядное представленіе о типичныхъ издѣліяхъ
различныхъ доисторическихъ эпохъ. Здѣсь мы видимъ типы орудій
палеолитической и неолитической эпохъ, энеолитическаго періода,
бронзовой эпохи (изъ свайныхъ построекъ и террамаръ), начала
железнаго вѣка (культура могильника Виллановы и другихъ), этрус-
скихъ древностей. Рисунки эти (большей частью съ фотографій)
значительно содѣйствуютъ пониманію типическихъ особенностей жи-
тейской техники и промышленнаго искусства въ разныя эпохи, при-
чемъ слѣдуетъ замѣтить, что многіе предметы древности изобра-
жены на этихъ таблицахъ впервые, и что, такимъ образомъ, трудъ
Модестова представляетъ и спеціальнй интересъ для археоло-
говъ въ томъ смыслѣ, что даетъ возможность сравнивать описыва-
емые типы издѣлій съ аналогичными имъ изъ другихъ мѣстностей.
Можно только пожалѣть, что, говоря о свайныхъ постройкахъ и
террамарахъ, авторъ не приложилъ ихъ плановъ и разрѣзовъ, не
помѣстилъ рисунковъ, изъясняющихъ нѣкоторые способы погребенія,
и не иллюстрировалъ географическое распредѣленіе различныхъ ти-
повъ открытыхъ до сихъ поръ могильниковъ и жилищъ при по-
мощи составленной *ad hoc* археологической карты Италіи.

Сочиненіе Модестова состоитъ изъ 2-хъ частей, изъ коихъ
2-я посвящена этрускамъ, главнымъ образомъ — вопросу объ ихъ
происхожденіи. Авторъ разбираетъ мнѣнія разныхъ ученыхъ, под-
вергаетъ ихъ обстоятельной критикѣ и на основаніи цѣлаго
ряда фактовъ и соображеній доказываетъ, что этрусски не были
европейскимъ и арійскимъ народомъ, что ихъ родина—Малая Азія и
что они прибыли въ Италію моремъ, и именно по Тирренскому
морю. Этотъ взглядъ объ азіатскомъ происхожденіи этрусковъ не
составляетъ чего-либо новаго; онъ высказывался многими изслѣдо-
вателями и ранѣе, но Модестовъ подтверждаетъ его рядомъ новыхъ
данныхъ и тѣмъ утверждаетъ его на болѣе солидныхъ основахъ.
Въ дальнѣйшемъ я не буду говорить объ этой 2-й части сочиненія
покойнаго В. И., такъ какъ разборъ ея возможенъ только со
стороны спеціалиста по этрусскимъ древностямъ. Я останавлиюсь
только на первой части сочиненія, занимающей около $\frac{6}{7}$ всей
книги.

Первыя главы этой части посвящены каменному вѣку. Человѣкъ существовалъ въ Италіи еще въ палеолитическую эпоху, совмѣстно съ ископаемымъ слономъ (*El. antiquus*), пещерными медвѣдемъ, гіеной, львомъ, первобытнымъ быкомъ и нѣкоторыми другими вымершими затѣмъ животными формами; остатки этой эпохи извѣстны изъ многихъ пещеръ, а отчасти и изъ открытыхъ отложеній *).

Говоря о палеолитѣ, Модестовъ считаетъ, что этотъ палеолитическій періодъ, именно его древнѣйшая эпоха, т. наз. — Chelles французскихъ археологовъ—была древнѣйшей эпохой человѣческой культуры вообще. Теперь, однако, все болѣе упрочивается взглядъ, что эпоха Chelles не можетъ составлять древнѣйшей эпохи человѣческой культуры, что она указываетъ уже на значительное искусство въ обдѣлкѣ кремня и другихъ горныхъ породъ съ раковистымъ изломомъ, и что ей, несомнѣнно, должна была предшествовать эпоха болѣе примитивная, спускающаяся до третичнаго періода, и которую можно назвать *эолитическою*. Правда, многіе археологи, соглашаясь съ необходимостью допущенія такой эпохи *a priori*, не признаютъ, однако, убѣдительными ея слѣдами тѣ оббитые кремни, въ которыхъ убѣжденные сторонники гипотезы эолитовъ видятъ несомнѣнные признаки искусственной ихъ обдѣлки человѣкомъ; они объясняютъ ихъ оббивку природными факторами, особенно дѣйствіемъ текучей воды и морского прибоя, способныхъ приводить въ столкновеніе кремневые голыши и вызывать тѣмъ оббивку ихъ краевъ и контуровъ. Тѣмъ не менѣе, этими факторами едва ли можно объяснить всѣ слѣды оббивки на т. наз. эолитахъ, особенно на такихъ, которые не выказываютъ никакихъ слѣдовъ обработки ихъ водою и встрѣчаются *in situ* въ наземныхъ отложеніяхъ. Какъ бы то ни было, доводы извѣстнаго бельгійскаго ученаго Rutot, наиболѣе выдвинувшаго впередъ вопросъ объ эолитахъ, встрѣтили за послѣдніе годы многихъ сторонниковъ, особенно среди нѣмецкихъ изслѣдователей, которые на мѣстѣ, во Франціи и Бельгіи, на основаніи собственныхъ раскопокъ и наблюденій въ музеяхъ, могли убѣдиться въ древности и въ искусственномъ происхожденіи различныхъ типовъ эолитовъ. Эолитическая эпоха теперь въ свою очередь уже подраздѣляется на нѣсколько, изъ коихъ одна принимается за переходную къ эпохѣ Chelles. Все это составляетъ, однако, плодъ изслѣдованій и соображеній самаго недавняго времени, послѣднихъ пяти — шести лѣтъ, а потому весьма естественно, что покойный В. И. и не упоминаетъ объ эолитической эпохѣ, тѣмъ

*) Любопытная находка была сдѣлана недавно на островѣ Капри. Здѣсь орудія типа Chelles были найдены на глубинѣ около 9 метр. въ глинистомъ слое съ остатками вымершихъ животныхъ (слона, носорога, гиппопотама), и подъ толстымъ слоемъ (въ 3 метра) вулканическихъ изверженныхъ продуктовъ. Орудія эти изъ кварцита, породы, не имѣющей на островѣ. Пигорини указываетъ на свидѣтельство Светонія, изъ котораго видно, что находки громаднхъ ископаемыхъ костей на Капри были извѣстны еще во времена Августа.

болѣе, что вопросъ объ эолитахъ, усердно разрабатываемый и дебатированный теперь въ Бельгіи, Франціи, Германіи и Англіи, по видимому, и не поднимался еще серьезно въ Италіи. Въ трудѣ Модестова терминъ «эолитическая эпоха», правда, встрѣчается, но въ иномъ смыслѣ, именно въ примѣненіи къ древнѣйшему палеолиту, — къ эпохѣ, когда современниками человѣка были многіе виды вымершихъ впослѣдствіи животныхъ.

Что касается палеолита, то, по сравненію съ соотвѣтственной эпохой во Франціи, палеолитъ Италіи представляется болѣе скудно развитымъ. Изъ четырехъ подраздѣленій этой эпохи, принимаемыхъ во Франціи, только два древнѣйшихъ находятъ себѣ параллели въ Италіи, именно эпохи т. наз. Chelles и Moustier; слѣдующія двѣ — Solutré и Madelaine, особенно послѣдняя, представленная во Франціи отложеніями во многихъ пещерахъ и массою издѣлій изъ кости и рога сѣвернаго оленя, отчасти съ художественными изображеніями на нихъ различныхъ животныхъ, — неизвѣстны на итальянской почвѣ, какъ неизвѣстны здѣсь и ископаемые остатки сѣвернаго оленя, не распространявшагося къ югу отъ Альповъ*). Слѣдуетъ ли заключить изъ этого, что въ Италіи эпохи Chelles и Moustier продолжались долѣе, чѣмъ во Франціи, или же вѣроятнѣе допустить, что онѣ смѣнились здѣсь ранѣе и непосредственно неолитической культурой, т.-е., что неолитическая культура Италіи была одновременной со второй половиной палеолитической эпохи во Франціи? Пигорини склоняется къ этому послѣднему мнѣнію (Bull. paletn. Ital. XXVIII, 1902) и даже утверждаетъ, что эпоха Маделенъ во Франціи должна быть относима уже къ неолитической эпохѣ, что она можетъ быть объясняема миграціей къ югу (вслѣдствіе временнаго измѣненія климата (?)) какого-то арктическаго племени, занесшаго во Францію, вмѣстѣ съ распространеніемъ сѣвернаго оленя, и свою оригинальную технику въ обработкѣ оленьяго рога и кости. Съ этимъ, какъ замѣчаетъ Hoernes (Globus, 1903, Bd. LXXXIII, № 9), согласиться трудно, но съ итальянской точки зрѣнія эпоха Маделенъ можетъ быть рассматриваема, какъ неолитическая, потому что въ теченіе этой эпохи, когда во Франціи жили еще палеолитическія охотничьи племена, въ Италіи уже распространилась неолитическая культура съ ея домашними животными и воздѣлываемыми растеніями.

Вообще теперь можетъ считаться доказаннымъ, что развитіе доисторической культуры въ Европѣ шло далеко не одинаково въ различныхъ странахъ. Какъ показалъ въ особенности Sophus Müller (Urgeschichte Europas, 1905), потокъ культуры распространился съ юга или, точнѣе, съ юго-востока — изъ Египта, Малой

*) Между эпохами Moustier и Solutré многіе французскіе археологи принимаютъ теперь еще промежуточную Ориньякскую эпоху (Aurignacien), характеризующуюся своеобразными кремневыми орудіями вроде скребковъ и костяными стрѣлками съ развилчатымъ нижнимъ концомъ.

Азіи — черезъ Грецію и Италію, и, только постепенно и значительно запаздывая, проникалъ въ среднюю и сѣверную Европу, гдѣ иногда возникали мѣстные культурные центры, въ которыхъ смѣшивались, подвергались измѣненіямъ и преобразованіямъ элементы южной культуры различныхъ эпохъ. Въ Италиі, Испаніи, Португаліи была развита уже неолитическая культура въ то время, какъ остальная Европа переживала еще палеолитическій періодъ сѣвернаго оленя. Подобнымъ же образомъ до-микенская культура, которую С. Мюллеръ опредѣляетъ какъ каменно-мѣдную и каменно-бронзовую (энеолитическую?) и которая господствовала уже въ 3-мъ тысячелѣтіи до нашей эры въ Греціи, Критѣ, Сициліи, Италиі, отчасти также Испаніи, — сопровождалась въ остальной Европѣ — типичнымъ каменнымъ (неолитическимъ) періодомъ. Когда въ западной Европѣ распространилась бронзовая промышленность, въ это время, въ концѣ 2-го тысячелѣтія до нашей эры, въ Греціи уже царила позднѣйшая микенская эпоха, а большая часть Россіи, Польши, Финляндіи — жили еще въ каменномъ вѣкѣ. Первая желѣзная эпоха относится въ Греціи, Критѣ и части Италиі къ 10 — 8 вѣкамъ; въ сѣверной Италиі и въ Австріи (Hallstatt) къ 8 — 4 вѣкамъ; въ это время въ Венгріи, Седмиградьѣ, части Швейцаріи, въ сѣверной Франціи, Бельгіи, Англіи, сѣверной Германіи, Голландіи, южной Скандинавіи, части Финляндіи — господствовала еще позднѣйшая бронзовая эпоха, а въ большей части Россіи еще каменный вѣкъ. Затѣмъ для южной Европы наступаетъ историческая эпоха, въ средней и западной Европѣ (съ 4-го по 1-е столѣтіе) кельтскій періодъ (эпоха *La Tène*), въ южной Россіи мы видимъ въ это время скифскую эпоху, а въ сѣверной Россіи продолжается еще каменный вѣкъ. Съ начала нашей эры распространяется по Европѣ римская культура, но въ Ирландіи и Шотландіи сохраняется еще кельтская, а въ сѣверной и восточной Европѣ — «урало-алтайская» культура.

Насколько Передняя Азія, Египетъ, Критъ опередили Западную Европу въ развитіи доисторической культуры, видно изъ слѣдующихъ сопоставленій. Начало неолитической эпохи въ Западной Европѣ относится, повидимому, къ эпохѣ за три тысячелѣтія до нашей эры. Въ Италиі его надо предполагать, по крайней мѣрѣ, на тысячу лѣтъ раньше, а на островѣ Критѣ и вообще на островахъ Эгейскаго моря оно должно быть относимо, по Артуру Ивенсу (A. Evans), къ эпохѣ за 14000 лѣтъ до нашего времени. Монтеліусъ, основываясь на стратиграфіи раскопокъ въ Сузѣ, думалъ, что здѣсь, въ Передней Азіи, начало неолитическаго періода можетъ быть отнесено къ эпохѣ за 20000 лѣтъ до современной.

Какъ произошелъ въ Европѣ этотъ переходъ палеолитической эпохи въ неолитическую, разомъ ли — вслѣдствіе вторженія болѣе культурныхъ племенъ, или постепенно — вслѣдствіе усвоенія новыхъ элементовъ культуры, путемъ торговли и послѣдовательной иммиграціи, это вопросъ, о которомъ много было писано, но который

еще и теперь не разрѣшенъ окончательно. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ между отложеніями палеолитическаго и неолитическаго періодовъ замѣчается рѣзкій перерывъ (hiatus) и отложеній промежуточныхъ, или переходныхъ эпохъ, почти вовсе неизвѣстно. Въ другихъ мѣстностяхъ можно было открыть слѣды постепеннаго усвоенія новыхъ культурныхъ зачатковъ тѣмъ же первоначальнымъ населеніемъ, что позволяетъ заключить о непрерывномъ здѣсь развитіи культуры. Это второе мнѣніе начинаетъ получать въ послѣднее время преобладаніе во Франціи, гдѣ для указанной переходной эпохи предложено и новое названіе (Campanien); слѣды этой эпохи были констатированы Пигорини и въ Италіи, гдѣ онъ объясняетъ ихъ также усвоеніемъ древнимъ палеолитическимъ населеніемъ элементовъ неолитической культуры, которые вносились отчасти торговлей, отчасти иммиграціей новыхъ племенъ. В. И. Модестовъ, впрочемъ, не останавливается на этомъ вопросѣ и не входитъ въ его разсмотрѣніе.

Неолитическая эпоха, закончившаяся такъ наз. энеолитическимъ періодомъ, когда уже появляются мѣдныя орудія, господствовала въ Италіи, по мнѣнію Модестова и итальянскихъ археологовъ, за 3—1½ тысячъ лѣтъ до нашей эры. Она представлена здѣсь многими могильниками, нѣсколькими естественными и искусственными гроттами, остатками жилищъ (основаніями круглыхъ или овальныхъ хижинъ—fondi di capanne—со слѣдами очаговъ), остатками открытыхъ стоянокъ по берегамъ рѣкъ и т. д. Модестовъ даетъ подробный обзоръ относящихся сюда раскопокъ и находокъ, указываетъ на открывающіеся въ нихъ мѣстами слѣды торговыхъ сношеній, на вліяніе (къ концу эпохи) съ юга, изъ Сициліи, распространявшейся морскимъ путемъ культуры Востока и съ сѣвера, изъ-за Альпъ, культуры придунайской, воспринимавшей также восточное вліяніе чрезъ посредство Кипра. Торговымъ сношеніямъ авторъ приписываетъ и распространеніе издѣлій изъ обсидіана (вулканическаго стекла), встрѣчающагося въ естественномъ состояніи только въ немногихъ мѣстностяхъ Италіи, а равно изъ нефрита и ядеита, «минераловъ — по словамъ автора — не обрѣтающихся въ Европѣ». Въ этомъ послѣднемъ утвержденіи Модестовъ держится, однако, устарѣвшаго взгляда. Теперь мы знаемъ, что нефритъ и ядеитъ встрѣчаются среди валуновъ въ сѣв. Германіи (происходящихъ изъ Скандинавіи) и въ Швейцаріи (происходящихъ съ Альпъ), что доказываетъ, съ одной стороны, возможность изготовленія изъ нихъ орудій на мѣстѣ (въ Европѣ), а съ другой — нахожденіе въ указанныхъ странахъ залежей этихъ минераловъ. Залежи эти, правда, еще большей частью не открыты, но что онѣ должны здѣсь быть, въ этомъ трудно сомнѣваться; въ Силезіи уже открыто одно такое мѣстонахожденіе — въ серпентиновыхъ жилахъ горъ Zobten, около Jordansmühl.

Относительно Италіи большую важность представляетъ работа проф. Кальковскаго (Kalkowsky, «Geologie des Nephrits im

südlichen Ligurien» въ «Zeitschr. d. deutsch. Geolog. Ges.» 1906, Н. 3; извлеченіе въ «Globus», 1907. Bd. XCI № 14), которому удалось въ окрестностях Sestri Levante найти одиннадцать мѣсто-рожденій нефрита, въ различныхъ его разновидностяхъ и при вполнѣ ясныхъ условіяхъ ихъ залеганія. Исслѣдовавъ подъ микроскопомъ болѣе 500 тонкихъ шлифовъ изъ образчиковъ этихъ нефритовъ, Кальковскій пришелъ къ заключенію, что лигурійскій нефритъ есть горная порода (не минералъ!), возникшая изъ серпентина путемъ его метаморфоза при тѣхъ геологическихъ дислокаціяхъ, которыя послѣдовали въ данной области въ эпоху образованія Апеннинъ. Обыкновенно онъ встрѣчается въ видѣ различныхъ включеній, желваковъ, ядеръ въ другой горной породѣ и представляетъ рядъ варіететовъ по отношенію къ его типичному химическому составу, удѣльному вѣсу и другимъ свойствамъ *).

Говоря о встрѣчающихся въ могилахъ неолитической эпохи окрашенныхъ человѣческихъ скелетахъ (красной охрой), Моде-стовъ объясняетъ ихъ обычаемъ декарнизации труповъ, т.-е. отдѣленіемъ мяса отъ костей и раскрашиваніемъ послѣднихъ. Возможно — и даже, по нѣкоторымъ этнографическимъ даннымъ имѣются основанія принимать, — что такая декарнизация иногда производилась (въ особенности можемъ мы допускать ее въ тѣхъ случаяхъ, когда оказываются неполныя части скелетовъ, сплошь окрашенные), но вообще весьма сомнительно, чтобы большинство случаевъ находженія окрашенныхъ костей въ могилахъ неолитической и энеолитической эпохъ указывало на такую предварительную декарнизацию. Положеніе костяка (обыкновенно скорченного, лежащаго на боку, съ сохраненіемъ естественнаго соотношенія костей), распределеніе краски на костяхъ (обыкновенно только на верхнихъ поверхностяхъ костей), присутствіе краснаго порошка около скелета, неспособность костей, содержащихъ въ себѣ жиръ, принимать окраску, — все это указываетъ на то, что окрашиваніе костей получалось отъ краснаго, охристаго порошка, которымъ посыпался трупъ (особенно лобъ, лицо, руки и т. д.) и который по разрушеніи кожи и мягкихъ частей впитывался въ кость. Мнѣніе это раздѣляется по крайней мѣрѣ многими русскими археологами, встрѣчавшими часто подобные окрашенные костяки въ южно-русскихъ курганахъ, напр., проф. В. Б. Антоновичемъ, проф. Ю. А. Кулаковскимъ, Н. Е. Бранденбургомъ, А. А. Бобринскимъ и др. **).

*) См. еще Wollemann, „Das Ende der Nephritfrage“ въ „Globus“ 1903. Bd. LXXXIII, № 9; Kalkowsky, „Der Nephrit des Bodensees“ („Jsis“, Dr. 1906 и „Globus“, 1907, Bd. XCI, № 13, стр. 210. Въ остаткахъ свайныхъ построекъ Боденскаго озера было найдено около 3000 нефритовыхъ топоровъ и другихъ орудій, вѣсомъ всего до 600 килогр.

**) В. Б. Антоновичъ. „Занятія VIII Арх. Съѣзда“ М. 1890. стр. 42 и „Изв. IX Арх. Съѣзда“. Вил. 1893, „Протоколы“, стр. 14; Ю. А. Кулаковскій. „Къ вопросу объ окрашен. костякахъ“ въ „Трудахъ XI Арх. Съѣзда въ Кіевѣ“, 1899. Т. I. М. 1901, стр. 190 слѣд.; А. А. Спицынъ. „Курганы съ окраш. костяками“, въ „Зап. И. Арх. Общ.“. Спб. 1899.

Кромѣ торговыхъ сношеній авторъ принимаетъ для конца каменнаго вѣка и иммиграцію изъ-за Альпъ въ сѣв. Италію, доказательство чему видитъ въ присутствіи въ могильникахъ соотвѣтственной эпохи нѣкотораго процента брахицефальныхъ череповъ рядомъ съ долихоцефальными. Послѣдніе должны быть признаны типичными для каменнаго вѣка; изъ пещеръ, въ особенности, были добыты черепа, отличающіеся узостью, покатымъ взадъ лбомъ съ сильно развитыми надбровными дугами, широкимъ носомъ, выдающимися скулами, прогнатными челюстями. Нѣкоторые черепа описываются итальянскими изслѣдователями какъ «негрообразные», «вооруженные страшными зубами», «настоящіе черепа дикарей». По описанію, конечно, трудно судить, но можно замѣтить, что черепа негровъ не отличаются развитіемъ надбровныхъ дугъ и что зубы человѣка не могутъ отличатся «страшнымъ» видомъ, какъ у гориллы. Другіе черепа описываются, однако, болѣе благопріятно, въ томъ числѣ и извѣстный черепъ, найденный близъ Ольмо и относимый нѣкоторыми даже къ палеолитической эпохѣ, хотя другіе видятъ въ немъ представителя гораздо болѣе поздняго — бронзоваго вѣка (объ этомъ черепѣ, впрочемъ, Модестовъ не упоминаетъ). Необходимо замѣтить, что населеніе неолитическаго, а тѣмъ болѣе энеолитическаго вѣка, отнюдь не можетъ быть названо дикарями. Оно имѣло домашнихъ животныхъ, — рогатый скотъ, свиней, овецъ, козъ, не считая нѣсколькихъ породъ собакъ, и занималось земледѣліемъ. Извѣстно, что обитатели швейцарскихъ свайныхъ построекъ неолитической эпохи также обладали домашними животными, разводили ячмень, пшеницу, просо, ленъ и т. д., причемъ имѣются многія основанія утверждать, что они получили эти культурныя растенія и животныхъ съ юга, изъ Средиземной области.

Какой расѣ принадлежало неолитическое населеніе Италіи? Изъ историческихъ извѣстій мы знаемъ, что древнѣйшими насельниками Италіи считались лигуры, въ Сициліи — сиканы и сикулы, въ Сардиніи — иберы. Лигуровъ филологи (Мюлленгофъ, д'Арбуа де Жюбенвиль, Кретчеръ) считаютъ племенемъ арійскимъ и отличаютъ отъ иберовъ, древняго населенія Пиринейскаго полуострова; отличали ихъ ранѣе и антропологи, считая иберовъ долихоцефалами, а лигуровъ — брахицефалами, но въ послѣднее время высказываются мнѣнія, что лигуры относятся къ той же расѣ, что и иберы (Серджи, Мелись). Сикуловъ древнее преданіе связывало съ латинянами, но Модестовъ рѣшительно отвергаетъ связь между ними. Откуда явились въ Италію эти древнѣйшіе народы? Проф. Модестовъ привлекаетъ для отвѣта на этотъ вопросъ антропологию. Онъ беретъ въ руководители себѣ римскаго профессора антропологии Серджи и, сопоставляя его взгляды съ данными археологій и историческаго преданія, рисуешь цѣльную картину древнѣйшаго заселенія Италіи.

Проф. Дж. Серджи является творцомъ новой краниологической школы, до сихъ поръ не получившей, впрочемъ, широкаго призна-

нія, даже въ Италіи. Въмѣсто принятыхъ ранѣе способовъ классификаціи череповъ по взаимнымъ отношеніямъ главнѣйшихъ поперечниковъ мозгового черепа, большей или меньшей ширинѣ костнаго лица и носа, большому или меньшему выступанію челюстей (прогнатизму), Серджи предложилъ различать черепа по ихъ очертаніямъ или контурамъ, какъ они представляются при взглядѣ на черепъ сверху (или иногда сбоку). Не трудно убѣдиться, что при одинаковомъ отношеніи наибольшей ширины черепа къ его наибольшей длинѣ, контуръ черепа (при взглядѣ сверху) можетъ значительно варіировать. Онъ можетъ представляться овальнымъ, яйцевиднымъ, пятиугольнымъ, усѣченно-клинообразнымъ (кпереди) и т. д. На этихъ варіаціяхъ формы Серджи установилъ рядъ, такъ сказать, родовъ (genera) череповъ, означивъ ихъ терминами: *ellipsoïdes*, *ooïdes*, *pentagonoides*, *sphenoides*, *rhomboides* и т. д.

Въ предѣлахъ каждаго «рода» могутъ встрѣчаться какъ-бы видовыя варіаціи, которыя Серджи опредѣляетъ прилагательными, напр., *sphenoides latus*, *ellipsoïdes depressus*, *pentagonoides micros*. Въ каждой, сколько-нибудь значительной, группѣ череповъ могутъ встрѣтиться различныя формы черепныхъ контуровъ, но обыкновенно не въ одинаковомъ процентномъ отношеніи. Въ одной группѣ, напр., преобладаютъ формы *ellipsoïdes*, *ooïdes*, въ другой *sphenoides*, *cycloïdes* и т. д. Это позволяетъ установить типичныя формы въ каждой группѣ и выводить отсюда заключенія относительно степени сходства и родства между группами.

Въ методѣ Серджи есть, несомнѣнно, принципъ, заслуживающій вниманія. Черепа, при одинаковой относительной ширинѣ, могутъ, дѣйствительно, выказывать различія въ своихъ контурахъ, причемъ въ извѣстныхъ группахъ череповъ преобладаютъ однѣ формы, въ другихъ—другія. Но, во-первыхъ, формы эти переходятъ одна въ другую, и часто трудно сказать, къ какой формѣ слѣдуетъ отнести тотъ или иной черепъ; во-вторыхъ, опредѣленіе формы зависитъ нерѣдко отъ того, какъ и въ какомъ разстояніи держать передъ собою черепъ, съ какой точки зрѣнія его разсматривать. Коротче, точное опредѣленіе формы черепа на взглядъ соединено бываетъ съ затрудненіями и допускаетъ немалую долю субъективизма. Одинъ наблюдатель склоненъ приписать извѣстному черепу одну форму, другой другую. И это тѣмъ болѣе, что Серджи не далъ точныхъ методовъ опредѣленія своихъ черепныхъ формъ. Вотъ почему, хотя методомъ Серджи и пользуются иногда при краниологическихъ описаніяхъ, но ему не придается пока особаго значенія; при помощи этого метода можно провести болѣе подробный анализъ черепныхъ формъ, но онъ не можетъ дать прочной опоры для установленія строгой классификаціи череповъ.

Какъ бы то ни было, руководясь своимъ методомъ, Серджи могъ констатировать сходство типовъ у различныхъ народовъ древняго и современнаго населенія средиземной области, т.-е. южной Европы, сѣверной Африки, западной Азіи. Это сходство, впрочемъ,

было извѣстно и ранѣе; средиземная раса выдѣляется изъ окружающіхъ ее, кромѣ долихоцефальной формы черепа, также чертами лица, комплексіей (темнымъ цвѣтомъ волосъ и глазъ) и ростомъ (большей частью ниже средняго). Но Серджи значительно расширилъ предѣлы этой расы; онъ находитъ тѣ же формы череповъ не только въ Италіи, Испаніи, Греціи, Египтѣ, Тунисѣ, но и во Франціи, Англіи, Германіи, Скандинавіи, въ древнихъ германскихъ могилахъ (Reihengräber), въ курганахъ южной и средней Россіи, въ отложеніяхъ каменнаго вѣка на побережьи Ладожскаго озера *). Съ другой стороны—онъ видитъ ту же расу (species) въ Нубіи, Абиссиніи, у сомали, галласовъ и т. д., и принимаетъ, что отсюда, изъ восточной Африки, изъ области хамитовъ, и вышла эта раса, распространившаяся затѣмъ по западной Азіи, сѣверной Африкѣ, южной Европѣ, а потомъ проникшая въ среднюю, сѣверную и восточную Европу **). Слѣдуя методу Серджи, можно идти, пожалуй, и дальше; можно найти сходныя формы и у череповъ съ Кавказа, изъ Сибири, Меланезіи, Америки, короче, чуть ли не на всемъ свѣтѣ, но можно ли отсюда заключать, что это все одна и та же раса, вышедшая изъ сѣверо-восточной Африки? Кромѣ контуровъ мозгового черепа, необходимо принимать еще во вниманіе строеніе лица, носа, форму и цвѣтъ волосъ, цвѣтъ глазъ, цвѣтъ кожи, ростъ, пропорціи туловища и конечностей и т. д., вообще совокупность признаковъ, имѣющихъ не меньшее значеніе для классификаціи расъ, чѣмъ черепные контуры. Впрочемъ, и проф. Модестовъ сознавалъ, повидимому, что Серджи способенъ увлекаться, и ограничился поэтому признаніемъ вывода, что древнѣйшее населеніе южной Европы, въ томъ числѣ и Италіи, было африканскаго происхожденія. Основываясь на данныхъ геологіи, свидѣтельствующихъ, что къ концу третичнаго и въ началѣ постпліоценоваго періода Аф-

*) Упомянувъ о побережьи Ладожскаго озера, проф. Модестовъ (стр. 72) замѣчаетъ: „тутъ Серджи, очевидно, имѣетъ въ виду находящійся въ геологическомъ кабинетѣ с.-петербургскаго университета скелетъ, найденный проф. Иностранцевымъ въ Ладожскомъ озерѣ, хотя онъ никогда объ этомъ замѣчательномъ скелетѣ не упоминаетъ“. Не удивительно, что не упоминаетъ, ибо такого скелета не существуетъ. Проф. Иностранцевъ собралъ остатки каменнаго вѣка, найденные при прорытіи, вдоль южнаго берега Ладожскаго озера, новаго Сясьскаго канала, въ томъ числѣ и погребенные въ торфѣ, на бывшемъ днѣ озера, останки самого человѣка (вѣроятно, потонувшихъ рыбаковъ; тутъ нашлись и остатки челнока), но не цѣлый скелетъ, а нѣсколько неполныхъ череповъ и отдѣльныхъ костей. Черепа были описаны проф. А. П. Богдановымъ въ сочиненіи изд. проф. Иностранцевымъ: „Доисторич. человѣкъ каменнаго вѣка побережья Ладожскаго озера“. Спб. 1882.

**) О методѣ G. Sergi см. его „Le varietà umane“ Tor. 1893; „Specie e varietà umane“. Tor. 1900. Объ его средиземной или африканской расѣ (Specie eurafri- cana) см. его „Origine e diffusione della stirpe mediterranea“ R. 1895 г. и „Africa. Antropologia della Stirpe. Camitica“. Tor. 1897. Въ послѣднее время имъ издано большее сочиненіе: Europa. L'origine dei popoli europei e loro relazioni coi popoli d'Africa, d'Asia ed'Oceania. 1908, въ которомъ онъ подробно говоритъ о заселеніи Европы африканскимъ и—позже азіатскимъ человѣкомъ.

рика была еще соединена съ Европой мѣстами сушею, Модестовъ принимаетъ, что средиземная раса могла удобно распространиться по этимъ перешейкамъ въ Европу. Онъ полагаетъ, что такимъ образомъ перешли изъ Африки въ Сицилію сиканы, а на Пиринейскій полуостровъ — иберы и лигуры, изъ коихъ первые распространились затѣмъ на о-ва Сардинію и Корсику, во Францію, Англію и Ирландію, а лигуры перешли въ сѣверную Италію, заселили затѣмъ весь Аппенинскій полуостровъ и въ лицѣ сиколовъ перебрались въ Сицилію. Всѣ эти племена представляли сходный физическій типъ и находились въ стадіи культуры каменнаго вѣка. Языки ихъ намъ неизвѣстны, но, несомнѣнно, это не могли быть языки арійскіе. Позже народности эти подверглись въ Италіи различнымъ культурнымъ вліяніямъ съ юга и сѣвера и испытали иммиграціи другихъ (арійскихъ) племенъ, внѣдрившихся въ нихъ и смѣшивавшихся съ ними.

Одна изъ такихъ иммиграцій съ сѣвера сопровождалась внесеніемъ бронзовой промышленности, новаго способа постройки жилищъ — на сваяхъ и новаго погребальнаго обряда — трупосожженія. Въмѣсто прежнихъ круглыхъ хижинъ на землѣ эти пришельцы стали устраивать свои жилища на сваяхъ, на четвероугольных помостахъ, отчасти въ озерахъ, гдѣ таковыя были, отчасти на сушѣ, какъ въ долинѣ По, но также на сваяхъ и также окружая себя водой, проводимой въ нарочно выкопанные рвы. Это была эпоха т. наз. свайныхъ построекъ или палафиттъ (въ озерахъ) и т. наз. террамаръ (на сушѣ). Что это былъ за народъ, къ какой расѣ онъ принадлежалъ, — на вопросъ этотъ можно отвѣчать только предположительно, такъ какъ обычай трупосожженія не сохранилъ даже его череповъ. Одни изслѣдователи видѣли въ этихъ строителяхъ террамаръ пелазговъ, но проф. Модестовъ не допускаетъ пелазговъ въ Италію и относится, вообще, сомнительно къ этому этническому термину, хотя нѣкоторые итальянскіе изслѣдователи (напр., de Cara) приписываютъ пелазгамъ важную палеоэтнологическую роль, и хотя въ нѣкоторыхъ частяхъ Италіи сохранились типичныя древнія сооруженія изъ большихъ каменныхъ глыбъ, приписываемыя преданіемъ этому доисторическому народу. Другіе высказывали предположеніе, что террамары были дѣломъ лигуровъ, воспринявшихъ культурное вліяніе сосѣдняго народа (умбровъ), третьи — что они сооружались кельтами, спустившимися съ Альпъ. Но Пигорини и Гельбигъ представили рядъ соображеній, что эти «италики» были племенемъ арійскимъ, родственнымъ латинянамъ, и это мнѣніе горячо поддерживается и развивается проф. Модестовымъ. Онъ признаетъ строителей террамаръ арійцами на томъ основаніи, что, во-первыхъ, они внесли впервые въ Италію обрядъ трупосожженія, — обрядъ, какъ онъ доказываетъ, типично арійскій, и, во-вторыхъ, они принесли съ собою сохранившійся затѣмъ навсегда въ Италіи арійскій языкъ. Первоначальная родина обитателей террамаръ была, по мнѣнію Пигорини, въ долинѣ Дуная, гдѣ они также жили въ свайныхъ постройкахъ

и откуда они перенесли этотъ способъ обитанія и по южную сторону Альпъ; проф. Модестовъ полагаетъ, что эти *terramaricoli* спустились въ Италію по долину Эчи (Адидже) и жили ранѣе гдѣ-то въ Австріи или Баваріи. Совершился этотъ переходъ во второмъ тысячелѣтіи до нашей эры (приблизительно за 1500 лѣтъ до Р. Х.), въ эпоху, «соотвѣтствующую эгейско-микенской». Въ концѣ же этого тысячелѣтія (т.-е. черезъ 300 — 500 лѣтъ) обитатели *террамаръ* (а нѣсколько позже и обитатели венетскихъ свайныхъ построекъ) покинули своеобразныя свои селенія и подъ натискомъ новаго племени иммигрантовъ, явившихся съ сѣвера, двинулись на югъ и распространились до самыхъ южныхъ частей полуострова, какъ то доказываютъ открытые въ 1899 г. остатки типичной *террамары* въ Тарантѣ (древ. Тарентъ у залива того же имени) и могильника съ трупосожженіемъ близъ Матеры (на горѣ Тиммари). Но главная масса ихъ (впрочемъ, тоже не особенно многочисленная) поселилась на берегахъ Тибра, въ Лаціумѣ, распространившись до самаго берега Тирренскаго моря. Внесенный ими обрядъ трупосожженія служитъ доказательствомъ иммиграціи сюда арійскаго племени, а находки въ его могильникахъ нѣкоторыхъ типичныхъ предметовъ культуры бронзоваго вѣка свидѣлствуютъ о тѣсной связи этихъ пришельцевъ съ обитателями *террамаръ*.

Но обитатели *террамаръ* не были только арійцами, какимъ-то неопредѣленнымъ племенемъ «италиковъ»; они были, по мнѣнію проф. Модестова, латинянами или непосредственными предками ихъ, «протолатинянами». Доказательство тому проф. Модестовъ видитъ въ строгомъ соблюденіи обитателями *террамаръ* извѣстныхъ нормъ въ устройствѣ своихъ селеній; такъ, они всегда обводили свои деревни рвомъ и валомъ, проводили двѣ главныхъ улицы, одну съ востока на западъ, другую съ юга на сѣверъ (*decumanus* и *cardo* римлянъ), а затѣмъ нѣсколько параллельныхъ той и другой, соблюдали извѣстныя правила въ разстояніяхъ между рядами свай и отдѣльными сваями, вообще выказывали любовь къ порядку, къ строгой общественной организаціи; тѣ же свойства мы встрѣчаемъ потомъ и въ латинскомъ народѣ, ту же строго-четвероугольную систему въ постройкѣ городовъ и лагерей, такую же общественную дисциплину. «Если бы, — говоритъ авторъ, — не было никакихъ археологическихъ доказательствъ ближайшей связи населенія Лаціума съ *террамарами*, мы и тогда съ неменьшимъ убѣжденіемъ выводили бы предковъ римлянъ изъ *террамаръ*, въ силу психическихъ свойствъ, проявленныхъ обоими населеніями».

Въ выводѣ предковъ латинянъ изъ сѣверо-италійскихъ *террамаръ* проф. Модестовъ сходится съ Пигорини и Гельбигомъ, но онъ рѣшительно расходится съ ними въ воззрѣніи на происхожденіе культуры начального желѣзнаго вѣка въ Италіи. Культура эта представлена особенно инвентаремъ приболонскихъ могильниковъ, главнымъ образомъ могильника Виллановы; она выказываетъ сходство съ культурой *террамаръ* бронзоваго вѣка въ обрядѣ трупосож-

женія, въ обилии бронзовыхъ предметовъ, но погребальныя сосуды (оссуаріи) имѣютъ здѣсь другую форму (двухъ усѣченныхъ конусовъ, соединенныхъ основаніями), орнаментъ другой, бронзовыя издѣлія богаче и разнообразнѣе, наконецъ, здѣсь же встрѣчается желѣзо, сперва въ видѣ матеріала для украшеній, а затѣмъ и оружія, и буквенныя знаки на разныхъ предметахъ. Пигорини полагаетъ, что эта культура развилась изъ культуры террамаръ подъ дѣйствіемъ на нее иноземныхъ вліяній, но Модестовъ доказываетъ, что между двумя этими культурами больше различій, чѣмъ сходствъ. Онъ развиваетъ теорію, принятую ранѣе Бриціо, по которой культура Виллановы была внесена новой иммиграціей, новымъ народомъ,—не этрусками, которые, по предположенію Гельбига, вышли изъ Ретійскихъ Альпъ въ долину По и положили конецъ эпохѣ террамаръ, не галлами, венетами или иллирійцами, какъ предполагали другіе, а—согласно съ Бриціо — умбрами, племенемъ также арійскимъ, родственнымъ обитателямъ террамаръ, но говорившимъ другимъ языкомъ и пришедшимъ изъ Карійскихъ Альпъ. Умбры заставили жителей террамаръ покинуть ихъ свайныя постройки, но они, какъ выражается Модестовъ, «не соблазнились ихъ (латинянъ) смрадными жилищами, чтобы занять ихъ» *), а предпочли новыя мѣста, на территоріи нынѣшней Болоньи, распространившись затѣмъ и въ сосѣднія области. Здѣсь и развилась новая «желѣзная» культура, принесенная въ своей основѣ изъ-за Альпъ, примѣрно, за 1100 лѣтъ до нашей эры, и которая позже открывается въ цвѣтущемъ состояніи въ могильникахъ Истріи, Крайны и въ знаменитомъ Галльштатскомъ могильникѣ въ Зальцкаммергутѣ. Дальнѣйшее развитіе этой культуры на почвѣ Италіи проф. Модестовъ приписываетъ вліянію иностранной морской торговли, но не финикіянъ, какъ принимали нѣкоторые ранѣе, а іоническихъ грековъ, начавшихъ появляться съ своими судами у береговъ Италіи ранѣе финикіянъ, за тысячу лѣтъ до нашей эры, и внесшихъ, между прочимъ, характерныя мотивы геометрическаго орнамента, встрѣчающіеся на глиняныхъ сосудахъ эпохи Виллановы.

Преслѣдуя свою ближайшую цѣль — прослѣдить начало Рима, проф. Модестовъ останавливается подробно на древнѣйшей культурѣ латинянъ въ Лаціумѣ, рассматриваетъ содержаніе ихъ могильниковъ въ Албанскихъ горахъ (съ трупосожженіемъ) и на римскихъ холмахъ (съ погребеніями) и анализируетъ вліанія, испытанныя латинянами, какъ въ погребальномъ обрядѣ и матеріальной культурѣ, такъ и въ языкѣ, отъ окружавшаго ихъ прежняго лигурійскаго населенія страны. Мы не станемъ приводить подробно всѣхъ этихъ данныхъ и основанныхъ на нихъ выводовъ; ограничиваемся только

*) Обитатели террамаръ бросали свои отбросы поблизости своихъ жилищъ, вслѣдствіе чего, съ теченіемъ времени, накопились мощные слои ихъ, которые образовали впоследствии плодородную жирную землю (terra marra), употребляемую нынѣ для удобренія полей.

указаніемъ на оригинальность послѣднихъ и на то, что авторъ старается всюду подкрѣпить ихъ болѣе или менѣе убѣдительными соображеніями, отстаивая въ то же время свою теорію о связи древнѣйшей латинской культуры Лаціума съ еще болѣе древней культурой бронзоваго вѣка террамаръ. Не считаемъ мы возможнымъ для себя и подвергать выводы автора полному критическому разбору, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ его выводовъ основаны на чисто филологическихъ соображеніяхъ, провѣрять которые мы признаемъ себя совершенно некомпетентными. Мы позволимъ себѣ остановиться только на нѣкоторыхъ антропологическихъ и отчасти археологическихъ данныхъ и соображеніяхъ проф. Модестова, имѣющихъ, впрочемъ, важное значеніе для основныхъ тезисовъ его труда.

Обратимся прежде всего къ вопросу о древнѣйшемъ населеніи Италіи. Принадлежность его средиземной расѣ, т.-е. той расѣ, представителей которой мы встрѣчаемъ и на Пиренейскомъ полуостровѣ, и въ южной части Балканскаго, и въ сѣверной Африкѣ, едва ли можетъ подлежать сомнѣнію; сходство въ физическомъ типѣ народностей находить себѣ въ данномъ случаѣ параллели и вообще въ органическихъ формахъ средиземной области, которая и по характеру своей растительности и животному міру отличается отъ отдѣленной отъ нея горными хребтами средней Европы. Труднѣе выяснить себѣ генезисъ и распространеніе этой расы. Серджи, какъ мы видѣли, выводитъ ее изъ восточной Африки, изъ области хамитовъ, считаетъ ее африканскою. Въ Европу, по его мнѣнію, она перешла въ эпоху *Madelaine* и распространилась затѣмъ до сѣверныхъ предѣловъ нашей части свѣта. Здѣсь, въ средней Европѣ человекъ существовалъ еще съ начала палеолитической эпохи, но раса, которою онъ былъ представленъ и остатки которой мы имѣемъ въ извѣстныхъ скелетахъ изъ пещеръ Неандертальской, *Spy* и нѣкоторыхъ другихъ, отличалась по типу отъ средиземной и выказывала болѣе низкое строеніе. Эта древнѣйшая раса затѣмъ вымерла, хотя типъ ея встрѣчается еще и теперь, какъ спорадически у отдѣльныхъ особей, такъ и въ населеніи нѣкоторыхъ мѣстностей (напр., въ Фрисландіи — по Вирхову). Распространившись по Европѣ, средиземная раса подверглась здѣсь, на сѣверѣ, по словамъ Серджи, извѣстному измѣненію въ своемъ типѣ, пріобрѣла болѣе свѣтлую комплексію (бѣлокурость, голубоглазость), болѣе высокій ростъ, но сохранила прежнія формы черепа. Эту, нѣсколько видоизмѣненную расу мы встрѣчаемъ въ древнихъ германскихъ курганахъ (*Reihengraber*), въ скандинавскихъ могилахъ, а также и въ современномъ, долихо- или мезоцефальномъ населеніи Скандинавіи, Великобританіи, Франціи и т. д. Но уже въ концѣ неолитической эпохи, а особенно въ энеолитическій періодъ, появляется въ Европѣ и другая раса, азіатскаго происхожденія, съ короткимъ и широкимъ черепомъ, брахицефальная и широколицая. Эта иммиграція, сначала мирная, сопровождается нашествіемъ воинственныхъ народовъ, тоже азіатскаго происхожденія и той же расы, но уже съ явственными

признаками арийских племенъ. Эти арийцы принесли съ собою обрядъ трупосожженія и бронзовую промышленность; они распространились по всей средней Европѣ до крайнихъ западныхъ ея предѣловъ и составили населеніе, ставшее извѣстнымъ подъ именемъ кельтовъ, германцевъ и славянъ. Такимъ образомъ, по Серджи, современное населеніе Европы является потомствомъ двухъ главныхъ расъ (не считая неандертальской): африканской (*specie eurafricana*) и азиатской (*sp. eurasiatica*). Первая, африканская раса образовала съ теченіемъ вѣковъ три подрасы: а) собственно африканскую — темнокожую — въ Абиссиніи, въ странѣ галласовъ, сомали, массаевъ, фульбе и др., б) средиземную — въ сѣв. Африкѣ отъ Египта до Канарскихъ острововъ, въ зап. Азіи и въ южн. Европѣ, и в) «сѣверную» — въ сѣверной и отчасти средней Европѣ. Между «сѣверной» и средиземной вклинилась раса азиатская, арийская, распространившаяся и по всей Европѣ, которая стала арийской по языку, но сохранила въ различныхъ своихъ частяхъ и характерные признаки своихъ древнихъ расовыхъ типовъ.

Такова теорія Серджи. Она можетъ представляться остроумною и опирающеюся на достаточное число фактовъ. Сходство по долихоцефаліи типовъ сѣверной Европы и средиземной области при отличіи ихъ по цвѣту волосъ и глазъ, чертамъ лица, росту и другимъ признакамъ, преобладаніе брахицефаліи въ средней Европѣ, въ областяхъ, которыя были заняты нѣкогда кельтами, а теперь романскими, нѣмецкими и славянскими племенами, существованіе средиземной расы, все это принимается теперь большинствомъ антропологовъ, которые, независимо отъ Серджи, пришли къ признанію въ Европѣ трехъ главныхъ расъ: средиземной, «сѣверной» (*race nordique*) и «альпійской» — по географической связи ея съ альпійскими и прилегающими къ нимъ странами. Но въ пониманіи этихъ расъ большинство антропологовъ расходится съ Серджи, именно полагаетъ, что «сѣверная» раса есть вполне самостоятельная, отличающаяся совокупностью своихъ признаковъ отъ расы средиземной и притомъ по преимуществу арийская, такъ какъ къ ней должны быть отнесены древніе германцы и славяне. Что же касается «альпійской», брахицефальной расы, то нѣкоторые видятъ въ ней доарійское населеніе, сохранившееся въ болѣе горныхъ мѣстностяхъ, но усвоившее себѣ также арийскіе языки и культуру, и распространившееся затѣмъ почти по всей средней и отчасти южной и сѣверной Европѣ, причемъ ея типъ сталъ даже съ теченіемъ времени преобладающимъ какъ среди германцевъ, такъ и славянъ, даже среди сѣверныхъ итальянцевъ, въ Греціи и т. д. Во всякомъ случаѣ считать арийскимъ типомъ только свойственный «альпійской» расѣ мы не имѣемъ основаній, равно какъ и считать «сѣверную», свѣтловолосую расу потомкомъ южной, смуглой, средиземной. Замѣтимъ еще, что болѣе внимательный анализъ открываетъ въ Европѣ еще большее число расовыхъ типовъ, такъ что нѣкоторые исследователи принимаютъ не менѣе шести расъ, между которыми суще-

ствуютъ разнообразныя продукты смѣшенія, причемъ еще значительныя области Европы остаются совершенно неизслѣдованными въ антропологическомъ отношеніи *).

Кромѣ того, современная антропология пришла къ нѣскольکو иному выводу относительно Неандертальской расы. Проф. Швальбе показалъ, что черепа изъ пещеръ Неандертальской и Спи представляютъ такія особенности въ своемъ строеніи, которыя отличаютъ ихъ отъ всѣхъ извѣстныхъ человѣческихъ череповъ и позволяютъ выдѣлить ихъ въ особый видъ (*Homo neanderthalensis* или *primigenius*, отличный отъ настоящаго человѣка—*Homo sapiens*). Признаки неандертальскаго человѣка были найдены также на нѣкоторыхъ ископаемыхъ челюстяхъ изъ Бельгіи и Моравіи, на фрагментахъ череповъ изъ Крапины въ Кроаціи, но ихъ напрасно было бы искать на мнимо-неандертальскихъ черепахъ, встрѣчающихся и у современнаго населенія. Аналогія съ этой расой первобытныхъ австралійцевъ, по изслѣдованіямъ Швальбе, также не подтверждается; австралійцы, несомнѣнно, относятся къ группѣ *Homo sapiens*. Нѣкоторое сходство въ развитіи надбровныхъ дугъ и покатости взадъ неба не устраняетъ различія по существу, и неандертальская раса, несомнѣнно, вымерла еще въ палеолитическій періодъ **). Уже въ ту отдаленную эпоху рядомъ съ нею существовала (во Франціи, Бельгіи) другая раса, съ болѣе высокой черепной организаціей, сходная съ тою, какую мы встрѣчаемъ и во многихъ могильникахъ неолитической эпохи. Поэтому, если признавать, что древнѣйшее населеніе Европы (послѣ неандертальской) принадлежало средиземной расѣ, то необходимо допустить, что раса эта перешла въ Европу еще въ палеолитическую эпоху.

Это и признаютъ проф. Серджи и проф. Модестовъ. Первый предполагаетъ, что переходъ изъ Африки въ Европу послѣдовалъ въ эпоху Маделенъ, второй,—что онъ совершился въ то время, когда Африка была связана съ Европой сушею, или перешейками, служившими мостами для перехода на Пиринейскій полуостровъ и въ Сицилію. Но такое состояніе средиземной области, когда существовала еще непосредственная связь между Европой и Африкой, когда на мѣстѣ Средиземнаго моря находились разобщенныя между собою

*) W. J. Ripley, *The Races of Europe*. L. 1900; J. Deniker, *Les races et le peuples*, P. 1900; его-же статьи въ „Bull. Soc. d'Anthr.“. Ser. 4, VIII и „Mém. Soc. d'Anthr.“. 1899.

**) G. Schwalbe, *Der Neanderthalschädel*, въ „Bonner Jahrb.“. H. 166, 1901; его-же въ „Verh. Anat. Ges.“. Bonn. 1901; H. Klaatsch, „Die fossil. Knochen d. Menschen“ въ „Ergebn. d'Anatomie“ etc. her. v. Merkel und Bonnet. 1900; его-же большая статья во II томѣ „Weltall und Menschheit“ her. v. Kraemer. Въ новѣйшее время найдены еще другіе замѣчательные остатки этой расы во Франціи, а именно Hauser'омъ въ нижнемъ гроттѣ Мустье, описанные проф. Клячемъ, и—аббатомъ Буиссономъ въ пещерѣ Chapelle aux Saints (Corrèze), описанные проф. Булемъ. Еще болѣе примитивныя признаки выказываетъ нижняя челюсть, найденная въ пескахъ Мауэра, близъ Гейдельберга и изученная Шётензакомъ, который описалъ ее какъ принадлежавшую особому виду *Homo heidelbergensis*.

внутреннія моря, относится, несомнѣнно, къ весьма древнему періоду, къ непосредственно слѣдовавшей за третичной эрой постплюцеловой эпохѣ, отдѣленной многими тысячелѣтіями отъ эпохи неолитической. Между тѣмъ, Серджи приурочиваетъ время распространенія средиземной расы въ Европѣ къ концу палеолитической эпохи, къ эпохѣ *Madelaine*, которая соотвѣтствуетъ, несомнѣнно, концу послѣдняго ледниковаго періода, когда ледниковый покровъ сѣвера Европы и ледники въ Альпахъ достигали еще значительной мощности и арктическія формы животныхъ распространялись до Пиринеевъ и Альповъ. Въ это время иммиграція африканской расы въ среднюю Европу едва ли была мыслима; Альпы и Пиринеи были скованы тогда мощною зоной льдовъ и снѣговъ, переходъ черезъ которую долженъ былъ представлять громадныя трудности. Обитатели средней Европы (Франціи, Бельгіи, Швейцаріи, южной Германіи) должны были напоминать въ то время эскимосовъ; они жили охотой, одѣвались въ звѣриныя шкуры, искали убѣжища въ пещерахъ, проявляли большое искусство въ обдѣлкѣ кости и оленьяго рога, а мѣстами, напр. во Франціи, и въ художественной рѣзбѣ, въ реальномъ изображеніи охотничьихъ животныхъ (сѣв. оленя, дикой лошади, первобытнаго зубра и др.) какъ на издѣліяхъ изъ кости и оленьяго рога, такъ и въ гравюрахъ на стѣнахъ пещеръ *). Очевидно, это была какая-то арктическая раса, приспособившаяся къ условіямъ тогдашняго климата и окружающей природы, жившая здѣсь въ теченіе долгаго времени. Сомнительно, чтобы эта раса была продуктомъ Африки, которая могла выслать эмигрантовъ въ южную Европу, но не въ холодныя, окаймленные оледенѣлой альпійскою зоною, области средней Европы. Кромѣ того, есть и другія указанія, что именно неолитическая эпоха (въ среднеевропейскомъ смыслѣ) была временемъ усиленнаго передвиженія народовъ. На это указываютъ: появленіе прирученныхъ животныхъ и воздѣлываемыхъ растеній, и притомъ въ формахъ, ведущихъ свое происхожденіе съ юга, изъ западной (Передней) Азіи и сѣверной Африки; новый типъ жилищъ — на сваяхъ, въ озерахъ (пфальбауты Швейцаріи и т. д.), а мѣстами также въ искусственно выдолбленныхъ въ скалахъ пещерахъ; новый типъ погребальныхъ сооружений изъ большихъ каменныхъ глыбъ (мегалитическихъ), такъ наз. дольменовъ, которые мы встрѣчаемъ, начиная съ зап. Азіи и сѣв. Африки, почти по всей западной окраинѣ Европы, на Пиринейскомъ полуостровѣ, во Франціи, Даніи и т. д., и которые относятся къ неолитическому и началу металлическаго вѣка (мѣстами и болѣе позднему). Есть поэтому многія основанія полагать, что распространеніе средиземной расы относится по преимуществу къ неолитической эпохѣ, и что раса эта явилась уже не первымъ этническимъ наслоеніемъ на почвѣ южной Европы.

*) На стѣнахъ многихъ пещеръ Франціи и сѣв. Испаніи найдены еще фрески (красною, коричневою, черною краскою), изображающія зубровъ, лошадей, оленей, кабановъ и другихъ животныхъ, а мѣстами также отпечатки ладоней и разные знаки.

Относительно того, откуда и по какимъ путямъ распространилась эта раса, покуда еще трудно дать рѣшительный отвѣтъ. Проф. Серджи и проф. Модестовъ утверждаютъ, что она перешла въ южную Европу изъ сѣверной и сѣверо-восточной Африки, но можно высказывать предположеніе, что исходнымъ пунктомъ ея была западная Азія и даже, что она перешла въ сѣверную Африку изъ Европы. Вообще говоря, мы имѣемъ болѣе указаній на иммиграцію въ Африку, чѣмъ обратно. За историческое время въ Африку иммигрировали (кромѣ европейцевъ за послѣдніе четыре вѣка, въ колоніи) турки, арабы, ранѣе вандалы, римляне, греки; въ Абиссинію былъ внесенъ семитическій элементъ изъ Аравіи; начало египетской культуры связываютъ также съ появленіемъ въ долину Нила пришельцевъ изъ Азіи. Въ восточной и центральной тропической Африкѣ мы видимъ господство хамитическихъ племенъ номадовъ, пришедшихъ съ востока, надъ земледѣльцами неграми. Даже самая типичная темнокожая и шерстоловая раса Африки можетъ быть, какъ полагаютъ нѣкоторые, азіатскаго происхожденія. Извѣстно, что негритянской, чернокожей элементъ сохранился еще и теперь коегдѣ въ южной Азіи (негритосы Андаманскихъ и Филиппинскихъ острововъ, нѣкоторые племена Малаккского полуострова, папуасы и т. д.); съ другой стороны, древнѣйшимъ населеніемъ Африки было, повидимому, менѣе темнокожее, представленное т. наз. карликовыми племенами центральной Африки и бушменами южной. Относительно кафровъ извѣстно, что они пришли въ южную Африку съ сѣвера и оттѣснили къ западу бушменовъ и готтентотовъ; въ западной тропической Африкѣ нѣкоторые племена оказываются пришедшими сравнительно недавно съ востока. Можно указать также на нѣкоторые факты въ пользу перехода средиземной расы изъ Европы въ Африку. Древнѣйшіе слѣды человѣка найдены покуда въ Европѣ, а не въ Африкѣ, хотя въ послѣдней, даже на югѣ, были открыты древнія каменные орудія тѣхъ же типовъ, что въ Европѣ (напр., типы Chelles). Мы видѣли выше, что въ Италіи находили въ отложеніяхъ каменнаго вѣка «негрообразные» черепа. Возможность доисторической иммиграціи изъ Европы въ Африку доказывали Пенка, Пёше и др. Относительно дольменовъ извѣстно, что въ то время, какъ на сѣверѣ, напр., въ Даніи, Бретани они относятся, несомнѣнно, къ неолитическому вѣку, въ средней Франціи въ нихъ уже встрѣчается мѣстами бронза, а южнѣе, напр., въ Алжирѣ, и желѣзо. Недавно Верно описалъ человѣческіе скелеты, найденные въ глубокихъ слояхъ одной пещеры близъ Ментоны; на черепахъ этихъ скелетовъ Верно констатировалъ негрообразные признаки и высказалъ предположеніе, что «первобытный черный человѣкъ» развился въ Европѣ, откуда и перешелъ затѣмъ въ Африку. Мы не думаемъ утверждать, что доводы Верно и другихъ сторонниковъ европейскаго происхожденія африканскихъ расъ болѣе обоснованы и заслуживаютъ большаго вниманія, но они свидѣлствуютъ, какъ темны еще эти вопросы о связи между африканскими и европейскими

расами и какъ недостаточны еще имѣющіеся факты для ихъ разрѣшенія *).

Допуская даже, что нѣкоторыя южно-европейскія народности сложились изъ элементовъ первоначально африканскаго происхожденія, мы не въ состояніи сказать съ увѣренностью, какими путями шло распространеніе этихъ элементовъ и какія происходили здѣсь послѣдовательно этническія наслоенія. Проф. Модестовъ полагаетъ, что сиканы образовались изъ народности, перешедшей въ Сицилію непосредственно изъ Африки, а сикулы были вѣтвью лигуровъ, которые проникли въ Европу, вмѣстѣ съ иберами, чрезъ Пиринейскій полуостровъ, но прошли затѣмъ на полуостровъ Аппенинскій. Въ дѣйствительности же мы знаемъ лигуровъ только въ сѣверо-западной Италіи и юго-восточной Франціи, и хотя Серджи видитъ въ нихъ несомнѣнныхъ представителей средиземной расы, однако, они отличаются по типу какъ отъ населенія южной Италіи, такъ и отъ главной массы населенія Иберійскаго (Пиринейскаго) полуострова. Въ антропологическомъ отношеніи южная Италія представляетъ замѣтныя отличія отъ сѣверной и даже средней, какъ въ этомъ убѣждаютъ результаты массовыхъ наблюденій Ливи надъ современнымъ населеніемъ (новобранцами), воспроизведенные картографически **). Изъ сравненія этихъ картограммъ видно, что, напр., средній головной показатель (относительной ширины головы) по округамъ варіируетъ отъ 75—81 въ южной Италіи, Сициліи и Сардиніи, до 81—87 въ сѣверной Италіи, т.-е., что южная Италія населена преимущественно долихо-и мезоцефалами, а сѣверная — брахицефалами. Подобнымъ же образомъ процентъ чистыхъ брюнетовъ (съ темнымъ цвѣтомъ волосъ и глазъ и смуглой кожей) замѣтно больше въ южной Италіи, Сициліи и Сардиніи, чѣмъ въ Пьемонтѣ, Ломбардіи, Венеціанской области, Тосканѣ, Лигуріи, гдѣ, наоборотъ, выше процентъ высокорослыхъ особей (болѣе 169 сант.), именно достигаетъ 25 — 30, тогда какъ въ южной Италіи и въ Сардиніи онъ понижается до 20 — 6%. Это антропологическое различіе стоитъ, очевидно, въ связи съ различіемъ этническихъ наслоеній; населеніе южной Италіи сложилось изъ другихъ элементовъ, чѣмъ населеніе сѣверной; сѣверъ населили послѣдовательно лигуры, кельты, вены и другіе народы, югъ и Сардинію — «средиземцы», греки и т. д. Если Италія и заселена была средиземной расой, то современные сѣверные итальянцы уже не средиземцы по своему типу; если лигуры и принадлежали нѣкогда къ средиземцамъ, то они испытали затѣмъ воздѣйствіе другихъ расъ, измѣнившее отчасти ихъ типъ, а отчасти, можетъ быть, и языкъ; не безъ

*) „Негрообразные“ признаки, констатированные Верно на черепахъ изъ гроттовъ близъ Ментоны, сводятся, главнымъ образомъ, къ прогнатизму этихъ череповъ, но прогнатизмъ встрѣчается нерѣдко и у западно-европейскаго населенія.

**) Картограммы эти приведены у Ripley'я 1. с. и отчасти у Ранке, „Человѣкъ“, т. II.

извѣстныхъ же основаній многіе филологи считаютъ древнихъ лигуровъ племенемъ арійскимъ.

Вообще необходимо строго различать понятіе о расѣ отъ понятія о племени. Раса есть понятіе морфологическое, племя — лингвистическое. Одна раса можетъ заключать въ себѣ разныя племена, одно племя можетъ быть представлено особями различныхъ расъ. Арійцы, напр., есть понятіе лингвистическое; въ него входятъ всѣ племена, говорящія на арійскихъ языкахъ. Въ настоящее время мы видимъ, что на языкахъ этого корня говорятъ представители различныхъ расъ, — и брахицефалы и долихоцефалы, и брюнеты и блондины, и высокорослые и малорослые. И такъ было въ теченіе всей исторической эпохи, да, повидимому, и въ теченіе доисторической. Уже въ неолитическую эпоху мы находимъ въ однихъ могильникахъ (напр., въ «длинныхъ» могилахъ Англіи) долихоцефаловъ, въ другихъ (напр., въ нѣкоторыхъ могильникахъ каменнаго вѣка Германіи) — брахицефаловъ. Мы не можемъ, конечно, сказать, на какомъ языкѣ говорили погребенные въ этихъ могилахъ, но мы знаемъ, напр., что въ Швеціи, въ могилахъ викинговъ, поздняго желѣзнаго вѣка, несомнѣнно — могилахъ арійцевъ, черепа не отличаются по типу (долихоцефальному) отъ могилъ той же страны, относящихся къ бронзовой и къ еще болѣе древней неолитической эпохѣ *). Наоборотъ, въ Швейцаріи и нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи — черепа изъ свайныхъ построекъ также брахицефальны, какъ и черепа изъ могилъ гораздо болѣе поздней эпохи, уже, несомнѣнно, арійской. Какимъ черепомъ обладали праарійцы, мы не знаемъ, но въ извѣстныхъ намъ могилахъ неолитической, бронзовой и желѣзной эпохъ зап. Европы мы встрѣчаемъ, въ однѣхъ областяхъ, преобладаніе долихоцефальнаго типа, въ другихъ — брахицефальнаго, причемъ мѣстами замѣчается смѣна типовъ, т.-е. типъ позднѣйшей эпохи отличается отъ типа эпохи болѣе древней, но мы не можемъ часто сказать, какой изъ этихъ типовъ надо считать арійскимъ *par excellence*.

Проф. Серджи, а за нимъ и проф. Модестовъ признаютъ, что арійцы есть терминъ не только лингвистическій, но и расовый; они связываютъ представленіе объ арійскихъ языкахъ и племенахъ съ понятіемъ объ особой арійской расѣ, явившейся изъ Азіи. Но, во-первыхъ, нельзя считать аксіомой, что арійскій языкъ образовался въ Азіи и что первобытные арійцы пришли изъ этой части свѣта; многими учеными высказывалось и доказывалось мнѣніе, что прародина арійцевъ въ Европѣ (по однимъ между Балтійскимъ и Чернымъ морями, по другимъ — въ Скандинавіи и т. д.). Но, если и допустить, что они пришли изъ Азіи, то и тамъ мы видимъ те-

*) *Montelius*, Les temps préhistoriques en Suède. 1895; *G. Retzius*, *Crania suecica antiqua*. St. 1900. Впрочемъ, уже въ неолитическую эпоху замѣчается въ Швеціи нѣкоторая примѣсь мезо-и брахицефальныхъ череповъ. Тѣмъ не менѣе Ретціусъ признаетъ долихоцефальный типъ преобладающимъ, начиная съ каменнаго вѣка, и считаетъ его арійскимъ (германскимъ).

перъ арійскія племена различнаго физическаго типа, относящіяся къ различнымъ расамъ. Типы долихоцефальныхъ индусовъ, мезо-и долихоцефальныхъ персовъ и крайне брахицефальныхъ таджиковъ средней Азіи — представляютъ такія же рѣзкія различія, какъ и соотвѣтственные черепные типы въ Европѣ. Серджи сопоставляетъ брахицефалію арійцевъ (по его представленію) съ брахицефаліей «туранцевъ» (тюрковъ, монголовъ и т. д.), но, не говоря о томъ, что одинаковыя степени брахицефаліи могутъ сопровождаться существенными различіями въ другихъ антропологическихъ признакахъ, слѣдуетъ принять во вниманіе, что среди урало-алтайскихъ племенъ и ихъ родичей въ восточной Азіи мы встрѣчаемъ, мѣстами, мезо-и долихоцефаловъ (въ древнихъ могилахъ Монголіи, у вогуловъ и остяковъ, у туркменъ, у айновъ, у японцевъ, китайцевъ); долихоцефалія преобладала также у древнихъ скиѳовъ вост. Европы.

Что племена, иммигрировавшія въ Италію съ сѣвера, начиная съ конца неолитической эпохи, а въ особенности въ бронзовый и желѣзный вѣкъ, были арійскими, это весьма вѣроятно, какъ и то, что среди нихъ преобладалъ брахицефальный элементъ. Мы уже говорили выше, что этотъ элементъ преобладалъ и въ населеніи неолитическихъ свайныхъ построекъ Швейцаріи; съ другой стороны мы знаемъ, что этотъ же элементъ преобладаетъ въ настоящее время во всей альпійской области и во всей сѣверной Италіи отъ Пьемонта до Венеціи. Изъ этого не слѣдуетъ, однако, заключать, что въ числѣ арійскихъ племенъ, спускавшихся въ долину По, не могло быть долихоцефальныхъ; такими, несомнѣнно, были позднѣйшіе германцы, лонгобарды, но такими могли быть и племена болѣе древнія. Извѣстно, напр., что въ Галльштатскомъ могильникѣ IV вѣка до Р. Х. преобладаютъ черепа долихоцефальные. Если бы оказалось, что, напр., обитатели террамаръ или населеніе, погребенное въ могильникѣ Виллановы, было долихоцефальнымъ, то одинъ этотъ признакъ не могъ бы еще свидѣтельствовать въ пользу того, что это не были арійцы.

Доказательствами арійзма обитателей террамаръ проф. Модестовъ считаетъ слѣдующіе факты: 1) они внесли въ Италію обрядъ трупосожженія; 2) они были распространителями бронзовой культуры; 3) они принесли съ собою арійскій языкъ. Послѣднее доказательство основано, однако, только на томъ, что нельзя представить себѣ, какой же другой народъ могъ его внести въ Италію, такъ какъ собственно о языкѣ обитателей террамаръ никакихъ свѣдѣній не имѣется. Но, какъ доказываютъ многіе филологи, арійскій языкъ могъ быть распространенъ уже лигурами, которымъ нѣкоторые археологи приписываютъ и самыя террамары. Что касается бронзы, то распространителями ея были не исключительно арійцы, которые сами заимствовали ее въ разное время съ Востока. Введеніе бронзы не вездѣ сопровождалось вторженіемъ или иммиграціей новыхъ племенъ. Мы уже упоминали, что въ Швеціи, напр., изученіе череповъ изъ древнихъ могилъ доказываетъ, что тамъ измѣ-

неніе культуры отъ неолитической до культуры поздняго желѣзнаго вѣка не сопровождалось измѣненіемъ черепного типа, который бы указывалъ на массовое вторженіе новаго племени. Въ другихъ мѣстностяхъ, однако, появленіе бронзы сопровождалось появленіемъ новаго типа череповъ. Такъ это было въ Англіи, гдѣ погребенія бронзоваго вѣка (round barrows) характеризуются обыкновенно и болѣе круглыми, брахицефальными черепами. Это было указано еще Ролльстономъ, Тёрнемомъ и Дэвисомъ, а въ новѣйшее время — Эберкромби, который обратилъ также вниманіе на характерные для этихъ погребеній типы высокогорлыхъ (кубкообразныхъ) глиняныхъ сосудовъ съ геометрическимъ (преимущественно треугольнымъ) орнаментомъ. Оказывается, что сосуды такого же типа были найдены въ могильникахъ Голландіи, при-рейнской области, на р. Заалѣ (близъ Галле) и въ Богеміи, причемъ, однако, здѣсь они встрѣчаются въ могилахъ, относимыхъ обыкновенно къ неолитической эпохѣ *). Повидимому, населеніе, жившее здѣсь, въ Германіи, въ каменномъ вѣкѣ, спустилось вдоль Рейна въ Голландію и оттуда перешло въ Англію, но уже усвоивъ себѣ зачатки бронзовой промышленности. Вообще же бронза и бронзовые издѣлія распространялись съ Востока, отчасти морскимъ путемъ, чрезъ посредство финикіянъ и грековъ, въ Испанію, южную Францію, къ берегамъ Италіи, отчасти сухопутнымъ — чрезъ Балканскій полуостровъ, по долину Дуная, въ Германію и Италію, и по Ронѣ въ Галлію и далѣе, черезъ Ламаншъ, въ Британію.

Обрядъ трупосожженія, самъ по себѣ, также не является характерною особенностью арійской культуры. Онъ былъ бы типичнымъ для арійцевъ только въ томъ случаѣ, если бы онъ существовалъ у нихъ со времени ихъ появленія въ Европѣ и не былъ бы извѣстенъ другимъ племенамъ. Но трупосожженіе было распространено и въ другихъ частяхъ свѣта, а съ другой стороны его не было и у нѣкоторыхъ арійскихъ племенъ или оно появилось у нихъ только въ извѣстную и иногда сравнительно позднюю эпоху. Обрядъ трупосожженія былъ, напр., распространенъ у индѣйцевъ Сѣв. Америки, особенно у племенъ къ западу отъ Скалистыхъ горъ, въ Калифорніи, Орегонѣ, также южной части территоріи Юта, и въ приморской сѣверо-западной Америкѣ **). Извѣстенъ онъ былъ и вавилонянамъ (сеμίтамъ зап. Азіи), и даже ихъ предшественникамъ, суммерійцамъ, какъ то доказываютъ открытія Кольдевеемъ и Хильпрехтомъ большихъ могильниковъ съ трупосожженіемъ на почвѣ древняго Вавилона. Отсюда, изъ Передней Азіи можетъ быть и распространился этотъ обрядъ въ окрестныя страны, въ Индію,

*) *Abercromby*, The oldest Bronze-Age Ceramic Type in Britain" etc. въ „Journ. of Anthr. Inst.“, v. XXXIII, 1902; *Könen*, Gefässkunde. 1895. О смѣшеніи двухъ расъ въ Англіи см. еще *Th. Bryce*, On prehist. hum. remains found in the island of Arran; „Journ. Anthr. Inst.“. V. XXIII.

**) *Jarrow*. On the Mortuary Customs of the North-Americ. Indians, въ „Ann. Report of the Bureau of Ethnology“. 1879—80.

Малую Азію, Грецію и т. д. Но не всѣ арійскія племена его себѣ усвоили; самъ Модестовъ отмѣчаетъ, что его не было у иранцевъ; не было его и у скифовъ (у которыхъ едва ли можно отрицать арійскій элементъ), а у другихъ племенъ Европы онъ появился въ разное время. Кое-гдѣ мы встрѣчаемъ его уже въ неолитическую эпоху, но сравнительно рѣдко; чаще — въ эпоху бронзы, но и то не вездѣ и въ теченіе не всей этой эпохи. Такъ, напр., въ юго-западной Германіи онъ сталъ распространяться только во вторую половину бронзоваго вѣка, въ Швеціи сталъ господствовать только въ третью (последнюю) изъ принимаемыхъ тамъ археологами бронзовыхъ эпохъ. Въ иныхъ мѣстностяхъ обрядъ этотъ держался, повидимому, долго, въ другихъ существованіе его было болѣе кратковременнымъ и распространеніе болѣе спорадичнымъ. Мѣстами мы встрѣчаемъ трупосожженіе рядомъ съ погребеніемъ или последнее преобладаетъ. Въ Швеціи обрядъ этотъ исчезъ позже, чѣмъ въ Германіи; въ Россіи (за исключеніемъ Привислянскаго края и смежныхъ ему мѣстностей) онъ является, сравнительно, позднимъ и относительно рѣдкимъ, хотя мы встрѣчаемъ его и въ княжескихъ черниговскихъ курганахъ, и въ части гнѣздовскихъ (близъ Смоленска), и въ курганахъ мерянъ, и въ Курманскомъ могильникѣ на Окѣ (вѣроятно — финскомъ). Во всякомъ случаѣ считать трупосожженіе непремѣннымъ признакомъ арійцевъ, даже въ бронзовую эпоху, едва ли возможно. Если бы обитатели террамаръ оставили послѣ себя могильники съ погребеніями, этотъ фактъ, самъ по себѣ, еще не могъ бы считаться доказательствомъ неарійзма этого племени.

Мы сказали выше, что предположеніе о приходѣ обитателей террамаръ съ сѣвера, изъ-за Альпъ, или изъ долины Дуная, представляется весьма вѣроятнымъ. Но несомнѣннымъ признанъ онъ быть не можетъ. Ранѣе, когда террамары были извѣстны только на сѣверѣ, въ долинѣ По, естественно было заключать, что онѣ были дѣломъ народа, пришедшаго изъ соседнихъ альпійскихъ странъ, гдѣ уже ранѣе, въ неолитическую эпоху, былъ распространенъ обычай жить въ постройкахъ на сваяхъ. Но теперь, когда открыты слѣды террамаръ и ихъ культуры близъ Тарента, въ Пиценѣ близъ Оффиды, въ нынѣшней Базиликатѣ, вопросъ усложняется. Гёрнесъ не безъ основанія указываетъ на то, что доисторическая археологія южной Италіи стала разрабатываться только въ последнее время, и возможно, что въ будущемъ здѣсь будутъ сдѣланы новыя открытія, которыя прольютъ свѣтъ и на вопросъ о террамарахъ. И можетъ оказаться, что террамары появились ранѣе въ южной Италіи, на побережьи, а затѣмъ обычай воздвигать ихъ распространялся къ сѣверу и дошелъ, наконецъ, до долины По. А тогда и вся теорія о связи латинянъ съ обитателями террамаръ получила бы иное освѣщеніе.

Но существовала ли, дѣйствительно, эта непосредственная кровная связь между латинянами и строителями террамаръ? Шансы

утвердительнаго отвѣта на этотъ вопросъ сдѣлались бы очевидными, если бы въ Лаціумѣ открыты были слѣды такихъ же свайныхъ построекъ, какъ и въ долинѣ По. Но до сихъ поръ никакихъ слѣдовъ ихъ здѣсь не найдено, ни въ озерахъ, ни на сушѣ, — обстоятельство, неособенно благопріятное для теоріи проф. Модестова. Найдены, правда, нѣкоторые типичные бронзовые предметы культуры террамаръ, но большая часть ихъ происходитъ съ побережья Тирренскаго моря, куда они могли быть завезены по морю торговлею. Наконецъ, что также заслуживаетъ вниманія, въ древнѣйшихъ могильникахъ на римскихъ холмахъ (начала желѣзнаго вѣка) господствуетъ обрядъ погребенія, равно какъ и въ могилахъ сабинянъ и въ древнемъ Самніѣ (могильникъ въ Альфеденѣ, VII—III ст. до Р. X.), причемъ найденные въ этихъ могильникахъ черепа выказываютъ преобладаніе долихоцефалія — по Серджи — и типы, характерные для средиземной расы. Вообще, по Тедески, брахицефальныя формы череповъ становятся болѣе обыкновенными лишь въ римскихъ могилахъ императорской эпохи *). Все это можетъ быть эксплуатируемо въ пользу теоріи, что народъ и культура латинянъ были продуктами коренной, средиземной расы Италіи (какъ это и полагаетъ Серджи) и что связь древнѣйшаго Лаціума съ обитателями террамаръ основывалась только на культурныхъ вліяніяхъ.

Что касается до принимаемой проф. Модестовымъ общности психическихъ свойствъ, проявленныхъ, будто-бы, строителями террамаръ и древними латинянами, то это, конечно, аргументъ весьма шаткій, что и было отмѣчено, какъ Гёрнесомъ, такъ и Энманомъ. Гёрнесъ не безъ основанія замѣчаетъ, что если бы обитатели террамаръ были такимъ же стойкимъ и сплоченнымъ народомъ, какъ позднѣйшіе римляне, то Римъ долженъ былъ бы возникнуть на берегахъ По, а не Тибра **).

Наши замѣчанія, однако, слишкомъ разрослись, и пора ихъ кончить. Заключение, которое можетъ быть изъ нихъ выведено, — то, что вопросы о доисторической жизни Италіи и объ ея палеоэтнологіи очень трудны и сложны, что для окончательнаго ихъ рѣшенія требуются болѣе обширные и полные матеріалы, чѣмъ какіе пока собраны и имѣются, что для выясненія ихъ необходимо сопоставленіе цѣлаго ряда археологическихъ, антропологическихъ, этнологическихъ, даже геологическихъ, зоологическихъ и другихъ данныхъ. По отрывочнымъ указаніямъ, по случайнымъ находкамъ, по разрозненнымъ фактамъ приходится воссоздавать картину послѣдовательнаго развитія культуры, смѣны и образованія разныхъ народовъ, сложенія цѣлаго населенія страны и выступленія его на арену исторіи и цивилизаціи. Задача крайне трудная, для многихъ

*) G. Sergi. Crani umani delle antiche tombe di Alfedena, въ „Atti della Soc. Rom. di Antropologia“, v. VII. fasc. 1. 1900; E. Tedeschi, Crani romani, ibid, v. VIII. fasc. III. 1901—1902.

**) Hoernes, въ „Globus“, Bd. LXXXII, 1902, S. 8.

древнихъ эпохъ едва ли вполне осуществимая когда-либо. Тѣмъ не менѣе, трудность задачи не можетъ остановить пытливаго человѣческаго ума, и это тѣмъ болѣе, что передъ нами примѣры колоссальныхъ успѣховъ, достигнутыхъ со второй половины девятнадцатаго столѣтія по отношенію къ познанію исторической и доисторической жизни человѣчества въ разныхъ областяхъ земной поверхности. Успѣхи эти такъ велики и важны, что невольно вызываютъ надежду, что ими не закончится расширеніе нашего знанія, что они будутъ сопровождаться другими, которые еще болѣе обогатятъ наши свѣдѣнія о древнѣйшихъ эпохахъ въ жизни культурнаго человѣчества и внесутъ новый свѣтъ въ ихъ пониманіе. Но и накопленныхъ въ настоящее время фактовъ такъ много, что является настоятельная потребность въ ихъ сопоставленіи, въ подведеніи время отъ времени ихъ итоговъ, въ ихъ анализѣ и въ ихъ синтезѣ.

Для данныхъ доисторической археологіи уже давно сказалась эта потребность, вызвавшая появленіе многихъ общихъ сочиненій по доисторическимъ судьбамъ Европы. Но съ теченіемъ времени выясняется необходимость въ болѣе детальномъ изслѣдованіи отдѣльныхъ европейскихъ странъ съ точки зрѣнія ихъ доисторической археологіи и палеоэтнологіи. Попытки такихъ изслѣдованій мы имѣемъ уже для Франціи, Англіи, Скандинавскихъ странъ, Швейцаріи, Австріи, Германіи. Проф. Модестовъ сдѣлалъ такую попытку по отношенію къ Италіи, игравшей столь важную роль въ исторіи цивилизаціи. Знатокъ римской исторіи и литературы, онъ отнесся къ принятой имъ на себя задачѣ съ необыкновенной любовью и горячностью; онъ одолѣлъ всю, относящуюся до предмета, спеціальную литературу, изучилъ соотвѣтственныя древности въ музеяхъ, старался составить собственное мнѣніе по всѣмъ, связаннымъ съ задачей, вопросамъ, и въ результатѣ его многолѣтнихъ трудовъ явилось сочиненіе, «не имѣющее себѣ равнаго ни въ одной европейской литературѣ», по отзыву извѣстнаго спеціалиста въ археологіи Сал. Рейнака *). Въ предисловіи къ французскому изданію «Введенія» С. Рейнакъ указываетъ, что книга В. И. Модестова является выдающимся синтетическимъ трудомъ въ области доисторической археологіи Италіи. Это — не компиляція; пользуясь трудами Пигорини, Бриціо и другихъ итальянскихъ изслѣдователей, Модестовъ не слѣдуетъ слѣпо ихъ выводамъ; онъ подвергаетъ ихъ критикѣ и составляетъ свое мнѣніе, опираясь на факты. С. Рейнакъ находитъ, правда, что Модестовъ слишкомъ увлекается смѣлыми гипотезами Серджи, Милани и другихъ, что онъ не упоминаетъ о нѣкоторыхъ работахъ своихъ предшественниковъ, не принялъ во вниманіе нѣкоторые факты, но всѣ эти детальныя возраженія нисколько не умаляютъ, по мнѣнію

*) *Sal. Reinach*, въ журн. „L'Anthropologie“. Т. XIII, 1902, p. 371.: „L'ouvrage que M. Modestov vient de publier en russe n'a d'équivalent exact dans aucune autre littérature européenne“.

Рейнака, громадной пользы (*immense utilité*) работы Модестова. «Наука вообще и наука итальянская въ особенности, — говоритъ онъ, — обязаны Модестову глубокой благодарностью, первая — за то, что онъ снабдилъ ее удобнымъ и надежнымъ рабочимъ орудіемъ, вторая — за то, что онъ свелъ воедино и освѣтилъ полнымъ свѣтомъ ея прекрасныя открытія, вывелъ ее изъ полумрака, въ которомъ она осуждена была оставаться. Модестовъ далъ намъ сводку новыхъ фактовъ и идей, внесенныхъ итальянской наукой XIX вѣка въ антропологию и этнографию XX-го, и тѣмъ далъ возможность и облегчилъ всѣмъ интересующимся прямое использование обширной литературы, въ которой ученымъ по сую сторону Альпъ предстоитъ обильная жатва».

Такъ говоритъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ древностей и исторіи искусствъ, директоръ С. Жерменскаго музея и членъ франц. акад. наукъ, С. Рейнакъ. Къ этому отзыву нельзя не присоединиться. Трудъ В. И. Модестова составляетъ, несомнѣнно, крупный вкладъ въ палеоэтнологию, въ науку о доисторическихъ древностяхъ; онъ представляетъ собою сводку всѣхъ главнѣйшихъ фактовъ, имѣющихъ отношеніе къ эволюціи на почвѣ Италіи культуры бронзового и желѣзнаго вѣковъ къ происхожденію латинянъ и этрусковъ. Но это не только сводка фактовъ: это, вмѣстѣ съ тѣмъ, и ихъ истолкованіе, опытъ построения на основѣ ихъ опредѣленной теоріи о смѣнѣ культуръ и народностей и о доисторической исторіи протолатинянъ. Какъ и многія другія археологическія и этнологическія теоріи, она представляетъ и нѣкоторыя слабыя стороны, вызываетъ нѣкоторыя сомнѣнія, поднимаетъ новые вопросы, но это не отнимаетъ у нея значенія; всякая другая гипотеза на основѣ тѣхъ же фактовъ можетъ вызвать не менѣе, если не болѣе, сомнѣній. Возьмемъ, напр., гипотезу Серджи объ его средиземной расѣ, или — Софуса Мюллера, по которому даже древнѣйшая палеолитическая культура Chelles, не говоря уже о послѣдующихъ, пришла съ юго-востока Европы, или гипотезу Лапужа, Аммона, Вольтмана и др., по которой, напротивъ того, развитіе европейской культуры шло съ сѣвера и было связано съ распространеніемъ сѣверной аріійской (по преимуществу — германской) расы, которая создала не только палеолитическую и неолитическую культуры (за 10000 и болѣе лѣтъ), не только первая приручила многихъ домашнихъ животныхъ и положила основы земледѣлію, но и — проникнувъ въ Грецію, Италію, даже Египетъ — дала и тамъ толчокъ къ дальнѣйшей цивилизаціи, подобно тому, какъ это сдѣлали позже германцы, вторгнувшись въ Италію, Галлію, Испанію и т. д. По этой теоріи даже всѣ выдающіеся представители итальянскаго ренессанса (Данте, Микель-Анджело, Рафаэль, Хр. Колумбъ и мн. др.), даже творцы новѣйшей Италіи (Гарибальди, Кавуръ и др.), даже главные представители французской культуры, великой революціи и т. д. — были потомками германцевъ, наслѣдниками ихъ типа и генія. Эта «германоманія» вызываетъ, не безъ основанія, ироническія замѣчанія со стороны

итальянскихъ ученыхъ, которые указываютъ, между прочимъ, на то обстоятельство, что многіе самые характерные представители германской культуры—Шиллеръ, Кантъ, Лейбницъ, Вирховъ и мн. др. не выказывали вовсе типичныхъ признаковъ традиціоннаго древняго германскаго типа.

Всѣ эти различныя теоріи показываютъ, что въ области антропологическаго и полеоэтнологическаго синтеза, когда возникаетъ вопросъ о созданіи на основѣ разрозненныхъ фактовъ яснаго, опредѣленнаго представленія объ эволюціи культуръ и образованіи народностей,—еще пока невозможно обойтись безъ болѣе или менѣе смѣлыхъ гипотезъ. Въ пользу теоріи Модестова говоритъ то, что она основана на связи бронзовой культуры Лаціума съ бронзовой культурой террамаръ и что вообще она даетъ во многихъ отношеніяхъ наиболѣе вѣроятное и простое истолкованіе цѣлому ряду фактовъ. Во всякомъ случаѣ, солидный трудъ В. И. можетъ служить прочной основой для дальнѣйшей разработки связанныхъ съ нимъ, трудныхъ и сложныхъ палеоэтнологическихъ вопросовъ; умѣлое сопоставленіе фактовъ, критическій ихъ анализъ и построенный на основаніи ихъ синтезъ — даютъ въ руки изслѣдователямъ цѣнный матеріалъ для дальнѣйшей работы научной мысли.

Такъ можно утверждать, обсуждая трудъ В. И. Модестова на фонѣ всей европейской литературы по палеоэтнологіи Италіи. Въ русской же научной литературѣ сочиненіе Модестова является единственнымъ въ данной отрасли знаній, поражающимъ своей эрудиціей, научностью, страстной любовью автора къ предмету, внушающимъ глубокое уваженіе къ памяти покойнаго и искреннюю скорбь объ его внезапной, и—можно смѣло сказать—во многихъ отношеніяхъ—незамѣнимой утратѣ. Мы не отличаемся обиліемъ компетентныхъ спеціалистовъ въ различныхъ отрасляхъ знанія; наука не пустила еще у насъ прочныхъ корней, дающихъ многочисленные и пышные побѣги; на смѣну постепенно сходящихъ въ могилу выдающихся научныхъ дѣятелей у насъ не часто выступаютъ столь же или еще болѣе авторитетные и талантливые, обладающіе меньшей эрудиціей, отзывчивостью, образованностью, съ тѣмъ же широкимъ научнымъ кругозоромъ, съ еще большей глубиной научной мысли. Поэтому намъ приходится особенно скорбѣть объ утратѣ выдающихся и энергичныхъ научныхъ дѣятелей; у насъ не можетъ быть увѣренности, что на ихъ мѣсто явятся другіе, не менѣе компетентные, которые поведутъ ихъ дѣло дальше и дадутъ ему новое, болѣе совершенное и плодотворное развитіе.

Д. Анучинъ.

И. Е. Забѣлинъ

какъ археологъ, въ первую половину его научной дѣятельности (1842—1876).

Рѣчь, произнесенная въ засѣданіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 16 февраля 1909 г.

Д. Н. Анучинымъ.

И. Е. Забѣлинъ представляетъ такую крупную величину, какъ историкъ Россіи, особенно Москвы, какъ изслѣдователь царскаго быта XVI — XVII вв., какъ археологъ, какъ устроитель Историческаго Музея и т. д., что, съ моей стороны, было бы крайне смѣлымъ выступать съ характеристикой или оцѣнкой различныхъ сторонъ многообразной его дѣятельности. И если я позволяю себѣ выступить сегодня, по приглашенію гр. П. С. Уваровой, съ сообщеніемъ, посвященнымъ памяти И. Е. Забѣлина, то только потому, что я намѣренъ ограничиться въ немъ лишь нѣкоторыми вопросами относительно начальнаго періода научной дѣятельности покойнаго и остановиться въ особенности на его трудахъ по раскопкѣ южно-русскихъ кургановъ, въ виду того, что эти вопросы и эта сторона его дѣятельности менѣе обращали на себя вниманіе и не были еще предметомъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія.

Въ жизни И. Е. Забѣлина не можетъ не поражать тотъ фактъ, что, получивъ скудное образованіе въ старозавѣтномъ сиротскомъ училищѣ и поступивъ затѣмъ писцомъ въ Оружейную Палату, онъ, уже черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ своего пребыванія въ послѣдней, выступаетъ въ печати какъ историкъ-бытописатель, а еще лѣтъ черезъ 8—10 пріобрѣтаетъ себѣ извѣстность одного изъ лучшихъ знатоковъ русской старины. Какими вліяніями можно объяснить столь выдающееся саморазвитіе молодого человѣка, усвоеніе имъ массы историческихъ и археологическихъ свѣдѣній и столь ярко проявленное имъ умѣнье использовать накопленные знанія въ самостоятельныхъ изслѣдованіяхъ и критическихъ статьяхъ? Нѣкоторое разъясненіе этого вопроса даетъ краткая біографія И. Е. Забѣлина, помѣщенная въ «Московскомъ Иллюстрированномъ Календарѣ — Альманахѣ на 1887 г.», изданномъ А. С. Пругави-

нымъ,—біографія, которая была составлена на основѣ автобіографическихъ данныхъ, сообщенныхъ Пругавину самимъ И. Е. Вотъ что тамъ сказано по отношенію къ только что поставленному вопросу: «Канцелярская служба въ качествѣ даже одной переписки бумагъ, здѣсь, въ Оружейной Палатѣ, по необходимости и незамѣтно пролагала дорогу къ подробному изученію русской исторіи и древности. Единственное въ своемъ родѣ хранилище разнородныхъ и драгоцѣнныхъ памятниковъ древняго царскаго быта и находившійся при немъ, въ то время никому неизвѣстный и совсѣмъ забытый архивъ древнихъ расходныхъ и другихъ книгъ сильно возбуждали любопытство молодого писца, полюбившаго русскую да и всеобщую древность еще въ училищѣ, гдѣ чтеніе въ началѣ Плутарховыхъ біографій въ переводѣ Дестуниса, а потомъ «Исторіи» Карамзина и именно перваго тома, а параллельно съ тѣмъ романы Вальтеръ-Скотта и Купера и русскіе археологическіе романы Вельтмана «Кашей безсмертный» и «Свѣтославичъ», заманчиво направили его любознательность къ исторической древности вообще. Впрочемъ, должность писца по своей незначительности не открывала свободного и непосредственнаго доступа къ изученію богатаго матеріала и поэтому И. Е. по необходимости приходилось знакомиться съ этими матеріалами приватно и урывками отъ обязательныхъ своихъ занятій». Далѣе разсказывается, что И. Е. скоро научился читать старое письмо и сталъ усердно перечитывать архивный матеріалъ, выписывая изъ него разныя любопытныя свидѣтельства о старинѣ. Все это не даетъ, однако, отвѣта на вопросъ, подъ какимъ вліяніемъ И. Е. сталъ интересоваться русской стариной и усердно собирать и разрабатывать данныя о ней.

Вѣдь романы Вальтеръ-Скотта, Купера, Вельтмана, даже «Исторію» Карамзина читали сотни сверстниковъ И. Е., однако, многіе ли изъ нихъ серьезно заинтересовались стариной и сдѣлались впослѣдствіи ея изслѣдователями? Точно также и въ канцеляріи Оружейной Палаты были писцы и до, и послѣ, и во время И. Е., однако, не слышно, чтобы изъ нихъ вышелъ другой подобный же знатокъ русской старины. Писцовъ было и есть много, и не въ одной Оружейной Палатѣ, а и во многихъ другихъ архивахъ, музеяхъ и имъ подобныхъ учрежденіяхъ, да и не однихъ писцовъ, а и служащихъ повыше рангомъ, но много ли изъ нихъ было такихъ, которые проявили подобную же любовь къ древностямъ, приобрѣли себѣ столь же обширныя знанія, заявили себя такими же знатоками и изслѣдователями старины? Причина, слѣдовательно, лежала не въ томъ, что И. Е. въ юности читалъ историческіе романы, или что онъ служилъ потомъ писцомъ въ Оружейной Палатѣ, а въ томъ, что его умъ уже въ юности реагировалъ на рассказы о старинѣ иначе, чѣмъ у большинства его сверстниковъ, что они производили на него болѣе сильное впечатлѣніе, вызывали въ немъ стремленіе къ самостоятельности, что онъ былъ уже съ юности талантливымъ самородкомъ.

Но, можетъ быть, среда, въ которую вошелъ И. Е. при поступленіи на службу въ Оружейную Палату, благопріятствовала развитію его, какъ археолога, что окружающія его лица сумѣли заинтересовать въ археологическихъ изысканіяхъ молодого писца? Едва ли; на это нѣтъ никакихъ указаній, а есть скорѣе данныя противоположнаго характера. Самъ И. Е. рассказывалъ какъ-то мнѣ, что въ то время пониманія древностей вообще не было. Валуевъ, бывшій ранѣе директоромъ Оружейной Палаты, не любилъ «хлама» и сбывалъ, напр., старинное оружіе (латы, сабли, бердыши) въ желѣзные лавки, въ ломъ. Также была сбита оловянная посуда съ клеймомъ Алексѣя Михайловича и старинныя царскія, большой частью поломанныя, игрушки (пропавшія безслѣдно). Уже послѣ, когда задумали соорудить серебряный иконостасъ въ церковь Рождества Богородицы въ Кремлѣ, бар. Боде и другіе предложили воспользоваться для этого серебряной посудой Оружейной Палаты (дублетами тарелокъ кн. Голицына и др.) и золототканными матеріями. Государь Николай Павловичъ на переливъ посуды не согласился потому, что одна-двѣ тарелки не будутъ имѣть того вида, что нѣсколько дюжинъ, а на выжиганіе матерій далъ согласіе. Тогдашніе антиквары, Волковъ и др. — предлагали двойную цѣну стоимости металла, но на это не согласились. Нельзя, — говорили, — продавать царскихъ вещей. А пережигать, оказывается, было можно.

Въ то время частными лицами древностямъ вообще не придавалось цѣны, а которые были любители, тѣ не умѣли часто различать подлинныхъ старинныхъ вещей отъ поддѣлокъ. На этомъ тогда (какъ и теперь, впрочемъ) наживались хитроумные антиквары. Торговля одного изъ нихъ помѣщалась въ то время въ такъ называемомъ лавочномъ корпусѣ университета на Моховой, гдѣ теперь — зданіе университетской библіотеки. Началъ онъ дѣло, какъ самъ говорилъ И. Е., съ 20 коп. въ карманѣ; послѣ 1812 года ходилъ съ мѣшкомъ по опустѣлымъ дворамъ, собиралъ и покупалъ книги и разный хламъ, а затѣмъ открылъ лавочку и сталъ антикваромъ. Скупалъ у помѣщиковъ картины, бронзу и т. п. и продавалъ за границу и мѣстнымъ любителямъ. Картины сбывались и поддѣльныя. Въ Оружейной Палатѣ былъ камеръ-лакей, служившій ранѣе живописцемъ на фарфоровомъ заводѣ. Онъ былъ искусный живописецъ и на старыхъ дубовыхъ доскахъ писалъ копіи съ извѣстныхъ картинъ, а то и съ гравюръ (напр., Теньера), причемъ ставилъ назади какую-то старинную печать съ гербами; такія картины сбывались въ лавкѣ за подлинныя, рублей за 200 или около того; одна такая, какъ говорилъ мнѣ И. Е., была и у него. Какъ сказано, настоящее пониманіе искусства и старины тогда было еще очень мало распространено.

Самъ И. Е. въ упомянутыхъ автобіографическихъ свѣдѣніяхъ по поводу своихъ первыхъ архивныхъ и литературныхъ занятій сообщаетъ о себѣ, что «одобряющаго слова не отъ кого было услы-

хоть: ни знакомыхъ знающихъ, ни руководителей онъ не имѣлъ». Впрочемъ, И. Е. указываетъ на нѣкоторыхъ ученыхъ, начавшихъ посѣщать тогда архивъ Оружейной Палаты для своихъ изысканій; знакомство съ этими учеными, говоритъ онъ, «вообще принесло не мало пользы для начинающаго работника». Учеными этими были П. М. Строевъ и И. М. Снегиревъ. Первый искалъ въ архивѣ лѣтописей и другихъ рукописныхъ матеріаловъ, второй собиралъ свѣдѣнія о памятникахъ московской древности. И. Е. помогалъ имъ выписками и указаніями на рукописи. Строевъ, воспользовавшись этими указаніями, снялъ, между прочимъ, копіи съ «Выходныхъ книгъ» и издалъ ихъ въ послѣдствіи отъ Императорской Археологической Комиссіи за счетъ И. Н. Царскаго. Снегиревъ пользовался услугами И. Е. для разныхъ выписокъ, проверки на мѣстѣ надписей въ московскихъ соборахъ и другихъ подобныхъ порученій. «Впослѣдствіи, — говорится въ автобіографическихъ свѣдѣніяхъ, — когда И. Е. сталъ самостоятельно работать на той же дорогѣ, знакомство знаменитаго историка Москвы съ начинавшимъ археологомъ само собою разстроилось». Едва ли, однако, И. Е. могъ многому научиться у «знаменитаго историка Москвы»; это доказываетъ критическій разборъ снегиревского текста къ изданію г. Мартынова «Москва», помѣщенный И. Е. въ «Вѣстникъ Европы» 1867 года. Въ этомъ разборѣ указано на недостатокъ въ изслѣдованіяхъ Снегирева критики и знанія; «ни одинъ вопросъ не то что не обслѣдованъ, а даже и не обставленъ матеріаломъ сколько-нибудь полно и кругло»; въ древнѣйшей исторіи Москвы масса неточностей, путаницъ и невѣрныхъ данныхъ, произвольныхъ даже словъ и заключеній. Положимъ, это было писано И. Е. двадцать лѣтъ спустя послѣ того, какъ онъ сталъ вести бесѣды съ Снегиревымъ, но со многими неточностями этого изслѣдователя онъ долженъ былъ встрѣтиться уже въ началѣ своей научной дѣятельности, въ концѣ 40-хъ и началѣ 50-хъ годовъ. Тогда, правда, И. Е. еще не выступалъ противъ Снегирева, но уже въ 1852 г., въ статьѣ «Русская археологія», помѣщенной въ «Отечественныхъ Запискахъ», онъ указалъ на многія слабыя черты тогдашнихъ нашихъ археологовъ, особенно пользовавшагося въ то время большою извѣстностью Сахарова.

Можно было бы думать, что своимъ интересомъ къ до-петровской старинѣ, своимъ увлеченіемъ къ занятіямъ ею — И. Е. былъ обязанъ до извѣстной степени тогдашнимъ московскимъ славянофиламъ, съ представителями которыхъ онъ могъ встрѣчаться. Однако, о близости его къ славянофиламъ нѣтъ данныхъ, а, съ другой стороны, мы знаемъ, что многіе взгляды И. Е. на русскую старину не нравились славянофиламъ, какъ и онъ не стѣснялся выступать въ печати, даже противъ такихъ столповъ славянофильства, какъ Погодинъ и Шевыревъ... Когда появились статьи И. Е. «о нѣкоторыхъ придворныхъ обычаяхъ и обрядахъ царей московскихъ» въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1846—47 гг., то нѣкоторыя изъ этихъ статей, какъ увѣряетъ самъ И. Е. въ своей запискѣ, «вызвали не-

годованіе со стороны К. С. Аксакова, потому что, по его взгляду, слишком грубо и дерзко, т.-е. слишком реально, изобличали грубость и дикость старого быта». Подобным же образом одна из позднейших статей И. Е. о домашнем бытѣ русскихъ царей (статья 7, въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1854, № 12) вызвала «Замѣтку для исторіи просвѣщенія въ Россіи» г. Купріянова, напечатанную въ «Спб. Вѣдомостяхъ» 1855 (№ 163) и перепечатанную въ «Москвитянинѣ» и въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», — замѣтку, цѣлью которой было опровергнуть якобы рѣзкія положенія И. Е. Забѣлина о состояніи въ до-петровской Россіи образованія и педагогіи. Эти «рѣзкія» положенія теперь составляютъ всѣмъ извѣстныя истины, но тогда, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, ихъ надо было еще доказывать; таковы, напр., положенія, что «старинная грамота являлась дѣтямъ не снисходительною и любящею нянею, ... а сухимъ и суровымъ дидаскаломъ, съ книгою и указкою въ одной рукѣ и съ розгою въ другой», или что «кругъ древняго образованія ограничивался изученіемъ только самонужнейшихъ церковныхъ книгъ, почти исключительно обученіемъ механизму чтенія». Г. Купріяновъ защищалъ взглядъ, что обученіе грамотѣ въ древней Россіи сопровождалось «сладкимъ поученіемъ, ласковымъ утѣшеніемъ, радостовиднымъ страхомъ и любовнымъ обычаемъ», какъ писали нѣкоторые старинные книжники, и что кругъ древняго образованія вмѣщалъ въ себѣ и нѣкоторые «научныя» (!) познанія, «напр., грамматику и ариѳметику и необходимыя науки въ общежитіи» (?)... И. Е. Забѣлину не трудно было опровергнуть эти слащавыя и фальшивыя утвержденія (въ статьѣ: «Характеръ начальнаго образованія въ до-петровское время», въ «Отеч. Зап.» 1856 г. мартъ). «Мы не думаемъ, — писалъ онъ, — чтобы нужно было подрумянивать и преукрашать старину поддѣльными цвѣтами. Такія усилія будутъ рѣшительно безплодными, ибо истина, рано ли, поздно ли, возьметъ верхъ. Старина имѣетъ свои неотъемлемыя и высокія достоинства, ... но достоинства эти могутъ раскрыться только при добросовѣстномъ, безпристрастномъ ея изученіи, при изученіи, проведенномъ искренно, нелицемѣрно, нелицепріятно, со всею строгостью здраваго пониманія, не взирая ни на какія уклоненія старой дѣйствительности отъ нашихъ собственныхъ идеаловъ»...

Мнѣніе И. Е. относительно трудовъ Погодина было высказано имъ по поводу «Исслѣдованій» послѣдняго о русской исторіи т. V, въ статьѣ «Математическій методъ въ исторіи» («Атеней» 1858 г. Май) И. Е. возмущала крайняя самоувѣренность Погодина, его убѣжденіе въ собственной непогрѣшимости, въ исключительномъ обладаніи историческою истиною. И. Е. иронизируетъ надъ славянофильскимъ восхищеніемъ *коренными* основами русской жизни, древне-русскими патріархальными добродѣтелями. «Начиная, — говоритъ онъ, — съ умиленной преданности и вѣрности старинныхъ слугъ и оканчивая не менѣе умиленною покорностью старинныхъ женъ, которыя, «оскорбленные во всѣхъ правахъ своихъ, позволяли себѣ только одну

тихую жалобу, кроткую покорность судьбѣ», — мы всѣмъ умиляемся; сквозь слезы такого умиленія намъ умилителенъ и трогателенъ показался даже и самый праведъ. Мы въ восторгѣ вообще отъ того, что жилось въ то время какъ-то свободнѣе, привольнѣе (и, сказать между нами, своевольнѣе)... Особенно насъ привлекаетъ это широкое гостепріимство и хлѣбосольство, — это широкое кормленіе, которое, разумѣется, безъ помощи чужихъ рукъ, чужихъ потовыхъ трудовъ не могло быть и такъ широко и такъ идиллически патріархально, и которое, слѣдовательно, кого-нибудь да оставляло же голоднымъ. — А «древне-русская образованность»! Даже и самъ г-нъ Погодинъ говоритъ, что еще «до татаръ грамотность повсемѣстно была распространена, и весь народъ стоялъ на значительной степени нравственного и умственного образованія»... Все это особенно укрѣпляетъ и тѣмъ, что льститъ нашему самолюбивому патріотизму, льститъ тому чувству собственного достоинства, которое еще не настолько развито въ насъ, чтобы сознавать и признавать наши недостатки... И вотъ если съ такою то закваскою придемъ мы на разработку отечественной исторіи, — какъ намъ тогда уберечься отъ «домостройныхъ» нашихъ представленій и предубѣжденій»... И. Е., конечно, нетрудно было доказать Погодину, что его положеніе о значительномъ распространеніи у насъ грамотности и образованія до-татаръ совершенно произвольно и невѣрно, какъ неправиленъ весь его, такъ называвшійся имъ, «математическій методъ въ исторіи» (основанный на голомъ подсчетѣ «бытей», «дѣй», на «цифирной правдѣ», по выраженію Забѣлина), по которому, напр., выходило, что время удѣльнаго періода съ безпрестанными междоусобными войнами князей, было временемъ сравнительно мирнымъ и для массы народа счастливымъ. И. Е. предостерегалъ противъ такого метода, который можетъ «изо всякой истины выгнуть какую угодно ложь» и въ состояніи «положительно вредить изслѣдователямъ и особенно «молодымъ друзьямъ исторіи», только что приступающимъ къ чтенію лѣтописей и другихъ источниковъ». «Идя математическимъ путемъ, — писалъ И. Е., — изслѣдователь никогда не встрѣтитъ на немъ живой души; всюду будутъ являться передъ нимъ однѣ безжизненныя формы, факты, подъ видомъ цифръ слагаемыхъ, — и, несмотря на неимовѣрное множество этихъ слагаемыхъ, изслѣдователь, руководимый цифирной отчетностью, не въ состояніи будетъ подмѣтить въ нихъ жизненной, органической связи, раскрыть такимъ образомъ правду минувшей дѣйствительности».

Свое отношеніе къ другому столпу славянофильства, профессору Шевыреву, И. Е. выразилъ въ статьѣ «Русская личность и русское общество накануне Петровской реформы», написанной по поводу XIII тома «Исторія Россіи» Соловьева и помѣщенной въ «Слѣдствіяхъ» 1863 г. Упомянувъ въ этой статьѣ о книгѣ Шевырева «Поездка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь», г. Забѣлинъ приводитъ изъ нея разсужденія по поводу находки имъ въ одномъ селеніи, у крестьянина не-раскольника, списка из-

вѣстной апокрифической «Бесѣды трехъ святителей». «Съ грустью,—говорить путешественникъ,—прочелъ я эти вопросы и отвѣты, писанные четко самымъ грубымъ и дикимъ варварствомъ и нечестиво названные бесѣдою тріехъ святителей... Съ стѣсненнымъ сердцемъ я записалъ все это. Вотъ до какихъ дикихъ понятій доходитъ русскій простолюдинъ, какъ, впрочемъ, и всякій русскій, въ противную сторону удаляясь отъ чистаго и высокаго ученія православной нашей церкви». И. Е. справедливо замѣчаетъ, что «такой взглядъ на этотъ памятникъ старинной нашей книжности свойственъ больше пуристу-церковнику, чѣмъ даже пуристу-историку литературы», и затѣмъ разъясняетъ, что возмущаться тутъ рѣшительно не чѣмъ, что это «самыя кроткія и невинныя созданія умственной изслѣдовательности народа, неимѣющаго другихъ средствъ и другихъ путей разрѣшать себѣ столько вопросовъ, незамѣтно и естественно возбуждаемыхъ его созерцаніемъ»; «чѣмъ же,—спрашиваетъ онъ,—виновна та почва, которая питаетъ это созерцаніе, почва эпическихъ и миѳическихъ представленій, еще далеко не угасшихъ и въ настоящее время,... чья вина, что все возрасло на полной степной свободѣ, безъ всякой помощи со стороны школы, т.-е. науки, научнаго образованія». Говоря затѣмъ о томъ, какъ должны вестись изслѣдованія о нашей древней литературѣ и образованности, И. Е. замѣчаетъ, что во многомъ намъ препятствуетъ еще устарѣлый взглядъ на эту образованность, такъ рельефно выраженный г. Шевыревымъ по поводу одного изъ ея памятниковъ, но что можно надѣяться на дальнѣйшіе успѣхи «при помощи такой разработки предмета, какую даютъ намъ превосходные историко-литературные труды послѣдняго времени, особенно труды г. Буслаева».

Отношеніе И. Е. Забѣлина къ славянофильству и западничеству особенно выясняется изъ его статьи «Современные взгляды и направленія въ русской исторіи», въ «Спб. Вѣдомостяхъ» 1863 г. (№№ 35, 36, 38), — статьи, писанной въ эпоху «весенняго быстрого разлива общественной мысли», когда, по выраженію И. Е., все стало искать *спасенія*, стремиться къ *самостоятельности*, обличать (послѣ крымской кампаніи) нашу государственность, толковать о народности, о *коренныхъ* основахъ русской жизни. Въ этихъ толкахъ о народности, въ этомъ стремленіи къ ея *кореннымъ* основамъ И. Е. видѣлъ, главнымъ образомъ, модную затѣю. «Наше западничество, — говоритъ онъ,—это такая же живая общественная сила, какъ и наше стремленіе къ народности; мы ему никогда не измѣнимъ и измѣнить не въ силахъ... Мы можемъ только *подражать* нашей древности». Авторъ предостерегаетъ отъ увлеченія старинными *словами* — община, удѣльновѣчевая самостоятельность областей, земскій соборъ... «Худо теперь,—говоритъ онъ,—но мы убѣждены, что когда эти слова имѣли дѣйствующій жизненный смыслъ, было еще хуже. Зачѣмъ же обманывать себя и разрисовывать нашу почтенную древность вовсе несвойственными ей красками, освѣщать ее ложнымъ смысломъ?.. Всякое гражданское или народное устрой-

ство... можно оцѣнить по достоинству только въ такомъ случаѣ, если узнаемъ, каково жить среди этого устройства отдѣльному лицу, малому и большому, а особенно маленькому... При томъ надо всегда различать *степенную* свободу отъ свободы гражданской, свободу толпы, цѣлаго стада, отъ свободы лица, каждой единицы... Съ этой точки зрѣнія иная свободная форма жизни (напр., старое вѣче), если будетъ хорошо разслѣдована, обнаружить только дѣйствіе первобытныхъ стадныхъ началъ жизни, а вовсе не движеніе и не развитіе гражданской свободы... Западничество полагаетъ цѣлью общественнаго и государственнаго развитія не какую-либо народную форму, а человѣческую личность, полную и всестороннюю ея свободу, свободу умственную, нравственную, матеріальную или экономическую. Оно убѣждено, что форма общественнаго устройства есть вещь преходящая, изнашивающаяся, вѣчно измѣняющаяся, что сущность, слѣдовательно, не въ формѣ, или нарядѣ... Оттого западничество мало дорожитъ прошлымъ. Оно ничего тамъ не ищетъ, ибо смотреть на него, какъ на старый дѣдовскій гардеробъ, въ которомъ ничего не выберешь пригоднаго для современной нужды и потребности, но настолько, однакожъ, цѣнить дѣдовскія археологическія достопамятности, что не осмѣливается перешивать и перекраивать ихъ для собственнаго употребленія, вполнѣ сознавая, что современность не такъ бѣдна, и не въ такой еще нуждѣ, чтобъ была необходимость прибѣгать къ такимъ заимствованіямъ. Западничество, вѣрить въ собственную способность добыть и нажить больше, чѣмъ оставили ему дѣды... Оно хочетъ быть самостоятельнымъ,... стоять на собственныхъ ногахъ... Въ этомъ смыслѣ должно понимать и такъ называемый космополитизмъ западничества, котораго на самомъ дѣлѣ не существуетъ и который отысканъ въ немъ противниками... Вообще западничество ищетъ самостоятельности и свободы единственно только въ плодахъ общечеловѣческаго развитія и точкою опоры ставитъ назависимую личность, освобожденную отъ всякихъ историческихъ мозолей... Славянофильство же... ставитъ точкою опоры самобытность... развитія, и потому въ западничествѣ почти ничего болѣе не видитъ какъ страсть къ подражательности, грѣхъ безпутнаго заимствованія. Не безъ нѣкотораго тщеславія оно указываетъ, хотя и недостаточно ясно раскрываетъ, наши родныя самобытныя начала общественнаго устройства и самобытныя силы индивидуальнаго существованія. Такъ какъ мѣриломъ величія этихъ началъ и силъ служить все-таки западное развитіе, .. то славянофильство въ своей параллели русской жизни съ западною... по необходимости въ иныхъ случаяхъ становится на ходули и приходитъ къ такимъ выводамъ и заключеніямъ, въ которыхъ крѣпко усомнится не только западникъ, но и всякій здравомыслящій чело- вѣкъ, тѣмъ болѣе, что такія заключенія рѣдко подтверждаются фактическимъ матеріаломъ и носятъ характеръ какихъ-то аксіомъ, которыхъ нѣтъ надобности и подтверждать матеріальными доказательствами». Не отрицая, что славянофильскому направленію наука

обязана «вынесеніемъ изъ архивной таинственности» многихъ интересныхъ и важныхъ матеріаловъ, а также поставленіемъ на первый планъ изученія народнаго быта, И. Е. отмѣчаетъ, однако, отсутствіе въ немъ строгаго и основательнаго метода при разработкѣ исторіи юридическаго и экономическаго народнаго быта. вмѣсто внимательныхъ и подробныхъ, а главное — критическихъ изслѣдованій, напр., о древнихъ экономическихъ и юридическихъ условіяхъ крестьянскаго быта, мы получаемъ утопіи о круговой порука, о стародавней полнoprавности крестьянъ, объ общинномъ или вѣчевомъ устройствѣ, объ общинномъ владѣніи и т. д. «Оттого эта изслѣдованность ни до чего положительнаго еще не договорилась» и «мы, какъ и прежде, остаемся при одномъ только заманчивомъ *что-то, что-то* было!».

Изъ всѣхъ этихъ цитатъ, несомнѣнно, явствуется, что И. Е. выступилъ на поприще историка-бытописателя не какъ славянофилъ, а какъ убѣжденный западникъ. Это находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что западникамъ онъ былъ обязанъ, повидимому, въ значительной степени развитіемъ своего общаго и историческаго міровоззрѣнія, — именно кружку московскихъ западниковъ конца 40-хъ и начала 50-хъ годовъ. По словамъ одного изъ біографовъ И. Е., В. Е. Якушкина (ст. «И. Е. Забѣлинъ» въ «Рус. Худ. Арх.» 1892 г.), Забѣлинъ былъ «близкимъ человѣкомъ въ кругу Грановскаго. Знаменитый профессоръ не могъ не обратить, конечно, вниманія на талантливаго молодого человѣка, помогаль ему въ его стремленіяхъ къ знаніямъ и даже читаль для него (и еще для нѣсколькихъ лицъ) особый курсъ по исторіи. Забѣлинъ свято чтить память Грановскаго и каждый годъ 4-го октября, въ годовщину смерти Грановскаго, на панихидѣ на его могилѣ, теперь посѣщаемой уже очень немногими (писано въ началѣ 90-хъ годовъ), можно было видѣть маститую фигуру И. Е.».

Изъ тогдашнихъ профессоровъ, знакомыхъ И. Е., едва ли не наибольшее на него вліяніе, въ отношеніи къ выработкѣ историческаго міровоззрѣнія, имѣлъ К. Д. Кавелинъ. Въ своей статьѣ «Размышленія о современныхъ задачахъ русской исторіи и древностей» («Отеч. Зап.» 1860 г. ноябрь) *), послѣ разсказа о томъ, какъ «взамѣнъ государственнаго, офиціальнаго, возникъ органическій, жизненный взглядъ на русскую исторію», И. Е. замѣчаетъ, что этотъ «органическій взглядъ съ особенною глубиною и жизненностью пониманія выступаетъ яснѣе, чѣмъ гдѣ-либо, въ сочиненіяхъ г. Кавелина; онъ просачивается, можно сказать, въ каждой строкѣ, гдѣ только авторъ касается русскаго быта, русской исторіи». Далѣе И. Е. приводитъ нѣсколько выдержекъ изъ сочиненій Кавелина и находитъ въ нихъ «вѣрную характеристику жизненныхъ процессовъ, которымъ подвергается народный организмъ». Одинъ изъ но-

*) Такъ помѣчена эта статья въ „Опытахъ изученія рус. древностей и исторіи“. Ч. 2. 1873. Начинается же эта статья словами: „Въ послѣднее время“ (писано въ 1861 г.) (?). Не опечатка ли это вмѣсто 1851 г.?

вѣйшихъ писателей о Забѣлинѣ, акад. А. С. Лаппо-Данилевскій, также отмѣчаетъ это родство взглядовъ Кавелина и Забѣлина на пониманіе народнаго организма и на способы и приемы изученія русской народности, но онъ прибавляетъ, что Забѣлинъ напрасно искалъ систематическаго примѣненія этихъ способовъ и приемовъ въ какомъ-либо общемъ сочиненіи, посвященномъ «археологическому» изученію повседневной домашней жизни русскаго народа. И. Е. Забѣлинъ «захотѣлъ быть, по замѣчанію Лаппо-Данилевскаго, такимъ изслѣдователемъ: онъ задумалъ написать обширное сочиненіе о домашнемъ бытѣ русскаго народа, преимущественно въ XVI—XVII столѣтіяхъ... Онъ хотѣлъ изложить исторію русскаго быта по главнѣйшимъ его представителямъ; онъ хотѣлъ изобразить типы государя или господаря, земца-кормителя или гостя-капиталиста и промышленника, казака, церковника, подъячаго, холопа и т. д.». Онъ остановился прежде всего на характеристикѣ типа московскаго государя, первоначально вотчинника-хозяина, и на обрядѣ царицыной жизни; затѣмъ онъ изображалъ бытъ большаго боярина въ его хозяйствѣ, обозрѣвалъ исторію и древности г. Москвы, указывалъ на черты самобытности въ русскомъ зодествѣ, оцѣнивалъ чувство природы въ древнерусскомъ обществѣ и т. д. Такимъ образомъ, труды И. Е. могутъ быть рассматриваемы, какъ опыты примѣненія къ изученію русскихъ древностей началъ и приемовъ, «образцово развитыхъ», по словамъ самого же И. Е., К. Д. Кавелинымъ и уже рано усвоенныхъ самимъ авторомъ «Домашняго быта царей» въ качествѣ руководящихъ при его изысканіяхъ. Объ отношеніяхъ между И. Е. и Кавелинымъ можно судить еще потому, что, по словамъ самого же И. Е., когда онъ въ 1856 г. занялъ мѣсто архивариуса Моск. Дворцовой Конторы, К. Д. Кавелинъ хлопоталъ о немъ, чтобы доставить ему мѣсто помощника директора Оружейной Палаты, но неудачно. Для такихъ должностей у насъ требуются, какъ извѣстно, не столько знанія или извѣстность въ археологической наукѣ, сколько — вліятельная протекція.

Въ числѣ лицъ, общеніе съ которыми могло имѣть нѣкоторое значеніе для И. Е. въ этотъ начальный періодъ его научной дѣятельности, слѣдуетъ указать еще Дм. Александр. Ровинскаго, съ которымъ онъ находился тогда въ пріятельскихъ, товарищескихъ отношеніяхъ. Д. А. Ровинскій былъ, несомнѣнно, высоко выдающеюся личностью, въ извѣстномъ смыслѣ не менѣе замѣчательною, чѣмъ И. Е. Забѣлинъ, и еще ждущею своего обстоятельнаго біографа. Правда, это былъ не бѣднякъ, сынъ мелкаго чиновника, а человекъ со средствами, сынъ московскаго полицеймейстера, получившій образованіе въ училищѣ правовѣдѣнія, но за то въ другихъ отношеніяхъ у него были нѣкоторыя черты, роднившія его съ И. Е. Какъ правовѣдъ, имѣвшій связи и отличавшійся къ тому же способностями и трудолюбіемъ, Ровинскій сравнительно быстро дѣлалъ свою судебную карьеру, начавъ ее въ Москвѣ съ должности секретаря Сената и губернскаго стряпчаго и окончивъ должностями про-

курора судебной палаты и председателя уголовного департамента судебной палаты (впоследствии съ 1870 года онъ состоялъ сенаторомъ угол. кассац. департамента). Ему принадлежит большая заслуга въ дѣлѣ преобразованія нашихъ судебныхъ установленій (онъ былъ вызванъ въ Петербургъ для участія въ занятіяхъ соотвѣтственной комиссіи) и въ организаціи на новыхъ началахъ судебного дѣла въ Москвѣ. Но въ концѣ 40-хъ и въ 50-хъ годахъ онъ занималъ болѣе скромныя судебныя должности и въ это время часто видался съ И. Е. Сблизились они на почвѣ интереса къ русской старинѣ и къ русскому искусству. Кромѣ службы, которой Ровинскій отдавался съ любовью и энергіей, у него была другая любимая сфера, которой онъ посвящалъ все свое остальное свободное время. Онъ собиралъ русскія гравюры, портреты, народныя картинки, иконы, виды Россіи; изучалъ исторію быта, художествъ, литературы; ходилъ (пользуясь отпусками) пѣшкомъ по Россіи, присматривался къ быту крестьянъ. Онъ жилъ и одѣвался крайне скромно, даже бѣдно, употребляя всѣ свои свободныя средства на пріобрѣтеніе интересовавшихъ его предметовъ искусства, а затѣмъ и на изданіе ихъ. Онъ не только собиралъ, онъ изучалъ, описывалъ свои коллекціи, и издавалъ ихъ возможно полно и изящно, не щадя на то средствъ. Его «Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ» (4 т. in 4°), его «Русскія народныя картинки» (4 тома in folio съ 1780 картинками и 5 том. gr. 8° текста), его «Матеріалы русской иконографіи» (12 вып. съ 480 рис.), «Достоверные портреты моск. государей» (47 рис.), затѣмъ его изданія гравюръ Чересова, Берсенева, Иордана, — произведеній Перова, наконецъ, гравюръ Рембрандта (съ 1000 фототип.) — и учениковъ Рембрандта (478 фототип.) и др. остались монументальными памятниками неутомимой дѣятельности этого замѣчательнаго собирателя и изслѣдователя. Послѣ перехода въ Сенатъ, онъ много путешествовалъ и побывалъ всюду, гдѣ только можно было: въ Средней Азіи, Палестинѣ, Египтѣ, Марокко, Индіи, Цейлонѣ, Явѣ, Китаѣ, Японіи, Америкѣ. Онъ умеръ въ Вильдунгенѣ, въ Германіи, на пути въ Парижъ, для окончанія труда надъ гравюрами Ванъ-Остада. Всѣ свои богатые художественныя коллекціи, библіотеку, денежныя средства онъ завѣщалъ Эрмитажу, Румянцевскому музею, Публичной библіотекѣ, Академіи художествъ, училищу правовѣдѣнія, московскому университету, на устройство народныхъ училищъ (60 т. руб.) и на премію за лучшее сочиненіе по художественной археологіи. Въ тѣ времена, однако, въ концѣ 40-хъ и въ 50-хъ годахъ, онъ только подготовлялся къ своей будущей дѣятельности, только собиралъ, разыскивалъ, учился. Въ этомъ собираніи данныхъ по русскому искусству, по иконографіи и т. д. онъ долженъ былъ столкнуться съ И. Е., какъ лучшимъ знатокомъ московскихъ древностей. На этой почвѣ они, вѣроятно, и сблизились, дѣлясь другъ съ другомъ результатами своихъ наблюденій и изученій. Много могъ помочь своими совѣтами и указаніями И. Е. Ровинскому, но кое-что

могъ указать и Д. А. Ровинскій Забѣлину. Объ этомъ свидѣтельствуется, между прочимъ, извѣстный трудъ Забѣлина «О финифтяномъ производствѣ», въ примѣчаніяхъ къ которому мы встрѣчаемъ неоднократно указанія: «сообщено Д. А. Ровинскимъ». Самъ И. Е. рассказывалъ мнѣ, что въ свободное время онъ часто отправлялся съ Д. А. на прогулки въ окрестности Москвы. Ходили, напр., пѣшкомъ къ Троицѣ (съ ночлегомъ на дорогѣ) и возвращались обратно также пѣшкомъ; подобная прогулка считалась нипочемъ; оба были здоровые ходоки. Время проходило тѣмъ болѣе незамѣтно, что обоимъ было чѣмъ подѣлиться изъ своихъ научныхъ занятій и собираній. И. Е., правда, не располагалъ достаточными средствами, но, зарабатывая кое-что помимо службы, получая иногда преміи и денежные награды, онъ также старался приобрѣтать книги, народныя картинки, а въ особенности рукописи, между прочимъ, и лицевыя (т.-е. съ миниатюрами), тѣмъ болѣе, что тогда мало кто ими интересовался и онѣ были дешевы. Буслаевъ пишетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» (М. 1897, стр. 524): «Лѣтъ сорокъ или тридцать назадъ любители древне-русской письменности вовсе не обращали вниманія на миниатюры, и лицевыя рукописи были нипочемъ. Я получалъ ихъ за безцѣнокъ на Толкучемъ рынкѣ у Пискарева и на Варваркѣ въ Кожевенномъ ряду у старика Большакова, который въ своей лавкѣ, при опойковомъ и подошвенномъ товарѣ, торговалъ и древними рукописями, а также и старопечатными книгами. Имъ обоимъ я много обязанъ своими свѣдѣніями въ русской палеографіи, особенно въ техническомъ отношеніи. По ихъ же указанію я знакомился съ разными лицевыми рукописями, а вмѣстѣ съ тѣмъ и покупалъ ихъ». Покупалъ ихъ, по мѣрѣ возможности, и И. Е., у котораго я видѣлъ нѣсколько замѣчательныхъ образцовъ такихъ рукописей. Особенно осталась у меня въ памяти великолѣпная лицевая Александрія, съ превосходными миниатюрами, гораздо болѣе интересными, чѣмъ въ извѣстной мнѣ Александріи изъ собранія Буслаева или въ той, факсимиле которой было издано Обществомъ древне-русской письменности.

Подъ такими то вліяніями складывалась личность И. Е. Забѣлина, какъ изслѣдователя-археолога. Его литературные труды въ это время (съ 40-хъ по начало 70-хъ годовъ) были основаны, главнымъ образомъ, на результатахъ архивныхъ розысканій; таковы его «Домашній бытъ русскихъ царей», тоже — «царицъ», его статьи о «Дѣтскихъ годахъ Петра Великаго» (1861) «Большой бояринъ въ своемъ вотчинномъ хозяйствѣ» (1871), «Кунцово и древній Сѣтунскій станъ» (1873), его критическія замѣтки на «Исторію Москвы» Снегирева и др., не считая многихъ журнальныхъ статей на разныя историческія и археологическія темы. Но уже при описаніи царскаго быта ему пришлось ознакомиться и со многими вещественными памятниками, къ этому быту относящимися, что было для него довольно удобно, такъ какъ они хранились большей частью въ той же Оружейной Палатѣ, при которой онъ служилъ. Кромѣ

того, въ концѣ 40-хъ годовъ, онъ занялъ, по приглашенію гр. С. Г. Строганова, приватное мѣсто дѣлопроизводителя въ Комитетѣ, учрежденномъ для изданія Древностей Россійскаго Государства, съ которыми ему, такимъ образомъ, по необходимости, пришлось близко ознакомиться. Наконецъ, извѣстнымъ импульсомъ послужили и объявленные въ 1850—51 гг. Спб. Археологическимъ Обществомъ темы на преміи: одна—о металлическомъ производствѣ въ древней Россіи, другая—о финифтяномъ дѣлѣ. Сочиненіе на первую премію было представлено И. Е. Забѣлинымъ и удостоено полной преміи въ 300 руб., въ 1851 г. (оно было напечатано въ «Запискахъ» Арх. Общ., т. V, 1853 г., 136 стр.); сочиненіе на вторую тему было представлено въ 1852 году и, удостоенное такой-же преміи, было напечатано въ VI томѣ «Записокъ», 1855 г. (100 стр.). Оба эти изслѣдованія и теперь не утратили своего значенія и могутъ продолжать служить введеніями въ ознакомленіе съ соотвѣтственными производствами и искусствами, хотя за 50 лѣтъ, конечно, открыто и описано въ этихъ областяхъ и много новаго, не бывшаго ранѣе извѣстнымъ, а, съ другой стороны, измѣнились и постановка и пониманіе нѣкоторыхъ относящихся сюда вопросовъ, особенно, напр., по эмалямъ.

Въ 1859 г. въ жизни И. Е. Забѣлина наступила важная перемѣна. Онъ былъ приглашенъ гр. С. Г. Строгановымъ перейти на службу въ Петербургъ, въ только что учрежденную тогда, подъ предсѣдательствомъ графа, Императорскую Археологическую Комиссію, для того, чтобы по порученію этой Комиссіи заниматься археологическими раскопками. И. Е. было предложено мѣсто младшаго члена Комиссіи, но черезъ пять лѣтъ, послѣ того, какъ онъ обогатилъ Эрмитажъ высокоцѣнными собраніями древностей изъ раскопокъ кургановъ въ Екатеринославской губерніи и на Таманскомъ полуостровѣ, онъ былъ произведенъ въ старшіе члены Археологической Комиссіи, и въ этомъ званіи нѣсколько разъ, по случаю отъѣзда гр. Строганова за-границу, исправлялъ должность ея предсѣдателя.

О трудахъ И. Е., какъ члена Археологической Комиссіи, за время съ 1859 по 1876 годъ, т.-е. въ теченіе 17 лѣтъ, мы можемъ судить по отчетамъ этой Комиссіи, выходившимъ ежегодно, на русскомъ и французскомъ языкахъ. Въ отчетахъ этихъ описываются всѣ произведенныя за годъ раскопки, но довольно кратко; наиболѣе мѣста занимаютъ описанія найденныхъ при раскопкахъ художественныхъ предметовъ, составленныя тогдашнимъ знатокомъ классическихъ древностей, хранителемъ Эрмитажа, академикомъ Стефанни. Болѣе подробныя описанія раскопокъ нѣкоторыхъ кургановъ, въ томъ числѣ и Чертомлыцкаго, изслѣдованныхъ И. Е., вошли въ особое изданіе «Древности Геродотовой Скиѣи», которыхъ было издано два выпуска, съ атласами рисунковъ in folio, въ 1866 и 1872 гг. Записка о раскопкѣ Чертомлыцкаго кургана была помѣщена И. Е. и въ «Древностяхъ» изд. Московскаго Ар-

хеологическаго Общества, а также и въ I томѣ его «Исторіи русской жизни». О многихъ позднѣйшихъ раскопкахъ И. Е. мы принуждены, однако, довольствоваться краткими извѣстіями въ «Отчетахъ»; подлинныя его доклады, представлявшіеся въ Комиссію, лежатъ въ ея архивѣ, и извлеченія изъ нихъ для печати дѣлались, насколько мнѣ извѣстно, не авторами докладовъ, а другими лицами.

И. Е. Забѣлинъ былъ отправленъ Комиссіей на раскопки тотчасъ-же по поступленіи его на службу, лѣтомъ 1859 года, именно въ Екатеринославскій уѣздъ, гдѣ ранѣе, въ 1852 и 55 гг., Люценкомъ и другими была раскопана большая Луговая могила (такъ наз. Александропольскій курганъ), давшій много интересныхъ древностей скиѣскаго типа. И. Е. началъ свои раскопки съ дослѣдованія одного кургана, находившагося верстахъ въ 50 отъ Луговой могилы къ юго-востоку, близъ села *Геремесовъ хуторъ* (дер. Мардіевка), верстахъ въ 10-ти отъ Днѣпра. Курганъ этотъ уже былъ раскопанъ прежнимъ его владѣльцемъ, А. М. Миклашевскимъ, но середина его оставалась еще нетронутою. И. Е. вскрылъ эту середину, но встрѣтилъ только разбросанныя человѣческія кости, обломки мѣдныхъ и желѣзныхъ вещей и въ одномъ мѣстѣ кучку золотыхъ вещей (пластинки, трубочки, чашечки и т. п.), которыя онъ призналъ «остатками давнишняго расхищенія могилы, случайно забытые или съ намѣреніемъ спрятанные подалѣе». Затѣмъ были вскрыты три сосѣднихъ кургана, но въ нихъ оказались очень бѣдные погребенія (въ одномъ 12 скелетовъ); причемъ костяки лежали часто въ скорченномъ положеніи и имѣли при себѣ, самое большое, кремневое остріе или грубый глиняный горшокъ, а то — лишь куски красной или желтой охры, или рѣчную раковину, или вовсе ничего; у одного оказался только плоскій мѣдный наконечникъ копья.

Въ 1860 году И. Е. была произведена раскопка двухъ значительныхъ кургановъ, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ *Толстыхъ могилъ*, съ находящимися около нихъ малыми курганами. Особенное вниманіе было обращено на «Толстую могилу» у *Краснокутской* станціи, по дорогѣ изъ Екатеринослава въ Никополь. Могила эта имѣла до 90 саж. въ окружности при подошвѣ и 4 сажени отвѣсной высоты, и была обложена по склонамъ камнями, мѣстами на сажень въ толщину. Ближе къ материку, съ восточной стороны, между пластами глины оказались слѣды какого-то прохода къ гробницѣ, «по которому, какъ предполагалъ Забѣлинъ, быть можетъ, и пронесенъ въ нее покойникъ», и въ этомъ проходѣ, въ двухъ кучахъ, найдены были обломки двухъ погребальныхъ колесницъ (шины и втулки отъ 8 колесъ, желѣзныя полосы, гвозди), до 70 штукъ желѣзныхъ удилъ, мѣдныя золоченыя втулки для насаживанія на древки, съ украшеніями въ видѣ грифоновъ, крылатыхъ львовъ и птицъ (вѣроятно, отъ балдахина или шатра), много мѣдныхъ бляхъ, колокольчиковъ, стрѣлъ и т. д. Колесницы

были, вѣроятно, разломаны нарочно и прикрыты какою-то тканью, на которую и были нашиты бляхи *). Въ центрѣ кургана оказались три могильныхъ ямы; въ одной, прикрытой сверху досками и соломой, были найдены остовы четырехъ коней въ уздечкахъ съ серебряными узорчатыми прорѣзными бляхами и желѣзными удилами. Центральная гробница была устроена на глубинѣ $2\frac{1}{2}$ саж. на слоѣ бѣлой глины, и была на глубинѣ шире, чѣмъ при отверстіи. Въ ней были найдены только разбросанныя человѣческія и лошадиныя кости, черепки сосудовъ (горло съ ручкой отъ амфоры) и мелкіе желѣзные обломки. Къ гробницѣ этой велъ, какъ оказалось, ходъ, въ сводѣ котораго были замѣтны слѣды орудія, которымъ копали эту галлерею и которое «имѣло форму толстаго копья или кинжала (меча)»; при самомъ входѣ въ этотъ проходъ была найдена небольшая золотая розетка, нѣсколько желѣзныхъ обломковъ, повидимому, меча и нѣсколько фрагментовъ челов. реберъ. Означенный проходъ велъ въ 3-ю яму, круглую, около $2\frac{1}{2}$ саж. въ діаметрѣ и до 3 арш. высотой, дно которой лежало ниже главной гробницы на 1 арш., въ пластѣ материковой красной глины. По всему дну здѣсь валялись обломки челов. и лошад. костей и разныя вещи, какъ-то: бронзов. стрѣлы, желѣзныя трубки, въ родѣ пистолетнаго ствола, вѣроятно, насаживавшіяся на древки, обломки меча, костяные черепки отъ ноженъ, бронзовое кольцо съ эмалью, черепки отъ греческихъ вазъ, мѣдные обломки. Все это, по мнѣнію Забѣлина, указывало на слѣды ограбленія гробницы, — фактъ, подтвердившійся и тѣмъ, что въ восточной стѣнѣ, подлѣ входа въ это подземелье изъ главной гробницы, былъ открытъ и входъ грабителя въ $1\frac{1}{2}$ арш. ширины и вышины, шедшій изогнутой линіей къ внѣшней подошвѣ кургана. За этимъ входомъ вдоль стѣны круглаго подземелья было найдено еще 8 раздавленныхъ землею амфоръ съ осадкомъ внутри ихъ какой-то темнокрасной жидкости. Въ виду того, что среди мѣстныхъ крестьянъ ходили рассказы, что подъ курганомъ было сложено оружіе — пистолеты, сабли, пики, и что старики ихъ когда-то лазили въ подземелье и находили тамъ пистолеты, И. Е. полагалъ, что въ подземелье кургана, дѣйствительно, проникали раньше по открытому имъ грабительскому ходу, находили тамъ желѣзныя трубки (которыя и были приняты за стволы пистолетовъ), а, можетъ быть, и обломки мечей или стрѣлы. Раскопанный по близости другой меньшій курганъ заключалъ въ себѣ нѣсколько погребеній съ остовами въ сѣкорченномъ или прямомъ положеніи и съ очень малымъ числомъ при нихъ предметовъ. Бѣдность находокъ заставила прекратить дальнѣйшую раскопку этого кургана и перенести работы верстъ на 50 къ югу, къ *Толстой могилѣ у с. Бѣленькаго*, на правомъ берегу Днѣпра, верстахъ въ 4-хъ отъ рѣки. Могила эта имѣла болѣе 100 саж. въ окружности

*) Остатки подобной колесницы были найдены ранѣе и въ Александропольскомъ курганѣ.

и была обставлена многими мелкими курганами. Въ серединѣ насыпи на материкѣ оказалась гробница, сложенная изъ плитъ бѣлаго и желтаго известняка и прикрытая такими же плитами. Въ гробницѣ лежалъ въ скорченномъ положеніи истлѣвшій костякъ безъ всякихъ при немъ вещей. На материковой желтой глинѣ было найдено еще нѣсколько земляныхъ могилъ съ болѣе или менѣе истлѣвшими остовами, но также безъ вещей. Лишь при окончательной очисткѣ вырѣзанной въ курганѣ траншеи въ одномъ концѣ ея найденъ въ черноземной насыпи каменный молотокъ. Дальнѣйшее изслѣдованіе кургана было прекращено «по вѣроятной неважности результатовъ». Разрыты были также три изъ ближайшихъ малыхъ кургановъ; въ нихъ были найдены остова, отчасти въ скорченномъ, отчасти въ прямомъ положеніи; въ одномъ случаѣ совсѣмъ безъ вещей, въ другомъ — лишь съ горшкомъ и нѣск. мѣдными стрѣлками, въ третьемъ — съ сѣдломъ, желѣзн. стремянами, жел. пряжкой, точильнымъ брускомъ, кремешкомъ и костяной круглой бляшкой, въ родѣ пуговицы.

Въ 1861 г. И. Е. произвелъ въ тѣхъ же степяхъ раскопку четырехъ могилъ средней величины, на югъ отъ ст. Краснокутской, именно трехъ по теченію р. Томаковки и одну — на дорогѣ изъ Екатеринослава въ Никополь, въ 11 вер. на югъ отъ Краснокутской могилы. Изъ первыхъ трехъ *Острая могила* имѣла около 8 арш. въ высоту при діаметрѣ до 30 сажень; форма ея была конусообразная; она была осыпана камнемъ и окопана рвомъ, арш. въ 5 шириной и не болѣе аршина высотой. Раскопка этого кургана, обѣщавшаго своею каменною кладкою интересныя открытія, обнаружила, что подъ нимъ скрывалось «обыкновенное степное кладбище». На материковой глинѣ оказалось нѣсколько могилъ, отчасти съ подстилкой изъ красноватой и бѣлой глины и съ покрывкой изъ деревянныхъ брусьевъ, съ болѣе или менѣе истлѣвшими костями, безъ всякихъ при нихъ предметовъ, или только горшковъ, кусковъ краски, обломковъ раковины. «Дальнѣйшее изслѣдованіе насыпи было остановлено по очевидной маловажности его результатовъ». Но въ слѣдующемъ, 1862 г., одинъ крестьянинъ с. Томаковки, добывая оставшійся въ нераскопанной насыпи этого кургана камень, на глубинѣ 2-хъ аршинъ открылъ «схороненный тамъ» кладъ, заключавшій въ себѣ золотой шейный витой обручъ (гривну), золотую серпообразную бляшку съ мелкой зернью и голубою эмалью, золотыя узорчатые ножны, тоже украшенные эмалью, съ остатками жел. кинжала и съ частью золотой эмальерованной рукояти, двѣ золотыя узорчатыя пластины, одна, повидимому, отъ рукоятки меча, а другая отъ нижняго конца ноженъ, съ изображеніемъ двухъ скорченныхъ звѣрей, 1 золотую воронку и до 200 бронз. стрѣлъ. «Можетъ быть, — замѣчаетъ Забѣлинъ, — это — остатки вооруженія одного изъ позднѣйшихъ обитателей этихъ степей». «Тогда же въ курганѣ найденъ гнилой деревянный гробъ и человѣческія кости». Но осталось невыясненнымъ, гдѣ именно въ насыпи сдѣлана была эта находка и

въ гробу-ли, или отдѣльно отъ гроба. — Второй раскопанной могилой была одна изъ двухъ *Слоновскихъ Близницъ* (т. е. рядомъ стоящихъ двухъ кургановъ) на землѣ г-жи Слоновской, къ сѣверо-западу отъ села Томаковки. Эта Близница имѣла около 7 арш. высоты и 25 саж. въ діам. и была окружена рвомъ, шир. 6, глубиною 1 арш., и валомъ, шириной 10 арш., вышиною въ 1 арш. Съ запада противъ кургана, почти у самого вала, лежали рядомъ 9 огромныхъ камней, нѣкоторые до 5 арш. длиною, 1—2 арш. шириной и около 1 арш. толщиною, расположенныхъ въ 3—4 арш. одинъ отъ другого, по направленію съ с. на ю. на протяженіи 46 арш. Концы ихъ, обращенные къ кургану, были приподняты и поставлены на камняхъ. Кругомъ въ степи также оказались подобные камни, разной величины, тоже съ обращенными къ кургану и приподнятыми концами (кромлехи?). Прежде этихъ камней было, вѣроятно, еще больше, такъ какъ многіе изъ нихъ были разобраны крестьянами на постройки. При раскопкѣ этой Близницы въ насыпи попадались лошадиныя кости и черепки амфоръ. Когда траншея дошла до материка, то въ сѣв.-зап. части подлѣ каменнаго цоколя найдены въ кучкѣ 6 перержавѣвшихъ «удиль съ баранчиками» и четыре изображенія крылатаго грифона со всадникомъ, пожирающаго какое-то животное, со втулками въ нижней части для надѣванія на древко. Въ серединѣ обнаружилась яма неправильной формы, 10+5 арш., при раскопкѣ которой были находимы человѣчьи и лошадиныя кости и черепки амфоръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилось, что гробница эта была уже раскопана и въ первоначальномъ видѣ сохранилась только ея западная часть, не болѣе какъ на 3 арш. въ длину; изъ гробницы былъ ходъ въ широкое круглое подземелье, около 8 арш. въ діаметрѣ, лежавшее ниже дна гробницы. «Грабительская лазейка вошла въ сѣв.-вост. уголъ гробницы». При очисткѣ подземелья и лазейки были находимы разбросанныя кости человѣческія и лошадиныя и черепки амфоръ, а также черепки довольно грубой росписной греческой посуды о двухъ ручкахъ. Кромѣ того, были найдены 4 золотыхъ розетки, золотая пуговка, басменное измятое золотое изображеніе лежащаго льва, костяная трубка въ видѣ черенка, бронзовая стрѣлка, обломки меча и др. «Въ грабительской лазейкѣ найдены человѣческій, частью поврежденный, черепъ и части лошадиного черепа. Кости, вырытыя въ подземельѣ и въ устьѣ лазейки, были окрашены бирюзовымъ цвѣтомъ, вѣроятно, отъ мѣдной окиси». — Третій курганъ былъ одинъ изъ *Томаковскихъ Близницъ* (ближнихъ), верстахъ въ 2-хъ отъ с. Томаковки, около 5 арш. высоты. Около него было также много большихъ камней. Въ насыпи, осыпанной тоже камнями, попадались черепки амфоръ, мѣдныя пуговицы, куски желѣза. На материкѣ обозначилась гробничная яма ($4\frac{1}{2}+2$ арш.), которая съ восточной стороны, «видимо, была разрушена обваломъ въ особоз подземелье» (5 арш. въ поперечн. съ сѣвера на югъ). «На днѣ гробницы (болѣе широкомъ, чѣмъ верхнее отверстіе), на материковомъ слоѣ бѣлой глины открылись два подземныхъ хода, одинъ

съ сѣв., другой—съ вост., которые вводили въ круглое обширное подземелье, выкопанное съ вост. стороны гробницы и имѣвшее длины слишкомъ 6 арш., ширины $4\frac{1}{2}$ арш.». «Въ южной стѣнѣ гробницы... замѣчена небольшая круглая дырка въ 4 вер. въ діаметрѣ, шедшая далѣе къ югу на $1\frac{1}{2}$ арш. Здѣсь, вѣроятно, похитители дѣлали новые поиски»... «По всему видно, что расхищеніе произведено изъ сѣвернаго подземнаго хода, ибо противъ него, въ подземельѣ, при очисткѣ дна, найденъ человѣческій черепъ безъ челюсти, а на аршинъ разстоянія отъ этого черепа къ востоку собрано нѣсколько бронзовыхъ стрѣлокъ и найдены кости, черенокъ отъ ножа и желѣзная перержавѣвшая трубка отъ копья или другого подобнаго оружія. Въ самомъ ходѣ также найдено 5 подобныхъ же стрѣлокъ. Кромѣ того, какъ здѣсь, такъ и въ подземельѣ подлѣ этого входа, вырыты разбросанныя кости человѣка и жеребенка. Дно входа покрыто было твердымъ слоемъ чернозема отъ 1 до 4 вер. толщины, вынесеннаго, безъ сомнѣнія, изъ гробницы, которая вся была засыпана черноземомъ. Эту лазейку можно было очистить по длинѣ только на 2 саж. и 1 арш... Внѣшній ея выходъ шелъ подъ самую насыпь». «Восточный подземный входъ не обнаружилъ ничего такого, что бы указывало на поиски расхитителей. Дно его, рытое въ бѣлой глинѣ, не было засыпано черноземомъ и по очисткѣ его отъ обвалившейся со свода глины на немъ найдены только два небольшихъ черепка отъ простого горшка изъ черной глины». — Четвертою была разрыта «*Каменная могила*», около 8 арш. выш. и до 28 саж. въ діаметрѣ; названіе свое она получила отъ массы находящагося въ ея насыпи камня. На глубинѣ камней было меньше, но за то размѣръ ихъ крупнѣе (до 2+1 арш.). «По всему пространству на 5 саж. въ діаметрѣ лежалъ слой перетлѣвшаго дерева, толщиной отъ 2 до 4 верш.». Въ срединѣ этой деревянной постилки находились двѣ гробничныя овальныя ямы, одна малая, въ 3 арш. длины, въ которой схороненъ былъ малорослый, но старый (судя по зубамъ), конь, съ желѣзными удилами и мѣднымъ наборомъ отъ узды, и другая яма большая (до 7 арш. длиной), забитая камнями и твердымъ, какъ камень, черноземомъ, въ которой было найдено много желѣзныхъ пластинокъ отъ брони, человѣческихъ и лошадиныхъ костей, черепковъ амфоры, а ближе къ дну—человѣческій черепъ, теменемъ вверхъ, подлѣ котораго лежали три желѣзныхъ наконечника копій, отчасти съ остатками древковъ. Въ западной, болѣе обширной половинѣ гробницы лежали два остова коней безъ всякихъ уборовъ, съ головами, протянутыми къ востоку, такъ что человѣческій черепъ находился въ срединѣ между этихъ головъ. При очисткѣ дна попались еще пластинки отъ брони, обломки небольшого греческаго алаистра, черепки отъ небольшого кувшинчика и отъ греческой съ черной поливой чашки.

Въ 1862 году рѣшено было произвести раскопку большой Толстой могилы, извѣстной подъ именемъ *Чертомлыцкой* (отъ рѣки Чертомлыкъ), находившейся въ имѣньи г-жи Зейфартъ, верстахъ въ

20 кѣ сѣв.-зап. отъ мѣст. Никополя, Екатер. губ. и уѣз. Могила эта была насыпана на возвышенной ровной мѣстности, перерѣзанной болѣе или менѣе глубокими балками и рѣчками, которыя начинаются большей частью неподалеку отъ могилы и, расходясь оттуда, впадаютъ или въ рѣчку Чертомлыкѣ или въ рѣки Солоную и Базавлукѣ. Съ вершины кургана открывался далекій видъ. По близости, саж. въ 12 на зап., находилась Долгая могила, длиною въ направленіи съ вост. на зап. до 60 саж.; за нею было разбросано по стени еще нѣсколько меньшихъ кургановъ; на вост., верстахъ въ $1\frac{1}{2}$, возвышались двѣ Близницы, могилы средней величины. У самой могилы, съ южной и съ сѣв.-зап. стороны, также были насыпаны небольшіе курганы. Самъ Чертомлыцкій курганъ имѣлъ болѣе 165 саж. въ окружности и около 9 саж. отвѣсной вышины (вышина по откосу 24—26 саж.). Сѣверный бокъ съ вершины до половины кургана имѣлъ почти отвѣсную крутизну, затѣмъ дѣлалъ ступень около сажени шириной и сходилъ къ подошвѣ также довольно круто. Такая крутизна сѣвернаго бока наблюдалась и на другихъ большихъ курганахъ и достигалась помощью укрѣпленія этой стороны каменной кладкой. У подошвы кургана и кругомъ по стени попадались мелкіе известковые камни, коихъ прежде (по описанію Зуева, 1781 г.) было, повидимому, больше. У сѣверной подошвы кургана, ближе къ зап., была видна круглая яма въ 4 саж. въ діаметрѣ, окруженная валомъ около 3 сажень шириною. «Здѣсь былъ рытъ подземный ходъ въ могилу давнишними искателями ея кладовъ, отчего образовался и самый валъ изъ земли, которая выкапывалась при раскопкѣ».

Вершина кургана представляла ровную площадь въ 7 саж. въ діаметрѣ, посрединѣ которой, въ ямѣ, стояла каменная баба съ отшибленною и снова приставленною головою. Баба была вытесана изъ песчаника, около $3\frac{1}{2}$ арш. вышиной (самое изображеніе—3 арш.), шириной въ плечахъ 1 арш., и представляла мужчину въ шапкѣ-мисюркѣ или шляпѣ съ каймою вокругъ и по верху, крестъ на-крестъ. Изъ-подъ шапки опускались назадъ пять прядей, сходящихся въ кольцо и падавшихъ по спинѣ въ одну прядь. Фигура была одѣта въ длинный кафтанъ, украшенный по швамъ и подолу нашивками. Руки сложены у живота, пальцы въ пальцы. На лѣвомъ бедрѣ висѣлъ мечъ, на правомъ — родъ колчана. Ноги были очень короткія, не болѣе 7 вер. «Можетъ быть, этимъ хотѣли обозначить сидячее положеніе фигуры».

Разслѣдованіе кургана было начато со снятія его верхушки, причемъ мѣстами попадались вещи и кости. Такъ, на глубинѣ $1\frac{1}{2}$ —2 арш.—были найдены черепки отъ амфоръ, а въ другомъ мѣстѣ—бронзовыя бляшки (круглыя и полулунныя), пуговицы (болѣе 200), запоны (въ видѣ птичьей головы), трубочки, бусы, желѣзныя удила, лошадиныя зубы. На 3-ей сажени была найдена куча жел. удили (около 250) съ бронзовыми украшеніями, бронз. прорѣзная жаровня съ ручкой для насаживанія на палку, бронз. изображенія

львовъ, драконовъ, птицъ съ втулками, конскіе налобники въ видѣ головы крылат. козла, бронз. трубочки, бубенцы, колокольчики, полулунныя подвѣски, нащечники отъ конскаго убора, а также шейная бронз. гривна; въ другомъ мѣстѣ, въ кучѣ, нѣск. золотыхъ узорчатыхъ пластинокъ, серебряныя окислившіяся бляхи и нитка мелкихъ раковинъ. Съ 5-ой сажени по отвѣсу, «во избѣжаніе излишнихъ расходовъ, которыхъ потребовала бы раскопка сплошь всей насыпи», дальнѣйшее разслѣдованіе кургана поведено широкой траншеей, въ направленіи съ в. на з. Сначала ширина траншеи была сдѣлана въ 22 саж., потомъ, по снятіи пласта въ 1 саж., она была уменьшена во избѣжаніе обваловъ земли до 20 саж., а затѣмъ, по снятіи еще сажени, до 16 саж. Съ этою шириной середина кургана была раскопана до самаго материка. Въ снимаемыхъ слояхъ чернозема попадались черепки отъ разбитыхъ горшковъ и амфоръ, въ томъ числѣ двѣ ручки съ греческими клеймами, также бронзовыя стрѣлки, пуговицы, бронз. и желѣзныя части удила, лошадиныя кости (отъ челюсти и ногъ). Раскопка была доведена до 7-ой сажени глубины по отвѣсу и, въ виду истощенія средствъ, продолженіе ея было отложено до слѣдующаго года, причемъ по срединѣ площади былъ оставленъ земляной столбъ въ 2 саж. вышины и въ $1\frac{1}{2}$ саж. толщины и сдѣланы съ краевъ траншеи уступы для стока воды.

Въ слѣдующемъ 1863 г. раскопка кургана была продолжена снятіемъ пластовъ чернозема по всей поверхности траншеи. Чѣмъ ближе къ матерiku, тѣмъ больше стали обнаруживаться въ черноземныхъ слояхъ слои глины, красноватой, бѣловатой и желтой, выброшенной изъ вырытой въ материкъ гробницы. Когда, наконецъ, всѣ эти слои были сняты до материка, то обнаружилась засыпанная чистымъ черноземомъ центральная яма ($6\frac{1}{2}+3$ арш.), вытянутая въ напр. съ в. на з. Противъ сѣв.-зап. ея угла, въ разстояніи $2\frac{1}{2}$ саж., виднѣлась другая яма, также засыпанная черноземомъ, но неправильной овальной формы ($4+2$ саж.); «неправильная форма и трещины на краяхъ этой ямы указывали, что это былъ собственно провалъ въ подземелье». «Къ западу отъ центральной ямы, въ разстояніи около 7 саж., открыто было еще 5 ямъ, 3 большихъ, почти квадратныхъ, и подлѣ нихъ, но впереди, т.-е. ближе къ центральной гробницѣ, еще двѣ малыхъ продолговатыхъ. Три большихъ ямы заключали въ себѣ остовы коней, въ одной — три, въ другихъ — по четыре, всего 11, лежавшихъ на животѣ, головами къ центральной гробницѣ. На нѣкоторыхъ коняхъ были сѣдла, другіе безъ сѣделъ, но всѣ имѣли серебряныя или золотыя уздечныя и шейныя уборы — изъ наносниковъ, бляхъ, трубочекъ, колецъ, пуговицъ, колскольчиковъ. Двѣ малыхъ могилы впереди ихъ заключали въ себѣ остовы конюшихъ, головами къ конскимъ могиламъ. Одинъ костякъ имѣлъ у праваго уха золотую серьгу, въ видѣ двулицей человѣческой головы, серебряную позолоченую гривну и золотой витой перстень на пальцѣ; съ праваго бока у него лежало

жел. копье и жел. стрѣла, у пояса—жел. ножикъ съ костянымъ черенкомъ, а у тазовой кости—кучка около 100 бронз. стрѣлокъ съ остатками кожаного колчана. У другаго остова была найдена золотая витая гривна, а у головы—кучка (55) бронз. стрѣлокъ съ остатками тростниковыхъ древковъ съ красными поясками; у лѣвой руки лежали остатки колчана и 5 бронзовыхъ стрѣлокъ. За описанными конскими могилами, далѣе на западъ, были обнаружены еще три могилы, но заключавшія въ себѣ только костяки и простыя горшки; подобная же бѣдная могила была найдена и въ восточномъ концѣ траншеи, заключавшая въ себѣ безголовый костякъ съ желѣзнымъ кинжаломъ.

Центральная гробница оказалась очень глубокой и расширяющейся книзу, что представило большія затрудненія и опасности при ея раскопкѣ. Въ материкѣ были пройдены слои верхней желтой глины, затѣмъ слой бѣловатой, далѣе слои красноватой и темно-желтой, наконецъ, обнаружился слой чистой бѣлой глины: это и было дно гробницы, на глубинѣ $15\frac{1}{4}$ арш. (5 слишкомъ саж.) отъ верхоземки. На немъ мѣстами попадались слои перетлѣвшаго тростника и дерева, а на самой серединѣ слѣды красокъ, голубой и пурпуровой. «Нельзя было сомнѣваться, что эти краски служили нѣкогда украшеніемъ гроба, или какихъ-нибудь деревянныхъ досокъ, отъ которыхъ, однакожъ, не осталось почти и слѣдовъ». Раскопка была поведена еще глубже и вскорѣ «материковый пластъ бѣлой глины обозначилъ форму креста, въ промежуточныхъ углахъ котораго, аршина по 3 въ квадратѣ, оставался еще насыпной черноземъ. Это были углы гробничной ямы и въ нихъ помѣщались покатыя сходы изъ нея въ наугольныя, тоже гробничныя подземелья. За пластомъ бѣлой глины, который лежалъ толщею съ небольшимъ на 2 аршина, показался новый материковый пластъ отличной красной глины. На его уровнѣ и были расположены наугольныя подземелья». Разслѣдованіе ихъ было сопряжено съ большою опасностью для рабочихъ и было возможно только съ оставленіемъ земляныхъ столбовъ между выкапываемыми ходами.

Всѣ четыре подземелья дали значительное число вещей. Въ одномъ (юго-восточномъ) были найдены: мѣдный котелъ на ножкѣ, 5 амфоръ, скелетъ животнаго (собаки), отъ котораго сохранился только слой извести, кучки бронзовыхъ стрѣлъ со слѣдами кожаныхъ колчановъ, 5 желѣзныхъ ножей съ костяными рукоятками. Въ углу стрѣлы стояли рядами вдоль стѣны, числомъ около 150, нѣкоторыя еще съ древками; тутъ же были найдены остатки, по видимому, ковра. Вдоль стѣны собрано было много золотыхъ украшеній отъ одежды, висѣвшей по видимому на желѣзныхъ крючьяхъ на сводѣ и стѣнѣ. Это были золотыя бляшки, ленты, пуговицы, привѣски, трубочки, большей частью съ изображеніями травъ, цвѣтовъ, бодающихся козловъ, грифовъ, головъ Горгоны и т. д. По срединѣ этого подземелья, по снятіи земляного столба, ничего не было найдено. Во второмъ (сѣверо-вост.) подземельи стояло вдоль

стѣны 6 амфоръ, а посреди его найдено было бронзовое зеркало съ желѣзной ручкой. Близъ входа лежалъ скелетъ; на шеѣ у него была бронзовая гривна, близъ головы золотая привѣска (отъ серьги?), на среднемъ пальцѣ правой руки золотое спиральное кольцо, у лѣваго бока ножикъ съ костянымъ черенкомъ и 67 бронзовыхъ стрѣлъ со слѣдами кожаного колчана. Въ головахъ остова собрано было нѣсколько золотыхъ и костяныхъ вещей, составлявшихъ—по Забѣлину—что-то въ родѣ жезла, а по Кондакову—ручку или нѣсколько ручекъ отъ нагайки или лука; золотыя орнаментированныя бляхи, наконечники, спиральныя ленты, ободки и костяные обломки. Вдоль стѣнъ и по всему полу попадалось множество (около 400) золотыхъ бляшекъ, подвѣсокъ, бусъ, трубочекъ, пуговицъ, лентъ и другихъ нашивокъ на одежду и головные уборы. Многія бляшки—съ изображеніями фантастическихъ животныхъ, грифовъ, зайцевъ, льва, терзающаго оленя, варвара, борющагося съ грифомъ, человѣческой бородатой головы, головы Горгоны, Геракла, удушающаго льва, битвы звѣрей и чудовищъ и т. д. Между этими украшеніями попадались желѣзные крючки, на которыхъ, вѣроятно, были развѣшаны одежды и уборы; въ одномъ углу найдены были и перетлѣвшія ткани въ комкахъ, а въ другомъ мѣстѣ 17 костяныхъ дощечекъ со слѣдами позолоты, вѣроятно, отъ какого-нибудь ларца, и серебряная, сильно поврежденная ложка. Въ 3-мъ, юго-западномъ, подземельи были найдены два скелета. На шеѣ одного была золотая гривна съ 12 фигурками идущихъ львовъ; около черепа лежали золотыя бляшки съ изображеніями грифовъ отъ головного убора (башлыка), на рукахъ были широкіе золотые браслеты, на безымянныхъ пальцахъ обѣихъ рукъ—золотыя кольца, у лѣваго бока мечъ съ обложенной золотомъ рукояткой и золотымъ наконечникомъ ноженъ, подлѣ меча золотая спиральная лента и двѣ золотыя трубочки, вѣроятно, отъ нагайки, ножикъ съ костяной ручкой и бронзовыя стрѣлы со слѣдами кожаного колчана. На мѣстѣ пояса—бронзовыя бляшки, слѣва отъ черепа—обломки бронзовой чаши и серебрянаго кувшинчика и куча стрѣлъ. Другой костякъ, лежавшій справа отъ перваго (оба ногами къ центральной гробницѣ), имѣлъ на шеѣ золотую литую гривну съ концами въ видѣ львовъ, на правой рукѣ серебряный браслетъ, на среднемъ пальцѣ ея золотое кольцо, на чреслахъ бронзовый поясъ, у лѣваго бока—желѣзный мечъ, у тазовой кости—колчанъ съ бронзовыми стрѣлами и желѣзный ножикъ. Костей лѣвой руки до локтя у этого остова не было.

Въ 4-мъ сѣв.-зап. подземельи найдены были въ глиняномъ его полу остатки дерева и слѣды синей, зеленой и желтой красокъ, какъ бы остатки ложа, на которомъ лежалъ женскій остовъ, тоже ногами къ центральной гробницѣ, въ богатомъ убранствѣ. На лбу этой царицы была золотая лента, украшенная растительнымъ орнаментомъ; по сторонамъ черепа двѣ золотыя серьги въ видѣ кольца съ 7-ю подвѣсками грубой работы; къ головному убору принадлежали еще 29 золотыхъ бляшекъ въ видѣ цвѣтовъ, 20—въ видѣ

розетокъ и 7 — въ видѣ пуговокъ; кромѣ того, голова и часть тѣла были покрыты пурпурнымъ покрываломъ, на которомъ были нашиты 57 золотыхъ четырехугольныхъ бляшекъ съ изображеніемъ сидящей женщины въ одеждѣ съ длинными висячими рукавами и съ зеркаломъ въ лѣвой рукѣ и стоящаго передъ ней скифа, пьющаго изъ ритона. О покрывалѣ можно было судить по остаткамъ пурпурной ткани подъ бляшками. Рядъ этихъ бляшекъ тянулся выше черепа вершковъ на 8, составляя надъ нимъ треугольникъ съ закругленной вершиной и потомъ спускаясь по плечамъ и доходя до кистей рукъ. Повидимому, бляшки эти составляли уборъ высокаго колпака или клобука съ длинными лентами. На рукахъ остова были золотые плоскіе браслеты, на всѣхъ пальцахъ рукъ золотыя кольца, 9 съ гладкими бляхами, а 1 на правомъ мизинцѣ съ изображеніемъ летящей утки. Подлѣ правой руки лежало бронзовое зеркало съ костяной ручкой и слѣдами голубой матеріи. Близъ этого женскаго остова, ногами къ нему, лежалъ на полу другой остова, повидимому, мужской; на рукахъ его были браслеты, бронзовый и желѣзный, у лѣваго бока ножикъ съ костяной ручкой и кучка бронзовыхъ стрѣлъ. Слева его лежала амфора; 13 такихъ же амфоръ стояли вдоль всей сѣверной стѣны подземелья. У западной же стѣны его, въ толщѣ глины, была найдена знаменитая серебряная чертомлыцкая ваза, а рядомъ съ нею большое серебряное блюдо съ фигурными ручками и съ трубчатыми ножками, на которомъ лежала серебряная черпалка съ ручкой, оканчивающейся собачьей головой.

Сѣверо-западный уголъ этого подземелья сообщался съ указанной выше большой неправильно-овальной ямой. У сѣверной стѣны этой ямы было открыто устье подземной лазейки, вырытой сводомъ и имѣвшей $1\frac{1}{2}$ арш. въ діаметрѣ. Яма оказалась заваленной на $3\frac{1}{2}$ арш. отъ материка черноземомъ (на желтой материковой глинѣ). У восточной стѣны ямы, на глубинѣ 10 арш. 6 верш. съ верхоземки, найдены кости отъ человѣческаго остова, лежавшія въ безпорядкѣ и не въ полномъ составѣ (однако, съ черепомъ). «По всему вѣроятію, — говоритъ Забѣлинъ, — покойникъ погибъ во время обвала этого подземелья, можетъ быть, застигнутый въ своей подземной лазейкѣ». На глубинѣ около 13 аршинъ подъ тѣмъ же мѣстомъ собрано еще нѣсколько человѣчьихъ и конскихъ костей. Еще глубже (на 15 арш.) почти подъ самымъ устьемъ подземной лазейки былъ открытъ стоячій громадный бронзовый котелъ (казанъ) на ножкѣ, съ фигурами горныхъ козловъ по борту; въ немъ лежали лошадиныя кости и черепъ; за этимъ казаномъ стоялъ другой, поменьше, съ двумя простыми ручками, тоже наполненный костями жеребенка, между которыми лежала желѣзная черпалка съ рукою въ 12 верш. длиной. Оба котла были закопчены снизу. На днѣ подземелья, особенно подъ устьемъ лазейки, попало нѣсколько мелкихъ золотыхъ бляшекъ, подвѣсокъ, бусъ и т. п. и 6 черепковъ черной и поливной греческой посуды, а въ юго-западномъ углу нѣсколько золотыхъ перстней

съ изображеніемъ быка или собаки, разныхъ прорѣзныхъ и узорчатыхъ бляхъ, трубочекъ и бусъ. У западной стѣны ямы, на аршинъ выше материка, въ рушеномъ слоѣ глины, найдены были неполные остатки человѣческаго костяка (съ разбитымъ на мелкія части черепомъ) и около нихъ нѣсколько бронзовыхъ стрѣлокъ. Недалеко отсюда на материкѣ оказались остатки перетлѣвшаго дерева, повидимому, отъ досокъ. Въ западной и южной материковыхъ стѣнахъ подземелья открыто было нѣсколько углубленій или пещерокъ, имѣвшихъ отъ 1 до 3 арш. длины и около 1 арш. ширины и высоты и заваленныхъ рушеной землей. Въ одной изъ нихъ найдена бронзовая съ позолотою чаша ($8\frac{1}{2}$ дюйма въ діаметрѣ, $3\frac{1}{2}$ д. выш.), остатки кожаного колчана съ бронзовыми стрѣлками, мечъ съ рукоятю, покрытой золотомъ, золотой наконечникъ отъ ноженъ, два ножа съ костяными рукоятками; въ сводѣ надъ чашей былъ воткнутъ желѣзный крючекъ. Въ другой пещеркѣ стояло бронзовое, перержавѣвшее ведерцо, а за нимъ на протяженіи двухъ аршинъ лежалъ какой-то черный слой, въ которомъ мѣстами свѣтились золотыя бляшки. Слой этотъ походилъ на перетлѣвшую кожу или толстую ткань, превратившуюся въ совершенный черноземъ. Въ этомъ слоѣ собрано до 700 золотыхъ бляшекъ, съ изображеніемъ сидячей женщины и передъ ней скиѳа, или головы Горгоны, розетки, пирамидки съ зернью, или въ видѣ пуговокъ. Еще въ одномъ углубленіи, расширявшемся въ стороны на 3 аршина, найденъ былъ цѣлый складъ золотыхъ вещей, въ томъ числѣ золотая чеканная пластина отъ налучья съ изображеніемъ сложной греческой сцены и нападающихъ другъ на друга животныхъ; золотыя полосы отъ боковъ налучья, золотая пластина отъ ноженъ меча съ изображеніемъ битвы грековъ съ варварами, два желѣзныхъ меча съ золотыми рукоятями, одна съ грубыми изображеніями грифоновъ, другая (по Кондакову, персидской работы) — съ двумя бычьими головами наверху и со сценами охоты на туровъ и сайгъ — по длинѣ. Въ стѣнѣ пещерки были воткнуты три желѣзныхъ меча съ золотыми рукоятками, которые, впрочемъ, лежали уже внизу, на материкѣ; кромѣ того по всему пространству пещерки найдено было много золотыхъ бляшекъ, бусъ, пуговокъ, серебряныхъ трубочекъ и т. д. Близъ прохода въ сосѣднее угловое подземелье найденъ былъ еще стоящій на полу бронзовый свѣтильникъ о семи рожкахъ.

Послѣ раскопки всѣхъ этихъ подземелій, отъ центральной гробницы проведена была еще траншея поперекъ въ одну сторону (на югъ), до 15 саж. въ длину и на 6 саж. въ ширину, но въ ней попалась только одна бронзовая игла; затѣмъ была обследована еще лазейка, начинавшаяся отъ круглой ямы у подошвы кургана. Ходъ этотъ былъ заваленъ камнями цоколя, а самое отверстіе было закрыто двумя огромными каменными плитами, поставленными также на камняхъ. Внутри лазейки по всей ея длинѣ (до 14 саж.) попадались въ разныхъ мѣстахъ конскія и человѣческія кости; послѣднія отъ двухъ костяковъ, но череповъ ихъ не оказалось; по дну шелъ на протяженіи 6 сажень тонкій слой красной глины.

Раскопка этого замѣчательнаго кургана, даващаго столь громадное количество цѣнныхъ и любопытныхъ вещей, не могла, конечно, не обратить вниманіе на труды И. Е. Забѣлина. Онъ былъ награжденъ орденомъ Станислава 2-й ст. и произведенъ въ старшіе члены Археологической Комиссіи.

Въ слѣдующемъ 1864 г. Забѣлинъ отправился на Таманскій полуостровъ для изслѣдованія находящихся тамъ большихъ кургановъ. Имъ выбраны были два кургана, извѣстные подъ именемъ Близницы или Два брата, насыпанные около д. Стеблеевки, на берегу Цукурской бухты, на возвышенномъ хребтѣ. Рѣшено было раскопать сначала восточную или *Большую Близницу*, имѣвшую около 160 саж. въ окружности и 7 саж. отвѣсной высоты. Начало раскопки было очень удачно. Съ западной стороны, почти у подошвы, на небольшой высотѣ надъ материкомъ наткнулись на могилу съ трупосожженіемъ, въ срединѣ которой, среди углей и золы, были найдены: золотой вѣнецъ изъ лавровыхъ листьевъ, золотой перстень съ скарабеемъ, золотая статуэтка танцовщицы, золотая монета Александра Македонскаго, нѣсколько золотыхъ фигурокъ сфинкса, множество узорчатыхъ золотыхъ бляшекъ, подвѣсокъ, бусъ, костяныя украшенія, бронзовое зеркало, мѣдные гвозди (вѣроятно, отъ гроба) и т. д. Недѣли двѣ спустя, съ той же стороны, въ 4 саж. отъ могилы съ трупосожженіемъ, была найдена гробница изъ каменныхъ известковыхъ плитъ (5 + 5 арш.), къ которой велъ ходъ, обставленный такими же плитами, но не покрытый. Верхнія плиты гробницы провалились и раздавили деревянный саркофагъ, остатки котораго были украшены рѣзьбой и инкрустированы слоновой костью. Костякъ оказался почти совершенно истлѣвшимъ, но предметы, положенные съ нимъ, сохранились. На головѣ была золотая корона-кокошникъ изъ 15 пластинокъ на истлѣвшей подкладкѣ; на пластинкахъ прибиты гвоздиками рельефы, изображающіе борьбу скиѳовъ (варваровъ) съ грифами; обручъ кокошника расширялся кверху на подобіе корзины изъ прутьевъ, составлявшей корону богини земледѣлія Деметры, т. наз. «калатось». По этой коронѣ и по богатой обстановкѣ гробницы послѣднюю и признали гробницей жрицы Деметры. На лбу этой жрицы лежала т. наз. стленгида, — съ изображеніемъ завитковъ, подражающихъ локонамъ волосъ; на вискахъ — большія золотыя подвѣски (къ коронѣ) изъ круглыхъ бляхъ съ изображеніемъ Оетиды на гиппокампѣ (морскомъ конѣ), везущей панцырь своему сыну Ахиллу, и изъ спускающихся отъ этихъ бляхъ жгутиковъ, оканчивающихся бусами въ видѣ маленькихъ амфоръ; около ушей — филиграновыя серьги; на шеѣ — два ожерелья прекрасной работы; на пальцахъ лѣвой руки — четыре массивныхъ перстня съ рѣзными изображеніями Афродиты, Діаны, сиренъ; на груди — золотыя филиграновыя пуговицы; на запястьяхъ — бронзовые позолоченные браслеты съ изображеніемъ львицъ. Всѣ эти украшенія художественной греческой работы IV в. до Р. Х. Кромѣ того, найдено много золотыхъ пластинокъ съ изобра-

женіемъ Деметры, Геракла, Медузы и т. д., крылатыхъ и пляшущихъ женщинъ, бычьихъ и оленьихъ головокъ, розетокъ и пр., съ дырочками, указывающими, что онѣ были нашиты на одежду. Налѣво отъ костяка лежало бронзовое зеркало, украшенное рельефными изображеніями Афродиты и Эроса, а въ головахъ стояла краснофигурная ваза съ изображеніемъ борьбы Геракла съ кентавромъ. Въ углу гробницы лежали въ кучѣ 4 штуки желѣзныхъ удилъ, украшенныхъ бронзовыми бляхами съ рельефными изображеніями, воспроизводящими борьбу грековъ съ амазонками и другіе сюжеты.

Незначительные размѣры этой гробницы, открытой въ западной сторонѣ огромнаго кургана, позволяли сдѣлать предположеніе, что ею не исчерпывается содержаніе насыпи, а потому было проведено нѣсколько траншей къ центру, но онѣ не дали никакихъ результатовъ. Забѣлинь, между тѣмъ, долженъ былъ уѣхать и раскопку сталъ продолжать директоръ Керченскаго музея Люценко. Онъ открылъ въ курганѣ остатки костра, еще одну ограбленную гробницу, а въ слѣдующіе годы здѣсь найдена была еще болѣе любопытная гробница, повидимому, другой жрицы Деметры; но И. Е. къ этому кургану уже не возвращался. Имъ было вскрыто въ этотъ разъ еще 9 небольшихъ кургановъ на берегу Таманскаго залива, но только одинъ оказался нетронутымъ и далъ расписную вазу съ сожженными въ ней костями. Въ одномъ изъ тронутыхъ кургановъ, въ разбитомъ саркофагѣ, нашлись еще два золотыхъ перстня, изъ коихъ одинъ, съ агатомъ, на которомъ вырѣзанъ журавль, стоящій на одной ногѣ и передъ нимъ кузнечикъ, оказался превосходной работы художника Дексамена.

Лѣтомъ 1865 г. И. Е. отправился снова въ Приднѣпровье, но уже въ Мелитопольскій уѣздъ, Таврической губерніи, гдѣ, верстахъ въ 40 отъ Днѣпра, около д. Ново-Александровки, занялся раскопкой большаго кургана, извѣстнаго подъ именемъ *Козелъ* и имѣвшаго около 150 саж. въ окружности и $6\frac{1}{2}$ саж. отвѣсной высоты. Подъ насыпью въ немъ были найдены четыре гробницы, изъ коихъ средняя, углубленная на $4\frac{1}{2}$ саж. въ материкѣ, имѣла 4 угловыхъ ниши, какъ и въ Чертомлыцкомъ курганѣ. Но она оказалась ограбленною помощью лазейки, шедшей съ сѣверной стороны насыпи; въ ней были найдены только разбросанныя кости, остатки желѣза, нѣсколько золотыхъ пуговицъ и золотая пластинка съ головой Аѣины въ шлемѣ. Къ западу отъ этой центральной гробницы оказались, какъ и въ Чертомлыцкомъ курганѣ, три гробницы коней, всего съ 11 лошадиными остовами, имѣвшими также уздечки и поводя, украшенные серебряными или бронзовыми бляхами и бубенчиками, а у трехъ остововъ были еще сѣдла, украшенные длинными золотыми пластинками. Рядомъ съ конскими могилами найдены были двѣ могилы конюшихъ, но изъ вещей при нихъ оказались только желѣзные ножи и остатки кожаныхъ колчановъ съ бронзовыми стрѣлами.

Въ 1866 году И. Е., повидимому, не ѣздилъ на раскопки; по крайней мѣрѣ, въ отчетѣ за этотъ годъ о немъ не упоминается, но лѣтомъ 1867 г. мы видимъ его снова въ Приднѣпровьѣ, на раскопкахъ *Сиротинныхъ Могилахъ*, кургановъ въ окрестностяхъ г. Александровска, Екатеринославской губерніи. Изъ трехъ кургановъ этой группы Забѣлинъ выбралъ сперва длинный, имѣвшій около 48 саж. въ длину, при вышинѣ въ 4 арш. У сѣвернаго конца его, на $1\frac{1}{2}$ арш. отъ поверхности, былъ найденъ каменный молотокъ, а въ центрѣ двѣ костяныхъ стрѣлки, бронзовая пуговица, желѣзные удила и лошадиныя кости. Въ южномъ концѣ насыпи былъ открытъ человѣческій костякъ въ лежащемъ положеніи и около него клыкъ кабана. На материкѣ обозначились 12 небольшихъ и неглубокихъ могилъ—съ костяками, лежащими на боку въ скорченномъ положеніи, съ грубыми при нихъ горшками, иногда съ лошадиными костями и желѣзными удилами. Въ другомъ кругломъ курганѣ, на глубинѣ 4 аршинъ въ материкѣ, оказалась центральная гробница, но уже ограбленная; въ ней нашлись только человѣчьи и лошадиныя кости и остатки желѣзнаго меча и панцыря изъ желѣзныхъ пластинокъ. Послѣ этого Забѣлинъ перенесъ работы верстъ на 100 южнѣе, въ Мелитопольскій уѣздъ, гдѣ принялся за раскопку большой могилы, т. наз. *Цимбалки*, около д. Большая Бѣлозерка. Курганъ этотъ имѣлъ 140 саж. въ окружности и 7 саж. отвѣсной высоты. Такъ какъ въ одно лѣто раскопать такой курганъ было невозможно, то И. Е. на этотъ разъ только провелъ траншею съ в. на з. до извѣстной глубины и отложилъ дальнѣйшую раскопку до слѣдующаго лѣта.

При раскопкѣ лѣтомъ 1868 г. въ насыпи *Цимбаловой* могилы были найдены лошадиныя кости, два уздечныхъ набора съ удилами и черепки амфоръ. Въ материкѣ обнаружили двѣ могилы, въ центрѣ кургана — овальная, небольшая, а къ западу отъ нея большая, четырехугольная. Въ послѣдней оказались остовы шести коней, изъ коихъ на четырехъ были бронзовые уздечные наборы съ серебряными налобниками, а на двухъ большіе золотые налобники; одинъ изъ нихъ украшенъ, — какъ объяснялъ Забѣлинъ, — изображеніемъ сирены, а по Кондакову — изображеніемъ божества типа персидской Артемиды, хорошей греческой работы, а другой — изображеніемъ геральдическихъ грифоновъ и растительнымъ орнаментомъ, болѣе грубой, варварской техники. Овальная могила, имѣвшая въ глубину до 4 саж., оказалась ограбленной; въ ней найдена была только ручка обыкновеннаго ножа. Къ сѣверу, въ углахъ этой могилы, были открыты два небольшихъ подземелья; восточное изъ нихъ заключало въ себѣ только нѣсколько человѣческихъ и лошадиныхъ костей и костяную ручку ножа, а при входѣ въ западное — были найдены кости собаки и желѣзный наконечникъ копья. Между собою эти подземелья сообщались небольшою траншеей, прокопанной грабителями, которые проникли въ главную могилу корридоромъ (или подземельемъ), проведеннымъ на

глубинѣ 3 саж. отъ поверхности. Корридоръ этотъ овальной формы, въ діаметрѣ около 6 арш., направлялся къ с.-з. углу могилы и къ своду небольшого западнаго подземелья. На полу этого позднѣйшаго (?) корридора, въ слоѣ глины были разбросаны мелкіе золотые предметы, очевидно, утерянные грабителями, какъ-то: массивное золотое кольцо (можетъ быть, отъ серьги), золотыя толстыя трубочки, круглыя бляшки съ изображеніями грифовъ, головы Горгоны, зайца, пирамидки съ зернью, стеклянная желтая бусина съ синими глазками, костяныя и бронзовыя стрѣлки, бронзовыя пластинки отъ пояса и желѣзныя чешуйки отъ панцыря. Раскопка на этомъ была, повидимому, закончена, и Забѣлинъ перешелъ къ изслѣдованію другаго меньшаго кургана, въ 2½ саж. высотой, находившагося въ 125 саж. отъ Цимбалки. Въ немъ оказалось много могилъ; у одного скелета были только два кремешка, у другаго — куски краски, у нѣкоторыхъ ничего. Еще у одного оказались 5 костяныхъ, 7 кремневыхъ и 5 бронзовыхъ стрѣлъ, бронзовыя удила, золотая трубочка и глиняный кувшинчикъ. У западнаго же конца кургана была найдена могила въ формѣ катакомбы; направо отъ входа въ ней стояла деревянная колода съ костякомъ, у котораго оказалась на шеѣ золотая массивная гривна въ родѣ чертомлыцкой, съ лѣвой стороны головы три желѣзныхъ копья, ниже сотня бронзовыхъ стрѣлъ, у бедра желѣзный мечъ, въ ногахъ лошадиныя кости. Около гроба, налѣво, лежали 200 бронзовыхъ стрѣлъ съ остатками древковъ и два бронзовыхъ уздечныхъ набора. При входѣ въ катакомбу найдены были еще 30 челюстей маленькаго животнаго, нанизанныхъ на ремешокъ, и черепъ и кости собаки, а въ сѣверо-западномъ углу бронзовый котелъ съ бараньими костями. У сѣверной стѣны стояла деревянная, выдолбленная изъ цѣльнаго дерева, бочка (1½ арш. длиной), съ большой рѣзной ручкой, и истлѣвшая кружка, украшенная съ лицевой стороны тремя золотыми бляшками съ грубыми изображеніями льва и двухъ рыбъ. Такимъ образомъ, эта одна могила дала наиболѣе интересныя находки.

Въ 1869 г. Забѣлинъ отправился вмѣстѣ съ Тизенгаузенемъ на Таманскій полуостровъ, гдѣ были произведены раскопки около ст. Сѣнной, въ мѣстности, гдѣ предполагають была древняя греческая колонія Фанагорія. Открыто было около 40 могилъ какъ въ центральныхъ, такъ и въ боковыхъ частяхъ кургановъ разной величины, но почти всѣ онѣ оказались ограбленными, вѣроятно, еще въ древнія времена. Найдены были только небольшыя расписныя амфоры, одна бронзовая позолоченая урна съ жженными костями, немного стеклянной посуды, алабастры, бронзовыя зеркала, бронзовыя колечки, бусы, золотыя листки (отъ вѣнковъ), обломки деревянныхъ рѣзныхъ саркофаговъ, терракотовыя кружки съ изображеніемъ головъ Медузы, плиты отъ гробницъ, иногда съ рельефными изображеніями и одна съ надписью. Не удалось отыскать и стѣны древняго города, хотя и были находимы обломки древней посуды, черепица, мраморныя плиты и босфорскія мѣдныя монеты. Только

позже Тизенгаузену удалось найти одну нетронутую женскую могилу, давшую интересныя статуэтки и золотыя украшенія.

Въ слѣдующемъ 1870 году Забѣлинъ продолжалъ свои розысканія на предполагаемомъ мѣстѣ древней Фанагоріи, именно такъ наз. городищѣ, почва котораго оказалась сплошь перерытой, иногда до глубины 7 арш. Проведено было до 500 саж. траншей, но только въ одномъ мѣстѣ попали на остатки древнихъ фундаментовъ. Нашли также нѣсколько могильныхъ памятниковъ съ еврейскими и греческими надписями, остатки колоннъ, карнизовъ, статуй и кое-какія мелкія вещи. Перейдя затѣмъ къ раскопкѣ одного холма, И. Е. встрѣтилъ тамъ цѣлое кладбище макроцефаловъ; большинство гробницъ, впрочемъ, оказалось безъ всякихъ вещей; въ другихъ найдены были глиняныя горшки, бронзовыя гривны, кольца, пуговицы, браслеты, фрагменты стеклянной посуды, терракотовыя статуэтки. Въ 7—8 верстахъ отъ городища была начата еще раскопка большой *Буеровой Могилы*, имѣвшей 150 саж. въ окружности и 6 саж. отвѣсной высоты. Проведено было три траншеи, съ юга, юго-запада и запада и найдено было нѣсколько гробницъ, но кости въ нихъ были перетлѣвшія, а вещи большей частью сильно перержавѣвшія. При одномъ костякѣ оказались и золотыя украшенія: золотой вѣнокъ съ изображеніемъ Геліуса, золотое ожерелье въ видѣ свитой змѣи, пять мечей съ золотыми ручками, серебряныя кружки, бронзовыя вѣнки, желѣзный панцырь, желѣзные наконечники копій. Раскопка эта описана въ отчетѣ, впрочемъ, настолько кратко, что нельзя составить себѣ о ней вполне яснаго представленія.

Въ слѣдующемъ 1871 г. Забѣлинъ вернулся къ этой *Буеровой Могилѣ*, довель начатыя въ ней три траншеи до центра и заложилъ еще четыре другихъ, но — безуспѣшно. Курганъ оказался перерытымъ многими подземными ходами кладоискателей во всѣхъ направленіяхъ. Въ центрѣ была найдена большая гробница изъ известковыхъ плитъ, съ обрушившимся сводомъ, но въ ней оказались только слѣды деревяннаго саркофага, нѣсколько костей, остатки костяныхъ инкрустацій, мѣдныя и желѣзные гвозди, нѣсколько бронзовыхъ бляшекъ и колокольчиковъ. Раскопанъ былъ еще другой небольшой курганъ съ гробницей въ материкѣ, но она дала только кучу жженныхъ костей, и нѣсколько черепковъ и стрѣлокъ. Наконецъ, продолжены были раскопки на Фанагорійскомъ городищѣ, въ двухъ мѣстахъ, на пространствѣ всего около 140 кв. саж., но онѣ также не привели къ какимъ-нибудь заслуживающимъ вниманія открытіямъ, хотя и были сдѣланы находки кое-какихъ вещей, монетъ, фрагментовъ, статуй, могильныхъ плитъ и т. д.

Тѣмъ не менѣе, раскопки въ этой мѣстности продолжались Забѣлинымъ и лѣтомъ 1872 г., именно около открытаго ранѣе фундамента какого-то древняго зданія; фундаментъ этотъ былъ прослѣженъ на большемъ пространствѣ и оказалось, что имъ воспользовались уже давно для возведенія на немъ позднѣйшей постройки.

Найдено было много могильных плитъ, отчасти съ надписями (особенно еврейскими) и архитектурныхъ мраморныхъ фрагментовъ греческой эпохи, также вазъ, лампъ, статуэтокъ, одна глиняная форма для отливки, нѣсколько бронзовыхъ предметовъ и т. п.

Лѣтомъ 1873 г. мы видимъ И. Е. уже на раскопкахъ въ новой мѣстности, именно на развалинахъ Ольвіи, на такъ называемыхъ «ста могилахъ», около с. Парутино-Ильинское, куда онъ отправился вмѣстѣ съ Тизенгаузенемъ. Осмотрѣвъ такъ называемый акрополь, И. Е. убѣдился, что древній городъ долженъ былъ занимать сравнительно небольшую треугольную площадь, составляющую возвышенный холмъ между рѣкою и глубокимъ оврагомъ. Вершина этого треугольника обращена къ югу, основаніе — къ сѣверу; послѣднее имѣетъ въ длину около $\frac{3}{4}$ версты, боковыя стороны треугольника каждая съ версту. Вообще, по мнѣнію Забѣлина, положеніе акрополя Ольвіи напоминаетъ положеніе московскаго Кремля. Вся площадь этого акрополя и прилегающихъ къ нему нижнихъ частей древняго города оказалась сильно перекопанной, главнымъ образомъ, вслѣдствіе того, что отсюда позднѣйшее населеніе вытаскивало и выламывало камни отъ древнихъ зданій и построекъ. И. Е. началъ раскопки вокругъ холма, съ которымъ прежніе изслѣдователи связывали храмъ Зевса. Вокругъ него былъ проведенъ рядъ траншей, а затѣмъ такія же траншеи были заложены и въ другихъ мѣстахъ. Находили фундаменты зданій разныхъ временъ, надгробныя плиты византійской эпохи, обломки скульптуръ, черепки вазъ и амфоръ, цистерны, черепицу, кое-какіе мелкіе предметы, монеты, но не найдено было ничего выдающагося.

Раскопки въ Ольвіи были, повидимому, послѣдними, предпринятыми Забѣлинымъ по порученію Археологической Комиссіи. Отчеты за 1874—75 и 76 года уже не упоминаютъ объ его дѣятельности по раскопкамъ, которыя на югѣ Россіи производились въ эти годы только Тизенгаузенемъ, Люценкомъ и новымъ членомъ Комиссіи Н. П. Кондаковымъ. Чѣмъ было вызвано неучастіе И. Е. за эти годы въ раскопкахъ, остается неизвѣстнымъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ. Какъ бы то ни было, въ 1876 г. И. Е. подалъ прошеніе объ увольненіи его въ отставку. Мнѣ привелось видѣть въ Археологической Комиссіи «дѣло» объ его отставкѣ, въ которомъ имѣются многія его письма къ Лерху и другимъ лицамъ по этому поводу. Отставку свою онъ мотивировалъ разстроеннымъ здоровьемъ частью отъ зимнихъ занятій въ архивахъ, а главнымъ образомъ при раскопкахъ кургановъ отъ пребыванія въ сырыхъ подземельяхъ, иногда на глубинѣ шести сажень. Кромѣ того, онъ высказывалъ желаніе отдаться вполне болѣе сподручнымъ для него кабинетнымъ занятіямъ, особенно составленію уже начатой имъ «Исторіи русской жизни». Были, вѣроятно, и другія причины. Такъ, И. Е. могъ рассчитывать на дѣятельность при Московскомъ Историческомъ Музеѣ, по вопросамъ объ основаніи и устройствѣ котораго къ нему стали обращаться за совѣтами и соображеніями гр. А. С. Уваровъ и А. А. Зеленый еще

съ 1872 года, а въ 1873 г. онъ былъ назначенъ дѣйствительнымъ членомъ Музея и сталъ участвовать въ совѣщаніяхъ ученой его Комиссіи. Съ другой стороны, изъ нѣкоторыхъ его писемъ въ «дѣлѣ» видно, что онъ не совсѣмъ былъ доволенъ отношеніемъ къ нему со стороны Археологической Комиссіи. Мнѣ сообщалъ Н. П. Кондаковъ, что въ 70-хъ годахъ покойный И. Е. горько жаловался ему на Комиссію; его угнетали отношенія къ нему крупныхъ и мелкихъ чиновниковъ, причемъ, якобы, заслуги его не ставились ни въ грошъ. Впрочемъ, при отставкѣ И. Е. былъ награжденъ за отличіе чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и получилъ полную, причитающуюся ему, пенсію—1200 р.

Дѣлая общій обзоръ дѣятельности И. Е. Забѣлина по археологическимъ раскопкамъ, можно сказать, что она была наиболѣе плодотворной въ первую ея половину, особенно въ 1863—64 гг. Особенно удачными оказались его раскопки Чертомлыцкаго кургана, которыя могутъ считаться почти единственными по массѣ найденныхъ вещей, имѣющихъ большое значеніе для сужденія о бытѣ скиѳовъ и объ искусствѣ того времени. Интересны и раскопки могилы жрицы Деметры на Таманскомъ полуостровѣ, но здѣсь, какъ и около Керчи, мы знаемъ и о многихъ другихъ находкахъ, имѣвшихъ не меньшее, а отчасти даже большее, значеніе для сужденія о культурѣ и искусствѣ древнихъ грековъ и скиѳовъ.

Всякія значительныя археологическія раскопки могутъ быть предметомъ разсмотрѣнія и оцѣнки въ четырехъ отношеніяхъ: 1) по приѣмамъ или методу ихъ веденія; 2) по количеству и качеству найденныхъ вещей; 3) по описанію и истолкованію раскопокъ, по выясненію топографическихъ и другихъ условій отдѣльныхъ находокъ, и, наконецъ, 4) по анализу находокъ, выясненію ихъ бытового, культурнаго и художественнаго значенія. Что касается приѣмовъ или метода раскопокъ, то, конечно, абсолютныхъ правилъ для нихъ установить трудно; многое зависитъ отъ мѣстности, характера памятниковъ и другихъ условій; въ особенности могутъ вызывать различныя затрудненія раскопки большихъ кургановъ, въ 7—10 саж. отв. высоты, съ могилами, уходящими иногда на нѣсколько сажень въ глубь материка. На такихъ курганахъ мы и хотимъ остановиться по отношенію къ раскопкамъ ихъ какъ И. Е., такъ и другими лицами. Для того, чтобы вполне ознакомиться съ содержаніемъ подобнаго кургана, выяснить окончательно его планъ, необходимо, собственно говоря, снять его весь, работая не спѣша и тщательно изслѣдуя всѣ его послѣдовательные горизонты. Но это требуетъ много времени, иногда нѣсколько лѣтъ, а главное—много средствъ, которыя часто могутъ и не окупиться цѣнностью результатовъ. Поэтому давно уже принято раскапывать такіе курганы болѣе или менѣе широкими траншеями. Такъ поступалъ и Забѣлинъ, причемъ нерѣдко, убѣждаясь въ бѣдности могилъ и въ сомнительности дальнѣйшихъ результатовъ, онъ оставлялъ раскопки и переходилъ къ разслѣдованію другихъ кургановъ. Если же оказывались болѣе

или менѣе интересныя находки, онѣ продолжалъ раскопку до материка и ниже, насколько это было возможно, но также не вскрывая всего кургана, такъ какъ это требовало бы громадныхъ трудовъ и расходовъ, которые сомнительно чтобы могли окунуться. Это тѣмъ болѣе, что средства отпускались Комиссіей не очень щедро, и что для нея имѣли, главнымъ образомъ, значеніе цѣнныя вещи, способныя обогатить Эрмитажъ, а не доведеніе раскопокъ непременно до конца. Между тѣмъ, въ интересахъ науки, такой приѣмъ не можетъ быть признанъ вполне рациональнымъ, и, какъ показалъ опытъ, иногда въ раскопанныхъ уже курганахъ дѣлались потомъ цѣнныя находки, указывающія, что курганы эти не были вполне изслѣдованы. Такъ это было, напр., съ Острой Могилой и Большой Близницей на Таманскомъ полуостровѣ. Мнѣ пришлось говорить по этому поводу съ нѣкоторыми членами Археологической Комиссіи, и они высказывали мнѣ мнѣніе, что многіе изъ извѣстныхъ южно-русскихъ кургановъ, даже такіе, какъ знаменитые Куль-Обскій и Чертомлыцкій, не были закончены раскопкой. Н. П. Кондаковъ также признаетъ, что раскопку большихъ кургановъ можно считать законченною лишь въ томъ случаѣ, если курганъ почти перенесенъ на другое мѣсто и весь материкъ подъ нимъ осмотрѣнъ. Между тѣмъ, при практикуемомъ способѣ раскопки траншеями это немыслимо. Кромѣ того, при такомъ способѣ могутъ возникать иногда существенныя затрудненія и для раскопки въ намѣченномъ направленіи. Это сказалось, напр., вполне явственно при раскопкѣ Чертомлыцкаго кургана. По снятіи его насыпи до 5-ой сажени дальнѣйшая раскопка была поведена траншеей съ вост. на зап., сперва при ширинѣ 22 саж., потомъ, въ предупрежденіе обваловъ стѣнъ, съ оставленіемъ уступовъ, при меньшей ширинѣ, такъ что у материка ширина траншеи была только въ 16 сажень. Когда затѣмъ пришлось углубиться въ материкъ до 5 и 6 сажень, то разслѣдованіе открывшихся тамъ подземелій представило большія трудности и опасности, такъ какъ понадобилось подкапываться подъ громадную толщу земли, которая угрожала обваломъ. При такихъ условіяхъ раскопка не могла, конечно, вестись съ тою же внимательностью и послѣдовательностью, какъ это могло бы быть при изслѣдованіи вполне открытыхъ подземелій, безъ всякой опасности отъ нависшихъ надъ ними земельныхъ массъ. Хорошо еще, что траншея пришлась какъ разъ надъ многими могилами (коней, конюшихъ и др.), но все-таки значительныя боковыя части кургана остались неизслѣдованными. Правда, отъ главной траншеи была проведена поперекъ одна боковая и сдѣлано нѣсколько небольшихъ нишъ въ другую сторону, но онѣ оставили еще большія толщи насыпи не вскрытыми. Между тѣмъ, такой курганъ, какъ Чертомлыцкій, давшій такъ много находокъ, заслуживалъ того, чтобы онъ былъ разрытъ до конца и изслѣдованъ до материка во всей его толщѣ. — Кромѣ того, правильная раскопка требуетъ, чтобы все найденное было сохранено и точно обозначено относительно условій его нахожденія, что опять-

таки легче исполнимо при постепенномъ снятіи всей насыпи. Кажется, впрочемъ, что нѣкоторые изъ находимыхъ предметовъ и не обращали на себя вниманія, какъ, напр., скелеты, и особенно черепа человѣка и животныхъ (лошадей, собакъ и пр.). Черепа, найденные въ Александропольскомъ курганѣ г. Люценкомъ, какъ мы знаемъ, были сохранены и описаны потомъ акад. Бэромъ, но относительно череповъ изъ Чертомлыцкаго кургана (и многихъ другихъ большихъ), и относительно череповъ животныхъ, напр., лошадей (изслѣдованіе которыхъ могло бы представлять также интересъ, хотя бы для сравненія съ найденными изображеніями скиѣскихъ коней), — ничего неизвѣстно, и, повидимому, они не были сохранены. Впрочемъ, въ прежнее время вообще не обращали вниманія на подобные остатки. — Едва ли можетъ считаться раціональнымъ приѣмомъ и тотъ, что раскопки велись разбросанно, причемъ изъ двухъ и болѣе рядомъ стоящихъ кургановъ выбирался большей частью одинъ, а затѣмъ переходили къ другой группѣ, откуда выбирался тоже 1—2 кургана и т. д. Для выясненія типовъ погребенія въ извѣстной мѣстности было бы, можетъ быть, раціональнѣе вскрыть рядъ имѣющихся тутъ кургановъ, прежде чѣмъ переходить въ другое мѣсто. Мы знаемъ, напр., что у Чертомлыцкаго кургана было два курганчика непосредственно рядомъ съ нимъ, а кругомъ было также нѣсколько большихъ и малыхъ, но всѣ они остались неизслѣдованными, хотя, можетъ быть, нѣкоторые изъ нихъ относятся къ той же эпохѣ и могли бы дать важныя дополнителныя свѣдѣнія къ ознакомленію съ тѣмъ же народомъ и съ той же культурой.

По отношенію къ количеству и качеству найденныхъ вещей Чертомлыцкій курганъ, несомнѣнно, оказался очень богатымъ, и ни одинъ изслѣдователь не былъ, м. б., такъ же счастливъ въ курганныхъ находкахъ, какъ Забѣлинъ въ этой своей раскопкѣ. Но по отношенію къ описанію и истолкованію сдѣланныхъ въ этомъ высоко замѣчательномъ курганѣ находокъ — можно, въ настоящее время, высказать нѣкоторыя замѣчанія. Вообще, какъ уже было замѣчено ранѣе, многіе отчеты о раскопкахъ, издававшіеся Арх. Комиссіей, не отличаются полнотой. Отчетъ о раскопкѣ Чертомлыцкаго кургана выдается сравнительно большими подробностями и, въ общемъ, очень обстоятеленъ, въ особенности, если принять во вниманіе, что въ прежнее время дневниковъ раскопокъ не велось, по крайней мѣрѣ, они не требовались, и въ дѣлахъ Комиссіи ихъ не имѣется. Отчетъ И. Е., напечатанный въ «Древностяхъ Геродотовой Скиѣи», сопровождается и планомъ и разрѣзомъ кургана; тѣмъ не менѣе, съ нашей, современной, точки зрѣнія, эти разрѣзы не достаточно еще выясняютъ строеніе и взаимное расположеніе отдѣльныхъ гробницъ кургана. Гробницы его были заложены, какъ извѣстно, на различныхъ уровняхъ, въ различныхъ слояхъ материковой глины; между ними были проходы; все это изъ разрѣзовъ не видно. Да и изъ текста иногда невозможно выяснить съ надлежащею точностью топографію

гробницъ и отдѣльныхъ находокъ въ нихъ по отношенію къ различнымъ уровнямъ, что представляетъ между тѣмъ существенную важность для пониманія устройства всего погребенія. Въ особенности это важно для разъясненія вопроса объ «ограбленіи» кургана. Извѣстно, что многія изъ южно-русскихъ могилъ оказываются ограбленными, повидимому, еще въ древнія времена, вскорѣ послѣ насыпанія кургана, а м. б. и позже. Фактъ этотъ настолько извѣстенъ, что при всякой почти раскопкѣ его принимаютъ въ соображеніе. Съ другой стороны, однако, извѣстно, что находили курганы и не ограбленные, и доказательствомъ тому могутъ служить богатая коллекція Эрмитажа и другихъ музеевъ, заключающіе въ себѣ много цѣнныхъ предметовъ изъ южно-русскихъ могилъ. Извѣстно также, что могилы даже одинаковыхъ, а тѣмъ болѣе разныхъ эпохъ, или разныхъ народностей могутъ представлять значительныя различія по обстановкѣ погребеній и ихъ большому или меньшему богатству. Поэтому говорить о разграбленіи кургана можно утвердительно только тогда, если есть очевидные того признаки и когда никакое другое объясненіе не приложимо. Извѣстно, что иногда и среди могилъ болѣе поздняго времени и притомъ вообще бѣдныхъ по содержанію, встрѣчаются погребенія богаче и бѣднѣе обставленные; попадаются также могилы съ неполной сохранностью частей костяка, съ отсутствіемъ даже черепа, или со страннымъ разъединеніемъ отдѣльныхъ частей, причемъ иногда трудно даже объяснить такое отсутствіе костей или разъединеніе ихъ, и тѣмъ не менѣе нѣтъ никакихъ основаній объяснять эти явленія вмѣшательствомъ какихъ-нибудь грабителей. Между тѣмъ, по отношенію къ южно-русскимъ курганамъ у насъ склонны почти всегда подозрѣвать ограбленіе, даже если оно представляется весьма сомнительнымъ. Напр., въ Гермесовомъ курганѣ, середина котораго оставалась нетронутою, найдены были разбросанныя кости, обломки мѣдныхъ и желѣзныхъ вещей и кучка золотыхъ вещей и вотъ могила признается ограбленною, а золотыя вещи или случайно забытыми или съ намѣреніемъ спрятанными подальше (?!). При раскопкѣ «Каменной Могилы» центральная яма оказалась забитою большими камнями и твердымъ, какъ камень, черноземомъ, но въ ней было добыто мало цѣнныхъ вещей, хотя были найдены человѣческія и лошадиныя кости, остатки желѣзнаго панцыря, 3 желѣзныхъ копья, греческая посуда, кувшинчикъ и т. д.; и вотъ г. Забѣлинъ пишетъ: «Несмотря на то, что разслѣдованіе этой гробницы не обнаружило и малѣйшихъ слѣдовъ ея разрушенія посредствомъ обыкновенныхъ подземныхъ грабительскихъ лазеекъ, ибо внутри, въ своихъ стѣнкахъ, уставленныхъ каменными плитами, она вполне сохранила свое первоначальное устройство, однако, открытый въ ней безпорядокъ относительно остатковъ покойника и находившихся при немъ вещей показываетъ, что обыскъ былъ совершенъ, и, по всему вѣроятію, съ вершины кургана, тѣмъ именно путемъ, гдѣ кладены были камни». Кондаковъ воспроизводитъ это описаніе, уже въ болѣе положительной

формѣ. «Хотя, — говоритъ онъ, — грабительской мины не оказалось, но могила была разграблена сверху и вновь засыпана». Такимъ образомъ, принимается, что грабители совершили колоссальный трудъ, вытащили громадные камни и затѣмъ опять плотно забили ими могилу, — зачѣмъ? представляется довольно непонятнымъ. Александропольскій курганъ, раскопанный Люценкомъ, далъ массу вещей, но такъ какъ въ немъ найдены были какія-то «мины» и такъ какъ вещи оказались въ безпорядкѣ, — хотя между ними найдено много золотыхъ украшеній, а нѣсколько гробницъ, человѣческихъ и конныхъ, были совершенно не тронуты, то явилось объясненіе, что «грабители, видимо, должны были спѣшить(?), такъ какъ отъ ихъ минъ потревожены были потолоки катакомбъ и нѣкоторые м. б. и вовсе обрушились», и что, «хотя часть могилъ была перерыта и разграблена, но множество золотыхъ, серебряныхъ и бронзовыхъ бляшекъ и другихъ украшеній было или растеряно или брошено (зачѣмъ же ихъ бросили?); по той же причинѣ не потревожили, вѣроятно, и похороненнаго въ круглой катакомбѣ». Но въ особенности слабы доказательства ограбленія Чертомлыцкаго кургана. Какъ извѣстно, въ этомъ курганѣ были найдены совершенно нетронутыми три большія гробницы коней и двѣ — конюшихъ; затѣмъ отъ угловъ центральной гробницы здѣсь шли спуски въ четыре болѣе глубокихъ подземелья, въ которыхъ были найдены совершенно нетронутыя погребенія и масса цѣнныхъ вещей. Но центральная гробница, засыпанная черноземомъ, оказалась пустою, хотя «своею сохранностью вообще не представляла никакихъ признаковъ опустошенія; материковыя стѣны ея были совершенно цѣлы». Въ ней «у стѣнъ были найдены только желѣзные скобы и гвозди, скрѣплявшіе, повидимому, какія-то деревянные палки, толщиною въ $1\frac{1}{2}$ вершка, совсѣмъ уже перетлѣвшія, и которыя, какъ можно было примѣтить по сохранившимся въ черноземныхъ слояхъ впадинамъ, стояли нѣкогда у стѣнъ ямы вертикально, въ разстояніи другъ отъ друга на 4 — 6 вершковъ». На полу ямы, на слоѣ бѣлой глины, попадались только слои перетлѣвшаго тростника съ незначительными остатками перетлѣвшаго дерева, а на самой срединѣ оказались слѣды красокъ, голубой и карминной или пурпуровой... «Нельзя было сомнѣваться, что эти краски служили нѣкогда украшеніемъ гроба или какихъ-нибудь деревянныхъ досокъ, отъ которыхъ, однако же, не оставалось почти и слѣдовъ, кромѣ немногихъ обломковъ гнилушекъ». Отсюда выводъ — гробница эта была ограблена. Но если такъ, то куда же дѣвались кости (ихъ не найдено ни одной)? Затѣмъ, какимъ же путемъ была ограблена эта могила? Въ $2\frac{1}{2}$ саж. отъ центральной ямы противъ сѣверо-западнаго угла ея была открыта въ материкѣ другая яма, тоже засыпанная черноземомъ, но овальной неправильной формы, 4+2 саж. площадью (по Запискѣ въ «Древностяхъ»; въ «Исторіи Русской Жизни» сказано — около 5 саж. въ діаметрѣ). «Неправильная форма и трещины въ краяхъ ямы указывали, что это былъ собственно провалъ въ подземелье». Это объясненіе не совсѣмъ по-

нятно, вѣдь и угольные подземелья были засыпаны провалами. Но когда углубились въ эту овальную яму на 3 аршина, у сѣверной стѣны ея обнаружился провалъ, устье подземнаго входа, выводившаго къ подошвѣ кургана. Ходъ этотъ (или лазейка), былъ вырытъ сводомъ и имѣлъ $1\frac{1}{2}$ аршина въ діаметрѣ. Очевидно, — полагалъ Забѣлинъ, — черезъ этотъ ходъ проникли сюда грабители и стали копать это подземелье, доискиваясь гробницы съ цѣнными вещами. Въ стѣнахъ этого подземелья оказалось нѣсколько углубленій (пещерокъ). Кондаковъ объясняетъ ихъ тѣмъ, что здѣсь «грабители доискивались мѣста гробницы». Подземелье это къ востоку сообщалось проходомъ (по Кондакову — корридормъ) съ сѣверо-западнымъ (угловымъ) подземельемъ центральной гробницы; по Кондакову, этотъ проходъ захватывалъ и центральную гробницу, но это трудно понять, такъ какъ центральная гробница была аршина на два выше угловыхъ подземелій. Какъ бы то ни было, но принимаютъ, что грабители, проникнувъ по подземной лазейкѣ, выкопали это большое овальное подземелье (вынося изъ него землю черезъ лазейку), доискивались въ стѣнахъ его мѣста гробницы, наконецъ, проникли въ центральную гробницу, опустошили ее, перенесли вещи изъ нея въ вырытое ими овальное подземелье, попрятали ихъ отчасти въ сдѣланные ими же ранѣе углубленія въ стѣнахъ, какъ вдругъ случился обвалъ, который помѣшалъ ихъ дальнѣйшимъ работамъ и погубилъ ихъ самихъ. Въ доказательство обвала приводитъ находку скелета «около начала самой мины», — какъ объясняетъ г. Кондаковъ, — скелета, кости котораго лежали въ беспорядкѣ и притомъ не въ полномъ составѣ. Въ другомъ мѣстѣ, у западной стѣны, также былъ найденъ неполный раздавленный скелетъ и около него нѣсколько бронзовыхъ стрѣлъ. Во всякомъ случаѣ, «слѣды пребыванія грабителей въ Чертомлыцкомъ курганѣ, — замѣчаетъ Кондаковъ, — очевидны»; «мина и беспорядокъ въ большомъ (овальномъ) подземельѣ... свидѣлствуютъ о проникновеніи въ него грабителей; имъ же, можетъ быть, принадлежатъ и многочисленныя пещерки въ стѣнахъ его». Это утвержденіе принимается и всѣми другими археологами, писавшими о Чертомлыцкомъ курганѣ. Прохоровъ даже обобщаетъ найденное въ этомъ курганѣ, рассказывая, что «грабители были такъ опыты въ своемъ преступномъ ремеслѣ, что прокапывали свои лазейки прямо къ главной гробницѣ царей и нахищенные тамъ сокровища складывали въ особыя выкопанные ими пещерки подлѣ своихъ лазеекъ, чтобы удобнѣе скрыть награбленное, и потомъ постепенно брать его отсюда и понемногу сбывать, чтобы не быть замѣченными». Намъ, однако, все это не кажется особенно убѣдительнымъ.

Допустимъ, что грабители проникли по лазейкѣ въ материкъ подъ курганомъ и выкопали въ немъ обширное подземелье, доискиваясь гробницы. Но вѣдь подземелье это не соприкасается съ ямой гробницы, не открывается въ нее. Для того, чтобы проникнуть туда изъ вырытаго ими подземелья, надо было прокопать еще въ материкѣ коридоръ не менѣе $1\frac{1}{2}$ саж. длиной (по верху разстоя-

ніе между двумя ямами было $2\frac{1}{2}$ саж., но книзу центральная яма расширялась и длина ея съ востока на западъ была, вмѣсто $6\frac{1}{2}$, $9\frac{1}{2}$ арш., слѣдовательно, на $1\frac{1}{2}$ арш. ближе къ овальной ямѣ, которая могла быть внизу также нѣсколько шире, и слѣдовательно, тоже подходить на $1\frac{1}{2}$ арш. ближе; другими словами, обѣ ямы могли сближаться на 1 саж., но не болѣе), и слѣды этого коридора были бы видны, но при раскопкѣ онъ не былъ найденъ, да и стѣны центральной ямы, по Забѣлину, были всюду цѣлыми. Отъ Забѣлина не укрылось это затрудненіе. Въ своемъ отчетѣ онъ пишетъ: «Должно полагать, что черезъ это (овальное) подземелье произведено опустошеніе главной гробницы, что сюда вынесены изъ нея мѣдныя большія вазы (котлы) и всѣ золотыя вещи, попрятанныя съ неизвѣстною цѣлью въ здѣшнихъ трехъ пещерахъ. Но въ такомъ случаѣ остается неразрѣшимымъ вопросъ, какимъ путемъ грабители проникли изъ этого подземелья въ главную гробницу, и какимъ образомъ они миновали примыкавшее сюда наугольное подземелье съ женскимъ гробомъ, серебряною вазою и другими вещами. Если они обыскивали могилу въ то время, когда это наугольное подземелье совсѣмъ уже было завалено обрушившеюся землею, то могло статься, что они прошли въ главную гробницу по верху рушеной земли, вовсе не догадываясь, что подъ нею находятся также сокровища. Но въ такомъ случаѣ представляется весьма затруднительнымъ для объясненія то обстоятельство, съ какою цѣлью было выкопано грабителями это столь обширное (овальное) подземелье?» Дѣйствительно, это трудно объяснить, но сомнительнымъ представляется и то, чтобы обвалъ произошелъ какъ разъ только надъ угольнымъ подземельемъ, и притомъ такъ, что верхніе слои материка удержались въ своемъ положеніи, т.-е., что остался свободный проходъ въ центральную гробницу. Кромѣ того, вѣдь центральная яма была засыпана сверху, по словамъ Забѣлина, чистымъ черноземомъ, очевидно, намѣренно, послѣ погребенія; какъ же могли проникнуть сюда грабители? Вѣдь они должны были произвести здѣсь большую раскопку, но могли ли они сдѣлать ее, подойдя къ могилѣ сбоку? Вѣдь земля все обрушивалась бы сверху, и куда они могли вынести всю эту массу земли? Самъ Забѣлинъ высказываетъ вслѣдъ затѣмъ въ своемъ отчетѣ другое предположеніе, которое онъ, впрочемъ, считаетъ менѣе вѣроятнымъ: «Не было ли центральное подземелье (такъ называемая центральная гробница) только главной входною камерою ко всѣмъ остальнымъ гробничнымъ подземельямъ, изъ числа которыхъ главнымъ (гдѣ, быть можетъ, покоился прахъ самого царя), было именно это обширное (овальное) помѣщеніе съ боковыми пещерами, куда грабители прямо и попали посредствомъ своей длинной лазейки и были въ немъ раздавлены обваломъ, не успѣвши вынести всѣхъ найденныхъ ими вещей. Со входною камерою подземелье сообщалось черезъ угольную гробницу, гдѣ покоился женскій остовъ. Скиѣскій обычай хоронить болѣе или менѣе знатныхъ покойниковъ въ пещерныхъ помѣщеніяхъ подтверждается

разслѣдованіями и многихъ другихъ кургановъ». Это какъ, видно, уже совершенно иное объясненіе, и какъ мы полагаемъ, болѣе вѣроятное. Только тогда трудно понять, почему это овальное подземелье не было ограблено. Утверждаютъ, что грабители были задавлены обваломъ; но гдѣ же эти грабители? Вѣдь найденъ всего только одинъ скелетъ предполагаемаго грабителя, но неужели одинъ человѣкъ прокопалъ всю эту лазейку (14 саж. длиной и $1\frac{1}{2}$ арш. въ діаметрѣ)? Если же были и другіе грабители, находившіеся въ этотъ моментъ внѣ кургана, то они бы постарались, вѣроятно, отрыть своего заваленнаго товарища и докончить разграбленіе. И почему считать этотъ скелетъ принадлежавшимъ грабителю? Въ своей Запискѣ (въ «Древностяхъ») Забѣлинъ говоритъ, что остовъ былъ найденъ «въ такомъ безпорядкѣ въ отношеніи расположенія костей, который явно показывалъ, что покойникъ погибъ отъ обвала подземелья». Однако, почему же обвалъ долженъ былъ вызвать безпорядокъ въ расположеніи костей и какой именно безпорядокъ могъ быть вызванъ обваломъ? Обвалъ долженъ былъ завалить человѣка, костякъ котораго, по разрушеніи мелкихъ частей, долженъ былъ сохраниться въ большей или меньшей цѣлости подъ толстымъ слоемъ земли. Притомъ костякъ этотъ найденъ былъ, по Забѣлину, не у устья лазейки, а у восточной стѣны подземелья (т.-е. саж. въ $1\frac{1}{2}$ —2 отъ лазейки), въ глинѣ, на глубинѣ 10 арш. 6 вер. съ верхоzemки, такъ что непонятно дальнѣйшее объясненіе автора: «по всему вѣроятію, покойникъ погибъ во время обвала этого подземелья, можетъ быть застигнутый въ своей подземной лазейкѣ». Большая же часть вещей была найдена много ниже—на днѣ подземелья, на 15 арш. отъ верхоzemки, равно какъ много ниже были встрѣчены и пещерки въ стѣнахъ. Если бы грабитель орудовалъ въ пещеркахъ и на днѣ подземелья, то и скелетъ его долженъ былъ бы находиться на томъ же уровнѣ, а если останки его покоятся на $4\frac{1}{2}$ арш. выше, то значить, онъ не успѣлъ докопаться до дна и пещерокъ съ ихъ вещами. Было бы утомительно подвергать подробному анализу и критикѣ всѣ эти доводы въ пользу ограбленія Чертомлыцкаго кургана. Мы позволимъ себѣ утверждать противное, т.-е., что онъ вовсе не былъ ограбленъ. Всѣ его угольные гробницы, равно какъ и гробницы коней и конюшихъ, сохранились вполне, а равно и его большое, неправильно-овальное подземелье вовсе не было дѣломъ грабителя, а было выкопано при устройствѣ кургана, и сохранило также всѣ оставленные въ немъ цѣнные предметы. Центральная же яма вовсе не была гробницей; она была, какъ дѣлалъ предположеніе и Забѣлинъ, входной камерой въ остальные гробничныя помѣщенія. Но какъ объяснить, что въ ней найдены были все-таки остатки какихъ то досокъ и красокъ, а по стѣнамъ ея оказались скобы и гвозди отъ какихъ то деревянныхъ палокъ? Я позволяю себѣ сдѣлать такое предположеніе. Послѣ того, какъ всѣ гробничныя помѣщенія были выкопаны и приготовлены (можетъ быть еще до смерти царя) должно было происходить самое погребеніе, ко-

торое необходимо требовало не мало времени. Надо было убрать коней, убить их и положить въ ихъ гробницы; нарядить, убить, положить въ гробницы конюшихъ; размѣстить все имущество и всѣ драгоценности по различнымъ подземельямъ, убить и положить въ нарядѣ всѣхъ тамъ погребенныхъ (въ томъ числѣ и царицу). Гдѣ же должно было находиться въ это время тѣло царя? Естественно было положить его въ центрѣ всей обширной гробницы, увѣшанной кругомъ по стѣнамъ какими-нибудь флагами (знаменами), на возвышеніи, на какомъ-нибудь парадномъ ложѣ, причемъ могли устраиваться разныя церемоніи, приходить къ нему на поклоненіе, прощаніе и т. д. Но какъ же могли проносить туда тѣло царя, царицы, всѣхъ другихъ умерщвленныхъ, всѣ эти одежды, драгоценности и проч., какъ проходили туда люди на прощанье? Не опускали же ихъ въ ямы на какихъ-нибудь веревкахъ. Очевидно, долженъ былъ существовать какой-нибудь ходъ въ эти подземныя помѣщенія? Естественно было устроить коридоръ для пронесенія въ разныя помѣщенія гробницъ всего, что требовалось. Когда же все было готово, тѣло царя снимали и проносили въ (овальное) подземелье, чрезъ помѣщеніе царицы, гдѣ онъ и оставался лежать со всѣми его драгоценностями, а курганъ сверху постепенно начинали засыпать, устраивая по временамъ на поверхности его тризну (отсюда нахожденіе конскихъ костей, удиль, амфоръ, стрѣлокъ и пр. на разныхъ горизонтахъ въ насыпи). Подземный ходъ въ $1\frac{1}{2}$ арш. шириной и вышиной былъ, очевидно, ходомъ въ подземное жилище царя и царицы. Что онъ не былъ болѣе широкимъ и высокимъ, это неудивительно: у коряковъ и др. инородцевъ сѣв.-вост. Сибири и Америки входили въ подземное жилище еще по болѣе тѣсному ходу. Съ другой стороны, расположеніе гробницы напоминало, повидимому, земное жилище тѣхъ же лицъ. Въ срединѣ его (центральная камера) внутренній дворъ, отсюда входы въ 4 отдѣльных помѣщенія; одно изъ нихъ служило жилищемъ царицы, а за нимъ помѣщалось и жилище самого царя; въ отдаленіи были стоила коней и жилища конюшихъ. Можетъ быть, черезъ такъ называемую лазейку продолжалось еще нѣкоторое время сообщеніе съ подземнымъ жилищемъ умершаго царя, приносилась, напр., ему пища. Не случайно, повидимому, что котлы съ лошадиными костями, были найдены именно подъ устьемъ лазейки, да и на днѣ самой лазейки попадались такія кости *). Наконецъ, лазейка могла имѣть и другое значеніе: черезъ нее могъ выходить духъ умершаго. Вѣдь оставляли же въ дольменахъ круглое отверстіе для этой цѣли, что не мѣшало, впрочемъ, затыкать его каменной втулкой, чтобы въ гробницу не пролѣзъ звѣрь, и т. п. Лазейка Чертомлыцкаго кургана

*) Въ отчетѣ Забѣлина про эти котлы сказано: „видимо, что они были вынесены съ прежняго ихъ мѣста и оставлены въ подземельѣ подъ самымъ устьемъ грабительской лазейки, съ намѣреніемъ вытащить и ихъ вмѣстѣ съ прочими сокровищами“. Непонятно, откуда это „видимо“, и почему въ этихъ котлахъ, стоящихъ у стѣны, сохранились и варившіяся въ нихъ кости?

была также завалена снаружи камнемъ и замкнута затѣмъ двумя тяжелыми плитами. Если мы примемъ во вниманіе, что и въ другихъ большихъ курганахъ находили кромѣ центральной ямы еще большую, длинную или овальную, въ сторонѣ, а также находили и ведущую къ ней лазейку, и притомъ также въ $1\frac{1}{2}$ арш. въ поперечникѣ и также копанную особымъ орудіемъ въ родѣ широкаго ножа, то въ этомъ мы можемъ видѣть только подтвержденіе опредѣленнаго плана устройства. Впослѣдствіи могли, конечно, пользоваться подобной лазейкой и грабители, но приписывать всѣ такіе ходы грабителямъ, по нашему мнѣнію, едва ли возможно.

Приведенное мною толкованіе есть, конечно, только догадка, но она едва ли болѣе невѣроятна, чѣмъ отысканіе всюду слѣдовъ грабителей. Къ тому же она можетъ опираться на нѣкоторыя аналогіи въ дольменахъ, египетскихъ пирамидахъ и т. п. Во всякомъ случаѣ, въ томъ, что Чертомлыцкій курганъ не былъ ограбленъ, къ этому склоняются теперь, повидимому, и нѣкоторые члены Археологической Комиссіи. По крайней мѣрѣ, Н. И. Веселовскій выражалъ мнѣ также свое сомнѣніе въ томъ, чтобы этотъ курганъ можно было считать ограбленнымъ? Вѣдь въ овальномъ подземельѣ его было найдено все, что могло служить для вооруженія и наряда царя: великолѣпное золотое налучье, богатые золотые ножны меча, два желѣзныхъ меча съ золотыми рукоятками (одна превосходной персидской работы), множество золотыхъ украшеній отъ наряда и головного убора, золотые перстни, свѣтильникъ о 7 рожкахъ, большіе бронзовые котлы съ пищей, бронзовая, позолоченная, и греческая глиняная, покрытая черной поливой—чаши и т. д. Найдены были на полу и слѣды какого то деревяннаго перелѣвшаго окрашеннаго ложа, около котораго оказались остатки раздавленнаго человѣческаго костяка. Замѣченъ былъ, правда, нѣкоторый безпорядокъ въ размѣщеніи костей и предметовъ, но это еще не можетъ служить доказательствомъ ограбленія. Въ описаніи раскопокъ угольныхъ подземелій, совершенно нетронутыхъ, по Забѣлину, грабителями, также встрѣчаются нерѣдко фразы: «вещи лежали безпорядочно», «вещи лежали въ безпорядкѣ подъ слоями и въ слояхъ рушеной глины, въ разныхъ мѣстахъ, такъ что совсѣмъ не возможно было опредѣлить, въ какомъ расположеніи онѣ находились первоначально» и т. под.

Что касается послѣдняго вопроса—относительно анализа сдѣланныхъ при раскопкахъ находокъ и выясненія ихъ бытового, культурнаго и художественнаго значенія, то по отношенію, по крайней мѣрѣ, къ Чертомлыцкому кургану (а отчасти и къ другимъ большимъ скиѣскимъ курганамъ) мы имѣемъ, кромѣ описаній Забѣлина, Кондакова, Прохорова и др., еще трактаты академика Стефани. Это былъ очень ученый филологъ и знатокъ античнаго искусства, съ любовью и подробно изучавшій наши греческія и скиѣскія древности, поступавшія въ Эрмитажъ. Онъ сравнивалъ ихъ съ уже извѣстными типами античныхъ древностей, старался выяснить ихъ варіа-

ціи, ихъ религіозное, художественное и бытовое значеніе и т. д. Ранѣе имъ былъ составленъ текстъ къ превосходнымъ таблицамъ «Древностей Босфора Киммерійскаго» («Antiquites du Bosphore Cimmerien»), составляющихъ теперь библиографическую рѣдкость (изданіе это было напечатано въ 200 экз.), но переизданныхъ въ ближайшее къ намъ время въ Парижѣ Сал. Рейнакомъ. Отмѣчая во введеніи значеніе этого изданія, точность и изящество его таблицъ, большую эрудицію Стефани, важность его статей для справокъ по различнымъ археологическимъ вопросамъ, С. Рейнакъ указываетъ вскользь, что читать Стефани мудрено—il est a peu près illisible; во-первыхъ, онъ очень сухъ, затѣмъ текстъ его уснащенъ неперевереденными греческими и латинскими цитатами; часто онъ пускается въ разныя филологическія толкованія, оспариваетъ другихъ ученыхъ, утопаетъ въ мелочахъ и проч. При этомъ его отчеты не имѣютъ никакихъ оглавленій; къ нимъ приложены только неполные алфавитные указатели (часто съ невѣрными ссылками), для каждаго отчета отдѣльные, искать по которымъ нужнаго иногда довольно затруднительно. Вообще къ этимъ трактатамъ Стефани привыкли относиться съ уваженіемъ, съ ними иногда справляются, но едва ли кто ихъ читаетъ. Теперь же они во многихъ отношеніяхъ и устарѣли, и во всякомъ случаѣ для скиѣско-сарматскихъ древностей являются недостаточными. Связь быта древняго населенія южной Россіи съ греческимъ искусствомъ всѣмъ извѣстна, но передъ изслѣдователемъ стоятъ другіе вопросы—«приподнять,—какъ выражается Кондаковъ, —наброшенный на южно-русскія древности покровъ античнаго искусства и вскрыть подъ художественной формой и миѣологически-условными типами сокровенное содержаніе жизни, народныхъ интересовъ и религіозныхъ воззрѣній древняго населенія южной Россіи», а также выяснить связь такъ называемыхъ скиѣскихъ древностей съ древностями позднѣйшей эпохи—такъ называемыми сарматскими, затѣмъ и германо-славянскими, т.-е. съ варварскими древностями западной и сѣверной Европы, а равно и возможныя связи съ древностями кавказскими, финскими, чудскими, сибирскими, средне-азіатскими. Конечно, во времена Забѣлина нечего было и думать о подобныхъ вопросахъ и сопоставленіяхъ. И. Е. остался до конца съ тѣми представленіями о скиѣахъ, къ какимъ онъ пришелъ изъ своихъ южно-русскихъ раскопокъ, какъ то доказываетъ недавно вышедшее новое изданіе I тома его «Исторіи русской жизни». Несмотря на то, что за послѣднія сорокъ лѣтъ свѣдѣнія о скиѣо-сарматскихъ древностяхъ значительно умножились, И. Е. игнорировалъ ихъ и продолжалъ основываться только на томъ, къ чему онъ пришелъ на основаніи своихъ раскопокъ въ 60-хъ годахъ. Впрочемъ, возможно ли и теперь сведеніе въ одно цѣлое данныхъ о скиѣской и сарматской старинѣ? Кондаковъ въ концѣ 80-хъ годовъ сдѣлалъ бѣглый обзоръ этихъ данныхъ («Русскія Древности», вып. 2, 1889), но замѣтилъ (стр. 134), что «сводить въ одно цѣлое памятники скиѣской древности было бы преждевременно, въ виду того, что

самое разслѣдованіе скиѣскихъ некрополей едва начато». Лично я слышалъ недавно отъ Н. П. Кондакова мнѣніе, что скиѣскія древности нуждаются еще въ большой работѣ, и сомнительно, чтобы кто-нибудь могъ эту работу теперь исполнить. Уже охватить весь имѣющійся матеріалъ не легко, а главное—для изслѣдованія Скиѣи необходимы такія знанія, такое археологическое образованіе, какого, говорилъ мнѣ Кондаковъ, насколько ему извѣстно, ни у кого теперь не имѣется. Къ сожалѣнію, и имѣющійся матеріалъ, повидимому, еще недостаточенъ; онъ требуетъ во многихъ случаяхъ дополненія, поясненія и провѣрки путемъ новыхъ—тщательныхъ, полныхъ и, прибавимъ, удачныхъ или счастливыхъ раскопокъ.

И. Е. Забѣлинъ,
какъ теоретикъ археологіи.

Н. Н. Ардашевъ.

Иванъ Егоровичъ Забѣлинъ,—вотъ имя, которое не нуждается въ эпитетахъ! Величественный патріархальный образъ его запечатлѣлся у меня со студенческихъ лѣтъ. Это былъ человѣкъ рѣдкій во многихъ отношеніяхъ. И лица, знавшія такъ или иначе Ивана Егоровича, многое могутъ сказать о немъ, какъ частномъ человѣкѣ и какъ ученомъ, глубококомъ знатокѣ отечественной старины. Въ числѣ ихъ я позволю себѣ остановиться на одной изъ сторонъ его ученой дѣятельности, именно теоретической, философской въ нѣкоторомъ смыслѣ.

Предо мною живо встаетъ памятный день 12 ноября 1907 года, когда чествовался 75-лѣтній юбилей ученой дѣятельности нынѣ покойнаго археолога И. Е. Забѣлина. Привѣтствуя маститаго юбиляра въ составѣ депутаціи изъ профессоровъ и слушателей Московскаго Археологическаго Института, я имѣлъ смѣлость поставить эту сторону ученой дѣятельности его на первый планъ и отмѣтить, какъ рѣдкое явленіе, что онъ не только всю свою жизнь «творилъ», дѣлалъ археологію, но и «мудрствовалъ», мыслилъ о ней. Въ отвѣтъ я имѣлъ радость слышать такія одобрительныя слова: «Какъ вы много сказали хорошаго обо мнѣ»...

Нѣкоторые изъ присутствующихъ здѣсь сочленовъ помнятъ, знаютъ по личнымъ впечатлѣніямъ, а не изъ печатныхъ «Трудовъ» только, третій Археологическій Съѣздъ 1874 года въ Кіевѣ, выдающийся тѣмъ, что, въ отличіе отъ другихъ Археологическихъ Съѣздовъ, носилъ отчасти философскій, теоретическій характеръ. На этомъ Съѣздѣ были выдвинуты слѣдующіе вопросы: Что такое археологія вообще, какъ наука, взятая сама по себѣ? Какое она имѣетъ отношеніе къ исторіи? и другіе тому подобные вопросы.

Первая попытка отвѣтить на эти вопросы, дать имъ самосто-

ятельное рѣшеніе, принадлежитъ И. Е. Забѣлину, который въ первомъ же засѣданіи Съѣзда выступилъ съ докладомъ: «Въ чемъ заключаются основныя задачи археологій, какъ самостоятельной науки?» *).

Этотъ основной вопросъ распадается у него на рядъ частныхъ вопросовъ: «Наука ли археологія?» «Имѣетъ ли она свой отдѣльный опредѣленный предметъ познанія, въ отличіе отъ исторіи?» «Есть ли у ней какая-либо система? Какой-либо методъ—въ распредѣленіи и въ изученіи познаваемого предмета?» (1). Какова «задача археологій» наряду съ «задачей исторіи?» (11). Въ чемъ у науки археологій «своя опредѣленная цѣль?» (5). Какая «общая единая основа археологическаго знанія?» (12). На какомъ «основаніи возможна научная постройка археологическаго знанія?» (10). Въ какомъ «порядкѣ должна располагаться... классификація археологическихъ памятниковъ?» (13).

Человѣкъ громаднаго опыта въ сферѣ археологій,—прибавимъ къ этому, — и исторіи, Забѣлинъ на всѣ эти чисто теоретическіе вопросы ничуть не смотритъ свысока, не относится къ нимъ ни легко, ни безнадежно. Наоборотъ, поставленный имъ вопросъ онъ, съ первой строки своего доклада, признаетъ «очень важнымъ для установленія правильныхъ понятій объ археологической изыскательности», въ то же время «затруднительнымъ въ своемъ рѣшеніи» и заслуживающимъ, какова бы ни была эта затруднительность, «общаго всесторонняго обсужденія» (1). Онъ рѣшительно высказываетъ, что «каждая наука необходимо должна видѣть свою опредѣленную цѣль и располагать свои изысканія самостоятельно и соотвѣтственно своей цѣли. Неустройство археологическаго знанія заключается именно въ отсутствіи такой цѣли»... (5). «Всѣ другія науки, отправляясь за своими изслѣдованіями, всегда имѣли у себя въ виду нѣчто неподвижное и нерушимое, имѣли твердую точку опоры, около которой и располагались ихъ изысканія» (2).

И весь Съѣздъ отнесся съ особеннымъ, можно сказать, чрезвычайнымъ интересомъ къ поставленнымъ вопросамъ. Докладъ И. Е. Забѣлина былъ заслушанъ въ первомъ засѣданіи общаго Собранія. Вмѣстѣ съ другимъ докладомъ графа А. С. Уварова, такого же теоретическаго характера, онъ вызвалъ самый оживленный обменъ мыслей.

Предсѣдатель Археологическаго Съѣзда графъ А. С. Уваровъ еще ранѣе дѣловыхъ засѣданій на торжественномъ открытіи Съѣзда выдвинулъ на первый планъ въ программѣ Съѣзда эти «общіе вопросы» и указалъ на тотъ смыслъ, который они имѣли, въ его глазахъ.

*) „Труды третьяго Археологическаго Съѣзда въ Россіи, бывшаго въ Кіевѣ въ августѣ 1874 года“. Кіевъ. 1878 г. Т. 1-й, стр. I—LXXXV и 1—17. Далѣе указанія на страницы „реферата“, а также „протоколовъ засѣданій Съѣзда“ и прочее приводятся въ текстѣ статьи за скобками.

«Общіе вопросы,—по его оцѣнкѣ,—группируются вокругъ одной и той же задачи: разграничить археологію отъ исторіи»... (XV).

Нынѣ также покойный В. И. Модестовъ, въ послѣдовавшихъ преніяхъ, высказался самымъ рѣшительнымъ образомъ за важность, пользу, прямую «необходимость» уясненія прежде всего теоретическихъ вопросовъ въ наукѣ. «Въ каждой наукѣ,—говорилъ онъ,—слѣдуетъ опредѣлить самымъ точнымъ образомъ *предметъ* ея занятій. И это опредѣленіе необходимо, какъ средство для выбора *метода* изслѣдованія и какъ условіе *прогресса* науки. Если же составимъ себѣ объ *области* науки понятіе сбивчивое, неполное или неопредѣленное. то дальнѣйшіе шаги въ наукѣ будутъ сопряжены съ колебаніями и уклоненіями то въ ту, то въ другую сторону, и невозможно будетъ способствовать такому преуспѣянію въ наукѣ, какъ если бы *задача* ея была строго опредѣлена» (XX).

Печатно, затѣмъ, высказавшійся по общимъ теоретическимъ вопросамъ науки Н. В. Покровскій, въ своей статьѣ «*Новѣйшія воззрѣнія на предметъ и задачи археологіи*»*) писалъ, что «при такомъ положеніи, какъ понятно само собою, археологія является не *наукой* съ извѣстнымъ опредѣленнымъ содержаніемъ, но лишь агрегатомъ самыхъ разнокалиберныхъ по своему характеру предметовъ знанія». «Ей не достаетъ одного общаго *принципа*, къ которому бы возводилось все разнообразіе разбитаго на рубрики матеріала, не достаетъ именно того, безъ чего невозможна никакая *система*, никакая *классификація*».

Что же нашелъ И. Е. Забѣлинъ, подходя къ выясненію поставленныхъ имъ теоретическихъ, отвлеченныхъ вопросовъ?

Онъ начинаетъ докладъ свой признаніемъ, что «многіе и до сихъ поръ, не безъ основанія, сомнѣваются, наука ли археологія». что «археологическія познанія не сложились еще въ систему», что «археологическаго метода изслѣдованія», въ смыслѣ «особыхъ *пріемовъ* въ употребленіи общихъ логическихъ основъ изслѣдованія», «въ археологіи не существуетъ», что въ археологическомъ знаніи наблюдается «отсутствіе такой (вышеупомянутой: своей опредѣленной) *цѣли*»...—«своей особой точки зрѣнія на... матеріаль»; что, наконецъ, «очень трудно въ точности выяснить себѣ даже и самый предметъ археологіи» (1, 5 и 7).

«Въ самомъ дѣлѣ,—спрашиваетъ онъ, останавливаясь на послѣднемъ вопросѣ, какъ самомъ основномъ, какъ на исходномъ пунктѣ для рѣшенія и всѣхъ другихъ отвлеченно-теоретическихъ вопросовъ археологіи,—чѣмъ именно занимается эта наука, что она разрабатываетъ? Какой именно *предметъ* служитъ центромъ ея изысканій, описаній и объясненій?»

«Говорятъ,—отвѣчаетъ онъ,—предметъ археологіи есть древность» .. «Но слово древность имѣетъ такое обширное значеніе и

*) Сборникъ Археологическаго Института. С.П.Б. 1880 г. кн. 4-я. Древности, т. XXII, в. 2-й.

такую, можно выразиться, беспредѣльность въ своемъ содержаніи, что очень трудно и почти невозможно отвѣтить сколько-нибудь опредѣлительно, что такое на самомъ дѣлѣ древность, какъ предметъ науки. Это слово по своему смыслу не равняется ли слову *хаосъ*? *)... Неисчислимое разнообразіе памятниковъ, ихъ всегдашняя отрывочность и неполнота, ихъ разновременность, — не представляетъ ли все это, въ дѣйствительности, нѣчто очень похожее на первородный хаосъ, гдѣ нѣтъ еще никакой тверди, никакого порядка, никакого организующаго начала? Въ болѣе смутномъ и безвыходномъ положеніи едва-ли находилась какая-либо другая наука» (1 и 2).

Отмѣчая «беспредѣльность» и «неустройство», по-истинѣ «хаосъ» археологическаго знанія, сокрушаясь о «смутномъ и безвыходномъ» положеніи любимой науки, завидуя «ясному» построению естественныхъ наукъ и въ то же время сознавая необходимость имѣть нѣчто нерушимое, «твердую точку опоры» и въ археологической наукѣ, И. Е. Забѣлинъ подошелъ къ разрѣшенію основного вопроса — о предметѣ археологіи — не съ узкой, какой-либо технической, а съ широкой философской стороны, взглянувъ на нее съ точки зрѣнія «творчества». Онъ развиваетъ свою мысль такимъ образомъ.

«Простое наблюденіе показываетъ, что всѣ науки, сколько бы ихъ ни явилось впослѣдствіи, распредѣляются на два существенные отдѣла и всѣ соединяются или сливаются въ одномъ понятіи объ одномъ ихъ началѣ. Точка ихъ единства и начало ихъ изслѣдовательности суть *творчество жизни*»... «Человѣкъ стремится постигнуть это творчество во всѣхъ его видахъ и на всѣхъ путяхъ. Отсюда великое разнообразіе приѣмовъ и способовъ его постиженія и отдѣловъ познанія, особыхъ наукъ, которыя, однако, всѣ группируются около двухъ существенныхъ задачъ. *Творчество природы* — одна задача. *Творчество человека* — другая задача. Вся область естествознанія, съ прикладными науками, стремится уяснить первую задачу или творчество природы. Вся область человѣкознанія стремится уяснить вторую задачу — творчество человека» (5).

Останавливаясь на близкой ему области гуманитарныхъ наукъ, занятыхъ «творчествомъ человека», И. Е. Забѣлинъ продолжаетъ такъ.

«Вся древность, оставшаяся отъ прожитой жизни человѣка въ разнообразнѣйшихъ памятникахъ, есть, въ сущности, одинъ памятникъ, — памятникъ его беспредѣльнаго творчества, памятникъ его безчисленныхъ дѣлъ на землѣ, начиная послѣднимъ произведеніемъ его ремесла и мастерства и оканчивая высотой его умственныхъ и нравственныхъ созерцаній»... «Очень естественно, что всѣ науки, которыя выросли и будутъ еще выростать на этой беспредѣльной почвѣ, должны имѣть между собою родственную кровную связь»... «Само собою разумѣется, что всѣ эти науки могутъ быть распределены и организованы только по тѣмъ особымъ началамъ, въ коихъ

*) Курсивъ автора.

неизмѣнно проявляется само человѣческое творчество. А оно, прежде всего, распадается тоже на *два отдѣла*. Мы замѣчаемъ въ творческой производительности человѣка или дѣйствіе единичное, дѣйствіе свободной человѣческой воли, или дѣйствіе родовое, дѣйствіе цѣлаго рода, которое настолько не произвольно со стороны человѣка, что становится для него какъ бы закономъ самого естества»... «Въ этомъ замѣчаніи въ сущности обрисовывается отношеніе двухъ силъ человѣческаго творчества, *силы единичной*, и потому свободной, или сознательной, и *силы родовой*, не сознательной и не свободной для дѣйствія отдѣльнаго лица, управляемой естественнымъ закономъ. Человѣческое развитіе непрестанно находится подъ вліяніемъ обѣихъ этихъ силъ, дѣйствующихъ взаимно въ созданіи того великаго образа человѣческой жизни, который... въ своемъ ходѣ оставляетъ за собою неисчислимыя памятники, или такъ называемыя «древности». Въ жизни эти силы не отдѣлимы, но въ наукѣ ихъ можно и даже необходимо разсматривать и изучать отдѣльно другъ отъ друга» (8 и 9).

Что же именно изъ нихъ, какая творческая сила служить предметомъ изученія для археологіи? Вопросъ этотъ рѣшается здѣсь И. Е. Забѣлинымъ въ сопоставленіи археологіи съ исторіей.

«Въ началѣ вся область человѣческой древности принадлежала,—говоритъ онъ,—одной наукѣ, или одному отдѣлу знанія — исторіи, книгѣ бытія, описывавшей то, что было. Но съ самаго же начала исторія стала обращать особое вниманіе только на такія «были», гдѣ вѣрнѣе всего проявлялось творчество, или дѣло человѣка, созидаемое цѣлымъ родомъ... *Исторія*, по преданію отъ лѣтописи, хорошо поняла и запомнила, что главная ея задача состоитъ въ описаніи и изображеніи общихъ родовыхъ дѣлъ человѣка. Поэтому, самымъ первымъ и важнѣйшимъ памятникомъ для ея наблюденій явилось государство со всѣми его органами и дѣяніями». Государство, которое само «въ образѣ органическаго народнаго устройства дѣйствительно есть самый возвышенный и, такъ сказать, центральный памятникъ народнаго творчества» и которое, въ то же время, «даетъ направленіе и всѣмъ другимъ сторонамъ творческой народной дѣятельности... Это — памятники, проявляющіе вообще творчество народныхъ общественныхъ идей, это — сами идеи, руководительницы всѣхъ подвиговъ и дѣлъ народа, всей его жизни» (9).

«Но,—продолжаетъ онъ,—всѣ частности и мелочи жизни, памятники личнаго творчества человѣка, суть тѣ древности, которыми присуждено заниматься *археологіи*». «Задача археологіи, по необходимости, должна состоять въ изслѣдованіи и изображеніи личныхъ дѣлъ народа, въ изслѣдованіи и изображеніи единичнаго творчества народной жизни, разработку котораго исторія на себя не принимаетъ» (9 и 10). «Въ археологическомъ изученіи не такъ, какъ въ историческомъ, не можетъ быть ничего неважнаго или менѣе важнаго, ничего недостойнаго или менѣе достойнаго для любопытства и наблюденія. Здѣсь все имѣетъ цѣну и свое мѣсто, которое въ

наукѣ не должно остаться пустымъ. Всякая мелочь и незначительность составляетъ здѣсь нить извѣстнаго узла, которая одна, не найденная или отвергнутая, можетъ затруднить изученіе и разслѣдованіе самаго узла». «Невозможно въ человѣческихъ дѣлахъ видѣть истину вполнѣ, когда изучаемъ эти дѣла только со стороны ихъ общаго хода и развитія, только въ области дѣйствій и направленій родового человѣческаго творчества... Если каждое историческое дѣло есть собственно воплощеніе давно гдѣ-то созрѣвавшихъ идей, то наука не можетъ спокойно указывать только на то, что такія идеи гдѣ-то созрѣвали. Она необходимо должна раскрыть, какъ, какими путями, изъ какихъ источниковъ, при какихъ обстоятельствахъ, посредствомъ какихъ сочетаній происходило это созрѣваніе, это нарастаніе и возрастаніе исторической идеи. А это уже работа археологіи» (15 и 16).

Въ заключеніе своего доклада Забѣлинъ такъ формулируетъ свои выводы по вопросу о предметѣ и задачѣ археологіи.

1) «Наука археологіи имѣетъ, какъ и наука исторіи, свой особый, опредѣленный и самостоятельный *предметъ* познанія. Этотъ предметъ есть единичное творчество человѣка, въ безчисленныхъ разнородныхъ и разнообразныхъ памятникахъ, вещественныхъ и духовныхъ».

2) «Основная *задача* археологіи, какъ науки, заключается въ раскрытіи и объясненіи путей, по которымъ единичное творчество возсоздаетъ творчество родовое, или общественное, т.-е. историческое, въ раскрытіи и объясненіи той живой, неразрывной связи, въ какой постоянно находятся между собою творчество единицы и творчество цѣлаго рода или народа» (17).

Что касается другихъ теоретическихъ вопросовъ, затронутыхъ въ докладѣ, то авторъ не входитъ въ болѣе подробное разсужденіе о нихъ, а только высказываетъ попутно нѣкоторыя мысли.

Такъ, въ направленіи *метода*, приѣмовъ и особенностей археологическаго изученія, онъ ограничивается слѣдующимъ замѣчаніемъ общаго характера.

«Орудіемъ археологическихъ изысканій становится въ нѣкоторомъ смыслѣ микроскопъ... Археологія разсматриваетъ и изучаетъ міръ инфузорій и монадъ. Исторія, какъ бы въ телескопъ, обозрѣваетъ только свѣтила, или идеи человѣческаго жизненнаго творчества» (16).

Относительно *системы и классификаціи* археологическихъ знаній — И. Е. Забѣлинъ, «установивъ понятіе объ археологіи, какъ наукѣ, на понятіи о цѣломъ особомъ отдѣлѣ личнаго, или единичнаго человѣческаго творчества, по своимъ свойствамъ и цѣлямъ весьма различнаго отъ творчества родового, или собственно историческаго», находитъ, что «только на этомъ основаніи будетъ возможна научная постройка археологическаго знанія, со всѣми его отдѣльными вѣтвями» (10).

«Дѣло это, — именуемое творчествомъ, по разнообразію своихъ естественныхъ задачъ распадается на множество вѣтвей, питающихъ каждая особый отдѣлъ знанія, изъ которыхъ иные успѣли уже организоваться въ отдѣльныя науки». «Имя археологіи такъ обширно по своему значенію... и потому можетъ съ великою пользою обозначать и всякій нововыработанный отдѣлъ того же археологическаго знанія. Всякій предметъ познанія въ области человѣческаго единичнаго творчества, всякій родъ и видъ этого творчества могутъ служить лишь отдѣльными главами изъ цѣлой одной книги, ей же имя археологія». «Очень естественно также, что вся система археологіи и классификація археологическихъ памятниковъ должны расположиться въ томъ порядкѣ, какой лежитъ въ основаніяхъ, или руководящихъ началахъ самой творческой дѣятельности человѣка»... «Для устройства системы и порядка въ археологіи необходимо... раскрыть основные узлы самой творческой производительности человѣка..., въ которыхъ всегда сочетается множество нитей или особыхъ направленій этой производительности, исходящихъ изъ одного центра. Такой узелъ представляетъ, напримѣръ, миѳъ... Такой узелъ можетъ представлять пустое жилище, равно какъ задача одежды, какъ задача пропитанія — три основные узла человѣческой творческой производительности. Чѣмъ внимательнѣе будетъ осмотрѣнъ и разслѣдованъ кругъ этихъ узловъ, тѣмъ правильнѣе выработается и система археологіи» (13 и 15).

Въ изложенной здѣсь попыткѣ, выдающейся попыткѣ въ средѣ русскихъ археологовъ, разрѣшить посильно или, по крайней мѣрѣ, поставить на разрѣшеніе отвлеченные, теоретическіе вопросы археологіи, важнѣйшей центральной задачей, какъ замѣтилъ графъ А. С. Уваровъ, является «разграниченіе археологіи отъ исторіи». Точно такъ же и И. Е. Забѣлинъ опредѣляетъ предметъ и задачу археологіи, т. е. посредствомъ сопоставленія ея съ исторіей. Поэтому, остановимся на данномъ вопросѣ нѣсколько подробнѣе, чѣмъ было сдѣлано выше.

По означенному вопросу обстоятельнѣе высказался И. Е. Забѣлинъ уже во время преній на засѣданіяхъ Съѣзда.

«Творчество человѣческое проявляется въ двухъ направленіяхъ: оно бываетъ родовое, при чемъ человѣкъ работаетъ какъ бы цѣлымъ родомъ и создаетъ памятники, въ которыхъ невозможно отличить единичную волю творца. Такимъ произведеніемъ общаго творчества есть (является?) государство и всѣ проявленія государственной жизни народа. Изслѣдованіе произведеній этого родового творчества есть предметъ исторіи. Если историкъ пользуется нѣкоторыми фактами и частнаго творчества, то это онъ дѣлаетъ лишь для того, чтобы факты родового творчества представить болѣе выпукло и наглядно; но онъ изъ многихъ фактовъ частнаго творчества выбираетъ только немногіе, по своему усмотрѣнію, прочіе же оставляетъ безъ вниманія. Но кромѣ общаго родового творчества, существуетъ еще необо-

зримая масса частнаго творчества, какъ результатъ частныхъ отношений, связей, потребностей, представленій фантазіи, — всѣ эти памятники относятся къ археологіи. Области родового и частнаго творчества независимы другъ отъ друга и равносильны, потому и науки, изслѣдующія ихъ, не могутъ быть поставлены въ положеніе исключительно вспомогательныхъ, служебныхъ другъ другу наукъ. Исторія и археологія науки *независимыя, параллельныя*, иногда другъ друга пополняющія, но *вполнѣ самостоятельныя*» (XIII).

Но эта самостоятельность, неподчиненность археологіи у Забѣлина не вырываетъ между ними какой-либо непроходимой пропасти; наоборотъ, сближаетъ ихъ, сближаетъ до совпаденія съ нѣкоторой частью, съ одной стороною исторіи. Обращая вниманіе на «возникающій теперь (т.-е. въ его время) съ особенной славою и силою какъ бы особый отдѣлъ антропологическаго знанія въ такъ называемой *исторіи человѣческой культуры*, гдѣ умственное и нравственное развитіе составляютъ главнѣйшій предметъ научныхъ изслѣдованій», Забѣлинъ приходитъ къ заключенію, что «*Исторія культуры въ сущности есть археологія*. Весь матеріалъ, которымъ она пользуется, есть матеріалъ археологическій. Задачи, какія ставитъ себѣ эта исторія, тѣ же самыя, что и задачи археологіи, и отъ археологіи она, можетъ быть, отличается только взглядомъ на предметъ. Этотъ взглядъ... показываетъ, что разработка археологическаго матеріала совершается здѣсь съ... общечеловѣческой точки зрѣнія, что здѣсь главною задачею служить культура или развитіе общаго человѣка, раскрытіе и объясненіе общихъ законовъ его природы, общихъ законовъ его мысли и дѣлъ» (6 и 7).

Въ такомъ случаѣ вся археологія есть въ сущности только нѣкоторый отдѣлъ исторіи. Такъ это и выходитъ изъ слѣдующихъ словъ Забѣлина: «Личное и единичное—въ отношеніи *исторіи* есть внутреннее и домашнее народной жизни. Отсюда внутренній бытъ и домашній бытъ—*отдѣлы* археологическіе». Отдѣлы чего? Отдѣлы исторіи, какъ явствуетъ изъ предшествующихъ словъ.

На возникшихъ послѣ доклада преніяхъ П. В. Павловъ, профессоръ Кіевскаго университета, говорилъ уже объ «археологіи, какъ *самостоятельной вѣтви исторической науки*» (XVIII).

Такимъ образомъ, оставляя въ сторонѣ второстепенные вопросы о методѣ и задачахъ археологіи, о системѣ и классификаціи археологическихъ знаній, по основному вопросу—о предметѣ археологической науки, въ отличіе отъ науки исторической, взглядъ Забѣлина сводится къ слѣдующему.

Если дѣйствительно какъ предметъ археологіи, такъ и предметъ исторіи есть одинаково человѣческое творчество, въ отличіе отъ творчества природы, съ тою только разницею, что исторія занимается «родовой силой» этого творчества, т.-е. «общими родовыми дѣлами и общими родовыми идеями» (9 и 10), археологія же—«силой единичной», т.-е. «частностями и мелочами жизни», «мелкими

домашними связями *людей*» (10 и 16); то обѣ науки не столько раздѣляются кореннымъ образомъ, сколько сближаются на одной общей основѣ, не настолько противопоставляются одна другой, насколько являются совмѣстно дѣйствующими, на условіи нѣкотораго лишь раздѣленія труда, въ сущности одинаковаго, труда надъ изученіемъ жизни, «творческаго, созидающаго *огня жизни*», по образному выраженію автора (13), начиная съ послѣднихъ «частностей и мелочей» жизни человѣка, какъ областью археологіи, и оканчивая «общими законами его природы, его мысли, его дѣлъ», какъ областью исторіи (11). Сущность этого взгляда заключается въ томъ, что археологія отнюдь не выводится за черту жизни, той человѣческой жизни, изученію которой посвящена исторія; она ставится, наоборотъ, въ самую гущу этой жизни. По слову самого Забѣлина, «живая жизнь больше всего находится въ рукахъ археолога, и исторія только изъ археологическаго познанія почерпаетъ краски для своихъ изображеній»... «Сухость и отвлеченность историческаго разсказа всегда будетъ находиться въ зависимости отъ недостаточнаго археологическаго, или микроскопическаго изученія *времени и людей*» (16).

Такое законченное теоретическое построеніе археологіи, изложенное въ особомъ докладѣ на Археологическомъ съѣздѣ 1874 года, относится хронологически приблизительно къ серединѣ свыше 75-лѣтней ученой дѣятельности Забѣлина. Въ упомянутомъ докладѣ онъ не дѣлаетъ ссылокъ на какія-либо другія свои статьи, въ которыхъ бы онъ касался этого вопроса. Но, во всякомъ случаѣ, такое построеніе не явилось у автора только плодомъ единовременнаго вдохновенія на тему, предложенную къ обсужденію на Съѣздѣ. Если пересмотрѣть печатные труды Ивана Егоровича, не исключая и мелкихъ «замѣтокъ», то окажется, что подобный взглядъ на археологію, на ея *предметъ* и ея *задачи* высказывался имъ много ранѣе того и затѣмъ постепенно развивался, прежде чѣмъ пріобрѣсти такой стройный видъ.

Такъ, въ своей журнальной замѣткѣ *) по поводу книги Ив. Краснова «*О мѣстоположеніи древняго Новгорода*» онъ еще въ 1852 году писалъ. «Главная задача археологіи — узнать древняго *человѣка* во всѣхъ сферахъ его нравственнаго и физическаго *быта*: поэтому для нея и самые памятники вещественные и мѣста, гдѣ жилъ *человѣкъ*, важны въ томъ только отношеніи, насколько они объясняютъ этотъ *бытъ*. Городъ, улица, напимѣръ, получаютъ значеніе только по отношенію къ протекшей *жизни*, которая одна и можетъ придать мѣсту какой-либо историческій интересъ». Значить, предметъ археологіи — *человѣкъ, его бытъ, его жизнь*. Понятна, поэтому,

*) Перепечатана въ «*Опытахъ изученія русскихъ древностей и исторіи*», ч. 1-я. «*Замѣтки о книгахъ*», стр. 559 и 560.

и слѣдующая фраза въ той же замѣткѣ: «*Историческое изслѣдованіе г. Краснова... — одна изъ лучшихъ книгъ въ нашей литературѣ по части археологій*». Археологія, вѣдь, только часть исторіи, она то же, что бытовая исторія.

Въ этомъ своемъ воззрѣніи на археологію Забѣлинъ сходилъ, напримѣръ, съ Сахаровымъ, который еще въ 1851 году писалъ въ своей статьѣ «*Обозрѣніе русской археологій*» *): «Археологія описываетъ *жизнь* народа по сохранившимся памятникамъ, изучаетъ его *бытъ* въ храмахъ, зданіяхъ и домашнихъ утваряхъ, рѣшаетъ трудные вопросы въ его *исторіи*...». «Мы надѣемся получить отъ нея (русской археологій) изображеніе древней русской *жизни*». Да, этотъ взглядъ, можно сказать, носился тогда въ воздухѣ, хотя и въ довольно неопредѣленномъ видѣ, особенно въ отношеніи различія между исторіей и археологіей. Ему недоставало обстоятельнаго развитія и болѣе или менѣе прочнаго обоснованія, однимъ словомъ — авторитетности.

Болѣе подробно остановился на этомъ вопросѣ И. Е. Забѣлинъ въ другой своей журнальной статьѣ, напечатанной въ 1860 году, подъ заглавіемъ «*Размысленія о современныхъ задачахъ русской исторіи и древностей*» **). Поразмислить о томъ, что такое археологія, какъ наука, заставило его крайне неопредѣленное состояніе этого вопроса.

То, что именуется «наукой древностей», археологіей, — казалось ему, что это «существуетъ болѣе въ воображеніи, въ отвлеченіи, чѣмъ на самомъ дѣлѣ». То, что существуетъ по части археологій, наличная «обработка древностей» — представлялось ему тогда «совершеннымъ хаосомъ». «Трудно найдтись (найтись?) въ этомъ безбрежномъ морѣ-океанѣ самыхъ разнородныхъ и разнообразныхъ мелкихъ и мелочныхъ фактовъ, указаній, свѣдѣній, изслѣдованій, описаній, статей и статейекъ, не имѣющихъ между собою и малѣйшей связи, ничего одинаго, отъ котораго они шли бы, какъ радіусы отъ центра, все разсыпается въ вашихъ рукахъ какъ *песокъ*». Пусть имя ея (т.-е. археологій) очень часто употребляется, но никто не скажетъ, въ чемъ главная ея *задача*, и какъ обширна ея *область*. «Ученые стали употреблять это слово, — археологія, археологическій, — безъ разбора, обозначая имъ всякій фактъ не историческій, относящійся вообще къ такъ называемымъ древностямъ... Стоитъ только перебрать всѣ случаи, въ которыхъ является слово «археологическій», чтобы вполнѣ убѣдиться въ совершеннѣйшемъ отсутствіи во всей массѣ свѣдѣній, обозначаемыхъ этимъ словомъ, одного общаго *центра*, общей единой *связи*, которая условливаетъ существованіе всякой науки».

Въ поискахъ связующаго центра, объединяющей связи для

*) «Записки отдѣленія русской и славянской археологій Императорскаго Археологическаго Общества». Т. 1-й. Спб. 1851. Сравни у Забѣлина «Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи». Ч. II, стр. 81 и 84.

**) «Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи». Изслѣдованія, описанія и критическія статьи Ив. Забѣлина. Часть II. 1873 г. 1—71 стр.

археологіи онъ прежде всего считаетъ необходимымъ точно опредѣлить *предметъ* этой науки.

«Между тѣмъ, простое, кажется, дѣло», — говоритъ онъ. «О чемъ именно свидѣтельствуемъ каждый памятникъ, именуемый археологическимъ, т.-е. каждая крупная и мелкая мелочь, частность древняго быта? О *жизни народа*, или, опредѣлительнѣе, о *жизни человѣка* вообще?» *). «Само собою разумѣется, — продолжаетъ онъ, — что кому же принять на себя изслѣдованіе, изученіе, изображеніе единичной жизни, какъ не наукѣ древностей, — археологіи, — въ область которой теперь относится все, что остается отъ прожитой жизни человѣка...». «Всѣ, повидимому, самостоятельные отдѣлы археологическаго знанія, какъ, на примѣръ, исторія искусствъ и т. п. въ результатѣ своихъ изысканій, изслѣдованій и своего ученія все-таки встрѣчаются съ единымъ узломъ всякаго знанія и всякой науки, **) съ *человѣкомъ*» ***). Перечисляя далѣе разныя «вспомогательныя науки исторіи» — генеалогію, геральдику, нумизматику, отдѣлы «археологическихъ знаній», какъ-то — зодчества и вообще искусствъ, а также художествъ, въ смыслѣ всякаго мастерства и ремесла, онъ настаиваетъ на «общей связи всѣхъ отдѣльныхъ дробныхъ частей науки» и говоритъ по адресу всѣхъ «спеціальностей» слѣдующее. «Не надо забывать, что, конецъ концовъ, общее средоточіе археологическаго знанія и изученія древности есть все-таки главный ея дѣятель, производитель всего, что мы относимъ въ область древностей, — самъ *человѣкъ* въ своей частной, особой, личной жизни». «...Весь интересъ сосредоточивается все-таки на самомъ *человѣкѣ*... Это — главное лицо, непосредственный герой той драмы, которая именуется *жизнью*» †).

Разъ установлено такое положеніе, именно, что предметъ археологіи, въ концѣ концовъ, есть «человѣкъ», его «жизнь», то возникаетъ необходимость разобраться, въ чемъ же тогда состоитъ спеціальная задача археологіи — наряду съ исторіею. Относительно послѣдней, вѣдь, тоже извѣстно, что она, «исторія, какъ говоритъ Забѣлинъ, имѣетъ дѣло съ однимъ только фактомъ, съ *жизнью*, которую и надо слѣдить на всѣхъ путяхъ, гдѣ она является...» ††). Различіе между исторіей и археологіей состоитъ въ слѣдующемъ.

Первая изъ нихъ, «исторія (есть) наука о явленіяхъ *человѣческой общественной жизни*»... «Изученіе и изображеніе *человѣческой жизни въ формѣ общества, народа, государства* — какъ хотите, — вотъ задача исторіи» †††).

*) Тамъ же, стр. 58.

**) За исключеніемъ, конечно, „наукъ о жизни природы“, о которыхъ авторъ говорилъ выше. Тамъ же, стр. 1.

***) Тамъ же, стр. 59 и 60.

†) Тамъ же, стр. 65, 66, 86 и 69.

††) Тамъ же, стр. 35 и 36.

†††) Тамъ же, стр. 3.

Древности. т. XXII, в. 2-й.

«Непосредственная задача исторіи, — повторяетъ Забѣлинъ, — должна заключаться въ томъ, чтобы выяснитъ типическія черты народной жизни, понять народъ, какъ живую единицу, возсоздать *народную личность* въ живомъ цѣльномъ образѣ, который метался бы въ глаза на каждой страницѣ историческаго повѣствованія. Но, — продолжаетъ онъ, — народная общая жизнь слагается изъ единичной, частной; слѣдовательно, чтобы возсоздать народный типъ, необходимо хорошо ознакомиться съ жизнью единичною, съ типами индивидуальными».

Тутъ выступаетъ другая наука — археологія, обработка древностей, какъ «изслѣдованіе и изъясненіе прожитой *единичной* жизни, на что по преимуществу долженъ опираться историкъ» *). Ибо, «если общая жизнь возникаетъ изъ частной единичной, ея создается и питается, то естественно желать, чтобы изображенію каждой эпохи предшествовало изображеніе всѣхъ частныхъ, изъ которыхъ складывалась и связывалась жизнь отдѣльнаго лица, изображеніе домашняго быта, нравовъ вѣка, господствующихъ понятій и взглядовъ, направленій мысли и чувства и практическихъ воплощеній того и другого, — словомъ, изображеніе всего того, въ чемъ единичная жизнь выражалась, какъ единица жила и какова была. На этомъ только фонѣ и возможно живописать событія и дѣла великой народной личности»... «Итакъ, мелочь жизни, все частное, выясняющее *единичный ликъ* человѣка, индивидуумъ, какъ говорятъ, составляетъ главнѣйшій предметъ археологическаго изученія и изысканія» **). «Задача археологіи — возсоздать живой образъ человѣческой единицы, въ извѣстную эпоху съ окружающею дѣйствительностью, возсоздать угасшую жизнь». Такъ какъ «историческая дѣйствительность, среди которой живетъ человѣкъ въ данную эпоху..., кладетъ на его лицо неизгладимую печать, какъ говорятъ, времени, то-есть создаетъ типъ», то, поэтому, «задача археологіи — выяснитъ такой типъ, посредствомъ самаго внимательнаго и подробнѣйшаго изученія окружавшей его дѣйствительности»... ***)

Съ такой точки зрѣнія сотрудничество исторіи и археологіи представляется Забѣлину въ слѣдующемъ видѣ.

«Какъ скоро въ своихъ изслѣдованіяхъ частныхъ, единичнаго, археологія восходитъ до выясненія цѣльныхъ *типовъ*, до опредѣленія единыхъ общихъ условій человѣческой жизни, до раскрытія общей силы человѣческой природы (!), — результаты ея тотчасъ же цѣликомъ поступаютъ въ собственность исторіи, и здѣсь-то ея изслѣдованіе течетъ уже однимъ общимъ русломъ съ исторіею. Ея задача оканчивается, и начинается задача исторіи, заключающаяся въ томъ, чтобы представить, на основаніи общихъ выводовъ, общихъ очертаній частнаго, единый ликъ *общей жизни*, жизни всего наро-

*) Тамъ-же, стр. 56 и 57.

**) Тамъ-же, стр. 64.

***) Тамъ-же, стр. 70.

да» *). «Снесенныя вмѣстѣ и *крупное* (крупное только по привычкѣ такъ понимать вещи) и *мелкое* другъ друга дополняютъ, поясняютъ и даютъ болѣе широкую возможность возсоздать угасшую дѣйствительность» **).

Такимъ образомъ, теоретическое построение археологіи и исторіи, изложенное въ докладѣ 1874 г., сложилось у Забѣлина лѣтъ на пятнадцать ранѣе Съѣзда того года. Оставалось только освѣтить его идеей «творчества».

Этотъ взглядъ на археологію, какъ на бытовую исторію, въ широкомъ смыслѣ слова, онъ сохраняетъ и впослѣдствіи. Такъ, въ торжественной *Рѣчи объ общественномъ значеніи ученыхъ трудовъ графа А. С. Уварова*», читанной въ соединенномъ засѣданіи ученыхъ обществъ 1885 года ***), И. Е. Забѣлинъ говоритъ то же самое, уже ссылаясь на авторитетъ графа. «Археологическое знаніе съ своими разнообразными отдѣлами, какъ говорилъ графъ, представляется *всеобъемлющею наукою* †), охватывающею *весь бытъ народа*» ††).

Что касается другихъ вопросовъ изъ области теоріи археологіи, кромѣ вопросовъ о предметѣ и задачахъ этой науки, то можно указать на слѣдующее замѣчаніе И. Е. Забѣлина, восходящее къ 1860 году, относительно *системы* археологическаго знанія.

Послѣ разсужденія о человѣкѣ, какъ главномъ лицѣ, на которомъ сосредоточивается интересъ археологическаго изслѣдованія, онъ заключаетъ. «Если это такъ, то система, строй и порядокъ, въ какомъ должно вести археологическое изученіе, кроется въ основахъ самой жизни человѣка, въ условіяхъ матеріальнаго физическаго его существованія и въ духовныхъ отправленіяхъ его природы. Не по внѣшнимъ вопросамъ о той или другой сторонѣ, о томъ или другомъ предметѣ древняго быта, мы должны расположить археологическое знаніе, а по внутреннимъ явленіямъ жизненныхъ силъ человѣка — *творца* своей дѣйствительности, — слѣдовательно основа археологической системы должна искать свою твердую опору въ *психологіи*; по крайней мѣрѣ, изъ этого источника она должна почерпнуть ту простоту и ясность въ опредѣленіи и построении порядка въ своемъ содержаніи, безъ которыхъ нѣтъ и малѣйшей возможности осмыслить невѣроятную массу и разнообразіе археологическаго матеріала»... И «такъ какъ жизнь человѣка сплетается изъ матеріальныхъ явленій и явленій его ума и чувства, то изученіе этой жизни, въ какую бы то ни было эпоху, чтобы идти прямо и не блуждать въ непроходимомъ лѣсу фактовъ, по необходимости, должно

*) Тамъ-же, стр. 60.

**) Тамъ-же, стр. 69.

***) Напечатана въ „Чтеніяхъ“ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ за 1885 г., кн. 4, и отдѣльнымъ оттискомъ.

†) Курсивъ автора.

††) Отдѣльный оттискъ „Рѣчи“, стр. 12.

сосредоточиться около этихъ главныхъ и существеннѣйшихъ сторонъ его природы и около нихъ группировать свои вопросы и задачи. Стало быть, археологическое изученіе должно разсмотрѣть: а) матеріальную сторону угасшей жизни или всѣ условія физическаго существованія въ данную минуту, — дѣйствительность *матеріальную*; б) сторону умственныхъ силъ, или тѣ условія, которыя обнаруживали и опредѣляли дѣятельность ума, жизненность мысли, — дѣйствительность *умственную*; в) сторону нравственныхъ силъ, со всѣми условіями, въ какихъ эти силы выразились, — дѣйствительность *нравственную*. Это самыя общія линіи, по которымъ должны распредѣлиться всѣ частныя мелкіе вопросы и задачи археологическаго изученія» *).

Въ направленіи *метода* археологическихъ изысканій и ранѣе высказаны были Забѣлинымъ тѣ же замѣчанія насчетъ микроскопа и телескопа. По поводу книги Щебальскаго «*Правленіе царевны Софійи*» онъ говоритъ. «Конечно, и въ борьбѣ личныхъ цѣлей выражалась борьба началъ, но это надо открыть, замѣтить..., здѣсь нуженъ *микроскопъ* и *телескопъ*, нужны необыкновенное вниманіе, мелочныя, копотливыя труды» **).

«Подобно естествознанію, и исторія (т.-е. бытовая, конечно) обратилась къ *микроскопическимъ* наблюденіямъ и *микроскопическимъ* изслѣдованіямъ надъ прожитою жизнью человѣка; житейскія мелочи, тончайшія волокна людскихъ отношеній, возрѣній древняго человѣка, его вѣрованій и убѣжденій, жизненныхъ понятій стали больше возбуждать вниманіе историковъ, чѣмъ громадныя, повидимому, и жалкія дѣла Чингизхановъ и разныхъ Тамерлановъ, въ чемъ бы они ни появлялись, — въ татарскомъ ли халатѣ, или въ другихъ какихъ, даже наполеоновскихъ нарядахъ. Какъ микроскопъ, дѣйствительный въ области естествознанія, такъ и *микроскопъ историческій* сдѣлался неизбѣжнымъ и единственно вѣрнымъ орудіемъ для изслѣдованій о первоначальныхъ силахъ и формахъ, о всѣхъ *зародышахъ* и *инфузоріяхъ* исторической жизни народовъ» ***). Въ предисловіи къ «*Домашнему быту царей*», по изданіямъ 1862 г. и 1895 г., одинаково говорится такъ объ «изученіи народной жизни». «Здѣсь требуются самыя мелочныя и копотливыя, въ полномъ смыслѣ *микроскопическія* наблюденія и изслѣдованія, которыя въ большинствѣ случаевъ не представляютъ никакого блеска, а слѣдовательно и благодарности въ своихъ выводахъ и результатахъ» ****).

Разсмотрѣвъ первоначальное возникновеніе и полное развитіе взгляда И. Е. Забѣлина на археологію, какъ на бытовую исторію,

*) „Размышленія о современныхъ задачахъ русской исторіи и древностей“. Статья 1860 г. „Опыты“... ч. II, стр. 69, 70 и 71.

**) „Драматическія прикрасы въ исторіи“. Статья 1856 г. „Опыты“... ч. I, стр. 397.

***) „Размышленія“ и т. д. 1860 г. „Опыты“... ч. II, стр. 11.

****) „Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII ст.“ 3-е изданіе. 1895 г., стр. X. То же въ 1-мъ изданіи 1862 года.

мы можемъ еще поискать, не встрѣчаются ли въ его трудахъ инныя мысли и выраженія, которыя бы давали матеріалъ для какого-либо другого опредѣленія археологіи.

Дѣло въ томъ, что, излагая свою теорію археологіи, построенную на основномъ понятіи «творчества» человѣка, какъ «созидающаго огня жизни», Забѣлинъ, чтобы расчистить для нея путь, счелъ себя вынужденнымъ сначала отвергнуть другое понятіе—«памятника». Отыскивая и для археологіи «какую-либо опредѣленную точку опоры», подобно тому какъ это «всѣ другія науки, отправляясь за своими изслѣдованіями, всегда имѣли у себя въ виду», онъ находитъ, однако, что «слово *памятникъ* *), которымъ постоянно и исключительно занимается археологія, вовсе не имѣетъ того же или подобнаго значенія и смысла, какъ слова *растеніе*, *животное*, въ которыхъ съ такою ясностью опредѣляется самая цѣль **) науки» (2). Здѣсь, наряду съ рѣшительнымъ отрицаніемъ, даже не требующимъ никакихъ доказательствъ, всякаго принципиальнаго значенія для археологіи за понятіемъ памятника, знаменательно столь же рѣшительное утвержденіе, что памятникъ есть то самое слово, «которымъ *постоянно и исключительно* занимается археологія».

Что же означаетъ собою это слово «памятникъ» у Забѣлина?

Памятникъ есть, прежде всего, нѣкоторый остатокъ былой жизни, сохранившійся до насъ. «Все, что... *сохранилось отъ прежней жизни* человѣка», все это могло сохраниться только «подъ видомъ какого бы то ни было памятника» (2). Въ такомъ случаѣ, памятникъ самъ по себѣ есть нѣчто уже не живое, а мертвое, мертвый остатокъ жизни, въ отличіе отъ самой «живой жизни».

Затѣмъ, памятникъ, въ нашихъ глазахъ, является свидѣтельствомъ, документомъ для изученія «прежней жизни человѣка», однимъ словомъ—историческимъ источникомъ. «Каждый памятникъ,—говоритъ Забѣлинъ,—есть не болѣе, какъ *свидѣтель*, очевидецъ великаго, въ безчисленномъ разнообразіи единаго дѣла, именуемаго творчествомъ» (12 и 13). Въ такомъ случаѣ, памятникъ, археологическій памятникъ, какъ «свидѣтель дѣла», есть нѣчто совершенно отличное отъ самого «дѣла», дѣла, именуемаго творчествомъ.

Что же у Забѣлина представляетъ собою археологія съ точки зрѣнія этого понятія—памятника?

Науку, занимающуюся памятниками, — «постоянно и исключительно» ими, какъ приведено было выше. Такъ у него подтверждено это и вторично въ томъ же докладѣ. «Все, что *подъ видомъ какого бы то ни было памятника сохранилось отъ прежней жизни* человѣка, все это есть предметъ археологической изыскательности» (2). Въ такомъ случаѣ, предметъ археологіи, какъ памятники былой жизни человѣка, его разнообразнаго творчества, со-

*) Курсивъ автора.

**) А прежде всего, конечно, предметъ науки.

вершенно оказывается отличенъ отъ предмета исторіи, какъ самой жизни, творчества жизни. Тотъ и другой находятся въ двухъ совершенно различныхъ плоскостяхъ понятій. Различіе это въ своемъ существѣ сводится къ тому, что археологія, наряду съ исторіей, какъ бытописаніемъ, нѣкоторымъ *жизневѣдѣніемъ*, является историческимъ *источниковѣдѣніемъ*.

Элементы вотъ для какого, совершенно иного построенія археологіи, чѣмъ то, которое формулировано въ тезисахъ, заключаются въ докладѣ Забѣлина объ основныхъ задачахъ археологіи, какъ самостоятельной науки.

Что же мы находимъ по рассматриваемому вопросу въ другихъ трудахъ Ивана Егоровича?

То же различіе понятій былой «жизни» и оставшихся послѣ нея «памятниковъ», служащихъ «матеріаломъ» для составленія «исторіи» прошедшихъ временъ, проводится и чрезъ другія болѣе раннія и болѣе позднія печатныя работы И. Е. Забѣлина.

Въ упомянутой выше «Рѣчи» онъ такъ формулируетъ триаду русской жизни и науки о ней: «Русское бытіе съ его исторією и древностями»... *).

Здѣсь между «бытіемъ» и исторією, какъ «книгою бытія», стоятъ «древности». Это — съ одной стороны *памятники* отжившаго «бытія», съ другой стороны — наше пониманіе этихъ «памятниковъ», нѣкоторая наука, однимъ словомъ, *археологія*.

Всѣ эти понятія проходятъ чрезъ разныя произведенія забѣлинскаго пера, въ общемъ, отчетливо и раздѣльно, при чемъ раскрываются, по мѣрѣ надобности, со стороны своего содержанія, болѣе или менѣе подробно.

I. Бытіе. — «Понятіе о жизни, — говоритъ Забѣлинъ, — чрезвычайно обширно и чрезвычайно неопредѣленно; поэтому не малый трудъ для изслѣдователя заключается уже въ одномъ только раскрытіи основныхъ положеній, способныхъ пролить какой-либо свѣтъ на необозримый матеріалъ, оставленный прожитою жизнью» **).

Наряду съ «великими событіями» ***) она представляетъ собою «непроходимый лѣсъ фактовъ» ****), «непроходимый лѣсъ мелочныхъ

*) „Рѣчь объ обществен. значеніи ученыхъ трудовъ гр. А. С. Уварова“. 1885. Стр. 8.

**) „Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ“. Часть I. 1876. Стр. V.

***). См. ниже, примѣчаніе 2-е на стр. 87-й.

****) „Такъ какъ жизнь человека сплетается изъ матеріальныхъ явленій и явленій его ума и чувства, то изученіе этой жизни, въ какую бы то ни было эпоху, чтобы идти прямо и не блуждать въ этомъ непроходимомъ лѣсу фактовъ, по необходимости должно сосредоточиться около этихъ главнѣйшихъ и существеннѣйшихъ сторонъ его природы и около нихъ группировать свои вопросы и задачи“. — „Размышл. о современ. задач. русск. исторіи и древностей“. „Опыты изученія русск. древн. и ист.“ Часть II, стр. 70.

фактовъ и событій», «событій и лицъ», «массу повседневныхъ дѣлъ», «массу мелочныхъ домашнихъ дѣяній» *), «всевозможныя явленія общественной и политической, или государственной жизни человека» **), «крупныхъ и мелкихъ явленій дѣйствительности» ***), «въ тиши незамѣтно проходящихъ явленій» ****), «явленій и обстоятельствъ» †), «матеріальныхъ явленій и явленій его ума и чувства», вообще «его природы», «человѣческаго духа» ††). При этомъ жизнь находится въ вѣчномъ движеніи †††), представляетъ «постепенное развитіе» †*), непрерывный «процессъ развитія и измѣненій» †**).

Не имѣя въ виду собирать здѣсь исчерпывающимъ образомъ разсыпанный въ произведеніяхъ Забѣлина анализъ содержанія жизни, остановимся на общемъ понятіи «явленій», неразрывно съ ихъ «движеніемъ», на фонѣ внѣшнихъ «обстоятельствъ». Этимъ понятіемъ охватываются не только реальные «факты», «событія и лица», но и всѣ отвлеченныя «начала», «стихіи», «элементы» жизни †***),

*) «Къ разборкѣ ихъ необходимо приступать съ значительнымъ подготовленіемъ, съ опредѣленнымъ, точнымъ уясненіемъ тѣхъ вопросовъ, на которые будемъ искать отвѣта, и, главное, съ тѣмъ чутьемъ жизни, которое всегда прямо и вѣрно укажетъ дорогу въ этомъ непроходимомъ лѣсу мелочныхъ фактовъ и событій». — Тамъ-же, стр. 25, 63 и 23.

**) «... Житіе-бытіе отжившихъ поколѣній... Домашній бытъ человека есть среда, въ которой лежатъ зародыши и зачатки всѣхъ, такъ называемыхъ, великихъ событій его исторіи, зародыши и зачатки его развитія и всевозможныхъ явленій его жизни общественной и политической, или государственной. — „Домашній бытъ русск. царей“. Изд. 3-е, стр. 9.

***)) «Съ этой только поры, какъ человѣческое сознаніе повернуло на твердую дорогу живой дѣйствительности, изученія самой жизни, — а не идеаловъ, искажавшихъ ее разнаго рода раскраскою, — съ этой только поры и историческое дѣло получило живой толчекъ и стремленіе также узнать самую жизнь, историческую дѣйствительность во всѣхъ ея крупныхъ и мелкихъ явленіяхъ». — „Размышленія о современныхъ задачахъ рус. исторіи и древностей“. Въ „Опытахъ изученія“... Часть II, стр. 9.

****)) «А, между тѣмъ, въ тиши и незамѣтно проходятъ явленія, надъ которыми много подумаетъ и много затруднится будущій изыскатель и историкъ»... — Тамъ-же, стр. 23.

†) „Исторія русской жизни“. Часть I, стр. IX.

††) См. выше примѣчаніе 4-е на стр. 86-й. И тамъ-же, стр. 2.

†††) «Жизнь идетъ, впередъ ли, назадъ ли, какъ думаютъ нѣкоторые, но она, по крайней мѣрѣ, не стоитъ на одномъ мѣстѣ, идетъ, движется, какъ самая земля»... — „Размышленія о современныхъ задачахъ“... Въ „Опытахъ“... Часть II, стр. 62.

†*) „Ист. русск. жизни съ древн. временъ“. Часть I, стр. V.

†**) См. выше примѣч. 2-е. Также „Размыслен“, стр. 16 и 35.

†***) «Взамѣнъ государственнаго, офиціальнаго, возникъ органическій взглядъ на русскую исторію; вмѣсто обветшалыхъ понятій и ученія о предопредѣленіи и неисповѣдимыхъ судьбахъ, возникло понятіе, цѣлое ученіе объ историческихъ началахъ, историческихъ стихіяхъ, элементахъ древней жизни, которое тотчасъ же оказало самое животворное вліяніе на историческую разработку». — „Размысленія“... „Опыты“... Часть II, стр. 30.

руководящія «идеи» *), двигающія «силы» — силы «человѣческой природы» **), «жизненные силы человѣка... умственные, нравственные» ***), сила «русской жизни» ****), слагающіяся «отношенія», «людскія отношенія», внутреннія «связи», «интересы», существующія «формы», до самыхъ «законовъ развитія» и т. д. †).

Соотвѣтственно такому раскрытію понятія жизни, бытія и исторія, какъ наука, развертывается намъ уже не просто, какъ единая «книга бытія», а въ соотвѣтственныхъ жизни разнообразіи и сложности.

Прежде всего — «исторія есть самая богатая и единственная сокровищница фактовъ, дѣлъ человѣческой жизни» ††). Но наука не можетъ успокоиться на этомъ. Ея задача, — «не легкая, но разрѣшаемая» —, «въ томъ, чтобъ строго разобрать пошлый хламъ исторіи и напасть на потаенные пути народной жизни, раскрыть ея движеніе, указать ея ростъ...» †††) Отсюда, на примѣръ, по отношенію къ жизни народа, «исторія есть собственно процессъ его развитія», ...какъ и въ отношеніи «всего человѣчества» ††††). Здѣсь уже «разработка исторіи стремится найти такія (т.-е. руководящія) идеи въ общей жизни народа, въ его политическомъ или государственномъ и общественномъ устройствѣ» †*). На этомъ пути исторія «восходитъ... до раскрытія общей силы человѣческой природы» †**). «Ея предметомъ» становится «живой организмъ человѣческаго духа» †***).

Однимъ словомъ, «историческимъ дѣломъ» стало «узнать самую жизнь... во всѣхъ ея крупныхъ и мелкихъ явленіяхъ» †****).

*) „Жизнь народа въ своемъ постепенномъ развитіи всегда неизмѣнно руководится своими идеями, которыя даютъ народному тѣлу извѣстный образъ и извѣстное устройство“. — „Ист. русск. жизни“. Часть I, стр. V.

**) „...Археологія восходитъ до выясненія цѣльныхъ типовъ, до опредѣленія единыхъ общихъ условій человѣческой жизни, до раскрытія общей силы человѣческой природы“. — „Размысленія“... „Опыты изученія“... Часть II, стр. 60.

***). См. выше, стр. 84-ю. Цитата въ текстѣ.

****) „...Главный существенный вопросъ нашего современнаго сознанія, который неумолкаемо слышится въ каждомъ испытующемъ русскомъ умѣ, именно вопросъ о томъ, въ чемъ истинный разумъ, и въ чемъ истинная сила русской жизни, въ чемъ существо русской народности“. — „Исторія и древности Москвы“. Статья 1867 г. „Въ Опытахъ изученія“... Часть II, стр. 108.

†) „Размысленія о соврем. задач. русск. ист. и древн.“ въ „Опытахъ изученія русск. древн. и ист.“ Часть II, стр. 63 и 11, 45, 47 и 14. — „Дом. бытъ русскихъ царей“, изд. 3-е, стр. XVI. — „Матем. мет. въ ист.“ въ „Опытахъ“, ч. I, стр. 359. — „Драмат. прикр. въ ист.“ Тамъ же, стр. 397 и 398. — „Соврем. взгляды и направл. въ русск. ист.“ Тамъ же, стр. 303.

††) „Размысленія...“ въ „Опытахъ...“ Ч. II, стр. 12.

†††) Тамъ же, стр. 20 и 21.

††††) Тамъ же, стр. 16 и 35.

†*) „Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ“. Часть I, стр. V.

†**) „Размысленія“... въ „Опытахъ...“ Стр. 60, Текстъ см. выше, на стр. 82-й. Въ этомъ текстѣ идетъ рѣчь собственно объ „археологіи“; но вѣдь археологія у Забѣлина, какъ видно было выше, стоитъ не внѣ исторіи, а относится къ ея „области“.

†***) Тамъ же, стр. 3.

†****) Тамъ же. Ч. II, стр. 9. Текстъ см. выше, примѣч. 3-е на стр. 87-й.

Какъ узнать эту былую жизнь?

II. Древности. — «Жизнь — идетъ.., не стоитъ», какъ сказано было Забѣлинымъ выше *). И не только она, какъ дѣйствительность, идетъ, но и уходитъ — въ прошлое «и уноситъ съ собой всѣ живыя формы и воплощенія своихъ силъ. Что нынче имѣло мѣсто въ ея общемъ движеніи, было непосредственнымъ матеріаломъ самой жизни, то завтра гаснетъ и переходитъ въ область *отвлеченностей*, становится матеріаломъ для исторіи или археологій, вообще матеріаломъ знанія. Оттого такъ трудно намъ связать какое-нибудь живое понятіе съ именами, напримѣръ, древняго русскаго князя, боярина, дьяка, боярскаго сына, торговаго человѣка — гостя, посадскаго и т. д. Все это полнѣйшіе *іероглифы* для нашего воображенія, надъ которыми нужно еще много и долго поработать, чтобы добиться въ нихъ смысла, раскрыть въ нихъ живую душу».

«И что жъ непосредственно **) вводитъ насъ въ этотъ *угасшій міръ*, гдѣ все спуталось, переплелось, стерлось и, главное, утратило запахъ жизни, если можно такъ выразиться, стало все какимъ-то безразличнымъ отвлеченіемъ? *Остатки* и *обломки* внѣшней, повседневной, мелочной обстановки, въ которой болѣе чѣмъ гдѣ-либо чувствуется прикосновеніе угасшей жизни, наконецъ живое слово, записанное обыкновенно такъ же по поводу мелкихъ повседневныхъ людскихъ отношеній, мелкихъ дѣлъ текущаго дня» ***).

«Только подробнымъ осмотромъ и разслѣдованіемъ... памятниковъ отжившаго быта, — будутъ ли то монументальные памятники, зданія, разнаго рода сооруженія, начиная отъ кургановъ и городищъ, также памятники вещные (всякая вещь), или же памятники слова устного и письменнаго, памятники угасшей народной мысли, угасшихъ народныхъ представленій и вѣрованій; только подробнымъ описаніемъ и разслѣдованіемъ всѣхъ этихъ почтенныхъ *остатковъ старины* мы достигнемъ возможности выяснитъ себѣ наши... исторіи»... ****)

Чрезъ эти «остатки старины» сохраняется до насъ память объ отжившемъ бытѣ, объ угасшей мысли, почему эти остатки и называются *памятниками древности*. Это — памятники, оставленные намъ «древностью», и потому имъ, въ собирательномъ смыслѣ, при-

*) См. стр. 87-я, примѣч. 7-е.

**) Т. е. помимо другихъ средствъ, напримѣръ, историческихъ книгъ. Но это самое „что?“, и какое бы подъ нимъ ни крылось „нѣчто“, само является для историка неизбѣжнымъ средствомъ. Историческое знаніе, поэтому, лишено той непосредственности, которая доступна наукамъ о природѣ.

***) „Размысленія“... въ „Опытахъ“..., ч. II, стр. 63.

****) „Исторія и древности Москвы“. Статья 1867 г. Въ „Опытахъ изученія...“, ч. II, стр. 107 и 108.

Въ статьѣ рѣчь идетъ собственно о памятникахъ и исторіяхъ „областныхъ“, но для насъ важенъ общій характеръ, какое имѣетъ вышеприведенное сужденіе.

Древности, т. XXII, в. 2-й.

своею названіе «древностей» *). Такъ какъ наука о древностяхъ названа археологіей, то и памятники древности именуются «археологическими» **).

Соотвѣтственно «непроходимому лѣсу... фактовъ и событій» жизни, отъ нея остается «необозримая куча самыхъ разнородныхъ и разнообразнѣйшихъ памятниковъ». Въ различныхъ мѣстахъ своихъ сочиненій Забѣлинъ неоднократно пытается обозначить главные роды и перечислить иные виды памятниковъ. Изъ этихъ попытокъ можно извлечь слѣдующее. Памятники распадаются, по своей природѣ, на двѣ главныя группы: I) памятники «вещественные» и II) памятники «словесные». Въ свою очередь, памятники вещественные раздѣляются, во-1-хъ, на «монументальные» памятники и, во-2-хъ, на «вещные» памятники. Словесные памятники различаются: 1) какъ «письменные» памятники и 2) какъ «устные» памятники ***).

Самый богатый отдѣлъ — письменныхъ памятниковъ имѣетъ свои подраздѣленія на памятники: а) «лѣтописные», или «повѣствовательные», б) «документальные» и в) «литературные» ****).

*) Въ своей „Рѣчи“ 1885 года И. Е. Забѣлинъ говоритъ о завѣтной мысли гр. А. С. Уварова, о стремленіи къ высокой цѣли „пробудить уваженіе и любовь къ родной старинѣ и древности, уваженіе и почтеніе къ памятникамъ этой древности“... „Пусть то же чувство, т.-е. народности, поможетъ теперь и намъ уничтожить равнодушіе къ отечественнымъ древностямъ, пусть оно научитъ насъ дорожить родными памятниками...“ повторяетъ онъ слова графа. — „Рѣчь объ общественномъ знач. учен. трудовъ гр. А. С. Уварова“. Стр. 3 и 11.

**) „Существуетъ... цѣлая наука, именуемая археологіей, наука древностей...“ „О чемъ свидѣтельствуетъ каждый памятникъ, именуемый археологически...?“ — „Размышленія...“ въ „Опытахъ...“ Часть II, стр. 57 и 58.

***). „Ист. и древности Москвы“ въ „Опытахъ...“, часть II, стр. 107 и 108. Текстъ см. на стр. 89-й.

„Оно (т.-е. достоинство народности) скрывается во всѣхъ памятникахъ этой исторіи, во всѣхъ памятникахъ прожитой народной жизни, словесныхъ, письменныхъ, вещественныхъ...“ — „Рѣчь“ 1885 г., стр. 10.

Слова, со ссылкой на академиковъ Бѣра и Шифнера. „У насъ, со временъ Карамзина, ревностно занимаются тою частью отечественной исторіи, которая основывается на письменныхъ памятникахъ; но колыбель нашей народной жизни, все то, что предшествовало письменности, именно курганныя древности, оставляютъ въ сыромъ видѣ, безъ надлежащей обработки“. — „Исторія русской жизни съ древнѣйш. временъ“. Часть I, стр. IX.

„...Устные и письменные памятники, сохраняющіе остатки язычества (рѣчь идетъ по поводу сужденія Сахарова о памятникахъ „русской языческой жизни“ также входятъ въ область археологіи“. — „Русская Археологія“. Статья 1852 г. Въ „Опытахъ изученія...“ Часть II, стр. 85.

„Что если-бъ, вмѣсто тысячи первыхъ изслѣдованій, возраженій, критикъ и антикритикъ о происхожденіи Руси, мы обратились бы... къ изслѣдованіямъ о до-историческомъ нашемъ бытѣ, разумѣется, не по лѣтописямъ и другимъ подобнымъ свидѣтельствамъ, которыя въ этомъ отношеніи слишкомъ бѣдны, а къ памятникамъ, живущимъ еще въ устахъ народа и въ его исконныхъ нравахъ, обрядахъ, обычаяхъ, повѣрьяхъ, примѣтахъ и т. д.“ — „Размышленія...“ въ „Опытахъ...“ Ч. II, стр. 29.

****) „Отсюда-то, т.-е. изъ народнаго эпоса, историкъ долженъ почерпнуть ту живую воду для своего труда, безъ которой народъ въ историческомъ изобра-

Итакъ, «остатки» старины, которые стоятъ между прошлой жизнью и между нами, изучающими ее, одной стороною обращены къ прошлому и являются «памятниками» былой жизни. Другой стороною они обращены къ настоящему и «свидѣтельствуютъ» намъ о прошломъ. «Каждый памятникъ, какъ бы онъ ни былъ незначителенъ, есть въ своемъ родѣ святыня, всегда могущая что-либо сказать и выяснитъ о давнихъ временахъ, объ исторіи мѣста, о людяхъ, тутъ жившихъ, о самой жизни и бытѣ тѣхъ людей» *).

«Явленія нашей древности» съ большей или меньшей опредѣленностью «выступаютъ» въ разнаго рода памятникахъ **). Памятники пріобрѣтаютъ цѣнность, какъ «дорогіе изобразители народной мысли и народного творчества по всѣмъ направленіямъ народного быта».

Для историка «памятники древности» являются «непосредственными свидѣтелями народной исторіи и народного быта» и сильны «пробудить чувство народности, національное чувство—эту животворящую силу народного развитія во всѣ времена» ***). Они заклю-

женіи всегда останется трупомъ, болѣе или менѣе искусно препарованнымъ, которая одна только имѣетъ силу воскрешать сухія муміи древняго человѣка, хранимыя официальными сказаніями и повѣствованіями, разными государственными актами и документами,—вообще старою приказною книжностью, не включая и лѣтописей въ общемъ ихъ характеръ.—„Размысленія...“ въ „Опытахъ...“ часть II, стр. 27.

„Издавая... въ 1862 и въ 1872 г. особою книгой... наши работы..., мы... присовокупили отдѣлъ матеріаловъ въ сыромъ видѣ, заключающій въ себѣ собраніе официальныхъ записокъ и выписокъ изъ расходныхъ, строильныхъ, подрядныхъ, описныхъ и разныхъ другихъ книгъ и документовъ стараго дворцоваго дѣлопроизводства, которое и составляетъ главнѣйшій источникъ нашихъ работъ и остатки котораго, въ столбцахъ и книгахъ, сохраняются въ бывшихъ архивахъ Оружейной Палаты и Московской Дворцовой Конторы“.—„Дол. бытъ русскихъ царей“. 1895 г., стр. XVII.

„Эпоха царевны Софіи необыкновенно богата самыми разнообразными матеріалами; здѣсь есть даже записки русскихъ современниковъ и самовидцевъ...; записки иностранцевъ, очевидцевъ дѣла, смотрѣвшихъ на него тоже съ своей точки зрѣнія...; множество обнародованныхъ уже актовъ, официальныхъ записокъ и замѣтокъ; множество памятниковъ литературныхъ, въ которыхъ болѣе или менѣе отразились интересы, понятія и даже событія времени“.—„Драматическія прикрасы въ исторіи“. Статья 1856, въ „Опытахъ...“ Часть I, стр. 397 и 398. Смори также „Изъ книги «Златоустъ»“—въ „Опытахъ“, часть II, стр. 179. Цитата ниже на этой стр., примѣч. 2-е.

*) „Речь“. 1885 г., стр. 13.

**) „Въ отношеніи къ исторіи древней отечественной словесности эти сборники въ высшей степени важны и любопытны; они едва ли не единственные литературные памятники нашей древности, принимая литературу, разумѣется, въ настоящемъ ея смыслѣ, какъ выраженіе народной жизни въ извѣстную эпоху. По крайней мѣрѣ, многія явленія нашей древности нигдѣ не выступаютъ съ такою опредѣленностью, такъ ясно, какъ въ памятникахъ этого разряда“.—„Изъ книги «Златоустъ»“. Статья 1854 г. Въ „Опытахъ изученія...“ Часть I, страница 179.

***) „Речь“. 1885 г., стр. 14 и 3.

чаютъ въ себѣ «разнородныя и разнообразныя свидетельства самой же исчезнувшей жизни» *).

Въ числѣ памятниковъ, наримѣръ, народный эпосъ, устный памятникъ слова именуется авторомъ «дорогимъ..., единственнымъ (?) и при томъ самымъ достовѣрнымъ свидетелемъ и изобразителемъ такъ называемой доисторической... жизни народа» **).

Съ этой стороны—археологическій памятникъ становится историческимъ источникомъ, родникомъ, изъ котораго историкъ черпаетъ «живую воду» для своего труда ***). Напримѣръ, «для первыхъ же страницъ исторіи народный эпосъ есть единственный и самый существенный источникъ и матеріаль» ****). Для позднѣйшей исторіи—«какъ важны, наримѣръ, всѣ акты, называемые обыкновенно юридическими... Это—самый существенный источникъ народной исторіи»..., въ которомъ «мы становимся лицомъ къ лицу» какъ бы съ «живыми людьми» †)... По поводу собственной работы «Домашній бытъ русскихъ царей и царицъ» Забѣлинъ говоритъ о «документахъ стараго дворцоваго дѣлопроизводства», какъ такого, «которое и составляетъ главнѣйшій источникъ нашихъ работъ и остатки которыхъ, въ столбцахъ и книгахъ, сохраняются въ бывшихъ архивахъ Оружейной Палаты и Московской Дворцовой Конторы ††).

При такомъ характерѣ историческаго знанія, лишеннаго непосредственности наукъ естественныхъ, историку, прежде чѣмъ вступить въ «бесѣду съ древностью», съ цѣлью «творческаго ея

*) „Исторія русской жизни“. Часть I, стр. VI.

**) „Размышленія о задачахъ“... въ „Опытахъ изученія...“ Часть II, стр. 26.

***) Тамъ же, стр. 27.

****) И далѣе: „Всѣ признають, что въ современномъ намъ бытѣ крестьянъ сохраняется множество первобытныхъ элементовъ, первобытной непосредственности, которую обыкновенно называютъ остатками, обломками язычества, т.-е. остатками жизни и понятій до-христіанскихъ. Если такъ, то что же останавливаетъ историка возсоздать по остающимся обломкамъ этотъ до-христіанскій, до-историческій бытъ и тѣмъ начать свое повѣствованіе, исторію?“—Тамъ же, страница 28.

†) И далѣе: „Обиліе и доброта этого источника доставятъ изслѣдователю народной жизни самыя полныя и самыя вѣрныя изображенія отжившей дѣйствительности, со всѣмъ процессомъ ея развитія и измѣненій, которыя она претерпѣла въ томъ или другомъ направленіи. Въ этомъ источникѣ мы становимся лицомъ къ лицу со складомъ народныхъ понятій и пониманій, его убѣжденій и нравственныхъ интересовъ, даже со складомъ живой народной рѣчи, совершенно исчезающей въ другихъ, особенно казенныхъ памятникахъ. Здѣсь-то болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, мы чувствуемъ присутствіе дѣйствительныхъ живыхъ людей, а не отвлеченностей и идеаловъ, которые обыкновенно рисуются памятниками старой книжности. Сыскное дѣло, жалобная челобитная, домашній актъ и записка, духовная и рядная, частное письмо, расходная книга и т. д.—все это самыя добрыя родники для изслѣдователя и испытателя древней жизни, въ которыхъ народная фیزیомія, народный характеръ, народная личность отражаются ясно и полно, живыми чертами“.—Тамъ же, стр. 24 и 25.—См. ниже, 96 стр.

††) „Домашній бытъ русскихъ царей“. Изд. 3-е. Стр. XVII.

возсозданія», *) неизбежно приходится бесѣдовать предварительно съ «древностями». Чтобы изучить интересующія его явленія прошлой жизни, онъ долженъ разыскать свидѣтельствующіе о нихъ памятники, собрать ихъ въ возможной полнотѣ отовсюду, облегченіемъ чему должны служить указатели, описанія, печатныя изданія текстовъ, рисунковъ. Желая имѣть въ своемъ распоряженіи достовѣрные факты изъ жизни, онъ обязанъ прежде всего провѣрить, по всѣмъ правиламъ критики, достовѣрность, неподдѣльность находящихся въ его рукахъ или стоящихъ передъ нимъ памятниковъ. Приступая къ тому, чтобы читать «книгу бытія», онъ учится сначала читать каждый памятникъ именно такъ, какъ того требуетъ послѣдній, при чемъ приходится отгадывать написанное, какъ говорится, между строкъ. Извлеченное, наконецъ, изъ памятника то или иное свѣдѣніе, прежде чѣмъ ему пойти въ ходъ, подлежитъ еще провѣркѣ со стороны его солидности, безпристрастія, правдивости и т. д. Каждая изъ перечисленныхъ операцій надъ памятниками является сложнымъ дѣломъ, представляющимъ часто огромныя затрудненія.

Вотъ, на примѣръ, главный вопросъ, относящійся къ началу Руси, «вопросъ о происхожденіи въ русской странѣ на сѣверѣ—Новгорода, а на югѣ—Кіева», этихъ «значительныхъ городовъ, существовавшихъ до начала нашей исторіи» (862 г.), «вопросъ первостепеннаго значенія для русской исторической науки», рѣшеніе котораго кроется, по выраженію Шафарика, въ «пучинѣ великаго переселенія народовъ». Такъ какъ въ этой пучинѣ «западная историческая наука не все могла разсмотрѣть въ надлежащей истинѣ», то русской исторической наукѣ надлежитъ взяться за это дѣло самостоятельно, даже совсѣмъ забывши, что объ немъ писано, и изучить его *изъ первыхъ рукъ, непосредственно по источникамъ...* Надо прежде всего собрать свидетельства о нашей странѣ въ точномъ и полномъ ихъ видѣ, какъ настоящіе лѣтописные тексты. И такъ какъ каждый изслѣдователь каждое свидетельство толкуетъ по своему, то необходимо ихъ по-русски издать рядомъ съ подлиннымъ текстомъ, дабы, въ свою очередь, каждый читатель могъ свободно повѣрять и свѣрять показанія свидѣтелей. Надо, затѣмъ, допросить *каждаго свидѣтеля*, какъ и откуда онъ смотрѣлъ на свой предметъ, какъ, по какому случаю знаетъ его, былъ ли самовидецъ, или только пересказываетъ чужія рѣчи. *Оцѣня по достоинству показанія свидѣтелей, надо сообразить и объяснить ихъ противорѣчія и разногласія.* Быть можетъ, такія разногласія заключаются только въ различіи словъ, имѣющихъ, впрочемъ, одинъ и тотъ же смыслъ... Было бы желательно, если бъ свидетельства *каждаго греческаго и латинскаго писателя* о нашей странѣ, о народахъ, въ ней обитавшихъ или случайно заходившихъ въ нее, обо всѣхъ намекахъ и указаніяхъ, сколько-нибудь ея касающихся, заслужили такого же

*) „Размышленія о задачахъ..." въ „Опытахъ изученія..." Часть II, стр. 27.

внимательнаго перевода на русскій языкъ и такой же критической обработки, какъ это посчастливилось пока однимъ арабамъ въ превосходныхъ трудахъ гг. Дорна, Хвольсона, Гаркави. Если бы уважаемые профессора-классики нашихъ университетовъ, каждый по своему выбору, подарили русской исторической наукѣ подобные же труды, тогда, быть можетъ, совсѣмъ измѣнился бы въ своихъ основаніяхъ нашъ теперешній взглядъ на наше родное и далекое прошлое, которое, несомнѣнно, было зародышемъ и нашего настоящаго *)).

Сказанное относится ко времени Геродотовой Скиѣи, т.-е. за 450 лѣтъ до Р. Х. Возьмемъ еще VIIХ столѣтіе. Каковы здѣсь условія и требованія ученой работы? «Здѣсь, — говоритъ Забѣлинъ, — нужны необыкновенное вниманіе, мелочные копотливые труды, на которые охотниковъ вообще мало... Да! Напримѣръ, хоть эпоха стрѣльцовъ, эпоха Софіи — сколько потребуетъ она трудолюбія, сколько работъ и изслѣдованій, мелкихъ и вовсе не казистыхъ! И для чего? Иной разъ только для того, чтобы найти истинную средину между двумя совершенно противорѣчащими свидѣтельствами. А сколько нужно прочесть, просмотрѣть!.. Эпоха царевны Софіи необыкновенно богата самыми разнообразными матеріалами; здѣсь есть даже записки русскихъ современниковъ и самовидцевъ, которыя тѣмъ драгоцѣннѣе и важнѣе для изслѣдователя, что писаны людьми совершенно противоположныхъ партій; записки иностранцевъ, очевидцевъ дѣла, смотрѣвшихъ на него тоже со своей точки зрѣнія... множество обнародованныхъ уже актовъ, официальныхъ записокъ и замѣтокъ; множество памятниковъ литературныхъ, въ которыхъ болѣе или менѣе отразились интересы, понятія и даже событія времени. Это только матеріалы, относящіеся прямо ко времени, о которомъ мы говоримъ. Но вѣдь это время — слѣдствіе, результатъ предшествовавшихъ царствованій: то, что жило и дѣйствовало въ эту эпоху, началось, по крайней мѣрѣ, хоть за тридцать лѣтъ раньше... И вотъ такое-то богатство и разнообразіе матеріаловъ, такіе-то труды предстоятъ изслѣдователю этой въ высшей степени интересной эпохи. Нельзя при этомъ не замѣтить, что если недостатокъ, скудость матеріаловъ ставятъ всегда изслѣдователя въ самое затруднительное положеніе, то и богатство ихъ приноситъ неимоверно много хлопотъ и не менѣе затрудняетъ. Здѣсь требуется необыкновенная осмотрительность, здравость пониманія, критическая оцѣнка данныхъ, однимъ словомъ, и малая и высшая критика, какъ говорилъ Шлёцеръ, отецъ русской исторической критики, требуется вообще мало искусства и много труда»... Это — «черновая работа», «путь критическихъ изысканій, тотъ тернистый, пустынный, тяжелый путь, по которому идутъ обыкновенно къ истинѣ» — «съ тяжелымъ обозомъ эрудиціи». На каждомъ шагу требуется «мелочная точность и добросовѣстность. Своевольно «нельзя прибавить ни одной черты къ извѣстному», ибо исторія не сочиняется легкомысленно, а «извлекается только изъ

*) „Ист. Русск. жизни съ древнѣйш. врем.“. 1876 г. Ч. I, стр. 213—215. Ч. II, стр. 495.

памятниковъ», какъ сказалъ еще Карамзинъ *). И о себѣ авторъ говоритъ, какъ онъ старался «каждый мелочный предметъ стараго быта объяснить и *подтвердить* современнымъ ему *текстомъ* **).

«Собирать всѣ мѣста изъ лѣтописей, грамотъ и другихъ источниковъ объ извѣстномъ предметѣ», продѣлывать эту «черную, скучную, копотливую, безотрадную работу, среди *читанья, перечитыванья, выписыванья, сличенья и т. д.*», это — «естественный и потому неизбежный пріемъ ума разсуждающаго, ищущаго истины. По этому пути искони добывалось и добывается всякое знаніе... Что хотятъ узнать, — *собираютъ* о томъ *свидѣтельства*... Вы пожелали написать о какомъ — либо предметѣ изслѣдованіе, диссертацию, — что можетъ быть естественнѣе, обыкновеннѣе, когда вы прежде всего обратитесь къ *матеріаламъ, къ изученію источниковъ*... когда изъ груды матеріаловъ, источниковъ вы станете *извлекать* только то, что именно требуется для разъясненія вашей задачи, вашего предмета? Перечитывая и перебирая источники, вы, конечно, *останавливаетесь* съ особымъ вниманіемъ только на тѣхъ мѣстахъ, которыя прямо или косвенно выясняютъ и обрисовываютъ предметы вашего изслѣдованія; вы *дѣлаете выписки*... и т. д. ***).

О значеніи для науки этого «*чернового труда*», мимо котораго большинство пройдетъ безъ всякаго вниманія и пониманія, безъ малѣйшаго участія, Забѣлинъ говоритъ такъ. «Сознаніе того, что я дѣлаю прочное дѣло, что я кладу тѣ неуклюжіе, но твердые камни, которые хотя и будутъ скрыты глубоко въ землѣ, но составятъ *основаніе* будущему зданію, — такое только сознаніе и можетъ двигать человека на упорный, медленный и неблагодарный *черновой первичный трудъ*, настоящая истинная оцѣнка котораго, бѣльшею частью, лежитъ въ будущемъ, когда выстроится все зданіе» ****).

Если даже коснуться только одного вида изъ числа, напри-
мѣръ, письменныхъ памятниковъ — «актовъ, называемыхъ обыкновенно юридическими», одного изъ «источниковъ народной исторіи», то окажется, что «богатство его, какъ и богатство жизни, неизмѣ-
римо. Такими актами и бумагами наполнены всѣ наши архивы, государственные, разныхъ вѣдомствъ, монастырскіе и отчасти даже домашніе. То, что *издано* въ этомъ отношеніи, не составляетъ и миллионной доли того, что еще лежитъ въ пыли, а нерѣдко съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе сгниваетъ и тлѣетъ или поступаетъ на макулатуру» †). Поэтому, необходимы «подробное *описаніе* и *разслѣдованіе* всѣхъ этихъ почтенныхъ остатковъ старины», потому что только такимъ путемъ «мы достигнемъ возможности выяснить

*) «Драмат. прикрасы въ исторіи». Статья 1856 г. Въ «Опытахъ изученія...» Часть I, стр. 397—401.

**) «Домашній бытъ русск. царей». Изд. 3-е. Стр. XVII.

***) «Математ. методъ въ Ист.» Въ «Опытахъ...» Часть I, стр. 359—362.

****) Тамъ же, стр. 356.

†) «Размышленія»... въ «Опытахъ...» Часть II, стр. 24 и 25.

себѣ наши областныя исторіи» и общую исторію «русской жизни». Необходимо ихъ изданіе — дѣло, уже недоступное единичнымъ силамъ, которое должно выполняться соединенными усилиями ученыхъ обществъ, начиная съ «Губернскихъ Статистическихъ Комитетовъ» и оканчивая «Археографической Комиссіей». Здѣсь Забѣлинъ выражалъ также надежду на Земскія Собранія, которыя—де «могутъ выразить свою готовность пособить этому дѣлу назначеніемъ, на примѣръ, премій за обработку своей мѣстной исторіи» *).

Настаивая на необходимости изданія актовъ юридическихъ, имѣвшихъ въ его время «мало цѣны» или «какую-то спеціальную антикварную цѣнность», Забѣлинъ, между прочимъ, высказываетъ слѣдующія слова, которыя теперь, спустя пятьдесятъ лѣтъ, можно отмѣтить, какъ исполнившееся пророчество. «Настанетъ, однако жъ, время, когда такіе акты сдѣлаются важнѣйшимъ матеріаломъ, когда вѣрное жизненное чутье, смутно и теперь руководящее собирателями и издателями (сборники которыхъ время отъ времени все-таки являются, не вознаграждая ни рвенія собирателя, ни потраченныхъ имъ издержекъ) нѣкоторыхъ сборниковъ, перейдетъ въ сознательное пониманіе, что это—самый прямой, ближайшій и самый богатый матеріалъ для изученія и возсозданія древней жизни во всей ея полнотѣ и правдѣ» **).

Поле для археографическихъ работъ своею обширностью соотвѣтствуетъ архивнымъ богатствамъ. Здѣсь архивы, особенно общіе, центральные нуждаются въ путеводителяхъ, указывающихъ, архивные остатки какихъ учрежденій въ нихъ сосредоточены. Составъ каждаго частнаго архива долженъ быть выясненъ въ обзорѣ составляющихъ его дѣлопроизводствъ. Въ составѣ ихъ каждая группа, всякій видъ документовъ является предметомъ спеціальнаго обозрѣнія, изученія, до изданія ихъ включительно.

Объ отдѣлѣ, на примѣръ, такъ называемыхъ, «разрядныхъ книгъ» и «дворцовыхъ разрядовъ», по поводу ихъ изданія ***), Забѣлинъ высказывается такъ ****).

Онъ говоритъ о *полномъ сводѣ*, о полномъ изданіи разрядовъ—послѣ печатавшихся ранѣе *отрывковъ* еще съ XVIII ст. †), о задачѣ изданія — «привести въ точную извѣстность *рукописи* разрядовъ», сличить ихъ, повѣрить однѣ другими»; о *составѣ* ихъ, распадающемся на «два рода»: 1) официальные, сохранившіяся въ дѣлахъ Разряднаго архива... и 2) неофициальные..., въ разныхъ казенныхъ

*) «Исторія и древности Москвы». Статья 1867 г. Въ „Опытахъ“. Часть II, стр. 108 и 110—112.

**) „Размысленія...“ Въ „Опытахъ...“ Часть II, стр. 26.

***) „Дворцовые разряды“. Томъ I. 1612—1628 гг. Томъ II. 1628—1645 гг. Томъ III. 1645—1676 гг. Спб. 1850, 1851 и 1852 года.

„Книги разрядныя, по официальнымъ оныхъ спискамъ“. Томъ I. Спб. 1853 годъ.

****) „Разрядныя книги“. Статья 1853 г. Въ „Опытахъ...“ Часть I, стр. 515—524.

†) „Повседневныя дворцовыя записки“. Москва. 1769.

„Синбирскій Сборникъ“ Д. Валуева. М. 1844.

и частныхъ библіотекахъ; о *содержаніи* ихъ, относящемся къ придворной, военной и гражданской службамъ; о *значеніи* ихъ для исторіи, какъ документовъ, если не открывающихъ вновь важныхъ событій, то объясняющихъ многое, въ особенности ходъ и развитіе мѣстничества; о *происхожденіи* книгъ, составлявшихся въ томъ или иномъ Приказѣ (Разрядѣ, а не Большого Дворца и едва-ли Посольскомъ), и происхожденіи уцѣлѣвшихъ рукописей, въ виду извѣстнаго указа о сожженіи всѣхъ разрядныхъ книгъ при царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ; о *сравненіи* «дворцовыхъ разрядовъ» съ «разрядными книгами»; объ *отношеніи* ихъ къ другимъ документамъ, какъ то: «приговорамъ», соборнымъ и боярскимъ, и къ Государевымъ «указамъ», «грамотамъ» изъ Приказовъ, воеводскимъ «наказамъ», разборнымъ «десятнямъ»; о *сопоставленіи* заключающихся въ нихъ свѣдѣній—о посольскихъ приѣмахъ—съ «свидѣтельствами иностранцевъ»; о *редакціяхъ* книгъ въ Приказѣ,—бѣловая или черновая она; о «*затѣйкахъ*» и «*прилогахъ*», т.-е. о подлогахъ, писанныхъ въ книги ихъ владѣльцами—для своего роду; о «процессѣ труда» по ихъ изданію, какъ-то: *сличеніе рукописей*, несмотря на чрезвычайныя затрудненія, съ которыми сопряжены всѣ подобныя работы, исполненное превосходно, съ особенною тщательностью и добросовѣстностью; раздѣленіе ихъ на *группы*,—какъ «подробныя» и «сокращенныя»; составленіе *своднаго текста*, по восьми рукописямъ, означеннымъ для цитированія каждая особою «буквою», при чемъ въ сводный текстъ включены всѣ «прибавленія», встрѣченныя въ сокращенныхъ спискахъ сравнительно съ подробными, «особыя обстоятельства» и даже отдѣльныя «слова», могущія измѣнить характеръ событія, а въ примѣчаніяхъ означены «несходства» — самыя незначительныя, даже «ошибки писцовъ». Вотъ одно изъ «замѣчательнѣйшихъ пріобрѣтеній для науки», какъ заключаетъ Забѣлинъ, и тѣ труды, вложенныя въ этотъ, лежавшій около двухсотъ лѣтъ подъ спудомъ, археологическій, въ частности археографическій, памятникъ, которые помогли сдѣлать его общедоступнымъ историческимъ источникомъ *).

Забѣлинъ по поводу выхода въ свѣтъ «*Россійской родословной книги*» кн. П. Долгорукова, которую онъ признаетъ «и для науки и для родословныхъ фамилій драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ», все же высказываетъ сожалѣніе, что «до сихъ поръ у насъ не сдѣлано *своднаго критическаго изданія* древнихъ *родословныхъ книгъ*. Не говоримъ объ ихъ общемъ значеніи для исторіи и въ частности, именно въ отношеніи теперешнихъ дворянскихъ родословій, такое изданіе послужило бы важнѣйшимъ документомъ (матеріаломъ?) и устранило бы многія невѣрныя положенія, которыя почти неизбежны при недостаткѣ матеріаловъ, хорошо изданныхъ, обслѣдованныхъ критически. Намъ кажется, что такое изданіе должно бы пред-

*) «Разрядныя книги». Въ «Опытахъ...» Часть I, стр. 466—470, 474—476—479, 482, 488, 497, 498, 506, 507, 509 и 514.

Сравни подобную же статью «Боярскія книги» — 1853 г. Въ «Опытахъ...» Часть I, стр. 515—524.

шествовать «родословнымъ росписямъ» книги П. Долгорукова. Безъ этой предварительной работы названный трудъ не имѣетъ шансовъ быть свободнымъ отъ ошибокъ, потому что главный источникъ, такъ называемая «Бархатная книга» не можетъ быть признана достовѣрной уже по самому ея происхожденію и заключаетъ въ себѣ многія «неточности, ошибки, описки и небрежность». По отношенію къ книгѣ кн. Долгорукова онъ еще высказываетъ пожеланіе «болѣе подробнаго *указанія источниковъ*, послужившихъ матеріаломъ для нея, ибо такое указаніе въ настоящемъ изданіи — дѣло первой важности» *).

Другое изданіе—писемъ царя Алексѣя Михайловича **), этого «драгоцѣннѣйшаго матеріала нашей старины», одного изъ числа «замѣчательнѣйшихъ памятниковъ древней русской письменности», какъ неудовлетворяющее научнымъ требованіямъ, даетъ случай Забѣлину нарисовать картину археологической работы съ *отрицательной стороны* ***). Качества этого «издательскаго труда» таковы: «поверхностная издательская работа и недостаточное изученіе посредствующихъ источниковъ», т.-е. двухъ старыхъ изданій, печатанныхъ съ подлинниковъ ****), которые въ послѣдствіи были утрачены; отсутствіе «сличенія» разнорѣчиваго печатнаго текста обоихъ изданій съ цѣлью показать, какой изъ нихъ правильнѣе, въ смыслѣ близости къ подлинникамъ и въ отношеніи ошибокъ правописанія; «весьма поверхностное изученіе этихъ памятниковъ, малое знакомство вообще съ письменностью одного съ ними времени, безъ которой... нѣтъ возможности уразумѣть изданный матеріалъ»; «недостаточная научная обработка примѣчаній и объясненій», составленныхъ, большею частью, «подъ вліяніемъ случайности», не обнимающихъ объясняемаго предмета всецѣло, кругло, полно; «допущеніе многихъ мелкихъ неправильностей и неточностей»; и вообще, вмѣсто «осторожнаго обсужденія и надлежащихъ справокъ» о затронутыхъ въ примѣчаніяхъ предметахъ, «отважная самоувѣренность и ограниченное знакомство съ предметомъ» †).

На примѣрѣ одной изъ обработокъ древностей Москвы, именно книгѣ г. Снегирева «Москва, подробное историческое и археологическое описаніе города» Забѣлинъ ††) показываетъ, къ чему приводитъ пре-

*) «Родословныя книги». Статья 1855 и 1856 гг. Въ «Опытахъ...» Часть I, стр. 525—544.

**) «Собраніе писемъ царя Алексѣя Михайловича съ приложеніемъ Уложенія сокольничья пути...» Издѣніемъ К. Т. Солдатенкова издалъ Петръ Бартеневъ. М. 1856 г.

***) «Царь Алексѣй Михайловичъ». Статья 1857 г. Въ «Опытахъ...» Часть I, стр. 203—280.

****) «Сборникъ Муханова». М. 1836. «Дополненіе къ актамъ историческимъ». Т. III.

†) «Царь Алексѣй Михайловичъ». Въ «Опытахъ...» Часть I, стр. 203, 240, 241, 266, 267, 269, 276 и 277.

††) «Исторія и древности Москвы». Статья 1867 г. Въ «Опытахъ...» Часть II, стр. 107—253.

небреженіе правилами критики въ обращеніи съ источниками, отсутствіе научныхъ приемовъ «въ выборѣ, сличеніи и сообщеніи... всякихъ свидѣтельствъ, въ ихъ должной оцѣнкѣ». Является одно «безмѣрное и не всегда толковое собирательство». Господствуетъ «небрежность, съ какою авторъ всегда почти относился и къ текстамъ, къ подлиннымъ словамъ и къ ссылкамъ на эти слова, какъ бы вовсе не оцѣнивая и даже какъ бы не понимая ихъ важности въ подобныхъ копотливыхъ и мелочныхъ работахъ, опускаая текстъ и ссылки, всегда важнѣйшія, тамъ, гдѣ онѣ настоятельно нужны, и обозначая ихъ, всегда неважныя, тамъ, гдѣ онѣ вовсе не были нужны»... Вообще въ археологическихъ трудахъ Снегирева «самыя архивныя свидѣтельства, приводимыя авторомъ изъ первыхъ рукъ, сообщались въ такомъ видѣ и съ такимъ *невниманіемъ къ цѣнности подлинныхъ словъ*, особенно, когда они появляются въ первый разъ, что изслѣдователи почти всегда имѣли достаточно причинъ сомнѣваться въ отчетливой достовѣрности сдѣланныхъ указаній или выписокъ». «Изысканія о древностяхъ Москвы исполнены... противорѣчивыхъ свидѣтельствъ». «Изслѣдовательность, критика собираемыхъ свѣдѣній очень мало руководила авторами (Снегиревъ при сотрудничествѣ г. Мартынова) въ ихъ выпискахъ о церквахъ и урочищахъ Москвы. Они ставили рядомъ *самыя несообразныя показанія*, безъ всякаго отзыва о томъ, чему наиболѣе должны вѣрить читатели». «Авторы какъ будто живутъ назадъ тому лѣтъ 50..., время ихъ—еще до-карамзинское время. Они не усвоили себѣ... тѣхъ научныхъ приемовъ, которые легли въ основу труда нашего, поистинѣ, безсмертнаго историка, безъ которыхъ невозможна никакая... археологическая работа... Должно замѣтить вообще, что трудъ Карамзина—говоря особенно о «Примѣчаніяхъ» къ исторіи,—по характеру критическихъ изслѣдованій, по своей отчетливости, точности, ясности, изыскательности, по ширинѣ взгляда на предметъ, остается среди нашихъ теперешнихъ трудовъ какимъ-то *недосягаемой высоты памятникомъ*... Если не всякому подъ силу воздвигнуть себѣ такой памятникъ, то каждому изъ насъ весьма полезно почаще поглядывать, *какъ и изъ чего онъ сложенъ*, почаще смотрѣть въ него, дабы усвоить и своему труду тотъ строго научный и многосторонній взглядъ по поводу всякаго, даже и исключительно мелочнаго разысканія». Имѣющие нужду обращаться къ сочиненіямъ Снегирева «изслѣдователи, послѣ долгихъ и очень тяжкихъ и трудныхъ операцій надъ ними, могли вынести одно только непреложное убѣжденіе, что пользоваться этими сочиненіями нужно съ великою осмотрительностью и осторожностью, что несравненно легче, плодотворнѣе для себя и во всѣхъ смыслахъ полезнѣе имѣть дѣло прямо съ самыми источниками, чѣмъ изучать сочиненіе, котораго почти каждую строку приходится очищать критикою, провѣрять съ тѣми же источниками, большею частью всѣмъ доступными»... «Все это въ работающей средѣ ставило труды г. Снегирева какъ-бы *вне науки*, вне ея границъ. Они не попадали въ ея общее теченіе, въ ея общій оборотъ, не сливались органически

съ новыми дальнѣйшими работами, какія предпринимались по тѣмъ же вопросамъ другими изыскателями» *).

Во всемъ, что касается обращенія съ источниками, требуется величайшая педантичность. Несоблюденіе этого требованія, какъ бы ни была талантлива работа изслѣдователя, отнимаетъ у нея силу и значеніе. Это наглядно показано у Забѣлина на спорѣ двухъ школъ о происхожденіи Руси—Норманнской и Славянской, руководителемъ первой изъ которыхъ былъ Шлёцеръ, а выразителемъ второй—Венелинъ.

«Достоинства критики Венелина заключаются въ простомъ здоровомъ смыслѣ, который онъ всюду ставитъ, какъ надежнаго противника всякимъ, особенно застарѣлымъ, ученымъ предразсудкамъ. Но это основное начало его изслѣдовательности такъ увлекало его, что онъ вовсе забывалъ въ ученомъ разсужденіи цѣну точныхъ и полныхъ доказательствъ, *цѣну свидѣтельскихъ показаній*, критически разобранныхъ и осмотрѣнныхъ со всѣхъ сторонъ. Въ то время, какъ Шлёцеровская критика, проводя впереди всего точные свидѣтельства и тексты, отдавала дѣло какъ бы на судъ самому читателю,—Венелинская критика нисколько не заботилась о точныхъ текстахъ и, на основаніи только здравыхъ разсужденій впереди всего, ставила свои рѣшенія. Естественно, что читатель въ большинствѣ случаевъ долженъ вѣрить этой критикѣ только на-слово и принимать какъ бы свидѣтелемъ самого автора, чего, конечно, никакое изслѣдованіе допустить не можетъ. За немногими исключеніями, тѣмъ же характеромъ изслѣдовательности отличаются труды и всѣхъ другихъ писателей Славянской школы. Вотъ главнѣйшая причина, почему даже и весьма здравыя и очень вѣрныя сужденія такой критики *не пролагали въ науки никакого слѣда*, не производили никакого вліянія на разрѣшеніе частныхъ вопросовъ и оставались вовсе незамѣченными ученою изыскательностію». «Къ тому же пренебреженіе къ ученой обработкѣ свидѣтельствъ открывало широкой и вольный просторъ для фантазіи, которая здѣсь самоуправно господствовала, взамѣнъ строгой и осторожной мысли, какою по преимуществу отличалась работа въ Нѣмецкой школѣ... Оказывается, такимъ образомъ, что у Славянской школы нѣтъ подъ ногами *ученой почвы*. Она до сихъ поръ должна носиться въ облакахъ, въ области однихъ только здравыхъ разсужденій и соображеній, чѣмъ она особенно и сильна. Но извѣстно, что всякое здоровое разсужденіе утверждается тоже на свидѣтельствахъ и вполне зависитъ отъ ихъ количества и качества. Можно очень здраво судить, опираясь на двухъ первыхъ свидѣтелей; но приходитъ третій, четвертый и т. д., и дѣло получаетъ совсѣмъ иное освѣщеніе, здравый разсудокъ невольно переходитъ на другую, иной разъ на совсѣмъ противоположную сторону. Такъ часто бываетъ въ житейскихъ дѣлахъ, такъ отыскивается истина и въ ученыхъ изслѣдованіяхъ» **).

*) Тамъ же, стр. 120—122, 216, 143 и 144.

**) „Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ“. Часть I, стр. 39—41. Сравни стр. 97.

Относительно первоначальной разработки повѣствовательныхъ источниковъ Забѣлинъ говоритъ слѣдующее. «Совѣстно сказать: у насъ до сихъ поръ не изданы наши лѣтописи, т.-е. изданы не всѣ, и именно важнѣйшій въ настоящемъ случаѣ ихъ отдѣлъ — областныя лѣтописи». «Но еще стыднѣе намъ сказать: мы не имѣемъ не только обстоятельныхъ, но и никакихъ указателей, даже и къ тѣмъ лѣтописямъ, которыя уже изданы. Эти два обстоятельства такъ повѣсны по своему значенію, что намъ нечего упоминать о другихъ, побочныхъ, хотя тоже очень сильныхъ матеріальныхъ затрудненіяхъ, съ которыми принужденъ бороться, чуть не на каждомъ шагу, каждый изслѣдователь русской древности». «Вотъ книга г. Барсова: *«Матеріалы для историко-Географическаго Словаря Россіи. I. Географическій Словарь русской земли (IX—XIV)»*... «Мы понимаемъ, какъ тяжела была такая работа теперь, безъ средствъ, о которыхъ мы говоримъ, и можемъ понять, какъ была бы легка, если бы при лѣтописяхъ существовалъ указатель... Во всякомъ случаѣ дѣло не потребовало бы и десятой доли тѣхъ работъ, какія, по необходимости, долженъ былъ исполнить авторъ; и, безъ малѣйшаго сомнѣнія, эти девять десятыхъ труда авторъ непремѣнно употребилъ бы на дальнѣйшую разработку... А мы, все-таки, должны быть очень признательны автору за его подвигъ, проложившій хоть какой-нибудь *путь въ непроходимыхъ дебряхъ* лѣтописнаго текста» *). О «драгоцѣнномъ» значеніи географическихъ названій для исторіи Забѣлинъ говорилъ еще много раньше по поводу работы Неволіна *«О пятинахъ и погостахъ новгородскихъ въ XVI вѣкѣ»*, составленной на основаніи писцовыхъ книгъ. Тогда же онъ выразилъ, вмѣстѣ съ Неволінымъ, пожеланіе, чтобы безотлагательно были изданы писцовыя книги, какъ «представляющія единственный богатѣйшій и разнообразнѣйшій матеріалъ для исторіи внутренняго быта», такой матеріалъ, безъ котораго нѣтъ возможности рѣшить многихъ и многихъ вопросовъ нашей исторіи» **).

Онъ обращалъ вниманіе на необходимость разработки хронологіи. «Хронологія нашихъ лѣтописей во многихъ мѣстахъ до того запутана, что приводитъ въ тупикъ самаго трудолюбиваго изслѣдователя, и ожидаетъ еще дѣлателя, котораго труды также необходимы теперь, какъ было необходимо издать и самыя лѣтописи». При этомъ имъ проницательно замѣчено у перваго лѣтописца «глубокое, какое-то религіозное почтеніе и уваженіе къ годовому числу. Годовое число въ повѣсти Нестора есть первая причина для описанія событій. Оттого онъ старательно выставляетъ даже и тѣ года, въ которые ничего не случилось. Въ опредѣленную, точную и въ полномъ смыслѣ научную рамку годовыхъ чиселъ лѣтопись, съ ве-

*) «Пятины и погосты». Статья 1854 г. Въ „Опытахъ...“ Часть I, стр. 558.

**) «По поводу семисотлѣтія Москвы въ 1847 г.». Статья 1846 г. Въ „Опытахъ“. Часть II, стр. 255.

личайшею добросовѣстностью вносить все то, что почитаетъ важнымъ, дѣльнымъ и любопытнымъ...» *).

«Сколько труда и копотливыхъ работъ долженъ былъ употребить г. Аристовъ при обработкѣ своего вопроса *«Промышленность древней Руси»*! Сколько почтеннаго труда положилъ еще гораздо раньше г. Погодинъ въ своихъ *«Исслѣдованіяхъ»* объ удѣльномъ періодѣ. Вообще сколько труда бѣдный русскій изслѣдователь долженъ употреблять совершенно непроизводительно, исполняя всякія *подготовительныя работы...* **). «Все это, конечно, обозначаетъ молодость нашей науки, ея малоопытность, отсутствіе въ ней ея же элементовъ—обстоятельности, основательности, точности и отчетливости и тому подобныхъ ученыхъ приѣмовъ, которые еще не вошли въ наши ученые нравы и привычки» ***).

«Вообще должно сказать, что русская *научная изслѣдовательность* находится въ такомъ же невыгодномъ положеніи, въ какомъ находится и нашъ экономическій, хозяйственный бытъ. Для той, какъ и для другого, не существуетъ самаго главнаго: хорошихъ путей сообщенія, къ которымъ, не нарушая внутренней правды, мы относимъ *указатели, алфавиты и всѣ подобныя средства науки*. Нѣтъ этихъ путей, и оттого—недостатокъ жизненнаго движенія въ наукѣ, напрасная трата времени и труда, напрасная пагуба таланта и дарованій, постоянные ошибки, недосмотры, пропуски, торопливые и потому ложные заключенія и выводы, лживые тенденціи и взгляды, цѣлыя теоріи, исполненныя легкомыслія и фразерства». «Нужна (по поводу какого-либо мѣстнаго и мелкаго географическаго или археологическаго вопроса) лишь справка, а, между тѣмъ, эта справка становится тяжелымъ, скучнымъ, очень продолжительнымъ и, по результатамъ, совершенно непроизводительнымъ трудомъ: приходится прочитывать постранично всю массу изданныхъ лѣтописей и актовъ, съ напряженіемъ отыскивая, когда и какъ въ первый разъ упоминается какое-либо имя или слово, очень важное для... изысканій...» Самоотверженіе, не всякому доступное. «Поэтому, большею частью, оставляютъ дѣло въ такомъ видѣ, къ какому приводятъ его случайно попавшіеся подъ руку факты, повторяя, затѣмъ, одно и то же нѣсколько лѣтъ сряду». «И все это оттого, что нѣтъ прямой, основательной и обстоятельной *дороги къ самымъ матеріаламъ изслѣдованія...* И потому великую услугу русской наукѣ оказалъ бы тотъ, кто принялъ бы на себя трудъ проложить эти пути. Его трудъ, по своему значенію, въ истинномъ смыслѣ могъ бы равняться нѣсколькимъ десяткамъ диссертаций и изслѣдованій, ибо въ немъ, по естественной причинѣ,

*) *«Ист. русск. жизни съ древн. врем.»* Часть I, стр. 503.

**) *«Исторія и древности Москвы.»* Статья 1867 г. Въ *«Опытахъ»...* Часть II, стр. 112—113.

***) Это—повтореніе мысли, высказывавшейся ранѣе. «Разработка (же) русской старины еще въ первой порѣ: она молода и неопытна.» — *«Характеръ начальнаго образованія въ допетровское время.»* Статья 1856 г.—*«Опыты»...* Часть I, стр. 81.

на самомъ дѣлѣ лежали бы *фундаменты* всевозможныхъ диссертаций и статей... До тѣхъ же поръ, пока такія необходимыя *научныя средства* не будутъ намъ даны, мы все будемъ, какъ говорится, переваливать черезъ пень колоду, — выраженіе хотя и рѣзкое, но вполнѣ и со всѣхъ сторонъ характеризующее нашу теперешнюю дѣятельность и въ общей сложности и въ ея частностяхъ... «Эта истина подтверждается чуть не каждый день, а самый яркій и объемистый примѣръ тому мы можемъ видѣть въ *обработкѣ древностей* Москвы, начатой очень давно, обильной всякими книгами и статьями, славной уже своими авторитетами, и все-таки, именно за отсутствіемъ указанныхъ научныхъ средствъ, не подвигающейся впередъ ни на шагъ» *).

То же самое относительно другихъ, въ томъ числѣ и литературныхъ, памятниковъ. «У насъ много издано и постоянно издается много древнихъ памятниковъ и разнаго рода историческихъ матеріаловъ; итогъ ихъ увеличивается съ каждымъ днемъ, и, несмотря на то, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе открывается, что мы еще далеко не знаемъ всего богатства нашей старой письменности». Поэтому, нужны *описанія рукописей* и при томъ не въ формѣ «*каталоговъ*—по корешкамъ», съ выпискою только заглавія рукописей и разныхъ мелкихъ статей, ничего не говорящихъ изслѣдователю, каково «*Обстоятельное описаніе Славяно-россійскихъ рукописей графа Толстого*», 1825 года, а по образцу такой «дѣльной и ученой библіографіи», какъ «*Описаніе рукописей Румянцевскаго Музея*» г. Востокова **). «Конечно, подобное описаніе составить не легко»... «За то какъ и благодарна наука этому почтенному и добросовѣстному труду, изъ котораго изслѣдователи не перестаютъ черпать!» «Еслибъ съ 1825 года рукописи... были описываемы въ точномъ смыслѣ обстоятельно, то какое богатство пріобрѣла бы наука въ этихъ описаніяхъ! Сколько бы вопросовъ она уяснила, не говоря уже о томъ, что наши свѣдѣнія о русской старинѣ были бы полнѣе, вѣрнѣе, и не существовалъ бы цѣлый рядъ ошибочныхъ, поверхностныхъ толкованій и взглядовъ на нее» ***).

Самъ авторъ, заинтересовавшись, на примѣръ, старинною «*Книгой о злонравныхъ женахъ*», освѣщаетъ эту попытку тогдашней учености разрѣшить интересную загадку, что такое женщина, *древнимъ взглядомъ* на «женское естество» съ точки зрѣнія «патріархальныхъ понятій», при полномъ почти отсутствіи «общественности, за единственнымъ развѣ исключеніемъ «пиръ-бесѣды», — привлекая *разные памятники*: былины, «стихи», «народныя сказанія», «Пчелы», «Домострой», сказанія современниковъ (Дм. Самозванца), Котошихина. Затѣмъ, обсуждаетъ *три списка* этой книги, одинъ XVII ст., два

*) «Ист. и древн. Москвы». Въ «Опытахъ...» Часть II, стр. 113—116.

**) «Описаніе русскихъ и славянскихъ рукописей Румянцевскаго Музеума». СПб. 1842 г.

***) «Замѣтка о старинныхъ повѣстяхъ». Статья 1853 г. Въ «Опытахъ...» Часть I, стр. 189—191.

другіе XVIII ст., со стороны ихъ отличія, разнорѣчія, вставокъ и распространеній; приводитъ отмѣтки *на поляхъ* (противъ жены — «медвѣдицы» и «львицы»: 1-е. Подобное оной заповѣди моя жена Пелагія во всемъ сходство имѣетъ. И 2-е. И сія подобна во всемъ); обясняетъ въ примѣчаніяхъ областныя слова и фантастическіе образы (ехидна, аспидъ); говоритъ о *происхожденіи* подобныхъ повѣстей, какъ переводовъ съ польскаго во второй половинѣ XVII ст. и первоначальныхъ источниковъ — въ римскихъ духовныхъ писателяхъ, о *распространеніи* ихъ въ спискахъ и выпискахъ *).

Задавшись просмотромъ одного изъ сборниковъ духовно-назидательнаго чтенія, называвшихся «Златоустами» и «Златоструями», «Измарагдами» и прочее, высокое значеніе которыхъ для науки уже достаточно показали Калайдовичъ и Горскій, именно «Златоуста» изъ архива Оружейной Палаты, онъ говоритъ, прежде всего, о *рукописи* со стороны ея матеріала — на лощеной бумагѣ, ея *почерка* — полууставомъ XVII ст., ея *объема* — по числу тетрадей, изъ восьми полулистовъ каждая; о *перемѣтѣ* тетрадей (а не листовъ); о предшествующихъ тексту «главахъ», т.-е. оглавленіи, *отмѣткѣ* внизу листовъ — скорописью конца XVII ст., свидѣтельствующей, что она, какъ «Государыни Царицы хоромная», является любопытнымъ памятникомъ царскаго быта; *сравниваетъ* его съ «Домостроемъ», «Измарагдомъ», приводя параллельныя мѣста; отдѣляетъ отъ *переводныхъ* словъ и поученій *оригинальныя*, принадлежащія русскимъ проповѣдникамъ; опредѣляетъ, среди безымянныхъ, *принадлежность* извѣстнымъ уже проповѣдникамъ; изъ общаго *содержанія* выдѣляетъ заслуживающія особаго вниманія мѣста (о «ратаевыхъ работныхъ игахъ», о нѣкоторыхъ «зѣмныхъ обычаяхъ») **).

Въ какую глубину погружается здѣсь изученіе, можно видѣть изъ слѣдующаго разсужденія.

«Мы очень мало имѣемъ *рукописей*, сохранившихся отъ временъ Ярослава, но это вовсе не служитъ доказательствомъ, что въ *спискахъ позднѣйшихъ вѣковъ* нѣтъ тѣхъ книгъ, которыя были имъ отысканы, списаны или вновь переведены. Изученіе нашей церковно-книжной литературы только-что начинается и проводится очень медленно, главнымъ образомъ по той причинѣ, что до сихъ поръ мы не имѣемъ *полнаго описанія* даже нашихъ знаменитыхъ книгохранилищъ, не говоря уже о частныхъ собраніяхъ. Мы не имѣемъ даже простой *краткой переписи*, или простого перечисленія собранныхъ по хранилищамъ рукописей. При такомъ *неустройствѣ* нашего письменнаго богатства очень трудно сказать о немъ что-либо основательное и вѣрное. Но безошибочно вообще можно полагать, что не только въ рукописяхъ XVI, но въ рукописяхъ и XVII столѣтія найдутся памятники самой *отдаленной древности*. Отъ по-

*) „Женщина по понятіямъ старинныхъ книжниковъ“. Статья 1857 г. Въ „Опытѣхъ...“ Часть I, стр. 129 — 161, 168 — 170, 176 и 177.

**) „Изъ книги Златоуста“. Статья 1854 г. Въ „Опытѣхъ...“ Часть I, стр. 179 — 188.

стояннаго и непрерывнаго употребленія въ теченіе столѣтій, они, конечно, утратили свой *первобытный обликъ*, ибо весьма подновлены и въ письмѣ и въ языкѣ, но за то онѣ неприкосновенно сохранили свое *содержаніе*, свой *складъ мысли* и свой *складъ разсказа*, которые трудолюбивому и знающему изыскателю раскроютъ ихъ древнѣйшее происхожденіе, въ иныхъ случаяхъ даже и раньше временъ Ярослава. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, удовлетворяться такими положеніями, что если нѣтъ, напримѣръ, Прологовъ въ спискахъ XI вѣка, а есть они въ спискахъ XIII вѣка, то, значитъ, Прологи появились не раньше этого времени. Книги, вмѣстѣ съ городами и церквами, горѣли безпрестанно, особенно въ нашествіе иноплемennыхъ. Годъ отъ году старыя книги исчезали, оставляя, однако, послѣ себя свое *потомство* — *новые списки*; иные, конечно, исчезали безслѣдно, особенно тѣ, которыя мало обращались въ церковномъ и домашнемъ кругу, и отъ которыхъ потомство по этой причинѣ не могло укорениться. Если въ наше время и печатныя книги становятся рѣдкостью отъ постояннаго, непрерывнаго ихъ расхода и употребленія, то о рукописяхъ нечего и говорить. Мы, быть можетъ, мало скажемъ, если все число древнихъ и старыхъ рукописей, обращающихся въ народѣ и собранныхъ въ общественныхъ и частныхъ хранилищахъ, сосчитаемъ въ 20 или 30 тысячъ *).

Устные памятники требуютъ тѣхъ же подготовительныхъ работъ, что и письменные памятники вообще, съ добавленіемъ того, что ихъ предварительно надо перевести на письмо. Пословицы, напримѣръ. «Въ числѣ памятниковъ русскаго народнаго быта существуютъ, между прочимъ, и пословицы. Любители очень давно обратили на нихъ вниманіе и стали *записывать, собирать*... Сборникъ пословицъ, выбранныхъ изъ рукописныхъ и печатныхъ сборниковъ еще — «не какое-либо ученое изысканіе, ученый трудъ, а просто-напросто матеріаль», но и этотъ трудъ драгоцѣненъ, если онъ сдѣланъ научно, «тѣмъ драгоцѣннѣе, чѣмъ вѣрнѣе и добросовѣстнѣе *изданъ*». «Другое дѣло, если издатель собиралъ пословицы не изъ готовыхъ сборниковъ, а прямо *изъ устъ народа*, какъ то дѣлалъ, напримѣръ, г. Даль; тогда, не говоря уже о другихъ достоинствахъ, одинъ только трудъ собранія становится несравненно выше простаго списыванья да выписыванья... Это совсѣмъ иное дѣло!» «Собраніе (собираніе?) народныхъ изреченій, — говоритъ Забѣлинъ словами Буслаева, — есть дѣло столь трудное, что его не выполнить никогда одному человѣку», а нужна дѣятельность ученыхъ обществъ, какъ второе отдѣленіе Академіи Наукъ, Русское Географическое Общество **).

Даже сборники готовыхъ уже пословицъ — и тѣ, чтобы имѣть ученое значеніе, должны удовлетворять «*научнымъ условіямъ*» ***),

*) «Исторія русской жизни съ древнѣйш. ерем.». Часть II, стр. 468 и 469.

**) «Фельетонизмъ въ критикѣ». Статья 1855 г. Въ «Опытахъ изученія»... Часть I, стр. 437—439 и 444.

***) Тамъ же, стр. 461.

Древности т. XXII, в. 2-й.

т.-е. требованіямъ. «Кромѣ *полноты*, въ изданіи подобныхъ матеріаловъ важно то, какъ они изданы, потому что поспѣшное, на скорую руку изготовленное изданіе, съ ошибками, описками, неправильнымъ чтеніемъ стариннаго текста и т. п. всегда уменьшаетъ цѣну самыхъ памятниковъ». Это—не говоря уже о «намѣренныхъ передѣлкахъ», «сокращеніяхъ», «произвольныхъ перемѣнахъ», однимъ словомъ «искаженіи текста». «Правильность и точность *текста* при изданіи такого матеріала, какъ пословицы, составляютъ самое существенное дѣло». «Ибо только *критически очищенный, вѣрно изданный* матеріалъ можетъ служить прочною основою для научныхъ разысканій и изслѣдованій» *).

Несоблюденіе научныхъ требованій имѣетъ уничтожающее значеніе. Примѣромъ этого служитъ у Забѣлина изданіе г. Снегирева «*Русскія народныя пословицы и притчи*» **). Разъ въ изданіи, основанномъ на готовомъ, уже записанномъ, матеріалѣ, въ видѣ печатныхъ собраній съ 1770 года и рукописныхъ сборниковъ XVII ст., этотъ матеріалъ далеко не исчерпанъ; въ его текстѣ встрѣчаются такія ошибки, которыя не только измѣняютъ, но даже и совсѣмъ затемняютъ смыслъ; допущены непонятные выпуски словъ, урѣзка цѣлыхъ половинъ пословицъ, намѣренная, повидимому, передѣлка ихъ,—въ такомъ случаѣ «сборникъ г. Снегирева *теряетъ всю цѣну* хорошо изданнаго матеріала». Ибо «непреложный законъ науки, ея вѣчное стремленіе заключается въ томъ, чтобы всюду отыскивать, возстановливать истину, вскрывать ее изъ-подъ груды ошибокъ. Въ своихъ неутомимыхъ поискахъ истины она съ бѣльшимъ вниманіемъ останавливается на десяткѣ *исправленныхъ* мельчайшихъ ошибокъ, нежели на сотнѣ *полновѣсныхъ* книгъ, гдѣ количество извращенныхъ, изуродованныхъ фактовъ (данныхъ?) поселяетъ недовѣріе и къ тѣмъ, которые остались неприкосновенными въ первоначальной ихъ чистотѣ». Этотъ частный случай даетъ поводъ Забѣлину оглянуться назадъ.

«Прежніе издатели матеріаловъ имѣли, а иные и до сихъ поръ имѣютъ, свой особенный взглядъ на дѣло изданія или, вѣрнѣе, не имѣютъ никакого взгляда и руководствуются разными случайными соображеніями, изобличающими вообще *малое знакомство съ смысломъ и значеніемъ памятниковъ*. Благодаря ихъ трудолюбію, наука пріобрѣла многое въ изданныхъ ими матеріалахъ; но, благодаря также ихъ малому знакомству съ дѣломъ, она приняла въ себя столько ошибокъ, ложныхъ положеній, что и въ настоящее время, чѣмъ бы идти впередъ, разрабатывать новые источники, она, по необходимости, должна задерживать свой ходъ *очищеніемъ старыхъ ошибокъ*, надѣланныхъ трудолюбивыми, но неприготовленными и поспѣшными издателями».

Приведа на выдержку «анекдотическую исторію ученыхъ изы-

*) Тамъ же, стр. 439, 447, 452, 448, 446 и 444.

**) Тамъ же. Въ «*Опытахъ*»... Часть I, стр. 442—465.

сканій и издательскихъ промаховъ», до «совершеннаго и полнаго искаженія текста», вслѣдствіе отсутствія у нихъ «понятія о значеніи памятниковъ и уваженія ихъ къ старинѣ» *), онъ, все-таки, радуется наблюдаемому улучшенію дѣла. «Кто хорошо знакомъ съ разработкою русской исторіи и русской литературы, тотъ... увидитъ, съ какою *постепенностью*, съ какою *медленностью* водворялись тѣ научныя условія въ обработкѣ предмета, которыя въ настоящее время требуются уже отъ каждаго ученаго труда»... «Теперь, благодаря критическому (Шлёцеровскому) направленію, — требующему *анатомическаго разбора* изучаемаго предмета, — этой неутомимой придиричivosti, едва ли кто изъ ученыхъ въ состояніи (!) издать матеріалы и древніе памятники такъ, какъ они издавались прежде...»**).

Памятники вещественные, какъ своего рода историческіе источники, нуждаются въ своихъ подготовительныхъ работахъ. И здѣсь отъ науки ожидается, прежде всего, «полное систематическое *обозрѣніе* русскихъ древностей»..., «безъ чего невозможна и самая наука археологіи» ***). Отдѣленіемъ русской и славянской археологіи Императорскаго Археологическаго Общества издана была для того особая программа или «*Записка для обозрѣнія русскихъ древностей*» (1851 г.). По этой части Забѣлинъ могъ назвать «*Описаніе Оружейной Палаты*», «сочиненное г. Вельтманомъ», «превосходнѣйшіе и въ высшей степени вѣрные рисунки извѣстнаго изданія «*Древностей Россійскаго Государства*» и «*Описаніе Коробановскаго Музея*», гдѣ не только ужъ давно извѣстный своими трудами академикъ г. Солнцевъ, но и другіе московскіе художники представили образцовыя произведенія своего искусства и трудолюбія» ****).

Относительно собиранія вещественныхъ древностей, какъ «дорогихъ изобразителей народной мысли и народнаго творчества по всѣмъ направленіямъ народнаго быта», Забѣлинъ говоритъ такъ.

*) «Припомнимъ сначала, какъ издавались въ прошломъ столѣтіи наши лѣтописи, въ которыхъ изъ выраженій *утячьими ловцы* дѣлали географическія названія *утяче* и *Миловцы*, *заячьими ловцы* — поле *заячь* и *Миловцы*, изъ *арганнаго игреца* — *Арганнаго греца*, т. е. грека по прозванію Арганнаго, и прочее».

«Тогдашній издатель Львовъ пошелъ еще далѣе. Въ предисловіи къ изданной имъ „Лѣтописи“ („Лѣтописецъ русской отъ пришествія Рюрика“ и проч. Спб. 1792. I—V части) онъ добродушно рассказываетъ, что дѣло его при изданіи заключалось, между прочимъ, въ томъ, чтобы *вычеркнуть нѣкоторыя нелѣпости*. И, вотъ, въ древнемъ текстѣ лѣтописи подъ 1149 годомъ мы читаемъ, что обѣ *арміи* (полки князей Юрѣя и Изяслава) начали битися..., что Ростиславъ (1160 г.), *арестовавъ* Новгородцевъ, велѣлъ сослать по городамъ..., что Шуйскому государю (Іоаннъ III) приказалъ себѣ *репортовать*, что Іоаннъ велѣлъ *посадить* подъ *карауль* Аристотеля и прочее».

«Кромѣ того, въ томъ же текстѣ можно встрѣтить — *фундаментъ* при закладкѣ Успенскаго собора, *апортаментъ* — вмѣсто *подклѣта* и т. д., не говоря ужъ о совершенномъ и полномъ искаженіи всего текста».

**) Тамъ же, стр. 435, 444, 446—449 и 452.

***) „Русская археологія“. Статья 1852 г. Въ „Опытахъ изученія“... Часть II, стр. 84.

****) Тамъ же, стр. 91, 90 и 94.

«Еще нагляднѣе могло бы выясниться такое значеніе памятниковъ, если бъ они были *собранны* въ одно мѣсто и приведены въ должную *систему*, если бъ вся наша древность предстала предъ нами, такъ сказать, въ своемъ веществѣ, во всѣхъ произведеніяхъ своего художества, ремесла и всякаго труда, во всѣхъ вещественныхъ формахъ и образахъ своего бытія. *Выставки* древностей, какія устраивались на Археологическихъ Съѣздахъ изъ случайно доставляемыхъ коллекцій, уже указывали на важное значеніе такого собранія памятниковъ». «Завѣтною руководящею заботой» графа А. С. Уварова и было именно «устройство (еще) такого учрежденія и такого хранилища памятниковъ, которое полною ихъ системою и въ полной и всесторонней наличности, въ *оригиналахъ, копіяхъ и изображеніяхъ*, могло бы имѣть, такъ сказать, непрестанное, непрерывное воздѣйствіе родной исторіи и древностей на разумѣніе и сознаніе всего общества, всего народа». Это—«мысль о *музее*, именно объ Историческомъ музее».

Говоря объ историческомъ музее, Забѣлинъ особенно отмѣчаетъ то обстоятельство, что этотъ музей, по мысли графа А. С. Уварова, не останавливался на простомъ собираніи и храненіи памятниковъ старины: онъ долженъ былъ идти далѣе. «Въ программу устава музея входило и *сохраненіе* памятниковъ при посредствѣ учрежденія особыхъ мѣстныхъ областныхъ комиссій и *разсматриваніе и объясненіе* ихъ при посредствѣ особыхъ высшихъ курсовъ историко-археологической науки» *). Это была мысль, на много опередившая свое время,—мысль объ *Археологическомъ Институтѣ*, которая могла осуществиться въ Москвѣ только спустя 23 года послѣ смерти графа, ея проповѣдника.

Сказанное относится къ вещественнымъ древностямъ вообще. Въ частности, о курганныхъ древностяхъ, Забѣлинъ говоритъ слѣдующее.

«Повсюду распространенное языческое вѣрованіе въ живую жизнь и за предѣлами гроба заставляло язычниковъ обрядовать своихъ покойниковъ, какъ будто живыхъ людей... Очень естественно, что могилы, въ извѣстномъ смыслѣ, довольно подробно обрисовываютъ, по крайней мѣрѣ, внѣшній бытъ населенія».

«Въ послѣднее время раскопка кургановъ производится съ особымъ усердіемъ. Добывается множество вещей самыхъ разнообразныхъ. Но эта самая добыча великаго множества предметовъ начинаетъ уже устрашать благомыслящихъ изслѣдователей нашей древности, по той особенно причинѣ, что *накопленный матеріалъ* и доселѣ почти не подвергался никакой *ученой обработкѣ*. Первый пріемъ такой обработки, по нашему мнѣнію, долженъ бы заключаться, по крайней мѣрѣ, въ томъ, чтобы вещи были *изданы въ рисункахъ*, т.-е. были бы изображены точно и подробно, съ *простымъ описаніемъ* и точнымъ указаніемъ ихъ положенія въ гробни-

*) „Речь объ обществен. знач. учен. трудовъ гр. А. С. Уварова“, 1885 г. Стр. 14 и 15.

цахъ при остовахъ покойниковъ. Одни описанія, безъ изображеній, съ какою бы точностью они ни были исполнены, что вообще случается очень рѣдко, никогда не дадутъ наукѣ основательнаго матеріала. Описаніе, какъ рассказъ о предметѣ, къ тому же о предметѣ невиданномъ и совсѣмъ новомъ, никакъ не можетъ равняться *изображенію* этого предмета. Къ тому же для иныхъ предметовъ очень трудно найти даже и подходящее названіе, — такъ они невняты и своеобразны. Поэтому, каждый отчетъ о раскопкѣ необходимо долженъ бы сопровождаться изображеніями всѣхъ найденныхъ вещей. И еслибъ все курганное, что уже въ настоящее время скопилось въ общественныхъ и частныхъ собраніяхъ, было изображено, то, быть можетъ, мы уже имѣли бы болѣе отчетливое понятіе о томъ, на какой степени находилось развитіе нашей страны, хотя бы только въ IX вѣкѣ, въ какой зависимости оно было отъ сосѣднихъ земель, въ чемъ проявлялась его самостоятельность и самобытность и т. д. Вообще мы имѣли бы тогда положительные и рѣшительные отвѣты на многіе вопросы и запросы самой русской исторіи».

«Между тѣмъ, въ настоящее время, накопленное и постоянно прибывающее, можно сказать, неисчислимое богатство лежитъ, какъ мертвый капиталъ, совсѣмъ непроизводительный и, при всей сохранности, все-таки отъ разныхъ причинъ мало-по-малу исчезаетъ, подвергается порчѣ, уtratѣ, забвенію, *гдѣ и когда что найдено*, отъ чего является путаница въ вещахъ и, слѣдовательно, *потеря первоначальной достовѣрности* самыхъ находокъ. Особенно все это можетъ случиться въ частныхъ собраніяхъ, но извѣстны даже значительныя утраты и въ общественныхъ хранилищахъ. Вещи, послѣ многихъ издержекъ и многихъ трудовъ при ихъ добываніи, *исчезаютъ для науки* безслѣдно. Объ этомъ стоитъ подумать и, пока еще не поздно, слѣдуетъ принять рѣшительныя мѣры къ ихъ спасенію на-вѣки, т.-е. къ изданію въ свѣтъ ихъ рисунковъ». Забѣлинь, поэтому, особенно привѣтствуетъ «достойный починъ въ этомъ дѣлѣ» со стороны графа А. С. Уварова, «издаваемаго, съ присовокупленіемъ рисунковъ, весьма обстоятельное и подробное изслѣдованіе о курганныхъ раскопкахъ, произведенныхъ въ 1851—1854 гг. въ древней Ростовской и Суздальской области, гдѣ обитала наша лѣтописная меря» *). Привѣтствуетъ онъ также *Антропологическую выставку* (1879 года), на которой въ то время былъ собранъ «весьма значительный матеріалъ для изученія курганныхъ древностей», при чемъ изъ всѣхъ собранныхъ коллекцій обращаетъ особенное вниманіе на коллекцію г. Кельсіева, какъ единственную, имѣющую «пояснительные рисунки», что давало ей преимущество предъ всѣми остальными **).

*) «Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ». М. 1872.

Это изслѣдованіе охватило 7729 кургановъ разной величины, раскопанныхъ на протяженіи 100 верстъ въ длину и около 50 верстъ въ ширину въ 163 мѣстностяхъ, или поселеніяхъ.

**) «Ист. русской жизни съ древнѣйшихъ временъ». Часть II. 1879 г. Стр. 383, 384 и 515.

Объ одномъ изъ самыхъ цѣнныхъ видовъ археологическихъ памятниковъ, о монетахъ, Забѣлинъ говоритъ такъ:

«Разнообразныя монеты, греческія и римскія, персидскія и византійскія, арабскія и германскія, однѣ—отъ первыхъ вѣковъ христіанства, другія—позднѣе, включительно до X вѣка, разсыпанныя по всей нашей странѣ въ разномъ количествѣ и одиночно, служатъ, *выразительные письменныхъ документовъ*, неоспоримыми свидѣтелями той истины, что страна отъ глубокой древности и до призванія варяжскихъ князей всегда оставалась широкимъ поприщемъ для торговыхъ и промышленныхъ связей не только съ ближайшими, но и съ далекими ея сосѣдями. Монеты Передней и Малой Азіи, острововъ Греческаго, или Средиземнаго моря, Африки и Испаніи и т. п., переходя изъ рукъ въ руки, попадали, наконецъ, и въ нашу землю». «Что именно, такъ или иначе торговая промышленность ходила по всей странѣ, забиралась во всѣ углы нашей равнины, объ этомъ очень краснорѣчиво и убѣдительно рассказываютъ вещественныя доказательства..., *безчисленные клады и находки древнихъ монетъ*, съ давняго времени и до нашихъ дней постоянно пополняющіе общій вѣсъ этихъ несомнѣнныхъ и неоспоримыхъ доказательствъ». Но, къ сожалѣнію, «академическое коснѣніе въ норманскомъ тупикѣ, заученная и безсознательно повторяемая мысль о единственномъ народѣ Норманнахъ никакъ не позволяли, однако, съ тѣмъ же вниманіемъ распространить поиски (разысканія?) о монетахъ въ болѣе отдаленные вѣка. Римская и греческая нумизматики на почвѣ древней Руси, какъ историческое доказательство торговыхъ связей, мало кого и даже никого не интересовали». «Ученая ихъ оцѣнка съ этой точки зрѣнія началась недавно, и очень много, что было найдено въ прежнее время, въ смыслѣ историческаго свидѣтельства, невосвратно *погибло для науки*. Обыкновенно любители нумизматики мало интересовались свѣдѣніями о *мѣстахъ, гдѣ случались находки*, какъ равно и о *подробностяхъ самаго открытія монетъ*, въ древнихъ ли могилахъ, или въ полѣ, или въ городищѣ и т. п.» *).

Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить, что Иванъ Егоровичъ заботился не только о сохранности археологическаго памятника, въ его веществѣ, но и о сохраненіи за нимъ «первоначальной достовѣрности». Для этого нужно знать, гдѣ, когда и при какихъ обстоятельствахъ найденъ предметъ. На эту существенную сторону археологическаго дѣла онъ двукратно, какъ приведено выше, обращаетъ вниманіе, — и въ отношеніи вообще курганныхъ вещей, и въ отношеніи монетъ въ частности. Такое знаніе въ значительной степени обезпечиваетъ за предметомъ *подлинность*, — главное свойство историческаго источника вообще. Если неизвѣстно время, мѣсто и обстоятельства открытія памятника, могутъ возникнуть опасенія насчетъ поддѣльности, подложности его. Установленіе подлинности или подложности памятника при помощи только изученія его самого представляется болѣе сложнымъ, затруднительнымъ и даже рискованнымъ дѣломъ.

*) Тамъ же, часть II, стр. 376 и 377, 372 и 374.

Важное значеніе въ дѣлѣ изученія памятника имѣетъ также вопросъ о происхожденіи вещи не въ смыслѣ ея находки, а въ смыслѣ изготовленія и употребленія. Здѣсь насколько цѣнны, настолько же и рѣдки надписи на предметахъ, напримѣръ, греческія *клейма* на амфорахъ, найденныхъ въ скиѣскихъ могилахъ. Той же цѣли — опредѣленію происхожденія вещи могутъ служить вообще ея *внѣшніе признаки*, напримѣръ, изображенныя на золотомъ налучьѣ (изъ тѣхъ же могилъ), т.-е. футляръ для лука, сцены изъ греческой мифологіи. Зоркость археолога здѣсь настолько должна быть велика, чтобы рѣшать этотъ вопросъ по стилю и по мелкимъ отличіямъ вещи. Такъ, знаменитая серебряная ваза изъ Чертомлыцкаго кургана, найденная самимъ Забѣлинымъ, «по стилю и по отдѣлкѣ — можетъ быть причислена къ лучшимъ произведеніямъ греческаго искусства, именно, по заключенію академика Стефани, къ IV ст. до Р. Хр.» *).

Что касается мелкихъ предметовъ изъ кургановъ средней полосы Россіи, то, сравнительное изученіе ихъ показываетъ, что «несмотря на *однородность* тогдашняго *убора* (каковы: обручи-гривны, обручи-браслеты, ожерелья изъ бисера съ цатами-медальонами и другими привѣсками и т. п.), въ каждомъ краю бывали свои *любимыя прикрасы*, составлявшія обычную статью убора, относительно или особой формы, или особаго рода вещицъ». Такъ, найденныя при раскопкахъ подъ руководствомъ проф. Богданова въ Московской губ. вещи «по большей части однородны съ мерянскими и совсѣмъ сходны съ ними по издѣлію. Но въ московской сторонѣ существовали нѣкоторыя *отличія* въ уборѣ. Здѣсь носили большія и малыя серьги-рясы новой формы (ввидѣ металлическаго листка о семи лепесткахъ)» и прочее... «Въ Калужской губерніи (Лихвинскій уѣздъ, сельцо Шмарово) эта форма серегъ-рясъ получила болѣе роскошную, т.-е. замысловатую, обработку... Эта Лихвинская серьга-ряса вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ, что обработка подобныхъ украшеній, довольно искусная, производилась, по всѣмъ вѣроятіямъ, *туземными мастерами*, ибо ея московская форма... *нигдѣ въ иныхъ чужихъ странахъ* ни на западѣ, ни на востокѣ не встрѣчается. Въ Коломенскомъ уѣздѣ тотъ же типъ-образецъ серегъ, такой же работы, развитъ *нѣсколько иначе* и составляетъ кругловатый листъ не изъ семи, но изъ трехъ и пяти большихъ лепестковъ... Это служитъ новымъ доказательствомъ, что обработкою формы руководила туземная своеобразная мысль. Характерная черта этой работы заключается въ сквозной рѣзьбѣ изъ множества дырочекъ...»

Испытующее изученіе памятниковъ, при этомъ, можетъ простираться до химическаго анализа составляющаго ихъ вещества. «Примѣчательно, — говоритъ Забѣлинъ, — что *составъ мерянской бронзы* ближе подходитъ къ составамъ бронзы изъ древняго Корсуня, Ольвіи и Пантикапеи, т.-е. съ сѣверныхъ береговъ Чернаго моря

*) Тамъ же, часть I, стр. 628, 632 и 636.

(чѣмъ Варяжскаго моря), съ которыми наша страна производила торговлю съ незапамятныхъ временъ» *).

Впрочемъ, и относительно мерянскихъ находокъ Забѣлинъ считаетъ очень вѣрнымъ замѣчаніе графа Уварова, что «многія мѣдныя вещи меряне обрабатывали сами, такъ какъ въ городцѣ на Сарѣ открыты были даже и плавильные горшки» **).

Разнообразныя издѣлія, металлическія, каменные, деревянные, стеклянные, кожаные, шерстяные и т. д., всѣ требуютъ также чисто «техническихъ» объясненій. Что такое «басменное дѣло», «бронное дѣло», «знаменное», «муссійное», «финифтевое», «ценинное» и т. п.? ***) Все это непонятно безъ объясненія. Взять, напримеръ, «финифть». *«Техническая часть финифти заслуживаетъ внимательнаго изученія, и безъ знанія этой части трудно судить о всѣхъ ея видахъ и различіяхъ»*. Каковы способы производства финифти византійской, восточной, западной, русской и каковы отличія каждой? Изъ русской финифти что принадлежитъ московскимъ мастерскимъ и что областнымъ? Естественно, что «на долю областныхъ художниковъ оставалась незатѣйливая работа только тѣхъ предметовъ, которые соотвѣтствовали незатѣйливымъ потребностямъ простаго народа... Эти предметы ограничивались мѣдными крестиками, складнями и небольшими иконами, которыя украшались финифтевыми поливами самыхъ дешевыхъ и потому грубыхъ составовъ. На этихъ то вещахъ... и лежитъ печать областного различія, по которому и можно производство ихъ относить къ новгородскимъ или устюжскимъ, или ростовскимъ мастерамъ. Да при томъ и не въ работѣ ихъ различіе, а отличаются онѣ только *цвѣтами* финифтевыхъ поливъ» ****). Или «что такое ценина?» Здѣсь нужно знать «составъ» ценинной поливы, *цвѣтъ* ея, особый—«ценинный», «матеріалъ», который обливали ею и прочее. «Незнакомство съ производствомъ», «неясное пониманіе дѣла», отмѣчаемое Забѣлинымъ у Сахарова въ его «Обозрѣніи русской археологіи», приводитъ къ тому, что тотъ «смѣшиваетъ все вмѣстѣ: у него... и финифть—ценина, и фаянсъ—ценина, и фарфоръ—ценина!» †).

Вопросъ о какой-нибудь ценинѣ, «это такой вопросъ, подобныхъ которому можно представить безчисленное множество, и не только въ нашей археологіи, но даже и въ любой самой обработанной археологіи западныхъ народовъ. Мало ли чего еще не успѣла сдѣлать наука, мало ли чего остается у ней—не только на второмъ, но и на десятомъ планѣ ея постоянныхъ разработокъ!» ††).

Въ приведенныхъ примѣрахъ происхожденіе археологическихъ

*) Тамъ же, часть II, стр. 514 и 515.

**) Тамъ же, часть II, стр. 391.

***), *«Русская Археологія»*. Статья 1852 г. Въ *«Опытѣхъ...»*, часть II, стр. 86, 90—92.

****) Тамъ же, стр. 94 и 95.

†) Тамъ же, стр. 102—106.

††) Тамъ же, стр. 81.

предметовъ обсуждалось со стороны *мѣста* производства и отчасти *авторства*, т.-е. изготовленія руками того или иного народа, племени и проч. Первѣйшимъ свойствомъ историческаго источника является его *дата*, соотвѣтственно чему одною изъ задачъ изученія всякаго памятника должно служить опредѣленіе его во времени *). Вотъ почему въ числѣ ископаемыхъ памятниковъ выдѣляются въ особую группу, ставятся на первое мѣсто монеты.

Будучи сами точно датированными, онѣ датируютъ собою и находимыя съ ними коллекціи предметовъ, самыя могилы, какъ мѣста человѣческаго упокоенія, а слѣдовательно и мѣста его населенія. О славянскомъ, на примѣръ, расселеніи по Днѣпру Забѣлинъ говоритъ. «Эти слѣды должно относить, по крайней мѣрѣ, ко времени Птолемея, то есть ко II вѣку нашего счисленія. Очень вѣроятно, что еще съ этого времени славянскіе варяги заняли на Днѣпрѣ всѣ наиболѣе способныя и выгодныя мѣстности, какъ для поселенія, такъ и для временныхъ остановокъ. Кіевское мѣсто, по своей природѣ, должно было привлечь поселенцевъ на первыхъ же порахъ. Древность кіевского поселенія недавно подтвердилась случайною находкою римскихъ монетъ второй половины III и первой половины IV вѣковъ, найденныхъ на Кіевскомъ Подолѣ, т.-е. на сѣверной окраинѣ города. Но еще прежде, въ 1846 г., при постройкѣ жандармскихъ казармъ, было найдено до 80 римскихъ монетъ и два динарія, одинъ—временъ Августа, другой—начала III вѣка. Ясно, что теперешній Кіевъ былъ занятъ поселеніемъ уже въ III вѣкѣ». О поселеніяхъ лѣтописной мери, по раскопкамъ гр. А. С. Уварова, онъ говоритъ такимъ же образомъ. «Судя по найденнымъ монетамъ, восточнымъ и западнымъ, наибольшая часть могилъ принадлежала X вѣку; нѣкоторыя можно относить къ началу XI, а иныя, конечно, и къ IX и даже къ VIII вѣкамъ, каковъ, на примѣръ, подъ Ростовомъ городецъ на рѣкѣ Сарѣ, гдѣ монеты найдены больше всего только VIII и частию первой половины IX вѣка» **).

Датированными, хотя приблизительно, и датирующими вмѣстѣ, памятниками могутъ служить и другіе предметы, кромѣ монетъ, на-

*) О значеніи хронологіи—по поводу лѣтописей смотри выше, стр. 101 и 102.

Въ своемъ критическомъ разборѣ упоминавшагося выше труда Снегирева и Мартынова по исторіи и археологіи Москвы Забѣлинъ относительно составленнаго ими, на основаніи разновременныхъ „рописей церквей“, своднаго списка урочищъ XVII в. замѣчаетъ ихъ упущенія по части хронологіи. „Авторы даютъ текстъ..., расположенный безтолково и вовсе не очищенный въ хронологическомъ отношеніи, ибо указанія не отмѣчены годами, каждое особо, а ссылки сдѣланы вообще и глухо, такъ что новое перемѣшано со старымъ, и нѣтъ возможности опредѣлить то и другое отдѣльно“. „Въ ученой обработкѣ предмета не въ томъ дѣло, чтобы только знать имя урочища: надо еще опредѣлить, по возможности, что это за имя, когда оно появляется, когда сменяется другимъ, третьимъ, когда употребляется рядомъ съ этимъ другимъ—третьимъ именемъ. Стало быть, годъ здѣсь имѣетъ особенную цѣну“. — „Ист. и древности Москвы“. Въ „Опытѣхъ...“ Часть II, стр. 214 и 218.

**) „Ист. русск. жизни съ древн. врем.“, часть II, стр. 102 и 384.

Древности т. XXII, в. 2-й

примѣръ, обугленные человѣческія кости въ сопоставленіи съ письменными свидѣтельствами. «Очень примѣчательно, — продолжаетъ Забѣлинъ о районѣ поселенія мери, — что обрядъ сожженія болѣе всего сосредоточивается около городовъ Ростова, Переяславля и Суздаля... Какъ извѣстно, меряне были племя Финнское, родственное мордвѣ и мещерѣ. Но должно полагать, что именно сожженные гробницы больше всего могли принадлежать славянамъ. Нашъ *лѣтописецъ* въ точности свидѣтельствуешь, что славянскія племена и въ томъ числѣ вятичи, сосѣди мерянамъ, сожигали мертвецовъ... Особое сосредоточеніе сожженныхъ гробницъ еще болѣе удостовѣряетъ, что это пригородное населеніе было по преимуществу славянское. Такъ, въ близкой окрестности города Юрьева, сожженныхъ гробницъ *совсѣмъ нѣтъ*, вѣроятно, по той причинѣ, что въ X вѣкѣ здѣсь не было города, ибо Юрьевъ основанъ на памяти исторіи, въ 1152 г., когда славяне, подъ вліяніемъ христіанства, уже перестали сожигать своихъ покойниковъ и, стало быть, въ X вѣкѣ они еще не заселяли этой мѣстности» *).

Таковы разнообразныя, многосложныя и не легкія задачи и соотвѣтственные труды по собиранію, храненію, описанію и опредѣленію археологическихъ памятниковъ, какъ историческихъ источниковъ. Слѣдуетъ отмѣтить при этомъ, что у Ивана Егоровича чувствуется уже нѣкоторый оттѣнокъ различія между тѣми и другими — въ томъ смыслѣ, что археологическій памятникъ представляется «матеріаломъ» въ его «первоначальномъ, такъ сказать, сыромъ видѣ», а историческій источникъ является «болѣе или менѣе тщательно и вѣрно» обработаннымъ матеріаломъ **).

На этомъ не останавливается изученіе археологическихъ памятниковъ.

Разъ памятники суть «свидѣтели» древности, вообще прошлаго, «источники» свѣдѣній о немъ, то ихъ свидѣтельства должны быть разобраны, прочтены, таящіяся на днѣ ихъ свѣдѣнія должны быть извлечены на свѣтъ; однимъ словомъ, памятники должны быть объяснены со стороны ихъ содержанія.

«Теперешніе, такъ называемые, историческіе матеріалы, болѣею частью правительственныя документы, вообще изъясняющіе государственныя дѣйствія, — матеріаль чисто бумажный, мертвый,

*) Тамъ же, часть II, стр. 385.

**) По поводу перваго тома „Записокъ“ Отдѣленія Русской и Славянской филологіи Археологическаго Общества въ Петербургѣ Забѣлинъ говоритъ: „Онъ заключается собственно въ матеріалахъ, которые болѣею частію... передаются... въ своемъ первоначальномъ, такъ сказать, сыромъ видѣ, каковы, на примѣръ, памятники письменныя...“ „Въ настоящее время на первомъ планѣ нашихъ археологическихъ работъ — источники. Вотъ почему болѣею часть статей по этому отдѣлу науки носитъ на себѣ характеръ тѣхъ же матеріаловъ, которые здѣсь представляются только болѣе или менѣе тщательно и вѣрно разобранными и сгруппированными“. — „Русская археологія“. Статья 1852 г. Въ „Опытахъ...“ Часть II, стр. 72.

подъ которымъ еще нужно долго *доискиваться* самой жизни, дѣйствительнаго ея теченія». Народный эпосъ... «Отсюда-то историкъ долженъ *почерпнуть* ту живую воду для своего труда, безъ которой народъ въ историческомъ изображеніи всегда останется трупомъ, болѣе или менѣе искусно препарованнымъ, которая одна только имѣетъ силу воскрешать сухія муміи древняго человѣка, хранимыя офиціальными сказаніями и повѣствованіями. Затѣмъ, — «акты, называемые обыкновенно юридическими, особенно всѣ тѣ, въ которыхъ записаны не правительственныя дѣйствія и распоряженія, а живыя дѣла народа». И тутъ «къ *разборкѣ* ихъ необходимо приступать съ значительнымъ подготовленіемъ, съ опредѣленнымъ, точнымъ уясненіемъ тѣхъ вопросовъ, на которые будемъ искать отвѣта...» *).

При этомъ, «для разборки и разработки источниковъ необходима *критика*», именно тотъ видъ критики, которую Шлѣцеръ называлъ «*малой критикой*», или критикой «словъ», именъ, текстовъ, до отдѣльныхъ буквъ, въ отличіе отъ «высшей степени», т.-е. критики «дѣлъ» **). «Истинный путь къ ученой обработкѣ» памятниковъ, установленный имъ, заключается въ «строгой и разносторонней критикѣ источниковъ». Въ такой работѣ имѣютъ ученую «цѣну» только «точные и полныя доказательства, свидѣтельскія показанія, критически разобранныя и осмотрѣнныя со всѣхъ сторонъ». Такая критика важна была еще тѣмъ, что, «проводя впереди всего точныя свидѣтельства и тексты, отдавала дѣло, какъ бы, на судъ самому читателю» ***).

Это — та «критика, первый шагъ которой, самый простой видъ ея выражается обыкновенно въ *сомнѣніи*, въ *недовѣріи*...», т.-е. въ недовѣріи, въ данномъ случаѣ, къ источникамъ. «Въ дѣлѣ науки сомнѣніе даже въ своихъ крайностяхъ неизмѣримо выше легковѣрія и суевѣрія... Такъ, напримѣръ, что, какъ не крайности, такъ называемой, скептической школы возбудили изслѣдовательскую энергію г. Погодина, заставили его такъ прекрасно, подробно, всесторонне осмотрѣть *достоверность первоначальныхъ источниковъ* нашей исторіи и вообще весь варяжскій періодъ...?» «Сомнѣніе есть только отрицаніе легковѣрія и суевѣрія и служить всегда и вездѣ вѣрнымъ и единственнымъ средствомъ для достиженія истины... Чѣмъ собственно отличается изслѣдовательный методъ Шлѣцера, нашего досточимаго учителя, — говоритъ Забѣлинъ, — какъ не страшнымъ, беспощаднымъ недовѣріемъ къ авторитету, какъ не строгою до суровости *критикою источниковъ*. Онъ говорилъ: «не надобно совершенно ни на комъ утверждаться, а испытывать и доказывать...»****).

«Что вообще значать иныя письменныя свидѣтельства, — согла-

*) „Размышл. о соврем. зад. русск. ист. и древн.“. Въ „Опытахъ изученія...“ Часть II, стр. 24, 27 и 25.

**) „Математич. методъ въ Ист.“ Въ „Опытахъ...“ Часть I, стр. 360.

***) „Ист. русск. жизни съ древн. врем.“ Часть I, стр. 38, 39 и 89.

****) „Математ. мет. въ ист.“. Въ „Опытахъ...“ Часть I, стр. 371 и 372.

шается Забѣлинъ, — вотъ тому примѣръ. Отъ первой половины IX в. (когда надъ русскими славянами господствовали кочевники хозары) до первой половины XIII вѣка прошло 400 лѣтъ. Явились новые кочевники татары, овладѣли русскою строною и стали въ ней господствовать. Византіецъ XIV вѣка Никифоръ Григора описалъ это событіе точь-въ-точь такъ, какъ описывали нашествія кочевниковъ византійцы V и VI вѣковъ. Точно такъ же онъ не знаетъ настоящаго имени татаръ и, по византійскимъ литературнымъ преданіямъ, называетъ ихъ скиѳами; описываетъ ихъ нравъ и бытъ заученными риторическими фразами прежнихъ историковъ. Завоеванныя татарами мѣстности онъ точно такъ же обозначаетъ заученными именами массагетовъ и савроматовъ, Меотиды и Танаиса. На поморьѣ Понта, у него попрежнему живутъ амаксовіи, тавроскиѳы, борисоеняне; на устьѣ Дуная гунны, — словомъ сказать, у писателя первой половины XIV вѣка мы встрѣчаемъ тѣ же самыя, и даже меньшія, географическія и этнографическія познанія и свѣдѣнія о нашемъ сѣверѣ, какія за 1000 лѣтъ до него были въ ходу въ III, IV, V вѣкахъ. По этимъ свѣдѣніямъ оказывается, что не только съ IX вѣка, но и со временъ Геродота здѣшнія дѣла остаются въ одномъ положеніи. Верхнія внутреннія земли надъ поморьемъ Понта по-старому занимаютъ, — какъ говоритъ Григора, — «осколки и остатки древнихъ скиѳовъ, раздѣляясь на осѣдлыхъ и кочевыхъ», какъ, на примѣръ, говорилъ и Страбонъ о языгахъ за 1500 лѣтъ до этого времени. Хорошо, что изъ собственныхъ лѣтописей мы знаемъ, какіе это были осколки и остатки» *).

Вотъ, въ полемикѣ по вопросу о характерѣ начальнаго образованія на Руси въ до-петровское время, «г. Купріяновъ (авторъ *«Замѣтки для исторіи просвѣщенія въ Россіи»*)... дѣлаетъ маленькую выписку изъ *«Степенной книги»*, изъ которой видно, что первый всероссійскій митрополитъ Михаилъ, при заведеніи (первыхъ) училищъ (при св. Владимірѣ) «призываше всѣхъ сихъ учителей грамотныхъ и наказываше ихъ правѣ и благочиннѣ учить юныя дѣти, яко же словесемъ книжнаго разума, тако же благонравію, и правдѣ, и любви, началу премудрости—страху Божію, и чистотѣ, и смиренномудрію. Учить же ихъ не яростно, ни жестокостію, ни гнѣвомъ, но радостовиднымъ страхомъ и любезнымъ обычаемъ, и сладкимъ наученіемъ, и ласковымъ утѣшеніемъ, да не унывають, не ослабѣваютъ...» Понятно, — говоритъ Забѣлинъ, — что составители *«Степенной книги»*, вѣрные общему характеру своего труда, вѣрные главной своей цѣли—изобразить благочестіе русскихъ начало-держецъ, по степенямъ ихъ родословія, нашли весьма приличнымъ приписать такое наставленіе первому всероссійскому митрополиту точно такъ, какъ находили приличнымъ постоянно влагать въ уста святителей и князей благочестивыя рѣчи, которыя, хотя и не были дѣйствительно говорены, но имѣли весьма важное значеніе для со-

*) *«Ист. русск. жизни...»* часть II, стр. 354.

чиненія, излагавшаго и теорію и исторію благочестія». Что касается дѣйствительности, то «древній лѣтописецъ, достовѣрнѣйшій свидѣтель въ этомъ случаѣ, о наставленіи митрополита Михаила не говоритъ ни слова. И мы рѣшительно недоумѣваемъ, какъ можетъ современный намъ изыскатель утверждать свое положеніе на сказаніи, сочиненномъ спустя болѣе пятисотъ лѣтъ послѣ дѣйствительнаго событія...»! *).

Авторъ сочиненія «*Правленіе царевны Софьи*» г. Щебальскій, «имѣя въ виду драматическое движеніе эпохи, останавливалъ свое вниманіе на такихъ только матеріалахъ, которые способствовали достиженію главной его цѣли..., доставляли сочиненію необходимыя краски, вообще картинность, изобразительность. Съ этою цѣлью, напримѣръ, въ рассказѣ объ избраніи Петра въ цари, онъ дѣлаетъ какую-то смѣсь изъ показаній оффиціальныхъ и записокъ Крекшина, слѣдуя послѣднимъ, какъ представляющимъ болѣе драматизма». Между тѣмъ, «*рассказъ Крекшина* принадлежитъ къ тому роду исторіи, который Карамзинъ приписывалъ грекамъ и римлянамъ» **). Кромѣ того, «словоохотливый старикъ Крекшинъ, какъ *партизанъ Петра*, употребилъ всѣ средства, чтобъ выставить дѣло въ такомъ свѣтѣ, который оправдывалъ бы и выборъ Петра на царство и самого Петра, принявшаго царство, какъ бы неохотно, и служилъ бы, такимъ образомъ, еще бѣльшимъ обвиненіемъ противной стороны». Въ виду этого,—предостерегаетъ Забѣлинъ,—«со стороны изслѣдователя, чтобы воспользоваться такимъ источникомъ, требовалось здраваго соображенія, тщательной повѣрки этихъ свидѣтельствъ, другими болѣе достовѣрными» ***).

Критика не ограничивается общей оцѣнкой освѣдомленности автора и его безпристрастія, достовѣрности памятника въ цѣломъ, потому что у всякаго автора могутъ оказаться погрѣшности, въ каждый памятникъ возможно вкрасться ошибкамъ. Нужна, поэтому, критика самая детальная, доходящая до разбора отдѣльных словъ, чтобы выразумѣть ихъ подлинный смыслъ.

Примѣненіе этой критики такъ рисуется примѣромъ, взятымъ изъ Погодина и касающимся свидѣтельства лѣтописи о призваніи варяговъ. «Мы должны разсмотрѣть внимательно это мѣсто. Разберемъ всѣ слова, объяснимъ всѣ выраженія, сообразимъ всѣ обстоятельства, современные и слѣдующія, поищемъ коментарія въ

*) «Характеръ начальныхъ образовъ въ до-петровск. время». Статья 1856 г. «Опыты изученія...», часть II, стр. 56 и 57.

**) Это тотъ родъ исторіи, въ которомъ, какъ у Фукидида и Тацита, «блистаетъ умъ, воображеніе дѣписателя, который избираетъ любопытнѣйшее, цвѣтитъ, украшаетъ, иногда творитъ, не боясь обличенія», потому что «греки и римляне» (какъ говорилъ покойный Т. Н. Грановскій), смотрѣли на исторію совершенно другими глазами, нежели мы: для нихъ она была болѣе *искусствомъ*, чѣмъ наукою.—См. слѣдующее примѣчаніе.

***) «Драматическія прикрасы въ исторіи». Въ «Опытахъ изученія...», часть I, стр. 401, 402, 405—407.

исторіи древнихъ государствъ, единоплеменныхъ и иноплеменныхъ, отвлечемся отъ всѣхъ понятій настоящихъ... Станемъ останавливаться на каждомъ шагу: все для насъ важно, дорого, нужно; стоитъ труда подумать о всякой бездѣлицѣ; подобно рудокопамъ, которые просѣваютъ *кучу песку*, чтобъ извлечь нѣсколько *крупинокъ золота*, проведемъ всякое слово, всякую букву чрезъ чистилище строгой критики» *).

Всякое слово... Да, дѣйствительно всякое слово, дошедшее отъ древности, представляетъ собою археологическій памятникъ. Напримѣръ, «имена мѣстъ живутъ долго, даже и тогда, когда уже вовсе не существуетъ и памяти о людяхъ, отъ которыхъ произошли эти имена» **). Такія слова, какъ своего рода памятники, заслуживаютъ самостоятельнаго объясненія.

Касательно *этнологическихъ именъ*, относящихся къ вышеупомянутой «пучинѣ великаго переселенія народовъ» вообще и къ Геродотовой Скиѣи въ частности, Забѣлинъ замѣчаетъ. Скиѣы, сарматы, роксоланы, гунны и т. д. Пусть «для нашей государственной исторіи это — пустые, непонятные звуки, не имѣющіе никакого смысла и значенія. Однако, необходимо согласиться, что для нашей народной исторіи они очень значительны, ибо прямо указываютъ на старинныхъ хозяевъ нашей земли, которые въ теченіе вѣковъ не могли же не оставить намъ кое-чего въ наслѣдство. Быть можетъ, въ этихъ *іероглифахъ* скрывается особая *лѣтопись*. Необходимо же когда-либо ее *разобрать и прочитатъ*, такъ какъ она говоритъ все о нашей же родной странѣ» ***).

Поэтому, въ вопросѣ о началѣ нашей исторіи Забѣлинъ считаетъ особенно важнымъ разработать «*географическій именовслова*»; составить *объяснительный очеркъ* «географическихъ и топографическихъ именъ нашей страны, которые содержатъ въ себѣ указанія на слѣды очень древняго пребыванія въ нашей странѣ людей.., носившихъ имя волотовъ, велетовъ, вендовъ, руговъ-роговъ, русовъ-росовъ и т. п.»; однимъ словомъ, какъ говоритъ онъ, «допросить самую землю въ ея древнихъ именахъ» ****).

Считая необходимымъ переизученіе русской равнины, послѣ нѣмецкихъ ученыхъ, русскими изслѣдователями, Забѣлинъ говоритъ. «Увѣрять (какъ Костомаровъ), что мы знаемъ все, что говорили о нашей странѣ древніе, невозможно. Мы знаемъ очень отрывочно, неполно и весьма поверхностно только то, что сообщили намъ нѣмецкіе ученые и Шафарикъ. До сихъ поръ сами мы еще не пускались въ такія тяжкія разысканія... У насъ, напримѣръ, нѣтъ не только хорошей, но и никакой *исторической географіи нашей страны*, а, между тѣмъ, намъ необходимо же разсуждать и о черныхъ болга-

*) „Исторія русской жизни...“ Часть I, стр. 103.

**) Тамъ-же, часть II, стр. 78.

***) Тамъ же. Часть I, стр. 217. Сравни стр. 191.

****) Тамъ же. Часть I, стр. 184 и 162.

рахъ и о будинахъ, съ которыми мы блуждаемъ, переселяя ихъ съ мѣста на мѣсто, какъ кому понадобится. Если бы была собрана изъ *первичныхъ источниковъ* древняя географія страны, то многія изслѣдованія, какъ совсѣмъ излишнія, не появились бы и на свѣтъ. Въ нашей исторической наукѣ не существуетъ именно того, что въ изобиліи существуетъ у западной учености, — не существуетъ *тѣхъ материковыхъ изслѣдованій*, безъ которыхъ никогда не устроится и самая наука. Вотъ почему мы поверхностно и легко относимся и къ до-варяжской древности» *).

Многое здѣсь остается *безъ объясненія* и доселѣ. Таково, напри- мѣръ, одно изъ названій Кіева, «который прозывался Самватасъ, — имя, доселѣ хорошо не объясненное, но встрѣчаемое въ мраморныхъ надписяхъ Танаиса, въ III вѣкѣ по Р. Х.» **).

«Здѣсь, — говоритъ Забѣлинъ, — должно еще замѣтить, что вообще мы имѣемъ дѣло съ именами, *перепорченными произношеніемъ и написаніемъ*... Всякій, конечно, скажетъ, что, напри- мѣръ, имя Ахмиль звучитъ по-татарски и напоминаетъ татарскаго посла Ахмыла (XIV в.), между тѣмъ какъ этимъ именемъ величается Богданъ Хмѣльницкій у Алепскаго архидьякона Павла (XVII в.), родомъ араба. Такимъ образомъ, въ каждомъ испорченномъ имени остается всегда еще свойство или народность того языка, на которомъ имя испортилось... А потому, отыскивая народность того или другого имени, нельзя ограничиваться какимъ-либо однимъ избран- нымъ языкомъ, но необходимо провѣрять выводимыя заключенія и тѣми языками, какіе, по исторіи движенія народовъ, могли въ из- вѣстное время существовать на томъ мѣстѣ, объ именахъ котораго производится разслѣдованіе. Уннамъ присваиваютъ калмыцкую и венгерскую народность, но они жили долго въ земляхъ славянъ и готовъ; естественно, что каждое уннское имя должно быть объясня- емо изъ этихъ четырехъ языковъ... Знатокъ одного какого-либо языка, какъ оказывается, всякое имя объясняетъ изъ этого самаго языка; но такая односторонность изслѣдованія ведетъ только къ без- конечнымъ спорамъ и пререканіямъ, не доставляя наукѣ твердой опоры. Когда умеръ Аттила, на его могилѣ, по обычаю унновъ, со- вершенъ былъ великій пиръ (поминки), называемый у нихъ, — гово- ритъ Іорнандъ, — *страва* (покармъ)... Слово «страва» явно обличаетъ славянство — и во всемъ обрядѣ. Для русскаго оно вполне родное и очень понятное слово; но для германской изслѣдовательности оно звучитъ болѣе всего по-готски, а потому и объясняется готскими обы- чаями, именно тѣмъ, что оно, будто бы, означаетъ костеръ сожже- нія, хотя Іорнандъ о таковомъ кострѣ не говоритъ ни слова» ***).

Какой характеръ принимаютъ иногда объясненія, Забѣлинъ по- казываетъ на примѣрѣ изъ менѣе отдаленнаго писателя, сохранив-

*) Тамъ-же, часть II, стр. 495 и 496.

**) Тамъ-же, часть II, стр. 357.

***) Тамъ-же, часть I, стр. 364 и 365.

шаго намъ древнія названія днѣпровскихъ пороговъ. «Несмотря на то, что Константинъ Багрянородный (X в.) написалъ имя порога нѣскольکو иначе: Ессупи, Нессупи, все-таки прямо и положительно утверждаетъ, что оно на русскомъ и славянскомъ языкѣ значило — не спать; несмотря, такимъ образомъ, на полнѣйшую очевидность и осязаемость всего дѣла, норманисты и до сихъ поръ подвергаютъ это простое и коренное славянское слово *величайшимъ истязаніямъ и пыткамъ*, всячески допрашивая его на всѣхъ скандинавскихъ языкахъ, не скажетъ ли оно, что россы непременно были норманны, скандинавы. Конечно, подъ страшными муками слово выговариваетъ то, что нужно истязателямъ, и на что наука потомъ будетъ указывать, какъ на курьезные образчики своенравной учености» *).

Разбираясь въ сонмѣ русскихъ мѣовъ, по лѣтописнымъ преданіямъ и другимъ источникамъ, Забѣлинъ, въ заключеніе своего обзора, говоритъ. «Само собою разумѣется, что этими именами не исчерпывалось все богатство языческаго поклоненія и олицетворенія. Въ старой письменности и въ устахъ народа остается еще много именъ, мѣоическое значеніе которыхъ несомнѣнно, но *смыслъ ихъ уже трудно объяснить*. Возлѣ Перуна, Хорса, Велеса, иногда впереди ихъ, поставляется Троянъ, а также Дый и Дивія. Возлѣ Мокоши стоитъ Дива... Въ памятникахъ XIV в. упоминается вѣрованіе въ Переплута...» и т. д. **).

Даже славянскія, русскія слова, встрѣчающіяся въ отечественныхъ документахъ и еще живущія въ устахъ народа, не всегда представляются ясными, понятными. По поводу новгородскихъ писцовыхъ книгъ относительно слова «погость» и географическихъ названій новгородской области: гостица., не-гостицы, ю-гостицы, родъ-гостицы, могло-гость, видо-гоща, з-гоща, про-гоща и другія... Иванъ Егоровичъ замѣчаетъ: «*Настоящій смыслъ этихъ словъ для насъ потерянъ вмѣстѣ съ земскими и общинными отношеніями древнѣйшаго населенія нашей земли (точно также мы не знаемъ, на примѣръ, и настоящаго смысла такъ называемыхъ княжихъ и древнихъ народныхъ личныхъ именъ: Святославъ, Ярославъ, Изяславъ, Вячеславъ, Всеславъ, Мстиславъ, Ярополкъ, Святополкъ, Владиміръ, Остромиръ, Наславъ и т. п. Все это слова, которыя нѣкогда были понятны, ясно выражали тѣ представленія, которыми наши древнѣйшіе предки опредѣляли характеръ или свойство лицъ). Судя по позднѣйшему значенію словъ гостить, гостьбу дѣять и гость, во всѣхъ приведенныхъ выше географическихъ названіяхъ должно заключаться понятіе о торгѣ и сѣзжемъ мѣстѣ для торга*» ***).

Цѣлые памятники полны такихъ непонятныхъ для насъ словъ. О договорѣ Олега съ греками 912 года, относительно котораго сомнѣвавшійся даже въ подлинности его Шлёцеръ выражался, какъ

*) Тамъ же, часть II, стр. 359.

**) Тамъ же, часть II, стр. стр. 297.

***) „Пятинны и погосты“. Статья 1854 г. Въ „Опытѣхъ...“ Часть I, стр. 553 и 554.

объ «одной изъ величайшихъ достопамятностей всего средняго вѣка, какъ о чемъ-то единственномъ во всемъ историческомъ мірѣ», Забѣлинъ говоритъ, что въ настоящее время, когда «уже никому не приходится въ голову наводить сомнѣніе на подлинность этого единственного во всемъ историческомъ мірѣ памятника», «съ каждымъ днемъ онъ все больше и больше раскрываетъ свою достовѣрность и свое, такъ сказать, материковое значеніе для познанія древней русской исторіи. Не смотря на то что и до сихъ поръ эта хартія *вполнѣ ясно и съ точностью никѣмъ еще не прочтена*, все-таки ея языкъ служить первымъ основаніемъ ея достовѣрности... Можно надѣяться, что общими усиліями ученыхъ эта первая русская хартія современемъ *будетъ прочтена вполнѣ точно и ясно во всѣхъ подробностяхъ*» *).

Относительно объясненія отдѣльныхъ словъ, изъ которыхъ каждое представляетъ собою своего рода особый памятникъ, памятникъ языка, Забѣлинъ высказывается самъ, при чемъ даетъ живые образцы толкованія ихъ.

Въ отношеніи современной дѣйствительности «стоитъ только наименовать предметъ, и онъ рисуется уже въ нашемъ воображеніи со всѣми подробностями своей обстановки, даже со всѣми общими, характерными своими чертами. Чиновникъ, помѣщикъ, купецъ солдатъ, мастеровой и т. д.—со всѣми такими словами связано у насъ болѣе или менѣе отчетливое понятіе о томъ, что они значатъ, возникаетъ живой образъ, сложившійся въ нашемъ воображеніи самъ собою, отъ постоянного знакомства, такъ сказать, сожитія съ этими людьми. Здѣсь коментаріи и разныя объяснительныя примѣчанія вовсе не нужны»...

«Другое дѣло, если знакомая намъ среда отживаетъ свое время, гаснетъ, тогда по необходимости мы прибѣгаемъ къ изученію, къ *научнымъ толкованіямъ и поясненіямъ*... Жизнь движется... Что нынче имѣло мѣсто въ ея общемъ движеніи, было непосредственнымъ матеріаломъ самой жизни, то завтра гаснетъ и переходитъ въ область отвлеченностей, становится матеріаломъ для исторіи или археологіи, вообще матеріаломъ знанія. Отъ того такъ трудно намъ связать какое-нибудь живое понятіе съ именами, напримѣръ, древняго русскаго князя, боярина, дьяка, боярскаго сына, торговаго человѣка—гостя, посадскаго и т. д. Все это—полнѣйшіе *іероглифы* для нашего воображенія, надъ которыми нужно еще много и долго поработать, чтобъ *добиться въ нихъ смысла, раскрыть въ нихъ живую душу*» **).

Вотъ, напримѣръ, слово «государь»—наряду со словомъ «господинъ». «Любопытно было бы,—говоритъ Забѣлинъ, — *выяснить исторію этого замѣчательнаго слова*; тогда, можетъ быть, намъ легче было бы понять послѣдовательный жизненный ходъ и развитіе самаго

*) «Ист. русской жизни съ древнѣйшихъ временъ». Часть II, стр. 131.

**) «Размысленія...» въ «Опытахъ...» Часть II, стр. 62 и 63.

факта» — заключаетъ онъ. «Господа — слово, которымъ обозначали вообще судную правящую власть съ ея представителями, княземъ, тысяцкимъ, посадникомъ, сотскими, тиуномъ и т. п., вообще власть вѣча, міра, власть общины. Отсюда образовалось слово господ-инъ, выражающее принадлежность господѣ, происхождение отъ господы, слѣдовательно означающее лицо, которое было облечено судною властію, было исполнителемъ судной власти и расправы... Изъ той же господы образовалось слово госпо-дарь, а потомъ государь, какъ сокращеніе перваго... Господарь означало уже не исполнителя только, а полного самостоятельнаго и самовластительнаго хозяина, независимаго производителя», лицо, въ которомъ «судная власть, такъ сказать, воплотилась». Оба эти слова «строго различались въ понятіяхъ нашей древности; *смыслъ этихъ словъ* очень хорошо растолкованъ еще въ семидесятихъ годахъ XV-го столѣтія, при встрѣчѣ двухъ политическихъ формъ древней Руси, господина и государя Новгорода Великаго и господина и государя князя великаго—въ Москвѣ». Послѣ обсужденія вопроса о татарскомъ и византійскомъ вліяніяхъ на образованіе «московскаго типа», онъ приходитъ къ выводу: «Нѣтъ, типъ государя, вотчинника и хозяина, есть типъ туземный, сложившійся органически, самъ собою, изъ готовыхъ элементовъ народной жизни; онъ существовалъ сначала въ частномъ быту и потомъ, развившись въ политическое тѣло, охватилъ бытъ всего народа, ставъ его вершиною» *).

Вотъ, слово «природа», хотя современное, но такое, по поводу котораго Забѣлинъ даетъ цѣлый этюдъ изъ *археологіи понятій* у древнихъ русскихъ людей.

«Говорятъ, что у старой Москвы дѣйствительно не было никакой чувствительности къ красотамъ своей природы»..., при этомъ указываютъ, что «и самаго слова природа съ такимъ понятіемъ у старинныхъ русскихъ людей не существовало. Но если не существовало слова и понятія, то, стало-быть, въ старинномъ русскомъ образованіи и развитіи не существовало цѣлой области высокихъ поэтическихъ созерцаній и наслажденій своею жизнію...» «Это вопросъ настолько любопытный въ исторіи нашего общественнаго развитія, что необходимо, по крайней мѣрѣ, затронуть его, собравши, на первый разъ, нѣсколько *свидѣтельствъ и указаній* по этому поводу». Поэтому, авторъ, начавъ съ миѳологіи, разобравъ условія челоуѣческаго существованія въ старину, «складъ понятій и всего умоначертанія» нашихъ старыхъ предковъ, исторію основанія монастырей въ связи съ ихъ топографіей; присоединивъ сюда стихъ, воспѣтый въ «Похвалу пусты-нѣ» каликами переходжими; перебравъ издревле служившія топографическимъ обозначеніемъ названія съ присоединеніемъ словъ «красный» и «рай» (съ XII вѣка); разыскавъ яркія картины «прохлады» (т. е. наслажденія) міромъ красоты въ поучительныхъ словахъ (XVI в.); сли-

*) Тамъ же, часть II, стр 43 — 46. Сравни „Ист. Русск. жизни“, часть II, стр. 178.

чивъ письма царя Алексѣя Михайловича и показанія «дворцовыхъ разрядовъ» XVII ст. объ отпускахъ бояръ въ деревню «почасту» съ записками иностранцевъ объ ихъ загородныхъ «дворахъ», т.-е. «дачахъ, всякихъ «затѣяхъ» и «прохладахъ», въ томъ числѣ о любви къ цвѣтамъ и садѣмъ,—онъ приходитъ къ тому выводу, что «деревня, представляя существенную силу въ хозяйствѣ и въ матеріальной экономической жизни дворянина, по необходимости становилась для него особымъ и наиболѣе привлекательнымъ міромъ и въ его нравственномъ развитіи, гдѣ, безъ всякаго сомнѣнія, по крайней мѣрѣ, хотя у избранныхъ, оставался уголокъ и для чувствительности къ красотамъ деревенской природы». «Вотъ почему и самое слово природа, въ его эстетическомъ значеніи, для нихъ не существовало; его въ полной мѣрѣ и во всѣхъ смыслахъ замѣняло слово *деревня*. Служилые, т.-е. весь дворянскій кругъ, за одно со всѣмъ народомъ, одинаково мыслили, что Москва—царство, а деревня—рай» *).

Какое существенное значеніе имѣетъ тщательное, правильное толкованіе словъ письменнаго памятника, даже самыхъ незначительныхъ, повидимому, можно видѣть яснѣе всего на тѣхъ послѣдствіяхъ для нашего понятія о старинѣ, которыя влечетъ за собою *небрежное, фальшивое объясненіе* иного слова.

У Забѣлина приведено толкованіе Бартеневымъ слова «іордань», встрѣчающагося въ письмѣ царя Алексѣя Михайловича о томъ, какъ онъ «утѣшается» купаньемъ въ прудѣ, въ іордани, стольниковъ, не поспѣвшихъ къ царскому смотру, послѣ чего у царя «купальщики тѣ ѣдятъ вдоволь, а иные говорятъ, мы-де нарокомъ не поспѣемъ, такъ-де и насъ выкупаютъ да и за столъ посадятъ». Бартеневъ объясняетъ все это слѣдующимъ образомъ: «Іордань, конечно, означаетъ здѣсь прорубь въ прудѣ. «Ходить на іордань» говорится доселѣ въ смыслѣ—ходить на освященіе воды наканунѣ или въ день Богоявленія Господня, когда совершается богослуженіе на рѣкѣ или на прудѣ. Престолюдины и доселѣ иногда въ жестокіе морозы купаются въ іорданѣ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ это дѣлается даже по чувству благочестія. Слѣдовательно, по этой забавѣ царя Алексѣя Михайловича никакъ нельзя заключать о жестокости и мнимой грубости тогдашнихъ нравовъ».

Разоблачивъ фальшь этихъ словъ указаніемъ, что «такія, на-примѣръ, общественныя удовольствія, увеселенія и зрѣлища, какъ кулачные бои, чахарда, медвѣжья травля, медвѣжій бой и т. п. служатъ яснымъ свидѣтельствомъ, что эстетическая сторона народныхъ нравовъ далеко еще не развита, что нравы вообще грубы и жестоки», Иванъ Егоровичъ вмѣстѣ и возмущается этими словами. «Какъ можно оправдывать настоящій случай—купанье людей въ проруби (какъ говоритъ г. Бартеневъ), въ проруби, слѣдовательно

*) „Кунцево и древній Стѣпунскій станъ. Историческія воспоминанія“ 1873 г.
Стр. 4 и 5—45—60.

зимою, въ морозъ. Хороша и награда за такой подвигъ..., да хороши и стольники—будущіе бояре!»... Ссылка на «простолюдиновъ, и доселѣ иногда въ жестокіе морозы купающихся въ іорданѣ», отнюдь его не успокаиваетъ. «Это—не забава, а дѣйствіе крѣпкой вѣры и... есть же какое-нибудь различіе въ крещенскомъ купаньѣ, совершенномъ по убѣжденію, и въ крещенскомъ купаньѣ, совершенномъ недобровольно».

Тутъ Забѣлинъ даетъ совѣтъ любителямъ русской жизни, чтобы они «попристальнѣе всматривались въ любимый предметъ». Въ дѣйствительности дѣло было такъ. По справкѣ съ документами—«Выходами царей», Алексѣй Михайловичъ въ 1653 году въ іюнѣ мѣсяцѣ съ 13 числа дѣлалъ смотры своему двору со всею службою на Дѣвичемъ полѣ подъ Дѣвичьимъ монастыремъ. «Прудъ, на которомъ была іорданъ, т.-е. плотъ (съ оставленнымъ на срединѣ свободнымъ для воды мѣстомъ)..., существуетъ и донынѣ подлѣ монастыря. Недалеко отъ этого мѣста, между прудомъ и церковью Саввы Освященнаго, цари всегда останавливались въ шатрахъ... Купаться въ іюнѣ дѣло обыкновенное. Въ поступкѣ же царя, судя по времени, выразилось несравненно болѣе благодушія, нежели грубости и жестокости. Въмѣсто батоговъ, которые по справедливости слѣдовали неявившимся на смотръ, онъ ихъ купалъ, да и тутъ, чтобы не остаться въ долгу, кормилъ купальщиковъ обѣдомъ. Такимъ образомъ, строгость царь обратилъ на милость и сдѣлалъ изъ этого для себя забаву, потѣшеніе. Вотъ почему и стольники такъ простодушно говорили, мы-де нарокомъ не поспѣемъ... Нужно при этомъ замѣтить, что въ стольникахъ была боярская и дворянская молодежь, начиная лѣтъ отъ четырнадцати» *).

Другой примѣръ. «Въ одномъ примѣчаніи (къ тому же собранію писемъ царя Алексѣя Михайловича), принадлежащемъ г. Бартенева, читаемъ слѣдующее достолюбопытное объясненіе: «Церкви, часовни, пустыни и пр. обложены были извѣстными суммами, шедшими въ патріаршую казну; въ случаѣ неплатежа, ихъ закрывали; но ихъ можно было окупить взносомъ требуемой суммы. Такіе окупы производились по смерти патріарха Іосифа». Это сказано по поводу слова окупъ, которое употреблено въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Срѣтенскому протопопу Петру на милостыню и на окупъ 2000 рублей... Корнилию Митрополиту на окупъ церковныхъ мѣстъ 2000 рублей, а окуплено 15 престоловъ». Такимъ образомъ, по свидѣтельству г. Бартенева, въ старину у насъ церкви, часовни, пустыни и прочее были на откупъ — и у кого же? У патріаршей казны, которая, за неплатежъ оброчной суммы, закрывала ихъ, какъ закрываютъ обыкновенныя торговыя заведенія. Что это такое? Церкви дѣйствительно были обложены данью, но не церкви собственно, а церковный причтъ... Конечно, иной причетникъ могъ и не доплачивать, оставаться въ долгу, но за неплатежъ не цер-

*) „Царь Алексѣй Михайловичъ“. Въ „Опытахъ...“ Часть I, стр. 233—239.

ковъ отвѣчала, а причтъ, который въ такомъ случаѣ и окупался благочестивыми и доброхотными дателями; окупался, т.-е. выкупался изъ долговъ. Но, кромѣ того, церкви имѣли свои земли, имѣли церковныя мѣста, съ которыхъ взималась поземельная подать на нужды государства. Здѣсь также могли случаться недоимки, но церквей за это не закрывали, а доправляли недоимку съ людей, которые завѣдывали или временно владѣли этими землями. Являлись и тутъ богобоязненные люди и вносили окупъ, выкупали церковное мѣсто изъ долговъ. А что касается выраженія: «окуплено 15 престоловъ», то этимъ обозначено только (то), что выкуплены долги церковныхъ мѣстъ у 15 церквей. Во всякомъ случаѣ *предметъ этотъ требовалъ осторожнаго обсужденія и надлежащихъ справокъ, а не отважной увѣренности въ непогрѣшимость своихъ соображеній* *)).

О значеніи тщательнаго объясненія памятниковъ и словъ Забѣлинъ говоритъ вообще: «Что если бы съ тою же неутомимостью и жаромъ, которые такъ достославно и, конечно, не безъ извѣстной пользы тратились нѣкогда на объясненіе слова Русь и тому подобное, мы обратились къ *объясненію памятниковъ и словъ* народнаго жизненнаго смысла, въ которыхъ изобразилось народное разумѣніе о себѣ и окружающемъ мірѣ. Если бы это случилось, какъ бы просто и ясно глядѣли мы на наше прошедшее, сколько бы катарактъ спало съ нашихъ глазъ, сколько бы недоразумѣній, загадокъ и всякихъ лѣтописныхъ умолчаній было разрѣшено и раскрыто!» **).

То же самое приложимо и къ вещественнымъ памятникамъ. Эти «нѣмые» памятники сугубо нуждаются въ объясненіяхъ. А для этого нужно *пристальное глубокое изученіе памятниковъ*, которое дается не только трудомъ, но и временемъ».

Особенно сѣтуетъ Забѣлинъ, что наши «курганныя древности», предшествовавшія появленію у насъ письменности, «оставляютъ *въ сыромъ видѣ, безъ надлежащей обработки*». При этомъ онъ сознаетъ особенную *трудность объясненія* этихъ «нѣмыхъ памятниковъ», нуждающихся въ изысканіи особыхъ средствъ для ихъ объясненія, въ сопоставленіи съ иными памятниками. «Кочевые разноплеменные народы, населявшіе съ незапамятныхъ временъ наши южныя и особенно приднѣпровскія степи, оставили по себѣ неисчислимое множество памятниковъ въ могильныхъ насыпяхъ, или курганахъ». Эти «разсыпанные по нашей землѣ курганныя древности скрываютъ въ себѣ истинную, настоящую колыбель нашей народной жизни. Но они такъ разнообразны и разнородны и относятся къ столькимъ вѣкамъ и племенамъ, что сколько-нибудь разсудительная обработка ихъ не можетъ и начаться до тѣхъ поръ, пока не будутъ собраны и сведены въ одно цѣлое именно письменныя свидѣтельства объ этихъ же самыхъ курганахъ, т.-е. о той глубокой древности, когда

*) Тамъ же, часть I, стр. 275 и 276.

**) „Размышленія...“ въ „Опытахъ...“, часть II, стр. 29.

эти курганы еще только сооружались... Прежде всего необходимо выслушать всѣ рассказы, какіе оставили намъ о нашей колыбели античные греки и писатели римскаго и византійскаго вѣка. Это откроетъ намъ глаза, способные съ бѣльшимъ вниманіемъ видѣть и цѣнить нѣмые памятники нашей колыбели» *). «Неимовѣрное множество открытыхъ вещей своимъ разнообразіемъ и значеніемъ даетъ весьма обильный фактическій матеріалъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій о скиѣской древности, представляя или новые варианты относительно прежнихъ открытій, или совершенно новыя и доселѣ неизвѣстныя данныя». «Совокупивъ въ одно открытыя доселѣ вещи въ Керченской гробницѣ (въ горѣ Куль-Оба), въ Луговой могилѣ и при нашихъ раскопкахъ, здѣсь описанныхъ (т.-е. знаменитой Чертомлыцкой могилы)—продолжаетъ онъ въ приложеніи къ своей «Исторіи»,— можно составить довольно подробное понятіе, по крайней мѣрѣ, о внѣшней сторонѣ скиѣскаго быта, которая своими вещами и различными, еще не совсѣмъ объясненными, памятниками послужить вообще самою вѣрною живописью въ лицахъ къ рассказамъ Геродота». Въ то же время окажется, что найденныя въ скиѣскихъ могилахъ-курганахъ, раскрывшихъ намъ погребенія скиѣскихъ царицъ, также ихъ сохранившіяся изображенія «во многомъ напоминаютъ русскую старину, даже XVII столѣтія»... Но, къ сожалѣнію, «великое множество вещей, открытыхъ въ скиѣскихъ могилахъ, представляетъ предметы, пока еще необъяснимые... Можно догадываться, что многія изображенія касаются и скиѣскихъ вѣрованій»... «Нерѣдко у костей покойника находили комки какихъ-то красокъ. Мы упомянули, что это могли быть металлическія вещи, отъ которыхъ осталась одна окись металла. Но ниразу не случалось найти эти комки въ формѣ какого-либо орудія или другой какой вещи, что необходимо должно бы встрѣтаться, ибо и совсѣмъ окислившаяся отъ времени вещь все-таки оставила бы слѣды своей первоначальной формы. Въ одной могилѣ, напротивъ того, найденъ комокъ краснаго бакана ввидѣ тщательно выглаженнаго кружка, похожаго на округленный кусокъ мыла». **).

Относительно памятниковъ искусствъ, напримѣръ, зодчества—прежде всего, конечно, необходимо «описать памятники исторически и технически, распредѣлить ихъ по вѣкамъ, указать происхожденіе ихъ стиля и его зависимость отъ чужеземныхъ образцовъ и т. д. Но этого еще не достаточно. «Все это составляетъ лишь внѣшнюю сторону задачи такого изслѣдованія, трудъ первоначальный, приготовительный»...

Археологическое изслѣдованіе, затѣмъ, распространяется и на внутреннюю сторону памятника. «Въ изученіи памятниковъ зодчества необходимо и существеннѣе всего выяснить съ одной стороны, если оно церковное, религиозную думу и созерцаніе съ его символизмомъ..., необходимо раскрыть, въ чемъ находилъ человѣкъ кра-

*) «Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ». 1876 г. Часть I, стр. IX и 613.

**) Тамъ-же, стр. 637, 640, 641, 646 и 647.

соту, отъ чего приходилъ въ эстетическій восторгъ, что радовало и удивляло его глазъ...»

И далѣе, въ отношеніи «художествъ, принимая это слово въ древнемъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ всякаго мастерства и ремесла, мы можемъ и должны раскрыть степень *замышленія* и *вкуса*, вообще степень изящнаго, какою обладалъ человѣкъ въ извѣстную эпоху и которая обыкновенно отражается на всѣхъ мелочахъ его домашняго обихода. Простая вещь, напримѣръ, домашняя посуда, какой-нибудь глиняный кувшинъ или поваренный горшокъ, — эти пошлѣйшія, по-видимому, вещи многому могутъ научить насъ въ нашихъ поискахъ. Они точно такъ же, какъ и вся окружающая обстановка человѣка, какъ бы она мелка ни была, отражаютъ въ себѣ его *эстетическія потребности* и есть созданіе его творческихъ, художественныхъ и умственныхъ силъ, запечатлѣваемыхъ каждою линіею, каждою формою и фигурою какой-либо утвари». Внутреннее значеніе этихъ вещей таково, что «изслѣдованіе внѣшней обстановки, внѣшняго порядка жизни само собою укажетъ, на чемъ стоялъ человѣкъ относительно своихъ понятій, вѣрованій, убѣжденій, вкусовъ и нравственныхъ потребностей, какой духъ господствовалъ въ ту эпоху, какая мысль и какіе идеалы руководили дѣйствіями и дѣлами людей»^{*)}. Такъ «пристально, глубоко», по мысли Ивана Егоровича, должно археологическое изученіе проникать въ самое существо памятниковъ, стремясь къ объясненію ихъ внутренняго смысла.

Понятны, поэтому, его слова: «Если-бъ послѣ исторіи античнаго грека остались намъ одни только черепки его кухонной и столовой посуды, то, при должномъ вниманіи и изученіи, мы все-таки съ достовѣрностью узнали бы, что *художнический гений* этой народности стоялъ на высотѣ, для нашей современности едва доступной»^{**)}.

Этимъ внутреннимъ смысломъ интересны и цѣнны для науки также употребляемые теперь въ народномъ быту традиціонные предметы. «Если-бъ кому пришло въ голову, — говоритъ Забѣлинъ, — вмѣсто праздныхъ разглагольствованій о народности, подарить истинныхъ почитателей народности и исторіи описаніемъ и изображеніемъ въ рисункахъ разной домашней глиняной и деревянной посуды и утвари, употребляемой по разнымъ украинамъ русской земли, — какую бы прекрасную услугу оказалъ такой дѣятель. И здѣсь, въ этихъ очеркахъ домашнихъ мелочей, наука успѣла бы раскрыть существенныя *черты* и *различія въ духовномъ образѣ* того или другого племени. Не говоримъ о костюмѣ, объ одеждѣ, особенно женской, въ которой еще виднѣе отражаются эстетическіе вкусы и своеобразныя *понятія изящнаго, красиваго*. Узоры, вышиванья и бранья, которыми до сихъ поръ украшаются женскія и мужскія сорочки, понавы, фаты, полотенца и разныя другія принадлежности простона-

^{*)} «Размышленія...» въ «Опытахъ...» Часть II, стр. 66, 67, 68 и 69.

^{**)} «Речь объ обществ. знач. учен. трудовъ гр. А. С. Уварова». 1885 г. Стр. 10.

родного туалета, собранныя въ рисункахъ, могли бы раскрыть не только общія черты чисто русскаго народнаго вкуса и его видоизмѣненія по отношенію къ разнымъ мѣстностямъ и, стало-быть, племенамъ, но показали бы также глубокую древность своего происхожденія и совершенную однородность съ орнаментикою всѣхъ древнихъ памятниковъ русскаго художества» *)...

Объясненіе археологическихъ памятниковъ, съ цѣлью извлечь изъ нихъ историческое свидѣтельство распространяется и на такіе памятники народнаго творчества, какъ миѣы и преданія, когда-либо записанные, которые прежняя критика, шлёцеровская, отвергала, какъ чистыя баснословія.

Забѣлинъ сѣтуетъ на авторовъ «*Историческаго описанія города Москвы*» **), что «они оставили безъ всякаго отзыва и указанія всѣ легенды о зачалѣ Москвы, которыя появились въ XVI и XVII ст. и въ которыхъ, все-таки, нельзя отрицать нѣкоторой, если не чисто исторической, то, по крайней мѣрѣ, эпической основы, что очень важно и должно было бы занять подобающее мѣсто въ подробномъ историческомъ и археологическомъ описаніи города... Эпоха зачала Москвы была, по всему вѣроятію, пропѣта народною пѣснію, былиною... Еще Карамзинъ замѣтилъ, что одна изъ такихъ легендъ, самая обстоятельнѣйшая, писана размѣромъ старинныхъ русскихъ сказокъ. Но не одинъ ея складъ, а самое содержаніе даетъ намъ понятіе именно объ ея эпическомъ народномъ происхожденіи. Карамзинъ вообще не давалъ никакой цѣны этимъ легендамъ, выставляя на видъ ихъ анахронизмы и нелѣпости. Но точка зрѣнія Карамзина оправдывается состояніемъ нашей исторической науки въ его время. Онъ взглянулъ на нихъ, какъ на рассказы лѣтописные и, конечно, долженъ былъ отвергнуть даже и малѣйшее ихъ значеніе для собственно историческаго матеріала по тогдашнимъ понятіямъ. Но съ того времени наука успѣла выяснить, что и эпическій, или легендарный рассказъ есть такъ же достояніе исторіи; что онъ есть первая страница въ ней, на которой хотя и нѣтъ мѣста ни для хронологіи, ни для историческаго факта въ строгомъ смыслѣ, но есть всегда то, что можно обозначить выраженіемъ: *дыханіе, дуновеніе исторіи*»... «Зерно легенды (о бояринѣ Кучко), — объясняетъ Забѣлинъ, — заключается въ томъ, что основаніе, построеніе Москвы, а еще вѣрнѣе пріобрѣтеніе ея въ княжескую собственность, связано съ убійствомъ ея прежняго владѣльца изъ-за женщины, изъ-за любовныхъ связей» ***).

Какъ о представителѣ новой критики у насъ Забѣлинъ говоритъ о Сенковскомъ, по поводу его статьи о скандинавскихъ сагахъ, какъ источникѣ для рѣшенія вопроса о происхожденіи Руси.

«Возбужденный распространившимися въ то время новыми иде-

*) „Размышленія...“ Въ *Опытахъ...*. Часть II, стр. 68 и 69.

**) См. выше, стр. 98 и 99.

***) „Исторія и древности Москвы“. Статья 1867 г. Въ „Опытахъ...“ Часть II, стр. 125, 126 и 128.

ями о задачахъ исторіи, Сенковскій потребовалъ и отъ нашихъ историковъ уже не мертвыхъ подлинныхъ документовъ, на чемъ стояла критика Шлёцера, а запросилъ подлиннаго живого человѣка, котораго, по его мнѣнію, возможно изобразить только при помощи народныхъ сагъ, преданій, басенъ, совсѣмъ отринутыхъ и позабытыхъ историческою ученостію...» Осуждая историковъ и самого Карамзина за ихъ невниманіе къ сагамъ, онъ бѣгло и живо рисуетъ характеристику норманскаго сѣвера и заключаетъ: «все это (говоритъ Сенковскій) ускользнуло отъ вниманія и проницательности нашихъ историковъ, все изсякло въ туманѣ неумѣстнаго славянизма и сдучо съ историческихъ страницъ Руси *ледовитымъ дыханіемъ старой критики*. Чтобы создать настоящую исторію того времени, — продолжаетъ авторъ, — надобно вновь *переислѣдовать всѣ ея матеріалы въ духѣ новѣйшей критики*, которая не боится басенъ и умѣетъ отыскивать и въ нихъ человѣка и его общественное состояніе; надобно учиться языку руссовъ и стараться изъ подлинныхъ сказаній сѣвера узнать, что такое былъ тогдашній сѣверъ» *).

Объ этомъ предметѣ высказывается и самъ Иванъ Егоровичъ — по поводу преданій о началѣ Руси, занесенныхъ въ первоначальную лѣтопись. «Почтенные историки, г. Костомаровъ и за нимъ г. Иловайскій, періодъ лѣтописныхъ преданій совсѣмъ отдѣляютъ отъ достовѣрной исторіи, которую г. Костомаровъ начинаетъ съ Владиміра, а г. Иловайскій — съ Игоря. Намъ кажется, что такимъ образомъ можно начинать рассказъ или повѣсть русской исторіи откуда вздумается, ибо никакъ нельзя объяснить, почему исторія Владиміра достовѣрнѣе исторіи его отца — Святослава, или почему исторія Игоря достовѣрнѣе исторіи Олега. Преданія лѣтописи и истинныя событія, твердо засвидѣтельствованныя иностранными и при томъ современными писателями, пополняютъ и объясняютъ другъ друга, ибо въ нашей лѣтописи нѣтъ ни одного преданія, которое хотя сколько-нибудь противорѣчило бы общему ходу историческихъ дѣлъ первоначальной Руси. Все зависитъ отъ того, *какъ смотрѣть на самыя преданія*. Если допустимъ, что это — народные сказки и пѣсни, а о сказкахъ и пѣсняхъ будемъ разсуждать не болѣе того, какъ о произвольныхъ и праздныхъ вымыслахъ, совсѣмъ забывши, что самъ же народъ пѣсню называетъ былью, то, конечно, мы легко смѣшаемъ преданія въ одну кучу съ книжными измышленіями и разными побасенками, сочиняемыми для удовольствія и забавы праздныхъ слушателей. Каждое преданіе, несомнѣнно, есть истина историческая, прошедшая только въ устахъ народа путь миѳотворенія, какъ выражаются лингвисты и миѳологи. Для раскрытія такой истины отъ миѳической одежды недостаточно однихъ здравыхъ сужденій современной образованности, недостаточно одной, такъ сказать, литературной критики, какую главнымъ образомъ представ-

*) „Ист. русск. жизни съ древн. врем.“. Часть I, стр. 99, 100 и 102.

Древности, т. XXII, в. 2-й.

ляетъ намъ трудъ г. Костомарова. Здѣсь необходимо устанавливать свою критику въ кругу тѣхъ народныхъ понятій и представлений, какія господствовали у народа въ возрастъ его миѳотворенія, и необходимо каждое преданіе испытывать началами этого миѳотворенія, но не началами литературнаго вымысла, при чемъ и самыя слова—вымыслъ, вымышленныя черты—могутъ только затемнять истинное значеніе преданія, ибо преданія народъ не вымышляетъ; они нарождаются сами собою, ихъ создаетъ истина самой жизни» *).

Поэтому, «если легко отринуть начальную годовую таблицу, въ которой съ такою правильностію разставлены отдѣльные случаи нашихъ народныхъ преданій, то очень не легко да и совсѣмъ невозможно однимъ почеркомъ пера, такъ сказать, отрѣзать эти преданія отъ настоящей исторіи народа. Преданія, если только въ ихъ источникѣ нѣтъ и слѣда сочинительскихъ литературныхъ сказокъ-складокъ, если они вообще рисуютъ жизненную правду и идутъ отъ основныхъ великихъ народныхъ движеній или народныхъ героическихъ дѣлъ, каковы преданія первой нашей лѣтописи,—такія преданія очень живущи; они сохраняются въ народной памяти цѣлыя вѣка и даже тысячелѣтія. Они особенно крѣпко и долго удерживаются въ народномъ созерцаніи, если народная жизнь и въ послѣдующее время все течетъ по тому же руслу, откуда идутъ и первыя ея преданія, если къ тому еще народъ не знаетъ писанаго слова или мало имъ пользуется» **).

Съ такой точки зрѣнія Забѣлинъ относительно разсказа лѣтописи о Рюрикѣ, Синеусѣ и Труворѣ находитъ, что «все извѣстіе объ этихъ трехъ лицахъ было, въ сущности, далекимъ преданіемъ, имѣющимъ видъ сказки, хотя повѣсть лѣтописи именно въ этомъ мѣстѣ не носитъ въ себѣ ничего сказочнаго... Въ лицѣ Рюрика лѣтопись *рисуетъ* только свои понятія о значеніи для земли князя, о его правахъ—владѣть землею, о его обязанностяхъ—воевать, городки рубить, сажать въ нихъ своихъ мужей, раздавать волости мужамъ. Такимъ образомъ, первое лицо исторіи не есть собственно живое лицо; оно и не миѳъ, а одно лишь общее представленіе о княжеской власти... Обрисовывая личность Рюрика, лѣтопись, вмѣсто сказки и легенды, передаетъ только простыя здравыя соображенія о томъ, какъ должны были идти начальныя дѣла перваго времени. Въ сущности она чертитъ портретъ княжеской власти, она говоритъ то же, что сказалъ бы самъ историкъ-критикъ, самъ Шлѣцеръ, если бы захотѣлъ пояснить голое свѣдѣніе о призваніи князей, объ ихъ первыхъ дѣлахъ и мѣстахъ, гдѣ они впервые должны были утвердиться, и т. д.» ***). Разница только въ томъ, что преданіе есть «познаніе и пониманіе всего существующаго—въ живыхъ ликахъ поэтическаго творчества, подобно тому, какъ и наука

*) Тамъ же, часть II, стр. 491 и 492.

**) Тамъ же, часть II, стр. 5.

***) Тамъ же, часть II, стр. 89, 90 и 91.

есть познаніе и пониманіе всего существующаго—въ отвлеченныхъ идеяхъ ученой изыскательности» *).

Далѣе—преданіе объ Аскольдѣ и Дирѣ. «Основная истина этого преданія заключается, конечно, не въ именахъ, которыя, какъ одни голыя слова, могутъ всегда возбуждать безконечныя толки и споры. Настоящая истина преданія раскрывается въ томъ существенномъ обстоятельстве, что въ былое время въ Кіевѣ оставались на житье люди, проходившіе этою дорогою въ Царьградъ, что въ былое время этимъ способомъ Кіевъ населился сборищемъ варяговъ и, при ихъ силѣ, сдѣлался владыкою страны; что Кіевъ однимъ словомъ, въ свое время, былъ такимъ же гнѣздомъ для проходящихъ, странствующихъ варяговъ, какъ и сѣверный Новгородъ». «Сказаніе о перевозникѣ (Кіѣ), быть можетъ, еще вѣрнѣе обозначаетъ древнѣйшее значеніе Кіева для всей Русской страны. Какъ перевозникъ, Кіевъ былъ посредникомъ сношеній западной стороны Днѣпра съ восточною, т.-е. съ Дономъ, Волгою и Каспіемъ; но въ то же время, какъ перевозникъ, онъ на самомъ дѣлѣ былъ посредникомъ и пособникомъ въ сношеніяхъ далекаго сѣвера съ Черноморскимъ югомъ и, въ качествѣ такого посредника, всегда былъ принимаемъ въ Царьградѣ съ немалою почестью» **).

Еще—разсказъ объ избраніи вѣры при Владимірѣ Святѣмъ. «Избраніе вѣры, какъ и избраніе князя, были событіями, прямо и непосредственно вытекавшими изъ развитія городской общины, изъ развитія той формы народнаго быта, которая, по крайней мѣрѣ, въ городахъ взошла на мѣсто родовой формы и теперь руководила и управляла всѣми общими дѣлами земли, какъ и всѣми ея общими мыслями». «Наконецъ, если бы весь этотъ разсказъ о выборѣ лучшей вѣры былъ выдумкой лѣтописца, какъ насъ стараются увѣрить, если бы ни совѣщаній, ни разсужденій и никакихъ испытаній въ дѣйствительности не происходило, то здѣсь, все-таки, очень дѣйствительнымъ является русскій смыслъ, который, совсѣмъ позабывши, какъ было дѣло, чертитъ для этого весьма великаго дѣла неизмѣнный порядокъ старой русской жизни, ничего не дѣлавшей безъ испытанія, безъ выбора, безъ общаго совѣта, особенно со всею дружиною» ***).

Конечный результатъ всей сложной ученой работы надъ археологическимъ памятникомъ, каковъ бы ни былъ послѣдній, съ момента открытія его въ нѣдрахъ земли, архивовъ или живого слова, прекрасно выраженъ въ слѣдующихъ словахъ Ивана Егоровича, которыми онъ оцѣнивалъ дѣятельность и заслуги Археологическихъ Съѣздовъ, достигаемые «при посредствѣ чтеній и словесныхъ обсужденій и при посредствѣ печати».

*) Тамъ же, часть II, стр. 267.

**) Тамъ же, часть II, стр. 95 и 98.

***) Тамъ же, часть II, стр. 409 и 421.

«Каждый памятникъ, такимъ образомъ, прежде только непонятный, курьезный остатокъ, теперь облакался мыслью, становился словомъ, болѣе или менѣе яснымъ» *).

О значеніи всѣхъ этихъ трудовъ, лежащихъ на пути изученія и объясненія памятниковъ, а также объ ихъ отвѣтственности Забѣлинъ считаетъ достойнымъ дѣломъ говорить неоднократно. «Труды по этой части имѣютъ гораздо болѣе значеніе, нежели какъ понимаетъ и какъ принимаетъ ихъ обыкновенно большинство публики. Дѣло въ томъ, что, безъ такихъ приготовительныхъ трудовъ невозможно сдѣлать шагу въ дальнѣйшихъ **) археологическихъ разысканіяхъ: на нихъ-то собственно и утверждается наука. Но, само собою разумѣется, подобные труды, чтобы вполне соответствовать цѣлямъ науки, должны отличаться добросовѣстнымъ, тщательнымъ и точнымъ исполненіемъ» ***).

На всемъ этомъ пути ученой работы, развертывающемся въ трудахъ И. Е. Забѣлина, представляются намъ памятники и памятники, или древности, какъ предметъ изученія. «Наука древностей, — какъ формулируетъ онъ самъ, — по преимуществу имѣетъ дѣло только ****) съ обломками, остатками, развалинами — и не одними монументальными, вещественными, какъ обыкновенно ее понимаютъ, а вообще съ обломками и развалинами жизни человѣка, въ какомъ бы видѣ и въ какой бы формѣ они ни встрѣтились» †).

Всякіе остатки — памятники, во всѣхъ видахъ и формахъ... Такъ широко было, въ этой сферѣ, пониманіе археологіи у Ивана Егоровича Забѣлина.

Не смотря, однако, на всю свою широту и разнообразіе содержанія, археологія, въ такой постановкѣ дѣла, есть не что иное, какъ наука о памятникахъ или, какъ говоритъ Забѣлинъ, — «наука, т.-е. пониманіе» памятника, «той правды, которую носитъ въ себѣ памятникъ» ††). И не только носитъ въ себѣ правду этотъ памятникъ, но, какъ источникъ, онъ проливаетъ свѣтъ на угасшую дѣйствительность, «свѣтъ историческо правды» †††).

III. Исторія. — Такимъ образомъ, въ концѣ длиннаго трудового

*) „Речь объ обществен. значен. учен. трудовъ гр. А. С. Уварова“. 1885 г. Стр. 13.

**) „Дальнѣйшія археологическія разысканія“, — въ чемъ они должны состоять и насколько они будутъ археологическими, смотри ниже, отд. III, Исторія.

***) „Замѣтки о книгахъ“. Статья 1852 и 1853 гг. Въ „Опытахъ...“, часть I, стр. 559 и 560.

****) Если „по преимуществу“, то, значитъ, не „только“, если „только“, то уже безъ всякаго преимущества. Въ докладѣ на Археологическомъ Съѣздѣ имъ сказано было: „постоянно и исключительно“. См. выше, стр. 85.

†) „Размышлен. о соврем. задач. рус. ист. и древностей“. Статья 1860 г. Въ „Опытахъ...“, часть II, стр. 59.

††) „Русская археологія“. Статья 1852 г. Въ „Опытахъ...“, часть II, стр. 81.

†††) „Современные взгляды и направленія въ русск. ист.“. Статья 1863 г. Въ „Опытахъ...“, часть I, стр. 352.

пути среди археологическихъ памятниковъ изслѣдователь подходитъ къ «угасшей дѣйствительности», посредствомъ изученія древностей приближается къ старинѣ, и получаетъ возможность вступить въ «бесѣду съ древностью». Отсюда открывается ему новый путь, — среди явленій угасшей дѣйствительности, и онъ долженъ подвергнуть ихъ «изысканію и изслѣдованію» съ цѣлью «творческаго возсозданія» древней жизни. Какъ рисуется этотъ путь по воззрѣніямъ И. Е. Забѣлина, который самъ, имѣя славу археолога, не останавливался, однако, на этомъ обозначившемся перевалѣ и шелъ, въ своихъ трудахъ, обыкновенно далѣе или, по крайней мѣрѣ, всегда оглядывалъ открывающуюся предъ нимъ историческую даль?

Переходя на этотъ путь, изслѣдователь вступаетъ въ «угасшій міръ, гдѣ все спуталось, переплелось, стерлось и, главное, утратило запахъ жизни, если можно такъ выразиться, стало все какимъ-то безразличнымъ отвлеченіемъ» *). Предъ его глазами разворачивается «умершая дѣйствительность, такъ же неизмѣнно разнообразная и разнородная въ своихъ проявленіяхъ, какъ и дѣйствительность живущая». Ему приходится имѣть дѣло со всѣмъ этимъ «многообразіемъ и многоразличіемъ фактовъ исторіи, перешедшихъ въ вѣчность и потому превратившихся въ какія-то отвлеченности» **).

Подобно тому, какъ ранѣе изслѣдователь стоялъ предъ «археологическимъ матеріаломъ» свидѣтельствъ о былой жизни, въ формѣ памятниковъ, такъ теперь ему представляется новый «историческій матеріалъ» — матеріалъ самой жизни, въ видѣ явленій, проявленій этой жизни. «Что нынче имѣло мѣсто въ ея общемъ движеніи, было непосредственнымъ матеріаломъ самой жизни, то завтра гаснетъ и переходитъ въ область отвлеченностей, становится матеріаломъ для исторіи...» ***). Изслѣдователь снова обремененъ «необозримымъ матеріаломъ, оставленнымъ прожитою жизнью» ****).

Сказаннаго устами Забѣлина достаточно, чтобы дать понятіе о представляющихся впереди не только большихъ трудахъ, но и великихъ трудностяхъ, затрудненіяхъ. Опять онъ вынужденъ, прежде всего, погрузиться въ «копотливыя, мелочныя, черныя работы». Необходимо начинать съ нихъ, потому что только онѣ «служатъ вѣрнымъ путеводителемъ (путеводомъ?) къ дознанію правды истины» †). Изслѣдователю предстоитъ все тотъ же «тернистый, пустынный, тяжелый путь», по которому идутъ обыкновенно къ истинѣ. Чтобы достигнуть желательнаго результата, ему приходится предпринимать «многотрудныя, добросовѣстныя, обширныя изслѣдованія»,

*) „Размышленія о соврем. задач. русск. ист. и древн.“ Въ „Опытахъ...“, часть II, стр. 63.

**) „Математ. методъ въ ист.“. Въ „Опытахъ...“, часть I, стр. 368.

***) „Размышленія...“. Въ „Опытахъ...“, часть II, стр. 62.

****) „Ист. русск. жизни съ древн. врем.“, часть I, стр. V.

†) „Характ. начальн. образовъ въ допетровск. время“. Въ „Опытахъ...“, часть I, стр. 81.

продѣлывать «черныя работы», погружаться въ «скучныя фактическія объясненія, посредствомъ которыхъ вы подходите къ истинѣ». При этомъ энъ на новомъ пути — историческихъ фактовъ — не долженъ покидать стараго «тяжелаго сбора эрудиціи», собраннаго на прежнемъ пути — археологическихъ памятниковъ *).

Чтобы возвести свое дѣло до «изображенія жизни, чѣмъ исключительно должна заниматься собственно исторія», историку надлежитъ пройти чрезъ ея «изученіе, чѣмъ и занимается историческая изслѣдовательность». Это «изученіе, изслѣдованіе есть (лишь) *приготовительная, первичная работа*, которую не должно смѣшивать съ конечнымъ дѣломъ исторіи». Въ ней полагается «*основаніе наукъ*» **).

Объ этой долѣ историческаго труда Забѣлинъ краснорѣчиво распространяется по поводу «*Изслѣдованій, замѣчаній и лекцій о русской исторіи*» М. Погодина, заготовляемыхъ авторомъ въ качествѣ «основанія» его «Древней русской исторіи». «Само собою разумѣется, что подобные основные труды являются не съ тою цѣлью, чтобы доставить занимательное чтеніе для публики. Такіе труды почти всегда носятъ на себѣ яркій отпечатокъ черновой работы, неизбѣжную шероховатость и угловатость и вообще всѣ невыгодныя качества только что начатаго дѣла. Специалистъ, мастеръ оцѣнить съ полнымъ уваженіемъ и участіемъ искусство и прочность заготовленнаго, тотчасъ увидить его достоинства и недостатки, приметъ съ восторгомъ даже грубыя, какъ говорятъ, неотесанныя формы, сознавая, что онѣ послужатъ еще къ большей прочности и красотѣ цѣлаго. Но большинство, разумѣется, потребуетъ (и съ своей стороны справедливо) вещей оконченныхъ и потому пройдетъ черновой трудъ безъ всякаго вниманія и пониманія, безъ малѣйшаго участія. Кто призванъ дѣйствительно дать *основаніе наукъ*, поставить *краеугольные ея камни*, для того, конечно, судъ большинства не будетъ имѣть никакого значенія»... «Современное большинство не признаетъ чернового труда; самыя достоинства его, сокрытыя, по естественной необходимости, въ грубыхъ формахъ, кажутся весьма часто недостатками»... Но «человѣкъ, преданный дѣлу искренно, не продающій товара только лицомъ, но всегда готовый заявить и шероховатую, вовсе не блестящую сторону изнанки, такой человѣкъ стоитъ внѣ всякихъ личныхъ интересовъ и личныхъ вкусовъ. Онъ слишкомъ погруженъ въ сущность своего дѣла, слишкомъ увѣренъ въ необходимости и важномъ значеніи своего труда для науки и потому не станетъ очень хлопотать о томъ, на чьей сторонѣ большинство»... «Черновыя, кротовыя работы... предпринимаются и ведутся только людьми, для которыхъ цѣль — не увлеченіе за собою современной толпы, а прочность и выгоды будущаго; сознаніе этой цѣли служить для изслѣдователя тѣмъ свѣтозарнымъ библейскимъ

*) «Драматич. прикрасы въ ист.» Въ «Опытахъ...» часть I, стр. 399 и 400.

**) «Размышл. о соврем. задач. русск. истор. и древн.» Въ «Опытахъ изучен. русск. истор. и древн.», часть II, стр. 18.

облакомъ, которое и указываетъ путь среди *унылой пустыни непризнаннаго труда* и воодушевляетъ на новые подвиги» *).

Исторія, какъ уже было сказано выше, есть «сокровищница фактовъ, дѣлъ человѣческой жизни» **). Поэтому историку прежде всего необходимо заняться собираніемъ фактовъ. Забѣлинъ приводитъ слова Погодина о томъ, что «никакая теорія, даже самая блистательная, никакая система, даже самая остроумная, непрочны, ... прежде нежели соберутся, очистятся, провѣрятся, утвердятся быти дѣи». «Совершенно справедливо, — прибавляетъ онъ, — всѣ теперь очень хорошо знаютъ, и хорошо понимаютъ, что изъ художественнаго матеріала нельзя построить прочнаго зданія, что первое дѣло — *заготовить хорошій матеріалъ, собрать, очистить, провѣрить, утвердить быти, дѣи*» ***).

Имѣть дѣло съ фактами, — слѣдуетъ здѣсь оговориться, — не одно и то же, что имѣть дѣло съ памятниками, свидѣтельствами, словами. Недостаточно строгое различіе того и другого, *смѣшеніе двухъ разнородныхъ операцій*, легко вводитъ изслѣдователя въ заблужденіе. Однимъ изъ распространенныхъ видовъ ошибокъ является то, что авторъ приводитъ, въ утвержденіе какого-либо своего положенія, повидимому, однородныя свидѣтельства, одинаковыя слова; а на повѣрку оказывается, что подъ ними кроются совершенно различныя факты, обнаруживается не одинаковое содержаніе. Забѣлинъ имѣлъ возможность упрекнуть въ этомъ грѣхѣ даже Погодина, гордившагося строгимъ путемъ отчетности, математическимъ методомъ въ своихъ изслѣдованіяхъ.

Такъ, желая ослабить впечатлѣніе отъ междоусобныхъ войнъ удѣльнаго періода, Погодинъ, между прочимъ, выставляетъ положеніе, что они «состояли часто изъ однихъ движеній или занятій, безъ всякаго кровопролитія». Къ такимъ войнамъ, безъ малѣйшаго кровопролитія, относитъ тѣ случаи, о которыхъ лѣтописецъ выражается кратко, часто однимъ словомъ «зая», «взя», «выгна». Подъ 1094 годомъ, напримѣръ, онъ пишетъ: «Олегъ занялъ Черниговъ», потому что въ лѣтописи сказано: «Олегъ съ Половци приде Чернигову... Володимеръ иде изъ града»... Между тѣмъ, самъ Владиміръ (Мономахъ) въ своемъ «Поученіи» свидѣтельствуется объ этомъ событіи: «Олегъ на мя приде съ Половечьскаго землею къ Чернигову и бишася дружина моя съ нимъ 8 днѣй о малу греблю (ровъ) и не владуче имъ въ острогъ. Съжаливъси хрестьяныхъ душъ и сель горящихъ и монастырь — и вдахъ брату отца своего мѣсто, а самъ идохъ Переяславлю». Разобравъ и другіе подобные факты, Забѣлинъ заключаетъ: «вотъ каковы войны, состоявшія изъ однихъ походовъ безъ малѣйшаго кровопролитія!» Это доставило ему случай дать такой совѣтъ: «Здѣсь-то именно и требовалось бы съ

*) «Математ. методъ въ ист.». Въ „Опытахъ“, часть I, стр. 355—358.

**) «Размышленія». Въ „Опытахъ“, часть II, стр. 12.

***) «Математ. методъ въ ист.». Въ „Опытахъ“, часть I, стр. 360.

математическою отчетностью *опредѣлить значеніе этихъ словъ, дѣйствительно-ли «зая, взя» означаетъ мирное занятіе, безъ малѣйшаго кровопролитія» **).

По этому случаю можно сдѣлать еще одно замѣчаніе—насчетъ значенія археологическихъ работъ для историческихъ изслѣдованій. Первый же шагъ историка, только подошедшаго къ факту, съ цѣлью собрать себѣ нужный матеріалъ, показалъ, какъ важно для него имѣть археологическую работу уже сдѣланною, для того, чтобы избѣжать разныхъ ошибокъ. Будь бы, напримѣръ, издана лѣтопись со ссылками, въ примѣчаніяхъ, на другіе источники, не было бы тогда вышеупомянутой ошибки у названнаго историка удѣльнаго періода.

Рѣчь идетъ о первомъ шагѣ на пути историка, о собираніи фактовъ, которымъ начинается ихъ изученіе. «Органическая жизнь физической природы уяснена и опредѣлена посредствомъ *тщательнаго и долгаго изученія ея фактовъ*, отдѣльныхъ единицъ, въ которыхъ она обнаруживается... Тому же процессу изученія подлежала и историческая жизнь—природа нравственная» **).

Простѣйшій шагъ—собираніе фактовъ, но и это дѣло, помимо встрѣчающихся опасностей, представляетъ свои затрудненія. Пусть «собираніе фактовъ, заготовка матеріала, есть дѣло чисто механическое», тѣмъ не менѣе, оно требуетъ времени, вниманія и искусства. Приходится *«долго копаться въ матеріалахъ, черпать по нперстку изъ (вашихъ) источниковъ, собирать тамъ и сямъ по крупницъ» ****). Такъ высказывается Забѣлинъ по поводу вышеупомянутыхъ изслѣдованій Погодина о древней русской исторіи. По собственному опыту, какъ историкъ Москвы, онъ подтверждаетъ то же самое. «Исторію приходится собирать *по крупницамъ*, разсѣяннымъ во множествѣ книгъ и рукописей, не говоря объ архивномъ матеріалѣ, гдѣ и самыя крупницы добываются съ утратою *премного времени*» ****). Все это необходимо, неизбежно, потому что составляетъ первое условіе исторической работы. «Основательность, отчетливость, *точность—фактическая*», есть именно «то, что даетъ сочиненію крѣпость, твердость, надежную опору для дальнѣйшихъ изысканій» †). Еще выразительнѣе развиваетъ онъ эту мысль, какъ историкъ древняго царскаго быта. «Предметъ до чрезвычайности обширенъ, разнообразенъ, мелоченъ и дробенъ. Требуется особенное вниманіе, страшно копотливая работа, чтобы собрать матеріалъ... Какъ ни велико множество матеріаловъ этого рода, оно все-таки отличается замѣчательною неполнотою. Вы ежеминутно встрѣчаете пробѣлы, самыя мелочныя, но однако-же такіе, которые за-

*) Тамъ-же, часть I, стр. 382 и 383, 385 и 386.

**) „Размышленія“... Въ „Опытахъ“, часть II, стр. 13 и 14.

***) „Матем. методъ“. Въ „Опытахъ“, часть I, стр. 362 и 363.

****) „Исторія города Москвы“. Часть I, изданіе 2-ое, 1905 г., стр. XIX.

†) „Ист. и древн. Москвы“. Въ „Опытахъ“, часть II, стр. 121.

трудняють дѣло до невѣроятности. *Добросовѣстное отношеніе къ фактамъ* не позволяетъ вамъ двинуться съ мѣста, по случаю такихъ пробѣловъ, а работа, при всемъ вашемъ усилии, не достигаетъ (этого) желаннаго заключительнаго слова» *).

Съ этой стороны онъ оцѣниваетъ и труды другихъ изслѣдователей, напримѣръ, Соловьева, появляющіеся томы «*Исторіи Россіи*» котораго онъ горячо привѣтствуетъ. «Главнѣйшая и самая существенная заслуга автора заключается именно въ признаніи *исторической дѣйствительности* за единственную точку опоры изслѣдованія», «при добросовѣстной работѣ, при особенно строгомъ почтеніи и уваженіи къ факту» **).

Еще ранѣе того, по поводу разныхъ неудачныхъ выступленій на поприщѣ исторіи, онъ говорилъ, что «мы должны руководствоваться въ историческихъ опредѣленіяхъ однимъ только *ближайшимъ, непосредственнымъ знакомствомъ съ фактами, съ дѣломъ*», съ «*дѣйствительными явленіями исторической жизни народа*», а не «фразами, которыя ничего не даютъ уму любопытнаго наблюдателя старины» ***). «Теперь, видите ли, *нужно дѣло*; эпоха праздныхъ словъ и разглагольствованій прошла, да едва ли когда и вернется» ****). Скучность знаній, это—тотъ недостатокъ, который намъ слѣдуетъ исправить. «Мы славно умствуемъ, но мало знаемъ, вотъ — сила (!) нашей образованности»... «Весьма понятно,—иронизируетъ Иванъ Егоровичъ,—что здѣсь важную роль играетъ знаменитое слово—еслибъ. Еслибъ не Москва, то удѣльновѣчевой бытъ развился бы у насъ великолѣпно.., въ немъ великіе задатки лежали... Если бъ не централизація, то мы были бы совсѣмъ не тѣ, у насъ никогда бы не было ни крѣпостного права, ни нѣмецкой бюрократіи и т. д... Вопросы, задачи, надъ которыми иной нѣмецъ или англичанинъ просидѣлъ бы десять, двадцать лѣтъ, рѣшаются этимъ способомъ очень скоро и легко и, главное, вполне удовлетворительно!» †).

Значеніе фактической точности въ исторіи нагляднѣе всего опредѣляется наблюденіемъ надъ обратными случаями. Малѣйшая неточность, даже въ мелочахъ, можетъ измѣнить все дѣло.

Вотъ избраніе Петра въ цари, вмѣсто старшаго брата Іоанна. «По разрядной это происходило такъ: духовенство и высшіе чины собрались въ передней для совѣщанія, кому вручить царство, и рѣшили, что избранію быть общимъ согласіемъ всѣхъ людей Московскаго государства. Младшее дворянство, также выборные отъ народа были призваны и поставлены на площадкѣ передъ теремнымъ

*) „Дом. бытъ русск. царей въ XVI и XVII ст.“, часть I, изд. 3, 1905 г., стр. XII и XIII.

**) „Размысленія“... Въ „Опытахъ“, часть II, стр. 33 и 34.

***) „Характ. начальн. образованія въ до-петровск. время“. Въ „Опытахъ...“, часть I, стр. 77.

****) „Царь Алексѣй Михайловичъ“ Въ „Опытахъ...“, часть I, стр. 277.

†) „Современ. взгляды и направл. въ русск. ист.“ Въ „Опытахъ...“, часть I, стр. 309, 326 и 327.

крыльцомъ. Патріархъ съ духовенствомъ и боярами вышелъ на крыльцо и сказалъ рѣчь, изложивъ обстоятельно, въ чемъ дѣло. Рѣчь заключалась вопросомъ, кому изъ двухъ братьевъ быть преемникомъ Θεодора. Единодушный и единогласный отвѣтъ былъ, что быть Петру... Крекшинъ рассказываетъ: «... По семъ патріархъ объявилъ всѣмъ, чтобъ спросить всѣхъ чиновъ Московскаго Государства. И того ради съ духовенствомъ и сановниками вышелъ на крыльцо, что предъ переднею, и сказалъ народу рѣчь»... и т. д. На основаніи этихъ источниковъ Щебальскій рисуетъ такъ событіе. «Страсти въ эту минуту не дремали: для той и другой партіи рѣшался вопросъ, быть или не быть... Большинство присутствующихъ было расположено къ Петру, ибо состояло изъ вельможъ и духовенства... Но зачѣмъ рѣшеніе перваго собранія было потомъ предложено на утвержденіе народу?.. Очевидно, приверженцы Софіи..., опираясь на расположеніе нѣкоторой части стрѣльцовъ, могли ожидать въ приговорѣ массы народной болѣе благопріятнаго для себя рѣшенія... Мы ничѣмъ иначе не можемъ объяснить намѣренія собранія подвергнуть новымъ случайностямъ утвержденное уже рѣшеніе, какъ вліяніемъ партизановъ Софіи... Патріархъ вышелъ на Красное крыльцо, у котораго густою толпою ждалъ народъ. При видѣ святителя смолкнулъ смутный говоръ толпы... Не безъ надежды и не безъ тревоги ожидали обѣ партіи народнаго приговора. Но еще Софія не успѣла преклонить на свою сторону большинства; тщетно нѣкоторые ея агенты, набранные изъ буйной сволочи (!), которою обильны всегда большіе города, пытались провозгласить Іоанна; изъ всей этой густой толпы возвысился одинъ голосъ, одинъ приговоръ: да будетъ царемъ Петръ... Шумный голосъ народа еще разъ отвѣтствовалъ ему (патріарху): да будетъ царь Петръ единымъ самодержцемъ всея Россіи».

«Здѣсь мы видимъ, — говоритъ Забѣлинъ, — какъ... собственныя соображенія автора, не опирающіяся, какъ онъ самъ замѣтилъ, ни на одномъ словѣ официальныхъ документовъ и частныхъ извѣстій, переходятъ уже въ драматизированныя картины, *какъ изъ соображений возникаютъ событія...*» Просторъ для всего этого авторъ открылъ себѣ, допустивъ маленькую неточность, однимъ лишь перенесеніемъ дѣйствія съ «крыльца передъ передней» на Красное крыльцо, съ «площадки передъ теремнымъ крыльцомъ» на Ивановскую площадь. По точной же справкѣ, данной Иваномъ Егоровичемъ въ примѣчаніи къ слову «передняя», оказывается, что собраніе духовенства и высшихъ чиновъ происходило «въ одной изъ комнатъ существующаго въ Кремлѣ царскаго терема. Передъ крыльцомъ этого терема, на верхнемъ каменномъ дворѣ, или на площадкѣ между теремомъ и церковью Спаса за Золотою рѣшеткою, собраны были и низшіе чины дворянства, гости и посадскіе. Особенно густой, т.-е. многонародной толпы, какъ говоритъ авторъ, здѣсь помѣститься не могло. Поэтому мы полагаемъ, какъ и должно быть въ дѣйствительности, что этотъ дворъ, площадку наполняли только выбор-

ные отъ посадскихъ и другіе, а не вообще народъ. Не всякій имѣлъ даже и право входить въ это внутреннее отдѣленіе царскаго дворца» *).

Фактическое изученіе предмета, даже эта простѣйшая часть историческаго труда представляетъ свои трудности. «Ученый описатель» фактовъ долженъ «дорожить основательностью, опредѣленностью, точностью и ясностью своихъ указаній».

Забѣлинъ даже такимъ специалистамъ по археологіи и исторіи Москвы, какъ Мартыновъ и Снегиревъ, могъ, на примѣръ, бросить такой упрекъ. «Тутъ же, въ числѣ городскихъ площадей (они) помѣщаютъ боярскую площадку, т.-е. дворцовое крыльцо!» ***). Яркіе примѣры «обезображенныхъ, искаженныхъ фактовъ» — вслѣдствіе поверхностнаго изученія и самоувѣреннаго толкованія драгоцѣннѣйшаго матеріала нашей старины, писемъ царя Алексѣя Михайловича, были уже приведены ранѣе ***).

Присутствіе въ ученой работѣ «извращенныхъ, изуродованныхъ фактовъ» поселяетъ недовѣріе и къ тѣмъ, которые остались неприкосновенными въ первоначальной ихъ чистотѣ». Наука съ этимъ не можетъ мириться, «ибо непреложный законъ науки, ея вѣчное стремленіе заключается въ томъ, чтобъ всюду отыскивать, возстановлять истину, вскрывать ее изъ-подъ груды ошибокъ... Возстановляя истину въ десяткѣ мелкихъ фактовъ, наука движется, приобретаетъ новыя силы, идетъ впередъ, какъ бы ни былъ незначителенъ шагъ ея въ этомъ случаѣ; но, преклоняясь предъ грудой ложныхъ, невѣрныхъ данныхъ, она останавливается, зарастаетъ пустоцвѣтомъ» ****).

Мало — собрать факты: ихъ надо еще «очистить, проверить, утвердить», какъ сказано выше. Послѣ «разработки источниковъ» и кромѣ «малой критики», или критики словъ — по Шлѣцеру, необходима «высшая критика», т.-е. критика дѣлъ, первый шагъ которой, самый простой видъ ея, выражается... «вообще въ недовѣріи ко всему тому, что не можетъ быть оправдано собственнымъ ли реальнымъ опытомъ, или основными общими законами изыскивающего и разсуждающаго ума», — въ «сомнѣніи, на которомъ утверждается и самая изслѣдовательная способность ума» †).

Какъ первоначально имѣло мѣсто «критическое изслѣдованіе ... источниковъ», такъ за нимъ должно слѣдовать «критическое изслѣдованіе и событій» ††).

«Напримѣръ, по поводу некритическаго отношенія Щербальскаго къ фактамъ, заимствуемымъ у Крекшина, Забѣлинъ удивляется такъ. «Трудно понять эту картину, трудно и рѣшительно не-

*) „Драматич. прикрасы въ ист.“. Въ „Опытахъ...“, часть I, стр. 403, 407, 408 и 409.

**) „Ист. и древн. Москвы“. Въ „Опытахъ...“, часть II, стр. 233 и 235.

***) См. выше, стр. 123—125.

****) „Фельетонизмъ въ критикѣ“. Въ „Опытахъ...“, часть I, стр. 447.

†) См. выше, стр. 115.

††) „Драмат. прикр. въ ист.“. Въ „Опытахъ...“, часть I, стр. 396.

возможно представить себѣ патріарха, главу Церкви, на колѣняхъ предъ отрокомъ Петромъ; трудно въ настоящемъ случаѣ представить себѣ патріарха, высшее духовенство и боярство такъ же стоящими на колѣняхъ, умоляющими отрока Петра принять праздный тронъ» *).

«Важнѣйшее и существеннѣйшее свойство всякой ученой работы — именно *непрестанная проверка и самыхъ фактовъ*» **). Нужно пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы снова и снова «осмотрѣться, снова перебрать и перевѣрить данныя...» ***).

Чтобы сохранить «фактическую достовѣрность», обезпечить «историческую правду», требуется «много труда». «Трудъ можетъ еще больше увеличиться, если къ нему присоединится мелочная точность и добросовѣстность изслѣдователя, — качества весьма почтенныя и всѣми уважаемыя, но совершенно невыгодныя для внѣшней красоты сочиненія, для тѣхъ достоинствъ, которыми такъ увлекается большинство. Слишкомъ добросовѣстный взглядъ на дѣло, при сказанныхъ неудобствахъ и разнаго рода трудностяхъ, можетъ даже остановить это дѣло въ самомъ началѣ. И точно, какъ взяться за изслѣдованіе, когда поминутно чувствуешь, что *и то и это, должно быть, невѣрно*, что нужно еще справиться, порыться, чтобы дознать истину; что, напримѣръ, *такой-то фактъ и весьма бы шелъ для картинности изложенія, да что-то онъ сомнителенъ, какъ-то противорѣчитъ той дѣйствительности, которую онъ долженъ рельефно обрисовывать...* И задумается изслѣдователь, и пойдетъ справляться, — и, вотъ, предъ нимъ далекая перспектива утомительнаго мелочнаго труда, въ которомъ теряется половина времени...» ****).

Но не всегда бываетъ такъ. Лица, не имѣющія достаточнаго самоотверженія, очень рѣдко пускаются въ подобныя путешествія за какою-либо частною мелкою справкою и болѣею частію, оставляютъ дѣло въ такомъ видѣ, къ какому приводятъ его *случайно попавшіеся подъ руку факты*, повторяя затѣмъ одно и то же нѣсколько лѣтъ сряду» †). Этого то же не должно быть въ наукѣ.

Факты надлежитъ не только собирать, но и *выбирать*, т.-е. брать изъ груды именно то, что слѣдуетъ, и откидывать лишнее. Точно такъ же, какъ, «перечитывая и перебирая источники, вы, конечно, останавливаетесь съ особымъ вниманіемъ только на тѣхъ мѣстахъ, которыя прямо или косвенно выясняютъ и обрисовываютъ предметъ вашего изслѣдованія», такъ точно, «вы дѣлаете выписки, внося въ свои тетради, разумѣется, главнѣйшіе, болѣе яр-

*) „Драматич. прикрасы въ ист.“ Въ „Опытахъ“, часть I, стр. 409 и 410.

**) „Ист. и древн. Москвы“. Въ „Опытахъ“, часть II, стр. 121.

***) „Характ. начал. образов. въ допетровск. время“. Въ „Опытахъ...“, часть I, стр. 52.

****) „Драматич. прикрасы въ ист.“. Въ „Опытахъ...“, часть I, стр. 400 и 401.

†) „Ист. и древн. Москвы“. Въ „Опытахъ“, часть II, стр. 116.

кіе факты .., пропуская, для облеченія работы, множество фактовъ... однородныхъ по содержанію, по качеству» *).

Подобно тому, какъ въ изученіи физической природы имѣютъ мѣсто «постоянныя наблюденія и сравненія», такъ и въ исторіи приходится сравнивать собираемые факты и чрезъ сравненіе оцѣнивать ихъ важность съ той или иной точки зрѣнія.

Такъ, напримѣръ, «сосредоточивъ исключительное вниманіе на общей жизни народа (въ отличіе отъ официальной стороны государства), мы во многомъ должны измѣнить свои понятія о *важности и неважности иныхъ историческихъ событій, историческихъ лицъ*» **). «Мы тогда сосредоточимъ свое вниманіе, изученіе, изслѣдованіе только на тѣхъ фактахъ и явленіяхъ, которыя доставляютъ намъ существенныя, наиболѣе типическія черты, непосредственно выясняющія народную личность... Мы строго должны (въ неимовѣрной и необозримой грудѣ) *отдѣлить* общее отъ частнаго, единичнаго, крупныя черты народнаго лица отъ мелкихъ черточекъ, рисующихъ только отдѣльныя, особныя личности... Мы должны отдѣлить, отбѣнить эти крупныя черты, чтобъ выпукло провести ихъ по всему разсказу...» ***).

Какъ недостаточно основываться на случайно встрѣченномъ фактѣ, такъ точно не слѣдуетъ опираться и на фактъ исключительномъ, необычномъ. Въ упомянутой выше ****) полемикѣ съ г. Купріяновымъ о характерѣ старинной русской педагогіи вообще, въ частности, по поводу наставленія перваго всероссійскаго митрополита Михаила, въ которомъ названный авторъ видѣлъ «замѣчательную черту древней русской педагогіи или даже и дидактики», Забѣлинъ высказывается обратно: «Мы, по крайнему убѣжденію, полагаемъ, что поступили совершенно правильно, не взявъ его во вниманіе и *отринувъ* его, какъ исключеніе и частный случай» †).

Выше уже упоминалось о «*качествахъ, содержаніи фактовъ*». Дѣло не въ количествѣ фактовъ, но и въ ихъ качествахъ: при собираніи приходится не подсчитывать только, но и взвѣшивать ихъ. Съ этой точки зрѣнія Забѣлинъ даже нападаетъ на крайности такъ называемаго математическаго метода изслѣдованія у Погодина.

«Слагаемая и сумма—что можетъ быть проще, легче и вѣрнѣе этого ариѳметическаго дѣйствія? Соберемъ факты, сложимъ ихъ, и выйдетъ—сумма. Положимъ, что историческіе факты суть числа не простыя, а именованныя,—что жъ? Стоить только расположить ихъ по именамъ, по рубрикамъ, и характеръ ариѳметическаго дѣйствія

*) „Матем. мет. въ ист.“. Въ „Опытахъ...“, часть I, стр. 62.

**) „Размышленія...“. Въ „Опытахъ“, часть II, стр. 21.

***) Тамъ же, стр. 16 и 17.

****) См. выше стр. 116. Текстъ этого наставленія, приведенный въ „Степенной книгѣ“, Забѣлинъ признаетъ „написаннымъ“ спустя пятьсотъ лѣтъ; но самый фактъ такого наставленія считаетъ весьма „возможнымъ“.

†) „Характ. начальн. образов. въ допетровск. время“. Въ „Опытахъ“, часть I, стр. 61.—Сравни подобный же случай „исключенія“ на стр. 98-й, здѣсь-же.

нисколько не измѣнится. Мы уже замѣтили, что такой способъ ученыхъ работъ принадлежитъ къ самымъ неизбѣжнымъ и, такъ сказать, азбучнымъ приѣмамъ разыскивающаго и рассуждающаго ума. Ариѳметическое дѣйствіе выражаетъ здѣсь только неизмѣнный законъ, по которому добывается вообще знаніе. Но если, увлеченные разумностью и необычайною простотою этого закона, мы будемъ настаивать и доказывать, что онъ представляетъ единственный, исключительно вѣрный путь при изысканіи истины и при томъ въ такихъ, напримѣръ, изысканіяхъ, каковы историческія, то естественно, что мы свернемъ съ настоящаго пути. Съ математическимъ взглядомъ на исторію, мы поневолѣ каждый историческій жизненный фактъ, явленіе чисто фізіологическое, будемъ разсматривать, какъ цифру, какъ мертвую форму и вовсе не увидимъ въ немъ той исторической плоти, которая одна только и даетъ возможность почувствовать истину минувшей дѣйствительности. Собирая или, вѣрнѣе, подбирая слагаемыя съ извѣстнымъ именемъ для произведенія суммы того же, разумѣется, имени, мы, волею и неволею, теряемъ изъ виду то обстоятельство, что этимъ путемъ строгой, какъ говорить, отчетности *вопросъ рѣшается, большею частію, со стороны количества; вѣрность выводовъ опирается, большею частью, только на количество фактовъ.* Самыя слова — слагаемыя, сумма — ..., выражая только формы количества, совершенно скрываютъ отъ насъ сторону жизненнаго фізіологическаго качества, которое лежитъ въ каждомъ историческомъ фактѣ, какъ его сущность». *).

Какъ примѣръ, Забѣлинъ приводитъ положенія Погодина о томъ, что «грамотность и образованіе были у насъ распространены значительно до татаръ, — доказательствомъ служить множество письменныхъ произведеній, до насъ дошедшихъ»; что «весь народъ (тогда) стоялъ на значительной степени нравственнаго и умственнаго образованія». «Весь народъ стоялъ на значительной степени нравственнаго и даже умственнаго образованія!! И доказательства на это — множество рукописей». Удивляется Иванъ Егоровичъ. «Дѣло въ томъ, что и малую и значительную степень умственнаго образованія въ народѣ должно наблюдать... *не по количеству писаной или печатной бумаги, а по содержанію и характеру литературной производительности народа.* Очертите характеристику умственныхъ занятій и работъ народа въ данную эпоху, укажите вопросы или задачи, около которыхъ двигалась умственная жизнь общества, которые пробуждали, вызывали народный умъ къ дѣятельности, представьте, наконецъ, хоть въ короткомъ перечнѣ массу не заглавій, а массу знаній, свѣдѣній, какія были въ ходу, въ оборотѣ въ извѣстный періодъ времени, — и тогда смѣло указывайте, назначайте степень умственнаго развитія народа». **).

*) „Матем. мет. въ ист“. Въ „Опытахъ...“, часть I. стр. 373 и 374.

**) Тамъ же, часть I, стр. 375 и 378.

Безъ критической провѣрки и надлежащей оцѣнки значенія фактовъ самое усердное собираніе фактическаго матеріала не бываетъ плодотворно. Такъ о трудахъ Снегирева, слабыхъ въ отношеніи критики источниковъ, Забѣлинъ отмѣчаетъ тотъ же недостатокъ и съ фактической стороны.

«Характеръ и достоинство этихъ археологическихъ *) трудовъ г. Снегирева наука также давно опредѣлила, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ, общихъ чертахъ. Она не могла не оцѣнить... этой неутомимости въ собираніи многообразныхъ данныхъ, массою которыхъ авторъ приводилъ всегда въ изумленіе обыкновеннаго читателя, въ первый разъ встрѣчавшаго... столько новыхъ фактовъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ наука раскрыла также и важнѣйшій, самый существенный недостатокъ этого *безмѣрнаго и не всегда толковаго собиранья*, а именно — отсутствіе всякой критики, отсутствіе руководящей, объединяющей послѣдовательной мысли при обработкѣ не только цѣлаго, но и каждой отдѣльной его части, каждаго частнаго отдѣльнаго вопроса. Наука указала на очень выдающееся *отсутствіе самыхъ обыкновенныхъ критическихъ приѣмовъ въ выборѣ, сличеніи и сообщеніи разнообразныхъ фактовъ...*, въ ихъ должной оцѣнкѣ... Вообще наука отмѣтила, что археологическіе труды г. Снегирева, не смотря на видимую эрудицію, на весь внѣшній образъ учености, значительно слабы именно въ ученомъ отношеніи». Поэтому «труды г. Снегирева... положительнымъ путемъ никогда и нигдѣ не дѣйствовали въ научной обработкѣ нашихъ древностей **). Ихъ связь съ этою обработкою обнаруживалась всегда только отрицательно, выражала только неизбѣжную полемику съ ними, неизбѣжную ихъ *перевѣрку*, что въ видахъ рѣшительной бесполезности и излишняго труда нерѣдко даже совсѣмъ оставлялось изслѣдователемъ» ***).

Если ранѣе изслѣдователь, случалось, встрѣчался съ непонятными, требовавшими объясненія, памятниками, то теперь онъ нерѣдко будетъ имѣть дѣло съ непонятными, на первый взглядъ, фактами. «Въ (изображеніяхъ) современной дѣйствительности весьма многое для насъ ясно, помимо всѣхъ описаній... Здѣсь комментаріи и разныя объяснительныя примѣчанія вовсе не нужны: дѣло разумѣется само собою. Другое дѣло, если знакомая намъ среда отживаетъ свое время, гаснетъ; тогда, по необходимости, мы прибѣгаемъ къ *научнымъ толкованіямъ и поясненіямъ*». Всякій, ставшій непонятнымъ, фактъ не только жаль, и вредно для науки, отбросить въ сторону, но и любопытно объяснить.

«По свойству человѣческаго ума непременно надо же чѣмъ-нибудь *объяснить себѣ непонятный фактъ*».

*) Археологическихъ — съ точки зрѣнія Забѣлина, хотя и трактующихъ о фактахъ, а не памятникахъ жизни.

**) Древностей — съ той же точки зрѣнія.

***) „Русская археологія“. Въ „Опытахъ...“, часть II, стр. 119, 120 и 122.

Какъ, чѣмъ объяснить его? Конечно, не «общимъ мѣстомъ, которое всегда заключаетъ въ себѣ столько кажущейся истины» *), а внимательнымъ критическимъ изученіемъ «жизненныхъ отношеній». Здѣсь уже недостаточно одной «антикварной эрудиціи». Взять хотя бы, напримѣръ, фактъ призванія варяговъ. «На этомъ ристалищѣ много можно поломать копій, много разъ можно отличиться въ антикварной эрудиціи и еще болѣе разъ можно упасть, потративъ и трудъ, и время, и талантъ, безъ всякой пользы для разрѣшенія этого самаго вопроса». Въ этомъ обстоятельствѣ Забѣлинъ видитъ основную ошибку Шлёцера, явившуюся вслѣдствіе того, что онъ собственно не довелъ дѣло до конца. Иначе бы онъ самъ не впалъ въ такую ошибку.

«Само собою разумѣется, что Шлёцеръ..., при дальнѣйшихъ своихъ изслѣдованіяхъ во многомъ отказался бы отъ своихъ голословныхъ рѣшеній о дикости славянскихъ ордъ, и тогда его просвѣтителі варяги помѣстились бы въ нашей исторіи на принадлежащемъ имъ мѣстѣ. Для этого требовалось только распространить на разработку упомянутыхъ неизвѣстныхъ причинъ, почему славянская дикость образовала даже и варяговъ, *способы и приемы его высшей критики, критики дѣлъ*, т.-е. употребить къ тому здравый разумъ и примѣры или законы всеобщей исторіи человѣка. Но такъ какъ въ своемъ трудѣ о русскихъ лѣтописяхъ онъ, главнымъ образомъ, отдавался малой критикѣ, т.-е. разбирательству словъ, именъ, текстовъ, то *правильная оцѣнка жизненныхъ отношеній древняго времени* осталась у него позади, на второмъ планѣ, и онъ почиталъ даже не совсѣмъ умѣстнымъ входить въ разсмотрѣніе этого *собственно историческаго вопроса*. Можно навѣрное сказать, что дальнѣйшая обработка нашей исторіи... ***) привела бы знаменитаго ученаго совсѣмъ къ инымъ выводамъ и рѣшеніямъ. Это мы отчасти видимъ на трудахъ тѣхъ нѣмецкихъ ученыхъ, которые продолжали дѣло Шлёцера. Какъ скоро какое-либо изслѣдованіе касалось разъясненія не однихъ словъ и текстовъ, а именно жизненныхъ отношеній нашей исторіи, то сами собою являлись выводы и опредѣлялись истины, проливавшія весьма достаточный свѣтъ на эти темныя неизвѣстныя причины Шлёцера. Нѣмецкій же ученый О. Кругъ, въ своихъ розысканіяхъ о древнихъ русскихъ монетахъ, тотчасъ почувствовалъ неосновательность шлёцеровскаго взгляда и отмѣтилъ въ самомъ началѣ своего труда, что еще задолго до Святослава, напримѣръ, Русь находилась въ благосостояніи и вообще была на нѣсколько высшей степени просвѣщенія, нежели какъ «обыкновенно себѣ представляютъ» ****).

*) „Соврем. взгляды и направл. въ русск. ист.“. Въ „Опытахъ...“, часть I, страница 305.

**) „Размышл. о соврем. задач. русск. ист. и древн.“. Въ „Опытахъ...“, часть II, стр. 62.

***) Здѣсь стоятъ характерныя для автора вносныя слова, относящіяся къ исторіи: „даже и посредствомъ только малой критики“, т.-е. критики памятниковъ.

****) „Истор. русск. жизни съ древнѣйш. врем.“, т. I, стр. 88 и 89.

«Что, если бы, вмѣсто тысячи первыхъ изслѣдованій, возраженій, замѣчаній, критикъ и антикритикъ о происхожденіи Руси, — восклицаетъ здѣсь Забѣлинъ, — мы обратились бы съ своимъ *критицизмомъ* и подобною *обширною экзегезою*, а главное съ такою же охотою, съ такимъ же трудолюбіемъ, къ изслѣдованіямъ о доисторическомъ нашемъ *бытѣ*? ... Если бы это случилось, какъ бы просто и ясно глядѣли мы на наше прошедшее, сколько бы катарактъ спало съ нашихъ глазъ, сколько бы недоразумѣній, загадокъ и всякихъ лѣтописныхъ умолчаній было разрѣшено и раскрыто!» *).

Способъ и результаты приложенія критики дѣлѣ особенно рельефно выступаютъ въ обсужденіи одной изъ подробностей варяжскаго вопроса.

Академикъ Куникъ, находившій, что, при разрѣшеніи «варяго-русскаго вопроса, составляющаго одинъ изъ краеугольныхъ камней исторической этнографіи Россіи...», кромѣ лингвистической критики большая часть варягоборцевъ страдаетъ незнаніемъ основаній этнологической критики», обратилъ вниманіе на «различныя природныя способности цѣлыхъ племенъ и народныхъ индивидуумовъ» и пришелъ къ заключенію, что «древняя Россія стала морскою державою въ смыслѣ того времени лишь тогда, когда господство водобоязливыхъ хозарскихъ степныхъ наѣздниковъ было уничтожено въ Кіевѣ и далѣе знакомыми съ морскимъ дѣломъ варягами Аскольдомъ и Диромъ». Здѣсь Забѣлинъ, между прочимъ, изумляется, что, считая рѣшенія ученія о скандинавскомъ происхожденіи руси «уже достаточно устарѣвшимъ» и говоря о нихъ, какъ о «забытой старинѣ», во время печатанія своихъ строкъ о томъ, долженъ былъ прочесть книгу академика Дорна, очень одобряющаго эти изслѣдованія Куника. Пересмотрѣвъ самъ этотъ вопросъ, начиная отъ Страбона, засвидѣтельствовавшаго, что «почти лѣтъ за сто до Р. Х. скифы дрались съ полководцами Великаго Митридата на морѣ въ Керченскомъ проливѣ», и, не найдя нигдѣ доказательствъ «русской водобоязни», И. Е. Забѣлинъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе.

«Намъ кажется, что этнологическая критика требуетъ, для объясненія *каждаго отдѣльнаго случая и факта, полного и всесторонняго осмотра всей бытовой исторіи народа, всѣхъ жизненныхъ причинъ*, которыя породили такой фактъ. Появилось слово или имя «русь», — появились и моряки, а до того ихъ не было. Это — критика лингвистическая, критика словъ. Но этнологическая критика, или критика дѣлъ **), будетъ всегда доказывать, что на каждой большой рѣкѣ, впадающей въ море, если живутъ люди, промышляющіе къ тому же разбоемъ, то неизмѣнно заведутъ у себя флотъ, хотя бы

*) „Размышленія...“. Въ „Опытахъ...“, часть II, стр. 29.

**) Здѣсь, конечно, не слѣдуетъ видѣть отождествленія филологической и лингвистической критикъ съ двумя видами плѣцеровской критики. Авторъ, придравшись къ случаю, только какъ бы играетъ этими словами — въ тонъ легкаго изыщества всей рѣчи.

лодочный, и неизмѣнно будутъ плавать по морю съ незапамятныхъ временъ. И потому весьма достаточно даже одиночнаго отрывочнаго лѣтописнаго свидѣтельства *) о выѣздѣ такого народа въ море на лодкахъ, чтобъ утвердить этнологическую посылку. Лѣтописцы, вѣдь, не писали дневниковъ жизни того или другого народа, а упоминали о его плаваньяхъ только при случаѣ. Въ этнологической критикѣ очень многое само собою разумѣется, ибо въ своихъ разсужденіяхъ она отправляется отъ неизмѣнныхъ законовъ человеческой жизни. Если въ странѣ существуетъ суровая зима, то и безъ лѣтописныхъ показаній этнологія скажетъ твердо и рѣшительно, что народъ этой страны неизмѣнно носилъ шубы, хотя бы и несшитыя звѣриныя шкуры **).

Возвращаясь къ вопросу о происхожденіи Руси ***), Иванъ Егоровичъ обсуждаетъ его съ точки зрѣнія критики дѣлъ, исходя отъ призыва варяговъ для «наряда», — состоявшаго послѣ предшествовавшаго тому изгнанія ихъ, какъ притѣснителей и поработителей, и по испытаніи неудобства своей домашней власти. Истину лѣтописнаго свидѣтельства объ этомъ онъ подкрѣпляетъ, разъясняетъ аналогическимъ случаемъ изъ жизни Іерусалимскаго королевства во время крестовыхъ походовъ (1200 — 1215 гг.), когда, по смерти короля Аморія, его сына и супруги, рыцари — сирійскіе бароны и вельможи, измученные собственными раздорами, точно такъ же, какъ наши ильменскіе славяне, рѣшили искать себѣ царя на Западѣ въ отечествѣ Готфридовъ и Бодуиновъ (во Франціи).

«Какъ все это сходно съ положеніемъ и направленіемъ дѣлъ на нашемъ дикомъ Сѣверѣ, почти за 400 лѣтъ до этого рыцарскаго событія. Однѣ и тѣ же причины порождаютъ одни и тѣ же слѣдствія, и очень многое въ исторіи люди не заимствуютъ другъ у друга, а приходятъ къ извѣстному рѣшенію или къ извѣстному концу только въ силу однородныхъ положеній и однородныхъ идей жизни. Вотъ почему нельзя думать, что призваніе нашихъ варяговъ есть сага, легенда, заимствованная изъ одного источника съ сказаніемъ Видукинда (писавшаго въ 967 г.) о подобномъ же призваніи бриттами воинственныхъ саксовъ».

*) „Одиночное отрывочное свидѣтельство“... Этими словами Забѣлинъ подчеркиваетъ интересное для историка положеніе. Какъ относиться къ одиночному свидѣтельству? Въ современной исторической критикѣ (Ланглуа и Сеньобосъ) такой случай обсуждается особо. Теорія рѣшаетъ его такъ, а практика — иначе. Иванъ Егоровичъ высказывается хотя кратко, но рѣшительно и мотивированно. Подобныхъ тонкихъ наблюденій надъ приѣмами исторической работы у автора можно было бы отмѣтить не мало. Но углубляться въ нихъ сейчасъ не представляется надобности, такъ какъ въ данной заглавіемъ темѣ исторія берется не самостоятельно, а только сравнительно съ археологіей, для чего достаточно общаго очерка.

**) „Ист. русск. жизни съ древнѣйш. врем.“. Часть I, стр. 122—126.

***) Въ предисловіи къ своему труду Забѣлинъ предупреждаетъ читателя, что онъ „отдаетъ этому вопросу не послѣднее мѣсто“ въ книгѣ, потому что „придаетъ ему большое культурное значеніе“ (VII стр.).

Смыслъ этого факта раскрывается такъ. «Исканіе правды и порядка принадлежитъ къ такимъ историческимъ движеніямъ, которыя вырастаютъ не вдругъ... Это исканіе показываетъ, что народъ передъ тѣмъ долго жилъ..., успѣлъ опытомъ извѣдать всѣ невзгоды общественнаго неурстройства отъ междоусобныхъ ссоръ и побоищъ, всѣ бѣдствія отъ неправды и насилія сильныхъ; что такой опытъ могъ продолжаться многое время, передъ тѣмъ, какъ народъ понялъ, наконецъ, въ чемъ дѣло; и что, стало быть, извѣстное варяжское начало нашей исторіи есть столько же *начало* нашей исторіи, сколько и *конецъ* какой-то другой, предыдущей исторіи, которая вся, законченная, выразилась въ этомъ всенародномъ рѣшеніи: *поищемъ себѣ князя*». «Дѣйствительно, въ исторіи, какъ и вообще въ жизни, каждое событіе съ одной стороны, — скажемъ съ *лицевой*, съ *видимой* стороны, — всегда служитъ началомъ и какъ бы зародышемъ для другихъ дальнѣйшихъ, послѣдующихъ дѣлъ и событій; а съ другой, — съ *оборотной* стороны, — которой, по большей части, мы никогда не видимъ, оно всегда представляетъ конецъ и завершеніе многочисленныхъ дѣлъ и событій, уходящихъ въ безконечную даль прожитыхъ вѣковъ. *Человѣческія дѣла, какъ воплощенныя мысли и идеи*, точно такъ же, какъ и все въ живомъ мірѣ, *рождаются отъ предковъ и распложаютъ свое особое потомство*». «Корни всякой исторической жизни, — всегда скрываются очень глубоко въ отдаленныхъ вѣкахъ».

«Въ самомъ дѣлѣ, такое важное и мудрое и не племенное только, но союзное политическое рѣшеніе — *поискать себѣ князя, т.-е. правдивой и правильной власти, прямо указываетъ на весьма значительную крѣпость житейскихъ отношеній нашего Сѣвера*»... Въ сущности, по своему замыслу, оно есть дѣло гражданское, т.-е. чисто городское, не сельское и не деревенское, дѣло великаго множества самыхъ разнообразныхъ интересовъ, торговыхъ, промышленныхъ, владѣльческихъ и т. п. А если въ то время уже существовалъ городъ, старавшійся водворить у себя порядокъ, то онъ самъ по себѣ представляется явленіемъ тоже весьма сложнымъ и мудренымъ. Поэтому, каждый разсудительный читатель, вмѣсто *заученнаго вопроса о происхожденіи руси, скорѣе всего можетъ поставить такой вопросъ...* Далѣе онъ формулируется, какъ «*вопросъ о древности славянъ въ Европѣ, о старожитности ихъ на своихъ древнихъ мѣстахъ*» *).

«При настоящемъ направленіи исторической изыскательности, когда впереди всего ставятъ изслѣдованіе бытовыхъ началъ народной исторіи, такой вопросъ оставить безъ отвѣта невозможно. Въ нашей странѣ, до призванія варяговъ, т.-е. до начала нашей исторіи, существовало нѣсколько значительныхъ городовъ. Ограничимся, пожалуй, хотя двумя, Новгородомъ и Кіевомъ... Намъ кажется, что

*) „Основная истина славянскаго ученія заключается въ томъ, что русь старобытна на своемъ мѣстѣ и самымъ именемъ“.

вопросъ о происхожденіи въ русской странѣ на сѣверѣ—Новгорода, а на югѣ—Кіева есть вопросъ первостепеннаго значенія для русской исторической науки. Намъ скажутъ, что отвѣтъ на такой вопросъ одинъ: происхожденіе Новгорода покрыто мракомъ неизвѣстности, совсѣмъ потеряно въ дали вѣковъ, и потому въ разрѣшеніи его *возможны одни только гаданія*, на чемъ наука основываться, конечно, не можетъ. Однако, до настоящихъ дней, мы неустомимо вопрошаемъ, откуда пришли варяги-русь, и, нисходя въ самую глубину исторической и лингвистической учености, въ сущности, точно такъ же неустомимо гадаемъ, откуда бы они, въ самомъ дѣлѣ, могли прійти. Если бы, съ такимъ же напряженіемъ и вниманіемъ, мы стали отыскивать указаній и поясненій о происхожденіи нашихъ древнѣйшихъ городовъ, то, навѣрное, *и по этому направленію изысканій* открылось бы очень многое, а, можетъ быть, и самое существенное для начала нашей исторіи» *).

Выше было приведено подхваченное Забѣлинымъ на лету замѣчаніе-упрекъ сторонникамъ «славянскаго ученія» насчетъ *«гаданій»*,—на чемъ-де наука, конечно, основываться не можетъ». Что же дѣлать? Признается Иванъ Егоровичъ. «Какъ скандинавство, такъ и славянство предаются въ иныхъ случаяхъ *фантазіямъ*, которыя, по необходимости, сами собою рождаются отъ недостаточныхъ свидѣтельствъ. Тамъ, гдѣ фактовъ не хватаетъ, само собою разыгрывается *воображеніе*, строящее гипотезы, парадоксы, воздушные замки. Недостатокъ фактовъ можетъ зависѣть или отъ малаго знакомства съ предметомъ изслѣдованія или отъ настоящей скудости источниковъ. И то и другое можно показать и на той и на другой сторонѣ. Стало быть, и тамъ и здѣсь неосновательныя объясненія, фантазіи неизбежны» **).

«Гаданія», «фантазіи», «воображеніе», всѣ эти ученые жупелы ничуть не пугаютъ нашего строгаго ревнителя документальной и фактической точности. Данный случай, наоборотъ, служитъ для него поводомъ выдвинуть творческую силу критики, дѣятельность которой состоитъ не только въ томъ, чтобы очищать то, что есть сомнительнаго въ дѣлѣ древности, но и возстановлять, воскрешать то, что «стерлось» въ этомъ «угасшемъ мірѣ», что существовало нѣкогда въ этой «умершей дѣйствительности».

Размышляя о до-историческомъ времени нашей исторіи, Забѣлинъ уже въ словахъ лѣтописи о томъ, что «тѣ люди новгородцы отъ рода варяжска, а прежде были славяне», усматриваетъ далекое преданіе о славянской колонизаціи на нашемъ финскомъ сѣверѣ, проходившей съ особою силою отъ предприимчиваго славянскаго Балтійскаго поморья. «На это прямо указываетъ древнее имя новгородцевъ—славяне, упоминаемое на томъ мѣстѣ уже Птолемеемъ во

*) „Ист. русск. жизни съ древнѣйш. врем.“. Часть I, изд. 1876 г. (первое), стр. VIII, 128, 203, 204, 206, 207, 213 и 214.

**) Тамъ же, часть I, стр. 128.

II вѣкѣ по Р. Х.,—ставане, суовене,—которое родилось и распространялось только на западѣ, возлѣ нѣмцевъ, упоминаемыхъ еще раньше Ю. Цезаремъ, Тацитомъ и Плиніемъ... Такимъ образомъ, первый славянскій поселокъ въ новгородской странѣ, долженствовавшій существовать, по крайней мѣрѣ, во времена Птолемея, а по здравому разсудку и гораздо раньше, такъ какъ Птоломей пользовался свѣдѣніями болѣе древними, чѣмъ когда писалъ свою географію. Поселеніе руси на берегахъ кіевского Днѣпра точно такъ же должно относиться къ очень далекому времени, къ тому времени, когда проторенъ былъ путь по Днѣпру посредствомъ Двины и Невы съ Балтійскаго поморья къ Черному морю. А потому роксоланы, защищавшіе скиѳовъ противъ Митридата Великаго, быть можетъ, вовсе намъ не чужіе и вовсе не круглые степняки, какъ ихъ представляютъ незнавшіе или очень мало ихъ знавшіе писатели латинскаго вѣка».

«Во всякомъ случаѣ эту сѣдую древность настоятельно требуется осмотрѣть по всѣмъ угламъ, чтобы разъ навсегда рѣшить, что она намъ чужая. Необходимо, по завѣщанію Ломоносова, *раскрыть*, опредѣлить въ нашей исторіи то участіе, какое разные древніе народы, жившіе въ нашей странѣ, принимали «въ составленіи россіянъ». Съ этою цѣлью «должно пріобрѣсти обстоятельное по возможности знаніе этихъ народовъ, дабы увѣдать ихъ древность, и сколь много ихъ дѣла до нашихъ предковъ и до насъ касаются». «Намъ скажутъ, что въ этой области нельзя пріобрѣсти ничего, кромѣ вѣроятныхъ догадокъ».

«Дѣйствительно, *одно это орудіе* мы и имѣемъ для разъясненія древнихъ отрывочныхъ и скудныхъ показаній о нашей странѣ и о народахъ, въ ней обитавшихъ. Но всякія изысканія и изслѣдованія, *по недостатку прямыхъ и положительныхъ свѣдѣтельствъ, всегда начинаются съ догадокъ*. Такъ начались и изысканія о скандинавствѣ руси, доставлявшія весьма скудный и очень сомнительный матеріалъ для познанія нашей древности. По приказанію Шлѣцера, вовсе не желая разбирать наше доисторическое дѣло, мы остановились на первомъ шагу *обыкновенной изслѣдовательности* и самонадѣянно утверждаемъ, что дальше идти незачѣмъ, потому что впереди всего тутъ стоитъ не офіціальный документъ, а догадка. Мы забываемъ, что *догадка въ исторіи* во многихъ случаяхъ бываетъ основательнѣе и достовѣрнѣе всякихъ документовъ. Въ сущности она есть первый *приемъ критики*. И только посредствомъ строгой и всесторонней критики мы и можемъ *возстановить* нашу древность во всей ея исторической правдѣ...»

«Общіе законы развитія народной жизни въ зависимости отъ положенія, отъ характера ея природы; всемірно историческіе законы народныхъ связей и отношеній; логическіе законы самой жизни каждаго народа относительно первыхъ началъ и свойствъ его быта; законы экономическіе и другіе, по которымъ совершаются расселенія и переселенія племенные, ... вообще изслѣдованіе народной жизни,

ея основъ, формъ, направленій, стремленій, — *вотъ какіе предметы необходимо имѣть въ виду*, когда стараемся осмыслить несвязную, отрывочную, разнородную, загадочную массу свидѣтельствъ о странѣ и народѣ».

«Намъ кажется, что весь вопросъ, при такомъ изслѣдованіи, не въ имени народа, а въ мѣстности, на которой живетъ народъ, въ его жилищѣ, которое, хотя бы и не видно было хозяина, можетъ очень хорошо познакомить съ его житейскими порядками и потребностями. По жилищу, въ связи съ его отношеніями къ сосѣдямъ, можно легко развѣдать, каковъ тотъ человѣкъ, который его занимаетъ, и какъ далеко то время, съ котораго онъ могъ въ немъ поселиться» *).

«Непрерывный рядъ историческихъ свидѣтельствъ о нашей странѣ начинается съ того времени, какъ мы выучились грамотѣ, т.-е. отъ половины IX вѣка, отчего съ этого времени начинаютъ и нашу исторію. Но исторія народа не начинается по прихоти случая, оставляющаго о народѣ письменныя свидѣтельства только отъ извѣстнаго года. И до этого года проходила свой путь та же исторія, о которой мы ничего не знаемъ только по случаю недостатка письменныхъ свидѣтельствъ. Это обстоятельство не подастъ, однако, намъ ни малѣйшаго права утверждать ходячую плѣцеровскую истину, что, чего мы доселѣ не знаемъ, о чемъ не сохранили свидѣтельствъ, того вовсе и не существовало. Въ подобныхъ утвержденіяхъ во главу угла своей изслѣдовательности мы ставимъ случай и посредствомъ этого случая стараемся объяснить послѣдующій ходъ событій» **).

Считая, что критика въ наукѣ ни передъ чѣмъ не должна останавливаться, не исключая отсутствія прямыхъ свидѣтельствъ, что она обязана сдѣлать все возможное для выясненія представляющагося вопроса, Забѣлинъ не отказывается идти далѣе тамъ, гдѣ требуется, хотя бы для того приходилось и «гадать». Въ этомъ сказывается не какое-нибудь легкомысліе автора, а скорѣе ученое мужество, когда изслѣдователь, соотвѣтственно трудности задачи, принимаетъ на себя отвѣтственность рѣшенія. Весьма понятно, что особенно часто вызываютъ на это отдаленныя времена.

Вотъ, на примѣръ, родовой бытъ въ нашей исторіи. Чтобы ближе объяснить себѣ его, историкъ русской жизни съ древнѣйшихъ временъ прибѣгаетъ къ *аналогіи*.

«Теперь очень трудно себѣ представить, какъ, въ какомъ нравственномъ и общественномъ порядкѣ проходила жизнь рода. И потому мы можемъ *гадать только объ общихъ основахъ такого быта*. Извѣстно, что теперь мы почти ежеминутно опредѣляемъ наши мысли, побужденія, всякія дѣйствія и дѣянія понятіями объ интересахъ, выгодахъ и пользахъ общества. Идеаль общества руководить

*) Тамъ же, часть I, стр. 191—193.

**) Тамъ же, часть I, стр. 195.

нами во всѣхъ нашихъ соображеніяхъ о порядкахъ жизни, о ея задачахъ и цѣляхъ, о ея насущныхъ потребностяхъ. Идеаль общества даетъ оцѣнку нашимъ добродѣтелямъ и нашимъ порокамъ. Во имя общества мы не только устраиваемъ все дѣйствительно ему полезное и приносимъ всякія жертвы, но, пользуясь этимъ святымъ именемъ, отлично устраиваемъ даже и собственное свое благополучіе во вредъ и въ разореніе самому же обществу. Общество, стало быть, есть первый и главнѣйшій двигатель современной жизни.— Намъ кажется, что очень сходное существовало и въ то время, когда всѣ понятія людей сосредоточивались только на идеаль рода, когда во всѣхъ умахъ на мѣстѣ общества высился родъ и когда помышленія, побужденія и дѣянія людей руководились только интересами, выгодами и пользами рода. Точно такъ же и въ то время оцѣнку добродѣтелямъ и порокамъ давалъ родъ, и потому тогдашнія добродѣтели, родовыя, необходимо должны отличаться отъ нашихъ добродѣтелей, общественныхъ. И тогда во имя рода, какъ теперь во имя общества, приносились всякія личныя жертвы, и дѣло жизни проходило обычнымъ человѣческимъ порядкомъ, съ тѣмъ только различіемъ, что основнымъ двигателемъ и руководителемъ всѣхъ дѣяній былъ родъ, а не общество, и что кругъ стремленій рода былъ только менѣе обширенъ и менѣе сложенъ, чѣмъ кругъ стремленій общественныхъ. Что такъ въ дѣйствительности шла исторія народной жизни, объ этомъ прямо и ясно говорятъ всѣ древнія свидѣтельства. Прошли многіе вѣка, пока родовой идеаль съ растительною постепенностью смѣнился, наконецъ, идеаломъ общественнымъ и перешелъ въ область археологіи» *).

Далѣе. «Городъ былъ новою ступенію въ развитіи народа». «До призванія князей, по точному свидѣтельству начальной лѣтописи, у насъ существовали племенные княженія и самые города, безъ которыхъ княженія не могли существовать... Городъ, какъ форма народной жизни, не есть родовая форма. Это—уже община и при томъ община весьма разнороднаго состава, населенная разными людьми не только отъ разныхъ родовъ, но и отъ разныхъ племенъ, столько же и отъ инородцевъ. Городъ мы должны почитать новымъ основаніемъ для развитія страны, тѣмъ основаніемъ, на которомъ построилось не только призваніе князей, но и само государство. Поэтому и родовой бытъ мы должны удалить на извѣстное, или неизвѣстное, разстояніе отъ начала нашей исторіи и начинать ее не родовымъ, а городовымъ бытомъ. Между родовымъ бытомъ и началомъ государства, въ серединѣ ихъ стоитъ городъ, городской бытъ, а, стало быть, не только община, но и общество, какъ сознательная сила самой общины. Правда, что отъ IX ст. намъ не осталось достаточныхъ свидѣтельствъ о древне-русскомъ городѣ. Но достаточны ли первичныя свидѣтельства и о родовомъ бытѣ, особенно въ томъ смыслѣ, если имъ же будемъ объяснять и политическую форму народнаго

*) Тамъ же, часть I, стр. 517 и 518.

быта? Нѣкоторые порядки и законы родового быта *наукъ пришлось* выслѣдить уже по сказаніямъ послѣдующихъ вѣковъ, доходя даже до XVI и XVII-го. Если въ этомъ случаѣ позднія свидѣтельства вполне разъясняли и даже изображали древнѣйшее доисторическое время, то, прилагая тотъ же способъ изслѣдованія къ разъясненію древнѣйшаго городского быта, мы точно такъ же можемъ воскресить хотя нѣкоторыя черты и первоначальной жизни города. Это тѣмъ легче, что указанные формы родового быта несравненно древнѣе самого города, и что поэтому свидѣтельства о городскомъ бытѣ X—XII вв. вполне могутъ изображать время IX—VIII и другихъ раннихъ вѣковъ. «Но какъ это можно,—говорятъ обыкновенно строгіе охранители въ исторіи пустого русскаго мѣста *),—вѣдь о тѣхъ далекихъ вѣкахъ у насъ нѣтъ никакихъ письменныхъ свидѣтельствъ? А безъ этихъ свидѣтельствъ мы будемъ имѣть все только одни вѣроятія, произвольныя фантазіи, мечты. Вѣрить можно только ясному и точному писаному свидѣтельству». Что касается письменныхъ показаній, то необходимо замѣтить, что они вообще случайны и случайны въ равной степени съ находками монетъ и другихъ вещей, а потому ихъ отсутствіе, при наличности вещественныхъ памятниковъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить непреложнымъ свидѣтельствомъ, что, о чемъ письменность не упоминаетъ, того, будто бы, никогда и не существовало. Первоначальныя свѣдѣнія о нашей странѣ мы собираемъ частію отъ древнихъ грековъ и римлянъ, частію отъ средне-вѣковыхъ писателей и больше всего отъ византійцевъ. Наши собственныя лѣтописи начинаются поздно и не описываютъ предыдущіе вѣка даже и отрывочно. Значитъ ли это, что въ тѣ вѣка въ нашей странѣ ничего не происходило достойнаго описанія, что въ тѣ вѣка даже и вовсе не существовало русское славянство (въ чемъ многіе убѣждены), а если и существовало, то въ младенческихъ пеленкахъ самага первоначальнаго быта? Намъ кажется, что въ этомъ случаѣ младенческія пеленки скрываютъ только *трудность ученой задачи*, которую, за предположенною скудостью извѣстій, рѣшить не возможно... Такое заключеніе держится твердо только по отсутствію письменныхъ свидѣтельствъ объ иномъ порядкѣ вещей. Но это самое отсутствіе свидѣтельствъ — обоюдоострый мечъ: оно даетъ вѣдь равныя основанія и для мнѣній совершенно противоположныхъ» **).

Какъ же воскрешаются въ «Исторіи русской жизни съ древнѣйшихъ временъ» черты первоначальной жизни города?

«Но какъ бы ни было,—говоритъ авторъ,—а къ началу нашей исторіи сложилось нѣсколько городовъ, которые владѣли уже большими волостями одноплеменнаго населенія, были уже главными городами цѣлыхъ племенъ. Объединить своею властью изъ разрознен-

*) „Пустого русскаго мѣста“, иначе—„историческаго ничтожества русскаго бытія“, какъ формулируетъ авторъ въ томъ же своемъ трудѣ. (Часть I, стр. 116).

**) Тамъ же, часть II, стр. 351—354.

ныхъ родовъ цѣлое племя эти города иначе не могли, какъ послѣ борьбы съ отдѣльными волостями, послѣ завоеваній и покореній мелкихъ городковъ. Намъ кажется, что этой цѣли они достигали посредствомъ военнаго промысла, который въ сущности ничѣмъ не отличался отъ другой промышленности тѣхъ вѣковъ. Такіе города могли пролагать свои пути очень далеко. Новгородъ собиралъ дань не только съ приморскихъ земель Бѣлаго моря, но съ Печерскаго и съ Югорскаго края...»

«Вмѣсто догадокъ, какъ это могло происходить, обратимся къ позднѣйшему времени и посмотримъ, какимъ образомъ, спустя 600 лѣтъ, та же самая русь, скопившаяся теперь въ Москвѣ, собирала свои дани у сибирскихъ инородцевъ, покореніе которыхъ изъ Москвы шло шагъ за шагомъ точно такъ же, какъ изъ Кіева и Новгорода шло покореніе славянскихъ и другихъ племенъ по всему сѣверовостоку. Свидѣтельства о московскихъ порядкахъ собиранія даней не подлежатъ и малѣйшему сомнѣнію, потому что находятся въ официальной перепискѣ правительства. Что они вполне приложимы и къ *заряжскимъ* временамъ,—въ этомъ тоже сомнѣваться нѣтъ основаній. Въ исторіи, какъ и въ жизни отдѣльнаго человѣка, одинаковыя цѣли и одинаковыя обстоятельства всегда и повсюду поражаютъ одинаковый способъ дѣйствій, одинаковыя отношенія и весьма сходныя черты даже въ мелкихъ подробностяхъ. Царь Иванъ Васильевичъ, посылая въ Югорскую землю собирать дань по соболу съ человѣка, писалъ тамошнему князю и всѣмъ людямъ Сорыкитскія земли, чтобъ собрали дань сполна, и прибавлялъ: «а мы васъ ради жаловать и отъ сторонъ беречь, подъ своею рукою держать, а не сберете нашей дани, и мнѣ на васъ послать свою рать и вострую саблю...» Эти рѣчи, по своему смыслу, такъ древни, что ихъ, безъ ошибки, можно относить къ самымъ отдаленнымъ временамъ. Такъ несомнѣнно говорилъ еще Олегъ, покоряя Кіеву сосѣднія славянскія племена... Вслѣдъ за этими рѣчами царь Иванъ Васильевичъ наказывалъ провожать посланныхъ имъ даньщиковъ югорскимъ князьямъ съ югричами, людямъ добрымъ, отъ городка до городка и отъ людей до людей...»

Живописавъ далѣе, по документамъ, дѣятельность вошедшихъ по слѣдамъ Ермака Тимоѣевича хозяевами въ сибирскія пустыни русскихъ людей, какъ-то: строеніе городовъ и городковъ на угжихъ мѣстахъ съ устройствомъ окружныхъ волостей и земель, оборудованіе ихъ всякими крѣпостями, охочими ратными людьми, добрыми и смышлеными начальными людьми, многія ихъ службы, данничій путь зимой по великимъ снѣгамъ, лѣтомъ — по зыбелямъ великимъ, усмиреніе крѣпкою рукою непокорныхъ данниковъ, великое береженіе въ опасныхъ мѣстахъ, заботы о пашенкѣ, чтобы было чѣмъ кормиться, о разведеніи торгова съ инородцами, трудную задачу сочетать въ отношеніи къ послѣднимъ ласку и привѣтъ, какъ къ друзьямъ, подозрительную осторожность, какъ къ врагамъ, — не упустивъ любопытную при этомъ роль женщинъ, являвшихся

и предателями своихъ же, донося о затѣвающихся заговорахъ, и ходатаями, въ лицѣ женъ князьковъ, вмѣсто нихъ, случалось, привозившихъ дань, особенно когда требовалось при этомъ попросить о какой-либо льготѣ *), — авторъ уже спокойно заключаетъ. «Таковы были порядки завоеванія, или покоренія Сибири. Они, и въ общихъ чертахъ и въ мелкихъ подробностяхъ, въ полной мѣрѣ могутъ обрисовывать старину IX и X вѣка, ибо Москва XVI вѣка, по существу своей роли, продолжала то же самое дѣло, какое началось въ IX вѣкѣ въ Кіевѣ» **).

Еще вопросъ изъ той же области — о древнѣйшихъ отношеніяхъ подданическихъ волостей къ Кіеву. Здѣсь авторъ обращаетъ взоръ на древній Новгородъ, съ его порядками, какъ на «античную русскую форму бытового развитія, которая до призванія варяговъ господствовала у насъ по всей странѣ», на «новгородскую форму политической жизни, какъ самую древнюю форму».

«Договоры Олега и Игоря съ греками указываютъ только на союзъ волостей и княженій подъ рукою Кіева. Но рука Кіева была ли владыкою полновластнымъ, или ея власть ограничивалась только сборомъ даней, а во всемъ остальномъ раздѣльныя земли и волости жили сами собою, управлялись собственными князьями или старѣйшинами, хотя бы и посадниками отъ Кіева, но все-таки независимо, какъ вообще управлялся Новгородъ въ теченіи всей своей исторіи, всегда призывая себѣ и князя? Намъ кажется, что послѣдующія отношенія Новгорода къ великимъ князьямъ могутъ въ полной мѣрѣ объяснить и древнѣйшія отношенія подданическихъ волостей къ Кіеву. Всѣ они были настолько независимы отъ Кіева, насколько Новгородъ, до его паденія, былъ независимъ отъ великихъ князей. Древляне были мучимы Олегомъ и Игоремъ, а все-таки имѣли своего князя, до ихъ окончательнаго порабоженія Ольгою. Это послѣднее обстоятельство и было причиною, почему Древлянская земля поступила (не въ удѣлъ, а) въ надѣлъ одному изъ кіевскихъ князей. Всѣ остальные: радимичи, вятичи, сѣверяне — такъ, какъ и въ Новгородской странѣ полочане, кривичи, чудь, весь, меря, платили только дань, но управлялись независимо своими старѣйшинами и даже князьями, которыхъ они, подобно Новгороду, вѣроятно, могли призывать и изгонять... Въ Полоцкѣ и Туровѣ даже при Владимірѣ существуютъ свои особые князья... Мы полагаемъ, что при Святославѣ этотъ строй земскихъ отношеній былъ еще въ полной силѣ... Новгородскій выборъ княжича Владиміра (сына Святослава) лучше всего объясняетъ, въ какой зависимости отъ Кіева находились всѣ самостоятельныя племена и земли. Они платили дань, но князей могли выбирать отовсюду, потому что князь для нихъ былъ

*) „Необходимо предполагать, что и въ глубокой древности женщины вообще бывали благосклоннѣе къ завоевателямъ и больше своихъ мужей способствовали распространенію дружескихъ связей и мирныхъ сношеній“.

**) Тамъ же, часть I, стр. 566—571.

только воевода и судья, но не феодалъ — самовластитель въ норманскомъ смыслѣ» *).

Въ приведенныхъ случаяхъ древнѣйшія явленія и отношенія изслѣдователь, за недостаточностью современныхъ имъ свидѣтельствъ, объясняетъ, исходя изъ позднѣйшихъ, строго засвидѣствованныхъ и точно установленныхъ положеній дѣла. Опираясь на нихъ, если нѣтъ никакихъ средствъ идти далѣе документальнымъ путемъ, онъ всматривается критически въ даль прожитыхъ вѣковъ и освѣщаетъ ихъ *ретроспективнымъ взглядомъ*. Остановиться, стать безпомощно на достигнутой имъ границѣ онъ считаетъ, что это значитъ не довести дѣло до конца, не вполне разрѣшить свою задачу. На заявленіе составителя «*Древней русской исторіи*» Погодина, по адресу своихъ рецензентовъ, что онъ «изслѣдованія свои дѣлаетъ по періодамъ и по лѣтописямъ», Забѣлинъ даетъ энергичную отвѣдь.

«Изучая минувшую жизнь по двумъ-тремъ, хотя бы и древнѣйшимъ документамъ, получаемъ ли мы разумное основаніе дѣлать общія заключенія объ этой жизни, общіе выводы, которые, вдобавокъ, почитаемъ еще почти непогрѣшимыми? Періоды времени, вѣдь, только съ цифирной точки зрѣнія совершенно раздѣлены, а въ исторіи каждый изъ нихъ составляетъ неотъемлемую часть общаго организма. Если о XII вѣкѣ не находимъ свидѣтельствъ въ современныхъ ему памятникахъ, то это не значитъ, что уже все кончено и дѣло сдано въ архивъ. И въ *позднѣйшихъ памятникахъ* мы непременно найдемъ эти свидѣтельства, ибо жизнь народа не обрывается, какъ нитка, на извѣстномъ періодѣ, а какъ организмъ растетъ въ ту или другую сторону, развивается, выводитъ изъ извѣстныхъ причинъ извѣстныя слѣдствія. Для многихъ теперь ясно, что и въ настоящее время, во второй половинѣ XIX столѣтія можно еще подмѣчать старину XII вѣка и, слѣдовательно, находить свидѣтельства, рисующія тогдашнее житье-бытье, т.-е. объясняющія исторію того вѣка» **).

Какъ глубокій изслѣдователь древняго домашняго царскаго быта, Забѣлинъ, въ предисловіи къ своему капитальному труду, высказываетъ такое впечатлѣніе.

«Болѣе полутора ста лѣтъ мы находимся подъ вліяніемъ непрерывныхъ реформъ; очень многимъ, и къ добру, мы воспользовались въ теченіе этихъ неутомимыхъ перестроекъ, многое вошло въ нашу плоть и кровь; но неизмѣримо больше остается еще въ прежнемъ положеніи, и очень часто *наши мысли, поступки и дѣйствія*, и въ низу и вверху, *обличаютъ въ насъ людей XVI и XVII столѣтій*» ***).

Не слѣдуетъ думать, что выступать съ догадками приходится

*) Тамъ же, часть II, стр. 349 и 215—217.

**) „Математ. методъ въ ист.“ Въ „Опытѣхъ...“ часть I, стр. 365 и 366, примѣчаніе.

***) „Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII ст.“, часть I, стр. X.

въ исторіи только въ соприкосновеніи съ наиболѣе отдаленными временами, при объясненіи важныхъ и сложныхъ явленій. Догадка нужна историку, можно сказать, на каждомъ шагу, по свойству его ремесла, въ которомъ постоянно приходится считаться съ отрывочностью, неполнотою и даже полнымъ отсутствіемъ источниковъ о многихъ вещахъ. Взять, напримѣръ, исторію Москвы, остановиться только на одной подробности, положимъ, на церквахъ. Историкамъ Москвы, Снегиреву и Мартынову, на этотъ счетъ Забѣлинъ дѣлаетъ такой упрекъ.

«... Слѣдовало бы ожидать (отъ авторовъ) разысканія о первыхъ церквахъ Москвы... Но они начинаютъ свои указанія о нихъ только съ обозрѣнія времени Ивана Калиты. Положимъ, что извѣстія объ этомъ очень скудны, но нельзя же оставлять здѣсь пробѣла, не объяснивъ даже, почему долженъ существовать такой пробѣлъ... Упоминаютъ же они о московскомъ князѣ Михаилѣ Хоробритѣ († 1248 г.). *Позволительно, даже необходимо было сдѣлать догадку, не онъ ли, въ честь своего ангела, построилъ церковь св. Михаила, которая впослѣдствіи стала Архангельскимъ соборомъ? Такія догадки въ нашей исторіи почти всегда оправдываются самымъ дѣломъ, ибо извѣстно, что созиданіе храмовъ въ честь своихъ тезоименитыхъ ангеловъ было въ древней Руси дѣломъ общаго благочестиваго обычая*» *).

Чтобы обезпечить себѣ правильность объясненія фактовъ, необходимо соблюдать извѣстныя требованія.

Вотъ одно изъ нихъ, высказанное Забѣлинымъ въ отвѣтъ на попытку нѣкоего Купріянова представить, на основаніи свидѣтельства «Степенной книги», нашу древнюю педагогію «сладкимъ наученіемъ, ласковымъ утѣшеніемъ и проч.». Не говоря уже о критической оцѣнкѣ источника, писавшаго далеко заднимъ числомъ и съ нарочитою цѣлью рисовать образцы всякаго благочестія **), надо же смотрѣть критически и на фактическую сторону дѣла.

«При этомъ должно замѣтить, что *никакой фактъ минувшей жизни, какъ бы ни былъ онъ мелокъ и незначителенъ, нельзя разсматривать и объяснять отдѣльно отъ всей среды, гдѣ онъ имѣлъ дѣятельную силу*».

«Всѣмъ извѣстно, что XVI-е и XVIII-е столѣтія, и не у насъ однихъ, отличались, сравнительно съ настоящимъ временемъ, особенною суровостью, не говоря уже о предшествующихъ вѣкахъ. Если необходимы были правежи, необходимы были батоги, какъ исправительное и понудительное средство для уклонявшихся отъ существовавшихъ въ то время юридическихъ и нравственныхъ опредѣленій, то едва ли можно хорошо понять, что именно въ воспитаніи и начальномъ обученіи, словомъ, въ древней педагогіи не существовало подобныхъ же средствъ, а существовало, наоборотъ,

*) „Ист. и древн. Москвы“. Въ „Опытахъ...“, часть II, стр. 147.

**) См. выше, стр. 116—117.

самое высокое гуманное направлѣніе, доступное только несравненно болѣе развитому обществу. Нѣтъ, дѣйствительность всегда вѣрна себѣ!.. Вотъ, что говоритъ «Домострой», касаясь воспитанія и практически оправдывая свои положенія по этому предмету: «Казни сына своего отъ юности его, и поконить ты на старость твою и дасть красоту души твоей. И не ослабляй, бѣя младенца: аще бо и жезломъ (лозою) бѣши его, не умретъ, но здравіе будетъ; ты бо бѣя его по тѣлу, а душу его избавляеши отъ смерти, и т. д.»... «Можно было бы много привести подобныхъ параллелей, наставленія которыхъ имѣли дѣятельную силу въ нашемъ древнемъ обществѣ, ясно выражали его требованія, его пониманіе, словомъ, выражали *дѣйствительность*» *).

То же самое повторяетъ Забѣлинъ, разбирая утвержденіе Погодина, что весь народъ (до татаръ) стоялъ на значительной степени умственного образованія. Не говоря уже о томъ, что такой фактъ можно было выводить не изъ одного множества рукописей отъ того времени, а изъ разработки ихъ содержанія **), надо было сообразоваться съ окружающими «вліяніями» дѣйствительности.

«Кромѣ того, никакой историческій вопросъ, историческій фактъ *нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, разсматривать, какъ цифру, совершенно отдѣльно отъ той среды, гдѣ онъ имѣлъ жизнь, существованіе и слѣдовательно подвергался вліянію самыхъ разнообразныхъ условій, и въ то же время, съ своей стороны, имѣлъ вліяніе на все его окружающее*».

«Грамотность, образованіе — не каменная глыба, которую можно изучать безъ всякаго отношенія къ окружающимъ ее предметамъ; напротивъ, это одинъ изъ важнѣйшихъ и существеннѣйшихъ членовъ, двигающихъ народнымъ организмомъ, тѣсно, фізіологически связанный со всѣмъ остальнымъ, чѣмъ только живетъ и дышетъ народное тѣло. Если мы докажемъ, что, въ извѣстную эпоху, народъ стоялъ на значительной степени нравственного и умственного образованія, то это будетъ служить доказательствомъ, что и другія стороны народнаго развитія стоятъ на той же значительной степени. Да, при томъ, значительная степень нравственного и умственного образованія въ народѣ ни въ какомъ случаѣ не можетъ явиться, на примѣръ, безъ значительной же степени гражданскаго устройства этого народа: нравственное и умственное образованіе — такіе плоды, для произрастанья которыхъ необходима очень хорошо воздѣланная почва въ отношеніи гражданской свободы и общаго благосостоянія» ***).

Къ сожалѣнію, требованія исторической перспективы не всегда соблюдаются. Заговоривъ, на примѣръ, о взглядахъ и направленіяхъ

*) „Характ. начальн. образов. въ допетровск. время“. Въ „Опытахъ...“, часть I, стр. 60 и 61.

**) См. выше, стр. 142.

***) „Математ. методъ въ ист.“. Въ „Опытахъ...“, часть I, стр. 379.

въ русской исторіи, современныхъ «весеннему быстрому разливу общественной мысли», «бойкому, поворотному времени» начала шестидесятыхъ годовъ, всколыхнувшихъ славянофильское и западническое направленія, Забѣлинъ находитъ совершенно обратное тому.

«По свойству нашей исторической изслѣдовательности, *каждый историческій фактъ*, имѣющій что-либо доказывать и показывать, мы *отрываемъ отъ его исторической почвы*, дѣлаемъ его, такимъ образомъ, безтѣлеснымъ и переносимъ его въ такую же безтѣлесную область умствованій, построенныхъ, главнымъ образомъ, на современныхъ общественныхъ идеяхъ».

«Мы не подозреваемъ, что общественныя имена, какъ даже и простыя слова, *въ каждую историческую эпоху носятъ свой особенный смыслъ*, свойственный только этой эпохѣ. Намъ нисколько не затрудняетъ требованіе внимательной и копотливой обработки предмета, чтобъ раскрыть этотъ смыслъ... Община, круговая порука, сдѣльно-вѣчевая самостоятельность областей, или федерація, земскій соборъ и т. п., все это слова, о которыхъ мы составили совсѣмъ иныя понятія, нежели что они означили въ самомъ дѣлѣ»... «Зачѣмъ же обманывать себя и *разрисовывать нашу почтенную древность* *вовсе несвойственными ей красками*, *вырѣзывать изъ нея замысловатые кастеты*, *освѣщать ложнымъ смысломъ?*» *).

Объ этомъ онъ говорилъ и ранѣе, только вступая въ шестидесятые годы.

«Поверхностное, чисто внѣшнее знакомство съ народною дѣйствительностью, *перенесеніе современныхъ понятій* на нѣкоторыя ея явленія, которыя отъ того пріобрѣтаютъ совершенно иной смыслъ, ласкающій современныя наши вполне разумныя самыя жизненныя требованія и потребности, но нисколько не выражающій истины дѣла,—все это приводитъ къ тому, что народность, въ глазахъ ея особенныхъ понимателей, получаетъ призрачные размѣры и отнимаетъ возможность покойнаго и безпристрастнаго наблюденія надъ природою народнаго развитія. Какъ слѣдствіе этого, и возникаютъ превратныя мнѣнія и толки»...

«Длинные споры объ общинномъ нашемъ бытѣ происходятъ большею частью отъ недоразумѣній, отъ того, что на старую нашу общину *смотрятъ съ точки зрѣнія общественныхъ отношеній*, намъ современныхъ, гдѣ понятіе о свободной личности, безъ которой община немыслима, само собою уже подразумѣвается; между тѣмъ, какъ *въ нашей древности такого понятія* *вовсе не существовало*. У насъ лицо было на столько свободно, на сколько былъ свободенъ тотъ родъ, котораго оно было представителемъ. Лицо само по себѣ не имѣло человѣческаго достоинства и ничего не значило безъ понятія рода. Поэтому наша община была въ сущности общиною родовъ и въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи всегда и вездѣ выдѣляла только

*) „Современ. взгляды и направл. въ русск. ист.“. Статья 1863 г. въ „Опытъ...“ часть I, стр. 342 и 343.

нѣсколько передовыхъ аристократическихъ родовъ, которые, въ лицѣ своихъ представителей, обыкновенно и заправляли общиною и всѣми ея дѣлами. По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ еще мы не успѣли нигдѣ разглядѣть въ нашемъ общинномъ бытѣ существенной и самой крѣпкой опоры для всякой свободной политической формы, именно — человѣческаго лица, освобожденной полноправной человѣческой личности» *).

Исслѣдователь, наоборотъ, долженъ стараться «перенестись мыслью въ среду старой дѣйствительности» **) для того, чтобы правильно понимать людей прежняго времени и вѣрно объяснять ихъ дѣйствія. Въ XVII вѣкѣ, напримѣръ, Самозванца могли принимать за «исчадіе дьявола въ дѣйствительномъ, а не метафорическомъ смыслѣ».

«Представимъ, что намъ пришлось бы родиться въ половинѣ XVII в., при добромъ и благочестивомъ царѣ Алексѣѣ. Отъ этой эпохи до нашего времени прошло только 200 лѣтъ, а между тѣмъ условія жизни, и умственной, и нравственной, и общественной, и даже политической, такъ измѣнились, что, пожалуй, не всѣ повѣрятъ..., если мы скажемъ, что въ эпоху царя Алексѣя русскіе переживали еще первобытный, древнѣйшій періодъ своего развитія, періодъ народнаго міѳа и народнаго эпоса, періодъ безсознательнаго творчества въ поэзіи и безсознательныхъ дѣяній и подвиговъ жизни, вообще періодъ наивнаго дѣтства, исполненнаго живой вѣры въ эпическія и миѳическія представленія древности... А въ этомъ насъ увѣряютъ самымъ нагляднымъ образомъ наши почтенные историки литературы и письменности... Это была особая атмосфера, исполненная невыразимаго страха предъ навожденіемъ нечистой силы, передъ порчей, колдовствомъ и всяческимъ вѣдовствомъ... Начиная съ какого — нибудь «мышеписка», «куроклика», «стѣнотрѣска», «ухозвона» и тому подобныхъ примѣтъ и повѣрій, которыя такъ тревожили и смущали его покой въ домашнемъ быту, и восходя до представленій о томъ, что, напримѣръ, Самозванецъ былъ исчадіемъ дьявола въ дѣйствительномъ, а не метафорическомъ смыслѣ, всѣ подобные, мелкіе и крупныя, случаи жизни объяснялись не природою вещей, не природою человѣческой жизни и человѣческаго развитія, а кознями и навожденіемъ лукаваго бѣса, сверхъестественными силами» ***).

Приводя этотъ примѣръ, Забѣлинъ выставляетъ такое общее положеніе: «Не только каждый вѣкъ, но и каждое поколѣніе носитъ свой особый типъ личности, каждое поколѣніе создаетъ собственный типъ дѣйствующаго лица, въ которомъ, несмотря на многообразіе жизненныхъ отношеній и положеній, всегда встрѣчаются

*) „Размышл. о современ. задач. русск. ист. и древн.“. Статья 1860 г. Въ „Опытѣхъ...“, часть II, стр. 39, 41 и 42.

**) Тамъ же, стр. 63.

***) „Русск. личн. и русск. общ. наканунѣ петровск. реф.“. Статья 1863 г. Въ „Опытѣхъ...“, часть I, стр. 88 и 89.

однѣ и тѣ же, общія тому поколѣнію, основы дѣйствій, поступковъ и даже помышлений». Когда это упускается изъ виду, историческія явленія представляются не въ надлежащемъ свѣтѣ. Забѣлинъ приводитъ въ примѣръ одинъ памятникъ старинной письменности, извѣстную апокрифическую «Бесѣду трехъ святителей», ходившую въ старину во множествѣ списковъ и въ различныхъ редакціяхъ и содержаніемъ своимъ смутившую даже одного изъ ученыхъ его современниковъ.

«Г. Шевыревъ, на пути въ Кирилло-бѣлозерскій монастырь, остановившись въ одномъ изъ селеній... у православнаго крестьянина, нашелъ, между прочимъ, у него и списокъ этой бесѣды, изложенной въ вопросахъ и отвѣтахъ. «Съ грустью, — говоритъ путешественникъ, — прочелъ я эти вопросы и отвѣты, писанные четко самымъ грубымъ и дикимъ варварствомъ и нечестиво названные бесѣдою тріехъ святителей — Василия Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго. Что, кромѣ невѣжества и нечестія, почерпнетъ крестьянинъ въ этомъ писаніи, которое выставилъ въ избѣ своей почти у св. образовъ и постоянно держитъ передъ собою?.. Какая грубость въ этой загадкѣ: что есть вошь, — корову родилъ? Адамъ родилъ себѣ жену Еву. Какая дикость въ этомъ понятіи о церкви: что есть камень, прибѣжище заяцемъ? Камень — церковь, а заяцы — людіе. Что за познанія въ анатоміи! Много ли въ человѣкѣ костей? 245. Много ли въ человѣкѣ жилъ? 365... Вотъ до какихъ дикихъ понятій доходитъ русскій простолюдинъ, какъ, впрочемъ, и всякій русскій, въ противную сторону удаляясь отъ чистаго и высокаго ученія православной нашей церкви!»

«Конечно, — замѣчаетъ Иванъ Егоровичъ, — *такой (устарѣлый) взглядъ* на этотъ памятникъ старинной русской книжности свойственъ больше пуристу-церковнику, чѣмъ даже пуристу-историку литературы». Между тѣмъ, «при помощи такой разработки предмета, какую даютъ намъ, — продолжаетъ онъ, — превосходные историко-литературные труды послѣдняго времени, особенно труды г. Буслаева», эти памятники книжности освѣщаются совсѣмъ иначе. «Это — самыя кроткія, невинныя созданія умственной изслѣдовательности народа, неимѣющаго другихъ средствъ и другихъ путей (за отсутствіемъ школы), разрѣшать себѣ столько вопросовъ, незамѣтно и естественно возбуждаемыхъ его созерцаніемъ»... «Это была своего рода культура, своего рода образованность, созданная непосредственнымъ собственнымъ разумѣніемъ народа, которая, по этому, обладала значительными жизненными силами...» *).

*) „Здѣсь, — прибавляетъ Забѣлинъ, — интереснѣе всего то, что такая книжность-грамотность живетъ въ народѣ и до сихъ поръ, что, стало быть, до сихъ поръ еще существуютъ причины, элементы, которые поддерживаютъ ея жизнь. Вся вина тутъ въ томъ, что такъ все родилось и выросло на полной степной свободѣ, безъ всякой помощи со стороны школы, т.-е. науки, научнаго образованія“.

Тамъ же, стр. 103 и 104, 180 и 109.

Не имѣя, конечно, въ виду строить полной теоріи историческаго изслѣдованія, Иванъ Егоровичъ пользуется, какъ видно изъ вышеприведенныхъ мѣстъ, всякимъ случаемъ, чтобы подчеркнуть необходимость соблюдать во всѣхъ операціяхъ надъ фактами два основныя требованія: 1) «*точность фактическую*» и 2) «*точность логическую*», — и настоятельно рекомендуетъ «непрестанную провѣрку и самыхъ фактовъ и своихъ соображеній по поводу сообщенія и сличенія этихъ фактовъ» *). Въ особенности надлежитъ строго соблюдать эти требованія тамъ, гдѣ дѣло идетъ о догадкахъ, аналогіяхъ. Чтобы получить вѣрное заключеніе, во-первыхъ, всякій частный фактъ, входящій въ операцію, долженъ быть извѣстенъ, изученъ въ возможной подробности и во всей его обстановкѣ; во-вторыхъ, общее положеніе не должно быть какимъ-либо «общимъ мѣстомъ, которое всегда заключаетъ въ себѣ столько кажущейся истины» **).

«Что же мы должны сказать о достаточномъ образованіи свѣтскихъ лицъ, которымъ ввѣрялась въ старину судебная часть, о необходимыхъ наукахъ въ общежитіи, съ которыми были знакомы люди, составлявшіе особыя канцеляріи при древнихъ князьяхъ, вообще о людяхъ по времени образованныхъ?» — говоритъ Забѣлинъ о подобныхъ общихъ «положеніяхъ» вышеупомянутаго Купріянова. «Это — фразы, которыя ничего не даютъ уму любопытнаго наблюдателя старины. Это — соображенія, имѣющія весьма шаткое основаніе, выведенныя изъ предположеній, что, если было государство, то оно не могло существовать безъ чиновниковъ, достаточно образованныхъ; если была торговля..., то она не могла существовать безъ достаточныхъ познаній хоть въ начальной математикѣ; если было общежитіе, то были и необходимыя для него науки. Все это довольно послѣдовательно и основано на законахъ ума разсуждающаго, но, должно замѣтить, мало знакомаго съ дѣйствительными явленіями исторической жизни». А дѣйствительность эта говоритъ, что все образованіе того времени состояло въ простой «книжности», въ смыслѣ начитанности, знанія пріобрѣтались не научно, не изъ школы, а практически — «навыкомъ». Другое дѣло, если бы авторъ, «прежде нежели сказать, что въ старину были науки, необходимыя для тогдашняго общежитія, привелъ лучше два—три положительныхъ факта, которые могли бы дать хоть малѣйшее понятіе объ этихъ наукахъ» ***).

«Общіе законы развитія народной жизни въ зависимости отъ положенія, отъ характера ея природы; всемірно-историческіе законы народныхъ связей и отношеній; логическіе законы самой жизни каждаго народа относительно первыхъ началъ и свойствъ его быта; за-

*) «Ист. и древн. Москвы». Въ «Опытахъ...», часть II, стр. 121.

**) «Соврем. взгляды и направл. въ русск. ист.». Въ «Опытахъ...», часть I, стр. 305.

***) «Русск. личн. и русск. общ. наканунѣ петровск. реформы». Въ «Опытахъ...», часть I, стр. 77—79.

коны экономическіе и другіе, по которымъ совершаются разселенія и переселенія племенные,... вообще изслѣдованіе народной жизни, ея основъ, формъ, направленій, стремленій, — вотъ какіе предметы необходимо имѣть въ виду» *) изслѣдователю при выборѣ посылки для своего заключенія. Тогда его догадки будутъ имѣть научный характеръ гипотезы, «вѣроятія», «вѣроятности», съ возможнымъ приближеніемъ къ «достоверности». И тогда они не будутъ имѣть ничего общаго съ «произвольными фантазіями», «воздушными замками» и т. п. опасностями на пути историческаго знанія.

При такомъ отношеніи къ дѣлу, если можетъ здѣсь возникнуть еще какое-либо затрудненіе, то не по отсутствію доброй воли у изслѣдователя, а вслѣдствіе состоянія самой науки, ибо, какъ говоритъ Забѣлинъ, «историческая логика **) имѣетъ свои законы, которые еще добываются наукой». И гдѣ такая цѣль еще не достигнута, — тамъ одинъ совѣтъ: «пока, за отсутствіемъ этихъ законовъ, мы должны руководствоваться въ историческихъ опредѣленіяхъ однимъ только ближайшимъ, непосредственнымъ знакомствомъ съ фактами, съ дѣломъ» ***), въ ожиданіи дальнѣйшихъ успѣховъ науки.

Такова первая половина исторической работы — надъ отдѣльными фактами, состоящая въ собираніи ихъ отовсюду на основаніи различныхъ источниковъ, съ пополненіемъ недостающихъ путемъ умозаключеній, въ критической провѣркѣ, очисткѣ, объясненіи и оцѣнкѣ ихъ, — аналитическая по преимуществу, состоящая въ «разложеніи цѣлаго на составныя части» ****), или, по выраженію Забѣлина, «анатомическая изслѣдовательность». Онъ такъ говоритъ о значеніи ея.

«Анатомическое изученіе, изслѣдовательность — такая же неотъемлемая сущность науки, какъ неотъемлема способность мыслить у человѣка. Наука же — результатъ человѣческой мысли, результатъ умственной жизни человѣка. Человѣкъ мыслить, рассуждаетъ, слѣдовательно, разбираетъ, что хорошо, что худо, что истина, что ложь... Когда анатомическій разборъ, или, что одно и то же, критическій разборъ становится главнымъ, существеннымъ направленіемъ ученой дѣятельности, это значитъ, что наука входитъ въ свои силы, что возникаетъ научная обработка предмета, которой прежде или совсѣмъ не было, или которая являлась только одиноко, уединенно, составляла исключительную принадлежность только немногихъ трудовъ» †).

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не скрываетъ возможныхъ «недостатковъ» даже при безупречно проведенной работѣ, какъ съ фактической, такъ и логической стороны.

«Само собою разумѣется, что анатомическій разборъ, анатоми-

*) См. выше, стр. 149.

**) Т.-е. логика фактовъ.

***), „Характ. начальн. образ. въ до-петровск. время“. Въ „Опытахъ...“, часть I, стр. 77.

****) „Матем. мет. въ ист.“. Въ „Опытахъ...“, часть I, стр. 391.

†) „Фельетонизмъ въ критикѣ“. Въ „Опытахъ...“, часть I, стр. 459.

ческое изученіе, какъ и всякое дѣло, имѣетъ свои недостатки, на-
примѣръ, *излишнее увлеченіе въ достоинства и значеніи открывае-
мыхъ истинъ*... Открывая истину, гдѣ бы ни было, человѣкъ всегда,
можетъ быть, съ излишкомъ увлекается ею. Раскрытая правда ра-
дуетъ его, какъ ребенка, и въ этомъ заключается его высшее на-
слажденіе, всегда присущее его духу.

Въ такой же силѣ *все ложное оскорбляетъ его*, и снисхожденіе ко-
лжи для него тяжело, невыносимо... *) Близорукіе видятъ въ этомъ
ученое самолюбіе, опрометчивыя претензіи, придирчивость и т. п.;
между тѣмъ какъ въ этомъ выражается только существенное и
животворное свойство умственной дѣятельности человѣка во всѣхъ
сферахъ. Поэтому въ анатомическомъ разборѣ, въ придирчивости
нельзя обвинять исключительно извѣстное полѣніе ученыхъ: *при-
дирчивость и разборъ являются вездѣ, идѣ только дѣло идетъ объ
истинѣ* **).

Не довольствуясь общимъ заявленіемъ, Забѣлинъ дѣлаетъ лич-
ное признаніе, какъ изслѣдователь исторіи русской жизни, въ пре-
дисловіи къ которой онъ написалъ объ авторѣ такія слова: «Быть
можетъ, *увлекшись*, онъ погрѣшилъ по этому поводу (т.-е. по поводу
варяжскаго вопроса) на многихъ страницахъ своей книги» ***).

Кромѣ увлеченія, изслѣдователю угрожаетъ здѣсь опасность
вслѣдствіе возможнаго притупленія зрѣнія отъ слишкомъ присталь-
наго разсматриванія все одного и того же предмета. Поэтому, ему
слѣдуетъ особенно дорожить замѣчаніями свѣжаго человѣка, «лишь
бы оно не было общимъ мѣстомъ».

«Каждый изъ насъ очень хорошо понимаетъ, какъ важны и
дороги такія замѣчанія среди труда, къ которому отъ времени, отъ
постояннаго близкаго знакомства съ нимъ, всегда слишкомъ при-
смотришься. Умственное зрѣніе, привыкшее постоянно вблизи на-
блюдать предметъ разысканій, *мало-по-малу теряетъ способность
уловлять далекіе его оттѣнки: горизонтъ стѣсняется, и многія сто-
роны предмета лишаются своей ясности и истинности*» ****).

Онъ готовъ даже допустить, что инныя вещи въ исторіи, какъ,
напримѣръ, запутанный вопросъ о русскомъ человѣкѣ, какъ о «пу-
стомъ мѣстѣ — относительно своей культуры, или исторической и
бытовой выработки», какъ о «чистомъ листѣ бумаги, на которомъ,

*) «Чувство истины—нѣжное, щекотливое чувство».—*Математ. мет. въ
ист.* Въ «Опытахъ...», Часть I, стр. 357.

**) «Фельетонизмъ въ критикѣ». Въ «Опытахъ изученія русской исторіи и древ-
ностей». Часть I, стр. 460.

***) «Истор. русск. жизни съ древнѣйш. врем.», часть I, стр. VII.

****) «Характ. начал. образов. въ до-петровск. время». Въ «Опытахъ...», час. II, стр. 52.

Это, кажущееся на первый взглядъ парадоксальнымъ, положеніе принято
и въ современной теоріи исторической науки, въ которой признается, что наи-
большими шансами на точность обладаетъ первое впечатлѣніе, и что, наоборотъ,
неудачныя заключенія свойственны людямъ, долго размышлявшимъ надъ какимъ-
нибудь предметомъ (Ланглуа и Сеньобосъ).

по волѣ историческихъ, географическихъ, этнографическихъ и другихъ всякихъ обстоятельствъ, всякія народности вписывали свои порядки и уставы, обычаи и нравы, ремесла и искусства, даже народныя эпическія пѣсни и т. д.), такъ что «всякія народности, какъ бы ни было незначительно ихъ собственное развитіе, являлись, однако, образователями и воздѣлывателями всего того, чѣмъ живетъ русское племя до сихъ поръ», — «все это представляется простому читателю, приходящему въ пантеонъ нашей изслѣдовательности, такъ сказать, *съ свѣжаго воздуха*, отъ простаго здраваго смысла», гораздо правильнѣе, чѣмъ иному завязанному спеціалисту. Его просто «изумляетъ это обстоятельство», ему «какъ-то не вѣрится, чтобы здѣсь именно находилась вся правда нашей русской исторической жизни» *).

Что касается возможныхъ ошибокъ, то человекъ науки «скорѣе предпочтетъ указаніе недостатковъ, если бы оно выразилось даже и пристрастно, ибо всегда сумѣетъ найти въ такомъ указаніи дѣльное, хотя бы и рѣзкое слово, исправляющее его трудъ, и отбросить безъ вниманія все негодное въ этомъ отношеніи», — предпочтетъ «гуловымъ похваламъ, не имѣющимъ цѣны ни для науки, ни въ глазахъ ученаго, серьезно смотрящаго на свой трудъ». О найденной и исправленной ошибкѣ Забѣлинъ такъ говоритъ устами Погодина: «*найти истину, какую бы то ни было, пріятно, но увидѣть свою ошибку и получить возможность исправить ее — едва ли не пріятнѣе* есть для ученаго, который любитъ искренно свою науку, особенно такую, какъ отечественная исторія, и желаетъ ей успѣха болѣе всего» **).

Внимательная копотливая работа собранія отдѣльных фактовъ, съ необходимыми критическими операціями надъ каждымъ изъ нихъ, представляетъ собою «лишь приготовительную первичную работу» въ дѣлѣ историческаго изученія, изслѣдованія, какъ сказано было выше ***). Чтобы построить что-либо изъ заготовленнаго матеріала, историкъ долженъ перейти къ группировкѣ фактовъ, выполнить вторую часть работы — синтетическую. Отъ безчисленнаго множества и безконечнаго разнообразія человѣческихъ дѣлъ, имѣвшихъ мѣсто на всемъ пространствѣ земного шара на протяженіи вѣковъ, сохранилось во всякаго рода памятникахъ источникахъ и предлежитъ исторіи «неимоверное количество самаго разнороднаго и разнообразнѣйшаго матеріала», «груда безобразнаго и неосмысленнаго матеріала». Какъ возможно овладѣть такимъ матеріаломъ? Понятно, что исторія, призванная быть «сокровищницею фактовъ», не могла сразу взять и вмѣстить въ себѣ всѣ свои богатства. Она присваивала и присваиваетъ ихъ себѣ по частямъ, подбирая нужныя ей

*) „Ист. русск. жизни съ древнѣйш. врем.“, часть I, предисловіе, стр. VI и VII.

**) „Матем. мет. въ ист.“. Въ „Опытахъ...“, часть I, стр. 358.

***). См. стр. 134.

группы фактовъ, работая надъ ними уже при помощи синтеза. Началась она, въ разныхъ странахъ у разныхъ народовъ, какъ извѣстно, простою лѣтописью. Лѣто-пись, это — «повѣсть временныхъ лѣтъ», «краткій перечень годовъ народной жизни».

«Лѣтописецъ, какъ простой очевидецъ и описатель жизни, заносить въ свою хартію прежде всего *внѣшнія дѣла*, казистыя, *необычайныя событія*, потому что въ такихъ дѣлахъ и событіяхъ ярче и очевиднѣе сказывается жизнь. Онъ убѣжденъ, что только громкій походъ, богатырское дѣло и вообще внѣшній успѣхъ или *необыкновенное*, выходящее изъ ряда будничной жизни, *происшествіе* и явленіе достойно описанія, достойно памяти потомства. *Внутренняя жизнь* и вся современная ему дѣйствительность представляются глазамъ его пошlostью, такимъ обыкновеннымъ дѣломъ, которое не стоитъ и описывать, потому что оно всѣмъ и каждому очень хорошо извѣстно. Въ этомъ взглядѣ высказывается только общій и непосредственный пріемъ изучающаго ума начинать съ внѣшности. Кромѣ того, въ этомъ первоначальномъ взглядѣ на историческое дѣло выразилась и непосредственная задача исторіи — быть изобразительницею народныхъ дѣлъ. Вѣдь каждое внѣшнее громкое и шумное событіе есть прежде всего общее дѣло народа, какое бы оно ни было, дѣйствительное или страдательное. Народъ все-таки выносить его на своихъ плечахъ. Такъ, война въ древнее время была почти исключительнымъ общимъ дѣломъ, такъ, какъ моръ, нашествіе ино-племенныхъ, наводненіе, пожаръ — общимъ несчастьемъ; такъ, какъ комета, сѣверное сіяніе, затменіе, уродъ, вытщенный изъ рѣки, — общимъ зрѣлищемъ и дивомъ; такъ, какъ князь — общимъ лицомъ, общою властью, которой требовало время, какъ своего спасенія отъ неурядицы единичнаго произвола. Такими общими явленіями жизни лѣтописецъ по преимуществу и интересовался, не давая ни малѣйшей цѣны *дѣламъ повседневнымъ*, потому что слишкомъ они были просты, естественны, не представляли ничего казуснаго» *).

Такой характеръ исторія сохраняла долгое время, можно сказать, не утратила до современныхъ автору дней. «Впрочемъ, что жъ говорить о лѣтописцахъ, объ этихъ, во всякомъ случаѣ, почтенныхъ личностяхъ древности, заявившихъ своимъ трудомъ интересы наблюдающаго ума, который въ то отдаленное время иначе смотрѣлъ на жизнь и цѣнилъ ее единственно, какъ геройскій подвигъ, богатырское дѣло, вообще настолько, насколько она дивила или являлась шумною и славною! Мы, люди другой эпохи, которая гордится своимъ просвѣщеніемъ, и въ которую, дѣйствительно, пониманіе жизни стало полнѣе и шире, давно ли мы обратили вниманіе на ея внутреннюю, подземную сторону, стали приближаться къ ея корнямъ и тонкимъ волокнамъ? Несмотря на объемистую и всестороннюю нашу письменность или, пожалуй, печатность, мы и теперь сплошь про-

*) „Размышл. о современ. задач. русск. ист. и древн.“. Статья 1860 г. Въ „Опытѣ...“, часть II, стр. 21 и 22.

пускаемъ безъ всякаго вниманія бездну явленій и фактовъ весьма полновѣснаго значенія, которые потому только ускользають отъ нашихъ глазъ, что слишкомъ приглядѣлись намъ, слишкомъ стали обыкновенными. Мы и теперь рады-радехоньки, когда выдвинется что-либо изъ будничнаго нашего однообразія, выдѣлится изъ сплошной массы нашихъ повседневныхъ дѣлъ, хотя бы это была только новая варьяція обыкновенной старой пошлости; мы и теперь рады-радехоньки всякой новости, всякой необычайности, всякому необычному явленію, которое славимъ и надъ которыми шумимъ отъ души, прыгаемъ, какъ дѣти, съ новою игрушкою, спѣшимъ каждый заявить свое мнѣніе и усердно наполняемъ журналы и газеты своими статьями по поводу новаго вопроса. А, между тѣмъ, въ тиши и незамѣтно проходятъ явленія, надъ которыми много подумаетъ и много затруднится будущій изыскатель и историкъ, затруднится потому, что не найдетъ нашего отзыва, нашего слова, нашей мысли объ этихъ явленіяхъ, и еще съ большей основательностью упрекнетъ насъ въ томъ же пристрастіи къ громкимъ и шумнымъ, чисто внѣшнимъ дѣламъ и событіямъ» *).

Такимъ образомъ, первымъ шагомъ къ использованію историческаго матеріала явилось раздѣленіе фактовъ на двѣ главныя группы: 1) факты, имѣющіе характеръ «происшествій», «необычайныхъ событий», «необыкновенныхъ, выходящихъ изъ ряда будничной жизни, явленій», такъ называемыхъ индивидуальных фактовъ, изъ которыхъ каждый единственный въ своемъ родѣ, не повторяющійся, какъ-то совершившіеся въ извѣстномъ мѣстѣ и въ определенное время: война, моръ, нашествіе иноплеменныхъ, наводненіе, смерть князя-правителя, которые Забѣлинъ называетъ «внѣшними», какъ происходящіе на виду у всѣхъ, составляющіе внѣшнюю сторону народной жизни,— факты лѣтописные, повѣствовательные, какъ почерпаемые изъ этого рода источниковъ и 2) факты «будничные», «повседневные», «обыкновенные», однимъ словомъ, людскіе обычаи, нравы, такъ называемые коллективные, повторные для многихъ людей, факты, которые Забѣлинъ называетъ «внутренними», какъ обнаруживающіе внутреннюю жизнь народа, его внутреннія свойства, однимъ словомъ состояніе, факты — не лѣтописные, извлекаемые изъ другихъ источниковъ.

Пока исторія носила лѣтописный, повѣствовательный характеръ, довольствуясь незначительнымъ числомъ однородныхъ источниковъ, дѣло исторіи было сравнительно просто. Историкъ приходилось пользоваться уже отобранымъ и отборнымъ матеріаломъ и нанизывать факты, какъ можно больше фактовъ, въ хронологическомъ порядкѣ. Но когда «историки почувствовали, что кровопролитныя войны, всеобщіе походы, миры и новыя ссоры — только внѣшность, официальные дѣла, которыя, вдобавокъ, подъ перомъ и на бумагѣ совсѣмъ теряють краски и ложатся какими-то блѣдными тѣнями, до чрезвы-

*) Тамъ-же, стр. 22 и 23.

чайности однообразными, какъ двѣ капли воды похожими другъ на друга, словомъ — становятся казенными реляціями, дипломатическими нотами, словами, нисколько не выражающими дѣйствительныхъ дѣлъ», когда явилось «стремленіе также узнать самую жизнь, историческую дѣйствительность во всѣхъ ея, крупныхъ и мелкихъ, явленіяхъ», — положеніе историковъ сильно измѣнилось и задача исторіи усложнилась до чрезвычайности.

«Едва коснувшись жизненной стороны историческаго дѣла, историки были изумлены и подавлены *неимовернымъ количествомъ самаго равнороднаго и разнообразнѣшаго матеріала*, который имъ слѣдовало разобрать и обработать... Тогда все запросилось на страницы исторіи: и народная пѣсня, повѣрье и преданіе, обрядъ и обычай, домашняя обстановка со всѣми мелочами быта, и система понятій и убѣжденій эпохи, — все и все, изъ чего связывается повседневная жизнь человѣка... Историческое повѣствованіе рѣшительно недоумѣвало, *что дѣлать, куда и какъ размѣстить* интересный, какъ сама жизнь, но до крайности неудобный *матеріалъ*. Не оставляя школьныхъ привычекъ въ изложеніи, этому матеріалу, по необходимости, отвели мѣстечко на задней лавкѣ, выражаясь по школьному, въ особой главѣ о состояніи, или о внутреннемъ состояніи государства или народа... Исторія наполнилась новыми *родами и новыми видами фактовъ*,... сдѣланы новыя перегородки и каморки для размѣщенія новаго матеріала... Это былъ большой шагъ впередъ: признано право гражданства въ историческомъ дѣлѣ за фактами и событіями мелочными, но дѣйствительно рисовавшими характеръ общества и государства, придававшими запахъ и цвѣтъ самой исторіи, т.-е. повѣствованію о казенныхъ приключеніяхъ народа. Само собою разумѣется, что глава о внутреннемъ состояніи приняла на первый разъ характеръ *какой-то журнальной смѣси*, гдѣ все есть, если хотите, обо всемъ упомянуто, и все имѣетъ чудное свойство улетучиваться изъ головы читателя тотчасъ же, какъ придетъ конецъ страницы. Это былъ сборъ фактовъ, чуждыхъ другъ другу, не связанныхъ никакою единою мыслию, *разсыпавшихся въ песокъ* при всякомъ усиліи дать имъ какую-либо цѣлость» *).

Явилась поэтому необходимость группировки этого новаго и обширнаго матеріала.

Здѣсь «каждый предметъ народнаго быта можетъ служить самостоятельнымъ вопросомъ для изслѣдованія и изученія, и исторія какой-либо мелочи можетъ быть такъ же интересна и поучительна, какъ и исторія всего крупнаго и виднаго. Но тамъ и здѣсь весь интересъ сосредоточивается, все-таки, на самомъ человѣкѣ, въ его единичности или въ его общемъ, въ живомъ организмѣ цѣлаго народа... Если это такъ, то *система, строй и порядокъ*, въ какомъ должно вести... изученіе, кроется въ основахъ самой жизни че-

*) Тамъ же, стр. 9 и 10.

ловѣка, въ условіяхъ матеріальнаго, фізическаго его существованія и въ духовныхъ отправленіяхъ его природы. Не по внѣшнимъ вопросамъ о той или другой сторонѣ, о томъ или другомъ предметѣ древняго быта мы должны расположить...*) знаніе, а по внутреннимъ явленіямъ жизненныхъ силъ человѣка, творца своей дѣйствительности. Слѣдовательно основа...*) системы должна искать свою твердую точку опоры въ психологіи; по крайней мѣрѣ, изъ этого источника она должна почерпнуть ту простоту и ясность въ опредѣленіи и построеніи порядка въ своемъ содержаніи, безъ которыхъ нѣтъ и малѣйшей возможности осмыслить невѣроятную массу и разнообразіе...*) матеріала»... «Такъ какъ жизнь человѣка сплетается изъ матеріальныхъ явленій его ума и чувства, то изученіе этой жизни, въ какую бы то ни было эпоху, чтобы идти прямо и не блуждать въ непроходимомъ лѣсу фактовъ, по необходимости должно сосредоточиться около этихъ главнѣйшихъ и существеннѣйшихъ сторонъ его природы и около нихъ *группировать свои вопросы и задачи*. Стало быть...*) изученіе должно разсмотрѣть: а) *матеріальную сторону угасшей жизни*, или всѣ условія фізическаго существованія въ данную эпоху; б) *сторону умственныхъ силъ* или тѣ условія, которыя обнаруживали и опредѣляли дѣятельность ума, жизненность мысли, — дѣйствительность умственную; в) *сторону нравственныхъ силъ* со всѣми условіями, въ какихъ эти силы выразились, — дѣйствительность нравственную».

«Это—самыя общія линіи, по которымъ должны распредѣлиться всѣ частныя мелкіе вопросы и задачи...*) изученія. Такія линіи тѣмъ необходимѣе, что онѣ, какъ основы самой жизни, при...*) изученіи ея, будутъ служить наиболѣе видными пунктами на пути, до крайности сбивчивомъ, на которомъ такое множество слѣдовъ старой жизни и такъ мало проторенныхъ наукою тропинокъ. Изученіе жизни, изученіе угасшей дѣйствительности въ своихъ подробностяхъ широко и разнообразно, какъ самая жизнь, и обозначить всѣ вопросы, на которые будетъ отвѣчать археологія, т.-е. бытовая исторія, такъ же невозможно, какъ невозможно опредѣлить дальнѣйшій ходъ народнаго сознанія, которое въ своемъ развитіи постоянно будетъ возбуждать еще новыя, совсѣмъ неожиданныя задачи для поисковъ и разрѣшенія. Но, во всякомъ случаѣ, и многочисленность вопросовъ и неимовѣрное разнообразіе поисковъ все-таки не выйдутъ изъ этихъ пограничныхъ линій, въ которыхъ заключена сама жизнь, а, слѣдовательно, и все, ею созданное и оставленное на пути, который именуется исторіею» **).

*) Въ означенныхъ мѣстахъ у Забѣлина фигурируетъ прилагательное „археологическій“. Здѣсь оно совершенно соотвѣтствуетъ прилагательному „историческій“—въ смыслѣ „бытовой“ исторіи, съ которою отождествляется археологія.—См. выше стр. 78.

**) „Размышленія о соврем. задач. русск. ист. и древностей“. „Въ Опытахъ...“, часть II, стр. 69—71.

За этой основной группировкой фактовъ соотвѣтственно «природѣ» самого человѣка и окружающаго его міра слѣдуетъ дальнѣйшее распредѣленіе ихъ по разнымъ «сторонамъ народнаго быта», вѣрнѣе, по разнаго рода мыслимымъ дѣйствіямъ человѣка, каковой порядокъ обыкновенно называется логическимъ, въ отличіе отъ хронологическаго и географическаго. Въ своей исторіи города Москвы Забѣлинъ приводитъ, наримѣръ, слѣдующій перечень бытовыхъ фактовъ: «Бытіе и бытъ—политическій и религіозный, умственный и нравственный, общественный и домашній, торговый и промышленный, ремесленный и художественный, экономическій, или хозяйственный и матеріальный, или строительный» *).

Въ своемъ трудѣ «Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ» авторъ «ограничился только наиболѣе существенными сторонами русской жизни», именно «политической, общественной и домашней», «съ раскрытіемъ умственныхъ, нравственныхъ и бытовыхъ порядковъ» **).

Вышеприведеннымъ перечнемъ не исчерпывается группировка фактовъ. Каждая изъ упомянутыхъ группъ, при ближайшемъ ознакомленіи, оказывается «до чрезвычайности обширна, а содержаніе ея разнообразно». Взять, наримѣръ, «домашній бытъ народа». «Какой же наиболѣе вѣрный способъ обрабатывать исторію домашняго народнаго быта?» задается вопросомъ Иванъ Егоровичъ въ предисловіи къ своему капитальному труду по этой отрасли. «Предметъ до чрезвычайности обширенъ, разнообразенъ, мелоченъ и дробенъ». О «страшно копотливой работѣ» собиранія въ одно мѣсто необходимаго матеріала—было сказано выше ***). «Но еще труднѣе дать этому матеріалу научную форму, по крайней мѣрѣ, настолько, чтобъ облегчить послѣдующія работы, т.-е. разобрать, распредѣлить этотъ матеріалъ, связать въ одно научное цѣлое, чтобы самъ онъ, помимо нашихъ указаній и толкованій, выговорилъ заключительное слово, т.-е. научный выводъ, результатъ изслѣдованія» ****).

Въ области русской исторіи такой разработкѣ быта приходится только полагать начало, какъ дѣлу будущаго. Въ настоящее же время, какъ свидѣтельствуется авторъ, «обыкновенный способъ обработки бытовой исторіи заключается въ томъ, что разновременные, разномѣстные и разносословные бытовые факты сводятъ подъ извѣстное оглавленіе и такимъ образомъ составляютъ рассказъ о той или другой сторонѣ быта, о томъ или другомъ порядкѣ жизни». Здѣсь выдвигается еще новый способъ классификаціи бытовыхъ фактовъ,—уже не по отвлеченнымъ понятіямъ, а по реальнымъ группамъ людей, сословіямъ, у которыхъ наблюдаются тѣ

*) «Исторія гор. Москвы». Часть I, изд. 2-е, 1905 г., стр. X.

**) «Истор. русской жизни съ древнѣйшихъ временъ». Часть I, 1876 г., стр. X.

***). См. стр. 136.

****) «Домашній бытъ русск. царей» въ XVI и XVII ст. Часть I., Изд. 3-е, 1895 г. Предисловіе, стр. XII. То же, что въ 1-мъ изд. 1862 г.

Древности, т. XXII, в. 2-й.

или иные обычаи, т. е. конкретная классификація, аналогичная зоологическимъ классификаціямъ естественныхъ наукъ.

Тотъ способъ обработки бытового матеріала, въ которомъ господствуетъ смѣшеніе всевозможныхъ фактовъ, это, — конечно, вышеупомянутая глава общей исторіи подъ названіемъ «внутренняго состоянія». «При первоначальныхъ работахъ такой способъ, — соглашается Забѣлинъ, — почти миновать нельзя. Но должно сознаться, что онъ грѣшитъ излишнимъ *обобщеніемъ фактовъ*, изъ которыхъ каждый представляетъ, или долженъ представлять, какъ бы общую черту, не выясняя, однако жъ, того или другого общаго типа жизни, а рисуя только вообще жизнь народа въ извѣстный періодъ времени, иногда очень значительнаго объема» *).

Упомянутое «обобщеніе» — излишнее, конечно, не по существу, а по своей преждевременности.

«Намъ кажется, — продолжаетъ Забѣлинъ, — что этимъ способомъ мы едва ли получимъ надлежащее истинное понятіе о свойствахъ и типическомъ характерѣ прожитой жизни, что изслѣдованія наши мы начинаемъ съ конца, а не съ начала, ибо составляемъ характеристику общаго типа, въ то время когда намъ вовсе не извѣстны типы частные, къ которымъ всегда относится наибольшая часть собираемыхъ нами фактовъ и общее которыхъ, оно одно, только и можетъ характеризовать общій типъ народной жизни. Поэтому, намъ кажется, мы должны остановить свое вниманіе прежде всего на изученіи этихъ частныхъ типовъ, мы должны непременно раскрыть ихъ, если бы и не были они замѣтны на первый поверхностный взглядъ, ибо жизнь, какъ ни разнообразна до безчисленности ея формы и явленія, и въ физическомъ и въ нравственномъ мірѣ, всегда складывается или выражаетъ себя въ извѣстныхъ типахъ. Въ естествознаніи это — *роды и виды* органической жизни. Подобные роды и виды существуютъ въ нравственномъ человѣческомъ мірѣ *подъ именемъ типовъ*. Задача искусства въ томъ именно и заключается, чтобы пластически выразить въ одномъ типѣ все то, что, разбросанное и какъ бы разрозненное, вращается въ жизни отдѣльных лицъ, принадлежащихъ, однакожъ, по свойству своей нравственной природы, къ одному и тому же роду или виду. Наука, съ своей стороны, помогаетъ искусству и собираетъ матеріалъ для художественнаго воплощенія разрозненныхъ и, повидимому, чуждыхъ другъ другу атомовъ нравственной жизни **).

Такъ слѣдуетъ изучать всѣ разнородныя стороны быта, въ томъ числѣ и быть домашній. «Обращаясь къ нашему предмету, — говоритъ Забѣлинъ, — мы уже и на первый взглядъ можемъ указать нѣсколько точекъ, около которыхъ по преимуществу должно бы сосредоточиваться изученіе домашняго народнаго быта, по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ времени, назначенныхъ для подлежащихъ разысканій».

*) Тамъ-же, стр. XIII.

**) Тамъ-же, стр. XIII и XIV.

«Такъ, наиболѣе замѣтный, передовой типъ нашей исторіи есть *государь* или *господарь*, — не въ тѣсномъ смыслѣ государя политическаго, а въ смыслѣ общемъ, какъ собственника и владѣльца, хозяина, который и въ общей жизни именовался тѣмъ же словомъ и впослѣдствіи уже выдѣлилъ изъ себя политическое явленіе. Не смотря на огромную, повидимому, разницу между политическимъ значеніемъ этого типа и частнымъ домашнимъ его значеніемъ, въ немъ всегда остается и вездѣ сохраняется существенный смыслъ его жизненной роли, этотъ владѣющій, властный смыслъ. Въ древнемъ домашнемъ бытѣ царей мы раскрываемъ верховное значеніе этого типа... Само собою разумѣется, что преобладающее значеніе этого типа въ жизни всегда остается за тѣмъ разрядомъ лицъ, который въ первобытномъ обществѣ играетъ главную передовую роль; именно за разрядомъ лицъ военнаго званія или сословія, какова, на примѣръ, въ нашей исторіи была княжеская дружина. Такимъ образомъ, типъ господаря, кромѣ его общаго владѣльческаго и, такъ сказать, хозяйскаго значенія, съ теченіемъ времени сосредоточиваетъ свои основныя черты не на однихъ только лицахъ княжескаго происхожденія, но столько же на сословіи *дружинниковъ-бояръ*, съ дробнымъ его видоизмѣненіемъ — дѣтей боярскихъ и вообще такъ называемаго дворянства. Это была среда, въ которой элементы государскаго типа составляли существенное ея свойство. Здѣсь форма быта, а слѣдовательно и его начала, основы были во всѣхъ видоизмѣненіяхъ одни и тѣ же. Поэтому и изученіе этого типа должно обнимать жизнь боярства или дворянства вообще со всѣми его служебными подраздѣленіями и жизненными видоизмѣненіями. Можно только, для удобства въ обработкѣ предмета, а главное для большей опредѣленности изслѣдованій, рассматривать этотъ типъ въ трехъ его главныхъ и общихъ видахъ, именно: быть *лучшихъ людей*, быть *среднихъ людей* и быть *младшихъ людей* того же типа, какъ всегда очень вѣрно распредѣляли бытовые отношенія наши здравомыслящіе предки».

«Тѣмъ же путемъ можно изучать типъ *земца-кормителя*, во всѣхъ его видоизмѣненіяхъ, какія условливались тою или другою отраслю занятій, и точно такъ же съ раздѣленіемъ быта на лучшую, среднюю и младшую среду. Земледѣліе, торговля, разнаго рода промышленность и всякое художество, которое доставляло средства существованія земскимъ людямъ и въ то же время опредѣляло характеристику самого человѣка и его бытовыхъ отношеній, представляютъ болѣе или менѣе значительныя варіаціи одного и того же земскаго быта, или вообще земства. Здѣсь наиболѣе виднымъ лицомъ становится, по естественной причинѣ, *капиталистъ-гость*, этотъ *господарь-хозяинъ* въ собственномъ смыслѣ. Младшія вѣтви этого типа теряются въ *посадскихъ и чернослободскихъ сиротахъ*, которыхъ трудолюбіе, оборотливость, промыслъ въ смыслѣ дарованій ума и опытности всегда открывали широкую и свободную дорогу въ первые ряды земства».

«Далѣе, *казачество* есть такъ же совсѣмъ особый порядокъ

отношеній, особая стихія жизни, требующая, какъ особый ея типъ, отдѣльнаго, независимаго изслѣдованія. Не ограничивая его значенія одною какою-либо мѣстностью или историческимъ періодомъ, необходимо разсмотрѣть существенныя стороны этого типа въ общемъ его явленіи».

«Вотъ общіе *главнѣйшіе раздѣлы* изученія домашняго народнаго быта. Мы не упоминаемъ о *посредствующихъ звеньяхъ*, болѣе или менѣе тоже замѣчательныхъ, хотя и не имѣющихъ такого широкаго значенія. Типъ *церковника*, типъ *дьяка* и *подьячаго*, типъ двороваго слуги, холопа вообще, и т. д. должны сопровождаться не меньшимъ вниманіемъ въ изученіи положеній, силъ и формъ древней жизни. При этомъ, такъ сказать, внѣшнемъ распредѣленіи типовъ, нельзя забывать внутренней ихъ связи, которая, по законамъ жизни, сливается ихъ въ одно цѣлое, ставитъ ихъ въ неразрывную зависимость другъ отъ друга, такъ что раздѣльное ихъ изученіе есть только неизбѣжный путь научныхъ изслѣдованій».

«Когда такимъ способомъ обработки будутъ раскрыты *частныя типы*, то *общій типъ* народной жизни не замедлитъ раскрыться самъ собой и только тогда будутъ возможны полныя и вѣрныя характеристики формъ народнаго быта» *).

Осуществленію такого грандіознаго *плана изученія* русскаго народнаго быта, плана, стоящаго на высотѣ требованій современной науки, Забѣлинъ положилъ крупное начало, взявъ одинъ «*верховный*» типъ, именно царскій бытъ, даже и тотъ не весь цѣликомъ, а въ хронологическихъ предѣлахъ двухъ столѣтій, чтобы такимъ ограниченіемъ рамокъ задачи обезпечить себѣ возможность углубить ея выполненіе. Какъ же здѣсь распорядился авторъ съ фактами, съ обширными фактическими матеріалами?

«Большая часть собранныхъ въ этой книгѣ матеріаловъ,—предваряетъ онъ читателя,—касается способовъ постройки, указанія мѣстности разныхъ частей стараго государева дворца и разнообразныхъ предметовъ внутренняго убранства, или наряда старинныхъ царскихъ хоромъ»... «Мы убѣждены, — объясняетъ онъ такой приступъ къ работѣ,—что изученіе матеріальной стороны древняго быта всегда даетъ прочныя и вѣрныя основы для уразумѣнія и самыхъ его идей и идеаловъ; что и художественное воспроизведеніе — вѣнецъ всякихъ изученій,—на страницахъ ли ученой исторіи, или въ свободной области поэтическаго творчества (во всѣхъ родахъ искусства, словеснаго и изобразительнаго), всегда будетъ зависѣть именно отъ того, насколько полно объяснены его матеріальныя подробности» **). За двумя главами вышеупомянутаго содержанія слѣдуютъ главы, посвященныя «значенію и чести государева двора» и «обряду государевой жизни, комнатной и выходной». Такимъ образомъ въ своемъ выполненіи плана авторъ, говоря о «*типахъ*» домашней

*) Тамъ же, стр. XIV—XVI.

**) Тамъ же, стр. XVІІ и XX.

русской жизни, рисуетъ ихъ въ полной обстановкѣ, т. е. даетъ цѣльныя картины этого быта.

Что касается выбора фактовъ, то объ этой существеннѣйшей критической задачѣ онъ, несмотря на предусматриваемыя имъ замѣчанія *), твердо говоритъ слѣдующее.

«По нашему мнѣнію, въ *мелочахъ* яснѣе и полнѣе раскрываются свойства каждаго предмета, а тѣмъ болѣе, если дѣло идетъ о характеристикѣ человѣческаго быта, о характеристикѣ нравовъ, обычаевъ, домашнихъ положеній и условій жизни. Какъ въ настоящемъ сочиненіи, такъ и въ послѣдующихъ работахъ о домашнемъ бытѣ ***) мы постоянно будемъ особенно дорожить подобными мелочами, съ тою цѣлю, чтобы собраніемъ этихъ мелочей въ одно мѣсто доставить болѣе прочную возможность возстановить исторію стараго быта во всѣхъ подробностяхъ, съ самою документальною точностью. Руководствуясь такою мыслию, можетъ быть, въ иныхъ случаяхъ, мы и дѣйствительно погрѣшили излишествомъ и даже повтореніемъ нѣкоторыхъ данныхъ; но въ начальной обработкѣ предмета мы и это почитаемъ необходимымъ, ибо для того, чтобы наука могла утвердить окончательно свой выводъ, нужно много и долго вникать въ подробности, хотя бы и слишкомъ однообразныя и однородныя. Кромѣ того, мы убѣждены, что мелкія мелочи старой жизни кладутъ краски и тѣни въ нашихъ представленіяхъ объ историческомъ бытѣ народа, образуютъ, если можно сказать, *колоритъ* въ исторической картинѣ; и во всякомъ случаѣ ничто такъ не способствуетъ образованію наиболѣе вѣрнаго, правильнаго взгляда на прошедшее, какъ эти мелочи, которыя иногда одною чертою рассказываютъ несравненно больше, чѣмъ цѣлое изслѣдованіе». «При настоящемъ третьемъ изданіи ****) этой книги мы слѣдовали, — подтверждаетъ онъ, — той же общей задачѣ нашего труда, о которой сейчасъ было говорено и которая главнымъ образомъ состоитъ въ томъ, чтобы каждому, даже и очень мелочному предмету стараго быта, особенно со стороны внѣшней обстановки, дать самый подробный и слѣдовательно наиболѣе *полный обликъ*, въ какомъ такой предметъ существовалъ въ извѣстное время... Для художника, какъ скоро его творчество останавливается на предметахъ жизни, отошедшей въ область исторіи, очень важно знать всякую мелочь въ *точной реальности*. Здѣсь то онъ и встрѣчаетъ по большей части неодолимые затрудненія, особенно со стороны всякихъ формъ. Художнику бываетъ очень надобно иной разъ подробно и точно знать даже и о томъ, какимъ, напримѣръ, гвоздемъ была обита старинная мебель и т. п.; такъ же, какъ для ученаго бываетъ

*) „Мелкія выписки, собранныя нами въ отдѣлѣ матеріаловъ, могутъ, пожалуй, показаться иному читателю черезчуръ мелочными и во многихъ случаяхъ бесполезными, по крайней мѣрѣ, существуетъ еще даже въ самой наукѣ мнѣніе, не дающее никакой цѣны такому роду матеріаловъ“.

**) Это писано въ предисловіи къ 1-му изданію, 1862 года.

***) Вышедшемъ въ 1895 году.

столько же необходимо знакомство со всякою, даже и очень мелкою, цифрою, которая усчитываетъ старыя положенія жизни» *).

Такимъ образомъ, при историческомъ изученіи прошлаго съ точки зрѣнія состоянія, внутренняго состоянія, культуры, чтобы овладѣть всѣмъ подавляющимъ множествомъ и чрезвычайнымъ разнообразіемъ фактовъ, изслѣдователь начинаетъ разбирать ихъ и обрабатывать по частямъ, подбирая ихъ, прежде всего, по небольшимъ естественнымъ группамъ людей, профессиональнымъ, классовымъ, сословнымъ. Въ каждой изъ этихъ группъ, какъ бы она ни была незначительна, онъ, все-таки, не въ состояніи собрать всѣхъ относящихся къ ней фактовъ; тѣмъ болѣе невозможно для него вмѣстить всѣхъ ихъ въ свое описаніе. Поэтому онъ выбираетъ типичные факты, извлекаетъ изъ нихъ характерныя, особенно часто повторяющіяся существенныя черты для своего описанія, чтобы нарисовать тотъ или иной «типъ», говоря на языкѣ искусства, или составить описательную формулу, выражаясь научно.

Все несущественное, представляющее повтореніе одного и того же, отбрасывается, для достиженія краткости, этой настоятельнѣйшей потребности историческаго описанія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ должны быть сохранены возможно лучше «мелочи», подробности, которыя однѣ только и даютъ возможность возстановить полный обликъ изучаемаго явленія, со всѣми его отличіями отъ другихъ подобныхъ ему **). Такъ, въ этой постоянной борьбѣ между требованіемъ краткости и потребностью въ подробностяхъ совершается описательная работа историка. Если группа не односоставна, а заключаетъ въ себѣ подраздѣленія (старшихъ, среднихъ и младшихъ людей), то и группировка фактовъ начинается съ нихъ. Тогда типъ группы является не простымъ обобщеніемъ однородныхъ фактовъ, а объединеніемъ ранѣе полученныхъ обобщеній, при каковомъ объединеніи отбрасываются несходные признаки и удерживаются общіе. Такъ обобщеніе фактовъ идетъ со ступени на ступень, пока изъ «частныхъ типовъ» не будетъ полученъ «общій типъ народной жизни», на задачѣ раскрытія котораго въ будущемъ Забѣлинъ останавливаетъ свое разсужденіе. Теоретически обобщеніе можетъ продолжаться и далѣе, сравнительнымъ путемъ, чтобы дойти до основныхъ чертъ, общихъ многимъ обществамъ, народамъ, наконецъ, всему человѣчеству, если это потребуется ***).

Въ результатѣ, безчисленное множество бытовыхъ фактовъ, относящихся къ избранному авторомъ передовому типу русской жизни,

*) Тамъ же, стр. XIX и XX.

**) Эти то именно „различія“ и есть настоящій предметъ исторіи. Безъ нихъ исторіи нечего было бы изучать. Если бы, напримѣръ, люди всегда имѣли одно и то же правительство, говорили однимъ и тѣмъ же языкомъ, придерживались одинаковыхъ обычаевъ, то не было бы надобности изучать исторію ни того, ни другого, ни третьяго (Ланглуа и Сеньобосъ).

***) Но это — одна изъ частей историческаго построенія, всего менѣе повинувшихся впередъ (Л. и С.)

разрозненныхъ, перепутанныхъ, рассыпавшихся, какъ песокъ, были имъ «разобраны, распредѣлены, *связаны въ одно научное цѣлое*». Получилось краснорѣчивое описаніе, живыя картины царскаго быта, богатая точными фактами, которымъ авторъ предоставилъ, «помимо нашихъ указаній и толкованій, выговорить заключительное слово, т.-е. *научный выводъ, результатъ изслѣдованія*» *). Это же самое разъяснилъ онъ и по поводу замѣчаній на свой трудъ. «Для насъ въ изысканіяхъ старины важно и дорого... то, что дѣйствительно было и жило. Наша забота — вынести на свѣтъ минувшую дѣйствительность во всѣхъ ея частныхъ, такъ называемыхъ, мелкихъ явленіяхъ жизни... Наше дѣло собрать эти мелкіе факты минувшей дѣйствительности, предоставляя судъ надъ ними и краснорѣчивое ихъ разъясненіе—имъ же самимъ... Еслибъ цѣль наша заключалась въ томъ, чтобы представить не дѣйствительность русской старины, а свое воззрѣніе на нее, тогда наши статьи могли бы растянуться неимоверно широко» **). Въ сознаніи богатства методически изученныхъ и изложенныхъ фактовъ, онъ выражаетъ надежду, что «въ нашей книгѣ читатель гораздо больше прочтетъ *между строками* какъ это всегда бываетъ при чтеніи сборника бытовыхъ фактовъ» ***).

Въ такомъ видѣ свой трудъ Забѣлинъ не считаетъ, однако, той «*исторіей* внутренняго быта», «*исторіей* стараго быта», хотя бы частичной, которая представляется его уму, и которую онъ поминаетъ въ своемъ предисловіи, а смотритъ на него только какъ на «собраніе матеріаловъ», т.-е. фактическихъ матеріаловъ, «обработанныхъ больше или меньше».

«Въ настоящемъ сочиненіи о древнемъ домашнемъ бытѣ царей,—говоритъ онъ,—мы предлагаемъ опытъ подобной обработки предмета, далеко не удовлетворяющій всѣмъ нашимъ требованіямъ и въ существенномъ значеніи представляющій только *собраніе матеріаловъ, частію обработанныхъ больше или меньше, а частію даже въ сыромъ видѣ* ****). На первый разъ, думаемъ, и это не бесполезно. Мы вообще утѣшаемся тою мыслію, что во всякомъ случаѣ трудъ нашъ значительно облегчитъ *дальнѣйшую обработку* предмета» †). Это-то и заставляетъ автора «особенно дорожить подоб-

*) „Домашн. бытъ русск. царей въ XVI и XVII ст.“, стр. XIII.

**) „Характ. начальн. образов. въ до-петровское время“. Въ „Опытахъ“..., часть I, стр. 26.

***) О такихъ историческихъ работахъ Гастонъ Пари говоритъ: „Отвѣдавши такихъ содержательныхъ, насыщенныхъ фактами страницъ, которыя, при всей кажущейся безличности, содержатъ, однако, и, главнымъ образомъ, *возбуждаютъ столько мыслей*, трудно бываетъ читать даже выдающіяся книги, гдѣ содержаніе, выкроенное симметрично, по извѣстной системѣ и окрашенное фантазіей, подносится намъ, такъ сказать, въ преображенномъ видѣ, и гдѣ авторъ безпрестанно прерываетъ зрѣлище, стараясь намъ его разъяснить, и не даетъ намъ его разсмотрѣть“.

****) Послѣдніе „матеріалы“, это—документы, чертежи и рисунки, напечатанные въ приложеніи, т.-е. матеріалы въ смыслѣ уже не историческомъ, но археологическомъ, точнѣе—археографическомъ.

†) „Домашній бытъ русск. царей“. Часть I, стр. XVII.

ными (какъ сказано выше) мелочами, съ тою цѣлю, чтобы собраніемъ этихъ мелочей въ одно мѣсто подготовить научныя средства и тѣмъ самымъ доставить болѣе прочную возможность *возстановить исторію стараго быта* во всѣхъ подробностяхъ, съ самою документальною точностію» *).

Въ чемъ же состоитъ «дальнѣйшая обработка» предмета, идущая далѣе описанія, картины состоянія общества за извѣстное время? Въ «изученіи внутренняго народнаго развитія», въ послѣдовательномъ ходѣ котораго состояніе общества въ то или другое время является только ступенью, одной изъ многихъ ступеней, — въ составленіи, на основаніи такого изученія, «исторіи внутренняго развитія».

«...Намъ, — говоритъ Забѣлинъ, — необходимо съ особеннымъ вниманіемъ углубиться въ изученіе внутренняго народнаго *развитія*, которое въ своихъ послѣдовательныхъ *ступеняхъ* представитъ несравненно больше интереса и несравненно правдивѣе расскажетъ намъ нашу родную быль», чѣмъ «одна политическая сторона нашего прошедшаго» **). Коснувшись вскользь, при обсужденіи своего плана, также казачества, онъ намѣчаетъ въ развитіи этого закончившаго свой кругъ явленія слѣдующіе моменты: *начало* — какъ «отрицаніе земскихъ условій жизни», *сложеніе*, — въ «своеобразное земство», сплотившееся было «въ политическій типъ», постепенное *разложеніе* и окончательное *исчезновеніе*. Развитие, отъ начала до конца, вотъ — полный кругъ изученія и изображенія въ исторіи для каждаго явленія, отъ самаго простаго до самаго сложнаго. Вѣдь вся исторія народа «есть собственно *процессъ его развитія* ***).

Это, можно сказать, господствующая мысль у Забѣлина, которая высказывается и развивается имъ неоднократно. Онъ твердитъ не разъ, что «общество, народъ, государство, — какъ хотите», — изученіе и изображеніе которыхъ составляетъ задачу исторіи, должны быть понимаемы не «какъ автоматъ, какъ механика, построенная разными случайностями», а какъ «живое цѣлое». «Гражданское общество есть живая совокупность умственныхъ и нравственныхъ силъ, которыя... находятся... въ *постоянномъ, неуловимомъ движеніи*, какъ все органическое въ природѣ». «...Жизнь скрытыми путями *движется и растетъ*. Вся задача, слѣдовательно, въ томъ, чтобъ строго разобрать пошлый хламъ исторіи и напасть на эти потаенные пути народной жизни, раскрыть ея *движеніе*, указать ея *ростъ*... Задача — не легкая, но разрѣшимая...» ****).

Задача не легкая, — слѣдовательно заманчивая: пойти далѣе, въ сторону той «дальнѣйшей разработки предмета», о которой Забѣлинъ писалъ вообще въ предисловіи къ своему труду о домашнемъ бытѣ царей московскихъ. И, не возлагая надеждъ на другихъ, Иванъ

*) Тамъ же, часть I, стр. XIX.

**) Домашн. бытъ русск. царей въ XVI и XVII ст., стр. XVI.

***). „Размышл. о соврем. задач. русск. ист. и древн.“. Статья 1860 г., въ „Опытѣ...“, часть II, стр. 16.

****) Тамъ же, стр. 11, 16, 20 и 21.

Егоровичъ немедленно предпринимаетъ, «какъ дальнѣйшее развитіе изысканій автора по исторіи русскаго домашняго быта вообще», новый трудъ подъ заглавіемъ «Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ». Онъ снова пускается въ новое «необозримое поле для изысканій», одушевляемый надеждой «по возможности провести свое обозрѣніе русской исторіи до ближайшихъ къ намъ временъ» *). Такой трудъ онъ почиталъ «рѣшительно необходимымъ и неизбѣжнымъ, руководясь тою простою истиною, что *корни всякой исторической жизни* всегда скрываются очень глубоко въ отдаленныхъ вѣкахъ». И, приступая къ нему, считалъ своей цѣлью «хотя въ краткихъ очеркахъ обозначить главнѣйшіе *корни и истоки русскаго развитія*, политическаго, общественнаго и домашняго, въ его существенныхъ формахъ и направленіяхъ, съ раскрытіемъ его умственныхъ и нравственныхъ стремленій и бытовыхъ порядковъ» **).

Какъ же изучать и потомъ описывать измѣненіе обычаевъ, нравовъ, вообще бытовыхъ проявленій жизни, ихъ движеніе? Движеніе, вѣдь, «неуловимо». И для исторіи недоступна моментальная фотографія.

Изслѣдовать бытовые измѣненія, это значитъ—изучать бытовые факты въ ихъ послѣдовательности, въ теченіе вѣковъ и тысячелѣтій. За неспособностью человѣческаго воспріятія уловить всю непрерывную смѣну фактовъ и за невозможностью для исторіи взять на свои страницы даже одни уловимые факты, изслѣдователю, по необходимости, приходится и здѣсь, такъ или иначе, сводить, стягивать «послѣдовательные» факты, какъ сводятся, посредствомъ обобщенія, въ одну картину состоянія факты одновременные. Жизнь, въ своемъ ходѣ, отлагается, такъ сказать, «геологическими пластами», по выраженію Забѣлина. Подходя къ «непроходимому лѣсу мелочныхъ фактовъ и событій», онъ говоритъ: «въ этой массѣ оконченныхъ мелочныхъ домашнихъ дѣяній прожитая жизнь народа улеглась *послѣдовательными слоями, геологическими пластами*» ***).

*) Надеждъ этой не удалось, однако, осуществиться. Вышли только два тома «Исторіи русской жизни съ древнѣйшихъ временъ» (1876 и 1879 гг.), изъ которыхъ послѣдній обрывается главою о «водвореніи христіанства» и въ частности временемъ Ярослава.

**) «Ист. русс. жизни съ древнѣйш. врем.» Часть I, стр. V, VI и X.

Поставивъ въ оглавленіи своего новаго труда слово «Исторія русской жизни», авторъ, однако, приписываетъ себѣ заслугу не выполненія задачи, а хотя бы только постановки ея. «Заглавіе книги,—говоритъ онъ въ началѣ предисловія,—вполнѣ обозначаетъ цѣли и задачи настоящаго труда. Но выполненіе этихъ задачъ, конечно, требуетъ не тѣхъ силъ, какими обладаетъ авторъ. Его работа во всякомъ случаѣ будетъ только *попыткою уяснить себѣ эти самыя цѣли и задачи*, ибо легко ставить вопросъ,—и вовсе не легко *самымъ изслѣдованіемъ опредѣлить пространство и качество его разработки*». Да, помимо доброй воли и силъ автора, это зависитъ еще и отъ состоянія «избраннаго имъ поля для изысканій, на которомъ, вдобавокъ, не все то воздѣлано, чего требуетъ именно исторія жизни».

***) «Размышл. о современ. задач. русск. ист. и древн.». Въ «Опытахъ...», часть II, стр. 25.

Эти послѣдовательные «слои», или «пласты» въ исторіи называются *періодами*. Какъ въ геологіи пласты въ своемъ вертикальномъ сѣченіи отдѣляются пограничными линіями, такъ и въ исторіи, пронизывающей даль вѣковъ, періоды обозначаются своими «гранями». «Если всякое историческое начало,—говоритъ Забѣлинъ,—въ своемъ развитіи представляетъ непосредственное преемство формъ, то смѣна одной формы другою, по необходимости, должна дѣлать *грань* и въ самомъ изложеніи. Слѣдовательно, изложеніе, т.-е. *распоряженіе матеріаломъ*, должно *согнаться въ періоды* — соотвѣтственно этому преемству формъ, а содержаніемъ каждаго періода будетъ исторія извѣстнаго начала» *).

Вотъ, древняя русская жизнь — съ точки зрѣнія патріархальнаго начала. «Различныя ея *эпохи, періоды* и явленія суть не что иное, какъ различныя видоизмѣненія одного и того же патріархальнаго элемента». Такъ нашли «молодые любители русской исторіи». «Оставалось, затѣмъ, опредѣлить постоянный законъ, *формулу этихъ видоизмѣненій*, — и каждый сдѣлалъ это по-своему» **). Такимъ же образомъ Погодинъ изслѣдовалъ древнюю русскую исторію, по періодамъ. «Изслѣдованія свои я дѣлаю по періодамъ», — объяснялъ онъ. Иванъ Егоровичъ замѣчалъ только, что не надо изслѣдователю ставить дѣло изученія каждаго періода совершенно изолированно, замыкаться въ немъ такъ, чтобы казалось, что «до послѣдующаго хода исторіи ему дѣла нѣтъ». «Періоды времени, вѣдь, только съ цифирной точки зрѣнія совершенно раздѣлены, и въ исторіи каждый изъ нихъ составляетъ неотъемлемую часть общаго организма» ***). Къ изученію и изложенію фактовъ по періодамъ можно, слѣдовательно, приложить тѣ же слова, что были сказаны Забѣлинымъ относительно изученія фактовъ «по типамъ»: «раздѣльное ихъ изученіе есть только неизбѣжный путь научныхъ изслѣдованій» ****). Попытку отказаться отъ такого способа изученія въ дѣлѣ исторіи Иванъ Егоровичъ считаетъ напраснымъ дѣломъ.

Вотъ, «въ исторіи г. Соловьева,—говоритъ онъ,—нѣтъ періодовъ. Еще въ началѣ своего труда авторъ положилъ: не дѣлить, не дробить русскую исторію на отдѣльныя части, періоды, а соединять ихъ, слѣдить за связью явленій, за непосредственнымъ преемствомъ формъ, не раздѣлять началъ, но разсматривать ихъ во взаимодѣйствіи. Устраняя такимъ образомъ,—замѣчаетъ Забѣлинъ,—дѣленіе русской исторіи на періоды, авторъ доказываетъ, напримѣръ,

*) «Замѣтки о книгахъ» (Истор. Россіи г. Соловьева, т. II, 1852 г. и т. III, 1852 г.). Въ «Опытахъ...», часть I, стр. 364—366.

**) «Размышл. о соврем. задач. русск. истор. и древностей». Въ «Опытахъ...», часть II, стр. 32.—Цитата изъ «Сочиненій Кавелина».

«Мы старались опредѣлить формулу, по которой совершаются внутреннія измѣненія народнаго быта...» — говоритъ Кавелинъ и о самомъ себѣ. — Тамъ же, стр. 51.

***) Математ. методъ въ ист.». Въ «Опытахъ...», часть I, стр. 365, примѣчаніе.

****) «Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII ст.». Часть I, стр. XVI.

что о норманскомъ періодѣ, о монгольскомъ періодѣ и прочее не должно быть и рѣчи, потому что такими обозначеніями необходимо закрываются главныя явленія, главныя причины этихъ явленій. Все это такъ и, до извѣстной степени, можетъ быть справедливо: намъ нужны начала, непосредственное преемство формъ. Но какъ же мы распорядимся съ матеріаломъ? Какъ легче изучить, уразумѣть этотъ матеріалъ,—въ цѣлой ли необозримой грудѣ, или по частямъ, которыя должны выяснить цѣлое, всю массу минувшихъ событій и фактовъ исторической жизни народа?.. Каждая глава исторіи г. Соловьева, по сущности изложенія, носитъ *характеръ цѣлаго періода* и, слѣдовательно, вся исторія изложена синхронистически: въ данное время, опредѣленное главою, авторъ обозрѣваетъ всѣ событія, совершившіяся въ тогдашней русской области, слѣдитъ за всѣми явленіями, возникшими во всѣхъ ея концахъ. Само собою разумѣется, что выясненіе основного начала много терпитъ отъ такого изложенія. Авторъ отвергнулъ дѣленіе на періоды, но зато раздробилъ русскую исторію на главы, предложилъ такое дробное дѣленіе главныхъ историческихъ началъ, непосредственного преемства формъ, что для читателя весьма трудно вникнуть въ это непосредственное преемство формъ, весьма трудно дать себѣ отчетъ въ ихъ ровномъ, послѣдовательномъ шествіи» *).

Какъ примѣнять къ изучаемому предмету этотъ существенный и даже «неизбѣжный» приѣмъ изслѣдованія въ исторіи? Къ этому дѣлу вполне приложимы слова назиданія, сказанныя Забѣлинымъ о дѣленіи археологіи—по памятникамъ, по поводу легкаго обращенія съ нимъ у Сахарова **). Въ примѣненіи къ исторіи они будутъ звучать такъ. «Основаніемъ всякому дѣленію исторіи на эпохи, должны служить *самые факты*, ихъ характеръ, который одинъ только и можетъ опредѣлить эпоху; но для этого нужно *пристальное, глубокое изученіе фактовъ*, которое дается не только трудомъ, но и временемъ». Въ развитіи обычаевъ, нравовъ, вообще бытовыхъ привычекъ періоды обозначаются глубокими, отчетливо видными измѣненіями въ той или другой привычкахъ, въ самомъ типѣ, придерживавшемся ихъ. Такъ, въ исторіи передового, верховнаго типа русской жизни быть царей въ XVI—XVII ст. составляетъ особый періодъ по слѣдующимъ соображеніямъ автора.

Съ одной стороны, «старый русскій домашній бытъ и особенно бытъ русскаго великаго государя, со всѣми своими уставами, положеніями, формами, чинностью и чтивостью, наиболѣе полно выразился къ концу XVII ст. Это была эпоха послѣднихъ дней для

*) „Замѣтки о книгахъ“. Въ „Опытахъ...“, часть I, стр. 564—566.

**) „Русская археологія“. Въ „Опытахъ...“, часть II, стр. 86.

„Основаніемъ всякому дѣленію археологіи на эпохи, должны служить *самые памятники*, ихъ характеръ, который одинъ только и можетъ опредѣлить эпоху; но для этого нужно *пристальное, глубокое изученіе памятниковъ*, которое дается не только трудомъ, но и временемъ“.

нашей домашней и общественной старины, когда все, чѣмъ была сильна и богата эта старина, высказалось и закончилось въ такіе образы и формы, съ которыми, по тому же пути, дальше идти было невозможно. Москва, сильнѣйшая изъ жизненныхъ силъ старой Руси, въ эту замѣчательную и любопытную эпоху, отживала свой вѣкъ, при полномъ господствѣ историческаго начала, которое ею было выработано и водвореніе котораго въ жизни стоило столькихъ жертвъ и такой долгой и упорной борьбы. Политическое единство русской земли, къ которому неизбѣжно вели московскія стремленія и преданія, являлось уже неоспоримымъ и несомнѣннымъ дѣломъ и въ умахъ самого народа и для всѣхъ сосѣдей, когда-либо протягивавшихъ руку за нашими землями. Представитель этого единства—*московскій великій государь, самодержецъ всея Руси*, сталъ въ отношеніи къ земству на недостижимую высоту, о которой едва ли и помышляли наши предки» *).

Съ другой стороны, «ничего соотвѣтствующаго этому пресвѣтлому царскому величеству въ древней нашей жизни мы не видимъ... Типъ великаго князя древней Руси не былъ очерченъ рѣзко, опредѣленно. Онъ терялся среди собственнаго княжескаго племени, среди дружинниковъ и вѣчевыхъ городовъ, пользовавшихся почти равною самостоятельностью голоса, власти и дѣйствій. Черты этого типа пропадаютъ въ общемъ строѣ земли. Онъ не вдругъ пріобрѣтаетъ даже имя великаго и просто именуется *княземъ*, съ прибавленіемъ изрѣдка титула *господинъ*, что показывало только вообще властное его значеніе... Правда, достоинство князя, какъ извѣстнаго общественнаго типа, было достояніемъ лицъ только княжескаго же рода и никому другому принадлежать не могло. Какъ скоро племя расплодилось, и простое обычное достоинство князя потребовалось возвысить для лицъ, стоявшихъ почему-либо впереди и, слѣдовательно, выше другихъ, — тотчасъ же къ имени князь стали прибавлять прилагательное *великій*, что значило: старшій, большакъ. Этимъ титуломъ жизнь обозначила, что достоинство князя отъ раздробленія на мелкія части, утративъ прежнее значеніе, измельчало, изнасилось, и что, слѣдовательно, наступила *новая фаза* въ развитіи княжескихъ отношеній. Тѣмъ же путемъ прошелъ и титулъ великаго князя. Сначала онъ обозначалъ только старшаго во всемъ племени, а позже—старшаго въ своей волости, такъ что къ *концу фазы* почти всѣ самостоятельные князья стали именоваться великими. Такимъ образомъ, снова обнаружилось измельчаніе великокняжескаго достоинства. Къ XV-му вѣку не только тверской или рязанскій, но даже и пронскій князь именуется уже себя великимъ княземъ и именно въ то время, когда поступаетъ въ подручники, въ службу господину осподарю (Витовту). Это новое имя явилось на смѣну прежняго отжившаго имени и начало новую фазу развитія земскихъ понятій о достоинствѣ князя. Понятіе осподарь, государь..., по

*) „Домашній бытъ русск. царей въ XVI и XVII ст.“. Часть I, стр. 1 и 2.

свойству своихъ жизненныхъ силъ, въ самомъ началѣ уже показывало, что стремится совсѣмъ упразднить первоначальное общее, и при томъ пришлое, достоинство князя, упразднить самое понятіе объ этомъ достоинствѣ, что въ точности и случилось, когда эта фаза достигла полного развитія. Въ XVII ст. многіе князья Рюрикова племени смѣшались съ земствомъ и навѣки забыли о своемъ княжескомъ происхожденіи. Такимъ образомъ, типъ древняго князя, *переходя въ своемъ развитіи изъ фазы въ фазу*, къ концу пути вовсе разложился, угасъ, оставивъ по себѣ одно имя, какъ археологическую рѣдкость и достопамятность» *).

Конечно, и «новый типъ созидался *постепенно, шагъ за шагомъ*, подъ гнетомъ событій, подъ вліяніемъ новыхъ жизненныхъ началъ и книжныхъ ученій, его распространявшихъ и утверждавшихъ». И всѣ факты этой «постепенности» подъ опытными руками изслѣдователя царскаго быта слились въ одной «законченности образа и формы», въ особой описательной формулѣ—«формулѣ измѣненій». А рядомъ съ царскимъ типомъ стоитъ, какъ отмѣчено у Забѣлина, предшествовавшій ему княжескій типъ, съ своею формулою измѣненій, не касаясь послѣдующаго императорскаго типа. Взятые всѣ вмѣстѣ, они, какъ цѣлый рядъ, будутъ, конечно, нуждаться въ одной объединяющей формулѣ, формулѣ общаго хода развитія. Этотъ процессъ изученія и изложенія приложимъ къ развитію и иныхъ типовъ или рядовъ типовъ домашняго быта и ко всякой другой сторонѣ быта.

Такова логическая стадія исторической работы, связывающая массы отдѣльных фактовъ, разсыпанныхъ, «какъ песокъ», въ одно «научное цѣлое»,—посредствомъ обобщенія фактовъ одновременныхъ и объединенія послѣдовательныхъ.

Обсуждаемая въ теоріи отдѣльно отъ начальной стадіи «механическаго дѣла собранія фактовъ», она на практикѣ начинаетъ проявлять себя вмѣстѣ съ первою; болѣе того, она не можетъ не прорываться уже на самыхъ первыхъ шагахъ. Это прекрасно выражено Забѣлинымъ въ передаваемыхъ имъ личныхъ переживаніяхъ ученой работы.

«Вы пожелали написать о какомъ-либо предметѣ изслѣдованіе, диссертацию. Что можетъ быть естественнѣе, обыкновеннѣе, когда вы..., **) дѣлаете выписки, внося въ свои тетради, разумѣется, главнѣйшіе, болѣе яркіе факты... и пропуская, для облегченія работы, множество фактовъ, однородныхъ по содержанію, по качеству. Собранныя такимъ образомъ въ достаточномъ количествѣ данныя, по большей части, сами собою готовятъ выводъ, подсказываютъ вамъ его, и вамъ остается только выставить его подъ слагаемыми. Вотъ самый обычный и единственный процессъ предварительныхъ работъ

*) «Домашній бытъ русск. царей въ XVI и XVII ст.». Часть I. стр. 2—6.

**) Послѣ предварительнаго «изученія источниковъ», конечно. См. выше, стр. 95.

по какому-либо изслѣдованію, единственный не потому, что онъ ведетъ, будто бы, прямо къ цѣли, а потому, что онъ самый естественный, такой, котораго иначе и придумать человѣку невозможно...»

Но «собираніе фактовъ, заготовка матеріала, какъ *дѣло чисто механическое*, есть только *внѣшняя, матеріальная сторона изслѣдовательныхъ работъ*. Человѣкъ—не машина, и, хотя для собиранія фактовъ не нужно имѣть особливыхъ способностей, какъ думаетъ Погодинъ, и достаточно одной только механической сноровки—все-таки мысль возьметъ свое. Механическая работа собиранія все-таки каждую минуту будетъ находиться подъ контролемъ мысли, *приводящей частности—въ общее, въ единство, безпорядокъ—въ порядокъ...* Мысль—вольная птица, свободнѣйшее изъ свободнѣйшихъ существъ на землѣ, — она вѣчно въ движеніи, вѣчно торопится, спѣшитъ дальше и дальше, впередъ и впередъ, — вотъ девизъ ея дѣятельности. Мысль не въ силахъ долго ждать и сидѣть подлѣ васъ, сложа руки, пока вы будете копаться въ матеріалахъ, черпать по наперстку изъ вашихъ источниковъ, собирать тамъ и сямъ по крупницѣ».

«Какъ только вы собрали малую толику, мысль тотчасъ же стремится осмыслить эту малую толику, *претворить собранный грубый матеріалъ въ самое себя—въ мысль*. И вотъ вы, не успѣвъ еще порядочно освоиться съ матеріаломъ,... *пріобрѣтаете уже систему, высшій взглядъ, однимъ словомъ, пріобрѣтаете мысль, которая вдругъ выводитъ васъ на Божій свѣтъ, озаряетъ вамъ тяжкій путь исканій и разысканій*. И какъ освѣжительно бываетъ это первое, какъ бы весеннее, вѣяніе мысли среди черной, скучной, копотливой, безотрадной работы... Волею-неволею вы подчиняетесь этому первому сверкнувшему лучу, радуетесь ему, какъ ребенокъ, желаете освѣтить этимъ лучемъ всю массу собранныхъ вами фактовъ... Но—увы!—весьма часто такой свѣтъ оказывается недостаточнымъ или, какъ говорятъ, ложнымъ, мало по-малу гаснетъ,—и вы остаетесь еще въ бѣлой темнотѣ среди своихъ матеріаловъ и продолжаете тяжелый трудъ до тѣхъ поръ, пока онъ снова не осмыслится, снова не освѣтится мыслию, болѣе свѣтлою, сильною, болѣе, слѣдовательно, вѣрною, истинною. *Вотъ какимъ путемъ возникаютъ теоріи, системы, высшіе взгляды; т.-е. они возникаютъ, рождаются въ одно время съ разработкою матеріала, на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ происходитъ механическое подбораніе фактовъ...*»

Эта, «*спѣшащая дальше и дальше, впередъ и впередъ*», *дальше «собираемыхъ крупницъ»*, мысль есть творческое наитіе, наведеніе, или индукція, т.-е. умозаключеніе отъ частнаго къ обществу. Основываясь на идеѣ единообразнаго порядка явленій *), своего рода

*) Коснувшись ученія о метаморфозѣ, Забѣлинъ говоритъ: «Таковъ неизмѣнный законъ, такова сущность жизни матеріальной, тѣлесной въ природѣ человѣка, такова же сущность и его жизни духовной. Въ общественной жизни, въ организмѣ народа совершается то же самое, что и въ единичной жизни человѣка. ибо законы естества неизмѣнно одни и тѣ же для всего живущаго, тѣлеснаго и духовнаго.—„Размышленія...“ Въ „Опытахъ...“, часть II, стр. 15.

«логикѣ фактовъ», по выраженію Забѣлина, она распространяетъ свое сужденіе на всю группу фактовъ и тѣмъ значительно сокращаетъ путь изслѣдованія, открываетъ возможность заключенія и тогда, когда рядъ фактовъ самъ по себѣ не полонъ, разбитъ, оборванъ, какъ это обыкновенно бываетъ съ фактами прошлаго въ исторіи. Конечно, чѣмъ больше изслѣдовано фактовъ извѣстнаго рода, чѣмъ они типичнѣе и разностороннѣе для своей группы, тѣмъ лучше обезпечена правильность заключенія. При этомъ изслѣдователь не забываетъ оглядываться на всю окружающую дѣйствительность, чтобы легче изъ множества логическихъ возможностей выбрать именно ту, которая реально возможна.

«Само собою разумѣется, — продолжаетъ Иванъ Егоровичъ, — безъ фактовъ, свидѣтельствъ, опытовъ, — въ наукѣ ничего не добудешь. Да и вообще *только факты* (въ обширномъ значеніи) *способствуютъ образованію мыслей, понятій и всяческихъ заключеній*. Какъ бы ни былъ ложенъ и нелѣпъ иной выводъ, а, все-таки, онъ на чемъ же нибудь да основывается, и, слѣдовательно, всѣ теоріи, системы и высшіе взгляды всегда такъ же имѣютъ основаніе. Здѣсь рѣчь можетъ быть о томъ, *каково это основаніе* и откуда оно явилось. Явилась ли теорія *изъ полного и по возможности всесторонняго критически проведеннаго изученія матеріаловъ и вообще изслѣдуемаго предмета*, или она возникла, какъ мечта, по поводу двухъ-трехъ фактовъ, особенно полюбившихся изслѣдователю и подтверждающихъ его задушевные вѣрованія, однимъ словомъ, возникла ли теорія на той же самой матеріальной почвѣ, или она привнесена извнѣ, изъ другой области, которая иной разъ не представляетъ даже ничего общаго съ наукою. Бѣда не велика, если, въ первомъ случаѣ, выводы будутъ преждевременны, поспѣшны (отъ этого даже трудно и уберечься, ибо мысль, какъ мы замѣтили, неудержимо рвется осмыслить изучаемое дѣло и тѣмъ способствуетъ торопливости, а слѣдовательно и ошибочности выводовъ); но за то, при дальнѣйшемъ изученіи предмета, ихъ скоро можно оставить, легко съ ними разстаться, убѣдившись въ ихъ *ложности и преждевременности*. Легко, по крайней мѣрѣ, несравненно легче разрушить то, что самъ же создалъ...» *).

«Разрушить то, что самъ же создалъ...» Значить, Иванъ Егоровичъ говоритъ здѣсь такъ благодушно о внутренней работѣ ума,

*) „Матем. мет. въ ист.“. Въ „Опытахъ...“, часть I, стр. 362—364.

Далѣе авторъ говоритъ о предвзятыхъ взглядахъ. „Настоящая бѣда въ наукѣ бываетъ отъ такихъ *готовыхъ выводовъ и теорій*, которые возникаютъ не на ея почвѣ, а прививаются, растутъ и усиливаются съ младенчества, подъ сѣнью родительскихъ и школьных истинъ, передаваемыхъ обыкновенно не иначе, какъ подъ видомъ аксіомъ. Вотъ такіе-то готовые выводы и теоріи больше всего путаютъ науку“. Въ этомъ, между прочимъ, Забѣлинъ винитъ и „воспитаніе (школы, не исключая университетовъ), которое въ наше время по преимуществу такъ и ведется, чтобъ наполнить насъ какъ можно полнѣе готовыми мыслями, понятіями, теоріями, лишая вовсе *самодѣятельности, т.-е. добыванія истины, знанія собственнымъ опытомъ, такъ сказать, собственными руками*“.

о періодѣ броженія мыслей, а не о публичномъ, печатномъ выступленіи съ ними, какъ съ отлившимися въ окончательную форму. Относясь строго къ послѣднему, онъ сурово высказывается насчетъ нашей недисциплинированности въ научномъ отношеніи, на счетъ того, какъ «мы славно умствуемъ и очень мало знаемъ». «Въ то время, какъ у англичанина или нѣмца, ученаго или публициста, научный или соціальный выводъ, такъ сказать, самъ вырастаетъ изъ фактовъ, изъ массы умно и здраво переработанныхъ свѣдѣній, — у насъ торжествуетъ *ловкое, изворотливое умствование надъ фактами*, надувающее факты, какъ мыльные пузыри, такъ что собственно научныхъ выводовъ у насъ и не бываетъ; ихъ замѣняютъ бродячія въ обществѣ модныя идеи и идейки, къ которымъ и пришиваются историческіе и всякіе другіе факты, какъ пуговицы къ кафтану...» *).

Такъ, «разработка исторіи юридическаго и экономическаго народнаго быта страдаетъ именно совершеннымъ *отсутствіемъ строгого, основательнаго метода* историко-филологической школы, вслѣдствіе чего этотъ отдѣлъ исторіи народности подчиняется всѣмъ вѣтрамъ теперешней публицистики и доставляетъ только болѣе или менѣе эластическій матеріалъ, который вытягивается и натягивается, какъ кому угодно. Въ самомъ дѣлѣ, при теперешнемъ оживленномъ интересѣ къ крестьянскому быту, при неумолкаемыхъ исканіяхъ и восхваленіяхъ коренныхъ, чисто русскихъ началъ общественнаго развитія, казалось бы, можно ожидать самыхъ внимательныхъ и подробныхъ, а, главное, критическихъ изслѣдованій, на примѣръ, о древнихъ экономическихъ и юридическихъ условіяхъ крестьянскаго быта, въ которыхъ всегда покоятся эти корни-начала. Взамѣнъ того мы получаемъ утопіи о круговой поруцѣ, о стародавней полноправности крестьянъ, объ общинномъ или вѣчевомъ устройствѣ, объ общинномъ владѣніи, о самостоятельной федераціи земель и т. д., которыя являются не съ цѣлью раскрыть дѣйствительныя и положительныя общественныя силы нашей древности со всею полнотою ихъ жизненнаго проявленія, а главнымъ образомъ съ цѣлью доказать, что во всемъ виновата Москва съ ея централизаціею, такъ что большая часть такихъ трудовъ... принадлежитъ больше къ сферѣ публицистики, чѣмъ къ сферѣ ученыхъ изысканій и наблюденій, за которыя большею частью выдается» **).

О такомъ «скоромъ и легкомъ», — не въ примѣръ усидчивому нѣмцу или англичанину — рѣшеніи, при помощи «ловкаго умствования», историческихъ вопросовъ, начиная съ «удѣльно-вѣчевого быта»

*) „Задорно обличая старое время, обличая весь современный нашъ бытъ, обличая другихъ, — заканчиваетъ авторъ, — мы въ то же время обличаемъ, и уже достаточно успѣли обличить, и самихъ себя“, т. е. обличить, конечно, въ своемъ историческомъ невѣжествѣ. — „Соврем. взгляды и направл. въ русск. ист.“ Статья 1863 г., въ „Опытахъ...“, часть I, стр. 309—310.

**) „Соврем. взгляды и направл. въ русск. ист.“ Въ „Опытахъ...“, часть I, стр. 353 и 354.

и кончая «нѣмецкой бюрократіей» *), Забѣлинъ говоритъ съ укоромъ, не смотря на все свое снисхожденіе. Пусть «нельзя сомнѣваться, что и по этому пути объяснится много историческихъ фактовъ, раскроются новыя стороны нашего прошлаго, и старый даже матеріаль, равно какъ и прежніе выводы, мы тщательно пересмотримъ, подкрѣпимъ слабыя мѣста новыми доказательствами или же совсѣмъ устранимъ преждевременныя и слишкомъ одностороннія заключенія. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, подобнымъ представленіемъ о нашемъ прошедшемъ мы *распространимъ значительную долю заблужденій, загрозимъ свободный путь науки извращенными понятіями, которыя всегда съ такимъ трудомъ возвращаются на прямую и истинную дорогу*» **).

Въ этомъ отношеніи даже популярная статья, какъ «Правленіе царевны Софіи» Щебальскаго, съ ея «слишкомъ поспѣшными и до крайности рѣшительными приговорами историческимъ лицамъ,... можетъ принести много вреда историческому дѣлу. Какъ живой посредникъ, проводникъ между наукою и публикою, она можетъ разлить въ обществѣ, *внести въ общій оборотъ знанія—ложныя положенія, ложныя изображенія событій и лицъ*. Публика воспитывается подобными статьями. Каждый ей сообщаемый фактъ она принимаетъ безъ повѣрки» ***).

Въ результатѣ синтетической работы надъ разрозненными фактами получается знаніе, фактическое знаніе, стремящееся, обоими путями, обобщенія одновременныхъ и объединенія послѣдовательныхъ фактовъ, стать всеобъемлющимъ — до всемірной исторіи, глубокопроникающимъ — до самыхъ первыхъ проблесковъ существованія человѣка въ отдаленныхъ вѣкахъ.

Въ такомъ видѣ исторія, «такъ называемая исторія,—говоритъ Забѣлинъ, — вращается еще въ сферѣ изслѣдовательности», т.-е. изслѣдованія фактовъ, «и представляетъ, въ сущности, только матеріаль исторіи, болѣе или менѣе обработанный». Здѣсь «все внима-

*) Смори выше, стр. 137.

**) „Современ. взгляды...“, Въ „Опытахъ“..., часть I, стр. 327 и 328.

***) „Драматич. прикрасы въ ист.“. Въ „Опытахъ...“, часть I, стр. 423.

По поводу вышеупомянутыхъ предвзятыхъ взглядовъ Забѣлинъ говоритъ то же самое. „Есть много умовъ, для которыхъ школа, т.-е. кругъ понятій, принятыхъ на вѣру, вполне замѣняетъ непосредственное наблюденіе, непосредственную дѣятельность мысли... Къ каждому предмету изслѣдованія или наблюденія эти умы подходятъ съ запасомъ *готовыхъ выводовъ или положеній* и въ своихъ разысканіяхъ останавливаются только на такихъ фактахъ, которые способны подтвердить эти задушевные положенія, оставляя въ сторонѣ, безъ малѣйшаго вниманія и даже пониманія, все то, что съ ними не согласуется. Къ каждому предмету они подходятъ не съ цѣлью узнать предметъ, а съ цѣлью найти въ немъ подтвержденіе своимъ любимымъ положеніямъ. При всей относительной пользѣ такого направленія въ наукѣ, это направленіе наноситъ ей несравненно болѣе вреда, *загромождая ее матеріально невѣрными поясненіями и вводоря въ ея области ложныя заключенія, съ которыми, когда они усилятся до значенія авторитетовъ, борьба бываетъ всегда трудна*“. — „Характ. начальн. образов. въ донетровск. время“. Въ „Опытахъ...“, часть I, стр. 53.

ніе обращено... на изслѣдованіе и возстановленіе событій, на обработку матеріаловъ». Такой «характеръ историческаго изслѣдованія и изложенія напоминаетъ или первоначальную лѣтопись, или исторію естественную, т.-е. простое описаніе фактовъ и явленій, человѣческихъ дѣлъ, распределенныхъ иногда по родамъ и видамъ, напри- мѣръ, дѣла военныя, дѣла гражданскія, дѣла церковныя, домашнія и т. д. Единственная связь, на которой держится повѣствованіе, это — хронологія, послѣдовательность годовъ, связь, слѣдственно, чисто внѣшняя, механическая, способная скорѣе затемнить дѣло, чѣмъ дать живое представленіе о народной жизни. Послѣдователь- ность годовъ почитается неизмѣннымъ условіемъ потому, что еще сильно преданіе лѣтописи, что исторія еще не далеко ушла отъ немудрыхъ трудовъ почтенныхъ своею древностью Несторовъ» *). Все это — «еще только первоначальное, элементарное собственно фактическое знаніе...», и «это — односторонность» **).

«Простое описаніе фактовъ», какой бы всеобъемлющей полноты, совершенной точности и стройной группировки оно ни достигало въ своихъ формулахъ, не служитъ еще завершеніемъ ученой работы.

Исторія, какъ выражается Забѣлинъ, — «уже не фактъ, а наука, т.-е. пониманіе факта..., той правды, которую носить въ себѣ фактъ» ***). Надъ простымъ фактическимъ знаніемъ есть еще «выс- шая сфера знанія — сознательное пониманіе...» ****). И наука есть «область человѣческаго сознанія» †), «результатъ человѣческой мысли, результатъ умственной жизни человѣка ††), — мысли, кото- рая «стремится претворить собранный грубый матеріалъ въ самое себя, въ мысль» †††). Это и есть то самое «чистое знаніе», «отвле- ченное знаніе», о которыхъ говорятъ, въ приложеніи къ исторіи, современные ея теоретики Бернгеймъ и Ланглуа.

Какъ въ искусствѣ, такъ и въ наукѣ совершается «естествен- ный процессъ человѣческаго творчества: возводитъ знаніе въ актъ сознанія, къ чему ведетъ и конечная цѣль исторіи» ††††). «Молодому другу исторіи», о которомъ вели бесѣду Погодинъ съ Забѣлинымъ, послѣдній рекомендовалъ всегда имѣть въ виду «главнаго и необхо- димаго своего спутника, свѣточа исторіи, именно историческое по- ниманіе, которое пріобрѣтается вниканіемъ въ жизненный смыслъ

*) „Размышл. о соврем. задач. русск. ист. и древн.“. Въ „Опытахъ...“, часть II, стр. 24, 31, и 7.

**) Тамъ же, стр. 23 и

„Фельетонизмъ въ критикѣ“. Въ „Опытахъ“, часть I стр. 461.

***) „Русск. археологія“. Въ „Опытахъ...“, часть II, стр. 81. — Авторъ называетъ здѣсь „археологію“ въ смыслѣ бытовой исторіи и говоритъ о ней, какъ занимающейся не одними памятниками, источниками, но и „фактами“.

****) „Размышленіе...“. Въ „Опытахъ...“, часть II, стр. 62.

†) Тамъ же, часть II, стр. 8.

††) „Фельетонизмъ въ критикѣ“. Въ „Опытахъ...“, часть I, стр. 459.

†††) „Матем. мет. въ ист.“. Въ „Опытахъ...“, часть I, стр. 363.

††††) „Домашн. бытъ русск. царей въ XVI и XVII ст.“. Часть I, стр. XIV.

фактовъ, способностію читать и понимать не однѣ строки, но еще и то, что содержится между строкъ... *)). На этой ступени изученія историкъ уже не можетъ сказать: «Наше дѣло — собрать... факты минувшей дѣйствительности, предоставляя... краснорѣчивое ихъ разъясненіе—имъ же самимъ». Въ отношеніи, напримѣръ, русской исторіи его конечная *цѣль*, самымъ положительнымъ образомъ, заключается «въ томъ, чтобъ представить не дѣйствительность русской старины, а свое воззрѣніе на нее». Чтобы не остановиться на первоначальной ступени знанія, на собственно фактическомъ знаніи и подняться до идейнаго познанія предмета, изслѣдователю остается еще раскрыть смыслъ фактовъ, придти къ пониманію предмета въ цѣломъ и дать свое воззрѣніе, свой взглядъ на него, каковъ бы онъ ни былъ **). Конечно, въ наукѣ имѣется въ виду строго обставленное пониманіе, такое, о которомъ Забѣлинъ говоритъ, что «тотъ или иной взглядъ на предметъ, такое или иное пониманіе предмета изслѣдователь... *пріобрѣтаетъ постепенно, по мѣрѣ непосредственнаго и долгаго изученія фактовъ*» ***). И это «пониманіе человѣческой исторіи» должно быть, въ своемъ идеалѣ, «всеобъемлющимъ и глубоко-проникающимъ» (Бернгеймъ) такъ же, какъ и знаніе ея.

Въ чемъ же состоитъ пониманіе фактовъ—сверхъ знанія ихъ? Что значитъ въ отношеніи фактовъ читать между строкъ?

Вышеизложенный планъ Забѣлина для разработки русскаго быта остановился съ одной стороны—на «картинахъ» и «типахъ», доведенныхъ до предѣловъ обобщенія одновременныхъ фактовъ домашняго быта, съ другой — на періодахъ, полагающихъ грани въ ряду послѣдовательныхъ фактовъ этого быта. За предѣлами обобщенія однородныхъ фактовъ домашняго быта, хотя бы оно обняло все человѣчество, лежатъ факты другого рода, напримѣръ, государственнаго быта, которые уже не могутъ быть обобщаемы никоимъ образомъ съ первыми, какъ не могутъ быть слагаемы, по образному сравненію Ивана Егоровича, «именованныя числа» съ разными «именами». Факты другого рода составляютъ собою, могутъ составить, другую, одновременную съ первой, картину и типъ и т. д. Точно такъ же, сколько бы ни вмѣщали въ одинъ періодъ послѣдовательныхъ фактовъ, всегда останутся за предѣлами сводки такіе факты, которые не могутъ быть стянуты въ картину даннаго періода, а дадутъ матеріалъ для послѣдующаго и предыдущаго періодовъ и т. д. Однимъ словомъ, рано или поздно, наступаютъ предѣлы, за которыми никакіе уже факты, ни наличные, ни искомые, не приведутъ изслѣдователя къ дальнѣйшему обобщенію, объединенію своего знанія. Чтобы заполнить пробѣлы между отдѣльными группами фактовъ, находящимися только во внѣшнихъ отношеніяхъ сосѣдства и сосуществованія, «цементировать» ихъ, по образному

*) „Матем. мет. въ ист.“. Въ „Опытахъ...“, часть I, стр. 380.

**) О критическомъ разборѣ „прежнихъ объясненій“ и „придуманіи каковаго-нибудь новаго воззрѣнія“ на предметъ—см. „Опыты“, ч. I, стр. 456.

***) „Характ. начальн. образов. Въ „Опытахъ...“, часть I, стр. 62 и 53.

выраженію Ивана Егоровича *), надо создать «внутреннюю связь» между ними путем изслѣдованія области внутреннихъ отношеній. Отсюда начинается уже область «чистаго знанія», состоящаго въ изслѣдованіи отношеній между полученными группами разнородныхъ фактовъ, въ видѣ картинъ и періодовъ, а также и отдѣльными фактами,— изслѣдованіи, разъясняющемъ ихъ связь, причинную связь, вліянія, взаимнодѣйствіе, происхождение **).

«Гражданское общество, народъ, есть живая совокупность умственныхъ и нравственныхъ силъ, которыя... находятся въ *постоянномъ неуловимомъ взаимнодѣйствіи*, въ постоянномъ неуловимомъ движеніи, какъ все органическое въ природѣ». Какъ ни «неуловимо» это взаимнодѣйствіе, во всѣхъ своихъ безчисленныхъ, неисчерпаемо разнообразныхъ моментахъ и безконечныхъ сплетеніяхъ, его надо стараться «уловить», насколько позволяютъ человѣческія способности, и поскольку требуетъ того наука.

Взять, напримѣръ, домашній бытъ. «Въ настоящее время,— такъ начинается Забѣлинъ предисловіе къ своему труду,— излишне говорить о томъ, какое важное значеніе, при теперешнемъ направленіи историческихъ работъ, получаетъ изученіе домашняго быта, житія-бытія отжившихъ поколѣній. Выводы науки, даже событія современной жизни, съ каждымъ днемъ все больше раскрываютъ истину, что домашній бытъ человѣка есть *среда, въ которой лежатъ зародыши и зачатки всѣхъ, такъ называемыхъ, великихъ событий* его исторіи, зародыши и зачатки его *развитія и всевозможныхъ явленій его жизни, общественной и политической, или государственной*». «Въ исторіи внутренняго развитія,— повторяетъ онъ тамъ же, объясняя побужденія, заставившія его начать изученіе именно съ этой группы фактовъ,— домашній бытъ народа составляетъ *основной узелъ*. По крайней мѣрѣ, въ его уставахъ, порядкахъ, въ его нравственныхъ началахъ кроются *основы всего общественнаго строя земли, не исключая и политической формы*. Въ его средѣ воспитывается каждый дѣятель земли, и мало-по-малу, созидаются тѣ силы, которыя потомъ управляютъ ходомъ исторіи. Поэтому, домашній бытъ становится ближайшимъ предметомъ въ изученіи бытовой исторіи и по необходимости занимаетъ въ ней начальное мѣсто». «Это — въ собственномъ смыслѣ историческая природа человѣка, столько же сильная и столько же разнообразная въ своихъ дѣйствіяхъ и явленіяхъ, какъ и природа его физическаго существованія». «Сила *народнаго быта* есть сила самой природы,... необходимо прежде хорошо и подробно узнать ея свойства, внимательно прислушаться къ ея *требованіямъ*, узнать непосредственные *родники ея жизни*, всегда глубоко скрытые въ мелочныхъ и многообразныхъ бытовыхъ условіяхъ. Конечно, удовлетворить *такимъ запросамъ* очень трудно и

*) „Размышленія...“ Въ „Опытахъ...“, часть II, стр. 37.—См. выше, стр. 141.

**) Наука есть отвлеченное знаніе отношеній между фактами (Ланглюа). Наука—чистое знаніе, предметъ котораго своеобразная область фактовъ, имѣющихъ между собою своеобразную причинную связь (Бернгеймъ).

тѣмъ болѣе, — что наука не слишкомъ давно обратила вниманіе на эти запросы и не успѣла еще приготовить достаточно матеріала для ихъ разрѣшенія» *).

Отношенія политическаго строя къ домашнему быту раскрываются въ такомъ видѣ. «Сѣмена государственной формы необходимо искать въ частномъ быту, въ формахъ частныхъ единичныхъ отношеній. Не къ татарамъ и не въ Византію мы должны отправляться, чтобы уяснить себѣ происхожденіе существующей формы; мы должны опуститься въ подземное царство частныхъ отношеній и внимательно наблюдать тамъ, какъ, на примѣръ, построена форма семейнаго быта и разныхъ единичныхъ союзовъ, на чемъ стоятъ, держатся эти союзы. Особенно же должно наблюдать, въ какомъ строѣ содержится домъ, единичное хозяйство, въ какихъ отношеніяхъ находятся другъ къ другу члены этого дома-хозяйства, потому что *въ строѣ дома, въ характерѣ единичной союзной формы кроются и сѣмена политическаго строя*, которыя, рано ли, поздно ли, смотря по стеченію обстоятельствъ, принесутъ именно такіе же плоды, каковы были сѣмена, словомъ, чѣмъ управляется частная жизнь, тѣмъ же, по необходимости, будетъ жить и государство. Если въ частной жизни господствуютъ, все опредѣляютъ и во всемъ сказываются элементы патріархальности; если формы людскихъ отношеній непремѣнно кристаллизуются въ формы непосредственныхъ кровныхъ отношеній, въ формы родства; если *самая община* дѣлитъ своихъ членовъ на старшихъ и младшихъ и потому опредѣляетъ самостоятельность ихъ голоса; если даже въ казацкой вольной артели избранный атаманъ тотчасъ же облекается въ значеніе «батъки», то естественно, что на такой почвѣ можетъ возникнуть только или аристократія родовъ, какою, на примѣръ, у насъ была новгородская община, южный Галичъ и даже община казацкая и самая Польша, или одинъ, общій для всѣхъ, родъ, съ единымъ лицомъ родовладыки, государя, какимъ явилось, на примѣръ, московское самодержавіе, которое, т.-е. вообще самодержавіе, обыкновенно тѣмъ сильнѣе и крѣпче создается, чѣмъ глубже въ частномъ быту кроются корни патріархальности». Тутъ замѣчено также о связи между домашнимъ и общественнымъ бытомъ. О взаимныхъ отношеніяхъ общественнаго и политическаго быта Забѣлинъ говоритъ то же самое. «*Общество и государство дѣйствуютъ взаимно другъ на друга* съ первой минуты своего зарожденія и до послѣдняго разложенія организма; даютъ другъ другу новыя силы, новыя начала жизни, развиваемыя жизненно обществомъ и опредѣляемыя государствомъ» **).

Для него несомнѣнно также вліяніе домашняго быта и на явленія не бытовые, вообще на ходъ исторіи. О домашнемъ бытѣ онъ повторяетъ, что это — почва, на которой и изъ которой произраста-

*) „Домашній бытъ русск. царей въ XVI и XVII ст.“ Часть I, стр. IX, XII, X.

**) „Размысленія“... Въ „Опытахъ...“, часть II, стр. 40 и 41, 53.

ють всѣ видныя и крупныя явленія жизни, всѣ такъ называемыя *событія*, и на этой же почвѣ возможно возведеніе историческаго и археологическаго изученія и изслѣдованія въ живые образы, законченные типы» *).

Здѣсь авторъ говоритъ о внутренней связи, о взаимныхъ отношеніяхъ, вліяніяхъ не только одной стороны быта на всѣ другія стороны его, но также на явленія не бытовые, на такъ называемые единичные факты, отдѣльныя событія въ жизни народа, не исключая считающихся великими. Отсюда естественно является мысль и объ обратныхъ вліяніяхъ отдѣльныхъ событій и личностей на подробности народнаго быта. Съ этой стороны авторъ отмѣчаетъ, какъ важную особенность русской жизни, слабое вліяніе «исторической личности на общее развитіе народной жизни». «У насъ особенно настоятельна, — говоритъ онъ, — обработка бытовой исторіи, исторіи внутренняго развитія, домашнихъ дѣлъ и отношеній народа, словомъ, исторіи народнаго житья-бытья, потому что наша исторія, по случаю слабаго, почти ничтожнаго развитія *исторической личности*, представляетъ собой наглядный примѣръ народнаго развитія изъ непосредственныхъ, природныхъ, или, вѣрнѣе сказать, первобытныхъ началъ жизни» **).

Изслѣдованіе отношеній идетъ и далѣе, не ограничиваясь бытомъ одного народа, а распространяется такъ же, какъ и обобщающая факты работа ума, на другіе народы, группы народовъ до соединенія ихъ въ одно цѣлое, — человѣчество. Обсуждая русскій бытъ, авторъ осматривается на западъ и востокъ. «Интересъ нашей исторіи, — говоритъ онъ, — заключается, по преимуществу, какъ мы сказали, въ непосредственномъ фізіологическомъ ростѣ нашей цивилизаціи, въ отсутствіи именно тѣхъ элементовъ, которые двигали развитіе *на западѣ* ***), и въ присутствіи такихъ, которые сближаютъ насъ больше съ *востокомъ*, т.-е. вообще съ народами, не касавшимися въ своемъ развитіи того богатаго наслѣдства древней образованности, какимъ воспользовались народы западные. Мы не получили этого наслѣдства, не попали въ эту цивилизующую школу вѣками выработанныхъ началъ и умственнаго и общественнаго развитія... Собственными силами и разумомъ самой жизни, медленно и тяжело, мы созидали свою самостоятельность» ****).

При такой попыткѣ изучать отношенія, вскрывать невидимыя связи, вліянія между разными, обобщенными въ порядкѣ современ-

*) Тамъ же, часть II, стр. 61.

**) *Домашн. бытъ русск. царей въ XVI и XVII ст.* Часть I, стр. XI.

„Вотъ почему, — прибавляетъ авторъ, — интересъ нашей политической исторіи слабъ и блѣденъ, и потому, можетъ быть, очень часто возбуждаетъ, незаслуженно, впрочемъ, упреки и нареканія работамъ нашихъ историковъ“.

***) „Какъ ни стараются, въ иныхъ случаяхъ, подогрѣвать интересъ нашей политической исторіи взятыми напрокатъ идеями западной исторіи, дѣло впередъ не подвигается и распространяетъ только въ обществѣ ложныя и обманчивыя понятія и представленія о нашей древности“.

****) Тамъ же, часть I, стр. XI.

ности и соединенными въ порядкѣ послѣдовательности, группами фактовъ, послѣднія, какъ это видно изъ вышеприведенныхъ разсужденій, подъ дѣйствіемъ мысли, «стремящейся претворить собранный грубый матеріалъ въ самое себя, — въ мысль», осмысливаются, сознаются, какъ «идеи», какъ «воплощенія идей» *).

«Въ человѣческомъ мірѣ, — говоритъ объ этомъ Забѣлинъ, — всякому дѣлу предшествуетъ мысль этого дѣла, его *идея*, такъ точно, какъ изъ всякаго же дѣла, въ свой чередъ, нарождается новая мысль, новая идея, приводящая тоже неизмѣнно къ своему дѣлу. Въ этомъ состоитъ нескончаемый безграничный круговоротъ *человѣческой жизни*» **). Съ этой точки зрѣнія, «жизнь общества заключается въ *организации идей* и дѣлѣ, совершаемыхъ *человѣкомъ*, которыя, т.-е. дѣла, суть только *воплощенные идеи*... Природа общества есть природа идей... Каждая идея, какъ явленіе органической жизни, по своему происхожденію, по зачатію и рожденію, есть чистѣйшій, хотя и идеальный, организмъ... Идеи развиваются органически, потому-что развиваетъ-то ихъ почва животного организма, потому что сами онѣ есть только *отправленія живыхъ организмовъ*» ***). «Жизнь народа, въ своемъ постепенномъ развитіи, всегда и неизмѣнно руководится своими *идеями*, которыя даютъ народному тѣлу извѣстный образъ и извѣстное устройство. Разработка исторіи стремится *найти* такія идеи въ общей жизни народа, въ его политическомъ, или государственномъ и общественномъ устройствѣ» ****). Эти идеи, рассматриваемыя какъ общія причины, объясняющія прошлое, получаютъ названіе «началъ», «основъ»; рассматриваемыя въ дѣйствіи, — именуется «силами».

Въ этомъ идейномъ отношеніи Забѣлинъ ополчается на Погодина, съ его увлеченіемъ математическимъ методомъ настолько, что, «попросту сказать, онъ страшно негодуетъ на всякій опытъ отыскать въ нашей исторической жизни общее начало, его управляющее, освѣтить массу фактовъ общеою мыслію, однимъ словомъ, найти *физиологическіе законы нашего историческаго развитія*» †). Забѣлинъ, наоборотъ, привѣтствуетъ «органическій взглядъ на русскую исторію, съ особенною глубиною и жизненностью пониманія выступающій яснѣе, чѣмъ гдѣ-либо, въ сочиненіяхъ г. Кавелина».

«Какую мы ни возьмемъ исторію, древняго или новаго народа, — приводитъ его слова Иванъ Егоровичъ, — во всякой мы непременно найдемъ *связность, стройность явленій*. Вникая въ эту связь и стройность, мы открываемъ и *ихъ причину*; мы замѣчаемъ, что вся исто-

*) Самое сознаніе *человѣка*, какъ высшая ступень знанія, есть «живая связь идей, взаимодействующихъ одна на другую и составляющихъ вмѣстѣ одно нераздѣльное цѣлое». — «Размышленія...», въ «Опытахъ...», часть II, стр. 6.

**) «Ист. русск. жизни съ древн. врем.». Часть I, стр. 484.

***) «Размышлен. о соврем. зад. русск. ист. и древн.». Въ «Опытахъ...», часть II, стр. 4—6.

****) «Ист. русск. жизни съ древн. врем.». Часть I, стр. V и VI.

†) «Матем. методъ въ ист.». Въ «Опытахъ...».

рія приводится къ одному или къ нѣсколькимъ *главнымъ начальнымъ основаніямъ*, которыми и объясняются всѣ явленія въ жизни этого народа, опредѣляется ихъ *связь и послѣдовательность*. Стало быть, чтобы *понять* ходъ исторіи какого бы ни было народа, надо подмѣтить главныя начала, проходящія чрезъ жизнь этого народа. До послѣдняго десятилѣтія (40-е года) объ открытіи этихъ общихъ началъ въ русской исторіи никто не думалъ... Конечно, въ этомъ никто не виноватъ. Всякое время имѣетъ свою задачу. Прежде все вниманіе было обращено на частные вопросы, на изслѣдованіе и возстановленіе историческихъ событій и данныхъ, на обработку матеріаловъ. Эти труды заслуживаютъ полной благодарности и уваженія; безъ нихъ нельзя и приступить къ наукообразной обработкѣ предмета... Въ это время, когда въ нашей исторической литературѣ господствовалъ хаосъ, когда разные взгляды бродили нестройно и наугадъ, и до очевидности стало ясно, что безъ строгаго *научнаго систематическаго воззрѣнія* наука русской исторіи не можетъ идти дальше, нѣкоторымъ молодымъ любителямъ русской исторіи пришла въ голову мысль попристальнѣе взглянуть на патріархальные элементы русской жизни. Не въ патріархальныхъ ли элементахъ, которые и доселѣ такъ присущи намъ, должно искать объясненіе событій и явленій въ нашей исторіи, пока необъяснимыхъ и непонятныхъ? Не въ нихъ ли лежитъ ключъ, съ помощью котораго раскроется *внутренняя связь происшествій, эпохъ и періодовъ* русской исторіи?... Нельзя ли... объяснить этимъ элементомъ всю древнюю исторію Руси?... Остановившись на этой мысли, тѣ же молодые любители русской исторіи стали послѣдовательно вникать въ междукняжескія отношенія, въ мѣстничество, въ древнюю систему управленія, словомъ, во всѣ главнѣйшія явленія древней русской жизни, — и, къ величайшей своей радости, нашли, что патріархальнымъ элементомъ эти явленія объясняются очень просто и естественно; что различные ея эпохи, періоды и явленія суть не что иное, какъ различные *видоизмѣненія* одного и того же патріархальнаго элемента».

«Да, — продолжаетъ Забѣлинъ уже отъ себя, — намъ оставалось раскрыть эти основныя начала нашей жизни на всемъ нашемъ историческомъ пути. Требовалось съ этой новой точки зрѣнія пересмотрѣть и переизучить весь нашъ историческій матеріалъ, требовался, словомъ, полный историческій трудъ, или полный связный взглядъ на наше прошедшее. Вотъ почему тотчасъ же является... въ высокой степени превосходная разработка новыхъ органическихъ началъ въ извѣстномъ сочиненіи г. Соловьева объ отношеніяхъ князей Рюрикава дома... Затѣмъ, является «Исторія Россіи» — полный историческій трудъ, который былъ естественнымъ необходимымъ послѣдствіемъ поворота историческихъ требованій и чаяній. Конечно, «Исторія Россіи» далека еще отъ того идеала, который носится передъ нашими глазами; въ большей части своего объема она представляетъ только новый пересмотръ, новое изученіе матеріала, не слишкомъ тщательно выясняя преемство историческихъ началъ, по-

ставленное ею за исходную точку. Задача, естественно, должна была превзойти наши материальные силы и наши материальные средства, и история в общем своем плане сохранила старую свою униформу, дѣдовскій покрой кафтана. Но, тѣмъ не менѣе, это все-таки прочная и твердая основа для дальнѣйшаго пути. Многія стороны и многіе вопросы здѣсь впервые обсуждены и разрѣшены *съ полнымъ и яснымъ пониманіемъ исторической дѣйствительности...*» Если уже говорить о недостаткахъ труда въ его цѣломъ, то это были такіе «недостатки, которые прежде всего обуславливаются скудостью и необработанностью матеріала, и вслѣдъ за тѣмъ и недостаточнымъ раскрытіемъ и усвоеніемъ своему труду того именно органическаго взгляда, той фізіологической основы, съ которыми авторъ приступилъ къ обработкѣ исторіи. Повидимому, матеріаль своею необработанною и неуклюжею массою преградилъ живыя струи этого взгляда, такъ что въ иныхъ мѣстахъ онѣ совсѣмъ скрыты подъ грудю безсвязныхъ событій и фактовъ. Случилось то, что всегда случается при добросовѣстной работѣ, при особенно строгомъ почтеніи и уваженіи къ факту. Фактъ взялъ верхъ и своею дѣльностью незамѣтно вытѣснилъ полноту *живого, цѣльнаго воззрѣнія на прошедшее* по всему пройденному пути. Мы, впрочемъ, убѣждены, — оговаривается Иванъ Егоровичъ, — что то же самое еще долго будетъ повторяться у насъ со всякимъ историческимъ трудомъ, именно по поводу весьма скудной обработки матеріала и вообще всѣхъ частныхъ историческихъ вопросовъ. Каждый трудъ, по необходимости, будетъ носить на себѣ слѣды черновой работы, отзываться *сыростью не усвоеннаго и не переработаннаго матеріала*» *).

Забѣлинь и въ своей «Исторіи русской жизни», на которую, впрочемъ, онъ, за невоздѣланностью ея поля изысканій, смотритъ не какъ на выполненіе задачъ, обозначенныхъ заглавіемъ книги, а только какъ на попытку уясненія себѣ этихъ самыхъ задачъ, — проводитъ тѣ же взгляды о необходимости не фактической только, но также идейной разработки исторіи. «Жизнь народа, — говоритъ онъ въ предисловіи, — въ своемъ постепенномъ развитіи всегда и неизмѣнно руководится своими идеями, которые даютъ народному тѣлу извѣстный образъ и извѣстное устройство. *Разработка исторіи стремится найти такія идеи въ общей жизни народа, въ его политическомъ, или государственномъ и общественномъ устройствѣ.* Но мелочной, повседневный частный бытъ точно такъ же всегда складывается въ извѣстные круги, необходимо имѣющіе свои средоточія, которыя, иначе, можно такъ же назвать идеями. Если подобныя мелкіе круги народнаго быта не могутъ составлять предмета исторіи въ собственномъ смыслѣ **), то для исторіи народной жизни

*) „Доказательства этому являются каждый день, несмотря на разныя претензіи и громкія фразы о томъ, что все дѣлается не такъ, и что мы-де сдѣлаемъ именно такъ, какъ надобно“. — „Размысленія...“ Въ „Опытахъ...“ стр. 30—34.

**) Общей исторіи, излагающей „такъ называемыя великія событія“, т.-е.

они суть прямое и необходимое ея содержаніе. *Раскрыть эти частныя мелкія жизненныя идеи,—вотъ, по нашему мнѣнію, прямая задача для изслѣдователя народной жизни* *)).

Мысль о томъ, что исторія должна давать идейное пониманіе фактовъ, изслѣдовать внутреннія отношенія между ними, онъ развиваетъ и на страницахъ названнаго труда. «Вообще изслѣдованіе жизни, ея основъ, формъ, направленій, стремленій,—вотъ какіе предметы необходимо имѣть въ виду, когда стремишься осмыслить несвязную, отрывочную, разнородную, загадочную массу свидѣтельствъ о странѣ и народѣ».

«Историческая наука теперь значительно распространила кругозоръ своей изыскательности и не довольствуется уже раскрытіемъ въ историческихъ явленіяхъ только ихъ внѣшнихъ, механическихъ соединеній. Она теперь взираетъ на нихъ, какъ на особый міръ жизни, и потому старается по возможности обнаружить, на чемъ, на какихъ началахъ и корняхъ они укрѣпляются въ самой жизни **). Одинъ механическій подборъ фактовъ въ хронологическомъ порядкѣ и по рубрикамъ самъ по себѣ еще не раскрываетъ «дѣйствительной жизни».

«При математическомъ методѣ,—говоритъ Забѣлинъ о приѣмахъ Погодина,—все равно, что при составленіи какого-либо отчета, мы достигаемъ только цифирной правды и вовсе лишаемся правды дѣйствительной, *физиологической*. Факты подобраны по сортамъ, цифры сведены и размѣщены въ пристойныхъ графахъ или линейкахъ; все, кажется, на лицо; но правда, которую мы найдемъ въ этомъ механизмѣ, будетъ только оптическимъ обманомъ, отводомъ глазъ. Ее не откроетъ и тотъ, кто станетъ внимательно разсматривать механику, ее потеряетъ даже и тотъ, кто былъ механикомъ и крѣпко трудился надъ составленіемъ строгой отчетности. Погруженный въ добываніе по извѣстнымъ рубрикамъ слагаемыхъ цифръ и потому разсматривая каждый фактъ, какъ мертвую форму, изслѣдователь неизбежно утратитъ возможность почуять то *вѣяніе дѣйствительности, самой жизни, которое носится надъ каждымъ историческимъ фактомъ* и которое тогда только чувствуется, когда мы принимаемъ историческій фактъ, какъ явленіе *физиологическое*, а не какъ цифру» ***).

Такое изслѣдованіе идей и отношеній между фактами, стремящееся «почуять вѣяніе самой жизни», составляетъ задачу и конечную цѣль не только общей исторіи, обзрѣвающей судьбы цѣлаго народа, но и всякой спеціальной исторіи, до отдѣльныхъ событій вклю-

единичные факты, имѣющіе общее значеніе для разныхъ сторонъ внутренней жизни, и „глядящей съ высоты своего *государственного* воззрѣнія“, такъ какъ такіе факты имѣютъ, главнымъ образомъ, политическій характеръ. — „Разныиленія...“ Въ „Опытахъ...“, часть II, стр. 24.

*) „Истор. русск. жизни съ древнѣйш. врем.“, часть I, стр. V и VI.

**) „Ист. русск. жизни съ древнѣйш. врем.“, часть I, стр. 193 и 486.

***) „Математ. методъ въ ист.“. Въ „Опытахъ...“, часть I, стр. 330 и 381.

чительно». «*Каждое событие или рядъ однородныхъ извѣстныхъ явленій, безъ сомнѣнія, должны представлять въ изложеніи цѣльный, живой организмъ, въ которомъ должны быть указаны всѣ отправления, всѣ силы, взаимнодѣйствующія, всѣ условія, которыя дали жизнь этому организму. Тогда только и понятна будетъ исторія*» *).

Въ то же время, при изученіи частныхъ, не надо забывать общаго, въ виду единства науки, имѣющей свое «средоточіе» — въ самомъ человѣкѣ. «Конечно, ученая обработка *какого бы то ни было предмета*, по естественной причинѣ, ставитъ себѣ цѣлью и центромъ избранный для рѣшенія вопросъ. Но научный вопросъ въ отношеніи къ *общей задачѣ* есть частность, которая никогда и никакъ не выяснится, безъ *постояннаго соотношенія* ея къ *общей, единой цѣли науки* **).

Исслѣдованіе отношеній между знаемыми фактами, являющееся въ удовлетвореніе потребности знать ихъ вмѣстѣ, сознать, понять ихъ въ связи, какъ одно цѣлое, состоитъ въ отысканіи причинъ, т.-е. въ выдѣленіи изъ множества условій, при которыхъ совершался фактъ, *непременнаго условія, служащаго его причиной, объясняющаго его происхожденіе*. Отыскать причины событій, «чего, разумѣется, не въ силахъ сдѣлать современникъ», долженъ историкъ. «Историкъ можетъ *глубже вникать въ причины каждаго событія*. Есть ему время и есть полныя средства *дорыться до корней событія*» ***). Начавъ ближайшими причинами, по мѣрѣ изученія, онъ «углубляется» въ отдаленнѣйшія и чрезъ частныя «дорывается» до общихъ причинъ. Такимъ образомъ устанавливается двойная связь изучаемаго факта или группы фактовъ, во-первыхъ, со своимъ специальнымъ цѣлымъ, какъ личность, «рядъ» фактовъ, періодъ, во-вторыхъ, съ общимъ цѣлымъ — до человечества включительно.

Работа въ этой области, въ концѣ концовъ, имѣетъ привести къ установленію постоянныхъ отношеній. При изученіи однородныхъ фактовъ во времени (специальныхъ исторій, на примѣръ, домашняго быта), наблюдается правильное возобновленіе одной и той же послѣдовательности фактовъ въ разныхъ обществахъ. Сравнительное наблюденіе группъ разнородныхъ фактовъ въ пространствѣ (т.-е. быта домашняго рядомъ съ общественнымъ и прочее) показываетъ, вмѣстѣ съ измѣненіемъ однѣхъ привычекъ, постоянное появленіе

*) «Замѣтки о книгахъ». Въ „Опытахъ...“, часть I, стр. 562.

**) „Размышленія...“ Въ „Опытахъ...“, часть II, стр. 65.

Весьма важно, если при всякой работѣ въ области нашей науки взору изслѣдователя живо представляется это великое единство науки: тогда одухотворяется самое сухое и ограниченное по темѣ изслѣдованіе, одухотворяется сознаніемъ общей задачи: изслѣдовать и изобразить міръ явленій человѣческаго существа въ непрерывно измѣняющейся полнотѣ его соціального развитія (Бернгеймъ).

***) „Характ. начальн. образов. въ допетровск. время“. Въ „Опытахъ...“, часть I, стр. 125.

измѣненія въ другихъ привычкахъ, объясняющееся, слѣдовательно, одною, общею для нихъ, причиною.

Изслѣдованіе причинъ въ исторіи и отысканіе постоянныхъ отношеній между фактами называлось нѣкогда «философіею фактовъ». Историческіе выводы о такихъ постоянныхъ отношеніяхъ составляютъ такъ называемые историческіе законы. Здѣсь изслѣдователь вступаетъ уже въ область философіи исторіи.

Пусть такого слова — философія — нигдѣ не называетъ Забѣлинъ, но онъ мыслить, пишетъ и поучаетъ объ этомъ дѣлѣ. Ученый, составившій себѣ репутацію человѣка, всецѣло погруженнаго въ самыя глубины археологіи, не только не поглощенъ одною буквою памятниковъ, но не хочетъ остановиться даже на буквѣ фактовъ, а поднимается до философскихъ требованій (проблемъ) науки. Отстаивая идейное «пониманіе исторіи, какъ фізіологическаго жизненнаго процесса», противъ лицъ, готовыхъ довольствоваться однимъ «знаніемъ, хотя и болѣе скромнымъ, но положительнымъ», онъ находитъ, что такіе «историки смотрятъ на свою историческую работу слишкомъ спеціально, слишкомъ ограничиваются такъ называемыми предѣлами науки *) и слишкомъ тѣсно завиваются въ такъ называемые историческіе факты, вовсе упуская изъ виду, что исторія имѣетъ дѣло съ однимъ только фактомъ, съ жизнью, которую и надо слѣдить на всѣхъ путяхъ, гдѣ она является, во всѣхъ мелочахъ... **).

Эту философскую сторону исторіи Иванъ Егоровичъ такъ представляетъ себѣ и обосновываетъ.

«Органическая жизнь физической природы уяснена и определена посредствомъ тщательнаго и долгаго изученія отдѣльных ея фактовъ, отдѣльных единицъ, въ которыхъ она обнаруживается. Изъ постоянныхъ наблюдений и сравненій, сдѣланныхъ въ средѣ этой частной единичной жизни, наука отвлекла извѣстные общіе законы, неизбежные для всякой частности... Тому же процессу изученія подлежала и историческая жизнь, — природа нравственная. И здѣсь изученіе отдѣльных единичныхъ явленій, событій или, такъ называемыхъ, историческихъ дѣятелей, всегда приводитъ къ встрѣчѣ съ общимъ какимъ-либо закономъ, по которому совершалось развитіе и жизнь извѣстнаго народа. И здѣсь точно такъ же изъ многообразія единичныхъ явленій наука отвлекаетъ общее условіе ихъ жизни, которому единичныя явленія служили только выраженіемъ, олицетвореніемъ». Дѣйствительно, въ дѣлѣ исторіи, — отмѣчаетъ Забѣлинъ, «въ послѣднее время... чаще и чаще мы слышимъ толки и разсужденія о народѣ, какъ живомъ цѣломъ». И вотъ, имѣя передъ собою группы и періоды различныхъ фактовъ, наше «сознаніе...

*) Существуютъ взгляды, полагающіе, что наука вообще, не только исторія, но и естественныя науки, должны ограничиваться изученіемъ и описаніемъ фактовъ, не вторгаясь въ область изслѣдованія причинъ, какъ дѣла, будто-бы, не научнаго.

**) „Размышл.“ Въ „Опытахъ...“, часть II, стр. 3 и 36.

стремится выяснить» каждую сторону этого цѣлаго, «найти законъ его развитія» *).

Прийти къ такимъ выводамъ наукѣ вполне возможно, потому что «жизнь народа не обрывается, какъ нитка, на извѣстномъ періодѣ, а, какъ организмъ, растетъ въ ту или другую сторону, развивается, *выводитъ изъ извѣстныхъ причинъ извѣстныя слѣдствія*» **). Кромѣ того, «въ исторіи, какъ и въ жизни отдѣльнаго человѣка, одинаковыя цѣли и одинаковыя обстоятельства всегда и повсюду порождаютъ одинаковый способъ дѣйствій, одинаковыя отношенія и весьма сходныя черты даже въ мелкихъ подробностяхъ». «Одни и тѣ же причины порождаютъ одни и тѣ же слѣдствія, и очень многое въ исторіи люди вовсе не заимствуютъ другъ у друга, а приходятъ къ извѣстному рѣшенію или къ извѣстному концу только *въ силу однородныхъ положеній и однородныхъ идей жизни*» ***).

Это иллюстрируется такими наглядными, простыми примѣрами — изъ вышеприведенныхъ разсужденій, при добываніи новыхъ фактовъ, путемъ догадки, гдѣ основаніемъ для заключеній служатъ нѣкоторые эмпирическіе законы: что въ странахъ съ суровою зимою народъ носить шубы, хотя бы и несшитыя звѣриныя шкуры; что на каждой большой рѣкѣ, впадающей въ море, люди, живущіе тамъ, неизмѣнно заводятъ, и впредь заведутъ, у себя флотъ, хотя бы и лодочный, и неизмѣнно плаваютъ, и будутъ плавать, по морю ****). — Или, на примѣръ, въ примѣненіи къ расколу и успѣшной борьбѣ его, какъ старой культуры, противъ внѣшняго принужденія со стороны внѣшней власти, онъ говоритъ такъ. «Здѣсь во всей силѣ обнаружился только *неизмѣнный законъ жизни и исторіи*, что складъ внутренняго развитія нельзя перестроить наружными, чисто внѣшними понужденіями, что внутреннее устройство дома, планъ размѣщенія и обширность его комнатъ невозможно преобразить, переделывая или совсѣмъ закладывая только двери, окна, давая различный фасадъ дому и различную форму его кровлѣ» †). Въ своемъ разсужденіи о значеніи личности на фонѣ массы, находя, что «передовые люди, въ томъ или другомъ отношеніи, прямо или косвенно, служатъ всегда полною характеристикой общества, а, стало быть, и народа, т.-е. своей родной почвы», онъ ссылается на аналогичный физическій законъ. «Передовые люди и всякіе дѣлающіе и дѣйствующіе люди — цвѣтки, вырастающіе на этой почвѣ. Они въ себѣ олицетворяютъ всѣ свойства и всѣ соки этой родственной имъ почвы и въ этомъ отношеніи нисколько не нарушаютъ *общаго физическаго закона*, что, какова почва, таковы произрастенія» ††). Забѣлинь при-

*) Тамъ-же, часть II, стр. 14 и 2.

**) „Матем. мет. въ ист.“ Въ „Опытахъ...“, часть I, стр. 365.

***) „Ист. русск. жизни съ древн. врем.“ Часть I, стр. 366 и 204.

****) „См. выше, стр. 145 и 146.

†) „Русск. личн. и русск. общ. накануне петровск. реф.“ Въ „Опытахъ...“, часть I, стр. 126.

††) Тамъ-же, часть I, стр. 88.

водитъ также слѣдующія слова Кавелина о «естественномъ, совершающемся изъ собственныхъ внутреннихъ силъ народа», развитіи, принимающемъ даже «чужое» не иначе, какъ путемъ «внутренняго усвоенія». «Насильственные, внезапные историческіе перевороты, какъ будто, опровергаютъ то, что мы сказали. Но это только кажется... Бываетъ, что цѣлые народы стираются съ лица земли до единого человѣка; но это не возраженіе противъ *общихъ непреложныхъ законовъ историческаго развитія*» *).

Какъ было приведено выше, Забѣлинъ упоминаетъ и различаетъ законы разнаго рода и разной степени общности, какъ-то: законы специальныхъ исторій, на примѣръ, «экономическіе и другіе, по которымъ совершаются *разселенія и переселенія*»; законы жизни «каждаго народа», — соотвѣтственно основнымъ началамъ и свойствамъ его быта; «общіе законы развитія народной жизни — въ зависимости отъ положенія страны, отъ характера ея природы»; наконецъ, «законы всеобщей исторіи человѣка», «*всемирно-историческіе законы народныхъ связей и отношеній*» **). Въ характеристикѣ «западничества» онъ дѣлаетъ тѣ же различія. «Оно базисомъ своихъ надеждъ и чаяній ставитъ развитіе и освобожденіе личности по законамъ развитія *общечеловѣческаго*, а не *мѣстнаго и временнаго*, принадлежащаго извѣстной исторіи и извѣстнымъ сочетаніямъ обстоятельствъ, которое поэтому никогда не въ силахъ удовлетворительно отвѣтить на такія требованія» ***).

Каковы въ сущности эти историческіе законы? Предметъ исторіи, «жизнь въ человѣческомъ смыслѣ есть именно *духовная дѣятельность человѣка*» ****). «Основные силы человѣческой духовной природы, разъясненіе которыхъ присвоено *психологіи*, есть непосредственные создатели исторической дѣйствительности. Слѣдовательно, основа исторической системы должна искать свою *твердую точку опоры* въ психологіи» †). Поэтому историческіе законы, какъ законы человѣческаго развитія, являются, въ сущности, законами психологіи.

Но, надо прибавить, общественная психологія, основываясь на психологіи личности, все же имѣетъ свои особенности. Такъ, на примѣръ, «общественная мысль, нисколько не уклоняясь отъ обыкновенной жизненной человѣческой логики, въ своихъ дѣйствіяхъ и подробностяхъ, слѣдуетъ всегда собственнымъ независимымъ путемъ, по законамъ *собственнаго развитія*, которые еще далеко не выяснены

*) „Размышленія...“ Въ „Опытахъ...“ Часть II, стр. 50 и 15.

„Государственные и административныя реформы, политическіе опыты въ перестройкѣ народнаго быта никогда не удавались, если въ нихъ не было ничего сроднаго и соотвѣтственнаго требованіямъ и потребностямъ этой природы.“ — „Домашн. бытъ русск. царей въ XVI и XVII ст.“ Часть I, стр. IX и далѣе.

**) См. выше, стр. 149 и 150.

***) „Соврем. взгляды и направл. въ русск. ист.“ Въ „Опытахъ...“, часть I, стр. 347.

****) „Размышленія...“ Въ „Опытахъ...“, часть II, стр. 4.

†) Тамъ-же, часть II, стр. 69 и 70.

и не узнаны, а, главное, не могут быть вполне измѣрены законами развитія единичнаго» *). Поэтому Забѣлинъ горячо приветствуетъ возникновеніе общественной психологіи.

«Недавно въ Германіи, отечествѣ наукъ, провозглашена новая наука—*народопсихологія* **)—система знаній о развитіи народной духовной жизни, наука о духовной природѣ общественнаго человѣка, ученіе о законахъ, по которымъ развивается исторія народа, по которымъ развивается духъ, характеръ народа, неуловимый обликъ его исторической дѣятельности». Въ появленіи этой науки онъ видитъ «естественный выходъ изъ тѣхъ вопросовъ и требованій, къ которымъ въ настоящее время пришли... историческія и политическія науки: сдѣлалось необходимымъ самое подробное, самое многостороннее изученіе человѣческой природы, какъ въ особнхъ единицахъ, такъ и въ единицахъ собирательныхъ, въ обществахъ, народахъ, государствахъ». Въ этомъ «великая и глубокая задача, разрѣшеніе которой можетъ привести и въ дѣйствительности приведетъ,—предсказываетъ онъ,—къ самымъ неожиданнымъ и къ самымъ многознаменательнымъ результатамъ» ***).

Касаясь этой стороны дѣла, т.-е. стремленія объяснить историческія событія, «сплетенія событій», причинной связью, понять судьбы народа или человѣчества, какъ одно цѣлое, Забѣлинъ не ограничивается успѣхами современной ему науки, но также упоминаетъ вскользь и тѣ времена, когда еще не существовало научныхъ къ тому средствъ. Потребность философскаго воззрѣнія на эти судьбы находила тогда удовлетвореніе въ религіозномъ міросозерцаніи человѣка. Явилось «ученіе о *предопредѣленіи* и *неисповѣдимыхъ судьбахъ*», о «*сверхъестественной волѣ*», движущей судьбами человѣчества, направляющей его къ опредѣленнымъ заранее цѣлямъ, т.-е. единой сверхчувственной, божественной причинѣ, первопричинѣ всего сущаго ****).

Надо замѣтить, что возникшее затѣмъ критическое изученіе событій, человѣческихъ дѣлъ, для отысканія болѣе близкихъ причинъ въ окружающей дѣйствительности, нисколько не исключало, само по себѣ, дѣйственности «высочайшаго и благодѣтельнаго Промысла», какъ первопричины †). У Забѣлина приводятся

*) «Соврем. взгляды и направл. въ русск. ист.» Въ «Опытахъ...», часть I, стр. 343.

**) Название свое новая наука получила въ 1860 г. въ основанномъ тогда журналѣ „Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft“. Новое названіе Sozialpsychologie получила въ трудѣ Шефле, въ 1875 г. Связнаго изложенія соціальной психологіи до сихъ поръ еще нѣтъ, и взгляды на границы и объемъ ея еще спорны (Бернгеймъ).

***) „Размышленія...“ Статья 1860 г., въ „Опытахъ...“, часть II, стр. 11—13.

****) Тамъ-же, часть II, стр. 30 и 11.

†) Такое объясненіе,—говоритъ Ланглуа,—является ничѣмъ инымъ, какъ *метафизическимъ завершеніемъ научнаго построенія*. Этой системы придерживаются еще многіе современные ученые, какъ, напримѣръ, знаменитый Лоранъ въ своихъ „Etudes sur l'histoire de l'humanité“, нѣмецъ Рохолль въ свой „Die Philosophie der Geschichte“ и даже англійскій историкъ философіи исторіи Флинтъ.

такія слова самого Шлѣцера, насадителя критики въ области русской исторіи. «Расширеніе новаго русскаго царства на югъ предположено было *высочайшимъ и благодѣтельнымъ Промысломъ*... Древніе хананскіе жители не только покорены, но даже истреблены были чужеземнымъ кочующимъ народомъ; Всевышній не только допустилъ это, но и повелѣлъ».

Такъ, по выраженію Забѣлина, «утѣшается» Шлѣцеръ, находя въ русской исторіи, по лѣтописи, то или другое чудо, или, какъ говоритъ критикъ, «явленіе, котораго и теперь еще совершенно объяснить нельзя».

Въ этомъ отношеніи, — замѣчаетъ Забѣлинъ, — «великій знатокъ исторіи и великій критикъ Шлѣцеръ, раскрывая начальный ходъ русской исторіи, въ сущности... утвердилъ тѣ же первобытныя историческія воззрѣнія первобытнаго нашего Нестора», мыслями котораго «руководила *библейская идея о міровомъ твореніи*, которую онъ почерпалъ изъ чтенія византійскихъ хронографовъ... Казалось бы, ученѣйшему критику очень было возможно совсѣмъ миновать эту идею. Но здѣсь лучше всего объясняется то обстоятельство, что разработка каждой отдѣльной науки, какъ и cadaго отдѣльнаго вопроса въ наукѣ, вполне зависитъ отъ *общихъ философскихъ началъ* человѣческаго знанія, какія господствуютъ въ то или другое время. Въ XVIII ст., не смотря на его безпощадную критику всего существующаго въ жизни и въ наукѣ, историческое знаніе очень крѣпко еще держалось своей первобытной почвы и всякое явленіе въ своей области объясняло тѣмъ ходомъ дѣлъ, какой былъ начертанъ первобытною исторіею мірового творчества»^{*)}).

Это метафизическое стремленіе отыскивать объясненіе историческихъ фактовъ въ первой, всеобщей причинѣ сказывается и въ позднѣйшихъ теоріяхъ подъ видомъ научныхъ формъ. Таковъ раціонализмъ, признающій разумность историческихъ фактовъ, съ точки зрѣнія человѣческаго разума, въ смыслѣ согласія ихъ съ разумнымъ планомъ всего существующаго. Предполагается, какъ нѣчто не требующее доказательства, что всякій соціальный фактъ имѣетъ свое *raison d'être* въ развитіи общества, такъ что, въ концѣ концовъ, все всегда происходитъ раціональнымъ образомъ, наиболее выгоднымъ для общества, человѣчества. Отсюда вытекаетъ объясненіе учрежденій, всякаго учрежденія общественными потребностями и т. п. Отголоски раціоналистической теоріи встрѣчаются у Забѣлина въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ онъ говоритъ о «*разумномъ человѣческомъ порядкѣ*»^{**)}, о «*разумѣ самой жизни*»^{***)}, соотвѣтст-

*) «Исторія русск. жизни съ древн. врем.». Часть I, стр. 60—62.

**) «Въ разумномъ человѣческомъ порядкѣ безъ мысли не бываетъ никакого, хотя бы и малаго, дѣла» — «Ист. русск. жизни съ древн. врем.». Часть I, стр. 484.

***) «Собственными силами и разумомъ самой жизни, медленно и тяжело, мы созидали свою самостоятельность». — «Домашній бытъ русск. царей въ XI и XVII ст.». Часть I, стр. XI.

венно чему историкъ долженъ заботиться о томъ, чтобы историческое изложеніе принимало тотъ же «разумный строй» *).

Впрочемъ, эти мѣста у Забѣлина скорѣе—обмолвки, чѣмъ выраженіе этого односторонняго вѣрованія. Въ систематикѣ историческихъ фактовъ, какъ мы видѣли, онъ нисколько не выдвигаетъ дѣятельности умственныхъ силъ впередъ, какъ единственнаго виновника развитія культуры, а ставитъ ихъ наряду съ матеріальной стороной и съ стороною нравственныхъ силъ **). Въ дѣйствительномъ ходѣ историческихъ дѣлъ онъ признаетъ также «широкое поле личности по преимуществу эгоистической въ самомъ узкомъ смыслѣ этого слова, широкое поле господству случайныхъ, мелкихъ идей, созданныхъ мелкимъ эгоизмомъ и весьма часто нисколько не выражающихъ общихъ народныхъ требованій и стремленій». Наоборотъ, «естественное эгоистическое желаніе человѣка, чтобъ все существовало такъ, какъ ему нравится, какъ онъ находитъ хорошимъ и для себя полезнымъ, влечетъ личность къ совершенію такихъ дѣлъ, которыя прямо вредятъ общему, искажаютъ его силы, развращаютъ нравы. Отсюда возникаетъ борьба эгоистическихъ личностей, которая доставляетъ исторіи неимоверно громадный матеріалъ мелкихъ дѣлъ, ничтожныхъ событій, рисующихъ только дѣйствія людей, а не дѣйствія народа, какъ живой единицы» ***). Онъ не скрываетъ, что въ исторіи «силъ новыхъ идей, мерцающихъ еще въ будущемъ», разумной реформѣ противостоитъ другая сила и власть, «власть преданія, власть привычки, власть всего строя жизни, или всей культуры, которую создала эта жизнь», до «перстовъ» включительно, какъ это было въ расколѣ ****).

Другимъ ученіемъ о непрерывномъ, необходимомъ, единомъ прогрессѣ всего человѣчества, хотя и принятомъ позитивистами, тѣмъ не менѣе представляющемъ такую же метафизическую гипотезу, не видно, чтобы Забѣлинъ былъ увлеченъ. Говоря о движеніи въ исторіи, онъ не смотритъ на него исключительно такъ, какъ на поступательное.

«Жизнь идетъ, впередъ-ли, назадъ-ли, какъ думаютъ нѣкоторые, но она, по крайней мѣрѣ, не стоитъ на одномъ мѣстѣ, идетъ, движется, какъ самая земля...» Заговоривъ объ органическомъ развитіи въ исторіи, онъ дѣлаетъ оговорку, что «идея организма *вовсе не то, что идея прогресса*», и потому первая напрасно «заслуживаетъ нареканіе со стороны нѣкоторыхъ философовъ, не разобрав-

*) „Пусть выраженіе народный организмъ не остается пустою только фразою, а сдѣлается руководящимъ началомъ для историческаго труда; тогда историческое изложеніе естественнымъ порядкомъ приметъ связанное, живое теченіе, разумный строй и выброситъ все несвойственное основному представленію, какъ излишнее бремя“.—„Размышленія“... Въ „Опытахъ“... Часть II, стр. 34 и 35.

**) См. выше, стр. 168.

***) „Размышленія...“ Въ „Опытахъ...“ часть II, стр. 19, 20.

****) „Характ. начальн. образов. въ допетровск. время“. Въ „Опытахъ...“, часть I, стр. 120 и 126.

шихъ, къ сожалѣнію», этого обстоятельства *). Въ другомъ случаѣ, выставляя противоположность двухъ ученій, славянофильства и западничества, онъ характеризуетъ послѣднее изъ нихъ *«вторую въ прогрессѣ, какъ въ живую силу исторической жизни народа»*, при чемъ относительно ихъ обоихъ вмѣстѣ замѣчаетъ, что «и славянофильство и западничество — только *два стороны болѣе или менѣе сознательнаго пониманія дѣйствительности*». Самое ученіе о прогрессѣ онъ называетъ правильнѣе *«вѣрованіемъ»* **).

Съ откровенной рѣзкостью высказывается Иванъ Егоровичъ противъ матеріалистическаго направленія въ исторіи, совершенно порвавшаго съ вѣрою въ Бога и не оставлявшаго самостоятельнаго мѣста никакимъ духовнымъ побужденіямъ, а думающаго объяснить исторію біологической борьбой за существованіе и механическими отношеніями производства, какъ послѣдними основами всякаго историческаго развитія. Уже не касаясь религіозной стороны дѣла, ему все претитъ въ этомъ ученіи — и животная постановка вопроса чело-вѣческой общественной жизни и механическое рѣшеніе его.

«Въ чемъ же заключается эта жизнь?» — спрашиваетъ онъ о жизни «общества». И отвѣчаетъ на это такъ. *«Не въ матеріальномъ же благосостояніи, какъ говорится. Жизнь общества заключается въ организаціи идей и дѣлъ, совершаемыхъ чело-вѣкомъ, которыя, т.-е. дѣла, суть только воплощенные идеи... Жизнь въ чело-вѣческомъ смыслѣ есть именно духовная дѣятельность чело-вѣка, а не животныя только отправления его физическаго организма. Біографія — жизне-описаніе отдѣльнаго чело-вѣка, имѣетъ предметомъ не жизнь живота, со всѣми процессами, какіе въ немъ совершаются, а жизнь головы, со всѣми дѣлами, которыя ею созданы»* ***). Что касается самихъ *«матеріальныхъ явленій»* въ жизни чело-вѣка, внѣ попытки объяснить ими одними всю жизнь чело-вѣчества, то Забѣлинъ совершенно объективно относится къ нимъ, включая ихъ въ систему историческаго знанія на ряду съ явленіями духовной жизни ****) и ожидая *«самыхъ внимательныхъ и подробныхъ, а, главное, критическихъ изслѣдованій»*, по исторіи *«экономическаго быта»*, на ряду съ *«бытомъ юридическимъ»*, въ которыхъ, — онъ не отрицаетъ и того, — въ свою мѣру, *«всегда покоятся корни начала общественнаго развитія»* †).

*) „Размышленія...“ Въ „Опытахъ...“, Часть II, стр. 62 и 1.

**) „Различіе славянофильства, или руссофильства, отъ западничества, какъ давно уже замѣчено, заключается въ томъ, что первое смотритъ въ даль прошедшаго, призывая на спасеніе современности угасшіе образы древней жизни, поклоняясь благоговѣйно передъ этими образами, какъ передъ кивотомъ завѣта, другое, напротивъ, смотритъ въ даль будущаго и, по естественной причинѣ, считаетъ каждый новый шагъ развитія болѣе близкимъ къ цѣли, т.-е. *взруетъ* въ прогрессъ, какъ въ живую силу исторической жизни народа“. — „Современ. взгляды и направл. въ русск. ист.“. Въ „Опытахъ...“, часть I, стр. 339 и 340.

***) „Размышленія...“ Въ „Опытахъ...“, часть II, стр. 4.

****) Тамъ-же, часть II, стр. 70.

†) „Соврем. взгляды и направл. въ русск. ист.“ Въ „Опытахъ...“, часть I, стр. 353 и 354.

Его влечетъ къ себѣ другое, идеалистическое ученіе, ученіе о человѣческомъ духѣ вообще, о духѣ народа въ частности, возникшее въ Германіи, подъ вліяніемъ философіи Канта и Гегеля, въ средѣ исторической школы, съ Ранке во главѣ. По этой теоріи взаимная связь разнородныхъ фактовъ въ одномъ и томъ же обществѣ, разныхъ сторонъ его жизни объясняется, апріорно, существованіемъ «народнаго духа», какъ общей и постоянной причины.

Какъ выше было сказано у Забѣлина, «жизнь въ человѣческомъ смыслѣ есть именно духовная дѣятельность человѣка», и потому предметомъ исторіи служить «живой организмъ *человѣческаго духа*». Все разнообразіе фактовъ исторической жизни — только различныя «*стороны* *человѣческаго духа*». Задача исторіи есть «изученіе и изображеніе *человѣческой жизни* въ формѣ общества, народа, государства, какъ хотите», въ жизни которыхъ и проявляется этотъ духъ, какъ «*духъ народа*» *). «Здѣсь... изъ многообразія единичныхъ явленій наука отвлекаетъ *общее условіе* ихъ жизни, которому *единичныя явленія* служатъ только выраженіемъ, олицетвореніемъ... Слѣдовательно выдѣлялось понятіе о *единомъ явленіи*, *невидимой силѣ*, *управлявшей* видимымъ ея выраженіемъ, *дробными фактами* исторической жизни. Эту-то невидимую силу, вѣрнѣе, совокупность силъ, которая ощутительнѣе всего обнаруживается въ великихъ событіяхъ исторіи, называютъ обыкновенно «*духомъ народа*», «*характеромъ народа*». Духъ народа, иначе — «*характеръ народа*, *неуловимый обликъ его исторической дѣятельности*».

«Неуловимъ» онъ, въ смыслѣ «невидимъ», «скрытъ» для насъ въ своей «сущности» **). Но онъ доступенъ намъ въ своихъ проявленіяхъ, «формахъ», «событіяхъ», въ которыхъ обнаруживаются его «силы».

«Духъ народа въ своемъ развитіи пріобрѣтаетъ извѣстныя *формы* своего проявленія; сущность его высказывается въ извѣстномъ *строѣ* *жизненныхъ явленій*; *силы* его обнаруживаются цѣлымъ рядомъ *событій*, этихъ видимыхъ знаковъ его скрытой дѣятельности, словомъ, духъ народа дѣйствуетъ органически, живетъ, послѣдовательно созидая новыя силы и новыя проявленія этихъ силъ. Въ этомъ заключается *процессъ* его *жизненнаго, органическаго существованія*» ***). Взять хотя одну сторону народной жизни, — государственнѣе бытъ, государство. «Оно есть внѣшній нарядъ, порядокъ, въ какомъ народный духъ *обнаруживаетъ свое существованіе*, оно есть коконъ, матеріальная оболочка, въ какую неизбѣжно завивается *сущность* *народныхъ силъ*, какъ скоро онѣ находятъ свой центръ *жизненнаго кругообращенія*, создаютъ историческое тѣло, развивающійся организмъ. Отсюда само собою рождается слѣдствіе, что, каковы элементы народнаго духа, каковы требованія его природы,

*) Тамъ же, часть II, стр. 3 и 2.

**) Тамъ же, часть II, стр. 13, 14, 12 и 7.

***) Тамъ же, часть II, стр. 14.

таковъ и коконъ, такова эта матеріальная оболочка, т.-е. государство, результатъ, произведеніе народнаго сознанія» *).

То же самое и съ другими сторонами жизни: всѣ онѣ объединяются въ духъ народа, какъ «живомъ цѣломъ», и потому все «многообразіе единичныхъ явленій», всѣ «дробные факты исторической жизни» находятъ въ немъ свое объединеніе и объясненіе своей связи, какъ въ «общемъ условіи», т.-е. основной, постоянной причинѣ. «Отъ того-то,—говоритъ Забѣлинъ,—и вся путаница въ нашихъ мысляхъ и историческихъ работахъ, что гражданское общество разсматривается нами, какъ автоматъ, какъ механика, построенная разными случайностями, а не какъ живой духъ, *живое цѣлое, въ себѣ самомъ носящее сущность своей жизни*» **). Въ устраненіи упомянутой путаницы, слѣдовательно, состоитъ заслуга ученія о народномъ духѣ въ исторіи.

Здѣсь только является опасность «путаницы» другого рода. Какъ понимать этотъ «духъ народа»? Есть ли онъ только простое «отвлеченіе», отвлеченное понятіе, которое наука «отвлекаетъ изъ многообразія единичныхъ явленій», или же это дѣйствительно «живой духъ», «живое цѣлое, въ себѣ самомъ носящее сущность своей жизни», т.-е. нѣкоторая *субстанція*. Понимать это въ послѣднемъ смыслѣ, оказывается, возможно было не только во времена молодости Забѣлина, но и осталось возможнымъ до нашихъ дней, по крайней мѣрѣ, говорить такимъ языкомъ ***). Этого, конечно, слѣдуетъ избѣгать всячески, и дѣло надо представлять себѣ такъ, что, въ концѣ концовъ, подъ отвлеченіемъ и всякими метафорами кроется все тотъ же, единственно реальный духъ, характеръ,—человѣка, какъ составной единицы всякаго общества, въ своихъ общихъ, преобладающихъ чертахъ дающій то «отвлеченіе», которое можетъ быть названо духомъ народа или, лучше, принимая собственную терминологию Забѣлина, типомъ народа, тѣмъ «общимъ *типомъ* народной жизни», къ которому сводятся частныя классовые типы ****).

Цѣнная въ смыслѣ направленія мыслей на общую связь между группами и рядами разнородныхъ фактовъ быта, эта идея только съ большою осторожностью можетъ быть примѣняема къ объясненію отдѣльных фактовъ. Для этого, во-первыхъ, должна быть построена

*) Тамъ же, часть II, стр. 40.

**) Тамъ же, часть II, стр. 7.

***) Лебонъ недавно выступилъ съ теоріей „души расы, — ткущей свою собственную судьбу“, и при томъ—такъ искусно, что „это дѣтская химера думать, будто правительства и конституціи играютъ какую-нибудь роль въ судьбѣ извѣстнаго народа“. У него даже не одна такая душа, а много коллективныхъ душъ, какъ-то: „душа семьи“, „душа общины“, „душа провинціи“, — всѣ съ „душою націи“—во главѣ. Разсуждая о расовой душѣ у разныхъ народовъ, Лебонъ говоритъ о нихъ, какъ о живыхъ существахъ о „рожденіи“, „умираніи“, даже „скрещиваніи“ ихъ.—„*Les lois psychologiques de l' évolution des peuples*“. Par Gustave le Bon. Paris. 1894.

****) См. выше, стр. 172.

предварительно полная и точная формула духа народа. Во-вторых, и наличность такой формулы не избавит историка отъ необходимости обстоятельнаго изслѣдованія всѣхъ ближайшихъ условій и подробностей интересующаго факта. Вотъ, напримѣръ, Забѣлинъ объясняетъ неудачу, въ реформѣ Петра В., «введенія коллегіальности въ управленіи, которая была—будто-бы—не понята и до сихъ поръ еще хорошо не укрѣпилась въ нашихъ понятіяхъ и нравахъ», тѣмъ, что эта «коллегіальность не соотвѣтствовала нашимъ жизненнымъ элементамъ, была *не въ духѣ народа* и потому существовала и существуетъ наиболѣе только стороною своей формы» *). На дѣлѣ можетъ оказаться, что тутъ играли роль внѣшнія условія, какъ-то: географическія, статистическія и личныя, имѣвшія мѣсто при перенесеніи къ намъ шведскаго образца **).

Кромѣ упомянутой практической заслуги, Забѣлинъ признаетъ за идеей «народнаго духа» другую заслугу, уже теоретическаго характера.

«Но духъ народа, народность,—говоритъ онъ,—есть такое же отвлеченіе, какъ и слово организмъ, выражающее только существенную, основную силу народной жизни. Заслуги такого отвлеченія заключаются особенно въ томъ, что оно *прямо и положительно указываетъ на народъ, какъ на живой, цѣльный, нераздѣльный организмъ*».

Это—новое ученіе о «народъ-организмѣ», дальнѣйшее развитіе ученія о «духѣ народа». «Народъ,—говоритъ Забѣлинъ,—есть видимое воплощеніе этого духа, живая единица, *не отвлеченный, а существующій организмъ*, подверженный тѣмъ же самымъ законамъ жизни и развитія, какія существуютъ для всего живого въ природѣ».

Новое ученіе о народномъ организмѣ понадобилось для объясненія именно «развитія», постояннаго измѣненія, т.-е. послѣдовательности однородныхъ фактовъ въ исторіи каждаго народа, связи ихъ во времени, въ то время какъ ученіе о духѣ народа, какъ о чемъ-то устойчивомъ, сохраняющемъ всегда единство своего сознанія, служило для объясненія связи разнородныхъ фактовъ въ пространствѣ.

Идея народнаго организма, можно сказать, захватила Ивана Егоровича своею жизненностью. Кромѣ увлеченія ея теоретической стороною, она была воспринята имъ съ жадностью человѣка, накопившаго уже фактическій матеріалъ, слѣдящаго за накопленіемъ его всюду въ области исторіи, и усиливавшагося осмыслить его себѣ, искавшаго къ тому наилучшихъ путей.

Эта идея представлена у Забѣлина не только какъ чрезвычайно удобно и плодотворно приложимая въ дѣлѣ исторіи, но и какъ нѣчто необходимое, незамѣнимое, неизбѣжное, словомъ, абсолютное, открывавшее собою «сущность» всего живого, что онъ въ то же время думалъ бы обосновать съ точностью естественныхъ наукъ.

*) „Размышленія...“ Въ „Опытахъ...“, часть II, стр. 48.

**) Н. Ардашевъ, „Регламентъ Вотчинной Коллегіи“, стр. 199—213.

«Идея организма есть идея самой *жизни*... — говоритъ онъ. — Въ наукѣ изученіе жизни сдѣлалось общею мыслью нашего времени; оттого такой широкой разливъ естествознанія и не менѣе широкой интересъ къ наукамъ историческимъ».

«Очень естественно, что исторія, какъ наука о явленіяхъ человѣческой *общественной жизни*, столько же нуждается въ разъясненіи и усвоеніи этой идеи, сколько и науки естественныя, въ которыхъ, само собою разумѣется, она, эта идея, гораздо прежде была почувствована и сознана *).

Какъ же разъясняется и усваивается исторіи эта идея?

«Идея организма не есть какая-либо система, построенная логическими опредѣленіями, которую можно, какъ аршинъ, прикидывать и прикладывать къ любой области знанія и по ней распредѣлять изучаемый матеріалъ. Идея организма есть сама *сущность всего живого*, подлежащаго нашему разумѣнію; поэтому она сама собою является вездѣ, гдѣ только мы имѣемъ дѣло съ жизнью, а не съ мертвыми формами» **). И въ отношеніи исторіи — «неужели, — спрашиваетъ онъ, — идея организма можетъ быть прикладываема къ ней, какъ *внѣшняя* готовая *система* лишь для того, чтобъ легче освоиться съ историческимъ матеріаломъ, и, слѣдственно, можетъ быть замѣнена любой новою системою, какая будетъ признана наиболее удобною?» ***) Нѣтъ, — отвѣчаетъ онъ. «*Нельзя трактовать ее, какъ нѣчто такое, что можетъ быть и не быть въ нашемъ сознаніи, когда оно стремится выяснитъ какую-либо сторону человѣческаго духа, найти законъ его развитія; что можетъ по нашей волѣ прилагаться или не прилагаться къ изслѣдованію жизни, какъ готовая система, какъ школьная указка*» ****).

Происхожденіе этой идеи таково. «Органическая жизнь *физической природы* уяснена и опредѣлена посредствомъ тщательнаго и долгаго изученія отдѣльных ея фактовъ, отдѣльных единицъ, въ которыхъ она обнаруживается. Изъ постоянныхъ наблюденій и сравненій, сдѣланныхъ въ средѣ частной, единичной жизни, наука отвлекла извѣстные общіе законы, неизбѣжные для всякой частности, отвлекла именно то понятіе объ органической жизни, которое заключалось въ одномъ словѣ организмъ. Изъ частныхъ дробныхъ явленій, самыхъ разнообразнѣйшихъ видовъ и свойствъ, она вывела единое явленіе, которое само по себѣ, видимо, не существуетъ, но которое, какъ невидимая сила, управляетъ всякою дробью, всякою частностью. Тому же изученію подлежала и историческая жизнь, — *природа нравственная*» †). Но «исторія не беретъ эту идею у естествознанія, какъ готовую, цѣльную систему, а находитъ ее сама по себѣ, потому что исторія — такая же естественная наука,

*) Тамъ-же, часть II, стр. 1, 2 и 3.

**) Тамъ-же, часть II, стр. 2.

***) Тамъ-же, часть II, стр. 6.

****) Тамъ-же, часть II, стр. 2.

†) Тамъ-же, часть II, стр. 13 и 14.

какъ другія. Ея предметъ — *живой организмъ* чловѣческаго духа... Изученіе и изображеніе чловѣческой жизни, въ формѣ общества, народа, государства, — какъ хотите, — вотъ задача исторіи. А гдѣ изучается жизнь, какъ вы отрѣшитесь тамъ отъ идеи организма, отъ идеи самой жизни? Только своеобычное, доморощенное мышленіе, самоученіе и сомнѣніе можетъ натолкнуть на сомнѣніе въ удобоприложимости этой идеи къ изученію исторіи, на разсужденіе о ней, какъ о какой-то готовой *формулѣ, лежащей внѣ самаго предмета исторіи*, и даже на добродушный совѣтъ «отогнать отъ себя этотъ призракъ знанія и упорно и терпѣливо добиваться отъ изучаемаго дѣла знанія, хотя и болѣе скромнаго, но положительнаго» *).

«Нѣтъ, — возражаетъ Забѣлинъ, — не о томъ мы должны хлопотать, чтобы отогнать эту идею, какъ пустой и даже вредный призракъ знанія, а о томъ, чтобы она болѣе и болѣе водворялась въ сознаніи изслѣдователей, болѣе и болѣе усвоялась ихъ трудами и розысканіями» **).

Что же такое организмъ въ приложеніи къ исторіи, какъ слѣдуетъ понимать «историческій организмъ»? Такимъ вопросомъ задается Забѣлинъ.

«Мы говоримъ и пишемъ: «жизнь общества», «жизнь народа», «общество живетъ», «народъ живетъ». Что мы желаемъ выразить этими словами? Что это? Аналогическое опредѣленіе, *метафора* или сама *дѣйствительность*, которую иначе и выразить нельзя, какъ словомъ, вполнѣ ей принадлежащимъ? Что такое общество, народъ? *Механическая совокупность* живыхъ единицъ, уличная толпа или, въ самомъ дѣлѣ, это — особое *существо, живущее цѣльно*, какъ и всякій животный организмъ?»

Въ отвѣтъ для Забѣлина нѣтъ сомнѣнія. «Какъ личность отдѣльнаго чловѣка есть духовное цѣлое, духовный организмъ, живущій и развивающійся, такъ и народъ — *высшая личность*, есть такой-же *духовный организмъ*, по тѣмъ же законамъ живущій и развивающійся» ***). Кромѣ личности отдѣльнаго чловѣка, «въ чловѣческой исторіи существуетъ и другой *дѣятель неуловимый, незримый*, но еще болѣе сильный, чѣмъ дѣяніе лица или отдѣльныхъ лицъ, которыя остаются наиболѣе памятны лишь потому, что случайно выдвигаются впередъ. Этотъ другой дѣятель, какъ мы замѣтили, есть сама жизнь, тотъ *образъ народнаго бытія*, который носить въ себѣ *всѣ признаки живого естественно-историческаго организма* и который мы пока еще очень смутно рисуемъ себѣ въ имени народа, націи». Онъ обладаетъ не только творческой силой, но и способностью самозарожденія.

*) Тамъ-же, часть II, стр. 3.

Г. Эдельсонъ въ опытѣ „Идея организма“. „Библ. для чтенія“. 1860. № 3. Отд. I.

**) Тамъ-же, часть II, стр. 7.

***) Тамъ-же, часть II, стр. 4, 5.

«Въ человѣческой исторіи первый *творецъ своего быта*, своей жизни—самъ народъ. Онъ *зарождаетъ себя* такъ же незримо и неуловимо, какъ и все зарождающееся въ живомъ мірѣ» *).

Вообще, «называя такъ человѣческое общество, народъ, мы даемъ разумѣть, что оно подлежитъ тѣмъ же, или аналогическимъ условіямъ жизни и развитія, какъ все органическое въ природѣ»... Физическій организмъ, напримѣръ, заключаетъ въ себѣ нѣчто телеологическое: «каждый организмъ носитъ *цѣль своего развитія* въ самомъ себѣ», т.-е. онъ, въ силу постоянства признаковъ рода, всегда остается самимъ собой, развиваетъ только то, что заложено въ его сѣмени. Такъ же точно и народъ—общество—есть «живое цѣлое, живая совокупность силъ, дѣйствующихъ взаимно, для достиженія *самосуцной цѣли своего бытія*».

Отсюда одинъ выводъ для историка: народъ «*можетъ быть рассматриваемъ и изучаемъ какъ и всякій естественный организмъ видимой природы*» **). Остается ему провести этотъ взглядъ на самомъ дѣлѣ, приложить къ изученію народа.

Здѣсь, «чтобы яснѣе представить себѣ существо его жизни, чтобъ осязательнѣе почувствовать ходъ его жизненныхъ отправленій, мы должны понять народъ живымъ организмомъ, живою единицею *не на словахъ только, а на самомъ дѣлѣ*, т.-е. въ нашемъ примѣненіи этой, по преимуществу живой, идеи къ историческому труду, къ изслѣдованію и изображенію народной исторической жизни» ***). И вотъ, «вглядываясь въ нее съ новой точки зрѣнія, историкъ почувствовалъ, что онъ имѣетъ дѣло не съ случайнымъ сплетеніемъ событій и лицъ и не съ автоматомъ, который движется по какой-то чуждой сверхъестественной волѣ, а съ органическимъ цѣлымъ, для котораго это сплетеніе есть только выраженіе, проявленіе его жизненныхъ, внутреннихъ силъ. Такимъ образомъ, въ общемъ движеніи человѣческаго знанія, — уйти съ зыбкой почвы призраковъ и стать на твердую почву живой дѣйствительности, — и для исторіи открытъ былъ *широкій, прямой и свѣтлый путь*» ****). И у насъ «возникъ органический жизненный взглядъ на русскую исторію. Вмѣсто обветшалыхъ понятій и ученія о предопредѣленіи и неисповѣдимыхъ судьбахъ, возникло понятіе, цѣлое *ученіе объ историческихъ началахъ, историческихъ стихіяхъ, элементахъ древней жизни*, которое тотчасъ же оказало самое животворное вліяніе на историческую разработку. Оно отразилось на всемъ; имъ освѣтились всѣ вопросы прожитого быта. И его не поняли и не могли почувствовать только люди, застарѣвшіе въ ученыхъ предразсудкахъ, и потому даже до сихъ поръ озлобленные на новое направленіе историческихъ трудовъ» †).

*) „Ист. русск. жизни съ древнѣйш. врем.“. Часть I, стр. 61.

**) „Размысленія“... Въ „Опытахъ“..., часть II, стр. 13.

***) Тамъ же, часть II, стр. 15.

****) Тамъ же, часть II, стр. 11.

†) Тамъ же, часть II, стр. 30.

Старые взгляды продолжали еще дѣйствовать въ дѣлѣ исторіи. «Подобно Несторамъ, она, — находитъ Забѣлинъ, — до сихъ поръ еще занимается описаніемъ громкихъ и казистыхъ дѣлъ, событій и лицъ; слѣдить не за передовыми людьми общественнаго развитія, а за полководцами въ обыкновенномъ значеніи этого слова. Съ этимъ смысломъ исторія, какъ описаніе чрезвычайныхъ приключеній и происшествій, вошла у насъ въ общее пониманіе и сдѣлалась синонимомъ всякаго приключенія на улицѣ, на площади и т. д. Что можетъ быть вѣрнѣе и пластичнѣе характеризовать то *первоначальное понятіе объ исторіи*, съ которымъ она появилась на Божій свѣтъ, и которое, хотя уже достаточно износилось, но все еще вѣрно и точно опредѣляетъ обыкновенный до сихъ поръ пріемъ историческаго изложенія» *). Тяготѣніе изслѣдователей къ такимъ вопросамъ «антикварной эрудиціи», какъ о происхожденіи варяговъ-руси, по его мнѣнію, «показываетъ только, что въ своихъ понятіяхъ объ исторіи и ея задачахъ мы еще далеко не освободились отъ старыхъ привычекъ и вообще отъ *старыхъ обветшалыхъ интересовъ науки*, которые пока еще господствуютъ въ нашихъ умахъ и нашихъ изысканіяхъ» **). Назвавъ Кавелина, Соловьева и Костомарова, какъ проводниковъ органическаго взгляда на русскую исторію, Забѣлинъ не доволенъ общимъ состояніемъ науки своего времени.

«Странно, впрочемъ, что, при теперешнемъ общемъ говорѣ объ *историческомъ организмѣ*, при сознаніи, что историческая задача есть въ то же время и *задача фізіологическая*, по крайней мѣрѣ, въ основныхъ пріемахъ ея разрѣшенія, мы очень рѣдко встрѣчаемъ вліяніе этой животворной мысли на историческій трудъ; а нѣкоторые голоса даже вовсе не понимаютъ, въ чемъ дѣло, и причисляютъ *фізіологическій взглядъ на исторію* къ длинному ряду нѣмецкихъ ученыхъ выдумокъ, мало пригодныхъ къ ученой обработкѣ исторіи».

«Время покажетъ, — загадываетъ онъ, — на чьей сторонѣ правда, и мы убѣждены, что *правда будетъ на сторонѣ пониманія исторіи, какъ фізіологическаго жизненнаго процесса*, на сторонѣ болѣе яснаго, болѣе осязательнаго *представленія народа живымъ единствомъ, живою личностью*, такъ, какъ и всего *человѣчества*». Не говоря уже о томъ, что «самое обиліе и неурядица существующаго матеріала несравненно легче будутъ освоены, при стремленіи открывать повсюду органическое единство въ этомъ жизненномъ развитіи дѣлъ и лицъ»; тогда, «какъ скоро будетъ понято и почувствовано историкомъ во всѣхъ явленіяхъ угасшей жизни присутствіе народнаго лица, то успѣхъ и стройность, даже художественность его работы явятся сами собою, какъ результатъ сознанія этой жизненной идеи». Во всякомъ случаѣ, и въ настоящемъ онъ видитъ уже благопріятные признаки. «Не смотря на то, что сильно

*) Тамъ же, часть II, стр. 8.

**) Тамъ же, часть II, стр. 28.

еще господство старыхъ понятій объ исторіи и старыхъ привычныхъ приѣмовъ въ историческомъ трудѣ, *потребность жизненной, физиологической основы въ разрѣшеніи историческихъ задачъ* чувствуется всѣми» *).

Такимъ образомъ, понятіе «организмъ», въ приложеніи къ народу, въ примѣненіи его къ исторіи, есть «не метафора», а «сама дѣйствительность», не «механическая совокупность живыхъ единицъ», а «особое существо, живущее цѣльно, какъ и всякій животный организмъ», которое имѣетъ «всѣ признаки естественно-историческаго организма», «носитъ цѣль своего развитія въ самомъ себѣ», и народъ есть «живая личность». По множеству народовъ, получается, слѣдовательно, цѣлый міръ живыхъ существъ этого рода.

Но на этомъ не останавливается одухотвореніе предмета исторіи. Такое же существо, живая личность есть и «все человѣчество», какъ сказано выше словами Забѣлина. Это — съ одной стороны.

Съ другой стороны, «каждая идея, какъ явленіе органической жизни, по своему происхожденію, *по зачатію и рожденію* есть чистѣйшій, хотя и идеальный, организмъ; она носитъ въ себѣ *всѣ элементы той же органической природы*, изъ которой рождается, и ничѣмъ другимъ быть не можетъ, какъ *цѣльнымъ и живымъ* развивающимся организмомъ, потому что возникаетъ, какъ отправленіе живого организма, и развивается, какъ процессъ тѣхъ же самыхъ отправленій, при постоянномъ воздѣйствіи животныхъ органическихъ силъ. Идеи развиваются органически, потому что развиваетъ-то ихъ почва животнаго организма, потому что сами онѣ есть отправленія **)

Мало того, оживленіе идетъ далѣе. И дѣла, эти «воплощенные идеи,... суть тоже живые организмы, какъ *рожденные такимъ же органическимъ процессомъ*, силы котораго скрыты отъ насъ даже и въ животной природѣ, и который являетъ только свои дѣла» ***). Здѣсь тоже «каждое событіе или рядъ однородныхъ, извѣстныхъ явленій, безъ сомнѣнія, должны представлять, въ изложеніи, *цѣльный живой организмъ*, въ которомъ должны быть указаны всѣ *отправленія, всѣ силы, взаимодействующія, всѣ условія*, которыя дали жизнь этому организму». ****) Это значитъ, что, съ точки зрѣнія организма, и бытовые привычки, обычаи ассимилировались съ живыми существами, какъ одаренныя собственной жизнью, обладающія силами, производящими ихъ эволюцію. Такимъ образомъ, по этой теоріи развитія (Entwicklung) обычаевъ и учреждений, пущенной въ ходъ исто-

*) Тамъ же, часть II, стр. 35 и 36.

**) Быть „отправленіемъ живого, животнаго организма“, конечно, не значитъ стать организмомъ, за исключеніемъ, развѣ, единственнаго случая — произведенія на свѣтъ другого, себѣ подобнаго.

***) „Размышленія...“ Въ „Опытахъ...“, часть II, стр. 4, 5 и 6.

****) „Замѣтки о книгахъ“ („Исторія Россіи“ г. Соловьева, томъ второй и третій). Въ „Опытахъ...“, часть I, стр. 562.

рической школой въ Германіи,—говоритъ Ланглуа,—позади историческихъ фактовъ созданъ *міръ мнимыхъ существъ*. Чтобы оградить себя отъ этой обманчивой миѳологіи,—совѣтуетъ онъ,—достаточно одного правила: не отыскивать причинъ историческихъ фактовъ, не представивъ себѣ этихъ фактовъ конкретнымъ образомъ въ видѣ дѣйствующихъ или думающихъ индивидуумовъ. Если же думаютъ пользоваться отвлеченными существительными, то нужно избѣгать всякой метафоры, навязывающей имъ дѣйствія живыхъ существъ.

Чтобы отдѣлаться, слѣдуя этому совѣту, отъ «мнимыхъ существъ», или «*пустыхъ призраковъ*» —Забѣлина, и стать на почву конкретной дѣйствительности, поищемъ средствъ къ тому въ самихъ рѣчахъ нашего яркаго живописателя историческаго организма. Заканчивая свои рѣчи о послѣднемъ, онъ говоритъ.

«Если бѣ удачно было сравненіе, то мы сравнили бы народный организмъ съ животнымъ организмомъ. *Общество—голова, умъ, сознание; народъ—тѣло*, какъ совокупность матеріальныхъ элементовъ жизни, поэтому его дѣйствія есть по преимуществу дѣйствія чувства; *государство—тѣлесная форма*, внѣшній порядокъ и строй, въ какомъ эти элементы расположились. Все это *существуетъ нераздѣльно*, въ самой тѣсной зависимости другъ отъ друга, и *составляетъ то, что мы разумѣемъ подъ словомъ народный организмъ*» *).

Эти слова уже звучатъ признаніемъ въ нашемъ безсиліи оживить, въ буквальномъ смыслѣ слова, историческій организмъ. Дѣло даже не въ томъ, чтобы отождествить его съ животнымъ организмомъ, а хотя бы *сравнить*. Да и сравненіе оказывается *не изъ удачныхъ*. Какъ только дошло дѣло до наглядныхъ подробностей, такъ тотчасъ же и сказаласть ихъ грубость, сразу видна стала несообразность какого бы то ни было отождествленія.

Про элементы историческаго организма авторъ говоритъ уже, что они «существуютъ», а не то-чтобы «живутъ». Точно такъ же и относительно народа, общества—пусть «мы говоримъ и пишемъ: «народъ живетъ», но было бы, конечно, правильнѣе, точнѣе сказать и писать: «народъ существуетъ».

Пусть мы говоримъ: «жизнь народа», «жизнь общества», но эта «жизнь» въ дѣйствительности заключается не въ органическихъ отправленияхъ, а въ организаціонныхъ дѣйствіяхъ. «Жизнь общества, — сказано у Забѣлина,—заключается въ *организаціи* идей и дѣлъ, совершаемыхъ человекомъ». Та же самая мысль развивается имъ подробнѣе.

«Какъ явилось *два человека*, такъ явилось *взаимодѣйствіе*, органическая *связь*, химизмъ *ихъ духовныхъ отправленій*. Этотъ-то химизмъ духовныхъ отправленій, эта организація идей и есть жизнь общества». Общество, оказывается, не само имѣетъ органическія отправления, а составляетъ *связь* духовныхъ отправленій человека, человеческого организма. Оно, какъ и семья, есть «союзъ».

*) „Размышленія...“ Въ „Опытахъ...“, часть II, стр. 55.

«Общество человеческое есть только высшій порядокъ, высшая связь духовныхъ отправленияхъ человеческого организма, есть общая жизнь той же индивидуальной жизни, какою живетъ каждый отдельный человекъ» *). Въ обществѣ, въ народѣ проявляется, дѣйствуетъ только одного рода организмъ — «человѣкъ», «отдѣльный человекъ», вмѣщающій въ себѣ всю полноту органической жизни, «животной» и «духовной» вмѣстѣ, — одна только человеческая «индивидуальная личность», дѣйствительно «живая, не отвлеченная». Народъ же есть не «индивидъ», а «личность собирательная» **).

Здѣсь отъ народа-организма уже ничего не остается. Съ этой точки зрѣнія общество, народъ утрачиваетъ и приписанное было ему самодовлѣющее значеніе, принадлежащее только конкретному организму человеческой личности. За обществомъ же остается служебная роль. «Центръ его жизни, исходная точка и конечная цѣль — полное развитіе живой, а не отвлеченной человеческой личности, которая прежде всего — обыкновенный животный организмъ, индивидуальная нравственная, духовная личность».

«Цѣль развитія, а слѣдовательно задача всей жизни, народнаго, общественнаго организма заключается въ развитіи индивидуальной личности, какъ основы и существенной силы общественнаго союза, въ полномъ всестороннемъ развитіи человекъ, въ полномъ всестороннемъ освобожденіи его природы отъ всяческихъ стѣсненій, возникшихъ изъ первобытной непосредственности или отъ исторической искусственности, нажитой совершеннымъ забвеніемъ или пренебреженіемъ именно этой цѣли человеческого существованія. Общественный организмъ есть высшая форма существованія индивидуальной личности: въ немъ только, и нигдѣ болѣе, она сознаетъ свои силы, великія богатства своей природы, свое истинное достоинство» ***). Какъ ни высоко ставится здѣсь роль общества, все же оно не становится отъ этого самодовлѣющимъ.

«Необходимо же согласиться, — заканчиваетъ Забѣлинъ, — что въ народной жизни, народномъ развитіи коренное начало одно, къ которому неудержимо несется исторія человекъ, по крайней мѣрѣ, на европейской почвѣ, просвѣтленной христіанскими идеями, это начало — полное всестороннее развитіе личности соотвѣтственно требованіямъ ея природы».

«Коренное начало жизни общества, коренное начало его самодѣятельности есть развитіе понятій о достоинствѣ человеческой личности, о достоинствѣ человекъ, какъ конечной цѣли народнаго развитія. Полная свобода человеческой личности, глубокое уваженіе къ достоинству человекъ, совершенство человеческой личности, человечность, вотъ — идеаль, исходная точка и конечная цѣль жизни и развитія общества» ****).

*) Тамъ же, стр. 4 и 5, 40 и 41.

**) „Матем. методъ въ ист.“. Въ „Опытахъ...“, часть I, стр. 357.

***) „Размышленія...“ Въ „Опытахъ...“, часть I, стр. 5 и 6.

****) Тамъ же, часть II, стр. 52, 53 и 54.

Такъ, страхнувъ съ себя навѣянные метафизикой призраки мнимыхъ существъ и становясь на почву осязаемой дѣйствительности, Забѣлинъ приходитъ къ *христіанско-человѣчному воззрѣнію* на исторію, которое, какъ свободное отъ крайностей матеріалистическаго и идеалистическаго направленій, болѣе всего соотвѣтствуетъ требованіямъ гуманитарной науки *).

Въ свѣтѣ такого воззрѣнія на исторію, вопросъ о народѣ, объ обществѣ разрѣшается, такимъ образомъ, не въ границахъ первоначально поставленной дилеммы — «организмъ» онъ или «механизмъ»? — а посредствомъ третьяго понятія — «союзъ», «организація», общественная организація. При этомъ, пусть человѣкъ въ обществѣ живетъ иначе, чѣмъ въ отдѣльныхъ единицахъ **), эта жизнь будетъ все-таки жизнь не общества собственно, а составляющихъ его единицъ. И такое рѣшеніе нисколько не устраняетъ изъ исторіи жизненнаго органическаго пониманія ея, такъ какъ «основа и существенная сила общественнаго союза», «одно коренное начало народнаго развитія» есть человѣкъ — единственный историческій организмъ, и такъ какъ жизнь не устраняется совершенно изъ общества отъ того, что живетъ — то собственно и развивается не само общество, а «человѣкъ, рассматриваемый въ обществѣ» ***).

Сюда-то, слѣдовательно, и должны быть направлены вниманіе и пытливость историка.

«Чтобы выяснитъ себѣ состояніе и характеръ общества въ данную эпоху, — говоритъ Забѣлинъ, — необходимо остановить свое вниманіе на *характеристическихъ чертахъ отдѣльной личности, жившей и дѣйствовавшей въ эту эпоху. Въ личности всѣ узлы, разгадка и разясненіе всему, всѣмъ вопросамъ, какіе ставятъ не только разработка прошедшаго народной жизни, но и современное развитіе народа. Раскройте существенныя черты личности въ данное время, — и тогда будетъ понятно, почему въ это именно, а не другое, время возбуждались тѣ или другія событія, почему такъ или иначе разрѣшались жизненные политическіе и общественные вопросы, почему такой, а не иной, характеръ принимали и эти событія и*

*) Отъ абстрактныхъ предположеній и идей Кантовской школы философіи исторіи выводитъ насъ въ средѣ и на почву конкретной дѣйствительности другое направленіе, при чемъ оно не обрываетъ нитей, связующихъ его съ метафизикой (также, религіей), какъ это дѣлаютъ матеріалистическая и позитивная системы. Быть можетъ, всего удачнѣе мы можемъ назвать это направленіе *гуманитарной философіей* (исходитъ отъ Гердера съ его „Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit“, 1784—1787 г., и развито у Лотце въ его „Mikrokosmos, Ideen zur Naturgeschichte und Geschichte der Menschheit“, 1856—1864 гг.). По нашему убѣжденію, это такое воззрѣніе, на которомъ всего удобнѣе можетъ быть основано всестороннее, не суженное никакими систематическими посторонними интересами, историческое воззрѣніе, потому что оно безусловно согласуется съ понятіемъ и сущностью нашей науки, выводимыми изъ конкретныхъ задачъ нашей спеціальности (Бернгеймъ).

**) См. выше, о социальной психологіи, стр. 198 и 199.

***) „Размышленія...“ Въ „Опытахъ...“, часть II, стр. 4.

разрѣшенія жизненныхъ вопросовъ. Говоря о личности въ этомъ смыслѣ, мы разумѣемъ общій ея *типъ*, общія черты лица данной эпохи» *). Вотъ къ чему сводится освобожденное отъ метафизическаго и метафорическаго налета объясненіе смѣны въ исторіи—эпохъ и періодовъ, вотъ гдѣ послѣдняя конкретная причина развитія, эволюціи.

Въ методическомъ изслѣдованіи этихъ причинъ современная наука остановила вниманіе на томъ, что составляетъ поколѣніе, на смѣнѣ поколѣній **). И этотъ пунктъ уже былъ ясенъ для Ивана Егоровича, который формулировалъ его вполне отчетливо.

«Не только каждый вѣкъ, но и *каждое поколѣніе* носитъ свой особенный типъ личности, каждое поколѣніе создаетъ *собственный типъ дѣйствующаго лица*, въ которомъ, несмотря на многообразіе жизненныхъ отношеній и положеній, всегда встрѣчаются однѣ и тѣ же, общія тому поколѣнію, основы дѣйствій, поступковъ и даже помысловъ. Эти-то общія основы и необходимо обнаружить, если желаемъ знать, каково было общество въ извѣстную эпоху» ***).

Во всякомъ случаѣ, ученіе о духѣ народа и вышедшее изъ него ученіе о народномъ организмѣ, не смотря на то, что оба они, сами по себѣ, не выдерживаютъ здоровой критики, имѣли чрезвычайно важное значеніе для исторіи, такъ какъ заключали въ себѣ, говоря словами Забѣлина, «правду пониманія исторіи, какъ фیزیологическаго жизненнаго процесса». Они-то именно и внесли въ исторію понятіе развитія и органически цѣльное пониманіе предмета и тѣмъ подняли ее на современную высоту «истинной, подлинной науки», т.-е. *эволюціонной*, или *генетической исторіи* ****). За

*) См. выше, стр. 170—174.

**) Причиной всякой эволюціи служитъ перемѣна или въ матеріальныхъ условіяхъ существованія, или въ привычкахъ. Наблюденіе показываетъ намъ двоякаго рода измѣненіе: или одни и тѣ же люди мѣняютъ свой образъ мыслей и дѣйствій, либо добровольно, изъ подражанія, либо по принужденію, или же люди, державшіеся стараго обычая, сходятъ со сцены и замѣняются другими людьми, не придерживающимися больше стараго обычая. Такая *смѣна поколѣній* кажется въ наше время наиболее дѣятельной причиной эволюціи. Существуетъ тенденція думать, что то же было и въ прошломъ: эволюція совершалась тѣмъ медленнѣе, чѣмъ больше молодая поколѣнія придерживались привычекъ своихъ предковъ (Ланглюа).

***) „Русск. личн. и русск. общество наканунѣ петровской реф.“, статья 1863 г. Въ „Опытахъ...“, часть 1, стр. 87 и 88.

****) Эволюціонная, генетическая исторія. Собственно, только на этой ступени развитія историческое знаніе стало истинной, подлинной наукой, дающей всеобъемлющее и глубокопроникающее пониманіе человѣческой исторіи съ различныхъ сторонъ, въ связи со всеобщимъ движеніемъ духовной культуры и наукъ. Въ настоящее время генетическое направленіе въ исторіи является общепризнаннымъ и господствующимъ. Наряду съ прежними, сохраняющими, впрочемъ, право на существованіе и теперь, интересами исторіи, какъ исторіи повѣствовательной, или фактической, и исторіи прагматической, или назидательной, старающейся все объяснить страстями и соображеніями дѣйствующихъ лицъ, генетическая точка зрѣнія будетъ рѣшающей всегда (Беригеймъ.)

нее-то именно, эволюціонную исторію, подъ названіемъ «физиологической», и ратовалъ, такъ горячо и съ такою вѣрою въ ея будущее, Иванъ Егоровичъ Забѣлинъ полстолѣтія тому назадъ.

Въ разсмотрѣнныхъ трудахъ И. Е. Забѣлина, какъ показываетъ вышеизложенное, выпукло и полно обрисовывается весь путь *) ученой работы при возстановленіи старины, начиная отъ перваго прикосновенія изслѣдователя къ «археологическому памятнику»**), какъ «свидѣтелю исчезнувшей жизни»***), продолжая во всемъ «многообразіи и многообразіи фактовъ исторіи»****), почерпнутыхъ изъ названныхъ историческихъ «источниковъ»*****), и оканчивая высшимъ «пониманіемъ» человѣческихъ судебъ въ свѣтѣ «общихъ философскихъ началъ человѣческаго знанія»*****).

Таково это «безпредѣльное и необозримое поле для изысканій» †), поле, на которомъ такое «множество слѣдовъ старой жизни и такъ мало проторенныхъ наукою тропинокъ» ††). И на поприщѣ его Иванъ Егоровичъ, сверхъ славы археолога и славы историка, давно и прочно установившихся, заслуживаетъ неоспоримо также славу исторіософа.

На долгомъ пути «творческаго возсозданія древности» †††), при посредствѣ изученія «древностей», ясно опредѣляется и всегда чувствуется у Забѣлина тотъ перевалъ, которымъ обозначается *переходъ отъ мертвыхъ памятниковъ къ явленіямъ живой, нѣкогда, хотя и угасшей жизни* †*) — перевалъ, до вступленія на который изслѣдователь собираетъ матеріалъ, нагружаетъ себѣ «тяжелый обозъ эрудиціи» †**), за которымъ — онъ ищетъ уже дать «живое пониманіе ветхихъ рѣчей» †***), «почувать то вѣяніе самой жизни, которое носится надъ каждымъ историческимъ фактомъ» †****).

*) Здѣсь, повторяемъ (стр. 146), далеко не исчерпаны всѣ отдѣльные, иногда весьма существенные, обсуждаемые такъ или иначе Забѣлинымъ, вопросы изъ числа встрѣчающихся на этомъ пути въ области собственно исторіи, такъ какъ она разсматривается нами только по сравненію съ другою областью науки — археологіею.

**) См. выше, стр. 90.

***) То-же, стр. 85 и 91.

****) То-же, стр. 133.

*****) То-же, стр. 92.

*****) То-же, стр. 200. Относительно употребленія слова «философія» у Забѣлина см. на этой страницѣ поправку къ страницѣ 196-й.

†) То-же, стр. 177.

Историческое знаніе — крайне сложное и громоздкое (Ланглуа).

††) Точная ссылка на эту цитату изъ Забѣлина мною была утрачена и не найдена ко времени отпечатанія книги.

†††) См. выше, стр. 92, 93 и 133.

†*) То-же, стр. 85 и 89.

†**) То-же, стр. 134. Исправить тамъ опечатку: «сборъ эрудиціи».

†***) «Ист. русск. жизни съ древн. врем.» Часть I, стр. 500.

†****) См. выше, стр. 194.

Позволительно, поэтому, задать вопросъ. Не здѣсь ли, на этомъ перевалѣ, находится искомый водораздѣлъ, по одну сторону котораго разливаются воды археологіи, по другую сторону текутъ рѣки исторіи? Или остается въ силѣ намѣченное у Забѣлина *разграниченіе той и другой науки съ точки зрѣнія творчества, «человѣческаго творчества», въ области котораго «единичное творчество человѣка», «единичное творчество народной жизни», «единичная жизнь», жизнь «человѣческой единицы въ извѣстную эпоху съ окружающею дѣйствительностью» *)* служить предметомъ археологіи, а *«творчество родовое, или общественное», «творчество цѣлаго рода или народа», «народная общая жизнь», «жизнь въ формѣ общества, народа, государства» **)* — предметомъ исторіи? Первое сводится къ *«внутреннему, домашнему быту», «человѣческой культурѣ»,* на долю второго остается *«государство и всѣ проявленія государственной жизни народа»,* какъ *«произведенія общаго творчества...» ***)* На которомъ же изъ приведенныхъ взглядовъ слѣдуетъ остановиться наукѣ? ****)

*) То-же, стр. 74, 75, 76, 75 и 82.

**) То-же, стр. 76, 82 и 81.

***) То-же, стр. 78 и 77.

****) Отношеніе двухъ этихъ взглядовъ на археологію, изъ которыхъ одинъ видитъ предметъ ея въ *«памятникахъ отжившаго быта»,* какъ источникахъ для его возстановленія, другой — въ самыхъ *«явленіяхъ бытовой жизни»,* взаимно исключющее, таково, что нельзя, конечно, предположить, чтобы оно оставалось незамѣтнымъ для автора разсмотрѣнныхъ трудовъ. Это видно изъ нѣкотораго колебанія, обнаруживающагося при обсужденіи имъ археологіи съ точки зрѣнія понятія *«памятникъ».*

«Наука древности,—первоначально формулировалъ онъ, — по преимуществу имѣетъ дѣло только съ обломками, остатками, развалинами жизни» (см. выше, стр. 132). Это *«по преимуществу»,* хотя и колеблющееся между *«только»,* открываетъ нѣкоторый доступъ въ кругъ археологіи чему-то сверхъ памятниковъ, т. е. *«явленіямъ жизни».* Затѣмъ, уже рѣшительно утверждается, что слово *«памятникъ»* есть именно то слово, *«которымъ постоянно и исключительно занимается археологія»* (85 стр.).

Казалось бы, этимъ проведена непреходимая грань между областью памятниковъ и областью явленій жизни. Но между ними здѣсь искусно перекинуть мостъ посредствомъ своеобразнаго толкованія слова *«памятникъ, остатокъ».*

Наряду съ памятниками *«вещественными»* говорится о памятникахъ *«невещественныхъ», «духовныхъ»* (стр. 76), *«къ которымъ относятся нравы, обычаи, обряды, вѣрованія, примѣты и всѣ неосозаемыя выраженія духовной жизни человѣка. Все это произведенія человѣческаго творчества (именно, единичнаго). Все это—такія же древности, какъ обдѣланные камни, металлы, дерево»* и служатъ по этому предметомъ археологіи (докладъ З., с. 12). Археологическій *«остатокъ»,* это—*«все, что остается отъ прожитой жизни человѣка, начиная съ обломковъ его домашней утвари и восходя до обломковъ его міросозерцанія»* (*«Размышл...»* Въ *«Опыт...»,* ч. II, стр. 59). Это съ одной стороны.

Съ другой стороны, *«государство, со всеми его органами и дѣяніями»* есть тоже *«памятникъ», «памятникъ народнаго творчества»,* и, какъ таковой, есть *«самый первый и важнѣйшій памятникъ для наблюденія исторіи».* Здѣсь *«все, и общественныя идеи, руководительницы всѣхъ подвиговъ и дѣлъ народа, всей его*

Прежде чѣмъ дать мѣсто «придирчивости и разбору *), которые являются вездѣ, гдѣ только дѣло идетъ объ истинѣ» **) и для того, чтобы придать имъ принципиальный характеръ, надлежитъ поискать себѣ, говоря словами Забѣлина, «одинъ общій центръ, общую единую связь, которая условливаетъ существованіе всякой науки» ***), «нѣчто неподвижное и нерушимое», что «всѣ другія науки, отправляясь за своими изслѣдованіями, всегда имѣли у себя въ виду» «твердую точку опоры, около которой и располагались ихъ изысканія» ****), и въ этихъ поискахъ установить «основаніе,

жизни» тоже—памятники (75 стр.). Да, наконецъ, *„вся древность, оставшаяся отъ прожитой жизни въ разнообразнѣйшихъ памятникахъ, есть, въ сущности, одинъ памятникъ,—памятникъ его безчисленныхъ дѣлъ на землѣ, начиная послѣднимъ произведеніемъ его ремесла и мастерства и оканчивая высотой его умственныхъ и нравственныхъ созерцаній“* (74 стр.).

Такое распространительное толкованіе слова „памятникъ“, стирающее всѣ различія между собственно памятникомъ, какъ остаткомъ жизни и источникомъ для ея возстановленія, и самыми явленіями жизни, какъ бы ни относиться къ нему, необходимо имѣть въ виду при обсужденіи теоретическаго построенія археологіи и исторіи у Забѣлина.

Къ этому слѣдуетъ прибавить, что подобное смѣшеніе понятій „памятникъ“ и „явленіе“ (фактъ) встрѣчается и у позднѣйшаго теоретика археологіи Н. В. Покровскаго въ его статьѣ *„Новѣйшія воззрѣнія на предметъ и задачи археологіи“*. У него они объединяются въ понятіи „предметъ“. „Всѣ предметы исторіи не безъ права могутъ считаться предметами археологіи“ (*„Сборникъ Археологическаго Института“*. Книга 4-я. С.-Петербургъ. 1880. Стр. 13, 21, 23 и 26).

*) Здѣсь можно замѣтить только, что, во-первыхъ, постановка вопроса, данная у Забѣлина, для рѣшенія его съ точки зрѣнія „творчества“, при обсужденіи доклада на Археологическомъ Съѣздѣ 1874 г., не встрѣтила возраженія по существу. Возражали только, напримѣръ, графъ А. С. Уваровъ, противъ *„слишкомъ индивидуальнаго значенія“*, придаваемого археологіи, тогда какъ „при древнемъ бытѣ индивидуальное вліяніе лица утрачивалось гораздо быстрее, чѣмъ въ настоящее время“ (*„Труды“* III Арх. Съѣзда, т. I, стр. 30). А одинъ изъ членовъ Съѣзда, В. В. Никольскій, полагалъ даже, что „правильнѣе было бы поставить вопросъ совершенно обратно и исключить изъ археологіи все то, что составляло продуктъ творчества индивидуальнаго; задача археологіи состоитъ въ томъ именно, чтобы отыскать проявленія народнаго быта вообще, а задача исторіи въ томъ, чтобы на почвѣ установленнаго археологіею народнаго быта представить характеристику личной дѣятельности“ (Тамъ же, стр. XXII).

Во-вторыхъ, сближеніе археологіи съ бытовой исторіей, до отождествленія ихъ, встрѣтило общее сочувствіе среди членовъ Съѣзда, даже не исключая историковъ, изъ числа которыхъ профессоръ Дерптскаго университета А. Г. Брикнеръ тоже говорилъ объ „археологіи, какъ бытовой исторіи“, „совпадающей болѣе или менѣе, съ понятіемъ объ исторіи культуры“ (Тамъ же, стр. 39 и 41). Д. И. Иловайскій резюмировалъ, что „всѣ, по его мнѣнію, согласны въ томъ, что задачи археологіи состоятъ въ раскрытіи быта различныхъ народовъ“. Если было въ чемъ сомнѣніе, такъ оно касалось только „проявленій“ этого быта. И, по его мнѣнію, слѣдовало только точнѣе обозначить, *„какія именно стороны быта археологія призвана опредѣлить“* (Тамъ же, стр. XXI).

**) См. выше, стр. 163.

***) То-же, стр. 80.

****) То-же, стр. 72.

Древности, т. XXII, в. 2-й.

на которомъ будетъ возможна научная постройка археологическаго знанія со всѣми его отдѣльными вѣтвями» *), однимъ словомъ, тотъ «основной принципъ археологіи», о которомъ запрашиваетъ одинъ изъ «вопросовъ», предложенныхъ на обсужденіе будущаго XV всероссійскаго Археологическаго Съѣзда **).

*) То-же, стр. 76.

**) „Правила нятнадцатаго Археологическаго Съѣзда въ Новгородѣ въ 1911 г. и протоколы засѣданій Предварительнаго Комитета 3—6 января 1909 г.“, стр. 36.

Мадебская карта-мозаика Палестины въ связи съ вопросомъ о Новой (русской) Горней Бетъ-Захари.

И. Я. Стеллецкаго.

Древне-историческій Востокъ за послѣднія десятилѣтія служитъ предметомъ настороженнаго вниманія ученыхъ всѣхъ странъ. Весьма интенсивныя археологическія изысканія западныхъ ученыхъ въ Месопотаміи и Египтѣ привели въ результатъ ко многимъ важнымъ открытіямъ, легшимъ въ основу такихъ самостоятельныхъ научныхъ дисциплинъ, какъ ассиріологія и египтологія. Чрезвычайной важности археологическія открытія на священной почвѣ Палестины даютъ также право на самостоятельное существованіе науки *палестинологіи*. Замѣчательнѣйшимъ открытіемъ въ области послѣдней является открытіе въ концѣ минувшаго столѣтія въ Мадебѣ Заіорданской мозаичной географической карты Палестины, относящейся ко второй половинѣ VI ст. отъ Р. Хр. Составившее эпоху въ области нашихъ географическихъ познаній о Палестинѣ въ домагометанскій періодъ, открытіе это сразу же обратило на себя вниманіе западныхъ ¹⁾ ученыхъ и за короткій, сравнительно, срокъ вызвало значительную литературу ^{*}).

¹⁾ Русской прессой того времени открытіе осталось не замѣченнымъ, если не считать замѣтки—„Мозаичная географическая карта V вѣка“—въ газетѣ „Моск. Вѣдом.“, 1897, 215, 7/VIII.

^{*}) Литература предмета:

1) Séjourné. „Medeba. Coup d'oeil historique, topographique et archéologique. Rev. Bibl., 1892, p. 617—625.

2) „Eliane et sa mosaïque de Madaba“. Rev. Bibl., 1897, p. 648—659.

3) Clermont-Ganneau. La mosaïque de Madaba. Basilique de la Vierge. Rec. d'arch. orient., t. II, 52.

4) Cléopas et Lagrange. La mosaïque géographique de Madaba. Rev. Bibl., 1897, 4, p. 165—194.

5) Heron de Villefosse. La carte de la Palestine d'après la mosaïque de Madaba. Rec. d'arch. orient., 1897, 161—175.

6) D. G. Manfredi, Miss. Piano generale dell antichità di Madaba. Nuov. Bull. di arch. Crist. V. 1899, p. 149—170.

7) Schulten, Ad. Die Mosaikkarte von Madaba und ihr Verhältniss zu den ältesten Karten und Beschreibungen des Heiligen Landes. Berlin, 1900.

Мадебская карта-мозаика представляет исключительный интерес для насъ, русскихъ, какъ содержащая указаніе Горней на мѣстѣ, нынѣ принадлежащемъ намъ.

На представленномъ снимкѣ (рис. 1) данъ общій видъ Мадебы ¹⁾ въ современномъ ея состояніи. Зданіе латинской миссіи доминируетъ надъ городомъ, занимая вершину холма. Возвышающаяся надъ зданіемъ пристройка — католическая церковь, съ небольшою колокольней и кельями для оо. миссіонеровъ. Рядомъ съ зданіемъ миссіи,

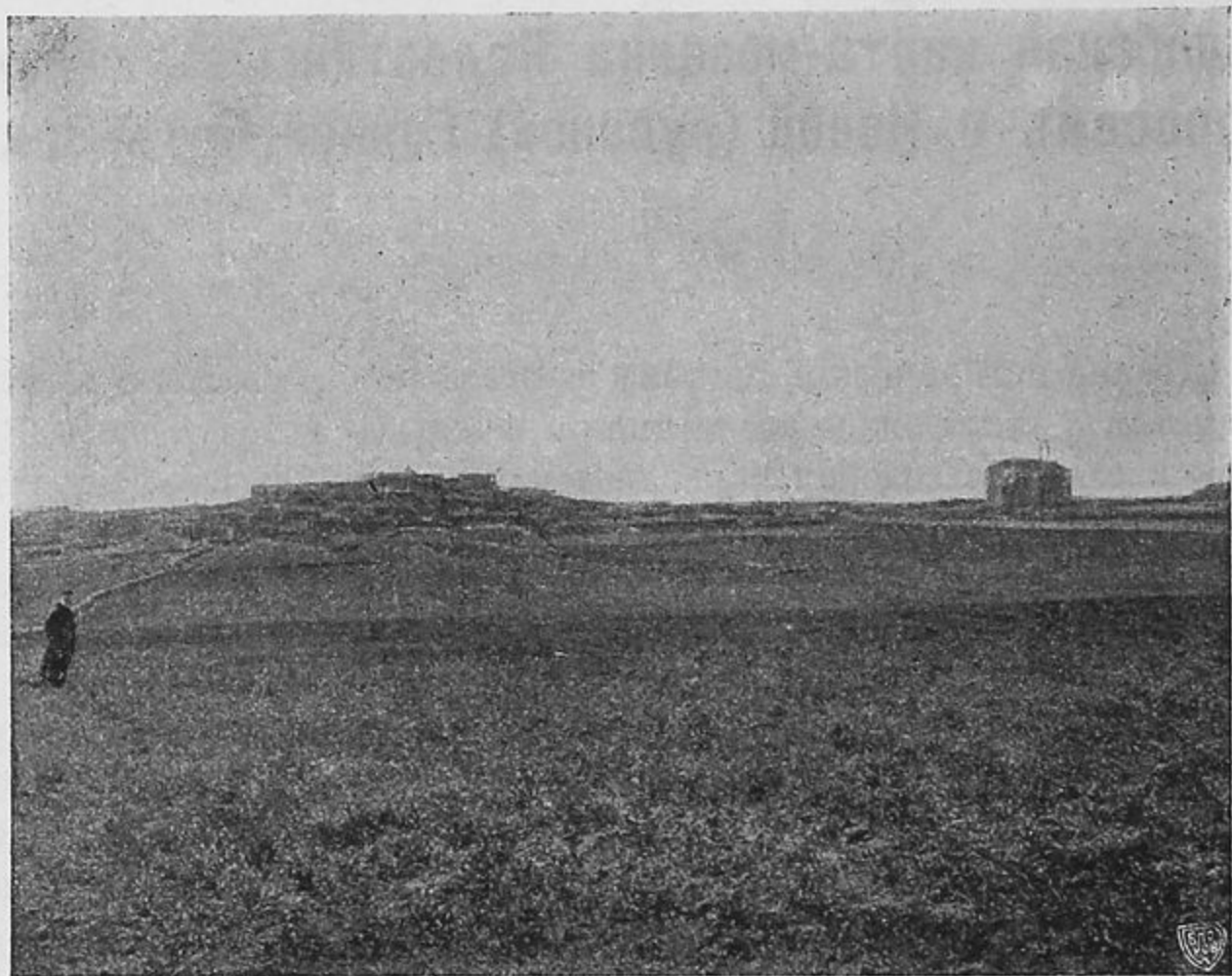

Рис. 1.

съ правой стороны, помѣщеніе для католической школы. Особнякомъ стоитъ зданіе отнынѣ знаменитой православной греческой церкви, гдѣ найдена въ 1897 г. упомянутая мозаичная карта Палестины. Въ востоку отъ зданія церкви наполовину видѣнъ домъ греческой школы.

Названіе «Мадеба» есть искаженное древне-библейское названіе

8) G. Schumacher. Madaba. Zeitschrift des Deutschen Palaestina-Vereins XVII, 1895, p. 113—125.

9) Павловскій, А. А. и Клуге, Н. К. Мадеба. Изв. Русск. Арх. Инст. въ Конст., VIII, вып. 1—2, с. 79—115. Софія, 1902.

10) Κλεόπας Μ. Κοικυλίδης. Ὁ ἐν Μεδήβῃ, μωσαϊκὸς καὶ γεωγραφικὸς περὶ Συρίας Παλεστίνης καὶ Αἰγύπτου χάρτης. Ἱεροσολίμη. 1897.

11) Αρχιμ. Μ. Μεταξάκη. Ἡ Μεδηβά. „Νέα Σιών“, 1904, 1—2, 11—12; 1905, 7—8; 1906, 2.

¹⁾ Небольшая деревушка въ Заіорданьи, въ 10 часахъ пути къ ю.-в. отъ Іерихона.

города «Медева» (Ис. Нав., XIII, 9, 32)¹⁾. Впервые въ Библии Мадеба упоминается въ Книгѣ Числъ (XXI, 30. Ср. Числ. XII, 36), въ повѣствованіи о вступленіи Израиля въ Обѣтованную Землю. Затѣмъ упоминается о Мадебѣ въ кн. Ис. Нав. (XIII, 15, 16), какъ о доставшейся въ удѣлъ колѣну Рувимову.

Послѣ этого, на протяженіи почти четырехъ столѣтій,—отъ смерти Моисея до воцаренія Давида,—Мадеба ясно и опредѣленно ни разу не упоминается въ перечнѣ городовъ въ историческихъ книгахъ Ветхаго Завѣта. Въ царствованіе Давида попытка завязать мирныя сношенія съ Ханомомъ, царемъ аммонитскимъ, окончилась битвою подъ стѣнами Мадебы Іоава, полководца Давидова, съ аммонитянами и ихъ союзниками, царями Месопотаміи, Сиріи и Соба, которые были разбиты на голову. Съ царствованія Ахаза,—когда Мадеба подпала подъ иго ассиріянъ, покорившихъ страну,—и до возвращенія іудеевъ изъ плѣна, Библия ничего болѣе не говоритъ о Мадебѣ опредѣленно. Судя по нашумѣвшей надписи Меши, царя моавитскаго, Мадеба находилась въ рукахъ Іудеевъ во времена Омри. Въ половинѣ IX в. до Р. Хр. она снова перешла къ моавитянамъ, а, спустя немного, попала въ руки набатеевъ. Упоминаніе о Мадебѣ,

12) P. B. Meistermann. La patrie de Saint Jean-Baptiste. Paris, 1904.

13) Le Camus Notre voyage aux pays bibliques. Paris, Letourey et Ané. 1890 3 v.

14) Rabuasson. En Orient. Recit et notes d'un voyage en Palestine et en Syrie, par Egipte et le Sinaï. Paris, 1886, 2 v.

15) Conder, C. R. The survey of western Palestine, v. 1. 1899, p. 178—183.

16) Tristram, H. B. The Land of Moab. London, 1883, p. 306—315.

Изданія карты-мозаики:

17) E. Stevenson. Di un insigne pavimento in mosaico exprimente la geografia dei luoghi Santi, Scoperta in una basilica cristiana di Madaba nella Palestina. Nuov. Bull. di arch. 1897, p. 45—102.

18) Germer-Durand. La carte mosaïque de Madaba. Paris, 1897 (9 фотот. таблицъ).

19) Palmer und Guthe. Die Mosaikkarte von Mādabā, Leipzig. 1906. (10 табл. въ краскахъ.).

20) Maison de la bonne presse. Album de Terre Sainte (9 фот. таблицъ).

21) Мозаичная карта Палестины, Сиріи и Египта, найденная дьякономъ о. Клеопой въ древней базиликѣ въ Мадебѣ въ концѣ 1896 г. (на 4 карт. листахъ).

22) Мозаичная карта Палестины. Мадеба. Фотографія Лягранжа. 1897. 1 листъ.

23) Мадебская мозаика. (Фотографія).

¹⁾ Въ Библии встрѣчаемъ его въ формахъ: *Мадаба* (Ис. Нав., XIII, 9, 16); *Мѣаба* (1 Пар. XIX, 7); *Мѣба* (Иса. XV, 2); у Иос. Флав.—*Мѣаба* (Bel. Jud, 1, 2, 6) и *Мѣаба* (Ant. Jud.); у Евсевія Памфила—*Мѣаба* (Onomast. 8, V); у Птолемея (V, 17, 6) и древнихъ церковныхъ писателей—*Мѣаба* и *Мѣава*. Современное произношеніе также различно. Русскому художнику, г. Клуге, посѣтившему названный городъ въ 90-хъ годахъ, слышалось „Мадеба“. Постоянно живущій въ Іерусалимѣ и часто посѣщающій этотъ городъ развалинъ о. Сежурне пишетъ „Медеба“, опираясь на арабское произношеніе и древне-еврейское чтеніе Библии. Въ Назаретѣ и Іерихонѣ, какъ слышалъ пишущій эти строки, произносятъ „Мѣаба“. Наконецъ, нѣкоторые современные ученые и путешественники говорятъ „Медаба“. Наиболѣе распространеннымъ произношеніемъ является „Мадеба“.

какъ значительной крѣпости, находимъ подъ 160 годомъ въ 1 кн. Маккав. (IX, 35 и сл.): въ это время она находилась снова во власти моавитянъ, исчезнувшихъ съ лица земли около II ст. по Р. Хр.

Изъ свѣтскихъ писателей мимоходомъ упоминаетъ о Мадебѣ Иосифъ Флавій, въ разсказѣ о походѣ Іоанна Гиркана противъ Антіоха Сирійскаго, у котораго Гирканъ, въ числѣ другихъ городовъ, отнялъ Мадебу послѣ изнурительной шестимѣсячной осады.

Еще менѣе знаемъ о судьбахъ этого города во времена римскаго владычества и въ христіанскую эпоху.

Впрочемъ, на основаніи данныхъ новѣйшихъ археологическихъ изысканій, произведенныхъ здѣсь, можно думать, что Мадеба, въ эпоху римскаго господства входившая въ составъ Аравіи Петрейской, была городомъ весьма значительнымъ, богатымъ и пышнымъ, съ форумомъ и храмами, украшенными колоннадами и великолѣпной мозаикой. Въ V в. по Р. Хр., судя по даннымъ актовъ Халкидонскаго собора и свидѣтельству Евсевія, Мадеба числилась епископіей Бострійской митрополіи, зависѣвшей отъ Антіохійскаго патріарха. Епископомъ Мадебскимъ этого времени акты собора называютъ Гаіана или Кайана.

Въ спискѣ провинцій и городовъ временъ Юстиніана, составленномъ грамматикомъ Іерокломъ, Мадеба названа въ числѣ 17 городовъ Аравійской провинціи, а въ перечнѣ 1 епископіи времени Льва Мудраго (IX в.) она значится четвертой епископіей Аравійской епархіи, находившейся въ зависимости отъ Іерусалимскаго патріарха.

Предполагать, какъ Сежурне, что Мадеба сдѣлалась одною изъ первыхъ жертвъ опустошительнаго вторженія Хозроя, отнявшаго у Византіи и покрывшаго развалинами всю христіанскую Сирію, не позволяютъ надписи, найденныя въ мозаикахъ пола двухъ базиликъ, относящихся къ концу VI и даже къ началу VII ст. Возможно, впрочемъ, что ко времени крестовыхъ походовъ Мадебы уже не существовало, такъ какъ ея имени въ разсказахъ объ этихъ походахъ нигдѣ не встрѣчается. По всей вѣроятности, Мадеба была покинута жителями въ силу какихъ-либо особенныхъ причинъ и въ теченіе послѣдующихъ тринадцати вѣковъ зданія ея постепенно разрушались отъ времени и стихійныхъ вліяній. Тѣмъ не менѣе, еще нѣсколько десятилѣтій тому назадъ, по сохранившимся городскимъ стѣнамъ и башнямъ, можно было составить ясное представленіе о величинѣ и укрѣпленіяхъ города. Были находимы также значительные остатки отъ нѣкоторыхъ общественныхъ сооружений, вѣроятно, римской эпохи. Видѣлъ ихъ Тристрамъ, бывшій въ Мадебѣ въ семидесятыхъ годахъ, и Кондеръ, описавшій развалины города въ 1881 г. Но уже только часть этихъ сооружений, вѣрнѣе, жалкіе остатки ихъ, отмѣчаютъ Шумахеръ и Сежурне, посѣтившіе Мадебу въ 1891 г. Фрагментамъ древнихъ сооружений, сохранившимся десятки столѣтій, нанесенъ былъ окончательный ударъ наиболѣе грознымъ врагомъ древности, человекомъ.

заикку, изображающую географическую карту Палестины, Сиріи и Нижняго Египта. Часть мозаики оказалась сильно попорченной, но и то, что сохранилось, представляет драгоцѣннѣйшую археологическую находку. Впервые опубликованная упомянутымъ Клеопой Кикилиди ¹⁾, мозаика эта быстро завоевала широкую извѣстность, привлекая вниманіе ученаго міра, какъ замѣчательный научно-художественный памятникъ расцвѣта византійской эпохи.

При дальнѣйшемъ изслѣдованіи мозаики, — произведенномъ, съ разрѣшенія покойнаго патріарха Герасима, по ходатайству его епитропа Фотія, извѣстнымъ палестинологомъ, аббатомъ Лягранжемъ, совместно съ французскимъ археологомъ Венсеномъ и греческимъ архим. Мелетіемъ Метаксаки, — выяснилось, что отъ географической карты, занимавшей, повидимому, все пространство пола базилики, уцѣлѣла только часть, но довольно значительная. Изслѣдователямъ, помимо порчи, какой подверглась мозаика при построении новаго храма, приходилось считаться также съ исправленіями, сдѣланными, повидимому, въ весьма отдаленную эпоху, рукою мастера совершенно несвѣдущаго, заботившагося, главнымъ образомъ, о заполненіи утраченныхъ частей мозаики новыми. Особенно пострадала отъ времени, разрушенія и неудачной реставраціи часть мозаики, прилегавшая къ сѣверной стѣнѣ базилики.

Результаты четырехдневнаго обслѣдованія названными учеными новооткрытой мозаики были описаны Лягранжемъ въ статьѣ, п. з.: «La mosaïque géographique de Mādaba», помѣщенной въ специальномъ журналѣ «Revue Biblique» за 1897 г. «Нисколько не настаивая на мысли, — замѣчаетъ, между прочимъ, авторъ указанной статьи, — что наше изслѣдованіе не оставляетъ желать ничего большаго, смѣемъ, все же, завѣрить читателей, что никакая предосторожность не была забыта нами, въ намѣреніи представить трудъ, вѣрно воспроизводящій дѣйствительность и отвѣчающій всѣмъ требованіямъ строго-научнаго изслѣдованія».

Въ томъ же, 1897, году Русскій Археол. Институтъ въ Константинополѣ, воспользовавшись пребываніемъ въ Палестинѣ русскаго художника, г. Клуге, поручилъ ему заняться съемкою плановъ, зарисовкою акварелью и фотографированіемъ открытыхъ къ тому времени въ Мадебѣ памятниковъ древности. Г. Клуге провелъ въ Мадебѣ за этой работой около года и въ результатъ явилась цѣлая серія тщательно исполненныхъ плановъ древняго города и обнаруженныхъ тамъ христіанскихъ базиликъ, акварелей съ мозаикъ пола, сохранившихся въ нѣкоторыхъ изъ этихъ базиликъ, и фотографій какъ нынѣшняго поселенія, такъ и сохранившихся до насъ древностей ²⁾.

¹⁾ Κλεόπας Κικιλίδης. Ὁ ἐν Μαδβαῖ μωσαϊκὸς καὶ γεωγραφικὸς περὶ Συρίας, Παλαιστίνης καὶ Αἰγύπτου χάρτης. Ἱεροσόλυμ. 1897.

²⁾ Все это, въ качествѣ приложенія къ статьѣ проф. Павловскаго и Клуге, „Мадеба“, помѣщено въ 1—2 вып. „Извѣстій Русск. Археол. Инстит. въ Константинополѣ“, за 1902 г.

Точный акварельный рисунок мадебской мозаики, сделанный г. Клуге, приобретен Императорским Православным Палестинским Обществом.

Слѣдуетъ отмѣтить также позднѣйшій по времени трудъ по этому вопросу сотрудника Лягранжа по изслѣдованію мадебской мозаики, греч. архим. М. Метаксаки, п. з.: «*Η Μαδβα*», печатавшійся въ греческомъ журналѣ «*Νέα Σιών*» въ теченіе 1904 — 5—6 годовъ ¹⁾).

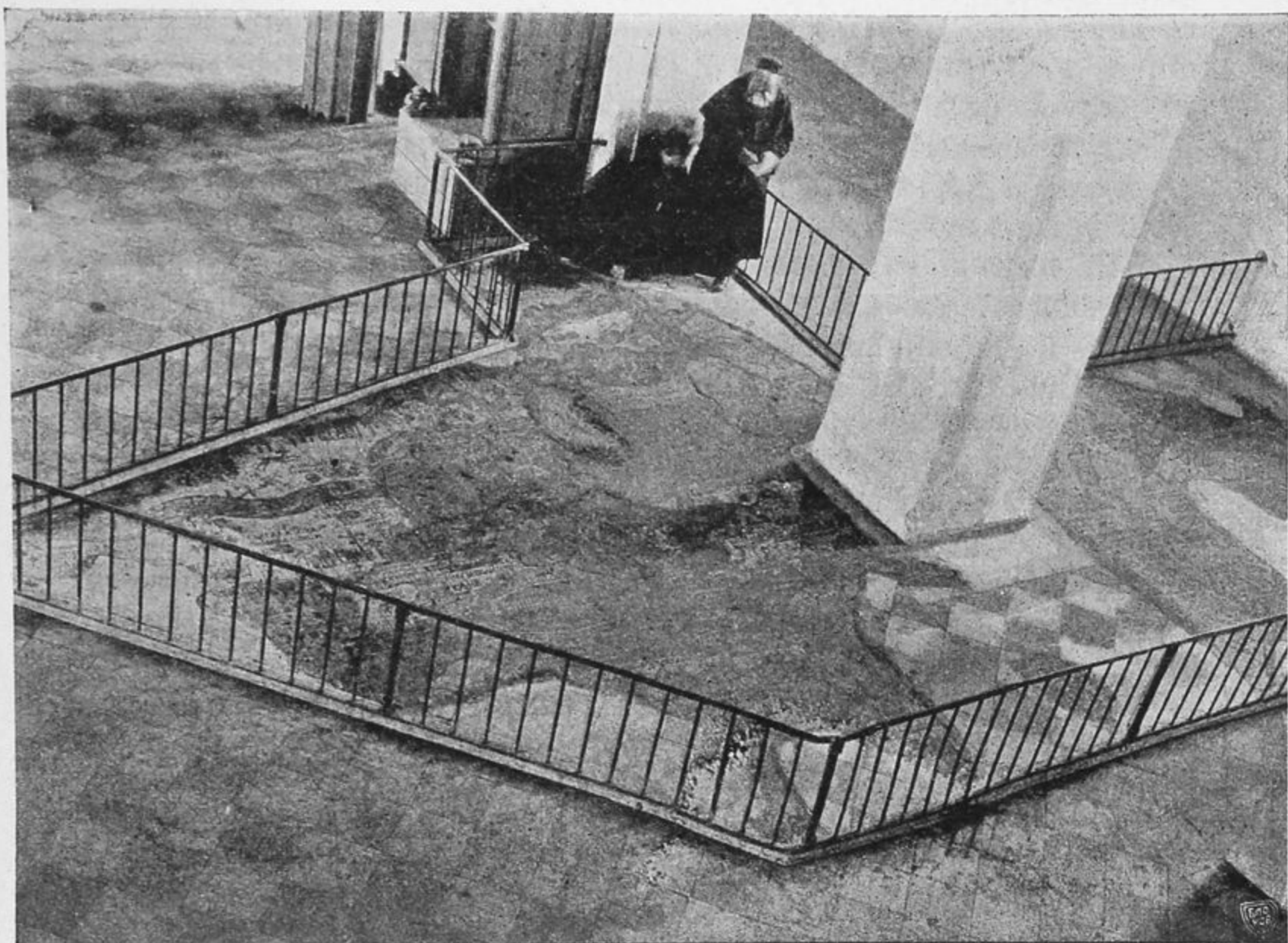

Рис. 3.

Трудъ о. Метаксаки, естественно распадаясь на три отдѣла, — исторія, топографія и археологія Мадебы, — представляетъ сводъ, въ связи съ критической оцѣнкой, всей извѣстной автору литературы о Мадебѣ. Сочиненіе снабжено массой превосходно исполненныхъ снимковъ мозаикъ, развалинъ и видовъ названнаго города.

Метаксаки, между прочимъ, рассказываетъ, въ своемъ произве-

¹⁾ Въ бытность нашу въ Іерусалимѣ, нѣсколько книжекъ „*Νέα Σιών*“, съ указаннымъ произведеніемъ греческаго ученаго, вышеупомянутымъ діаконѣмъ Клеопѣю были намъ уступлены во временное пользованіе весьма охотно и безъ всякихъ формальностей—свидѣтельство истинно-научнаго безкорыстія.

деніи какъ, благодаря тщательнымъ и осторожнымъ раскопкамъ, ему посчастливилось скопировать цѣликомъ ту надпись, которая была захвачена стѣною частнаго дома и которую Сежурне и Клуге приводили потому съ значительными пробѣлами. По этому поводу Венсенъ, въ «Rev. Bibl.» (1906 г., I), замѣчаетъ, что «диллетанты въ эпиграфикѣ признають попытки Сежурне восполнить пробѣлы указанной надписи вполнѣ удачными. Но попадись имъ въ руки «Jahreshefte des oester. arch. Institutes» de 1900 г., или хотя бы «Rev. Bibl.» 1900 г., р. 471 и 1902, р. 109, они, навѣрное, не преминули бы увѣрять, что гипотезы Е. Калинки въ этомъ отноше-ніи не менѣе правдоподобны».

Кромѣ ряда статей за послѣдніе годы, посвященныхъ частью общему описанію памятниковъ Мадебы, частью спеціально вопросу о мозаичной картѣ, уже въ концѣ 90-хъ годовъ появилась цѣлая серія изданій послѣдней, указанныхъ въ литературѣ предмета.

Не имѣя въ виду разсматривать каждое изъ нихъ въ отдѣльности, остановимся подробнѣе на позднѣйшемъ и наиболѣе совершенномъ, именно, на изданіи мадебской мозаики парижской фирмой «Maison de la bonne presse», въ «Album de Terre Sainte», въ количествѣ девяти таблицъ, снабженныхъ комментаріями, позволивъ себѣ сказать нѣсколько предварительныхъ словъ объ общемъ видѣ, планѣ и характерѣ этого удивительнаго сооруженія.

До настоящаго времени отъ мозаичной карты сохранилось около шести квадратныхъ сажень, причемъ, огромная ея часть лежитъ вокругъ второго, южнаго, столба, въ среднемъ и южномъ нефѣхъ, и незначительная часть у сѣвернаго (рис. 3).

Карта ориентирована по частямъ свѣта такъ, что Мадеба, лежащая въ восточной части ея, почти на краю, приходится какъ разъ противъ царскихъ вратъ храма, подлѣ хоръ. Относительно первоначальныхъ размѣровъ всей площади мозаики, изслѣдовавшій послѣднюю художникъ Клуге говоритъ слѣдующее:

На разстояніи 20—25 верстъ къ востоку отъ Мадебы нынѣ наблюдаются послѣднія значительныя руины Мшета и Калать-Зиза, за которыми начинается уже пустыня, а ее едва ли было интересно изображать на картѣ. Такимъ образомъ, на востокъ эта мозаика должна была заканчиваться тамъ, гдѣ на картѣ это обозначено. На западѣ она, по всей вѣроятности, заканчивалась на линіи третьей пары колоннъ, такъ какъ къ востоку отъ этой линіи начинается уже Средиземное море, которое опять-таки представляетъ слишкомъ мало интереса для изображенія. На основаніи приведенныхъ соображеній, Клуге полагаетъ, что карта-мозаика занимала площадь съ востока на западъ около четырехъ сажень и съ сѣвера на югъ около семи, что, за вычетомъ площади четырехъ базъ колоннъ, находящихся посреди ея, составитъ немного болѣе *двадцати пяти* кв. сажень. Остальная часть пола базилики, равно и притворъ, были украшены декоративной мозаикой, представлявшей мотивы геометрическіе, растительные и животнаго царства.

По обязательнымъ правиламъ того времени, алтаремъ церковь обращалась на востокъ. Этимъ объясняется планъ карты-мозаики, ориентированной на востокъ, а не на сѣверъ, какъ то обычно для нашихъ географическихъ картъ. Названія мѣстностей изображались по мѣрѣ хода работы. Въ данномъ случаѣ, очевидно, мы имѣемъ определенное указаніе на систему, обычную для древнихъ географическихъ картъ и потому могущую служить своего рода ключемъ къ разгадкѣ подобнаго рода мозаикъ.

Мадебская карта-мозаика выдержала двѣ реставраціи, вѣрнѣе — поврежденія: немало фигуръ и надписей замѣнено quasi-мозаикой изъ небольшихъ кубиковъ, набранныхъ безпорядочно и безъ гармоніи красокъ, или просто залито цементомъ. Зато уцѣлѣвшіе остатки карты поразительнаго исполненія! Нѣкоторыя мѣстности на ней представлены такъ живо, что обитатели Мадебы безъ труда узнаютъ знакомыя имъ мѣста: «вотъ Керакъ, вотъ Моджибъ»... Художнику въ совершенствѣ удалось воспроизвести контрастъ между долинами и окружающими ихъ горами. Долина Эль-Хоръ, равнина Саронская и пустыня Синайская изображены матово-бѣлымъ цвѣтомъ, на фонѣ котораго особенно рельефно выступаютъ географическія названія изъ черныхъ и красныхъ кубиковъ. Красныя буквы, величиною около восьми сант., употребленныя въ значеніи курсива, обозначаютъ важнѣйшіе пункты и границы владѣній колѣнъ Израилевыхъ. Черныя являются употребительными во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, при чемъ, величина ихъ колеблется между двумя и четырьмя сант. Возвышенности страны носятъ различные оттѣнки, какъ нельзя болѣе соотвѣтствующіе природѣ. Іудейскія горы — темнаго цвѣта, Синайскія — свѣтлорозоваго и т. д. По черному полю горъ — надписи ярко-бѣлыя. Рѣки изображены извилистыми, волнообразными полосами. Въ Іорданѣ плаваютъ бѣлыя и желтыя рыбы; въ Нилѣ прибавлены угри. Мертвое море зеленоватою поверхностью своихъ водъ красиво гармонируетъ съ черными, мрачными берегами: это — море въ бурную погоду. Мосты черезъ рѣки, корабли на морѣ — желтаго цвѣта, указывающаго, что они деревянные. Моряки оттѣнка свѣтло-розоваго.

Художественнымъ шедевромъ мозаичиста нужно признать изображеніе горныхъ потоковъ — Моджиба (Арнонъ) и Ель-Ахсы. Бѣлая мозаичная нить на темномъ фонѣ съ тонкимъ вкусомъ изображаетъ горный потокъ, прихотливо извивающійся въ зелени. На фонѣ одной темной скалы въ Іорданской долині бросается въ глаза ярко-зеленый источникъ, по выходѣ изъ небольшого бассейна пробивающійся среди густыхъ зарослей кустарника. Удивленіе возбуждаютъ пальмы съ желтыми чешуйчатыми стволами, съ помѣтками на нихъ красныхъ чиселъ. Не менѣе тщательно изображены и города съ ихъ улицами и типическими особенностями; здѣсь даже каждый домикъ, несмотря на незначительную величину, отдѣланъ со всѣми подробностями.

Центральнымъ городомъ на картѣ изображенъ Іерусалимъ, занимающій наибольшее мѣсто, въ явный ущербъ правильности

разстояній между нимъ и его окрестностями. Зато величина площади Іерусалима на картѣ позволяетъ съ легкостью ориентироваться какъ въ планѣ всей мозаики, такъ и собственно города. Двойной рядъ бѣлыхъ кубиковъ и желтая окраска обозначаютъ у мозаичиста іерусалимскія улицы, украшенныя колоннадами съ архитравами розоваго цвѣта, переходящаго мѣстами въ яркокрасный. То же нужно сказать про крыши домовъ. Фасады церквей цвѣта лимона. Окна и двери домовъ, окаймленныя бѣлыми рамами, забраны кубиками чернаго цвѣта. Послѣ Іерусалима Керакъ, гордо раскинувшійся на вершинахъ скалъ, бросается въ глаза съ перваго взгляда.

За этими крупными центрами греко-римской культуры слѣдуютъ исполненные съ меньшей тщательностью города менѣе важные: Никополь, Іамнія и др. Въ заключеніе идутъ простыя селенія, главною заботою въ отношеніи которыхъ у мозаичиста, по видимому, было простое разнообразіе комбинацій.

Любопытно, что большіе города всѣ украшены особыми памятниками, сообщающими каждому городу опредѣленную, ему одному свойственную, фізіономію. Въ этомъ нельзя не усматривать сознательной тенденціи художника, такъ какъ трудно допустить, чтобы изображеніе обелисковъ Аскалона, полукруглыхъ источниковъ Елевфорополя, упирающейся въ базилику большой улицы Газы или города Лидды въ формѣ правильнаго овала, было дѣломъ игры случая или плодомъ досужаго измышленія не въ мѣру пылкой фантазіи мозаичиста.

Что касается церквей, то ихъ всегда легко отличить отъ другихъ зданій. У мозаичиста онѣ обычно служатъ указателями мѣстъ священныхъ событій. Таковы церкви: св. Іоанна Крестителя, св. Захаріи (нын. Бетъ-Захари), св. Виктора, св. Филиппа и др.

Всѣ надписи исполнены весьма искусно и съ относительной точностью, причемъ, мозаичистомъ допущены сокращенія отдѣльных надписей, словъ, союзовъ и пр. Въ настоящее время ученые спеціалисты заняты подробнымъ изученіемъ этого замѣчательнаго памятника, на которомъ изображено множество сооружений, давно уже не существующихъ. Дѣло изслѣдованія, къ сожалѣнію, въ значительной мѣрѣ тормозится порчей многихъ надписей, возстановлять которыя приходится по догадкамъ.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію превосходныхъ снимковъ съ мозаики, помѣщенныхъ въ упомянутомъ «Album de Terre Sainte».

Первый снимокъ (рис. 4) изображаетъ теченіе Іордана на пространствѣ отъ Енона, что близъ Салима, до Виаавара, мѣста крещенія Господня. По ту сторону Іордана изображена скачущая газель, озирающаяся съ ужасомъ на преслѣдующаго ее рыжаго льва, отъ котораго сохранились только заднія лапы и хвостъ. Перекинутая черезъ Іорданъ деревянная перекладина указываетъ мѣсто переправы черезъ рѣку посредствомъ парома.

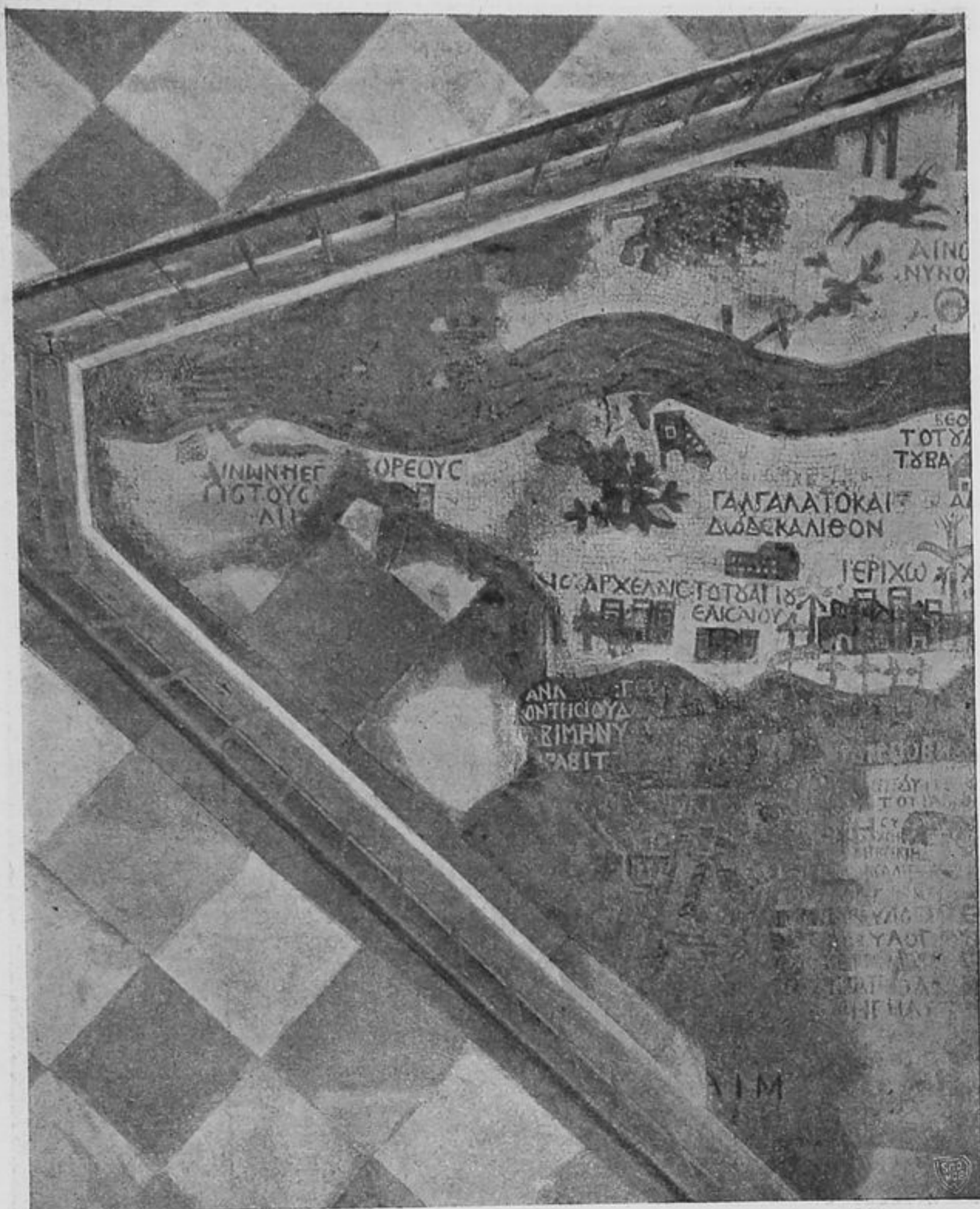

Рис. 4

По сую сторону Іордана бросается въ глаза изображеніе города Іерихона, обнесеннаго стѣнами, Галгала и др.

Захватывая часть предыдущаго, снимокъ второй (рис. 5). изображаетъ нижнее теченіе Іордана съ сѣверной оконечностью Мертваго моря. На восточномъ берегу послѣдняго рельефно выдѣляется надпись: *ΘΕΡΜΑ ΚΑΛΛΙΡΟΝΣ*, т.-е. горячіе источники Каллироэ, столь знаменитые въ древности, соперничавшіе въ славѣ съ Гадаринскими. Въ цѣлебныхъ струяхъ Каллироэ, какъ извѣстно, Иродъ Великій, царь іудейскій, искалъ, хотя и тщетно, исцѣленія отъ своей мучительной, сведшей его въ могилу, болѣзни. Къ западу отъ Іордана и Мертваго моря показаны: *ΒΕΘΛΕΑΡΑ ΤΟ ΤΥ ΑΓΙΟΥ ΙΩΑΝΝΟΥ*, *ΒΗΘΑΓΓΑ*, упомянутый выше *ΙΕΡΙΧΩ(N)* и вся вообще территорія колѣна Веніамина до самыхъ стѣнъ Іерусалима. На

Рис. 5.

Мертвомъ морѣ можно различить большой корабль съ огромной мачтой и парусомъ, обвисшимъ вокругъ рей.

Далѣе, (рис. 6), представленъ Иерусалимъ съ его окрестностями. На картѣ площадь Иерусалима, несоразмѣрная по своей величинѣ, нѣсколько дисгармонируетъ съ общимъ планомъ мозаики. Городъ рѣзко дѣлится на двѣ половины главною улицей, украшенной колоннадами. Направленіе улицы — съ сѣвера на югъ. Мѣсто передъ Сѣверными воротами выложено каменными плитами, съ массивной колонной около, откуда и нынѣшнее названіе этихъ воротъ: Бабель-Ахмудъ, т.-е. Ворота Колонны.

Къ югу отъ Иерусалима, на равнинѣ, группа зданій, расположенныхъ полукругомъ, изображаетъ древній городъ Лидду, римскій Діосполисъ.

Рис. 6.

Крайній восточный уголъ мозаичной карты представленъ на слѣдующемъ снимкѣ (рис. 7). Здѣсь прежде всего бросается въ глаза расположенный на скалистой горной вершинѣ городъ Керакъ. Затѣнненныя мѣста изображаютъ горы, переданныя фотографіей довольно удачно. Горный потокъ, въ видѣ бѣлой нити, окаймленный густой зеленью, стремительно мчится съ высотъ Керака къ впадинѣ Мертваго моря.

Въ юго-западномъ углу видѣнъ городъ Сегоръ, носящій на картѣ названіе Валакъ-Цоора.

Затѣмъ (рис. 8) слѣдуетъ изображеніе южной части Мертваго моря, именуемаго у мозаичиста то Асфальтовымъ озеромъ, то Соленымъ и Мертвымъ моремъ. Здѣсь также можно различить контуры корабля, сходнаго съ первымъ.

Городъ Сегоръ (Валакъ-Цооръ) окруженъ рощами финиковыхъ пальмъ и бальзамныхъ деревьевъ, являвшимися въ древности, по свидѣтельству Евсевія, обычными для этихъ мѣстъ. Къ западу отъ Мертваго моря, около Бетъ-Сура, мозаичистъ изобразилъ источникъ св. Филиппа, церковь Мамврійскаго Дуба, близъ Хеврона, и самый Дубъ Мамврійскій. Послѣдній на картѣ обозначенъ надписями: чернымъ — по бѣлому — *ἡ καὶ τερεβύνθος*, краснымъ — *ΜΑΜΡΙ*. Дерево это было въ высокому почитаніи у древнихъ христіанъ. Констан-

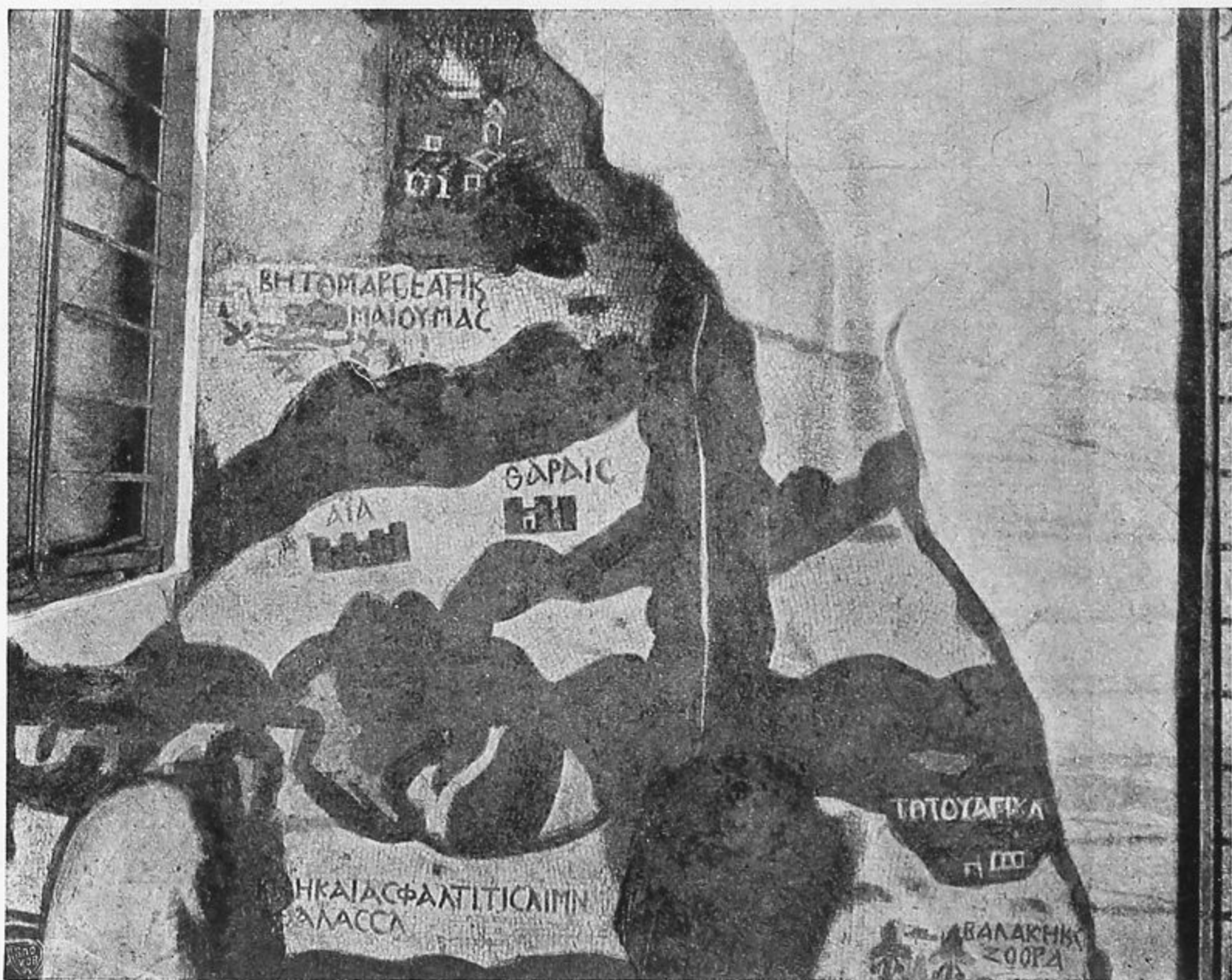

Рис 7.

тиномъ Великимъ, говоритъ Евсевій (Оном. 209, 69), въ этомъ мѣстѣ была построена базилика, съ цѣлью искоренить вызывавшіяся библейскимъ Дубомъ языческія суевѣрія. Подлинный Мамврійскій Дубъ, по бл. Іерониму, существовалъ до временъ Констанція. (Оном. 84, 10). Если принять за достовѣрное высказанную выше мысль, — что мозаичистъ въ своемъ художественномъ произведеніи руководился единственно желаніемъ увѣковѣчить все дѣйствительно существовавшее въ его время, — то въ приведенной надписи мы имѣемъ надежный базисъ для опредѣленія мѣстонахожденія Мамврійскаго Дуба.

Юго-западный уголъ карты, захваченный базой колонны, погибъ безвозвратно.

Дальнѣйшій снимокъ (рис. 9) изображаетъ наиболѣе поврежденную часть мозаики, въ уцѣлѣвшихъ фрагментахъ которой сохранилась одна чрезвычайной важности надпись.

Рѣзко бросается въ глаза вверху надпись *ΙΟΥΔΑ*. Нѣсколько ниже — изображеніе красивой церкви съ портикомъ и надписями: сбоку — *ΒΕΘΖΑΧΑΡ*, сверху — *ΤΟ ΤΟΥ ΑΓΙΟΥ ΖΑΧΑΡΙΟΥ*. Надписи эти вызвали большую сенсацію въ ученомъ мірѣ, особенно като-

Рис. 8.

лическомъ, такъ какъ здѣсь дается прямое указаніе на Бетъ-Захари, какъ Горнюю ¹⁾).

Передъ нами, безъ сомнѣнія, территорія колѣна Іудина, что подтверждается названіями городовъ и селеній, ближайшихъ къ Бетъ-Захари: Виѡлеемъ-Ефрафа, Сохо или Сокхо Евсевія (нынѣ Суэйке), Морасты, родина пророка Михея, и часть Елевферополя. Къ западу, расположенные какъ бы въ долину — Никополь, Іамнія, Аккаронъ, Асдудъ или Азоть и Азоть Приморскій. Тутъ же, на сохранившемся среди церковныхъ плитъ кускѣ мозаики изъ черныхъ и бѣлыхъ кубиковъ, читаемъ надпись: Аскалонъ.

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ говорится ниже.

На седьмомъ по счету снимкѣ (рис. 10), вверху, видимъ изображеніе пустыни Синайской, мѣста сорокалѣтняго странствованія народа израильскаго по исходѣ изъ Египта. Здѣсь показаны: мѣсто избавленія израильтянъ мѣднымъ змѣемъ, пустыня Синъ, извѣстная по чуду съ манной небесной, Рафидимъ, гдѣ были поражены амаликитяне, и пр. Къ западу, въ колѣнѣ Симеоновомъ, изображены города: Вирсавія, Гера, Газа, а также пограничные съ Египтомъ: Элуза, Миноисъ, Риноколура и др.

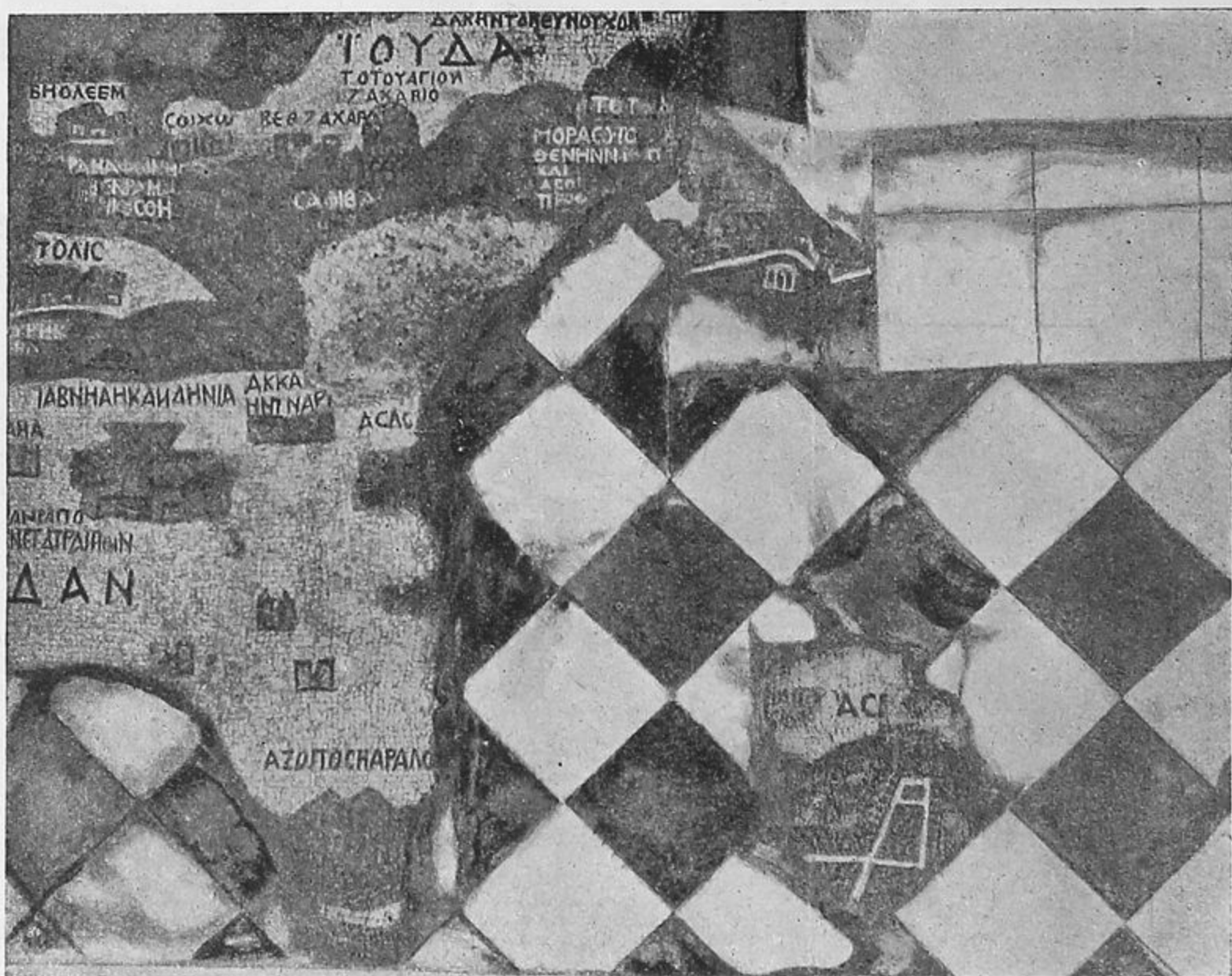

Рис. 9.

Значительную часть предыдущаго воспроизводитъ слѣдующій, восьмой снимокъ (рис. 11). Изъ городовъ особенно выдѣляется Газа, съ красивыми колоннадами и памятниками, а также церковь св. Виктора, мученика египетскаго. Къ югу отъ Газы изображена Обата, родина св. Илларіона. Пограничная линія съ Египтомъ указана между Батиліономъ и Риноколура. Нѣсколько въ сторонѣ бросается въ глаза большой городъ Пелузъ, обнесенный стѣною, съ бойницами и башнями и съ прекрасной колоннадою въ центрѣ.

На послѣднемъ снимкѣ (рис. 12) находимъ изображеніе нижняго Египта съ устьемъ Нила и Синая къ с.—в. Рукава Нила носятъ опредѣленные наименованія. Восточный названъ Пелузіанскимъ, главный—Себенитическимъ. Изображены и три развѣт-

Рис. 10.

вления послѣдняго: между городами Тенисомъ и Саисомъ— Саискій рукавъ; къ с. отъ города Ксоиса—Пастушескій, къ ю. отъ того же города—Балбитскій.

Изъ городовъ указаны: Гермуполисъ, Хортазо, Кенуполисъ и др.

Уже изъ представленнаго бѣглаго описанія видно, что мадебская географическая карта безусловно не носитъ назидательнаго характера, какой ей могло придать, напр., изображеніе креста надъ Голгоѳой, Спасителя, шествующаго къ мѣсту Крещенія, Мертваго моря, объятаго пламенемъ. Напротивъ, духъ откровеннаго натуралиста всецѣло проникаетъ этотъ древній памятникъ искусства. Если на Мертвомъ морѣ изображенъ корабль, значитъ, онъ былъ тамъ, а если въ томъ же морѣ не показаны рыбы, то ихъ тамъ не было, такъ какъ рыбы въ немъ, какъ извѣстно, водиться не могутъ и т. д.

Словомъ, предъ нами образцовая карта по географіи Св. Земли, исполненная, къ тому же, вполне самостоятельно. Нельзя согласиться съ мнѣніемъ Лягранжа, будто мозаичистъ рабски слѣдовалъ Библии и дальше Евсевія, — съ которымъ у него, дѣйствительно, много общаго, — не пошелъ.

По вопросу о колѣнахъ израилевыхъ главнымъ источникомъ свѣдѣній для мозаичиста служили, конечно, данныя Библии. Но этимъ служебное значеніе послѣдней и ограничивается, такъ какъ

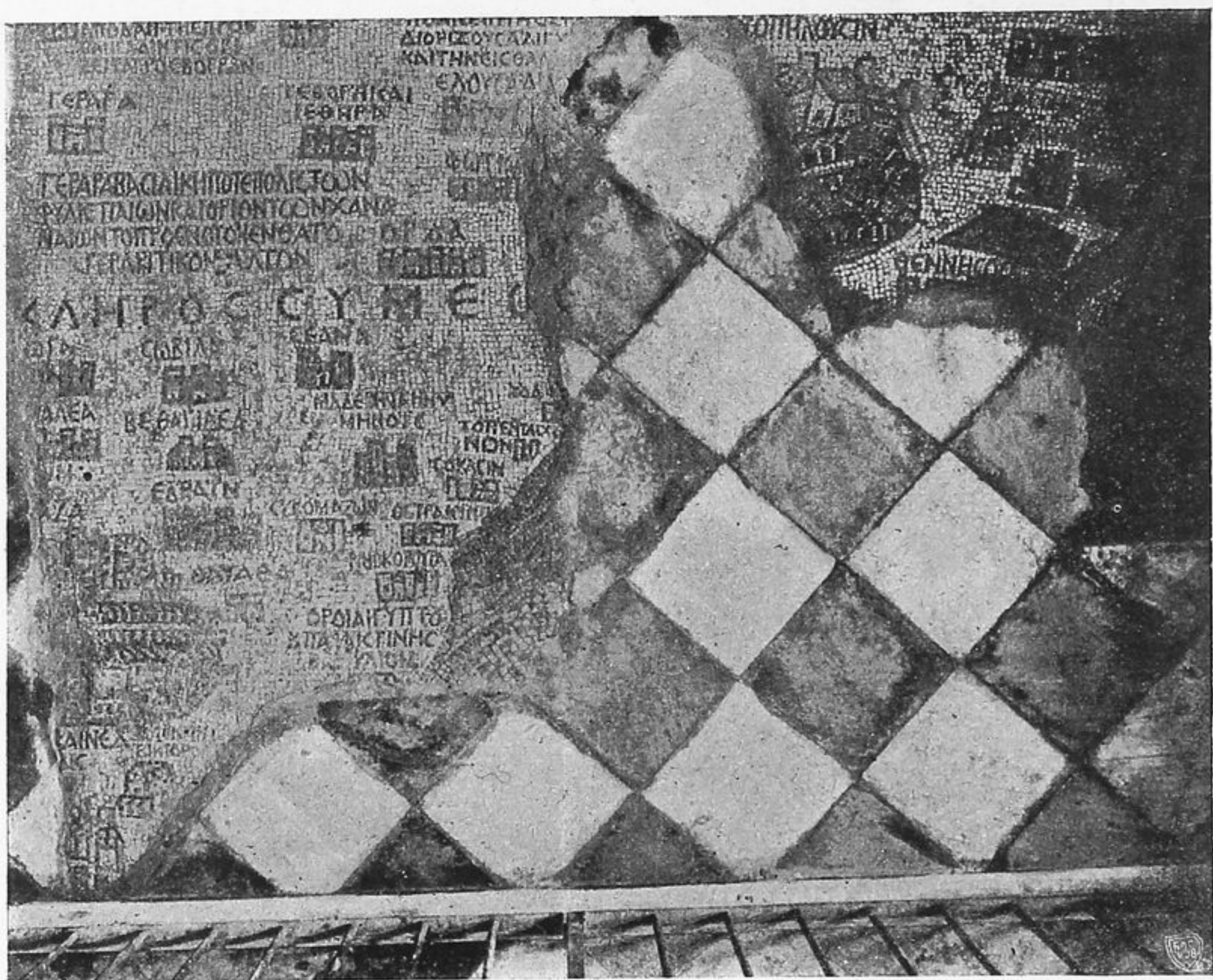

Рис. 11.

во всемъ остальномъ мадебская карта далеко выходитъ за библейскія рамки, даже въ томъ объемѣ, въ какомъ ихъ полагалъ Евсевій. Карта-мозаика, съ одной стороны, изображаетъ такія мѣста, какія въ Библии совсѣмъ не упоминаются, съ другой, содержитъ указанія на святыни чисто христіанскаго происхожденія (церковь св. Виктора и др.). Здѣсь художникъ пошелъ явно противъ авторитета Евсевія, что осуждается нѣкоторыми латинскими учеными, какъ произволь, не оправдываемый здравымъ смысломъ (Лягранжъ). Между тѣмъ, подобная самобытность художественнаго творчества не только говоритъ въ пользу большей объективной цѣнности памятника, но вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ подтвержденіемъ мысли, что

Рис. 12.

разсматриваемое произведение искусства дѣйствительно явилось плодомъ стремленія художника воспроизвести тоговременную дѣйствительность во всемъ ея многообразіи. Только этимъ можно объяснить настойчивость художника въ изображеніи всякій разъ на картѣ наряду съ древнимъ современнымъ названіемъ и даже чаще одного современного безъ поясненія древнимъ.

Время сооруженія разбираемой карты-мозаики до послѣдняго времени съ точностью установить не удавалось, такъ какъ не сохранилось никакихъ указаній на годъ окончанія работы. Только по аналогіи съ хронологическими датами на другихъ мозаикахъ Мадебы можно было придти къ выводамъ болѣе или менѣе устойчивымъ. Трудность вопроса была такова, что даже такой видный археологъ-палестиновѣдъ, какъ Лягранжъ, сомнѣвался въ возможности разрѣшенія строго

научнымъ путемъ этой дѣйствительно трудной задачи. «Сохранись мозаичная карта въ цѣлости,—писалъ онъ,—мы бы, конечно, прочли объ этомъ изъ надписи при входѣ въ церковь». Но такъ какъ этого нѣтъ, то «мы не отваживаемся представить *точную* дату происхожденія этого памятника древности, хотя лично, не взирая ни на что, не сомнѣваемся относить его ко времени Юстиніана». Основанія для такого рѣшенія Лягранжъ усматривалъ въ одной греческой надписи, открытой діаконъ Клеопой въ обширной церковной цистернѣ, находящейся на нѣсколько метровъ сѣвернѣе базилики. На одной изъ стѣнъ цистерны можно разобрать слѣдующую крупную надпись: *Αρχιεπίσκοπος Ιουστινιανου αυτοκράτορος των ρωμαίων*. Происхожденіе и приведенной надписи, и цистерны Лягранжъ относилъ ко времени Юстиніана, не смущаясь тѣмъ обстоятельствомъ, что цистерна эта не значится въ числѣ церковныхъ цистернъ по списку Прокопія.

Діаконъ Клеопа Кикилиди, которому, какъ мы знаемъ, принадлежитъ честь открытія мадебской карты - мозаики, время ея происхожденія приурочивалъ къ началу V в., именно, къ 406 г., базируясь на слѣдующихъ, мало надежныхъ, основаніяхъ.

Рис. 13.

1. Мозаичистъ, упомянувъ о церкви св. Виктора и о монастырѣ св. Герасима,

ничего не говоритъ какъ о базиликѣ Евдокіи въ честь св. Стефана, такъ и о многихъ монастыряхъ Іорданскихъ болѣе поздняго времени.

2. Планъ Іерусалима на картѣ - мозаикѣ является аналогичнымъ съ планомъ Еліи Капитолины, что, будто бы, объясняется тѣмъ, что Іерусалимъ, будучи въ дни Константина городомъ христіанскимъ, продолжалъ все же сохранять видъ, приданный ему Адрианомъ, и т. п.

Ближе къ истинѣ подошелъ Сежурне, въ своихъ выводахъ опираясь на хронологическую дату надписи въ мозаичномъ полу одной изъ церквей Мадебы, именно, въ такъ называемой «Круглой церкви», находившейся ближе къ сѣв.-вост. воротамъ города, недалеко отъ базилики св. Іліи. Дата указываетъ время построенія или, по меньшей мѣрѣ, украшенія церкви мозаикой. Самая надпись состоитъ изъ семи строкъ и обрамлена изящнымъ бордюромъ въ видѣ продолговатаго четырехугольника (рис. 13). Къ сожалѣнію, первая строка надписи и вся лѣвая ея часть захвачены стѣнами новаго зданія, не существовавшего въ 1892 году, когда посѣтившій Мадебу Сежурне имѣлъ предусмотрительность надпись эту скопировать.

Фотографическій снимокъ изображаетъ надпись въ ея совре-

менномъ видѣ, урѣзанною стѣнами съ двухъ сторонъ (рис. 14). Сравнительно мало повреждена заключительная строка съ прекрасно сохранившеюся вышеупомянутою датой. Въ транскрипціи Сежурне, въ переводѣ, надпись гласитъ слѣдующее: «Эта прекрасной работы мозаика священнаго сего и честнаго дома Святой и Непорочной Владычицы Богородицы (сооружена) рвеніемъ и споспѣшествованіемъ христіанскаго народа сего города Мадебы ради спасенія, и помощи, и прощенія прегрѣшеній всѣхъ благотворившихъ и благотворящихъ сему святому мѣсту. Аминь, Господи. Совершена помощью Божіей въ февралѣ 6074 года, индиктіона 15». Время сооруженія мозаики, такимъ образомъ, казалось бы не подлежащимъ сомнѣнію. Къ сожалѣнію, неудачная транскрипція перваго знака даты прежними издателями надписи была причиной возникновенія множества сомнѣній и гипотезъ всякаго рода, а существованіе на Востокѣ нѣсколькихъ приемовъ лѣтосчисленія еще болѣе усложняло и запутывало вопросъ.

Какъ извѣстно, для христіанскаго періода такихъ приемовъ существовало шесть: а) наиболѣе распространенный по селевкидской эрѣ, ведущей счетъ отъ 312 г. до Р. Хр.; б)

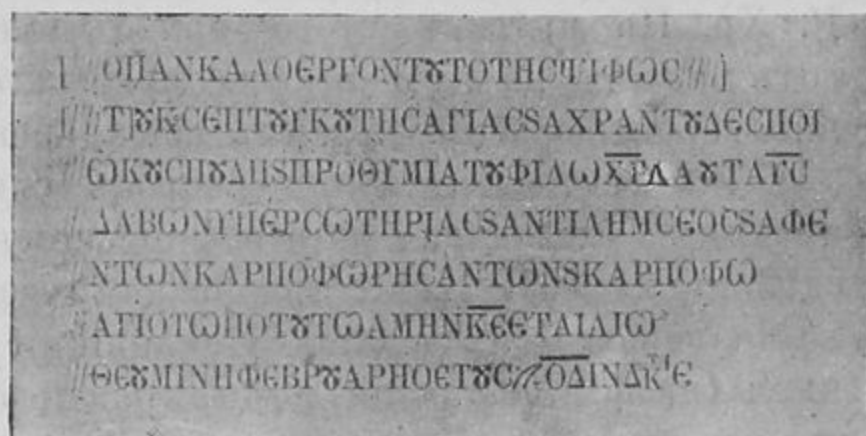

Рис. 14.

часто встрѣчающійся по бострійской или петрейской эрѣ отъ 105 г. по Р. Хр.; в) мѣстный основанія города, гдѣ найдена надпись; д) рѣже встрѣчающійся — по антioxійской эрѣ, т.-е. отъ 49 г. до Р. Хр. и, наиболѣе рѣдкій, е) по христіанской эрѣ. Существовалъ еще приемъ лѣтосчисленія отъ сотворенія міра, называемый обыкновенно александрійскимъ или панодоровымъ, по имени писателя конца V и начала VI в. Панодора, употребившаго его впервые. Годомъ сотворенія міра по этому счету признавался 5493 г. до Р. Хр.

Возникаетъ вопросъ, по какой эрѣ надлежитъ считать вышеуказанную дату?

Такой или иной отвѣтъ на поставленный вопросъ можетъ дать только точное опредѣленіе подлиннаго значенія перваго знака разбираемой даты.

Знакъ этотъ есть такъ называемая стигма, за каковую ее совершенно правильно принималъ и Сежурне, впервые издавшій эту надпись («Rev. Bibl.» 1892 г., р. 640). Цифровое значеніе стигмы, какъ извѣстно, шесть, а съ черточкой передъ нею — 6000. Сежурне почему-то склоненъ думать, что черта стояла спереди стигмы, но была по небрежности опущена мозаичистомъ, и что при такомъ начертаніи стигма, будто бы, имѣетъ цифровое значеніе 600. На самомъ дѣлѣ стигма такого значенія никогда не имѣла, такъ какъ

для обозначенія цифры 600 греки употребляютъ букву Х'. Эта основная ошибка Сежурне обусловила и его выводы. Дата мозаики получилась такая: 674 годъ или, по селевкидской эрѣ, 312 годъ до Р. Хр. Переведа годъ ея на годъ по христіанской эрѣ, получимъ 362 годъ, т.-е. IV вѣкъ по Р. Хр., — выводъ явно несостоятельный, такъ какъ ни стиль мозаикъ, ни палеографическій характеръ надписи не допускаютъ датированія ея IV вѣкомъ.

Не правъ и Жермеръ Дюранъ, принимающій начальный знакъ даты не за стигму, а за простую сигму и потому дату мозаики опредѣляющій 274 годомъ по константиновской эрѣ, будто бы ведущей счетъ отъ 313 года по Р. Хр., т.-е. 587 г. по Р. Хр.

Правдоподобнѣе казалось бы мнѣніе Клермонъ Ганно, принимающаго первый знакъ даты этой надписи за сампи, имѣющее цифровое значеніе 900, а тогда 974 годъ даты можетъ быть, конечно, только по селевкидской эрѣ, т.-е., 663 годомъ по Р. Хр. Но противъ этого приходится возразить, что указанный годъ падаетъ на времена уже арабскаго владычества, а столь поздняго происхожденія мозаикъ обыкновенно не допускаютъ.

Въ настоящее время вопросъ считается рѣшеннымъ, между прочимъ, благодаря фотографическому снимку съ этой надписи, сдѣланному г. Клуге, устраняющему всякое недоразумѣніе въ пониманіи перваго знака даты. Новѣйшими изысканіями русскихъ ученыхъ (проф. Павловскій) по этому вопросу положительно установлено, что передъ стигмой имѣется и черта. Слѣдовательно, здѣсь мы имѣемъ дату — 6074 годъ, такъ какъ ς , т.-е. стигма съ чертою предъ нею, обозначаетъ, какъ извѣстно, 6000, а не 600, какъ думалъ Сежурне. Такимъ образомъ, мы вынуждаемся признать невозможнымъ опредѣлить дату мозаики иначе, какъ отъ сотворенія міра, т.-е., по упомянутому панодорову или александрійскому счету. По этому счету 6074 годъ отъ сотворенія міра приходится на время отъ 1 сент. 581 по 31 авг. 582 г. по Р. Хр., другими словами, февраль 6074 соотвѣтствуетъ февралю 582 г. нашей эры. 581—582 годъ падаетъ какъ разъ на 15-ый годъ индиктіона.

Обозначеніе года индиктіона въ надписи представляетъ опять нѣкоторое затрудненіе. До сихъ поръ цифру индиктіона читали какъ ϵ (5). Но при внимательномъ разсмотрѣніи становится несомнѣннымъ, что предпоследній знакъ надписи передъ ϵ заключаетъ въ себѣ три буквы: К, Т надъ нимъ и І съ двумя точками наверху сбоку. Это І есть, несомнѣнно, обозначеніе числа. Между тѣмъ, мозаичистъ или, вѣрнѣе, безграмотный реставраторъ мозаики, счелъ его за составную часть слова *indictio* и за недостаткомъ мѣста приткнулъ І къ КТ.

Итакъ, можно считать научно доказаннымъ, что годомъ какъ исполненія надписи съ датой, такъ и сооруженія мозаики съ географической картой является вторая половина VI в., точнѣе — 581 годъ по Р. Хр. Такая дата совершенно совпадаетъ и съ общимъ представленіемъ о процвѣтаніи искусства въ Сиріи въ поюстиніанов-

скую эпоху, и съ характеромъ мозаикъ въ другихъ базиликахъ Мадебы, и съ манерою выраженія въ надписяхъ VI в. въ другихъ мѣстахъ.

Детальная и всесторонняя оцѣнка трактуемаго мадебскаго памятника не входитъ въ рамки нашей задачи: это—дѣло будущаго. Здѣсь укажемъ пока на одну сторону его значенія, именно какъ первоисточника для *географическаго* изученія Палестины конца эпохи византійскаго господства въ странѣ. Въ этомъ отношеніи значеніе его колоссально, такъ какъ въ немъ мы имѣемъ самое раннее и потому самое надежное связующее звено съ первыми вѣками христіанства въ Палестинѣ.

Политическія бури, потрясавшія Св. Землею не разъ на протяжении тысячелѣтій, стерли съ лица земли не мало такихъ памятниковъ религіи и искусства, о мѣстонахожденіи которыхъ узнаемъ *впервые* изъ географической карты заіорданскаго городка. Отнынѣ много вопросовъ, глубоко волновавшихъ христіанское человѣчество во всѣ вѣка и не находившихъ себѣ разрѣшенія, отходить въ область воспоминанія.

Яркой иллюстраціей сказаннаго можетъ служить вопросъ о Горней или мѣстѣ рожденія Іоанна Крестителя, чрезвычайно дорого стоившій христіанамъ всѣхъ временъ. Достаточно бросить бѣглый взглядъ на исторію мучительныхъ исканій его разрѣшенія, чтобы убѣдиться въ этомъ.

Первыя попытки въ этомъ направленіи восходятъ къ очень раннему времени, можно сказать, ко времени торжества христіанства. Главнѣйшею ихъ цѣлью было восполнить евангельскій пробѣлъ по столь близкому христіанскому сердцу вопросу, какъ вопросъ о Горней. Евангелистамъ благоугодно было умолчать о томъ, *куда*, въ какое мѣсто или городъ направилась Св. Дѣва, выйдя изъ Назарета на свиданіе съ своею кузиной, матерью Предтечи. Лишь одинъ евангелистъ Лука замѣчаетъ неопредѣленно: «Вставши же Марія во дни сіи, съ поспѣшностію пошла въ нагорную страну, въ городъ Іудинъ» (1, 39).

Какую *страну* и какой *городъ* разумѣетъ здѣсь евангелистъ?

Загадка, которую до сихъ поръ не могло разрѣшить человѣчество, да и разрѣшить окончательно едва-ли скоро. Правда, въ наши дни изъ Мадебы возсіялъ свѣтъ, значительно освѣтившій этотъ темный вопросъ; но еще много придется ученымъ затратить труда, чтобы придти къ его всестороннему рѣшенію.

Въ виду этого, уроки прошлаго являются особенно поучительными.

Уже умы отцовъ и учителей церкви сильно занималъ вопросъ о Горней. Однако, результатъ ихъ исканій поражаетъ своей неожиданностью. Св. Іоаннъ Златоустъ, св. Софроній, патр. Іерусалимскій, бл. Августинъ, бл. Теофилактъ, Беда достопочтенный, Евфимій Зигабень и др. признавали мѣстомъ рожденія Предтечи *Іерусалимъ*.

Ходъ доказательствъ у нихъ очень простъ.

Ангель Гавріиль явился Захаріи во *святѣхъ святыхъ*, когда послѣдній совершалъ тамъ кажденіе. Во святое святыхъ, какъ извѣстно, могъ входить однажды въ годъ одинъ первосвященникъ (Лев. XVI, 2). Стало быть, заключаютъ они, Захарія былъ *первосвященникъ* и, какъ таковой, жилъ при Іерусалимскомъ храмѣ неотлучно. Родиной Іоанна Предтечи, слѣдовательно, былъ Іерусалимъ.

Теорія казалась бы правдоподобной, если бы не одно историческое, вѣрнѣе, археологическое, недоразумѣніе, на которомъ она цѣликомъ построена.

Извѣстно, что въ притворѣ священниковъ, находившемся къ востоку отъ зданія храма, стоялъ жертвенный алтарь, на которомъ два раза въ день совершались всесоженія. Соотвѣтственно этому, въ *святѣхъ святыхъ* стоялъ кадильный жертвенникъ, на которомъ два раза въ день совершалось кажденіе священниками «по жребію, въ порядкѣ своей чреды» (Лк. 1, 8—9). Повторяемъ, не во святѣхъ святыхъ, а въ *святѣхъ святыхъ*, «въ храмѣ Господнемъ», по выраженію евангелиста, въ то время, какъ «все множество народа молилось внѣ» (*ibid.*, 10). Изъ святилища уже, черезъ завѣсу, иміамъ проникалъ во святое святыхъ.

Но одинъ ложный шагъ обуславливаетъ послѣдующіе.

Признавъ Іерусалимъ родиной Крестителя, защитники этого взгляда, натыкаясь на противорѣчія, вынуждены были добиваться примиренія ихъ путемъ уже явныхъ натяжекъ. Напримѣръ, Іерусалимъ не былъ городомъ Іудовымъ; онъ принадлежалъ колѣну Веніаминову. Чтобы обойти это противорѣчіе, они выраженіе евангелиста «въ городѣ Іудовѣ» стали толковать въ смыслѣ въ «городѣ Іудей», т.-е., въ городѣ *par excellence*, столицу Израиля, святой городъ. «Но если бы евангелистъ Лука имѣлъ въ виду именно Іерусалимъ, — замѣчаетъ по этому поводу одинъ писатель конца XVII в., — то назвалъ бы его собственнымъ именемъ, какъ дѣлаетъ въ отношеніи этого города во всѣхъ другихъ случаяхъ».

Позднѣе послѣдователями Іерусалимской теоріи были: Исидоръ Севильскій, Бонавентура, Альбертъ Великій и нѣкоторые другіе.

Въ настоящее время она оставлена.

Серьезнѣе другое мнѣніе, впервые высказанное въ XVII ст. Цезаремъ Бароніемъ, по которому мѣстомъ рожденія Крестителя былъ Хевронъ. Здѣсь на лицо всѣ признаки, которыми св. Лука характеризуетъ мѣсто жительства Захаріи. Книга Іисуса Навина, на которой, главнымъ образомъ, базируется означенная теорія, помѣщаетъ Хевронъ въ горахъ Іудейскихъ (XX, 7, XXI, 11), считаетъ его принадлежащимъ колѣну Іудину и называетъ въ числѣ важнѣйшихъ священническихъ городовъ Іудей.

Однако, внимательный анализъ подрываетъ въ корнѣ эту убѣдительную на взглядъ теорію.

Сторонники ея утверждаютъ, будто Хевронъ игралъ доминирующую роль среди священническихъ городовъ. Утвержденіе голо-

словное, какъ не опирающееся на библейскія данныя. Библія насчитываетъ девять священническихъ городовъ въ колѣнѣ Симеоновомъ и восемь въ Іудиномъ и пять изъ нихъ, въ томъ числѣ Хевронъ, помѣщаетъ въ горахъ, рѣшительно ничѣмъ не выделяя послѣдняго изъ числа остальныхъ.

Правда, въ отдаленную эпоху, на зарѣ іудеѣской исторіи, Хевронъ служилъ одно время столицей колѣна Іудина. Но съ перенесеніемъ Давидомъ столицы въ Іерусалимъ, объединившей всѣ израильскія племена, Хевронъ потерялъ всякое значеніе и даже ни разу не упоминается въ Новомъ Завѣтѣ. Выделять Хевронъ, слѣдовательно, и съ исторической стороны нѣтъ основаній.

Кромѣ того, послѣдователи этой теоріи всегда сильно погрѣшали насчетъ исторической перспективы, не различая Хеврона временъ Іисуса Навина отъ Хеврона времени Іисуса Христа. Они совершенно не учитывали тѣхъ глубокихъ, коренныхъ измѣненій, какія за полторы тысячи лѣтъ произошли въ религіозной, общественной и политической жизни страны, частью благодаря измѣненію формы правленія, частью вслѣдствіе вторженія различныхъ враждебныхъ народовъ, — египтянъ, ассиріянъ, скиѳовъ, грековъ, римлянъ, — или, наконецъ, вслѣдствіе разнаго рода иныхъ бѣдствій, во множествѣ посѣщавшихъ многострадальную страну. Достаточно привести, на примѣръ, характерный фактъ изъ эпохи господства надъ Палестиной Сиріи, бывшей настоящимъ центромъ эллинизации востока. Сирійскіе цари надѣялись крѣпче привязать къ себѣ спорную страну, объединивъ ее съ собою духовно. И вотъ, Сирійскій царь Антиохъ, въ 168 г. до Р. Хр., нанесъ странѣ рѣшительный ударъ. Іудейскій культъ былъ воспрещенъ, введены греческіе алтари, статуи и жертвоприношенія; іерусалимскій храмъ, изъ котораго уже давно были похищены его сокровища, былъ частью разрушенъ и на мѣстѣ, гдѣ была святая святыхъ Іеговы, воздвигнутъ новый алтарь, посвященный Зевсу Олимпійскому. И такихъ примѣровъ въ исторіи этого народа можно насчитать десятки, если не сотни. Сосчитано, что Іерусалимъ, напр., былъ взятъ тридцать шесть разъ, и при этомъ, по крайней мѣрѣ, два раза завоеватель сравнивалъ его съ землей. Однимъ изъ слѣдствій безпримѣрной во всемірной исторіи превратности судьбы іудейскаго народа было то, что Хевронъ ко времени рожденія Крестителя уже болѣе полутысячи лѣтъ не состоялъ въ числѣ городовъ Іудиныхъ, такъ какъ уже въ 604 г. Навуходоносоръ отдалъ его идумеямъ, въ благодарность за преданную службу. И если бы приверженцы Хеврона не относились къ излюбленной теоріи съ упорствомъ фанатиковъ, они бы не стали закрывать глаза на то, что и евангелистъ Маркъ (III, 7—8), и историкъ Флавій (Ant. Iud. XII, III) — оба приводятъ названіе «Идумея», греческое отъ Эдомъ, такъ какъ эдомитяне къ этому времени заняли все мѣсто до богатаго воспоминаніями Хеврона включительно. Логически правильнымъ выводомъ изъ теоріи будетъ тотъ, что евангелистъ Лука просто не зналъ о такомъ

общеизвѣстномъ фактѣ своего времени и подъ городомъ *іудейскимъ*, въ простотѣ сердечной, разумѣлъ Хевронъ, городъ *идумейскій*. Но это абсурдъ.

Казалось бы, въ виду сказаннаго о Хевронѣ, должна сама собою пасть другая теорія, съ легкой руки Релянда, голландскаго ученаго XVIII в., признающая Іутту,—въ древности городокъ, теперь арабскій поселокъ, на два часа южнѣе Хеврона,—за родину Крестителя.

На самомъ же дѣлѣ теорія эта до послѣдняго времени насчитываетъ не мало сторонниковъ, иногда серьезныхъ. Извѣстенъ своей двадцатилѣтней пропагандой этой идеи проф. Свящ. Писанія въ Іерусалимѣ, итальянецъ донъ Эмиль Захарія, котораго только мадебское открытіе превратило въ не менѣе рьянаго апологета Бетъ-Захари, какъ родины Іоанна Предтечи.

Теорія Релянда проста и исходитъ всего изъ двухъ основныхъ положеній, именно, что Горнюю нужно искать въ одномъ изъ *священническихъ* городовъ, и что евангелистъ *не могъ* не назвать города, въ который «съ поспѣшностью» направилась Назаретская Дѣва. Городомъ, отвѣчающимъ, будто бы, этимъ условіямъ, была *Іутта*.

Іутта, правда, была священническимъ городомъ, но только въ глубокой древности, во времена Навина, который два раза вскользь упоминаетъ о ней въ своей книгѣ (Юта: XV, 55; XXI, 16) въ качествѣ таковаго. Но съ тѣхъ поръ городъ этотъ пребывалъ во мракѣ полного забвенія вплоть до XVIII в. нашей эры, когда пылливому европейцу, соблазнившемуся созвучіемъ названій *Іуда*—*Іутта*, пришла въ голову смѣлая мысль—поискать именно здѣсь недающееся мѣсто рожденія великаго Пророка, тѣмъ болѣе, что и категорическая посылка изслѣдователя,—евангелистъ не могъ, т.-е. *долженъ* былъ назвать священное мѣсто,—повидимому, оправдывалась: «въ городъ Іудинъ», говоритъ евангелистъ (І, 39); т.-е. «въ городъ Іутту», поясняетъ Реляндъ.

Однако, хотя на защиту этой теоріи въ 1840 г. выступилъ извѣстный американскій палестинологъ Робинзонъ ¹⁾, она все-же оказывается основанной на пескѣ.

Реляндъ, принимая Іутту за городъ священническій, повторяетъ раскрытую выше коренную ошибку теоріи Баронія, считавшаго такимъ городомъ Хевронъ. Въ эпоху Захаріи оба эти города, какъ отмѣчено, уже не только не были священническими, но даже *іудейскими*. Болѣе того: въ разсматриваемую эпоху такъ называемые священническіе города даже собственно Іудеи совершенно утратили прежнее значеніе городовъ исключительно левитовъ и священниковъ: послѣдніе могли теперь произвольно селиться въ любомъ пунктѣ страны.

Въ силу сказаннаго, представляется совершенно неосновательнымъ утвержденіе, будто подъ выраженіемъ «въ городъ Іудинъ»

¹⁾ Biblikal researches in Palestine. Boston 1841, t. II, p. 190.

необходимо разумѣть *священническій* городъ, такъ же какъ и попытка изъ названія «Іудинъ» выводить «Іутта» потому только, что евангелистъ, якобы, *обязанъ* былъ въ концѣ концовъ назвать этотъ городъ. Одной изъ отличительныхъ особенностей повѣствованія св. Луки является его обыкovenіе умалчивать, при аналогичныхъ обстоятельствахъ, о названіяхъ трактуемыхъ мѣстъ.

Послѣ этого, попытки Релянда объяснить превращеніе слова «Іуда» въ «Іутта» послѣдовательною эволюціей,—подобно какъ у LXX: *Ἰταρ*, *Τάρν*, *Ἰετᾶ*, или въ Вульгатѣ—*Ieta*, *Iata*,—представляются не чѣмъ инымъ, какъ праздными измышленіями въ стремленіи во что бы то ни стало научно обосновать завѣдомо тенденціозную мысль.

Къ чести Релянда нужно отнести, что онъ нашелъ въ себѣ мужество устоять противъ соблазна объяснить указанное различіе въ транскрипціи двухъ названій простою ошибкой переписчика, чего не избѣгъ *Patrizzi* ¹⁾, утверждая, будто первоначальное греческое *Ιουῦτα* переписчикъ искажилъ въ *Ιουδα*: мнѣніе, не подтверждающееся ни однимъ изъ древнѣйшихъ манускриптовъ.

Непримиримыми противниками іуттской теоріи Релянда являются Мейстерманъ, Сежурне, I. Марта и др.

Перечисленными, наиболѣе видными, пунктами не ограничивались поиски трактуемаго мѣста на югѣ Палестины, въ Іудеѣ.

Въ одномъ старинномъ латинскомъ мартирологѣ, ошибочно приписываемомъ бл. Іерониму ²⁾, между прочимъ, говорится, что родиной Іоанна Крестителя былъ Махерусъ, неприступная крѣпость, въ 12 верстахъ къ с. в. отъ Мертваго Моря, построенная Александромъ Іаннеемъ, украшенная Иродомъ Великимъ и служившая при немъ главнымъ оплотомъ противъ арабскихъ набѣговъ. О чудесахъ же, сопутствовавшихъ рожденію Пророка, или о посѣщеніи дома его отца Богоматерью, въ латинскомъ мартирологѣ не упоминается ни слова. Повидимому, документъ смѣшиваетъ историческій фактъ заточенія Иродомъ Антипой Крестителя въ мѣстную темницу (*Ant. Iud.*, XVIII, V, 2) съ мнимымъ фактомъ рожденія его здѣсь. Два вѣка тому назадъ, опираясь на латинскій документъ, эту мысль развивалъ ученый агіографъ Іоаннъ Болландъ, но сторонниковъ почти не имѣлъ.

Ниже критики стоитъ, затѣмъ, мнѣніе, полагающее Горнюю въ Виѣлеемѣ. Къ послѣднему Предтеча никакого отношенія не имѣлъ, по крайней мѣрѣ, въ исторіи имя его ни разу не связывается съ этимъ городомъ. Удивительно ли, что аргументація защитниковъ столь безнадёжной мысли не блещетъ логикой, оставляя желать большаго даже по части элементарнаго знакомства со страной. Одинъ писатель XI в., приверженецъ виѣлеемской теоріи, утверждаетъ, напр., что «когда ангелъ удалился, Марія направилась въ «Горняя», т.-е. въ Виѣлеемъ (лежащій среди болѣе высокихъ горъ,

¹⁾ D. Evangeliiis, I III, diss. X, I.

²⁾ Bollandistes, A. s. s. t. IV, p. 605, § 58.

чѣмъ Назаретъ) и привѣтствовала Елизавету». Утвержденіе, обнаруживающее полное незнакомство автора съ топографіей мѣстности и какъ разъ противоположное дѣйствительности.

Епифаній Схоластикъ, современникъ перваго, въ защиту этого же мнѣнія написалъ цѣлую книгу, въ которой, по словамъ аббата Гейдета, «Геосиманія и Сіонъ, Фіала и Геннисаретское озеро признаются «за одно и то же», что говоритъ о полной фантастичности какъ познаній автора, такъ и вообще сочиненія».

Въ настоящее время этотъ взглядъ никѣмъ не раздѣляется.

Неуклонное желаніе найти Горнюю, при отсутствіи для этого ясной руководящей нити въ евангеліи и при наличности неудачныхъ поисковъ таковой въ Іудеѣ, побудило нѣкоторыхъ изслѣдователей направить свои исканія на сѣверъ страны, въ Самарію и—особенно—Галилею.

Мнѣніе, видящее въ Севастіи, древней столицѣ Самаріи, родину Крестителя, совершенно лишено исторіи, какъ не имѣющее подъ собою сколько-нибудь твердой почвы. Въ Севастіи Креститель былъ заточенъ въ темницу и обезглавленъ Иродомъ Антипой: онъ прославилъ этотъ городъ, но лишь своею смертию.

Интереснѣе мысль—отыскать Горнюю въ Галилеѣ, въ окрестностяхъ Назарета. Инициатива въ этомъ принадлежитъ французскому палестинологу Ле-Камю, автору книги «Vie de Jésus Christ». Правда, аналогичную попытку видимъ уже въ XIII в., но тогда она была плодомъ простого недоразумѣнія: латинскій писатель—паломникъ, Ернуль, не разобравшись, счелъ армянскую часовню св. Захаріи за мѣсто евангельскаго «дома Захаріи». Напротивъ, галилейская теорія Ле-Камю основана на соображеніяхъ, за которыми нельзя не признать извѣстную долю вѣса.

Невозможно допустить, говорить Ле-Камю въ соч. «Notre voyage au pays biblique»¹⁾), чтобы молодая женщина, въ извѣстномъ положеніи, единственно ради свиданія съ своею кузиною, рѣшилась предпринять столь отдаленное и далеко не безопасное путешествіе, изъ одного конца страны въ другой, изъ Назарета въ Ютту, граничащую съ Маономъ и Кармиломъ, словомъ, путешествіе, требующее въ лучшемъ случаѣ до шести дней пути. А если такъ, то мѣсто ея свиданія съ Елизаветой, другими словами, Горною, нужно искать гдѣ-либо поблизости, въ окрестностяхъ Назарета.

Дѣйствительно, энергичные трехлѣтніе поиски ученаго привели къ открытію древняго города Iehudiyeu (Іуда), за Тиверіадскимъ озеромъ, къ с. в. отъ послѣдняго, въ колѣнѣ Нефеалимовомъ, въ двухъ дняхъ пути отъ Назарета.

Существуетъ поговорка: «гора родила мышъ». То же нужно сказать о результатѣ огромнаго труда, подъятаго Ле-Камю: онъ ничтоженъ. Единственный его плюсъ—опредѣленіе въ Галилеѣ города съ именемъ «Іуда». Но городовъ подъ этимъ названіемъ извѣ-

¹⁾ Paris, t. II, p. 199.

стно не мало не только въ Палестинѣ,—въ колѣнахъ Нефеалимовѣ, Дановѣ (Ис. Нав., XIV, 45) и др.,—а и въ Египтѣ (Le Survey of W. Palestine, Lond. 1881), при чемъ, названіе это, въ большинствѣ, происхожденія христіанскаго. Неудача предпріятія Ле-Камю объясняется ложностью исходной точки зрѣнія.

Исходя всецѣло изъ мысли объ абсурдности и физической неудобовыполнимости для женщины такого рискованнаго шага, какъ отдаленное и преисполненное трудностей, путешествіе, да еще по такому ничтожному, сравнительно, поводу, Ле-Камю упустилъ изъ виду одно существенной важности обстоятельство, именно, замѣчаніе евангелиста, что о чудесныхъ явленіяхъ событія рожденія сына Захаріи «разсказывали по всей нагорной странѣ (не Галилей-

Рис. 15.

ской, а) *Иудейской*» (Лк. 1, 65), т.-е. въ ближайшихъ къ мѣсту событія окрестностяхъ.

Приверженцевъ теоріи Ле-Камю насчитываетъ немного.

Сказанное говоритъ объ интенсивной дѣятельности человѣческаго ума въ поискахъ за истиной, послѣдуя слову Спасителя: «ищите и обрящете». Но порывать съ традиціями прошлаго, отвергать служеніе старымъ богамъ и пролагать новые пути въ области человѣческаго знанія дано немногимъ. Вотъ почему и въ данномъ вопросѣ какъ новаторами, такъ и послѣдователями у нихъ скудно: косная, инертная христіанская масса крѣпко держится за традицію, какъ за непре-рекаемую истину. Истинной Горней почитаетъ она, и долго будетъ еще почитать, освященную вѣками традиціонную Горнюю Айнъ-Каримъ (рис. 15).

Въ настоящее время Айнъ-Каримъ—мусульманская деревушка (на 2500 обитателей около 400 христіанъ), верстахъ въ шести къ ю.-з. отъ Іерусалима. Благодаря энергіи приснопамятнаго архим. Антонина, русскіе также владѣютъ здѣсь недвижимымъ имѣніемъ,

на мѣстѣ якобы загороднаго дома священника Захаріи. Здѣсь же имѣеть пребываніе, единственная послѣ Елеонской въ Св. Землѣ, русская женская монашеская община, съ особымъ священникомъ, состоящая въ вѣдѣніи начальника Іерусалимской миссіи.

Многовѣковая слава Айнъ-Карима, какъ Горней, обязана исключительно преданію, не идущему, однако, дальше XII в. Въ послѣднее время, въ виду въ особенности мадебскаго открытія, католическіе ученые изо всѣхъ силъ стараются, если можно такъ выразиться, притянуть за волосы и археологію на помощь благопріятствующему имъ преданію. Насколько имъ это удастся, увидимъ ниже.

Любопытно, что древнѣйшіе церковные писатели и писатели—паломники, сочиненія которыхъ дошли до насъ, какъ-то: Петръ, еп. Севастійскій (IV в.), Θεодосій и Адамнанъ (VI в.), Аркульфъ (VIII в.), «Путникъ Антонина» (IX), ничего, или очень мало и очень глухо говорятъ вообще о мѣстѣ рожденія Крестителя. Напр., Θεодосій говоритъ: «церковь св. Захаріи, въ окрестностяхъ Елліи, указываетъ мѣсто свиданія Маріи съ своею кузиной Елизаветой». Свидѣтельство, съ одинаковымъ правомъ могущее быть отнесеннымъ къ Айнъ-Кариму, Бетъ-Захари и др.

Этого не отрицаютъ и объективно настроенные ученые изъ среды самихъ римско-католиковъ. Аббатъ Рабуассонъ, напр., въ своемъ двухтомномъ трудѣ «En Orient» (t. II), съ рѣдкой для католика прямою и откровенностью развиваетъ ту мысль, что вплоть до XII в., т.-е. до появленія въ странѣ крестоносцевъ, «ни у одного писателя древности мы не находимъ абсолютно ничего, сколько-нибудь говорящаго въ пользу айнъ-каримскаго преданія, представляющагося совершенно иллюзорнымъ».

Совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ предстаетъ вопросъ объ айнъ-каримской Горней послѣ завоеванія Палестины крестоносцами. Неизвѣстно, чѣмъ послѣдніе руководствовались, изъ множества циркулировавшихъ въ Св. Землѣ преданій о мѣстѣ Горней избирая одно, айнъ-каримское и провозглашая его за единственно достоверное... И ничто не мѣшаетъ думать, что Горняя Айнъ-Каримъ возникла какъ слѣдствіе простаго каприза, случайной прихоти сильнѣйшихъ изъ крестоносныхъ вождей, принимая во вниманіе тотъ страстный протестъ трехъ очевидцевъ событій — Бурхарда, Одори и Риккольда, съ какимъ они имѣли мужество выступить противъ историческаго подлога, затѣяннаго ихъ современниками ¹⁾.

Какъ бы то ни было, но человѣческая потребность приурочивать всякое воспоминаніе о священномъ событіи къ одному опредѣленному мѣсту быстро сдѣлала новоявленную Горнюю очень популярной. Уже въ царствованіе Балдуина I, второго короля Іерусалимскаго (1100—1118), благочестивые пилигримы, — въ родѣ англо-саксонскаго купца Севульфа (1103 г.) или русскаго игумена Даніила (1113 г.), — въ простотѣ сердечной поклоняются айнъ-

¹⁾ Raboisson. En Orient, Paris, 1887, t. II, p. 115.

каримскимъ святынямъ съ не меньшимъ чувствомъ душевнаго умиленія, чѣмъ Гробу Господню.

Послѣ изгнанія крестоносцевъ изъ Палестины, айнь-каримское преданіе не только не исчезло, но окончательно окрѣпло. Въ 1884 г., въ коптскомъ монастырѣ св. Георгія въ Іерусалимѣ, найдена арабская рукопись четвероевангелія 1235 г. — древнѣйшій изъ дошедшихъ до насъ письменныхъ памятниковъ съ упоминаніемъ объ Айнь-Каримѣ, какъ Горней, при чемъ, греческій подлинникъ, съ котораго рукопись переведена, по мнѣнію изслѣдовавшаго манускриптъ І. Марта, не восходитъ далѣе конца X—XI ст. ¹⁾).

Въ послѣдующіе вѣка число хвалебныхъ свидѣтельствъ, въ большинствѣ латинскихъ, въ пользу Айнь-Карима, продолжало возрастать, образовавъ цѣлую литературу. И только въ нашъ вѣкъ раціонализма и всеобщей переоцѣнки цѣнностей преданіе крестоносцевъ встрѣтило серьезный отпоръ.

Прежде всего, показалось страннымъ, почему преданіе въ Айнь-Каримѣ насчитываетъ два дома Захаріи, когда даже одинъ изъ раннѣйшихъ поклонниковъ Айнь-Карима, игуменъ Даніилъ, упоминаетъ объ одномъ?

Д-ръ Сеппъ видитъ въ этомъ трудную загадку, говорящую отнюдь не въ пользу достовѣрности преданія. «То обстоятельство, — говоритъ онъ, — что христіане во всѣ вѣка вынуждены были наугадъ опредѣлять мѣстонахожденіе дома Захаріи, съ необходимостью заставляетъ думать, что мѣстомъ дѣйствія обоихъ событій, — и встрѣчи Маріи съ Елизаветой, и рожденія Іоанна Предтечи, — они всякій разъ указывали одинъ опредѣленный пунктъ, одинъ домъ Захаріи» ²⁾).

Весьма краснорѣчивъ и говоритъ самъ за себя и тотъ фактъ, что первоначально горячіе сторонники Айнь-Карима: Э. Захарія, Ж. Дюранъ, Ле-Камю и др. западные ученые, потомъ оставили его, какъ оставляютъ платье, изъ котораго выросли. «Умно ли думать, — громко заявляетъ Ле-Камю въ вышецитированномъ своемъ трудѣ, — что кавасъ русскаго архимандрита знаетъ мѣсто рожденія Крестителя лучше евангелиста? Нѣтъ, я рѣшительно полагаю, что айнь-каримская гипотеза основана на такихъ же фантастическихъ началахъ, какъ гипотезы Махеруса, Хеврона или Ютты».

Археологическія данныя Айнь-Карима, на которыя въ особенности наираетъ Мейстерманъ въ стремленіи поддержать падающую традицію, не менѣе сомнительнаго свойства.

Въ 1885 г., подъ папертью церкви Іоанна Крестителя, открыта мозаика, занимавшая площадь въ 1,60 м. въ діаметрѣ, съ греческою надписью въ центрѣ: *ΧΑΙΡΕΣΘΕ Θ(εο) V ΜΑΡΤΥΡΕΣ* (рис. 16). Мозаика служила надгробной плитой надъ склепомъ, въ которомъ въ двухъ изсѣченныхъ въ скалѣ гробницахъ были похоронены убитые сарацинами въ VII ст. мученики-монахи въ то время суще-

¹⁾ Barnabé Meistermann, „La patrie de Saint Jean—Baptiste“ Paris, 1904 г., р. 124 и 9.

²⁾ Geburts, ort. Iohannes des Taufers. Zeitschrift o. P. V., Leipzig, 1899, р. 87.
Древности, т. XXII, в. 2-й.

ствовавшего здѣсь, по свидѣтельству Севульфа, греческаго монастыря.

Съ просьбой высказаться по поводу этой надписи, Э. Захарія обратился къ тогда уже угасавшему знаменитому археологу де-Росси и, по заявленію Рабуассона, получилъ такой отвѣтъ, что палеографическій характеръ надписи заставляетъ относить ее къ половинѣ VII ст.

Въ другомъ, болѣе обстоятельномъ письмѣ по этому же поводу, де-Росси высказывается въ томъ смыслѣ, что если упоминаемые въ

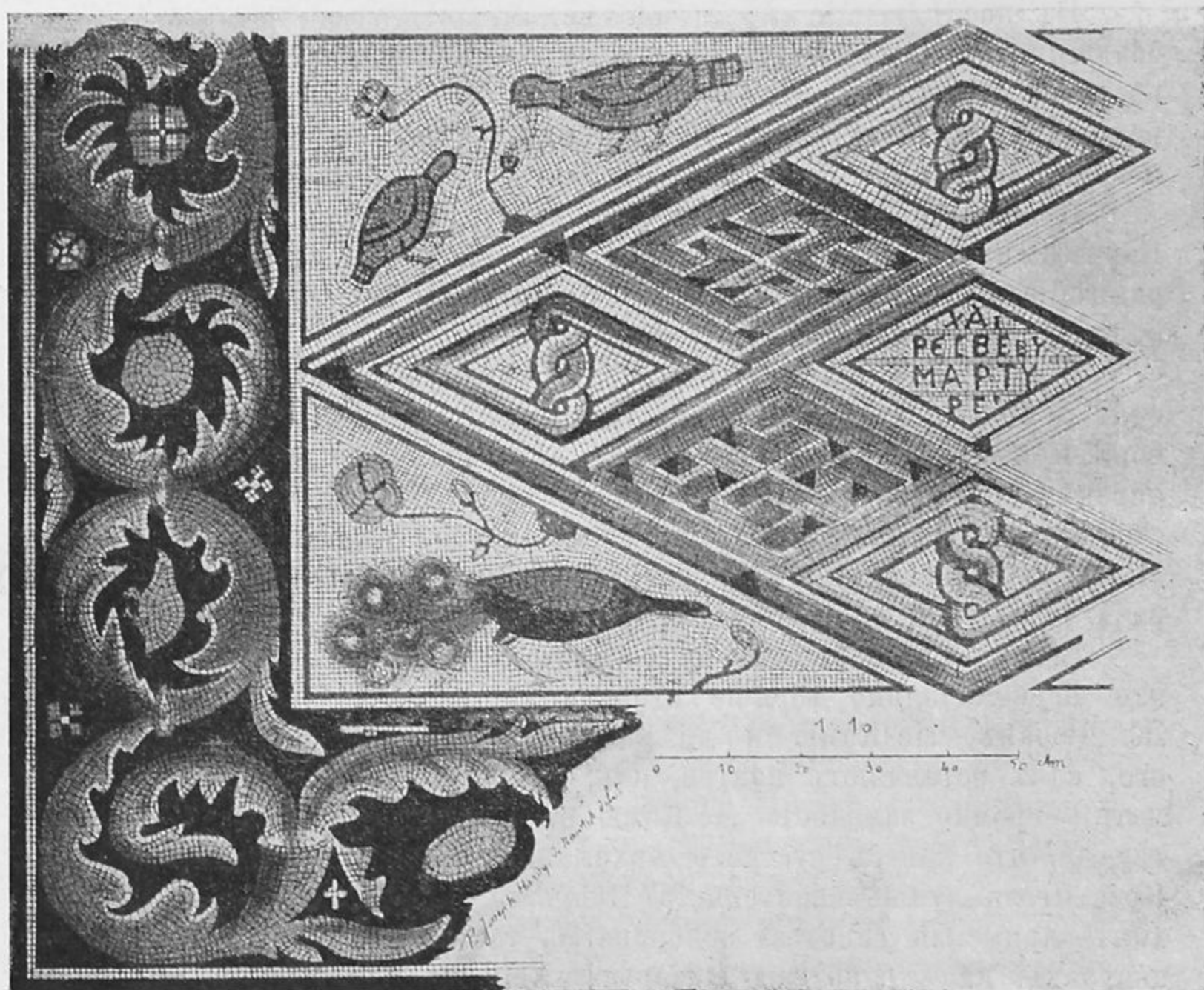

Рис. 16.

надписи мученики были изъ монаховъ лавры св. Саввы Освященнаго, убитые сарацинами въ VII ст., то происхожденіе мозаики съ формулой привѣтствія нужно относить къ VIII ст. «Впрочемъ, — заключаетъ авторъ письма, — весьма рискованно судить наудачу, и по даннымъ одного небольшого фрагмента и неточнаго факсимиле высказываться о стилѣ, художественности и времени происхожденія памятника». Такой уклончивый отвѣтъ авторитетнаго археолога, естественно, не разсѣялъ недоумѣній, оставивъ попрежнему полный просторъ для всякаго рода произвольныхъ измышленій... Суть, однако,

въ томъ, что айнь-каримская мозаика и ея надпись, независимо отъ времени происхожденія, ни къ Захаріи, ни къ Іоанну Предтечѣ ни прямого, ни косвеннаго отношенія не имѣютъ.

Вопросъ о такъ называемой «Первой пустынѣ» Іоанна, для защитниковъ традиціи крестоносцевъ, обстоитъ не менѣе печально.

Кромѣ неопредѣленнаго замѣчанія одного апокрифа, что пустыня Іоанна находилась невдалекѣ отъ дома отца его Захаріи, мы не имѣемъ никакихъ рѣшительно свидѣтельствъ древности по этому вопросу. Преданіе о «пустынѣ» какъ-то сразу возникаетъ въ XII в., какъ необходимый атрибутъ айнь-каримскаго.

По личному наблюденію нашему, мѣсто на часъ разстоянія отъ Айнь-Карима, именуемое «пустынею» Іоанна Крестителя (рис. 17),

Рис. 17.

не представляется возможнымъ опредѣлить этимъ терминомъ даже въ «восточномъ», другими словами, обширномъ, не прямомъ значеніи слова, въ какомъ Спаситель «пустыней» назвалъ, напр., мѣсто насыщенія пятью хлѣбами многочисленной толпы народа, размѣстившейся на «травѣ» (Мѡ., XIV, 13). Еще менѣе основаній для этого было въ древности. Вспомнимъ, что Иродъ Великій снова привелъ страну въ цвѣтущее культурное состояніе, потому что таковой она была во время Іисуса Христа. Съ нимъ для несчастной страны началось болѣе благопріятное время: онъ дѣлалъ все для того, чтобы осчастливить страну, переполнивъ ее римской культурой. Онъ строилъ водопроводы, военныя дороги, бани, дворцы, гимназіи и театры среди священной земли. Вслѣдствіе долгаго мира, народное благосостояніе возросло. Культурѣ земли подверглись всѣ сколько-нибудь пригодныя для того участки. «Пустыня» Айнь-Карима, не могла быть ис-

ключеніемъ, такъ какъ лежала на границѣ самыхъ культурныхъ и многочисленныхъ въ дни Ирода колѣнъ, Іудина и Веніамина, вмѣстѣ съ Айнъ-Каримомъ составляя предмѣстье цвѣтущаго столичнаго города и, конечно, украшенное домами и заботливо содержимыми садами, благодаря богатому водою источнику и плодородной почвѣ, еще и теперь носящей слѣды былой высокой культуры. Разумѣется, въ такомъ мѣстѣ дитя не могло оставаться укрытымъ отъ взора людского сколько-нибудь продолжительное время.

Отсюда ясно, что выборъ «пустыни» былъ сдѣланъ произвольно, а, принимая во вниманіе свидѣтельство пилигрима XVII в., — времени глубокаго запустѣнія Св. Земли, — что «вся земля вокругъ (пустыни) прекрасно воздѣлана и, при малочисленномъ сравнительно населеніи, въ изобиліи засѣвается прекрасной пшеницей и засаживается богатыми виноградниками, дающими владѣльцамъ значительный доходъ» (Р. Nau, *Op. cit.* p. 467), нужно признать, вмѣстѣ съ Ле-Камю, что, вдобавокъ, «преданіемъ выборъ сдѣланъ неудачно».

Такимъ образомъ, айнъ-каримская теорія обречена раздѣлить участь всѣхъ остальныхъ, ставъ достояніемъ исторіи. Настоящій моментъ характеризуется отсутствіемъ у христіанъ Горней: старая разрушена, новая, пока, окончательно не опредѣлена. Св. Земля, какъ и болѣе полуторатысячи лѣтъ тому назадъ, пребываетъ въ безмолвіи, ревниво храня въ нѣдрахъ своихъ тайну мѣстожителства библейскаго священника. Нѣкоторымъ, горькимъ, утѣшеніемъ для христіанина можетъ служить мысль, что не только Горняя, — Голгоѳа, мѣсто великаго всемірно-историческаго событія — крестной смерти Іисуса, доподлинно неизвѣстна міру. «Ни одинъ исторически мыслящій человекъ новаго времени, — говоритъ проф. Соденъ ¹⁾, — не можетъ никакъ представить себѣ мѣсто распятія въ нынѣшнемъ храмѣ гроба Господня».

Однако, современная наука палестинологіи стоитъ на вѣрномъ пути къ окончательному установленію *Новой*, подлинной, *Горней*. Путь этотъ указанъ мадебскимъ открытіемъ, полагающимъ Горнюю въ *Бетъ-Захари*.

Какъ почти всѣ важнѣйшія открытія, Горняя Бетъ-Захари открыта случайно.

Мадебская находка оказалась явленіемъ настолько исключительнымъ, что ею живо заинтересовались даже обычно равнодушные къ разнымъ открытіямъ европейцевъ широкіе слои туземнаго населенія. Особенно комментировался на всѣ лады слухъ, будто между Іерусалимомъ и Хеврономъ мозаика называется Бетъ-Захари (домъ Захаріи). Подъ этимъ названіемъ ²⁾ у арабовъ извѣстенъ пустынный

¹⁾ Палестина и ея исторія. М. 1909 г., стр. 114.

²⁾ Часто арабы его называютъ также Бетъ-Ша'аръ, рѣже — Бетъ-Скарія. Но это суть три арабскія названія одного и того же холма, вопреки Бедекеру, полагающему, что Бетъ-Ша'аръ есть названіе другого холма, въ четырехъ километрахъ отъ Бетъ-Захари (*Palestine et Syrie*, 3-e ed. 1906 г., p. 107).

и каменистый, поросшій терніемъ, большой пологій холмъ за Виолеомомъ, по Хевронской дорогѣ, принадлежавшій одному арабу, виолеомскому уроженцу. Послѣдній, какъ истый семитъ, быстро сообразилъ, что этотъ его участокъ можетъ сдѣлать ему хорошій гешефтъ. Произведя на холмѣ пробныя раскопки, онъ открылъ развалины и фундаментъ какихъ-то зданій и обратился къ грекамъ, къ латинянамъ и русскимъ съ предложеніемъ купить у него это мѣсто совсѣмъ дешево, за 140 золотыхъ. Тѣ колебались. Судьба, однако, благопріятствовала арабу. Случайно у подножія холма былъ открытъ сильно заплывшій отъ времени старинный водоемъ, остатки акведука, доставлявшаго воду изъ Арруба въ Іерусалимъ и ниша со слѣдами фресокъ ¹⁾.

Новое открытіе это вызвало среди иностранцевъ сильный интересъ къ Бетъ-Захари, прежнее колебаніе исчезло и всѣ наперывъ захотѣли пріобрѣсти продаваемый участокъ. Арабъ «уловилъ моментъ» и пустилъ имѣніе съ торговъ: «кто больше». И вотъ, первоначальная скромная сумма въ 140 зол. быстро возросла до 900! Побѣдителями оказались русскіе, благодаря, въ значительной мѣрѣ, энергіи миссійскаго іеромонаха Владимира, вскорѣ послѣ этого отозваннаго въ Россію, и драгомана при русской іерусалимской миссіи, Г. Халеби, питомца Кіевской Академіи. Такъ, осенью 1902 г., Бетъ-Захари сдѣлался русскимъ достояніемъ.

Произведенными вскорѣ затѣмъ археологическими развѣдками обнаружено большое богатство древностями новаго владѣнія.

Былъ открытъ фундаментъ небольшой, величиною 20×10 м., церкви, съ абсидой, нефомъ и притворомъ, фундаментъ прилегающихъ построекъ и фрагментъ мозаики съ надписью (рис. 18), въ одной изъ внутреннихъ частей храма.

Смыслъ надписи, повидимому, тотъ, что церковь была сооружена на мѣстѣ бывшаго «дома Захаріи».

Новое открытіе это вызвало сенсацию, такъ какъ сама собою напрашивалась мысль о внутренней связи открытій Мадебы и Бетъ-Захари. Какой-то досужій корреспондентъ американской газеты, сопоставивъ снимки надписей названныхъ мѣстъ и снабдивъ ихъ комментаріями, доказывалъ даже, что обѣ находки стоятъ въ тѣсной зависимости другъ отъ друга и что самое названіе «Бетъ-Захари» происходитъ отъ древняго ΒΕΘΖΑΧΑΡ ²⁾.

Мнѣнія специалистовъ по этому вопросу раздѣлились.

¹⁾ Кстати, два слова объ этихъ послѣднихъ. Онѣ представляютъ большую цѣнность для науки палестинологіи, какъ относящіяся къ глубокой древности, по догадкамъ специалистовъ—къ римской эпохѣ. Правда, фрески сильно порчены, благодаря вандализму невѣжественныхъ феллаховъ, но все же на нихъ можно различить двѣ человѣческія фигуры, представленныя какъ бы въ сценѣ крещенія. Это подало нѣкоторымъ поводъ видѣть здѣсь прямое указаніе на сцену крещенія евнуха Филиппомъ, отмѣченную на картѣ-мозаикѣ словомъ „candace“.

²⁾ Lessie's Wieklu du 21 mai 1903 г.

Одни ученые, вслѣдъ за Э. Захаріей,—два письма котораго о находкахъ въ Бетъ-Захари, переведенныя позже на нѣмецкій языкъ, были опубликованы Моммертомъ,—пришли къ признанію за бетъ-захарской надписью рѣшающаго значенія по вопросу о Новой Горней, опираясь въ своихъ выводахъ на два имени, упоминаемыя въ ней: **ЗАХАР... ІΩΑΝΝΙΝ**. Другіе, какъ Мейстерманъ, напротивъ, выступили принципиальными противниками этого взгляда, доказывая, что никакого имени «Захарія» въ надписи нѣтъ, а есть византійское **ΙΖΑΧΑΡ** (Иссахаръ).

Рѣшеніе ученаго спора принадлежитъ будущему, такъ какъ надпись эта еще не изучена ¹⁾ и заслуживаетъ быть предметомъ спеціального изслѣдованія. Замѣтимъ лишь, что мнѣніе Мейстермана, будто **ΙΖΑΧΑΡ** (черезъ одно **z**) есть употребительное греческое имя, противорѣчитъ документальнымъ даннымъ, такъ какъ,—судя, напр.,

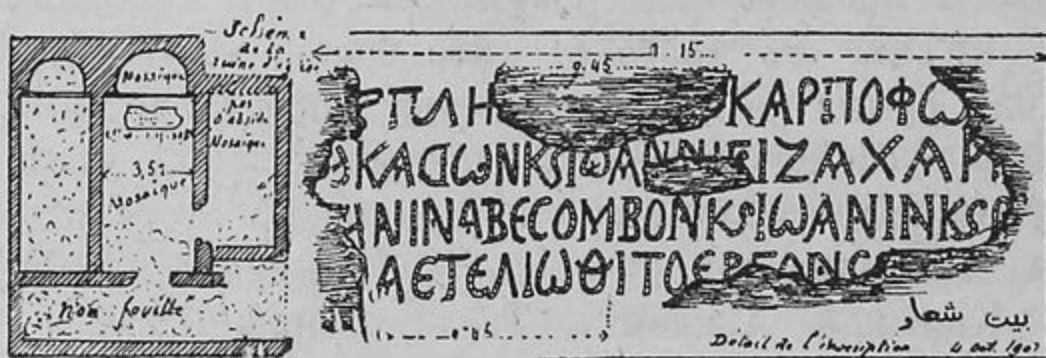

Рис. 18.

по розысканіямъ проф. эпиграфики Моск. Арх. Института, Н. И. Новосадскаго,—ни въ памятникахъ древнегреческаго, ни въ документахъ новогреческаго письма такой транскрипціи

имени Иссахаръ нигдѣ не встрѣчается. Ссылка на «описку» мозаичиста также едва ли можетъ имѣть мѣсто въ виду общеизвѣстности этого библейскаго имени.

Итакъ, если въ начертаніи **ΙΖΑΧΑΡ**... нельзя усматривать имени «Захарія», то едва-ли также можно видѣть въ немъ имя «Иссахаръ».

Въ томъ же, 1902 г., русское владѣніе посѣтилъ упомянутый археологъ Венсенъ, результатомъ чего была его статья въ «Revue Biblique»: «Les ruines de Beit-Chaar» (X, 1903).

Описавъ Бетъ-Захари и пересказавъ уже намъ извѣстную въ общемъ исторію археологическихъ открытій здѣсь, Венсенъ замѣчаетъ, не безъ оттѣнка дешевой ироніи: «И вотъ, все складывается удивительно счастливымъ образомъ: здѣсь и дорога,—правда, современная ²⁾,—изъ Іерусалима въ Хевронъ, и мѣсто крещенія евнуха,

¹⁾ Въ послѣднемъ выпускѣ *Echos d'Orient* (t. XI, 1908, p. 303 — 307), въ статьѣ *L'Épigraphie de Palestine*, le P. G.—Durand дѣлаетъ попытку дешифровки этой надписи: († Ὑπὲρ ἀν) τιλῆ (ψ εως τῶν) καρποφ (ο) (ροῦν των)... Κάσιων καὶ Ιωάνν Ζαχαρί (αν) | (καὶ τῶ) ἀντν 'Αβεσόμβον καὶ Ιωάνν Κ..., | ... Ἐτελ (ε) ἰώθῃ το ἔργον εἰ (εἰ) или ἐν εἰε... Палеографическое сходство этой надписи съ мозаичной же надписью мадебской мозаики церкви свв. апостоловъ (RB. 1902, p. 426) заставляеть относить ее ко второй половинѣ VI ст. (см. *Rev. Bibl.*, Paris, 1909, II, p. 333).

²⁾ Сохранились значительные остатки и древне римской дороги, пересѣкавшей зап. склонъ холма. Въ предѣлахъ русскаго владѣнія тесаные камни этого почтеннаго сооруженія пошли частію на постройку временнаго помѣщенія для русскихъ паломниковъ, частію на закрытые навѣсы надъ цистернами.

и даже мѣсто свиданія Богоматери съ Елизаветой, словомъ, — «Новая» Горняя».

Очевидно, ироническимъ, презрительнымъ отношеніемъ къ факту открытія Новой Горней Венсенъ пытается умалить значеніе послѣдняго и дискредитировать новую теорію въ глазахъ христіанскаго міра. Однако, не трудно понять, что это только своеобразный тактический пріемъ, своего рода военная хитрость непріятели, поставившаго цѣлью извести счастливаго противника, хотя бы пришлось для этого пустить въ ходъ знаменитый девизъ безсмертнаго Лойолы. Цѣли у Мейстермана и Венсена однѣ и тѣ же, но пути къ нимъ различны, какъ различны пути къ однородной цѣли у медвѣдя и лисицы.

Впрочемъ, надо отдать справедливость, людьми совѣстливыми и объективными не оскудѣлъ латинскій ученый міръ: софистическіе кунштюки названныхъ ученыхъ встрѣтили надлежащую отповѣдь въ лицѣ своихъ же ученыхъ компатріотовъ. Ж. Дюранъ, напр., категорически заявляетъ, что *все* безъ исключенія прежнія теоріи мѣсторожденія Іоанна Крестителя должны быть оставлены, какъ основанныя на превратномъ толкованіи евангельскаго текста, который нужно понимать такъ: «Вставши же Марія въ дни сіи, съ поспѣшностью пошла въ нагорную страну и вошла въ Бетъ-Захари, и привѣтствовала Елизавету». Св. Лука, говоритъ Дюранъ, былъ эллинистъ, избѣгалъ гебраизмовъ и потому еврейское Beth (домъ) перевелъ греческимъ *οἶκος*: *εἰς τὸν οἶκον Ζαχαρίου* (въ домъ Захаріи), при чемъ выраженіе «Бетъ-Захари» нужно понимать въ двоякомъ значеніи: въ прямомъ — «домъ Захаріи», и въ обширномъ — «городъ». Возраженія противъ мнѣнія Дюрана основываются на томъ, что неизвѣстно, *какой* Захарія сообщилъ имя этому городу, такъ какъ въ Свящ. Писаніи извѣстно до двадцати мѣстъ подъ этимъ названіемъ¹⁾, и что городъ этотъ назывался *Беозахара* уже за 100 лѣтъ до рожденія отца Предтечи.

Какой Захарія сообщилъ свое имя трактуемому мѣсту — для насъ маловажно. Важно то, что именно здѣсь жилъ священникъ Захарія и, слѣдовательно, здѣсь родился и провелъ дѣтскіе годы Предтеча Христовъ. Въ ознаменованіе сего событія, христіанами домагометанскаго періода была сооружена здѣсь церковь, изображенная, какъ выше указано, и на современномъ ей памятникѣ христіанскаго искусства — мадебской мозаичной картѣ.

Такимъ образомъ, теорія Ж. Дюрана о Бетъ-Захари представляется наиболѣе цѣлесообразной. По странной игрѣ судьбы, отецъ Іоанна Крестителя жилъ въ городѣ, который уже до него назывался «Бетъ-Захари». Историческое подтвержденіе этого находимъ

¹⁾ Въ настоящее время извѣстенъ еще только Телл-ел-Захарія или Каферъ-Захарія, въ двѣнадцати километрахъ къ с.-з. отъ Елевферополя (Бет-Джибринъ), упоминаемый церковнымъ историкомъ Созоменомъ (Hist. eccles. XIV, 17, ар. Mign) и гдѣ англичанами производятся дѣятельныя раскопки.

въ 1 кн. Маккав. (VI, 30—33), въ повѣствованіи о борьбѣ Маккавеевъ съ сирійскими властителями.

Въ 163 г. до Р. Хр., Антиохъ IV Евпаторъ, пройдя Идумею, вторгся въ предѣлы Іудеи съ многочисленнымъ войскомъ, въ сопровожденіи большого количества кавалеріи и слоновъ. Миновавъ Хевронъ, Антиохъ обложилъ сильную крѣпость Бетъ-Суръ. Іуда Маккавей, уклоняясь отъ рѣшительной битвы, укрѣпился въ ущельи близъ города *Ваидзахаріа*, но въ происшедшемъ затѣмъ сраженіи Лисіемъ, полководцемъ и родственникомъ Антиоха, былъ разбитъ. *Ваидзахаріа*, по вычисленію Іосифа Флавія въ «Древн. Іуд.», находился въ 70-ти стадіяхъ (приблизительно тринадцать километровъ) къ сѣверу отъ Бетъ-Сура. Въ такомъ разстояніи между Бетъ-Суромъ и Виелеемомъ, по хевронской дорогѣ, въ настоящее время расположены: арабская деревушка Бетъ-Скарія, съ *auei* (гробницей) мусульманскаго святого Скарія и, нынѣ русскій, Бетъ-Захари, названія которыхъ зачастую и туземцами, и европейцами ¹⁾ не различаются.

Когда собственно и по какому случаю этотъ библейскій городъ сталъ называться именемъ Захаріи—исторія не знаетъ. Ранѣе эпохи Маккавеевъ Библия о немъ не упоминаетъ, хотя, повидимому, единоборство Давида съ Голіаѳомъ происходило въ его ближайшихъ окрестностяхъ (1 Ц. 17, 1).

Интересную страничку изъ древнѣйшей исторіи этого забытаго уголка представляютъ раскопки, произведенныя здѣсь англійскимъ археологомъ Блиссомъ. Начаты онѣ были вскорѣ послѣ открытія мадебской карты, такъ сказать, по указанію послѣдней. Раскопками были обнаружены, какъ и въ Газерѣ библейскомъ ²⁾, цѣлые культурные слои, образованные руинами городовъ, слѣдовавшихъ преемственно одинъ надъ другимъ на протяженіи тысячелѣтій.

Уже въ до-библейскую эпоху здѣсь находился хананейскій городъ, оставившій слѣды египетской культуры времени фараоновъ XVIII династіи, Тутмеса I и Аменофиса III, извѣстнаго строителя храмовъ Карнака и Луксора и сидящихъ колоссовъ. Чрезвычайно характерными предметами древности этой эпохи,—въ изобиліи найденными въ Бетъ-Захари Блиссомъ, въ Газерѣ библейскомъ—Макалистеромъ,—являются скарабеи, блестящіе египетскіе жуки (*Ateuchus sacer*), съ именами названныхъ фараоновъ. Скарабеи, олицетворяя собою земное бытіе и будущую жизнь человѣка, въ огромномъ количествѣ являются и какъ украшеніе, и какъ самостоятельное художественное произведеніе.

Второй по времени культурный слой восходитъ къ эпохѣ израильскаго царства, именно ко времени Ровоама, царя іудейскаго, по-

¹⁾ См. Baedek, Palest. et Syrie, 1906, карта, p. 11.

²⁾ Подробнѣе въ ст.: И. Я. Стеллецкій. Газеръ библейскій и его раскопки. Сообщ. И. П. П. Общ., 1908, вып. 2.

строившаго и укрѣпившаго, какъ извѣстно, города: ...Геѡѡ... и Зиѡѡ, и Лахисъ, и Азеку... (2 Пар., 11, 8—9).

Остатки мощной стѣны въ 70 м. длины и 40 ширины ясно показываютъ, что этотъ городъ Ровоама служилъ неприступной твердыней, однако, вмѣстѣ съ Іерусалимомъ взятый и разрушенный Сезакомъ, фараономъ XXII династіи.

При раскопкахъ былъ найденъ рѣдкій экземпляръ штемпелеванной ручки старинной амфоры, съ финикійской надписью: «Царю Хеврона». Восемь аналогичныхъ фрагментовъ были найдены и при раскопкахъ на мѣстѣ храма іерусалимскаго, тоже съ надписями въ родѣ «Царю Зифа» (городъ южнѣе Хеврона) и т. п. Наконецъ, до двѣнадцати другихъ предметовъ древности, найденныхъ Блиссомъ ¹⁾ въ Бетъ-Захари, испещрены разнаго рода значками и надписями, изображающими имена Хеврона, Зифа и, особенно часто, Сокхоѡа (Соха); остальные не прочитаны. Все это — названія городовъ іудейскаго царства и имена какихъ-то неизвѣстныхъ намъ царей. Палеографическій характеръ надписей заставляеть относить ихъ, приблизительно, къ VIII в. до Р. Хр.

Значительно меньшей древности предметы, добытые, — очень поверхностными, правда, — русскими раскопками: всѣ они — христіанскаго происхожденія. Палеографическій характеръ мозаичныхъ фрагментовъ, съ одной стороны, съ другой — общій характеръ бетъ-захарскихъ развалинъ, аналогичныхъ съ развалинами Уммъ-еръ-Буса ²⁾, заставляютъ думать о нахожденіи здѣсь небольшой, по мнѣнію Венсена, монашеской общины въ начальный періодъ византійской исторіи.

Лѣтомъ 1906 г. намъ довелось лично посѣтить и тщательно изслѣдовать, — насколько позволяли время и средства, — этотъ примѣчательный русскій уголокъ, составляющій, можно сказать, злѣбу дня въ ученыхъ сферахъ Іерусалима.

Когда впервые видишь Бетъ-Захари, подъѣзжая къ нему со стороны Виѡлеема, невольно вспоминается характеристика, данная мѣстности Венсеномъ: «Въ мѣстѣ пересѣченія экипажной хевронской дорогой уади Аррубъ, расположенъ невысокій пологій холмъ, покрытый на вершинѣ развалинами и поросшій тощимъ кустарникомъ. Мѣстоположеніе холма малопривлекательно и описаніе его руинъ въ *Memoirs du Survey* (т. III, р. 351) исчерпывается всего нѣсколькими словами».

При всемъ уваженіи къ почтенному археологу, трудно согласиться съ нимъ въ этомъ потому уже, что, — въ настоящее время, по крайней мѣрѣ, — приходится видѣть совсѣмъ иную противъ нарисованной имъ картину.

Верстахъ въ пятнадцати отъ Іерусалима и семи—восьми отъ Виѡлеема, на полуверстѣ вправо отъ экипажной хевронской дороги,

¹⁾ См. *Quarterley Statement*, VII, 1899, стр. 170—189.

²⁾ *Rev. Bibl.*, 1898 г., р. 611, 55; 1899 г., р. 452.

Древности, т. XXII. в. 2-й.

на лѣвой сторонѣ уади-ель Бійаръ (долины источниковъ) или, по Блиссу, долины es-Sant (теревинеской, 1 Цар., XVII, 2), между равниной филистимской Сефела и массивомъ Іудейскихъ горъ, возвышается большой и очень пологій холмъ, съ развалинами знаменитаго отнынѣ Бетъ-Захари.

Новые хозяева — русскіе — обнесли его кругомъ высокой каменной стѣною, съ массивными желѣзными воротами, къ которымъ ведетъ вѣтвь экипажной дороги, сооруженная русскими почти нелегальнымъ путемъ, въ ночную пору и цѣною большихъ бакшишей турецкимъ властямъ.

Склоны холма засажены цѣлымъ лѣсомъ масличныхъ, миндальныхъ, инжирныхъ и др. деревьевъ, въ перемежку съ площадками виноградника и разныхъ ароматическихъ и цѣлебныхъ травъ и кустарниковъ. На вершинѣ холма стоятъ два зданія: побольше — временное помѣщеніе для простыхъ русскихъ паломниковъ, поменьше и почище — для лицъ интеллигентныхъ.

Изъ развалинъ въ Бетъ-Захари сейчасъ видно немного: все остается засыпаннымъ со времени пробныхъ раскопокъ 1902 г., какъ бы въ ожиданіи радикальнаго изслѣдованія по всѣмъ правиламъ археологической науки. Все же, можно прослѣдить абрисъ церкви и смежныхъ съ нею построекъ. Надъ абсидою и частью нефа древней церкви теперь возведено небольшое зданіе въ двѣ комнаты, съ выходомъ въ паломническое отдѣленіе. Въ первой изъ комнатъ иногда совершается богослуженіе, во второй, средней, находится собраніе разнородныхъ предметовъ древности, — своеобразный бетъ-захарскій музей, собранный тщаніемъ надзираващаго тогда за участкомъ миссійскаго монаха, археолога-любителя. Въ комнатахъ находятся также фрагменты древняго мозаичнаго пола съ нашумѣвшею надписью, къ сожалѣнію, сильно попорченные при расчисткѣ, вслѣдствіе неопытности русскихъ рабочихъ паломниковъ.

Непосредственно къ зданію церкви примыкало какое-то обширное строеніе, съ многочисленными цистернами и полузасыпанными подземельями. Внутри одного изъ нихъ, куда ведетъ хорошо сохранившаяся узкая каменная лѣстница, также открыты слѣды мозаичнаго пола.

Нѣсколько ниже, на террасѣ восточнаго склона холма, обрисовываются контуры другого зданія. Рядомъ съ послѣднимъ обнаруженъ склепъ, въ которомъ, при расчисткѣ, нашли огромныхъ размѣровъ человѣческой костякъ, съ раздробленнымъ рабочими черепомъ.

Вся площадь развалинъ усѣяна архитектурными фрагментами: бѣлые стволы мраморныхъ колоннъ, каринескія капители и пр., красиво отчеканиваются на однообразномъ темно-сѣромъ фонѣ мусора и камней. Кое-гдѣ попадаются остатки стариннаго акведука и много разнообразной формы и величины цистернъ: уже къ тому времени было открыто и расчищено до восьми, изъ которыхъ три функционировали, доставляя свѣжую и чистую воду. Одна изъ этихъ

цистернъ съ водой, небольшая, кувшинообразной формы, находится близъ бывшаго зданія церкви, другія двѣ, значительныхъ размѣровъ, съ высѣченными ступенями внутри, расположены въ сѣверо-западной части холма, рядомъ съ шоссейной древне-римской дорогой. Надъ этими цистернами возведены каменные навѣсы, съ желѣзными дверями, запирающимися на замокъ.

Другою особенностью Бетъ-Захари является обиліе пещеръ и гробницъ. Весь западный склонъ холма — сплошной некрополь. Въ погребальныхъ пещерахъ найдены зарытыми по угламъ груды человѣческихъ костей, собранія глиняныхъ, не бывшихъ въ употребленіи, свѣтильниковъ, черепки глиняной посуды и пр.

Кромѣ того, было обнаружено нѣсколько большихъ, важныхъ по своему значенію, пещеръ-подземелій, о которыхъ рѣчь ниже.

О чемъ говорятъ намъ эти руины, безмолвные свидѣтели старины глубокой?

Думается, что двухъ отвѣтовъ на вопросъ не можетъ быть.

Многовѣковую смѣну древнихъ культуръ въ Бетъ-Захари завершила христіанская культура. Нагляднымъ памятникомъ послѣдней служатъ описанныя выше развалины. Полагаемъ, не будетъ гипотетическимъ утвержденіемъ, если скажемъ, что это суть развалины христіанскаго монастыря, обширнаго, многолюднаго и богатаго, ранней византійской эпохи, приблизительно IV — V в. отъ Р. Хр.

Монастырь этотъ находился, видимо, въ большомъ почитаніи у тогдашнихъ христіанъ и былъ весьма популяренъ въ древности, какъ сооруженный на священномъ мѣстѣ «Дома Захаріи», въ память великаго событія рожденія Крестителя Господня. Слава монастыря ко второй половинѣ VI в. уже была настолько упрочена, что мадебскій художникъ-мозаичистъ не преминулъ отмѣтить на своей картѣ мѣстонахожденіе «Дома Захаріи» въ видѣ красивой церкви съ портикомъ, снабдивъ оную уже извѣстною намъ надписью: *ΒΕΘΖΑΧΑΡ τὸ τοῦ ἁγίου Ζαχαρίου*.

Итакъ, не подлежитъ сомнѣнію, что въ эпоху, слѣдовавшую за временемъ торжества христіанства, палестинскіе христіане знали о подлинномъ мѣстѣ рожденія Предтечи и знаніе свое, черезъ вѣка, сумѣли передать намъ.

Скажемъ больше. Въ Бетъ-Захари находимъ данныя, позволяющія судить о роли этого уголка въ эпоху первыхъ поступательныхъ шаговъ христіанства въ странѣ.

Правда, мы бы, можетъ быть, не взяли на себя смѣлость утверждать такую, кажущуюся явно претенціозной, мысль, если бы не вынуждались къ тому безцеремонностью латинскихъ защитниковъ *Айнъ-Карима*, которые, при гораздо меньшихъ и даже безъ всякихъ данныхъ, не задумываются твердить въ одинъ голосъ объ исключительной роли этого дѣтища крестоносцевъ на зарѣ христіанской исторіи. Несравненно съ большимъ правомъ утверждать это можно относительно *Бетъ-Захари*, базируясь не на сомнитель-

ныхъ данныхъ сомнительнаго преданія, а на реальныхъ фактахъ, въ видѣ многоговорящихъ реликвій далекаго прошлаго.

Разумѣемъ искусственныя пещеры—подземелья Бетъ-Захари, расположенныя на с.-в. склонѣ холма.

До сихъ поръ нащупано и приступлено къ расчисткѣ нѣсколькихъ большихъ пещеръ, вполне же реставрировано пока двѣ. Изъ нихъ меньшая, сѣверная, представляетъ высокую полутемную, почти квадратную, комнату, куда ведутъ восемь—девять полуразрушенныхъ земляныхъ ступеней.

Посреди комнаты—слѣды уничтоженной масложимки: въ потолкѣ круглое углубленіе отъ вращавшагося блока, въ полу—слѣды соответственныхъ приспособленій. Тутъ же, у стѣны, огромный жерновъ, съ круглымъ отверстіемъ посрединѣ и съ желобомъ для стока жидкости; другой, такой же, у входа въ подземелье, рядомъ съ кучей черепковъ отъ какого-то большого сосуда изъ обожженной глины. Оба жернова сдѣланы изъ известняка.

Въ стѣнахъ подземелья—небольшія ниши, служившія, можетъ быть, для предметовъ домашняго обихода; въ одномъ мѣстѣ въ стѣнѣ, на высотѣ полутора метра отъ пола—лежанка. Въ общемъ, помѣщеніе, хотя его и нельзя считать за мѣсто обитанія первобытнаго человѣка, очень древне и, сравнительно, хорошо сохранившееся. Въ маслобойню было обращено, повидимому, недавно.

Интереснѣе другое подземелье, бѣльшихъ размѣровъ и находящееся ближе къ развалинамъ церкви.

Оно также представляетъ комнату, высокую, до полутора сажень, въ видѣ продолговатаго четырехугольника, длиною около четырехъ сажень, шириною около двухъ. Внутрь ведетъ лѣстница въ одиннадцать широкихъ, тоже полуразрушенныхъ, ступеней.

Подробный осмотръ этого помѣщенія приводитъ къ убѣжденію, что здѣсь мы имѣемъ дѣло, по меньшей мѣрѣ, съ христіанской катакомбой первыхъ вѣковъ. Служила ли послѣдняя и мѣстомъ погребенія для умершихъ, пока трудно сказать, но что она отвѣчала потребностямъ религіознаго характера, что это была катакомбная церковь—это внѣ сомнѣнія.

Церковь была небольшая, въ одинъ корабль. Въ передней ея части, черезъ узкій боковой проходъ справа, сдѣлана была земляная выемка, образовавшая родъ небольшой, до сажени въ поперечникѣ, капеллы, отдѣлявшейся отъ остальной площади помѣщенія въ двѣ четверти толщины стѣною. Послѣдняя, затѣмъ, была снесена и оставлено только два круглыхъ пластически-грубо выполненныхъ столба, которые должны были служить и опорой для потолка, и косяками трехъ дверей полуарочной формы, безъ архитрава. Двери вращались въ каменныхъ петляхъ, отъ которыхъ сохранились слѣды въ видѣ углубленій въ потолкѣ и въ полу.

Такъ узкая капелла развилась въ алтарь, обращенный на западъ, а отдѣлявшая ее отъ церкви стѣна—въ иконостасъ, съ царскими, сѣверными и южными вратами.

Въ южной части алтарной стѣны, на высотѣ полутора аршина отъ полу, сооружена небольшая ниша, замѣнявшая жертвенникъ. Тутъ же, въ землѣ, цементированная круглая яма, около аршина глубины и полуаршина въ діаметрѣ, служившая, очевидно, крещальной. На такъ называемомъ «горнемъ мѣстѣ», равно на боковыхъ стѣнахъ алтаря и церкви, видны закоптѣвшія черныя дыры — мѣста дымившихъ свѣтильниковъ.

Церковь служила мѣстомъ собранія вѣрующихъ въ богослужебные часы. Все здѣсь такъ же первобытно — просто и однообразно, какъ въ русской пещерной церкви въ ущельѣ «Хорейтунъ» (Лавра св. Харитона), въ нѣсколькихъ часахъ пути къ с.-в. отъ Іерусалима. Разница въ томъ, что здѣсь боковыя стѣны изрѣзаны небольшими, неопредѣленнаго назначенія, пещерками, уходящими на аршинъ—два въ глубь материка.

У входа, внутри помѣщенія, съ лѣвой стороны, — пещера побольше, въ человѣческой ростъ, можетъ быть, церковная ризница. У середины южной стѣны, въ днѣ подземелья, рушенная земля. По словамъ монаха, здѣсь была круглая яма, въ которую все уходила земля, прежде чѣмъ удалось, наконецъ, засыпать ее. Но и теперь, при ударѣ, слышенъ глухой звукъ пустого пространства. И ничего не будетъ невѣроятнаго, если допустимъ, что здѣсь предъ нами тотъ самый погребальный склепъ, какого этой христіанской катакомбѣ не достааетъ. Къ сожалѣнію, абсолютный недостатокъ времени не позволилъ намъ произвести даже поверхностныхъ раскопокъ хотя бы покрывающей дно пещеры земли.

Свѣтъ и воздухъ, при закрытыхъ дверяхъ, катакомба получала изъ круглаго отверстія въ потолокъ, близъ входныхъ дверей, подобно тому, какъ это практиковалось, по мнѣнію нѣкоторыхъ, въ болѣе значительныхъ греческихъ храмахъ.

Первоначально входное отверстіе въ катакомбу было незначительныхъ размѣровъ и его нетрудно было, при нуждѣ, замаскировать. Теперь входъ въ пещеру нѣсколько расширенъ и надъ нимъ, какъ и надъ входомъ первой, возведенъ крытый желѣзомъ каменный навѣсъ. Оба подземелья пока остаются неиспользованными.

Вышесказанное, думается, въ достаточной мѣрѣ убѣждаетъ въ томъ, что катакомба служила какимъ-то особымъ, прикровеннымъ цѣлямъ, и мы не погрѣшимъ, если будемъ настаивать на мысли, что она служила именно мѣстомъ тайныхъ молитвенныхъ собраній палестинскихъ христіанъ въ періоды гоненій.

Извѣстно, что юныя христіанскія общины въ первое время, особенно въ Палестинѣ, комплектовались почти исключительно изъ прозелитовъ юдаизма. Послѣдніе, по свойственной іудеямъ склонности къ консерватизму и строгому храненію преданій своихъ отцовъ, и въ христіанствѣ продолжали свято памятовать о всѣхъ священныхъ событіяхъ въ жизни родного народа. Могли ли они, поэтому, въ первые же вѣка, т.-е. вскорѣ по принятіи ими и ихъ отцами новой религіи, забыть о мѣстѣ дѣйствія такого исключи-

тельного даже для того полного чудеса времени событія, какъ рожденіе величайшаго изъ Пророковъ, сопровождавшееся чудесами, слава о которыхъ гремѣла «по всей нагорной странѣ іудейской»? Очевидно, нѣтъ. Память о великомъ событіи въ домѣ священника Захаріи глубоко жила въ сердцѣ каждого неофита такъ же, какъ и правовѣрнаго іудея, передаваясь изъ поколѣнія въ поколѣніе¹⁾.

Это и понятно. Служа мѣстомъ особеннаго благоговѣйнаго почитанія, мѣстомъ своего рода культа Предтечи для небольшого кружка палестинскихъ *христіанъ*, для представителей *юдаизма* Бетъ-Захари являлся предметомъ не менѣе жгучей ненависти, какъ мѣсто собраній отщепенцевъ, отступниковъ отъ вѣры отцовъ, достойныхъ развѣ участи архидіакона, казненнаго Савломъ.

Ничтожному меньшинству іудеевъ-христіанъ *volens-nolens* приходилось считаться съ реальнымъ фактомъ, но уже никакія силы въ мірѣ не могли заглушить то горчичное зерно новой вѣры, которое вскорѣ, разросшись, имѣло покрыть собою весь міръ. И мы видимъ, что въ тяжелыя годы лихолѣтья, въ періоды гоненій, лишенные возможности, подъ угрозой лютой кары, открыто отправлять религіозный культъ, христіане изъ іудеевъ все же изыскали способъ чтить молитвенно память Предтечи Господня на подлинномъ, какъ они знали, мѣстѣ его родины, именно — укрываясь въ бетъ-захарской катакомбѣ.

Правда, съ вѣками, немногочисленная сама по себѣ, группа христіанъ изъ іудеевъ растворилась въ нахлынувшей волнѣ христіанъ всѣхъ странъ и народовъ и память о подлинныхъ мѣстахъ евангельскихъ событій мало-по-малу утратилась. Мы видѣли это на примѣрѣ уже оо. и учителей церкви IV—V вв., которые, будучи лишены почти всякой руководственной нити, измышляли мѣста священныхъ событій каждый на свой ладъ и вкусъ.

Но если Бетъ-Захари и не имѣлъ своего легендарнаго «Іудея съ именемъ Іуды», указавшаго царицѣ Еленѣ «подлинное» мѣсто Голгофы, то все же несомнѣнно, что «неписанное преданіе» о подлинномъ мѣстѣ «дома Захаріи» хранилось въ средѣ палестинскихъ христіанъ до шестого вѣка, когда мадебскимъ художникомъ оно было увѣковѣчено на мозаичной картѣ, съ тѣмъ, оказывается, чтобы повѣдать истину христіанскому міру только въ наши дни, четырнадцать вѣковъ спустя.

Наглядной иллюстраціей къ тому, что повѣдали намъ мозаичныя письма, служатъ открытые въ Бетъ-Захари вышеупомянутые

¹⁾ Проф. Маккавейскимъ въ статьѣ „Голгофа“ („Сообщ. И. П. П. Общ.“ 1909, вып. 1) съ достаточной убѣдительностью установлена возможность сохраненія ко времени Константина Великаго (до 326 г.) истиннаго преданія о мѣстѣ Голгофы. Соображенія, высказываемыя изслѣдователемъ по этому вопросу, могутъ быть отнесены и къ Бетъ-Захари, тѣмъ болѣе, что послѣдній не представляетъ такихъ трудностей для сохраненія истиннаго преданія о немъ, какъ Іерусалимъ относительно Голгофы, — Іерусалимъ, десятки разъ разрушавшійся, и дважды, какъ упомянуто, сравненный съ землей.

остатки сѣдой старины: развалины монастыря и церкви *надземной* V—VI вв., посвященной Іоанну Крестителю, по свидѣтельству известной уже намъ мозаичной надписи, и ясные слѣды церкви *подземной*, возводящей насъ ко времени первыхъ шаговъ самостоятельной жизни юной христіанской палестинской общины. Открытія эти, при наличности несомнѣнной внутренней взаимозависимости, производятъ на изслѣдователя внушительное впечатлѣніе, убѣждающее въ историческомъ правдоподобіи защищаемой нами мысли, что не традиціонный Айнъ-Каримъ, а именно Бетъ-Захари есть единственная исторически-подлинная Горняя, эта русская «Новая Горняя», въ теченіе долгихъ столѣтій пребывавшая, по капризной игрѣ судьбы, сокрытой отъ взоровъ такъ упорно всегда ее искавшаго христіанскаго человѣчества.

Резюмируя сказанное, вынуждаемся, прежде всего, признать фактомъ неотложной необходимости производство правильныхъ и въ широкомъ масштабѣ намѣченныхъ археологическихъ раскопокъ какъ на мѣстѣ Новой Горней, такъ и на всѣхъ вообще русскихъ владѣніяхъ въ Св. Землѣ, примѣчательныхъ въ археологическомъ отношеніи. Производившіяся до сихъ поръ здѣсь раскопки «археологами на часъ», по выраженію Венсена, успѣли причинить лишь непоправимый вредъ, какъ, напр., въ нашемъ случаѣ, испортивъ мозаику и драгоцѣнную надпись. И съ этимъ нужно спѣшить, пока не поздно, пока тамъ все остается, такъ сказать, *in status quo*, какъ бы въ ожиданіи ученаго визита русскихъ археологовъ...

Впрочемъ, трезво разсуждая, нужно сознаться, что наши *desiderata* являются дѣломъ будущаго болѣе или менѣе отдаленнаго. На это имѣются реальныя основанія. Въ бытность нашу въ Палестинѣ, мы имѣли случай во-очію убѣдиться, что дѣятельность тамъ русскихъ, въ смыслѣ научнаго изученія страны путемъ археологическихъ изысканій, почти сводится къ нулю.

Мы, русскіе, какъ то сторонимся отъ этого рода дѣятельности въ Палестинѣ и сознательно остаемся въ тѣни въ то время, когда ученые Старого и Новаго Свѣта дружною толпою шествуютъ въ эту «колыбель человѣчества» и, не щадя трудовъ и издержекъ, стараются перерыть здѣсь возможно большую площадь вѣкового мусора, дабы проникнуть въ тайны жизни народовъ, исчезнувшихъ съ лица земли.

Русскія археологическія экспедиціи въ Сирію и Палестину (Н. П. Кондакова, О. И. Успенскаго и др.) неизмѣнно носятъ какой-то эпизодическій, случайный характеръ, почти совершенно теряясь по своимъ результатамъ въ массѣ обширнаго и высоко-цѣннаго матеріала, добываемаго археологическими изслѣдованіями этихъ странъ западными и американскими Палестинскими Обществами. Правда, русское Императорское Палестинское Общество развило въ Сиріи и Палестинѣ не менѣе интенсивную и высокоплодотворную дѣятельность, но преслѣдуя, какъ известно, иныя задачи: во-первыхъ, поддержаніе православія въ Святой Землѣ при посредствѣ цѣлой сѣти русскихъ

школь и, во-вторыхъ, широкую помощь русскимъ паломникамъ, ѣдущимъ на поклоненіе святынямъ Востока. Вопросамъ же археологическаго порядка, по личному признанію нынѣшняго вице-предсѣдателя Палестинскаго Общества, въ программѣ дѣятельности послѣдняго отводится третъестепенная роль. Между тѣмъ, казалось бы, и достоинство Россіи, какъ носительницы культурныхъ идеаловъ, и ея роль среди другихъ великихъ державъ, наперерывъ другъ передъ другомъ конкурирующихъ, между прочимъ, на почвѣ археологическихъ изысканій въ этой заповѣдной странѣ, должны были бы дать толчокъ нашему Палестинскому Обществу къ проявленію болѣе активной дѣятельности и въ сферѣ археологическихъ задачъ. И, не будучи оптимистомъ, смѣемъ утверждать, что и въ этой области оно, по результатамъ своей дѣятельности, вскорѣ не только сравнялось бы съ прочими палестинскими обществами, но, возможно, и превзошло бы ихъ (вспомнимъ раскопки на «Русскомъ мѣстѣ» въ Іерусалимѣ), какъ превзошло въ области намѣченныхъ имъ себѣ задачъ, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ жалобы на это нѣкоторыхъ, прикосновенныхъ къ дѣлу, западныхъ органовъ печати.

Но одному Палестинскому Обществу, возможно, не подъ силу, въ смыслѣ хотя бы матеріальныхъ средствъ, справиться съ тремя столь крупными и разнородными задачами. Вотъ почему нельзя не признать вполне благовременной помощь послѣднему въ указанномъ смыслѣ со стороны русскихъ столичныхъ Археологическихъ Обществъ и Институтовъ, преслѣдующихъ спеціальныя задачи.

Общеизвѣстна истина, что въ сферѣ культурной и религіозной жизни человѣчества, какъ и въ области спеціально археологической, одинаково — «съ Востока свѣтъ»!

Разрѣшеніе всѣхъ труднѣйшихъ своихъ вопросовъ именно тамъ должна искать и наука русской археологіи, эта великая вѣтвь многовѣтвистаго дерева, тысячелѣтніе корни котораго таятся въ нѣдрахъ древне-историческаго Востока, въ частности — въ Палестинѣ, этомъ «пупѣ» или центрѣ земли.

Русская археологія — наука молодая и недостаточно еще окрѣпшая. Чтобы стоять на должной высотѣ, она сразу же, казалось бы, должна взять надлежащій курсъ: не замыкаться въ тѣсныхъ рамкахъ только «отечественной» археологіи, а широко раздвинуть ихъ, включивъ также въ сферу своей дѣятельности страны православнаго Востока, поскольку изслѣдованіе ихъ отвѣчаетъ національному чувству русскаго человѣка и служить къ уясненію коренныхъ вопросовъ родной науки.

Русская экспедиція въ Св. Землю, со спеціальною цѣлью археологическихъ изысканій путемъ *раскопокъ*, была бы новымъ крупнымъ шагомъ на пути къ практическому осуществленію высокой задачи археологіи, какъ науки общечеловѣческой.

Панагіарій и складень

изъ собранія гр. А. С. Уварова.

Дѣйствит. члена Н. И. Троицкаго.

I. Панагіарій XII-го вѣка.

Панагіарій или артосная панагія, круглая, изъ красной мѣди, въ видѣ двухъ складныхъ тарелочекъ; въ діаметрѣ — $2\frac{1}{8}$ верш.; привѣшивается на особой многогранной мочкѣ и открывается слѣва направо, — на шарньерахъ (таб. 1).

На правой половинѣ, внутри — изображеніе Ветхозавѣтной Св. Троицы, въ видѣ трехъ Ангеловъ — странниковъ за трапезой Авраама. Средній Ангелъ въ крестчатомъ нимбѣ. Надъ Нимъ подпись: **СТАА ТРЦА**. Предъ Ангелами на столѣ чаша и хлѣбы. Предъ трапезой, спереди, Авраамъ; у ногъ его лежитъ телець. По отогнутому краю вверху — восьмиконечный крестъ, а отъ него вправо подпись (уставомъ): **Ѡ ВЕЛІКІЕ ІМА СТЫА ІЕДИНЪСѦЩНЫА НЕРАЗДѢЛЬНЫА ТРЦА ОЦЦА І СНА СТА ДХА СВЕГДО**. На внѣшней сторонѣ этой половинки изображено Распятіе съ предстоящими — по одному съ каждой стороны. Вверху — солнце и луна. По краямъ вьющійся растительный орнаментъ.

На лѣвой половинкѣ — изображеніе Знаменія Пр. Богородицы съ Младенцемъ Спасителемъ въ лонѣ. Онъ — въ крестчатомъ нимбѣ, съ подписью по сторонамъ **ІѢ—ХѢ**. — По отогнутому краю, подъ мочкой, четырехконечный крестъ; отъ него вправо читается надпись (уставомъ):

БЫ ЧРЕВЪ ТВОЕ СТАА ТРАПЕЗА ІМУЩІ НЕБНАГО ХЛѢБА ХА Ѡ НЕГО ЖЕ СКАКЪ ГАДЫ.

То есть: *Бысть чрево Твое святая трапеза, имущи небснаго хлѣба Христа, отъ Него же всякъ ядый (не умираетъ).* На мочкѣ, съ лицевой стороны — четвероконечный крестъ.

Надпись рѣзана вглубь.

Особенно характерныя буквы: **У, Ц, Ы, ІЕ, М, Ж, ІА** и звуки — **Ъ** вмѣсто **О** и выговоръ *свегда* = всегда, *свѣкъ* = всякъ. По языку

и шрифту, эта панагія Болгарская и относится къ XII-му столѣтію. Была вызолочена, но сильно пострадала; позолота осталась только въ углубленіяхъ по рѣзбѣ и то далеко не вездѣ — въ видѣ инкрустаціи.

II. Складень—„Моленіе“ Кирилловскаго старца Сергія Кулебакина.

Въ числѣ памятниковъ древне-русской иконографіи, хранящихся въ Порѣченскомъ музеѣ гр. Ал. С. Уварова, имѣется складень, въ окладѣ, XVII вѣка, примѣчательный, какъ по изяществу отдѣлки металлическаго эмалированнаго оклада, такъ и по составу лицевыхъ изображеній.

Складень троечастный, двустворчатый, на двухъ шарньерахъ (табл. 2). Мѣра средней части — въ длину $1\frac{5}{8}$ верш., въ ширину — $1\frac{3}{8}$ верш. Составныя части, соотвѣтственно, вложены въ три металлическія 4-угольныя коробки, плотно закрывающіяся лѣвой створкой и замыкающіяся внизу крючкомъ справа налѣво.

Окладъ покрытъ разноцвѣтной—зеленой, синей и голубой—эмалью, которая скрѣплена мелкой сканью, положенной на поле оклада въ видѣ травчатыхъ разводовъ. Въ частности, вѣнчики большею частію украшены бѣлыми кружочками, на подобіе жемчужинъ, какъ древніе иконники любили украшать оклады иконъ, придерживаясь Византійской традиціи. Коробка складня съ внѣшней стороны украшена цвѣтнымъ орнаментомъ въ видѣ двухъ двойныхъ вѣтокъ съ цвѣтами, рисунокъ коихъ, кажется, заимствованъ съ современной Кизылбашской дорогилной камки.

Разумѣется, такой изящный и цѣнный складень свидѣтельствуешь, что собственникъ его былъ человекъ съ нескудными средствами. А изъ исторіи Кирилловой обители извѣстно, что съ половины XVI вѣка «она становится средоточіемъ постриженниковъ изъ высшаго сословія»; а въ концѣ этого столѣтія и въ XVII-мъ, у нѣкоторыхъ старцевъ изъ богатыхъ постриженниковъ были келіи, имѣвшія по нѣскольку комнатъ, и пр. *). Сему, конечно, соотвѣтствовало и благолѣпіе внутренней обстановки такихъ келій.

Принадлежность складня точно обозначена подписью—съ внѣшней стороны, по краю створокъ коробки: она представляетъ средній уставъ, чеканенный обронно, и содержитъ текстъ такой: *сие моленіе Кирилова монастыра соборнаго старца Сергія Кулебакина.*

«Старецъ соборный», — это одинъ изъ числа лучшихъ и особенно почтенныхъ иноковъ, составлявшихъ монастырскій соборъ, стоявшій во главѣ управленія Кирилловой обители.

Что касается фамиліи «Кулебакинъ», то извѣстно, что Кулебакины или Кулибакины (по позднѣйшему выговору—Колюбакины), это — коренные новгородцы. «Старѣйшимъ представителемъ этой фамиліи покамѣстъ является Кириллъ Захаровичъ Кулибакинъ. Въ

*) Николай Никольскій. Кирилло-Бѣлозерскій монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. Т. I, вып. 1. С.-Петербургъ. 1907. Стр. 37 и 39.

Писцовой книгѣ Новгородскаго уѣзда, Бѣжецкой пятины, Бѣлозерской половины, письма и дозору князя Василья Звенигородскаго, 7900 (1581—82) г., въ помѣстьяхъ написаны за нимъ, въ Никольскомъ Вольскомъ погостѣ: «деревня, что былъ починокъ Степановское; пустошь, что былъ починокъ Ягодница, и пустошь, что была деревня Вязникъ». Изъ рода Кулебакиныхъ, кромѣ «старца Сергѣя», были иноками и другіе, напримѣръ, Иванъ, въ иночествѣ Іосифъ (въ 1720 г.) *).

«МОЛЕНІЕ». Это наименованіе складня точно соотвѣтствуетъ составу его лицевыхъ изображеній, такъ какъ на створкахъ складня, по весьма распространенному обычаю того времени, изображался такъ - называемый Деисусъ, правильнѣе — *деисисъ*, что и значить собственно *моленіе*. Такой складень — Деисусъ соотвѣтствуетъ средней части перваго яруса въ иконостасѣ соборныхъ храмовъ, гдѣ этотъ ярусъ иконъ также называется Деисусъ.

Лицевыя изображенія складня въ такомъ составѣ:

1. На средней части изображенъ Христосъ Спаситель, сѣдящій на широкомъ престолѣ, съ высокой спинкой. Голова открыта, окружена вѣнцомъ, въ которомъ буквы **Θ Ω Ν**, т.-е. *Сущій* — вѣчный, а надъ вѣнцомъ (въ голубой полоскѣ) **Ι Σ . — Χ Ρ**. Правая рука благословляетъ именовсловно, лѣвая держитъ открытое Евангеліе; ноги покоятся на подножіи. Спасителю предстоить, справа отъ Него, Богоматерь, при Ней подпись, въ каймѣ оклада, **Μ Ρ — Θ Υ**, т.-е. *Μητηρ Θεου* — Матерь Божія. Голова ея наклонена къ Спасителю, длани обѣихъ рукъ открыты въ томъ же направленіи. Слѣва отъ Спасителя — Іоаннъ Предтеча, руки его слегка приподняты и простерты къ Спасителю; въ каймѣ оклада подпись **Π Ι ο α**, т.-е. Предтеча Іоаннъ. — Непосредственно за престоломъ — два ангела; это, обыкновенно, Михаилъ, архистратигъ небесныхъ силъ, и Гавріилъ, «служитель чудесе», т.-е. вѣстникъ тайны воплощенія и искупленія Христа Спасителя. Лица архангеловъ обращены къ Спасителю. За ними изображены апостолы, съ подписью: **ⲉ Π ε τ ρ ο ⲉ Πα ρ κ λ η**. Та же надпись еще повторена на углахъ оклада. — Внизу, у подножія престола — два инока, припадающіе ницъ къ стопамъ Господа; это, конечно, преп. Сергій Радонежскій, тезоименитый старцу Сергію, и преп. Кириллъ Бѣлозерскій, въ обители коего пребывалъ этотъ старецъ.

2. Правая створка. Изображеніе трехъ святителей въ ростъ, надпись слѣва направо: **ⲉ Ι ο α ν ν Ζ α λ α ⲉ Γ ρ ι γ ο ρ ι ⲁ ⲓ ⲛ ⲉ ⲕ ⲉ**. Всѣ съ открытыми головами, безъ митръ. — Св. Іоаннъ Златоустъ, сравнительно, моложе другихъ, съ небольшой бородой, въ крестчатомъ саккосѣ. — Св. Григорій Богословъ старше его, съ открытымъ высокимъ челомъ, съ широко-окладистой бородой, въ саккосѣ изъ трав-

*) Николай Барсуковъ. Родъ Колюбакиныхъ. Описаніе 22 актовъ, пожертвованныхъ о. Гр. Яковцевскимъ въ Археографическую Комиссію Мин. Нар. Пр. Спб. 1901 г. Стр. 8 и 10.

чатой парчи.—Св. Василій Великій съ удлиненной бородой въ крестчатой фелони; въ лѣвой рукѣ у него Евангеліе.

Необходимо замѣтить, что эта часть складня, несомнѣнно по ошибкѣ перемѣщена слѣва направо; посему и святители обращены лицами не къ престолу Спасителя, какъ это непременно быть должно, а въ противоположную сторону отъ него, — чего отнюдь не было спервоначала. При перемѣщеніи на другую сторону, св. Василій Великій стоялъ бы ближе всѣхъ къ престолу Спасителя, за нимъ — Григорій Богословъ и, наконецъ, Іоаннъ Златоустъ: тогда предстояние святителей и слегка наклонное положеніе ихъ лицъ получило бы свой иконографическій смыслъ, т.-е. выразило бы ихъ моленіе. Въ такомъ именно видѣ и положеніи (слѣва) эти святители изображаются на другихъ подобныхъ складняхъ.

3. На второй створкѣ, съ лѣвой стороны, изображенъ святитель, съ подписью: *о агн (ос) ннко-олли чюдо (творецъ)*. Святитель изображенъ до чреслъ; голова открыта, безъ митры; лицо молодое, съ маленькой окладистой бородой. На святителѣ фелонъ широкая, съ густыми складками; сверхъ нея омофоръ; правая рука именованно благословляетъ, въ лѣвой — закрытое Евангеліе. Типъ изображенія древній, по стилю лица напоминаетъ миниатюры рукописей.

Итакъ, складень—Деисусъ, въ составѣ лицевыхъ изображеній, представляетъ именно *моленіе*. И эту идею трудно выразить нагляднѣе, во всей ея полнотѣ, степени святости и силѣ авторитета молящихся, нежели какъ она представлена на семъ складнѣ. Въ самомъ дѣлѣ:

Средоточіемъ изображеній здѣсь Христосъ Спаситель, какъ *Сый*—вѣчный Царь міра, во власти Котораго бытіе и жизнь всей твари. Непосредственно Его трону предстоить Богоматерь, Царица неба и всему міру христіанъ Ходатаица. Съ нею св. Іоаннъ Предтеча, «больше котораго не возставалъ никто изъ рожденных женщинами», этотъ во плоти Ангелъ (Лук. гл. 7, ст. 24. 26—28). За нимъ—представители горняго міра, вожди небесныхъ воинствъ, повелители стихій и строители судебъ историческихъ, два верховные Архангела. За ними—представители церкви Христовой и Апостольской—первоверховные апостолы Петръ и Павелъ. Затѣмъ—три величайшихъ учителя и святителя вселенскихъ, представители священноначалія, благочинія, благочестія и собственно строители общественно-церковнаго богослуженія въ церкви католической-соборной: св. Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ.—Здѣсь же и величайшій защитникъ православныхъ догматовъ о божественномъ лицѣ Христа, Сына Божія — святитель и чудотворецъ Николай, излюбленный и по превосходству чтимый покровитель все-россійскаго православнаго народа. И наконецъ—два представителя иноческихъ подвиговъ поста, молитвы и смиренія, припадающіе къ стопамъ Господа Вседержителя. Это преподобные изъ среды русскаго народа, первоначальники двухъ знаменитѣйшихъ обителей сѣвера—Свято-Троицкой и Бѣлоозерской.

Итакъ, — это, очевидно, совершенное и полное представительство и предстательство Церкви Божіей всемірной, — небесной и земной, Ветхозавѣтной и Новозавѣтной, апостольской и католической — все-ленской, — *всеобщее моленіе* за нее предъ единой Главой, Господомъ и Спасителемъ ея — Христомъ.

Въ такомъ составѣ своихъ иконографическихъ изображеній и при такомъ ихъ идейномъ значеніи, складень вполне соотвѣтствовали своему назначенію и употребленію. Это, собственно «путный» или дорожный иконостасъ, предъ которымъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, совершались не только обычно краткія «моленія», но и нѣкоторыя службы, напр., пустынножителями.

АНТИМИНСЫ.

Изъ собранія графа Ал. С. Уварова.

Дѣйств. чл. Н. И. Троицкаго.

Въ превосходномъ собраніи древностей, хранящихся въ Порѣченскомъ музеѣ графа Ал. С. Уварова, между многими прочими памятниками церковной старины, находится нѣсколько древнихъ антиминсовъ, въ научномъ отношеніи имѣющихъ весьма значительную цѣнность и въ разныхъ отношеніяхъ: по матеріалу, типическому расположенію и содержанію надписей, размѣщенію лицевыхъ изображеній и т. п. Данные экземпляры антиминсовъ представляютъ своего рода эволюцію этой существенно-важной принадлежности всякаго православнаго храма. Особенно цѣнно то, что всѣ антиминсы имѣютъ точное указаніе времени, къ которому они относятся.

Хронологія антиминсовъ начинается съ первой половины XVI столѣтія и доходитъ до второй половины XVIII.

Мѣра антиминсовъ различна, — начиная отъ $3\frac{3}{4}$ верш. въ древнѣйшемъ, она въ позднѣйшихъ доходитъ до $13\frac{1}{2}$ верш.

Матеріаль, изъ коего сдѣланы антиминсы, также различный, — отъ грубой пасконной холстины (рѣднины) до полотна, весьма тонкаго, почти какъ листъ бѣлой писчей бумаги.

Мѣсто положенія св. мощей (въ видѣ мѣшечка) въ антиминсахъ не одинаково: въ однихъ — на лицевой сторонѣ вверху, въ другихъ — на исподней, вверху и внизу.

Надписи, иконографія и орнаментъ на антиминсахъ весьма различны: надписи писаны уставомъ, полууставомъ и скорописью, притомъ и сѣверно-русской и западно-русской, въ нѣкоторыхъ — печатныя. Въ однихъ надписи покрываютъ все поле лицевой стороны, въ другихъ онѣ расположены въ видѣ каемъ съ четырехъ, или трехъ, или только двухъ сторонъ.

Наугольники, — въ однихъ въ видѣ отогнутыхъ и пришитыхъ уголковъ матеріи самаго антиминса, во внутрь, въ другихъ они отлиневаны и слегка открашены, въ нѣкоторыхъ — наугольные клейма, съ изображеніемъ Евангелистовъ,

Орнаментъ — въ однихъ не имѣется совсѣмъ, въ другихъ — только рамка въ одну линію, въ нѣкоторыхъ рамка въ видѣ полосы въ двѣ линіи и притомъ раскрашена, наконецъ, въ нѣсколькихъ (позднѣйшихъ) широкая кайма, покрытая узорчатымъ орнаментомъ.

Иконографія. Прежде всего, — это только простой, въ одну линію крестъ, но Голгоескій, т.-е. соотвѣтствующій понятію объ антиминсѣ, который замѣняетъ собою алтарь или жертвенникъ, иначе — трапезу, что, въ свою очередь, означаетъ Голгоу — мѣсто смерти и крестной жертвы Христа. Затѣмъ является крестъ изъ двухъ линій, какъ бы сложенный изъ нѣсколькихъ полосокъ, притомъ, сначала только черный, потомъ раскрашенный темно-красной (кирпичной), а потомъ ярко-красной краской. Наконецъ, у креста помѣщается болѣе или менѣе сложная картина «Снятіе тѣла Христова со креста», или «Положеніе Его во гробъ», или «Погребеніе Его во гробъ».

Такое послѣдовательное измѣненіе и постепенное развитіе антиминса, во всѣхъ его частяхъ, есть въ то же время и постепенно усовершенствующееся выраженіе его идеи въ возможной художественной полнотѣ. Нельзя не замѣтить при этомъ первоначальной бѣдности, потомъ сравнительной достаточности какъ самой матеріи антиминса и его убранства, такъ и внутренняго содержанія принадлежащихъ ему лицевыхъ изображеній (иконграфіи). Все это объясняется не одними бѣдственными обстоятельствами, какія переживала отечественная церковь въ соотвѣтственные времена, но, повидимому, и — традиціей, сохранявшей простоту (льняное полотно), а отчасти и развитіемъ искусства вообще и церковнаго въ частности.

Сохранность антиминсовъ, конечно, далеко не одинакова, — соотвѣтственно ихъ давности: древнѣйшій изъ нихъ едва сохранился, — на немъ чернила почти совершенно выцвѣли и надпись читается съ большимъ трудомъ, при особомъ приспособленіи къ яркому (и сквозному) освѣщенію солнца; позднѣйшіе сохранились отлично. Это обстоятельство находится въ зависимости не столько отъ того, изъ какого матеріала и какъ сдѣланъ антиминсъ, сколько отъ времени, мѣста и способа его храненія. Въ старину предписывалось, чтобы антиминсы, вышедшіе изъ употребленія, сохранялись въ столбцахъ жертвенника, для чего и дѣлались въ нихъ небольшія выемки.

Вотъ, по возможности, точное описаніе cadaго изъ антиминсовъ, въ ихъ хронологическомъ порядкѣ.

1. Антиминсъ 1531 года, на холстинѣ; мѣра — $3\frac{3}{4}$ верш. Мѣсто для св. мощей вверху Надпись на срединѣ, полууставомъ:

Освятисѧ олтарь честнаго и славнаго... вознесенія и оскещенія митрополитомъ даниломъ всеа руси при благоуверномъ великомъ князи касимѣ ивановиче всеа руси лѣта 7039-е) майа 4 (9-е). на память пророка ісаіа и стаго священномучник христора пренесение мощей стго чудотворца никола.

Надпись эта очень выцвѣла, читается съ большимъ трудомъ,

но, при сильномъ солнечномъ (сквозномъ) освѣщеніи она поддается разбору ¹⁾).

2. Антиминсъ 1557 года, на холстинѣ; мѣра 4×4 верш. (таб. III). Мѣсто для св. мощей вверху. Посрединѣ Голгоескій крестъ: справа кѣе, слѣва трѣ. Надпись на всѣхъ четырехъ сторонахъ, полууставомъ:

Оѣтиса олтарѣ гѣ бѣа н сѣа ншего іѣ хѣа въ цркви ѣтаго н слак-
наго (священномученика) димитрея. ѣщена бѣ црков снѣа при благо-
вѣрно црн н велико кнзи иванѣ васильевичи всеа руси. н при архі-
епкпѣ великого новаграда н пскока пиминѣ. Лѣта 7332 патѣао сѣтго і.
мѣ. еѣстратіа н дружины н. дека. їи дѣа

3. Антиминсъ 1582 года, на холстинѣ, мѣра 4 × 4 1/4 верш. Мѣсто для св. мощей внизу, на исподѣ. Посрединѣ Голгоескій крестъ, подъ нимъ Адамова голова. Надпись на четырехъ сторонахъ, полууставомъ:

Оскати хрѣа гѣ сѣа ншего іѣа хѣа ѣтнго н слакна кокресеніа на
памѣ ѣтхъ мѣкѣа кнрика н улнты. при блговѣрномъ црн н великомъ
кнзи иванѣ н при его цречичѣ (еѣ)оѣри іи приосвященію архіеппи але-
ксандри великаѣ новагра н пскока. Лѣта 7340. мѣа. іюла вѣ їи а
скати хрѣа нгумен кнпрна сакин(ой) пѣтѣнѣа блгоуменого преоѣраженіа
іѣа хѣа.

4. Антиминсъ 1629 года, на холстинѣ суровой (пеньковой). Мѣра 1/4 арш. × 3 1/4 верш. Мѣсто для св. мощей на лицевой сто-
ронѣ вверху. Посрединѣ Голгоескій крестъ. Надпись по всему полю, полууставомъ:

Оѣтиса оѣта гѣ бѣа н сѣа ншего іѣа хѣа в цѣкѣи преѣпѣнаго ѣца
ншего сѣгна радонежскаго чюдоткоѣца свѣщена бысть црков снѣа в
лѣта 7343 го индикта ѣи ѣтѣра вѣа кѣа дѣа на памѣ ѣтго величїа
димитрия. воспоминаніе страѣное великого труса при блговѣрномъ црн
миханле феодоровичѣ всеа руси н при архіеппе аѣтонни резаѣско н му-
роѣскомъ.

5. Антиминсъ 1630 года, на холстинѣ. Мѣра 4 1/2 × 4 1/2 верш. Мѣсто для св. мощей на лицевой сторонѣ, внизу. Въ срединѣ Гол-
гоескій крестъ. Надпись съ четырехъ сторонъ, въ три строки на
каждой, полууставомъ:

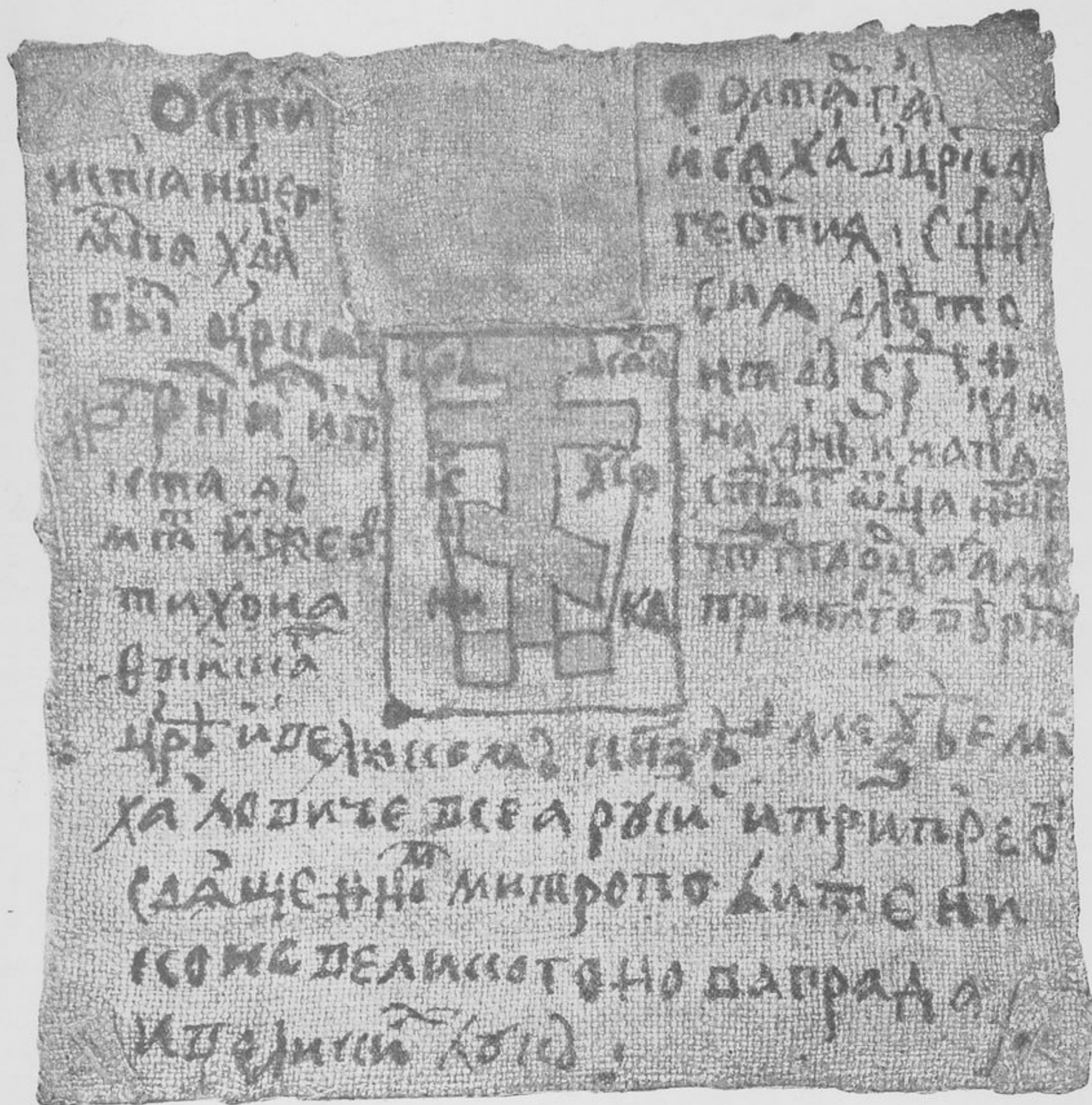
Оскатиса хрѣа гѣ бѣа сѣа ншего іѣа хѣа ѣтнаго н слакна кокрѣнна
на праѣникѣа блгоуменна гѣ бѣа н сѣа нашего іѣа хѣа при благовѣрно
црн гѣрѣ н велико кнзи миханли феодоровичѣ всеа руси н при цквичи
кнзи алексѣи н при сѣше патрїархи при фнларетѣи никитичѣи москов-
ско н всеа руси н при мнтрополитѣи кнпрнанѣ великаѣ нова града н
великѣи лѣк лѣта 7344.

6. Антиминсъ 1650 года, на грубой холстинѣ (пеньковой). (таб. IV). Мѣра 3 3/4 арш. Мѣсто для св. мощей на лицевой сторонѣ вверху. По срединѣ, въ прямоугольной рамкѣ, въ одну линію Голгоескій крестъ, окрашенъ красной краской. Надпись среднимъ полууставомъ:

¹⁾ По высказанной авторомъ причинѣ не удалось ее и воспроизвести цин-
кографіей.

БИБЛИОТЕКА
НИИ та Краеведческой
и Музейной работы

6. Антиминсь 1650 года.

БИБЛИОТЕКА
ИИ Ии-18 Краеведческой
в Музейный работы

ЛЕНІА ГДА БГА Н СПСА НАШЕГО ІІНС ХА ПРИ ДЕРЖАВѢ КЕЛИКОГО ГДА ЦРА І
КЕЛИКОГО КНЗА АЛЕЗІА МІХАНЛОВІЧА ВСЕА КЕЛІКІА І МАЛЫА І БѢЛЫА РОССІИ
САМОДЕРЖЦА СИМОНОМЪ АРХІЕПІСКОМЪ КОЛОГОСКІМЪ І БѢЛОЗЕРСКИМЪ *ЗРОБ А
ОТ РОЖ... ЛѢТ... НОВАБРА КЪ Л^А.

11. Антиминсъ XVII вѣка, на холстинѣ. Мѣра 9 × 11 верш.
Мѣсто для св. мощей на исподней сторонѣ вверху. Печатный. Над-
пись уставомъ:

ОСѢТИСА ОЛТАРЬ ГДА БГА Н СПСА НАШЕГО ІІА ХР^ОТА КЪ ЦРКВИ. ЛѢТА
ОТ СОЗДАНІА МІРА *ЗРО... ІНДІКТА А ОТ КОПЛОЩЕНІА БОЖІА СЛОВА *АХ...
МЦА КЪ ДЕНЬ. ПРИ БЛГОВѢРНОМЪ ГДРѢ ЦРѢ Н КЕЛИКОМЪ КНЗѢ АЛЕЗІИ
МИХАНЛОВИЧѢ ВСЕА КЕЛИКІА Н МАЛЫА Н БѢЛЫА РОССІИ.

По срединѣ изображено «Положеніе Спасителя во гробѣ». Надъ
крестомъ Господь Саваоѣ. Изображеніе поясное; въ облакахъ. Го-
лова въ семиугольномъ нимбѣ. Правая рука благословляетъ имено-
словно, лѣвая поддерживаетъ крестчатую державу. Изъ устъ Сава-
оѣа исходитъ Св. Духъ въ видѣ голубя, ниспускающійся въ лучахъ
на главу Христа. Тѣло Христа положено слѣва направо. У главы
Матерь Божія, Марія Клеопова, Марія Магдалина. У ногъ — Іосифъ,
Іоаннъ Богословъ, Никодимъ. На второмъ планѣ, съ обѣихъ сторонъ
креста — «Ангели Господни», по одному на сторонѣ.

Печатная рамка въ видѣ широкой каймы, съ травчатымъ ор-
наментомъ, съ трехъ сторонъ. По угламъ, въ круглыхъ клеймахъ —
символы евангелистовъ: человекъ — Матѣей, орелъ — Іоаннъ, левъ —
Маркъ, телець — Лука; всѣ окрашены, лицами обращены къ Спасителю.

Въ виду того, что на антиминсѣ не обозначено точно время
его освященія и мѣсто назначенія, должно признать, что онъ не
былъ въ употребленіи.

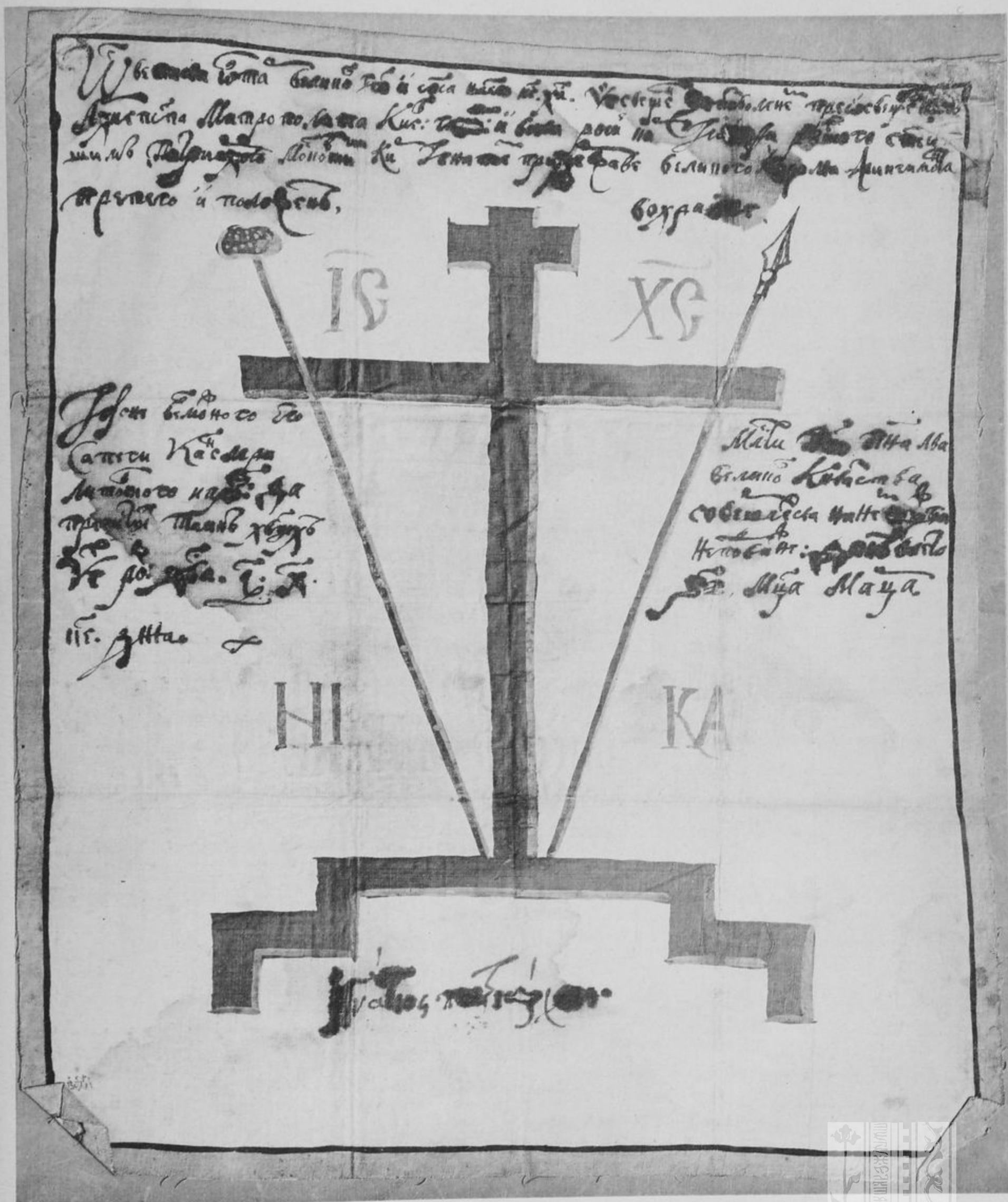
12. Антиминсъ начала XVIII вѣка, на полотнѣ. Мѣра 11 × 11
верш. Мѣсто для св. мощей на исподѣ, вверху. Печатный. Подпись
на всѣхъ сторонахъ, частію уставомъ, частію полууставомъ:

ЖЕТКЕНІА БЖЕСТВЕННЫЙ ІЩЕННЫЙ, СОКЕРШИА ЧРЕЗЪ САМОЕ БЖЕСТВЕН-
НОЕ ІЩЕННОДѢЙСТВІЕ, ОЩЕНЪ БЖЕСТВЕННОЮ БЛГІЮ ВСЕТАГО Н ЖИКОТКО-
РАЩАГО ДХА НМБЕТЪ КЛАСТЬ ІЩЕННОДѢЙСТВОВАТИ КО ХРАМѢ ІЩЕННОДѢЙ-
СТКОКАНЪ ПРЕОЩЕННЫМЪ ІОКОМЪ МИТРОПОЛІТОМЪ НОВОГОРОДСКИМЪ Н КЕ-
ЛИКОЛУЦКИМЪ. СІЕ ЖЕ БЫТЬ ПРИ ДЕРЖАВѢ БЛГОЧЕСТИВѢЙШАГО КЕЛИКАГО ГДА
НАШЕГО ЦРА Н КЕЛИКАГО КНЗА ПЕТРА АЛЕЗІЕВИЧА ВСЕА КЕЛИКІА, Н МАЛЫА,
Н БѢЛЫА РОССІИ САМОДЕРЖЦА: МЕЖДУ ПАТРІАРШЕСТВОМЪ. ЛѢТА МІРОЗДАНІА.
*ЗС. ОТ РЖТКА ХРТОКА *АУ...: ІНДІКТА: МЦА КЪ ДЕНЬ.

Въ срединѣ изображено «Положеніе Спасителя во гробѣ», во
всемъ сходно съ таковымъ же на антиминсѣ № 11-й. Рамка пе-
чатная, четырехугольная; по угламъ въ круглыхъ клеймахъ символы
четырехъ евангелистовъ, какъ и на антиминсѣ № 11-й.

Такъ какъ на семъ антиминсѣ нѣтъ точнаго обозначенія года
и дня, то должно думать, что онъ не былъ въ употребленіи.

13. Антиминсъ 1741 года, на холстинѣ (таб. VI). Мѣра
13¹/₂ × 10³/₄ верш. Мѣсто для св. мощей на исподѣ вверху. Пе-
чатный. Надпись вверху и внизу, крупнымъ полууставомъ:

9. Антиминсь 1666 года.

СНЪ АНТИЛІНСЪ СЕСТУПЛЕВА СІУЕШІАЛЪ НАПІНОЩЕНІЕ БЕЗМЕРОВА ДІАВОЛА ІЗЪ СІУЕШІАЛЪ ІЗЪ СІУЕШІАЛЪ ІЗЪ СІУЕШІАЛЪ
 СІУЕШІАЛЪ ІЗЪ СІУЕШІАЛЪ ІЗЪ СІУЕШІАЛЪ ІЗЪ СІУЕШІАЛЪ ІЗЪ СІУЕШІАЛЪ ІЗЪ СІУЕШІАЛЪ ІЗЪ СІУЕШІАЛЪ ІЗЪ СІУЕШІАЛЪ

ПЕРВІЙШІЙ БІЖИМЪ СІУЕШІАЛЪ СІУЕШІАЛЪ СІУЕШІАЛЪ СІУЕШІАЛЪ СІУЕШІАЛЪ СІУЕШІАЛЪ СІУЕШІАЛЪ СІУЕШІАЛЪ
 СІУЕШІАЛЪ СІУЕШІАЛЪ СІУЕШІАЛЪ СІУЕШІАЛЪ СІУЕШІАЛЪ СІУЕШІАЛЪ СІУЕШІАЛЪ СІУЕШІАЛЪ

13. Антиминсъ 1741 года.

БИБЛИОТЕКА
Ин-та Краеведческой
и Музейной работы

Сій антїмінсѣ, сїестѣ трапѣза ѿщеннаа, на приношенїе безкровныа жертвы къ Бжественнѣй литургїи ѡтнѣса бжодатїю прѣстаго и животворящаго дха. сего ради имѣетѣ класть ѿщеннодѣйствовати ко храмѣ ѿгла Николаа чудотворца: Покелѣнемъ Благочестивѣйшаго Самодержавнѣйшаго Великаго Гдѣа нашего Императора Іоанна Антоновича всеа Россїи. и Блгвенїем ѿтѣйшаго Правительствующаго Синода. Сѿеннодѣйствованъ Преѡщеннымъ Піменомъ Епкпомъ Вологодскимъ и Белозерскимъ. Лѣта мирозданїа *ЗСМОго От ѣжестка же Хрѣтока *ИѰМІ. Індїкта Д. мца Іуна въ 3ї день.

Рамка четырехугольная, въ видѣ широкой каймы, съ узорнымъ орнаментомъ. Въ срединѣ — «Положеніе Спасителя во гробѣ». Между лицами за гробомъ посрединѣ Богоматерь, слѣва — у главы Христа — Іосифъ, между нимъ и Богоматерью — Іоаннъ Богословъ. За Богоматерью вправо — Марїа Магдалина, у ногъ Христа — Никодимъ.

Внутри рамки, въ углахъ, въ овальныхъ клеймахъ, евангелисты безъ символовъ. На каймѣ вверху Нерукотворенный убрусъ Спасителя, а на сторонахъ — орудїя Его страданїй.

14. Антиминсѣ 1763 года, на льняномъ полотнѣ. Мѣра $10\frac{3}{4} \times 8\frac{5}{8}$ верш. Мѣсто для св. мощей на исподѣ, вверху. Печатный. Надпись вверху и внизу, мелкимъ полууставомъ:

Сій антїмінсѣ сїестѣ трапѣза свѣщеннаа на приношенїе безкровныа жертвы къ Бжественнѣй литургїи ѡтнѣса бжодатїю прѣстаго и животворящаго дха сего ради имѣетѣ класть сѿеннодѣйствовати ко храмѣ прѣйбныѣ ѡцѣ онуфрїа великаго: и петра афонскаго. Покелѣнемъ же Благочестивѣйшіа Самодержавнѣйшіа Великіа Гдѣри Нашеа Императрїцы Елісаветѣ Петровны всеа Россїи: и блгословенїемъ стѣйшаго Синода сѿеннодѣйствова Преѡщеннымъ Димїтріемъ Мїтрополїтомъ Новгороцкимъ ИѰЗГ года декабря дї ала.

Рамка въ видѣ широкой каймы съ узорчатымъ орнаментомъ. Въ срединѣ — «Положеніе Спасителя во гробѣ», надъ Нимъ кругъ въ сіяніи, съ надписью Іего(ва). Предстоящіе у гроба: въ срединѣ Богоматерь, поддерживающая руку Спасителя; у главы Іосифъ, поддерживающій голову и плечи Его; съ Іосифомъ рядомъ Марїа Клеопова. Съ другой стороны — Іоаннъ Богословъ, Никодимъ, поддерживающій ноги Спасителя, за нимъ Марїа Магдалина и Марїа Іаковлева (на колѣнахъ, съ сосудомъ ароматовъ); за ними два ангела, сложившіе на груди руки (знакъ скорби).

Въ каймѣ по угламъ — четыре евангелиста, съ ихъ обычными символами, а на срединѣ — справа и слѣва — орудїя страданїй Господа.

Жалованная грамота Великаго Князя Василя Ивановича Протопопу Волоколамскаго Воскресенскаго собора Антонію съ братіей отъ 4-го октября 7023 (1514) года.

Дѣйств. чл. о. І. І. Кузнецова.

Сообщаемая нами грамота доселѣ еще не была нигдѣ напечатана, а, между тѣмъ — и по заключающимся въ ней свѣдѣніямъ и по времени своего происхожденія — она представляетъ весьма интересный и важный историческій документъ. — Нынѣшній незначительный уѣздный городъ Московской губерніи, Волоколамскъ — Волокъ Ламскій — въ древности представлялъ изъ себя довольно значительную и политическую и торговую величину. Основанный Новгородцами на рѣкѣ Ламѣ, на волоковомъ пути въ Новгородъ, онъ, въ силу выгоды своего мѣстоположенія, сталъ быстро развиваться: изъ небольшой новгородской колоніи образовалось уже въ XII в. особое удѣльное Волоцкое княжество, а самый городъ, съ увеличеніемъ его торговыхъ сборовъ, сильно разросся: въ половинѣ XII в. въ немъ насчитывалось до 80 церквей, а въ 1425 г. въ немъ былъ построенъ соборъ (Воскресенскій), весь изъ бѣлаго камня. Такое значеніе Волока естественно не могло не обратить на себя вниманія его сосѣдки — собирательницы Руси — Москвы и великіе князья Московскіе — съ конца XIV вѣка дѣлаютъ неоднократно попытки присоединить эту Новгородскую колонію къ своимъ владѣніямъ, но новгородцы все-таки долго удерживали въ своихъ рукахъ Волокъ; борьба изъ-за него шла долго и уже только великому князю Василю Темному удалось окончательно оставить Волокъ за Москвой. Онъ назначилъ туда удѣльнымъ княземъ одного изъ своихъ сыновей, Бориса; сыновья Бориса: Иванъ († 1503) и Ѳеодоръ († 1513 г.) были послѣдними Волоцкими удѣльными князьями: они оба умерли бездѣтными и Волокъ достался великому князю Василю Ивановичу. — Къ этому то періоду — къ прекращенію самостоятельности Волоцкаго княжества — и относится описы-

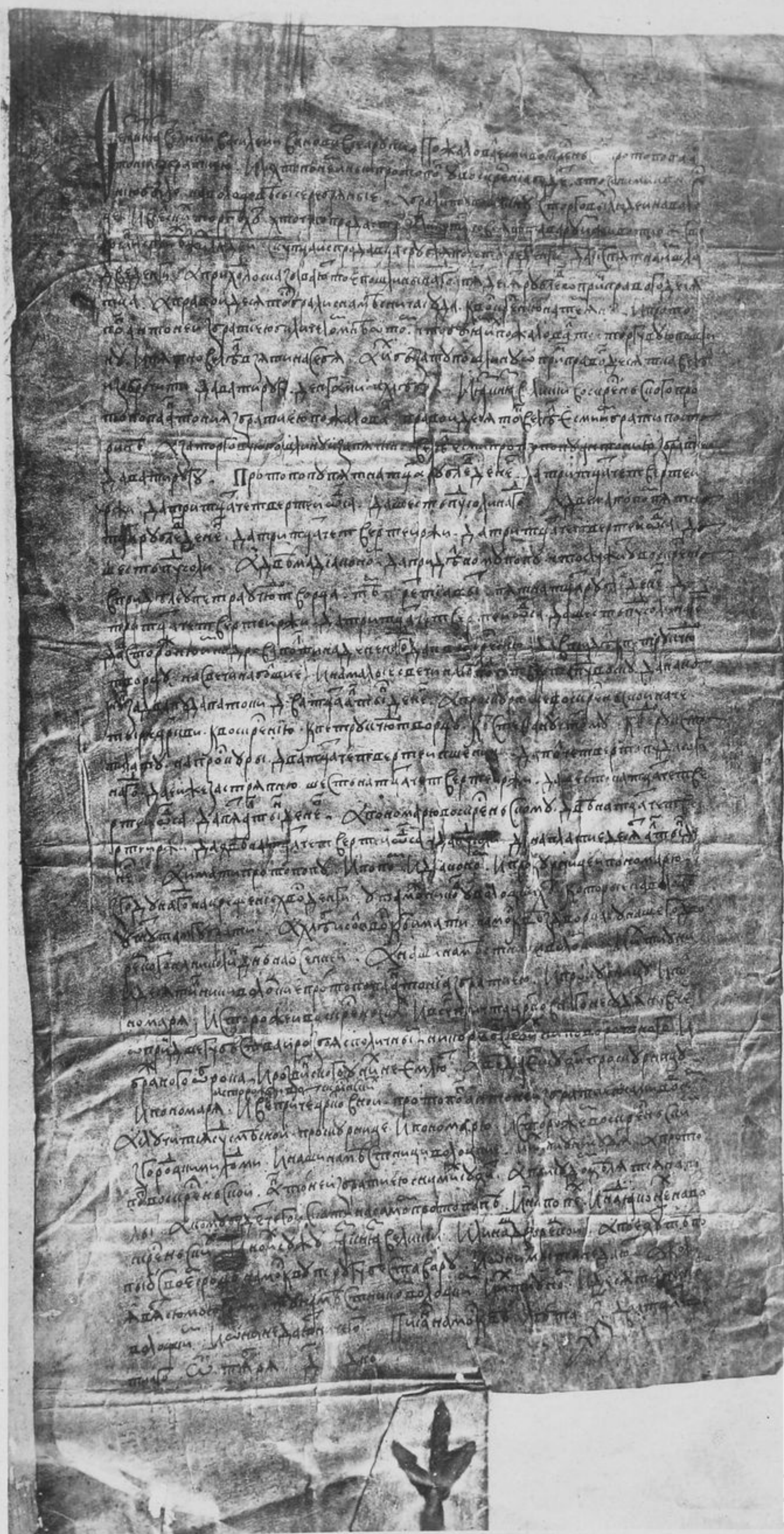
ваемая грамота и, думается, была вызвана именно этимъ событіемъ: съ прекращеніемъ самостоятельности Волока должны были исчезнуть и тѣ привиллегіи и льготы его кафедральнаго храма—Воскресенскаго собора,—какія этотъ послѣдній имѣлъ.—А, судя по нашей грамотѣ, привиллегіи собора были весьма значительны: за нимъ были (должно быть, по примѣру и по образцу Софійскаго собора въ Новгородѣ—Волоцкой митрополіи) *серебряные вѣсы*—право клейменія (пробы)—серебра и взиманія со всѣхъ продаваемыхъ въ княжествѣ товаровъ весьма значительной пошлины: «съ купца и съ продавца съ рубля по четыре денги», соборянамъ же шла «съ пятна» (клеймо на продаваемой лошади) «две денги»; въ пользу собора «на темьянъ» (фиміамъ—ладанъ) шелъ «правой десятокъ съ намѣстнича суда» (судебныя пошлины).—Такія привиллегіи, конечно, умаляли права великаго князя въ волоцкой области и, пожалуй, рѣзко выдѣляли эту область изъ другихъ владѣній московскихъ (по крайней мѣрѣ «серебряные вѣсы», въ этихъ владѣніяхъ, кажется, не встрѣчаются еще нигдѣ), а посему Василій Ивановичъ и рѣшилъ тотчасъ же по присоединеніи Волока изгладить и послѣдніе слѣды его самостоятельности, отмѣнилъ данныя раньше Волоцкому собору привиллегіи, замѣнивъ ихъ денежной и хлѣбной ругой изъ великокняжескаго Дворца.—Пошлинный доходъ отъ «серебряныхъ вѣсовъ» и «пятна» былъ исчисленъ соборянами въ 50 р. и они вошли съ ходатайствомъ «за ту пошлину изоброчити ихъ давать ругу деньгами и хлѣбомъ», что и было сдѣлано великимъ княземъ.—Грамота сообщаетъ при этомъ попутно не мало любопытныхъ свѣдѣній: о тогдашнемъ составѣ причта Воскресенскаго собора, о придѣлѣ соборномъ—во имя «Петра Чюдотворца» (митрополита Московскаго), нынѣ не существующемъ, о Стефановской и Ѳеодоро-Стратилатской церквахъ (тоже нынѣ не существующихъ).—Указываются и тѣ льготы, которыя остались за соборянами: «смѣсный судъ», свобода отъ «намѣстнича суда опричь душегубства и разбоя съ поличнымъ», отъ уплаты намѣстникамъ великокняжескимъ и ихъ тіунамъ и десятникамъ «подворотнаго и бражнаго оброка и розвинскаго» (что означаетъ послѣдній терминъ, мы затрудняемся сказать: въ современныхъ нашей грамотѣ другихъ великокняжескихъ льготныхъ грамотахъ мы его не встрѣчали, но за то онъ имѣется въ жалованной грамотѣ послѣдняго волоцкаго князя Ѳеодора Борисовича (отъ іюня 1505 г.) нѣкому Игнатію Кожухову объ освобожденіи людей, живущихъ въ старыхъ и прикупныхъ деревняхъ его въ Волоцкомъ княжествѣ, отъ пошлинъ: «съ нихъ (людей) ни иные чемъ некоторые пошлины не надобѣ, ни розвинское, опричь посадничихъ половины» (Акты Ист. собр. Арх. Эксп. Т. I, № 115).—Характерно также для выясненія цѣнности тогдашняго рубля указаніе въ грамотѣ тогдашней стоимости «патоки на канунъ» (для кутьи): «двадцать алтынъ денегъ за два пуда» (т.-е. по 30 коп. пудъ).

Подлинникъ грамоты писанъ на пергаментѣ (размѣръ 45×23 ст.;

фототипическій снимокъ (таб. VII). нѣсколько уменьшенъ противъ подлинника: $36 \times 17\frac{1}{2}$ ст.), съ красновосковой на шелковомъ красномъ шнурѣ вислою печатью, плохо сохранившеюся (уцѣлѣла только средняя часть съ довольно явственнымъ изображеніемъ двухглаваго орла на лицевой сторонѣ и неяснымъ изображеніемъ на обратной; діаметръ печати 4 ст.).

Текстъ на лицевой сторонѣ грамоты прекрасно сохранился; вотъ онъ:

«Се язъ князь великій василей ивановичъ всеє русіи, Пожаловалъ есми воскресеньскаго протопопа антоніа збратією, Или хто по немъ иный протопопъ у воскресеніа будетъ, что за ними къ воскресенію было на волоце вѣсы серебряные, а брали ту пошлину съ торговыхъ людей на волоце. и въ селскихъ торгѣхъ, хто что продастъ или купитъ со всякого товару и зживотовъ сволочанъ и съ пріѣзжихъ людей скупца и спродавца съ рубля по четыре денги, да и с пятна имъ шло две денги. а приходило сказываютъ тое пошлины на годъ пятьдесятъ рублевъ опричъ правого десятка. а правой десятокъ брали снамѣснича суда квоскресенію на темьянѣ. И протопопъ антоней збратією били челомъ мнѣ о томъ, чтобы язъ ихъ пожаловалъ тое торгую пошлину. и пятно велѣлъ взяти на себя. а ихъ бы за ту пошлину опричъ правого десятка велѣлъ изоброчити давати ругу денгами и хлѣбомъ. И язъ князь великій воскресеньскаго протопопа антонія збратією пожаловалъ. правой десятокъ велѣлъ есми имъ брати по сторинѣ. а за торгую пошлину и за пятно велѣлъ есми протопопу антонию збратією давати ругу. Протопопу пятнатцать рублевъ денегъ. да тритцать четвертей ржи. да тритцать четвертей овса. да шесть пудъ соли на годъ. а двема попомъ пятнатцать рублевъ денегъ. да тритцать четвертей ржи. да тритцать четвертей овса. да шесть пудъ соли. а двема діакономъ да придѣльному попу что служитъ у воскресеніа в придѣле у петра чюдотворца. тѣмъ третіа выть пятнатцать рублевъ денегъ. да тритцать четвертей ржи. да тритцать четвертей овса да шесть пудъ соли на годъ да в сторожню имъ на дрова полтина денегъ на годъ. да квоскресенью да в придѣлъ кпетру чюдотворцу. на свечи на болшие. и на малые свечи на годъ полчетверта пудъ воску. да на конунъ за два пуда патоки двадцать алтынъ денегъ. а проскурнице воскресеньской на четыре церкви. к воскресенію. к петру чюдо творцу. къ стееану святому. къ еедору стратилату. на проскуры дватцать четвертей пшеницы. да полчетверта пуда соли на годъ. да ей же застряпню шестнадцать четвертей ржи. да шестнадцать четвертей овса. да пятнатцать алтынъ денегъ. а пономарю воскресеньскому двѣнатцать четвертей ржи. да двѣнатцать четвертей овса. да пудъ соли. да на платие десять алтынъ денегъ. А имати протопопу. и попомъ. и дьякономъ. и проскурнице. и пономарю згodu на годъ на крещеніе христово денги у таможниковъ у волоцкихъ. которые на волоцѣ учнутъ тамгу брати. а хлѣбъ и соль и воскъ имати на москвѣ здворца. у нашего

Грамота 7023 (1514) года.

ВНИМАНИЕ
НИЖЕ — ГИСТЕЧЕСКОЕ
ЯЗЫКОМ РАБОТЫ

дворецкаго на николинъ день на осенней. а наши намѣстницы волоцкіе и ихъ тіуни и десятильники волоцкіе протопопа антоніа збратіею. и проскурницу. и пономаря. и сторожей воскресеньскихъ и всего причта церковнаго не судятъ ни въ чемъ опричь душегубства и разбоя съ поличнымъ. ни кормовъ своихъ ни поворотнаго и бражнаго оброка и розвинского у нихъ не емлють. а вѣдаетъ судити проскурницу. и пономаря и сторожей воскресеньскихъ. и весь причетъ церковный протопопъ антонеи збратіею сами во всемъ. а случится судъ смѣсной. проскурнице. и пономарю. и сторожемъ воскресеньскимъ згородцкими людьми. и наши намѣстницы волоцкіе и ихъ тіуни судятъ. а протопопъ воскресеньской. антонеи збратіею съ ними же судить. а при судомъ дѣлятся на полы. а кому будетъ чего искати на самомъ протопопѣ. и на попехъ. и на дьяконехъ воскресеньскихъ. и но ихъ сужу язъ князь великій или нашъ дворецкой. а поедутъ тѣ попы о своемъ сроцѣ на москву по ругу бес тавару. и они мыта не даютъ. а коли явятъ сю мою грамоту намѣстникомъ волоцкимъ и ихъ тиуномъ. и десятильникомъ волоцкимъ и они не даютъ ничего. Писана на москвѣ лѣта *3 дватцать третьяго октября Д день».

Текстъ обратной стороны грамоты сохранился гораздо хуже: онъ выцвѣлъ и мѣстами вытертъ. При помощи реактивовъ его удалось нѣсколько возстановить, но всѣ попытки фототипировать не удались, такъ что, приложить снимокъ оказалось невозможнымъ. Впрочемъ, большого значенія эти мѣста не представляютъ: текстъ заключаетъ въ себя только подтвердительныя записи царя Іоанна Васильевича; обычныя формулы такихъ записей извѣстны изъ другихъ напечатанныхъ грамотъ того времени. Текстъ обратной стороны таковъ: вверху: «Князь великій василей івановичъ всеа русіи». Затѣмъ ниже: «Князь великій іоаннъ васильевичъ всеа русіи. По сей грамотѣ пожаловалъ воскресеньскаго протопопа збратіею или хто по немъ протопомъ... (вѣроятно, далѣе по обычной формулѣ: «у той церкви будетъ, сей грамоты у нихъ рушити не велѣлъ никому ничѣмъ»). Дата плохо видна: годъ скорѣе всего 7045—(1537)... какого мѣсяца прочесть нельзя, сохранилось только число: 11.—Во всякомъ случаѣ запись не позднѣе 1538 г., такъ какъ при ней подпись: «а подписалъ дьякъ Ѳеодоръ Мишуринъ»; Государевъ же дьякъ Ѳ. Мишуринъ убитъ 21 окт. 1538 г. (Лихачевъ. Разрядные дьяки XVI в. СПб. 1888 г. стр. 89—90. — Далѣе идетъ вторая подтвердительная подпись отъ 17 мая 7059 (1551) года (съ помѣтой *этого же* числа сохранилось много подтвердительныхъ записей; вѣроятно, къ тому времени всѣ прежнія льготныя церковныя и монастырскія грамоты—для согласованія ихъ съ правилами новосоставленнаго Соборнаго Уложенія были снова затребованы, рассмотрѣны и нѣкоторыя подтверждены).—Текстъ записи: «Лѣта 7059 Мая въ 17 царь і великій князь іванъ васильевичъ всеа русіи сей грамоты слушалъ и выслушавъ сю грамоту воскресеньскаго протопопа»... (далѣе нельзя прочесть; вѣроятно, имя протопопа слѣдуетъ, а затѣмъ, по обычной

формуль: «или хто по немъ у во») «скресенія иный протопопъ будетъ велѣлъ имъ-сю грамоту подписати на свое царево і великаго князя имя; и кто будетъ чего искати на протопопъ збратією і по ихъ судитъ»... (дальнѣйшее прочесть мы не могли)... «архіепископъ великаго новъгорода и-пскова (...дальнѣйшее опять нельзя разобрать)... по соборному уложенію (опять не разобрали)... а опричь святительскаго суда царь і великій князь сей у нихъ грамоты рушити не велѣлъ никому ничѣмъ. А подписалъ царя и великаго князя дьякъ Юрьи Сидоровъ».

Любопытно, что здѣсь церковный судъ надъ Воскресенскими соборянами отданъ архіепископу Новгородскому: церковная зависимость Волока отъ Новгорода еще сохранена, тогда какъ, напримѣръ, въ подтвердительной записи несудимой грамоты Чухломскому Покровскому монастырю отъ того же 17 мая 7059 года, гдѣ имѣется подобная формула, относительно церковнаго суда сказано: *іно ихъ судитъ отецъ нашъ Макарей митрополитъ всея Руси*. — Упоминаемый дьякъ Юрій Сидоровъ происходилъ изъ знатнаго рязанскаго рода, къ которому принадлежали Сидоровы, Сумбуловы, Ивашковы и др. Погибъ въ эпоху казней Грознаго, записанъ въ Синодикъ Кирило-Бѣлозерскаго монастыря; собственно имя его было — Софонія (Лихачевъ — 269 - 270) — Въ самомъ внизу подпись: «а приказалъ дворецкій василей андрѣевичъ». — Эта подпись — скрѣпа самой грамоты: дворецкій великаго князя Василя Ивановича — Василій Андреевичъ Челяднинъ умеръ въ 7026 г. (Др. Росс. Вавліоѳ. Новикова, 1791 г. ч. XX. Послужный списокъ старинныхъ бояръ и дворецкихъ, окольничьихъ и нѣкоторыхъ другихъ придворныхъ чиновъ съ 6970 г. по 7184 г., стр. 16).

Раскопка площадокъ въ с. Крутобородинцахъ, Летичевского у., Подольской губ. и вблизи с. Веремье, Кіевскаго у. и губ.

Дѣйств. чл. В. В. Хвойко.

I.

Раскопки у с. Крутобородинцы.

Подольская губ. весьма богата и интересна хранящимся въ ея землѣ археологическимъ матеріаломъ. Послѣдній лежитъ почти не тронутымъ и ожидаетъ того счастливаго времени, когда лица, занимающіяся наукой, обратятъ на него надлежащее вниманіе.

Эта мѣстность, помимо другихъ важныхъ вопросовъ, которые подлежатъ археологическому изслѣдованію, особенно интересна въ рѣшеніи вопроса о т. н. трипольской культурѣ. Послѣдняя въ ней весьма распространена и встрѣчается тамъ въ необыкновенно большомъ изобиліи.

Мнѣ особенно пріятно было получить отъ г. предсѣдателя Московскаго Императорскаго Археологическаго Общества, графини П. С. Уваровой, предложеніе произвести раскопку въ указанной мѣстности и изслѣдовать находящіяся тамъ площадки, особенно, повторяю, пріятно, тѣмъ болѣе, что уже раньше мною была сдѣлана пробная раскопка въ той же губерніи, возлѣ с. Комаровцы, Литинскаго у., изъ коей я убѣдился въ томъ, что площадки идутъ далѣе на западъ по направленію къ Галиціи.

При выборѣ раскопки я остановился на мѣстности с. Крутобородинцы, Летичевского у., Подольской губ., гдѣ во все время пользовался весьма любезнымъ гостепріимствомъ владѣльца имѣнія, П. П. Бордакова, бывшаго предсѣдателемъ Летичевского съѣзда мировыхъ судей, и его семейства.

Исполнить предпринятую раскопку, въ виду моего болѣзненнаго состоянія, я имѣлъ возможность только потому, что самыми дѣятельными сотрудниками были и постоянно при ней участвовали

тости возвышенности и ежегодной вспашкѣ земли, а, главнымъ образомъ, значительному дѣйствию атмосферной воды, мѣста этихъ площадокъ настолько были уже разрушены и снесены водою, что не смотря на то, что нами было раскопано огромное пространство мы, кромѣ множества встрѣчающихся комковъ обожженной глины и разрозненныхъ черепковъ разбитыхъ глиняныхъ сосудовъ, перемѣшанныхъ съ землей и громаднымъ количествомъ попадающихся въ ней камней (кремня), не сдѣлали другихъ находокъ. Нѣкоторое исключеніе составляло только мѣсто площадки, расположенное на западной сторонѣ, на той же возвышенности (рис. 1 съ обозначеніемъ оказавшихся на немъ при его раскопкѣ разныхъ предметовъ), болѣе уцѣлѣвшая часть котораго занимала пространство 8 метр. въ длину и 8,5 м. въ ширину.

При раскопкѣ этой площадки, въ ея сѣверо-восточной сторонѣ, на глубинѣ 30 сант., отъ поверхности земли обнаруженъ былъ слой обожженной глины (рис. 1, лит. а), состоящій изъ сплошного ряда другъ возлѣ друга лежащихъ пластовъ, поверхность которыхъ какъ съ нижней, такъ и съ верхней стороны была сглажена; въ сѣверо-западной сторонѣ

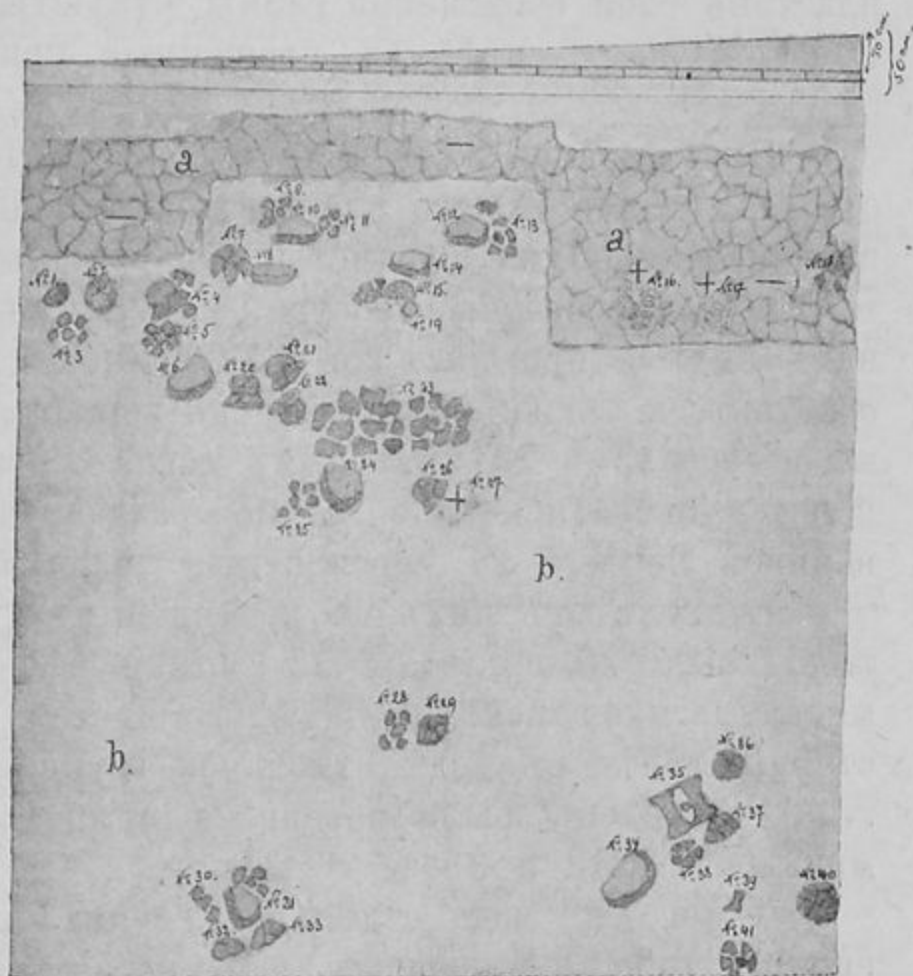

Рис. 1.

этотъ слой пластовъ обожженной глины настолько былъ уже разрушенъ, что снаружи земли лежали только одни мелкіе его комки. Открытые предметы, какъ это для лучшей наглядности показано на рисунокѣ, изображающемъ означенную площадку, расположены были въ слѣдующемъ порядкѣ.

Въ мѣстахъ, обозначенныхъ на рисунокѣ подъ №№ 1 и 2 оказалось по одной глиняной мискѣ, изъ которыхъ одна въ разбитомъ видѣ, при чемъ тутъ же при нихъ лежало еще нѣсколько черепковъ изъ третьей разбитой миски № 3.

На небольшемъ разстояніи отъ нихъ оказался колоколообразной формы глиняный сосудъ № 4, при немъ же разбитая миска № 5, нѣсколько далѣе за ней камень № 6, съ сглаженной поверхностью, служившей для растиранія на ней хлѣбныхъ зеренъ, т. е. зернотерка. Съ противоположной сѣверо-восточной стороны того же олоколо-образнаго сосуда, кромѣ разбитой миски № 7 находился

рядомъ съ ней положенный камень-зернотерка № 8. Въ томъ же направленіи, нѣсколько далѣе, найденъ былъ опять камень-зернотерка № 10, вокругъ котораго лежала часть черепковъ, изъ двухъ разныхъ глиняныхъ сосудовъ №№ 9 и 11.

Далѣе, къ юго-востоку, наряду съ такими же камнями-зернотерками №№ 12 и 14, обнаружены были: № 13 части глинянаго сосуда, № 15 глиняная миска и нѣсколько черепковъ изъ другого сосуда, а также № 19 каменный шарикъ. Указанныя на рисункѣ мѣста съ изображенными на нихъ крестообразными значками ++ №№ 16 и 17 обозначаютъ мѣста, на которыхъ на поверхности пластовъ слоя обожженной глины открыты были пережженные человѣческія кости, и № 18 брошенные при нихъ черепки глинянаго сосуда.

Приближаясь нѣсколько къ сѣрединѣ площадки внѣ пространства, занятаго слоемъ пластовъ обожженной глины, какъ и раньше перечисленные уже предметы, обнаружены были №№ 20, 21 и 22, три колоколообразные сосуда, изъ которыхъ два почти въ цѣльномъ видѣ и при нихъ же, № 23, множество черепковъ изъ другихъ сосудовъ, а также № 24 камень-зернотерка съ лежащими возлѣ него черепками № 25. Кромѣ того, тамъ же, на сѣрединѣ площадки, оказались еще № 26 раздавленный, глиняный сосудъ и вокругъ него № 27 пережженные человѣческія кости.

Отступя отъ нихъ на протяженіи 2 м., къ юго-западу, положены были въ землѣ: № 28 глиняные черепки и № 29 глиняная миска, распавшаяся на нѣсколько частей. На почти такомъ же разстояніи далѣе въ видѣ отдѣльной группы вокругъ камня-зернотерки № 31, найдены были черепки глинянаго сосуда и двѣ разбитыя миски №№ 32 и 33.

Такого же рода отдѣльная группа предметовъ открыта была еще въ той же площадкѣ въ ея юго-западной сторонѣ, а именно: № 34 камень-зернотерка, № 35 нѣсколько поврежденный биноклеобразный сосудъ, № 39 ножка отъ глиняной статуэткы и пять разбитыхъ разной величины глиняныхъ мисокъ №№ 36, 37, 38, 40 и 41. Кромѣ того, помимо перечисленныхъ предметовъ, тамъ же, но уже въ разоренной части площадки, подобрано было еще множество черепковъ разнаго вида глиняныхъ сосудовъ, одинъ каменный топоръ-молотокъ, съ просверленнымъ въ немъ отверстіемъ, и нѣсколько кремневыхъ ножей и скребковъ.

Затѣмъ, закончивъ наши изслѣдованія части, прилегавшей къ ручью, мы подвергли раскопкѣ еще нѣсколько другихъ мѣстъ, несомнѣнно, также занятыхъ этими памятниками, но расположенныхъ ближе къ сѣрединѣ возвышенности.

Однако, не смотря на всѣ наши старанія и труды, результаты были весьма неудачны: всѣ раскопанные нами здѣсь площадки уже раньше были совершенно разрушены.

Отъ этихъ древнихъ памятниковъ, которые представляли собою необыкновенный интересъ (заключавшіяся въ нихъ керамическія

издѣлія отличались особаго рода своеобразной и весьма рѣдкой росписью), таб. VIII), при сохранности могли бы многое уяснить въ вопросѣ о трипольской культурѣ; къ сожалѣнію, остались только одни комки обожженной глины изъ ихъ сооруженій и множество черепковъ глиняныхъ сосудовъ, на которыхъ украшающая ихъ роспись давно уже была уничтожена какъ обмывшей ихъ водой, такъ и дѣйствіемъ солнца и мороза.

Изъ самыхъ отдаленныхъ отъ оврага площадокъ изслѣдованы были два мѣста. На одномъ изъ нихъ, находящемся въ юго-западной сторонѣ возвышенности и занимающемъ пространство 11,5 м. въ длину и 7,4 м. въ ширину, на глубинѣ 20—30 см., открытъ былъ слой разной величины пластовъ обожженной глины, которые въ одной части этой площадки расположены были тремя, въ другой же только двумя, другъ надъ другомъ лежащими, рядами.

Означенные пласты обожженной глины отличались не одинаковой ихъ толщиной; въ общемъ она была отъ 8—15 см. При этомъ поверхность стѣнокъ этихъ пластовъ при однѣхъ была съ одной, при другихъ—съ обѣихъ сторонъ сглажена, а на нѣкоторыхъ изъ нихъ имѣлись ясные слѣды отпечатковъ прикасавшагося къ нимъ дерева; на глинѣ, изъ которой они были вылѣплены, находилась примѣсь мякины (половы).

Если же не считать незначительное количество черепковъ, глиняныхъ сосудовъ и мелкихъ частей пережженныхъ человѣческихъ костей, предметовъ въ этихъ площадкахъ мало.

Въ другомъ же мѣстѣ, обнаруженномъ нами почти въ 40 м. отъ предшествующей, небольшое пространство, всего около 8 кв. м., мы при его раскопкѣ на глубинѣ 60—70 см. наткнулись на нѣсколько камней-зернотерокъ и громадное количество (больше 30 экземпляровъ раздавленныхъ сосудовъ) разной величины и формы глиняныхъ сосудовъ, съ которыми тутъ же вмѣстѣ находились въ мелкихъ частяхъ разсыпанныя человѣческія кости. Но, несмотря на крупные размѣры своей величины, которыми отличались нѣкоторые изъ этихъ сосудовъ, они, къ сожалѣнію, настолько были всѣ до одного перебиты и черепки ихъ одни съ другими перемѣшаны, что не было возможности и думать приняться за ихъ составленіе.

Вдобавокъ всѣ эти сосуды оказались украшенными прекрасной, пестрой росписью; огорченіе всѣхъ насъ, присутствующихъ, не имѣло предѣловъ, когда мы, принявъ черепки съ мѣста, увидѣли, что роспись, по большей части чернаго, бѣлаго, коричневаго, ярко краснаго или бураго цвѣта, прилипла къ стѣнкамъ со всѣхъ сторонъ окружающихъ ихъ глейстой земли.

II.

Дальнѣйшимъ продолженіемъ нашей раскопки послужила возвышенность, находящаяся въ юго-восточной сторонѣ отъ с. Крутобородинецъ, на которой расположены поля мѣстныхъ крестьянъ и на которой отысканы были нами также слѣды площадокъ.

Раскопка въ данномъ случаѣ оказалась для насъ весьма затруднительной, такъ какъ, благодаря раздробленности земли на мелкіе участки, которыми владѣютъ разные хозяева, затрудняло прежде всего отыскать всѣхъ владѣльцевъ этой земли и получить отъ нихъ разрѣшеніе произвести предполагаемую раскопку и, кромѣ того, на нѣкоторыхъ участкахъ стояли неубранными еще съ поля хлѣба. Вслѣдствіе этого мы были вынуждены съ нашими изысканіями удерживаться только въ извѣстныхъ предѣлахъ. Значительная площадка, изслѣдованная нами, расположена была на полѣ, принадлежащемъ крестьянину Баняку.

Раскопанное нами мѣсто занимало всего 13 м. въ длину и 7 м. въ ширину. Производя его раскопку, начиная съ глубины 20 см. отъ поверхности земли, мы встрѣчались почти только вездѣ съ плотнымъ слоемъ разной величины и толщины пластовъ или комковъ обожженной глины. При этомъ, какъ показано на рис. 2, нами было замѣчено, что означенный слой въ мѣстѣ, обозначенномъ на томъ же рисункѣ подъ лит. а, состоитъ изъ одного, подъ лит. б—изъ двухъ, лит. с—трехъ и лит. d—четырехъ рядовъ упомянутыхъ пластовъ, или комковъ обожженной глины, которые, будучи расположены другъ подъ другомъ, почти вездѣ находились въ горизонтальномъ положеніи и только въ одной части мѣста, указаннаго на рисункѣ подъ лит. б, на протяженіи 1,7 м. въ ширину, оба ряда пластовъ образовали рѣзко косое направленіе, уходящее въ глубь земли, такъ что въ началѣ слой этихъ пластовъ обожженной глины лежалъ отъ поверхности земли на глубинѣ 20 см., а кончалось его залеганіе въ землѣ на глубинѣ 80 см.

Что же касается предметовъ, найденныхъ во время раскопки этой площадки, то изъ нихъ, кромѣ мѣстъ, обозначенныхъ на вышеуказанномъ рисункѣ подъ №№ 1, 2, 3, на которыхъ находилось по одному разбитому сосуду, и № 4, гдѣ обнаружено было нѣкоторое количество пережженныхъ человѣческихъ костей, никакихъ другихъ находокъ не было сдѣлано.

Второе мѣсто, подвергнутое нами раскопкѣ, составляла отысканная нами площадка, расположенная на полѣ, принадлежащемъ крестьянину того же села, Олексѣ Мазурѣ. Въ означенной площадкѣ, на глубинѣ 30 см. отъ поверхности земли, открытъ былъ нами слой обожженной глины, состоящей изъ разной величины и толщины пластовъ или ихъ комковъ, которые, находясь на разной глубинѣ,

доходящей мѣстами до 1,3 м. отъ поверхности земли, расположены были отъ 1. — 3 другъ надъ другомъ отдѣльными рядами. Изъ какого числа рядовъ этихъ пластовъ состоялъ означенный слой обожженной глины и въ какой части площадки одни или другіе изъ нихъ были расположены, можно видѣть на рис. 3, гдѣ указаны также размѣры занимаемаго ими пространства. Самая большая часть площадки находилась подъ слоемъ, состоящимъ изъ двухъ рядовъ этихъ пластовъ — обожженной глины и онъ обозначенъ на рисункѣ № 3, подъ лит. б. Слой, состоящій изъ одного ряда означенныхъ пластовъ обожженной глины, указанный на томъ же рисункѣ подъ лит. а, не смотря на то, что онъ расположенъ былъ

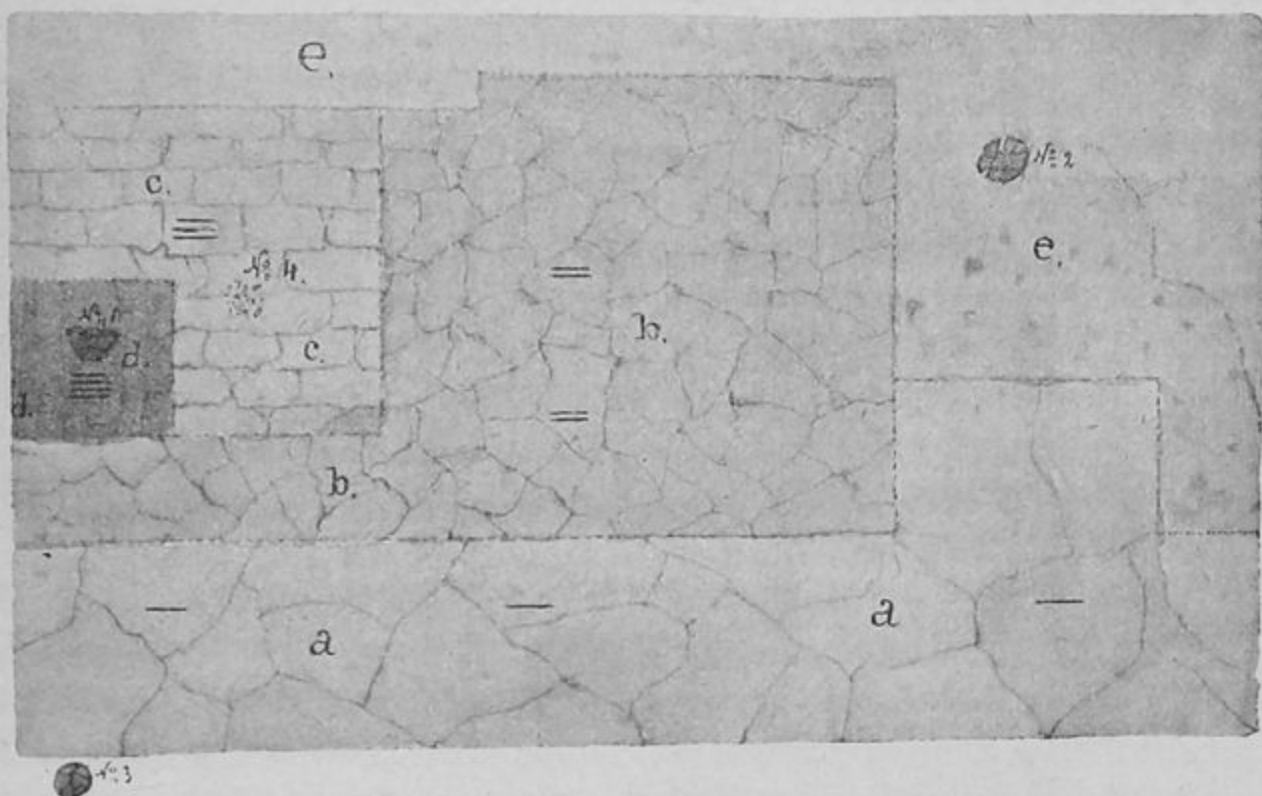

Рис. 2.

въ двухъ мѣстахъ этой площадки, онъ, какъ и другой слой, состоящій изъ трехъ рядовъ этихъ пластовъ обожженной глины, обнаруженный также въ двухъ отдѣльных мѣстахъ и на той же площадкѣ, обозначенной на рисункѣ подъ лит. с, все-таки занимали гораздо меньше мѣста, чѣмъ первый, въ составъ котораго входили два ряда этихъ пластовъ. Обыкновенная толщина пластовъ обожженной глины бывала 10—15 см., при этомъ поверхность ихъ у однихъ съ одной, у другихъ—съ обѣихъ сторонъ сглажена съ частью встрѣчающимися на нихъ отпечатками дерева.

Кромѣ того, какъ здѣсь при этой, такъ и при раскопкѣ предшествовавшихъ площадокъ, а также открытых и подвергнутыхъ изслѣдованію въ другихъ мѣстностяхъ, можно было убѣдиться въ томъ, что цѣлый рядъ пластовъ съ сглаженной поверхностью лежатъ внизъ земли, между тѣмъ, какъ противоположная ихъ сторона, съ несглаженной шероховатой поверхностью, на которой вдобавокъ имѣются отпечатки разнаго дерева, напротивъ, бываетъ поворочена кверху.

На данной площади не найдено предметов, если не считать, что на мѣстѣ, указанномъ на рис. 2, обнаружено было небольшое количество пережженныхъ человѣческихъ костей и подъ №№ 1 и 4 нѣсколько черепковъ разбитыхъ глиняныхъ сосудовъ, а также обозначенная подъ № 3 малая миска. Болѣе значительное число разныхъ предметов открыто было внѣ площадки, на которой расположены были вышеозначенные ряды пластовъ обожженной глины, находящіеся просто въ землѣ. Такъ, напр., рядомъ съ этой площадью въ сѣверовосточной ея сторонѣ на мѣстѣ, обозначенномъ на томъ же рис № 3, обнаруженъ былъ камень, вокругъ котораго лежали черепки разбитыхъ четырехъ сосудовъ №№ 7, 9, 10 и 11. Далѣе на нѣкоторомъ разстояніи къ востоку обнаружены были, № 12,

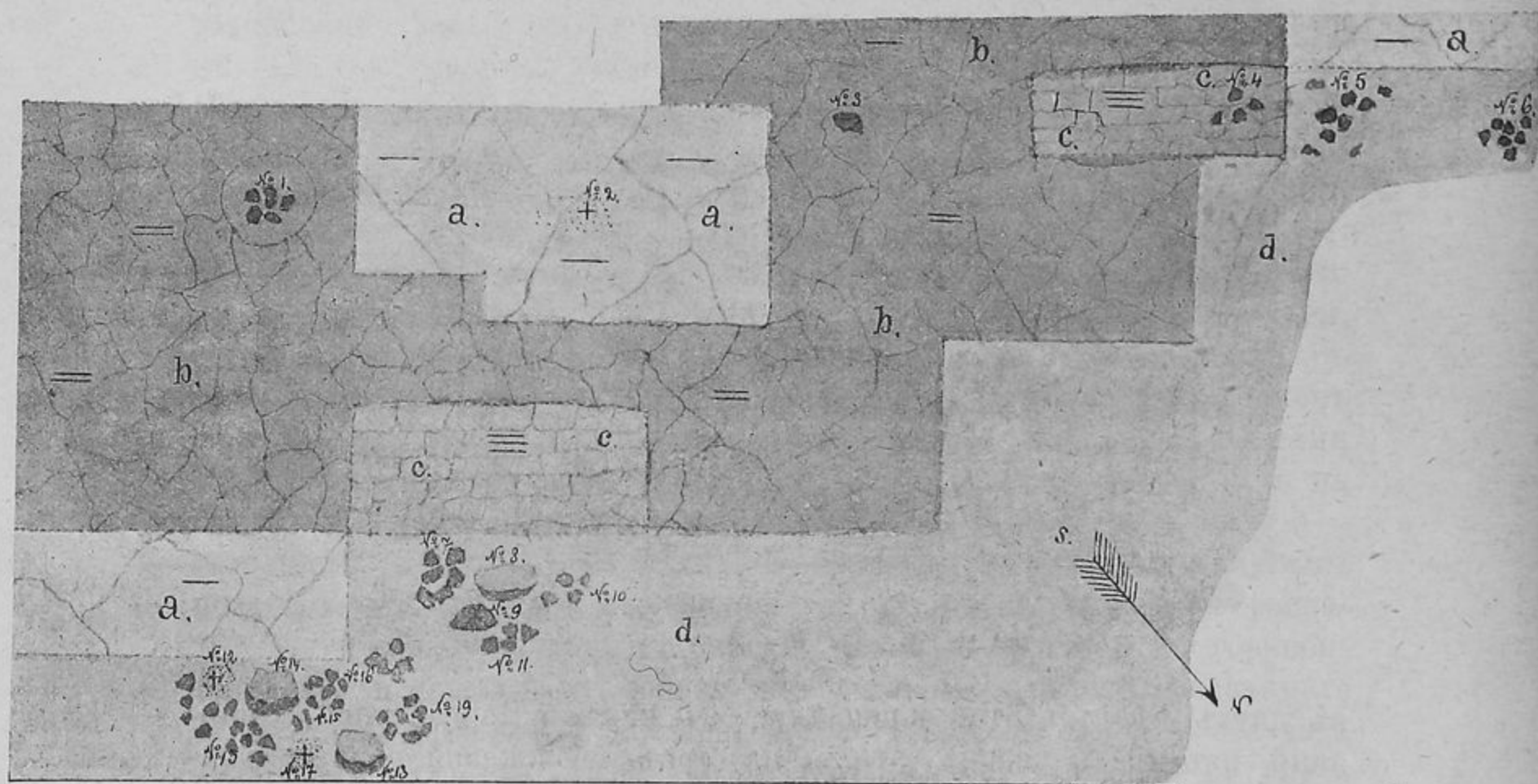

Рис. 3.

пережженные, человѣческія кости, при которыхъ тутъ же лежали, №№ 13 и 16, черепки трехъ глиняныхъ сосудовъ, № 14 камень — зернотерка и № 15 кремневый ножъ и изъ того же матеріала сдѣланное долото. На мѣстѣ, обозначенномъ на рисункѣ подъ № 17, опять была найдена нѣкоторая часть пережженныхъ костей, при которыхъ находился № 18 — камень-зернотерка и № 19 — разбитый глиняный сосудъ.

Кромѣ того, въ другомъ мѣстѣ, при той же площади, въ ея сѣверо-западной сторонѣ, рядомъ съ слоемъ обожженной глины оказались въ землѣ черепки еще двухъ разбитыхъ глиняныхъ сосудовъ, шарообразной формы обработанный камень, 2 костяныя острія и половина просверленного топора — молотка. При этомъ нужно замѣ-

титъ, что, помимо перечисленныхъ предметовъ, почти во всѣхъ раскопанныхъ нами мѣстахъ встрѣчались довольно часто такъ называемыя глиняныя пряслицы и по нѣскольку экземпляровъ двухстворчатыхъ рѣчныхъ ракушекъ, а также одиночные экземпляры — костяныя острія, которые не отмѣчены на рисункахъ.

Впослѣдствіи, послѣ нашего отъѣзда, по моей просьбѣ, бывшій нашимъ сотрудникомъ, П. П. Бордаковъ, на своей землѣ произвелъ раскопку еще двухъ мѣстъ, занятыхъ площадками, при чемъ, по его сообщенію, получены имъ были довольно благопріятные результаты.

Мѣста, подвергнутыя П. П. Бордаковымъ раскопкѣ, расположены были около 200 метровъ отъ мѣстъ нашей первоначальной раскопки и по своему характеру и найденнымъ въ нихъ предметамъ образовали совершенно отдѣльныя площадки.

По представленнымъ мнѣ П. П. Бордаковымъ свѣдѣніямъ, первая изъ раскопанныхъ имъ площадокъ (рис. 4) занимала 22 м. въ длину и 12 м. въ ширину, при чемъ центральная часть площадки расположена была гораздо ближе къ поверхности земли, чѣмъ ея края. На краяхъ предметы находились въ землѣ отъ 1—15 м., между тѣмъ, какъ въ центральной ея части они лежали не глубже, какъ на глубинѣ 30—50 см. отъ поверхности почвы.

Далѣе, какъ это было установлено раскопкой, центральная часть площадки, обозначенная на рисункѣ подъ лит. А., отличалась еще тѣмъ, что расположенный на ней толстый слой обожженной глины состоялъ не изъ обыкновенныхъ пластовъ этой глины, а превратившійся вслѣдствіе сильнаго дѣйствія огня въ безформенные глыбы и комки въ видѣ стекловидной перегорѣвшей массы (шлака), между тѣмъ, какъ вся остальная площадка покрыта была обыкновенными пластами обожженной глины при которыхъ имѣются сглаженными обѣ или одна ихъ стороны.

Что же касается расположенія найденныхъ при раскопкѣ этой площадки предметовъ, то мѣста ихъ находокъ подъ №№ указаны на рисункѣ, изображающемъ въ планѣ означенную площадку, и ихъ я передаю, согласно свѣдѣніямъ, которыя мнѣ передалъ П. П. Бордаковъ въ своемъ дневникѣ, и въ отдѣльныхъ канавахъ, какъ они были имъ произведены при раскопкѣ этого мѣста.

Въ I-й канавѣ, въ указанномъ на рис. 4 мѣстѣ, обнаружено было какое-то изъ мѣстнаго камня сложенное сооруженіе. Далѣе, въ той же канавѣ найдены были подъ № 2 камень, верхняя часть котораго была сглажена, № 3 кость, № 4 камень-зернотерка и при немъ № 5, раздавленная на части глиняная миска, № 6 кость барана, № 7 то же, № 8 камень-зернотерка и при немъ № 9 глиняное конической формы грузило, а возлѣ него нѣсколько черепковъ разбитаго сосуда.

Во II-й канавѣ найдены были: № 10 небольшой камень, по-видимому, служащій для растиранія зерна, № 11 черепки глинянаго сосуда, № 12 разбитый глиняный сосудъ, на нѣкоторомъ раз-

стояніи отъ него 5 глиняныхъ статуэтокъ и № 14 конусообразной формы глиняное грузило и нѣсколько черепковъ.

Въ III-й канавѣ сначала оказались черепки разбитого сосуда, большой камень-зернотерка, въ продольномъ направленіи канавы въ вытянутомъ видѣ лежащіе, землей раздавленные, разной формы и величины, глиняные сосуды, такіе же два сосуда оказались еще въ концѣ канавы и камень-зернотерка.

Въ IV-й канавѣ, помимо разрозненныхъ черепковъ, брошенныхъ въ разныхъ мѣстахъ, обнаружены были кости быка, раздавленные землей два глиняные сосуды, черепки разбитого сосуда и въ концѣ канавы три болѣе крупныхъ размѣровъ раздавленные сосуды, вѣроятно, образовавшіе отдѣльную группу съ раньше указанными уже сосудами, открытыми въ предшествующей III-й канавѣ.

Въ V-й канавѣ открыты были: четыре конусообразной формы глиняныя грузила, кремневые ножи, изъ глины сдѣланное изображеніе барана, часть глиняной фигурки съ изображеніемъ головы быка, верхній и нижніе камни-зернотерки, глиняныя грузила и черепки разбитого сосуда.

Въ VI-й канавѣ были отысканы: черепки изъ разбитого сосуда, кость животного, глиняные черепки и глиняная фигурка, изображающая барана съ отбитой при ней головой.

Въ VII-й канавѣ обнаружены были: раздавленный землей глиняный большой сосудъ, кость кабана, разброшенные глиняные черепки, раздавленный глиняный сосудъ, принадлежащій, вѣроятно, къ числу сосудовъ, положенныхъ одновременно въ этомъ мѣстѣ, указанныхъ на рисункѣ. Далѣе въ этой же самой канавѣ были еще найдены: въ разрозненномъ видѣ глиняные черепки, глиняное грузило, кость лошади, раздавленный глиняный сосудъ, камень-зернотерка, части глинянаго сосуда, раздавленный глиняный сосудъ, глиняная фигурка, изображающая овцу, и раздавленный глиняный сосудъ и пережженные человѣческія кости.

Въ VIII-й канавѣ, кромѣ частей или черепковъ глиняныхъ сосудовъ, обнаруженными въ разныхъ ея мѣстахъ, а также двухъ костей быка, другихъ предметовъ въ ней не оказалось.

Въ IX-й канавѣ найдены были: кость лошади, кость свиньи и два камня.

Въ X-й канавѣ, въ обозначенномъ на рисункѣ мѣстѣ оказалась кость барана, на близкомъ разстояніи другъ отъ друга лежащіе камни и глиняная миска.

Въ XI-й канавѣ, въ обозначенномъ на рисункѣ мѣстѣ обнаружены были крупныхъ размѣровъ раздавленный землей глиняный сосудъ, съ поджаренными зернами пшеницы, и множество черепковъ изъ другихъ такихъ же сосудовъ; далѣе тамъ же найдены были: камень-зернотерка, глиняная статуэтка, кремневое долото, глиняная миска, кость и челюсть кабана, раздавленные землей глиняные сосуды и черепки отъ нихъ.

Въ XII-й канавѣ оказались: кость быка, кость барана, гли-

няная миска, часть глиняной фигурки барана, камень-зернотерка и черепки разбитого сосуда.

Въ XIII-й канавѣ, кромѣ брошенныхъ въ ней въ разныхъ мѣстахъ глиняныхъ черепковъ изъ разныхъ разбитыхъ сосудовъ, другихъ предметовъ не было найдено.

Въ XIV-й канавѣ были отысканы: во многихъ мѣстахъ попадающіеся черепки разбитыхъ, глиняныхъ сосудовъ, двѣ кости животныхъ и камень-зернотерка.

И, наконецъ, въ XV-й канавѣ обнаружены были: отдѣльно лежащіе черепки глинянаго сосуда, двѣ кости быка и свиньи, части черепки разбитыхъ глиняныхъ сосудовъ, кости быка, камень-зернотерка и черепки глиняныхъ сосудовъ.

Вторая площадка, подвергнутая П. П. Бордаковымъ раскопкѣ, представляла мѣсто, занимающее 19 м. въ длину и 12 м. въ ширину. Начиная почти отъ самой поверхности земли, покрыто было, мѣстами гуще, мѣстами рѣже, слоемъ разной величины пластовъ или просто безформенными комками обожженной глины. Мѣсто это, вслѣдствіе разныхъ причинъ, еще до его раскопки подвергалось значительному разрушенію; поэтому, кромѣ черепковъ и разбитыхъ глиняныхъ сосудовъ, находимыхъ какъ на поверхности, такъ и въ срединѣ или же внизу слоя пластовъ, или комковъ обожженной глины, никакихъ другихъ предметовъ въ означенной площадкѣ не было обнаружено. Всѣ при этой раскопкѣ добытые черепки настолько стерты и обмыты водою, что только на нѣкоторыхъ изъ нихъ сохранились слѣды бывшей на нихъ росписи, по которой было видно, что они относятся, по своему характеру, къ разряду тѣхъ сосудовъ, которые были обнаружены въ предшествующей площадкѣ, раскопанной П. П. Бордаковымъ или раньше мною, при участіи К. В. Хилинскаго, на поляхъ, принадлежащихъ мѣстнымъ крутобородинскимъ крестьянамъ, а не къ числу тѣхъ сосудовъ, украшенныхъ пестрой росписью, которые въ началѣ нашей раскопки открыты нами были на землѣ г. Бордакова.

II.

Раскопка площадокъ у с. Веремье.

Раскопка площадокъ также мною была произведена по порученію Московскаго Императорскаго Археологическаго Общества, какъ и раскопка при с. Крутобородинцахъ, Подольской губ.

Площадки расположены на одной изъ возвышенностей, примыкающей къ глубокому оврагу, тянущемуся отъ с. Черняхово по направленію къ с. Веремье, и раскопка ихъ произведена была мною при постоянномъ присутствіи и соудруничествѣ К. В. Хилинскаго.

Несмотря на обширное пространство мѣста, которое, по ввиду-
мому, на этой возвышенности занимають расположенныя здѣсь пло-

щадки въ виду наступившаго времени озимыхъ посѣвовъ, наши изысканія имѣли въ своемъ распоряженіи очень мало свободныхъ мѣстъ, на которыхъ дозволено было намъ произвести еще раскопку. Эти обстоятельства, а также и то, что нѣкоторыя мѣста уже раньше были раскопаны мѣстными кладоискателями, повели къ тому, что раскопка оказалась для насъ въ этомъ мѣстѣ неудачной. Что касается слоя пластовъ обожженной глины, то этотъ былъ только въ нѣкоторой его части нарушенъ, но зато тѣ мѣста, гдѣ обнаружены были камни зернотерки и находящіеся при нихъ глиняные сосуды, какъ въ этомъ пришлось намъ убѣдиться, всегда были подвергнуты полному ихъ разрушенію.

Обстоятельство это можно себѣ легко объяснить тѣмъ, что у кладоискателей всегда имѣются въ запасѣ желѣзные щупы, при

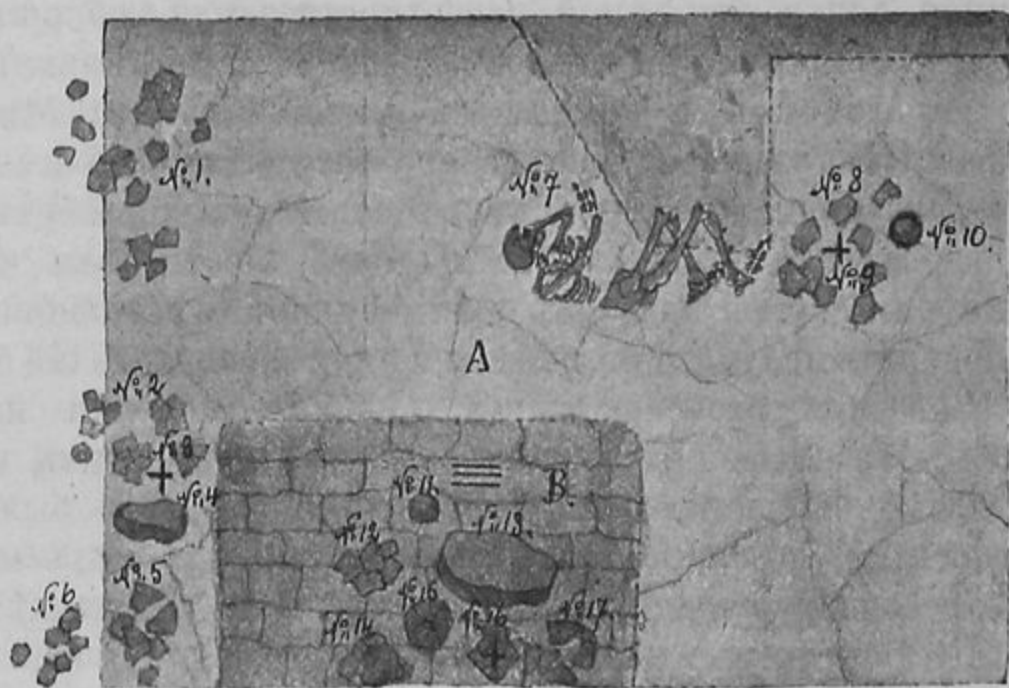

Рис. 4.

посредствѣ которыхъ, при нѣкоторомъ навыкѣ, легко можно узнать при постукиваніи имъ на найденный въ землѣ предметъ, что онъ собою представляетъ и къ какому можно его отнести разряду вещей. И такъ какъ подобнаго рода раскопки кладоискатели обыкновенно производятъ ночью, то неудивительно, что, отыскавъ щупомъ мѣсто, гдѣ находятся глиняные сосуды, разрываютъ его и, убѣдившись въ томъ, что въ обнаруженныхъ ими сосудахъ, кромѣ земли или золы и пережженныхъ человѣческихъ костей, ничего нѣтъ, нѣтъ денегъ, которыхъ они предполагали въ нихъ найти, тутъ же на мѣстѣ разбиваютъ ихъ своими лопатами.

Изъ раскопанныхъ нами на указанной возвышенности площадокъ оказалась изъ нихъ площадка, изображенная на рис. 4.

Занимая мѣсто на протяженіи 7 м. въ длину и 5 м. въ ширину, она на глубинѣ 75 см. покрыта была сплошнымъ слоемъ въ одинъ рядъ лежащихъ пластовъ обожженной глины, сверхъ которыхъ въ юго-западной площадкѣ расположены были еще вторые два ряда

другъ надъ другомъ такихъ пластовъ обожженной глины, и какъ въ первомъ, ниже ихъ лежащемъ слоѣ, пространствомъ всего 3 м. въ длину и 2 м. въ ширину (рис. 4 лит. В.).

При раскопкѣ означенной площадки оказались три отдѣльныхъ погребенія съ сожженіемъ и одно погребеніе безъ сожженія; костякъ лежалъ въ землѣ на лѣвомъ боку, головой къ сѣверу, съ сильно подъ себя поджатыми ногами, имѣлъ лѣвую руку подложенною подъ головой. При этомъ два погребенія съ сожженіемъ и одно безъ сожженія лежали на самомъ полу площадки, а четвертое погребеніе, съ сожженіемъ, находилось на поверхности площадки на мѣстѣ, состоящемъ изъ трехъ рядовъ пластовъ и комковъ обожженной глины. Изъ пластовъ обожженной глины самой большой толщиной отличались пласты, составляющіе нижній рядъ, толщина которыхъ мѣстами доходила до 14—15 см. Поверхность этихъ пластовъ, повороченная внизъ земли, была шероховатая, верхняя же сглаженная и со слѣдами проведенныхъ по ней пальцевъ. Толщина верхнихъ двухъ рядовъ не была больше 8—10 см.; они были съ обѣихъ сторонъ сравнительно довольно сглажены; на нѣкоторыхъ видны были отпечатки соприкасающагося къ нимъ стесаннаго дерева.

Найденные въ указанной площадкѣ разные предметы расположены были отдѣльными группами и въ слѣдующемъ порядкѣ: на днѣ площадки въ сѣверо-западномъ ея углу, № 1, лежали черепки двухъ разбитыхъ глиняныхъ сосудовъ; въ западной сторонѣ, въ видѣ отдѣльной группы, обнаружены были №№ 2, 3, 5 и 6 части и черепки трехъ разбитыхъ глиняныхъ сосудовъ съ разсыпанными при нихъ пережженными человѣческими костями и положеннымъ камнемъ-зернотеркой.

Такой же отдѣльной группой и на той же глубинѣ въ сѣверной части площадки отрыты были: № 7 человѣческій костякъ, лежащій на лѣвомъ боку, № 8 разбитый глиняный сосудъ съ заключающимися въ немъ, № 9, пережженными человѣческими костями и № 10 каменный шарикъ.

Въ группѣ предметовъ, открытой на поверхности слоя, состоящаго изъ трехъ рядовъ пластовъ обожженной глины, найдены были: № 11 каменный шарикъ, №№ 12, 14, 15 и 17 разбитыя глиняныя миски, № 13 большой величины стесанный и съ одной стороны, на поверхности, сглаженный камень и стоящій тутъ же, № 16, небольшой глиняный сосудъ, наполненный пережженными человѣческими костями.

Во второй раскопанной нами площадкѣ, имѣющей 8 м. въ длину и 7 м. въ ширину, указанной на рис. 5, расположеніе рядовъ слоя обожженной глины для лучшей наглядности изображено на томъ же рисункѣ, какъ въ планѣ, такъ и въ разрѣзѣ подъ лит. А. В. С.

Изъ предметовъ, обнаруженныхъ на этой площадкѣ, оказались только четыре небольшой величины глиняныя миски, раздавленные землею, изъ которыхъ три, №№ 1, 2 и 3, отрыты были на самомъ

нижнемъ слоѣ и одна, № 4, на поверхности слоя, состоящаго изъ двухъ рядовъ обожженной глины.

Далѣе, въ третьей раскопанной нами тамъ же площадкѣ, занимающей собою сравнительно весьма небольшое мѣсто, имѣющее всего $4\frac{1}{2}$ м. въ длину и 3,5 м. въ ширину, нами обнаружено было полное отсутствіе въ ней слоя или же отдѣльныхъ пластовъ обожженной глины. Открытые въ этой площадкѣ разные предметы сгруппированы были въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ мѣстахъ. Такъ напр., какъ указано на изображающемъ ее рис. 6. въ мѣстѣ, обозначенномъ подъ № 1, на глубинѣ 40 см. отъ поверхности земли, отрыть

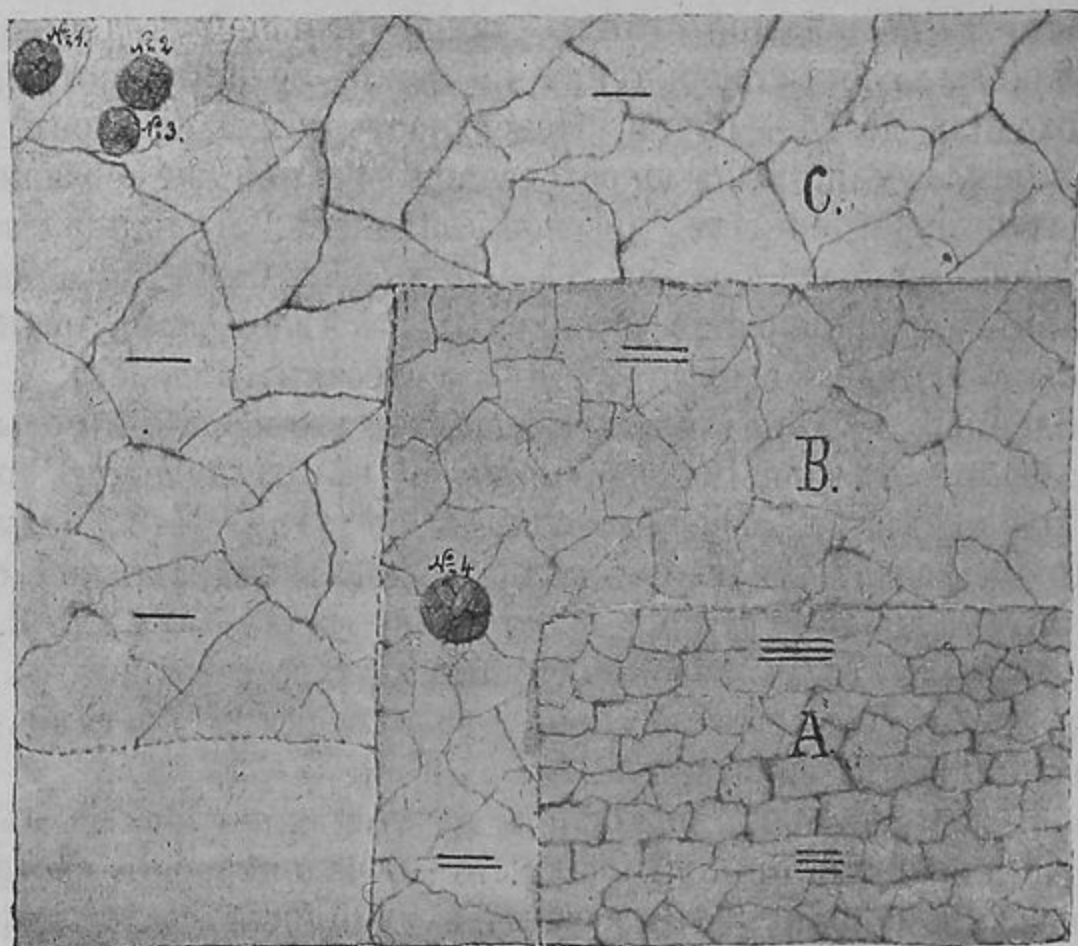

Рис. 5.

былъ плоскообразной формы глиняный сосудъ, черепки изъ второго глинянаго сосуда и каменный шарикъ.

Во второмъ мѣстѣ, обозначенномъ на томъ же рисункѣ подъ № 2, найденъ былъ камень и рядомъ съ нимъ тутъ же на части раздавленная землею глиняная миска и черепки другого глинянаго сосуда. На мѣстѣ, обозначенномъ на рисункѣ № 3, лежали высыпанныя въ землѣ, тоже на глубинѣ 40 см., пережженные человѣческія кости. Нѣсколько далѣе, въ сѣверо-восточномъ углу площадки, на мѣстѣ подъ № 4, оказались: небольшой глиняный сосудъ, нижній камень-зернотерка, съ лежащемъ на немъ меньшимъ камнемъ, употребляемымъ для растиранія зерна, и глиняные черепки разбитаго сосуда.

Въ противоположномъ юго-восточномъ углу площадки № 5 обнаруженъ былъ нижній камень-зернотерка съ лежащими вокругъ

него черепками разбитой глиняной миски. Кроме того, въ юго-западной части площадки № 6 подобраны были еще по нѣскольку то вмѣстѣ, то отдѣльно, лежащіе черепки 2—3 разбитыхъ сосудовъ.

Наконецъ, изслѣдованная нами на той же возвышенности, четвертая по числу еще площадка, указанная на рис. 7, по своимъ размѣрамъ занимала почти такое небольшое мѣсто, какъ и предшествующая ей. Такъ, при раскопкѣ означенной площадки оказалось, она почти наполовину покрыта была сплошнымъ слоемъ обожженной глины.

Главная его часть, обозначенная на томъ же рисункѣ подъ лит. а, состояла изъ одного, а другая — меньшая, указанная подъ лит. б и в, находящаяся въ сѣверо-восточной сторонѣ, отчасти изъ двухъ и отчасти изъ трехъ рядовъ пластовъ или комковъ обожженной глины, расположенныхъ другъ

надъ другомъ. Вторая же половина этой площадки не вся была покрыта указаннымъ слоемъ обожженной глины, а только нѣкоторая ея часть восточной стороны, рис. 7, лит. с, за которой, въ видѣ отдѣльнаго мѣста, этотъ слой расположенъ былъ двумя, другъ надъ другомъ находящимися, пластами обожженной глины. Что касается предметовъ, обнаруженныхъ во время раскопки площадки, то составъ ихъ былъ слѣдующій: въ

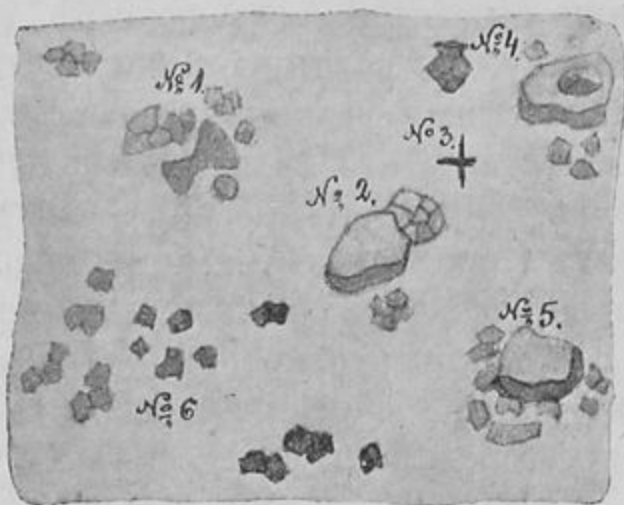

Рис. 6.

мѣстѣ, обозначенномъ на рисункѣ подъ лит. в, №№ 1 и 2, на поверхности верхняго ряда пластовъ обожженной глины, помимо небольшого количества пережженныхъ человѣческихъ костей, лежали еще черепки двухъ разбитыхъ глиняныхъ сосудовъ. Далѣе, къ южной сторонѣ площадки, отступя на нѣкоторое разстояніе, за предѣлы, въ которыхъ расположенъ былъ сплошной слой, состоящій изъ двухъ рядовъ пластовъ обожженной глины, на глубинѣ 70 см. отъ поверхности земли отрытъ былъ № 3 камень и тутъ же при немъ на части раздавленная землею глиняная миска. Затѣмъ на поверхности слоя, состоящаго только изъ одного ряда пластовъ обожженной глины, найдены были: № 5 каменный шарикъ, № 6 небольшой, глиняный сосудъ, № 7 каменный шарикъ, № 8 нижній камень-зернотерка и № 9 черепки разбитаго глинянаго сосуда.

Въ мѣстѣ, указанномъ на рисункѣ подъ лит. с, — черепки большого разбитаго сосуда, поверхность котораго украшена была весьма несложнымъ орнаментомъ, произведеннымъ на свѣтло коричневомъ фонѣ краской чернаго цвѣта. Кроме того, внѣ площадки, но тутъ же рядомъ съ границей ея южной стѣнки и на цѣломъ ея протяженіи обнаружены также №№ 11, 12 и 13, глиняные черепки трехъ, землей раздавленныхъ, сосудовъ и распавшійся топорикъ, изготов-

ленный изъ рога оленя. Къ сожалѣнію, дальнѣйшая часть этого мѣста осталась нами не изслѣдованной, такъ какъ она принадлежала другому владѣльцу и какъ разъ производился на ней посѣвъ озимаго хлѣба.

При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что почти во всякой раскопанной нами площадкѣ было обнаружено по нѣскольку, 3—5, экземпляровъ двухстворчатыхъ рѣчныхъ ракушекъ, нѣсколько костей, большею частью домашнихъ животныхъ и по 1—2 экземпляровъ костяныхъ острій или же кремневыхъ скребковъ и ножей, а также такое же число глиняныхъ пряслицъ.

Такимъ образомъ, закончивъ описаніе произведенныхъ нами раскопокъ этихъ весьма древнихъ памятниковъ, я, прежде чѣмъ приступить къ короткому изложенію моихъ личныхъ соображеній, касающихся своеобразной культуры, къ которой означенные памятники относятся, позволю себѣ раньше еще указать на нѣкоторую разницу, замѣченную нами въ составѣ добытаго матеріала.

Главная разница въ составѣ матеріала, если его распредѣлить по мѣстамъ его находокъ, больше всего окажется при сравненіи другъ съ другомъ керамическихъ издѣлій и не только въ мѣстностяхъ описанныхъ нами раскопокъ, но и во всѣхъ другихъ, въ которыхъ обнаружены были упомянутые памятники.

Въ этомъ отношеніи значительный интересъ представляетъ собою раньше описанная раскопка площадокъ, произведенная нами въ Крутобородинцахъ, на землѣ П. П. Бордакова.

При ней удалось установить, что въ этой группѣ подвергнутыхъ раскопкѣ площадокъ обнаруженные въ ней керамическія издѣлія представляютъ собою новый видъ своеобразной росписи, который до того времени не былъ извѣстенъ у насъ въ Россіи.

Глиняные сосуды, украшенные этой росписью, по своему наружному виду отличаются обыкновенно значительной пестротой. Причиной этому то обстоятельство, что на фонѣ сосудовъ, поверхность которыхъ всегда бываетъ сплошь покрыта желтоватымъ, красноватымъ или же свѣтло-коричневымъ цвѣтомъ краски, украшающій ихъ орнаментъ произведенъ чернымъ, бѣлымъ, темно-фіолетовымъ или же темно-краснымъ цвѣтомъ краски, причемъ всегда въ опредѣленныхъ сочетаніяхъ.

Орнаментъ по большей части состоитъ изъ двойныхъ спиралей и разныхъ завитковъ, которые, будучи часто произведены изъ нѣсколькихъ параллельно другъ отъ друга расположенныхъ линій, сбѣгаются въ клубокъ или смѣняются большимъ цвѣтнымъ пятномъ, опредѣленной красивой формы.

Гораздо рѣже сосуды бываютъ украшены кругами или линейнымъ орнаментомъ въ видѣ разныхъ полосъ или разнымъ способомъ пересѣкающихся линій.

Но какого рода ни былъ бы украшающій эти сосуды орнаментъ, онъ всегда бываетъ такъ расположенъ, что имъ бываетъ покрыта вся ихъ наружная, а иногда и внутренняя поверхность.

Въ этомъ отношеніи совершенно другимъ характеромъ отличаются сосуды или ихъ фрагменты, добытые нами въ другой группѣ площадокъ, расположенныхъ вблизи того же села, на поляхъ тамошнихъ крестьянъ или которые тамъ же на своей землѣ открылъ г. Бордаковъ. Преобладающимъ типомъ по своей формѣ во всѣхъ трехъ группахъ упомянутыхъ площадокъ являются бочонкообразной формы глиняные сосуды, боковые стороны которыхъ, выступая сильно наружу, суживаются, какъ по направленію ихъ верхней части, гдѣ имѣется ихъ отверстіе, такъ и книзу къ донышку, на которомъ стоятъ. Далѣе, хотя поверхность означенныхъ сосудовъ всегда бываетъ вся покрыта красноватымъ или же свѣтло-коричневаго цвѣта краской, но равномернымъ, густымъ слоемъ этихъ красокъ бываетъ обыкновенно только верхняя ихъ половина покрыта, нижняя же часть этихъ сосудовъ, напротивъ, бываетъ окрашена бѣгло съ свѣтлыми и мѣстами оставленными пятнами или же крѣпко затекшей краски. При этомъ украшающій эти сосуды произведенный на нихъ орнаментъ, отсутствуя на нижней, всегда только бываетъ сосредоточенъ на ихъ верхней половинѣ, раздѣленной на нѣсколько полей-поясовъ и, несмотря на ихъ разнообразіе, а также, что каждый изъ нихъ расположенъ отдѣльно въ одномъ изъ этихъ полей, они все-таки находятся между собой въ замѣчательной гармоніи.

Рис. № 7.

Однако, какой ни будетъ этотъ узоръ, богатъ или бѣденъ, онъ всегда на сосудахъ даннаго типа будетъ произведенъ темно-коричневаго или же чернаго цвѣта краской, часто имѣющей фіолетовый отгѣнокъ.

Затѣмъ, не взирая на то, что всѣ добытые въ Крутобородинахъ сосуды или ихъ части исключительно покрыты были геометрическимъ орнаментомъ, на одномъ изъ нихъ, фрагменты котораго удалось намъ съ большимъ любителемъ археологіи, докторомъ Е. Г. Черняховскимъ, составить и склеить такъ, что получился почти цѣлый сосудъ, на немъ оказались довольно хорошо изображенными: олень, коза и козель, а также еще какое-то животное, въ родѣ волка или собаки (табл. VIII).

Не касаясь еще многихъ другихъ подробностей, составляющихъ значительную разницу между вышеописанными двумя видами расписныхъ сосудовъ, я укажу только еще на третій обнаруженный съ ними вмѣстѣ видъ сосудовъ, фрагменты которыхъ нами были открыты при тѣхъ же раскопкахъ и въ тѣхъ же площадкахъ, въ ко-

торыхъ были сдѣланы находки и прежнихъ двухъ видовъ глиняныхъ сосудовъ.

Послѣдній видъ этихъ сосудовъ отличается отъ предшествующихъ двухъ видовъ тѣмъ, что, несмотря на то, что фрагменты означенныхъ сосудовъ, принадлежащія къ его виду, во время производства въ Крутобородинцахъ нашихъ раскопокъ находимы были на ряду какъ съ однимъ, такъ и съ другимъ изъ этихъ видовъ, на нихъ сразу можно замѣтить полное отсутствіе росписи, составляющей для первыхъ двухъ видовъ самую важнѣйшую для нихъ характеристику. Помимо этого, сосуды этого типа изготовлены изъ гораздо лучшаго матеріала, чѣмъ сосуды другихъ двухъ видовъ.

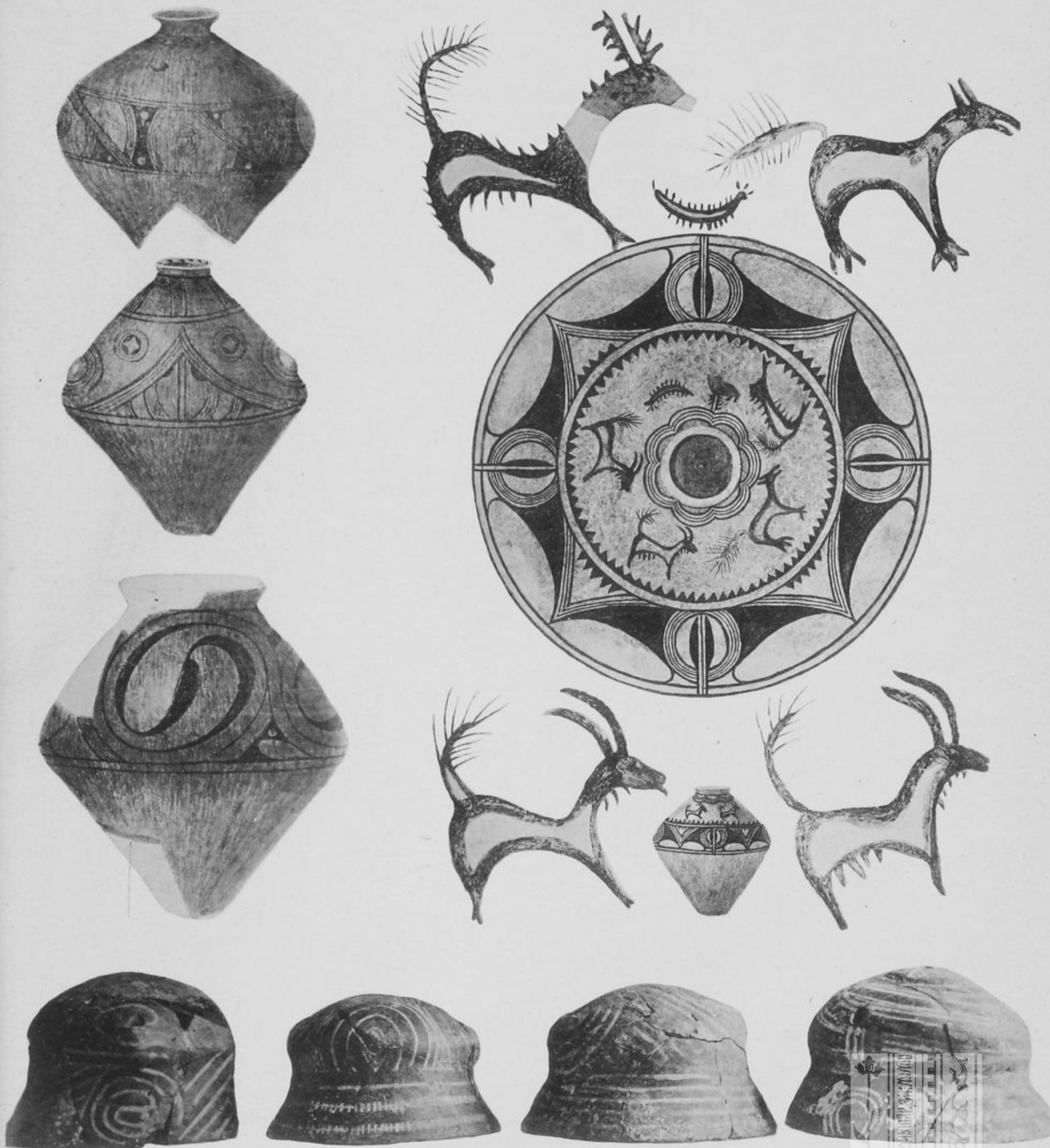
Весьма несложный орнаментъ, которымъ они украшены, состоитъ изъ прямыхъ или волнообразныхъ, тисненыхъ линій и, главнымъ образомъ, изъ разнаго вида выпуклостей и находящихся на нихъ ушекъ, не поднимающихся выше вѣнчика указанныхъ сосудовъ.

Кромѣ того, они въ изслѣдованныхъ нами площадкахъ, которыя пришлось намъ обнаружить въ Крутобородинцахъ, съ открытыми въ нихъ сосудами, сравнительно весьма немногочисленны и находятся тамъ въ подавляющемъ меньшинствѣ.

Въ этомъ отношеніи, что касается керамики, совершенно другое представляютъ площадки, о которыхъ раньше было сказано, и подвергнутыя нами раскопкѣ, расположенныя на поляхъ крестьянъ с. Веремье, Кіевского уѣзда.

Глиняные сосуды или ихъ фрагменты, добытые въ этихъ площадкахъ, не смотря на ихъ довольно значительное количество, которое обнаружено нами было при произведенной въ означенномъ мѣстѣ раскопкѣ, прежде всего, за исключеніемъ черепковъ одного изъ нихъ, украшенныхъ росписнымъ орнаментомъ, всѣ остальные сосуды оказались безъ всякой росписи. Помимо этого, составъ глины, изъ которой они были вылѣплены, отличался гораздо худшимъ качествомъ не только сосудовъ, которые были украшены росписью, но и тѣхъ, на которыхъ она вполнѣ отсутствовала, найденныхъ нами въ площадкахъ въ Крутобородинцахъ. Затѣмъ, не взирая на то, что многіе изъ означенныхъ сосудовъ имѣютъ поверхность, покрытую сплошнымъ слоемъ коричневаго цвѣта краской, находящейся на нихъ орнаментъ очень несложенъ и при этомъ весьма еще примитивнаго характера. Онъ состоитъ почти исключительно изъ очень однообразно расположенныхъ, прямыхъ линій, врѣзанныхъ обыкновенно острымъ орудіемъ или просто втиснутыхъ въ глину, пока она находилась еще въ сыроватомъ видѣ. При этомъ орнаментъ этотъ всегда бываетъ сосредоточенъ сейчасъ вокругъ вѣнчика, или-же такъ расположенъ полосой, что исключительно только покрываетъ верхнюю половину сосуда.

Такому же примитивному состоянію и малому разнообразію, какими отличается орнаментъ, имѣющійся на этихъ сосудахъ, вполнѣ отвѣчаетъ бѣдность ихъ формы, ограничивающаяся при нихъ вѣ-

Орнаментъ и рисунки на сосудахъ с. Крутобородинцъ.

сколькими только ихъ видами, причемъ въ числѣ ихъ, главнымъ образомъ, встрѣчаются глиняные сосуды, съ сильно по срединѣ выдающейся наружи брюшиной, и глиняныя миски.

Чтобы ближе и обстоятельнѣе познакомиться съ памятниками, такъ называемыми землянками и площадками, и чтобы выяснитъ себѣ ту культуру, къ которой они относятся, то помимо тѣхъ раскопокъ, о которыхъ было сказано, слѣдуетъ принять во вниманіе раскопки, произведенныя и въ другихъ мѣстахъ. Тогда только явится цѣлостная и полная картина, какая возможна при современныхъ данныхъ.

Эти данныя приводятъ насъ къ убѣжденію, что оба вида памятниковъ, какъ землянки, такъ и площадки, относятся къ глубокой древности, къ такъ называемой неолитической эпохѣ каменнаго вѣка, а отчасти къ переходной эпохѣ — къ каменно-мѣдному вѣку.

Землянки, какъ видно изъ изученія ихъ, представляютъ собою остатки древнихъ жилищъ, другой же видъ ихъ — площадки, обозначалъ мѣста какихъ-то остатковъ глинобитныхъ сооружений, на которыхъ совершался не только обрядъ погребенія, но и другіе религіознаго характера обряды.

Эти памятники своимъ распространеніемъ захватываютъ весьма обширную территорію не только у насъ въ Россіи, но и значительное пространство другихъ странъ, расположенныхъ, какъ въ центральной, такъ и южной части Европы. Доказательствомъ тому, что большинство памятниковъ, относящихся къ трипольской культурѣ, принадлежитъ къ неолитической эпохѣ, служитъ то, что до извѣстной степени развитія этой культуры, въ памятникахъ, не смотря на ихъ многочисленное количество, которое изъ нихъ было подвергнуто раскопкѣ, никогда и нигдѣ не было обнаружено присутствія какого бы то ни было металла.

Не говоря уже о древнихъ землянкахъ, въ Остерскомъ уѣздѣ, Черниговской губ., землянкахъ, обнаруженныхъ какъ на нѣкоторыхъ кіевскихъ возвышенностяхъ, такъ и у с. Безрадици, Сртѣтовки, Халепье, Стайки, Гребени, м. Триполье, Чученки, Кіевского у., а также у с. Грищанцы, Пивцы, Трахтомирова, Тростянцы и Конунча, Каневского у., или вблизи Княж. горы, с. Хмѣльной и с. Пекари, въ Черкасскомъ у., во многихъ мѣстахъ Чигиринскаго и Звенигородскаго у., расположенныхъ въ этихъ мѣстахъ отдѣльными группами или же современныхъ съ ними площадкахъ, съ заключавшимся въ нихъ еще довольно примитивнымъ инвентаремъ, но и такія площадки какъ въ Петрепахъ, Бессарабской губ., изслѣдованныя проф. фонъ-Штернъ, или нами въ Крутобородинцахъ, Подольской губ., съ болѣе высокой, развитой культурой, въ составѣ предметовъ которой уже изобиловали керамическія издѣлія, съ художественно исполненной на нихъ росписью, — самое тщательное изслѣдованіе всѣхъ этихъ раскопокъ показало, что въ нихъ нѣтъ и слѣда металла, и мы имѣемъ всѣ доказательства принадлежности этихъ памятниковъ къ неолиту.

Что же касается памятниковъ, въ которыхъ обнаружены были первоначальные слѣды металла въ видѣ плоскихъ, съ нѣскольکو выпуклой поверхностью мѣдныхъ топориковъ, то они весьма рѣдки и до сихъ поръ остаются одинокими. Народъ, создавшій эти памятники, стоялъ на высокой степени своего развитія, о чемъ свидѣтельствуютъ оставшіеся предметы.

Изъ числа ихъ, по своей красотѣ, иногда даже причудливости формы и богатству украшающаго ихъ орнамента, больше всего обращаютъ на себя наше вниманіе керамическія издѣлія, а отчасти также нѣкоторые предметы, изготовленные изъ кремня или другой породы камня..

Самыми характерными видами въ этой группѣ керамическихъ издѣлій являются груше-и шарообразной формы сосуды, не встрѣчающіеся въ другихъ, болѣе древнихъ, группахъ, а также, какъ преобладающіе между ними, колоколо-плоско-и биноклеобразной формы сосуды.

Орнаментъ на этихъ сосудахъ обыкновенно бываетъ произведенъ линіями, нѣсколько въ рядъ, параллельно расположенными, глубоко, въ видѣ бороздокъ, втиснутыми въ сыроватую еще глину. Впослѣдствіи сосудъ подвергается наружной, иногда и внутренней окраскѣ и линіи заполняются бѣлой массой. Гораздо рѣже сосуды эти украшаются пестрой росписью. Въ этомъ случаѣ они изготовлены изъ бѣлой глины; ихъ поверхность, вмѣсто коричневаго цвѣта, бываетъ окрашена бѣлой краской. Орнаментъ производился краской, свѣтло или темно краснаго цвѣта, обводился контуромъ, исполненнымъ черной краской, и то только всегда на бѣломъ фонѣ.

Въ первомъ случаѣ, т.-е. если орнаментъ бываетъ исполненъ втиснутыми бороздкообразными линіями, заполненными бѣлой массой, онъ преимущественно состоитъ изъ спиралей или концентрическихъ круговъ. Во второмъ случаѣ, т.-е. если орнаментъ произведенъ пестрой росписью, онъ состоитъ изъ пересѣкающихся круговъ, образующихъ изъ себя звѣзды, или волнистообразныхъ широкихъ линій, съ имѣющимися при нихъ въ видѣ листьевъ разными завитками, а также глазообразныхъ или круглыхъ, заполненныхъ краской, крупныхъ пятенъ. Послѣдній своеобразный типъ сосудовъ весьма характеренъ для Средняго-Приднѣпровья, особенно же для нѣсколькихъ группъ-площадокъ, обнаруженныхъ какъ въ м. Трипольи, Кіевской губ., такъ и въ его окрестностяхъ.

Что же касается другихъ предметовъ, находимыхъ въ тѣхъ же площадкахъ, со встрѣчающимися въ нихъ слѣдами металла, то изъ нихъ особенно выдѣляются кремневые топорики и долота; поверхность ихъ, какъ у топоровъ-молотковъ, такъ и булавъ, бываетъ уже тщательно обработана и отполирована, и имѣются въ нихъ просверленные отверстія.

Такимъ образомъ, имѣя на лицо разный матеріалъ, добытый въ той или другой группѣ памятниковъ, смотря по ихъ характернымъ чертамъ, мы можемъ опредѣлить ихъ древность. Мало того, — мы, срав-

нивая составъ его предметовъ, легко можемъ также увидѣть, какое постепенное улучшение и усовершенствованіе происходило въ ихъ производствѣ.

Не касаясь другихъ странъ, гдѣ сопровождающая эти памятники культура имѣла свое распространеніе, и, имѣя въ виду только южную территорію у насъ, въ Россіи, на которой она въ такомъ большомъ количествѣ въ разныхъ мѣстахъ была обнаружена, въ настоящее время, на основаніи собраннаго и касающагося къ ней матеріала, можно положительно утверждать, какъ на это было уже указано, что существованіе означенной культуры въ этомъ краю занимало весьма длинный періодъ какъ неолитической эпохи — каменнаго вѣка, такъ и отчасти переходной, въ которой появляются уже первые слѣды металла. Значительная разница въ характерѣ тѣхъ или другихъ предметовъ, которая встрѣчается при ихъ сравненіи съ предметами другой мѣстности, повидимому, показываетъ не только разную степень развитія производства, но и нѣкоторыя также особенности, которыя отсутствуютъ за предѣлами данной области.

Прежде всего можно замѣтить, что издѣлія, поверхность которыхъ окрашена однимъ изъ оттѣнковъ коричневаго цвѣта, съ орнаментомъ черной краски, имѣютъ у насъ, въ Россіи, свое распространеніе на всей территоріи, которую занимаетъ Трипольская культура. При этомъ можно еще также наблюдать то обстоятельство, что сосуды, украшенные этой росписью, сравнительно весьма ничтожнымъ количествомъ представлены въ Остерскомъ у., Черниговской губ., и въ Кіевскомъ у., и число ихъ въ ‰‰ отношеніи постепенно увеличивается къ югу Кіевской губерніи и сѣверу Херсонской, направляясь къ Карпатамъ въ Подольскую и оттуда въ Бессарабскую губ. — съ одной и въ Галицію — съ другой стороны.

На сосудахъ этой группы лучше всего можно изучать, какому постепенному развитію, какъ онъ, въ продолженіе многихъ вѣковъ, подвергался украшающій ихъ орнаментъ, начиная съ его примитивнаго, простаго и, постепенно прогрессируя, дошелъ до той степени, когда на сосудахъ появляются не только художественно исполненныя изображенія звѣрей, но и фигуры самого человѣка. Такъ, напр., въ Петренкахъ, Бессарабской губ., и Крутобородинцахъ, Подольской губ., на означенныхъ сосудахъ встрѣчались изображенія разныхъ звѣрей и въ Чученкахъ, Кіевской губ., изображеніе человѣческой фигуры.

Совершенно другое представляетъ собою группа сосудовъ, открытая въ м. Триполье и въ его окрестностяхъ, какъ — въ с. Веремье, с. Деревяной, с. Щербаневкѣ и проч., въ Кіевскомъ у. Орнаментъ ихъ исполненъ бороздкообразными линіями и заполненъ, въ видѣ инкрустаціи, бѣлой массой. Что же касается очень немногочисленнаго количества сосудовъ, украшенныхъ росписью, принадлежащихъ къ той же группѣ, какъ и сосуды съ инкрустаціей, то они отъ первой группы общераспространенныхъ росписныхъ сосудовъ, помимо формы, отличаются еще тѣмъ, какъ на это уже раньше было указано, что ихъ орнаментъ произведенъ не на коричневомъ, а на бѣломъ

фонѣ, расположенъ не на верхней только половинѣ, а на всей поверхности сосуда, наконецъ, выкрашенъ не чернымъ цвѣтомъ, а краснымъ.

Такую же, повидимому, ограниченную область своего распространения имѣетъ третья группа глиняныхъ сосудовъ, обнаруженная въ с. Крутобородинцахъ, Подольской губ., и занимающая нѣкоторую часть территоріи въ восточной Галиціи и Буковинѣ, отличающаяся опять особеннаго характера пестрой росписью. Роспись на этихъ сосудахъ замѣчательна тѣмъ, что она состоитъ преимущественно изъ орнамента спиралеобразнаго или изъ разныхъ завитковъ и имѣетъ значительное сходство и связь съ орнаментомъ, украшающимъ группу трипольскихъ сосудовъ съ бѣлой инкрустаціей, на бороздковатыхъ, втиснутыхъ въ глину линіяхъ; онъ произведенъ обыкновенными, параллельно расположенными, линіями, исполненными кистью и обыкновенно нѣсколькими цвѣтами краски. Украшающій эти сосуды орнаментъ всегда бываетъ такъ скомпонованъ и расположенъ, что имъ бываетъ покрыта вся ихъ поверхность.

Наконецъ, остается еще указать на четвертую, весьма интересную группу глиняныхъ сосудовъ, относящихся, безусловно, къ той же общей, такъ называемой Трипольской, культурѣ, какъ предшествовавшія уже описанныя три группы, происходящія изъ раскопки землянокъ Н. О. Бѣляшевскимъ, произведенной у м. Илинцы, Липовецкаго у., Кіевской губ.

При указанной раскопкѣ, какъ это обыкновенно въ такихъ случаяхъ бываетъ, цѣльныхъ сосудовъ найдено не было, но значительное число фрагментовъ, которые при ней были собраны, даютъ достаточное представленіе не только о томъ, какую сосуда эти имѣли форму, но и какой вообще былъ ихъ наружный видъ, пока они не подверглись разрушенію.

Сосуды эти были собраны въ однѣхъ и тѣхъ же землянкахъ, но, тѣмъ не менѣе, представляютъ два разные вида. Одни изъ нихъ, составляющіе по своей величинѣ болѣе крупные экземпляры съ толстыми стѣнками, имѣютъ значительное сходство съ трипольскими сосудами культуры А., украшены также спиральнымъ или въ видѣ разныхъ завитковъ орнаментомъ, произведеннымъ бороздкообразными линіями, заполненными бѣлой массой, но только съ той разницей, что линіи эти сдѣланы гораздо шире и глубже, чѣмъ мы видимъ на трипольскихъ сосудахъ.

Другіе же, горшкообразной формы, съ весьма тонкими стѣнками, небольшихъ размѣровъ, по своему наружному виду отличаются не только отъ предшествовавшихъ разрядовъ сосудовъ, но и отъ тѣхъ вышеупомянутыхъ, съ которыми они вмѣстѣ были обнаружены въ однѣхъ и тѣхъ же Илинскихъ землянкахъ; благодаря своей своеобразности, они образуютъ отдѣльную, совершенно выделяющуюся группу.

Эти сосуды были вылѣплены отъ руки, изъ глины, очень хорошаго качества, жирной, компактной; поверхность ихъ окрашена

краской, свѣтло-коричневаго, желтаго или красноватаго цвѣта; она тщательно сглажена, имѣетъ лоснящійся видъ и, помимо этого, часто еще бываетъ покрыта красивыми, черными пятнами, распространяющимися иногда на цѣлую половину сосуда. Кромѣ этого, поверхность этихъ сосудовъ всегда бываетъ еще украшена желобкообразнымъ, по большей части въ вертикальномъ направленіи, расположеннымъ орнаментомъ, обведеннымъ по сторонамъ произведеннымъ наколомъ, тонкими и неглубокими линіями, заполненными въ видѣ инкрустаціи бѣлой массой. Иногда желобкообразный орнаментъ замѣненъ равно расположенными тонкими линіями, вырѣзанными острымъ орудіемъ на глинѣ, пока она была еще въ сыроватомъ состояніи, и такъ же, какъ и произведенныя наколомъ, заполнены бѣлой массой.

Производя группировку сосудовъ, я имѣлъ въ виду исключительно только тѣ главнѣйшіе, болѣе выдѣляющіеся изъ нихъ типы, которые, будучи украшены росписью или инкрустаціей, являются, уже сами по себѣ, наиболѣе характерными представителями Трипольской или, какъ тоже ее называютъ, до-Микенской культуры. Но въ означенной культурѣ, помимо вышеуказанныхъ группъ глиняныхъ сосудовъ, весьма важное значеніе также имѣютъ глиняные сосуды, съ отсутствіемъ какой-бы то ни было на нихъ росписи или инкрустаціи, просто изготовленные изъ обыкновенной глины, часто съ находящейся въ ней примѣсью толченыхъ рѣчныхъ раковинъ, преимущественно украшенные несложнымъ, иногда весьма примитивнымъ, для неолитической эпохи характернымъ, орнаментомъ.

Сосуды эти въ Остерскомъ у. Черниговской и Кіевского у., Кіевской губ., въ нѣкоторыхъ группахъ площадокъ или землянокъ, бываютъ находимы исключительно только единичными. Если же иногда и попадаетъ между ними какой-нибудь, въ видѣ единичнаго экземпляра, расписной сосудъ или его фрагменты, то онъ всегда будетъ только изъ числа тѣхъ, которые принадлежатъ къ Трипольской культурѣ, обозначаемой мною подъ буквой В.

Начиная уже изъ Каневского у., Кіевской губ., численность ихъ, по направленію къ Карпатамъ, уменьшается, такъ что въ Подольской, напр., губерніи въ обнаруженныхъ тамъ площадкахъ они сравнительно съ находимыми тамъ съ ними вмѣстѣ расписными сосудами составляютъ уже значительное ихъ меньшинство.

Такимъ образомъ, представивъ описаніе произведенныхъ мною раскопокъ и присоединивъ къ нему затѣмъ еще нѣкоторыя свѣдѣнія, чтобы имѣть лучшее представленіе какъ о самыхъ памятникахъ, такъ и сопровождающей ихъ культурѣ, я позволю себѣ высказать, какое имѣется у меня мнѣніе относительно этихъ памятниковъ и соединенной съ ними культурѣ.

Прежде всего, какъ я уже и раньше неоднократно на это указывалъ, памятники, заключавшіе въ себѣ предметы Трипольской культуры, состоятъ изъ двухъ видовъ разнаго характера древнихъ сооружений. Одни изъ нихъ, смотря по находимымъ въ нихъ развалившимся печамъ или очагамъ, а также, благодаря громадному на-

копленію въ этихъ же сооруженіяхъ, пищевыхъ и кухонныхъ отбросовъ, съ попадающимися вмѣстѣ съ ними разнаго рода служащихъ для домашняго обихода тогдашнихъ орудій, я считаю остатками жилищъ.

Другіе изъ этихъ памятниковъ, отличающихся особаго рода, обстановкой присутствіемъ въ нихъ пережженныхъ человѣческихъ костей, а иногда и цѣльныхъ похороненныхъ костяковъ, и заключающихъ въ себѣ болѣе или менѣе значительное количество положенныхъ, жертвенныхъ, предметовъ, — я считаю ихъ за мѣста древнихъ погребеній или вообще мѣста обрядоваго характера.

Что касается устройства жилищъ того времени, то въ эпоху Трипольской культуры въ Среднемъ Приднѣпровьѣ, гдѣ поверхность преимущественно составляетъ лёссъ, они сооружались въ землѣ; въ другихъ же мѣстахъ, гдѣ это оказалось неудобнымъ, сооружены были прямо на поверхности земли.

Относительно устройства другого вида памятниковъ—площадокъ, въ виду значительной сложности, неопредѣленности, а также большаго разнообразія, которымъ оно отличается, какъ раньше, такъ теперь, не могу высказаться съ полной категоричностью по рѣшенію этого любопытнаго вопроса. Разумѣется, что такія мѣста, какъ площадки, на извѣстномъ пространствѣ покрытыя однимъ сплошнымъ слоемъ обожженной глины, съ сглаженной, болѣе или менѣе, поверхностью, напоминающей нѣчто въ родѣ тока, съ находящимися на ней остатками пережженныхъ человѣческихъ костей и золы, а также съ поставленными при нихъ глиняными сосудами, — какъ само устройство, такъ вся эта обстановка не нуждаются въ особенныхъ объясненій. Ясно видно, что занятое площадкою мѣсто сначала было нѣсколько углублено и тщательно выровнено, затѣмъ посыпано пескомъ, послѣ этого покрыто толстымъ слоемъ размѣшанной глины, поверхность которой сглаживалась руками или какимъ-нибудь кускомъ дерева.

Не подлежитъ также сомнѣнію, что, когда работа эта была окончена, то приступали уже къ приготовленіямъ, имѣющимъ непосредственную связь съ обрядомъ погребенія, сожиганія покойника на расположенномъ тутъ же огнѣ. Когда тѣло его было вполне сожжено, то остатки его праха и все мѣсто площадки закрывалось землею.

Тутъ встрѣчаются слѣды погребеній въ видѣ пережженныхъ человѣческихъ костей, въ разныхъ мѣстахъ разбросанныхъ по площадкѣ, или положенныхъ въ одинъ или нѣсколько сосудовъ, и только въ рѣдкихъ случаяхъ покойникъ не подвергался сожженію.

Погребенія эти производились въ особаго рода сооруженіяхъ. Но точное понятіе о сооруженіяхъ составить трудно — слишкомъ они разнохарактерны.

Очень интересны въ данныхъ сооруженіяхъ находки нѣсколькихъ отдѣльныхъ группъ глиняныхъ сосудовъ, въ числѣ которыхъ обыкновенно бываетъ одинъ изъ нихъ наполненъ золой, остатками

пережженныхъ человѣческихъ костей и комками обожженной глины. Это обстоятельство даетъ право сдѣлать правдоподобное предположеніе, что каждая изъ площадокъ принадлежала отдѣльному семейству и поэтому, смотря по численности умершихъ членовъ одного или другого семейства, могло зависеть не только число погребеній въ принадлежащей ему площадкѣ, но и обширность ея размѣровъ. Когда умиралъ членъ одного и того же семейства, то рядомъ съ предшествующимъ мѣстомъ, на которомъ сожжено было тѣло раньше умершаго члена, было расчищаемо новое мѣсто и производился обрядъ сожженія и такъ далѣе. Съ увеличеніемъ числа покойниковъ расширялся не только размѣръ, но измѣнялась форма площадки.

Эти памятники глубокой старины: какъ остатки жилищъ, такъ и площадки, съ сопровождающей ихъ культурой, по моему убѣжденію, европейскаго происхожденія; возникновеніе ихъ совпадаетъ съ вторымъ періодомъ неолитической эпохи каменнаго вѣка, и дальнѣйшее ихъ существованіе и развитіе занимаетъ всю переходную эпоху каменно-мѣднаго вѣка, сплошь до эпохи металла. Это уже было мною указано раньше въ нѣсколькихъ моихъ работахъ.

Кромѣ того, оставаясь и въ настоящее время при томъ же самомъ убѣжденіи, я теперь, какъ и раньше, не сомнѣваюсь въ томъ, что первоначальными и главнѣйшими создателями этихъ памятниковъ, была нѣкоторая часть, можетъ быть, уже выдѣлившаяся Арійцевъ. Жила она между среднимъ Днѣпромъ и Дунаемъ въ Прикарпатской области,—особенно въ ея южной части. Привели меня къ этому убѣжденію многія соображенія: 1) территорія, какъ Средне-Приднѣпровской, такъ и Прикарпатской области на самой зарѣ неолитической эпохи каменнаго вѣка, во весь періодъ ея долгаго существованія, а также и далѣе, въ эпоху металла, заселена была многочисленнымъ народомъ, жители котораго знакомы были съ земледѣліемъ и со скотоводствомъ и, по большей части, вели осѣдлую жизнь; 2) устойчивость въ устройствѣ жилыхъ помѣщеній, въ образѣ жизни и особенно типичность, которой отличается какъ самый обрядъ погребеній, такъ и сопровождающая его обстановка, непрерывно продолжающаяся среди жителей, обитавшихъ въ то время на означенной территоріи. И, кромѣ того, 3) постепенный и постоянный прогрессъ въ жизни жителей, начиная изъ самаго примитивнаго состоянія и далѣе до полного разсвѣта, котораго достигла эта культура, создателями которой, по моему мнѣнію, могли только быть жители, пребывающіе въ тѣ времена на указанной территоріи.

Часто повторяемое мнѣніе, что какъ означенная культура, такъ и связанный съ ней обрядъ погребенія были занесены къ намъ въ Европу какимъ-то чужимъ, изъ Азіи пришедшимъ, народомъ, не можетъ считаться убѣдительнымъ: напротивъ, въ настоящее время археологическія изысканія уже достаточно представили несомнѣннаго матеріала о томъ, что многія мѣстности, находящіяся на Европейскомъ материкѣ, особенно расположенныя въ его центральной

части, какъ. напр., Прикарпатская и Средне-Приднѣпровская области, были заселены уже съ самыхъ незапамятныхъ временъ неолитической эпохи. Но мало того: тѣ же археологическія изысканія ведутъ насъ еще гораздо далѣе, въ глубь безчисленныхъ вѣковъ предшествующей означенному времени эпохѣ, доказывая неоспоримыми и наглядными фактами, что и въ это время у насъ, въ Европѣ, во многихъ мѣстностяхъ человѣкъ жилъ съ извѣстнаго рода культурой, жилъ обществомъ.

Мнѣніе, что человѣкъ пришелъ къ намъ изъ Азіи, откуда вышла вся культура, навѣяно данными теологіи, а мы знаемъ, что человѣкъ у насъ на югѣ Россіи жилъ въ дилувіальную эпоху, затѣмъ въ послѣдующее болѣе благопріятное время. Далѣе хорошо извѣстно, что въ началѣ неолитической эпохи, вслѣдствіе давнѣйшаго уже соединенія Средиземнаго моря, съ одной стороны, съ Чернымъ моремъ, а съ другой — съ Атлантическимъ океаномъ, Европейскій материкъ является разъединеннымъ съ Африканскимъ материкомъ.

Что же касается такого перехода жителей неолитической эпохи въ Европу со стороны азіатскихъ степей или Кавказа, какъ это происходило въ гораздо позднѣйшее время, то въ эту раннюю эпоху, не допускали это еще топографическія условія этихъ мѣстъ.

Что же касается средней поры и позднѣйшей поры неолита такъ наз. Трипольской культуры, то мнѣніе, что она проникла въ среднюю Европу со стороны Средиземнаго моря, хотя и правдоподобно, но нѣтъ опять подтверждающихъ это достаточно убѣдительныхъ доказательствъ. Можно смѣло сказать, что если бы дѣйствительно то громадное количество своеобразнаго рода керамическихъ издѣлій, которое заключаютъ въ себѣ безчисленные памятники, состоящіе изъ остатковъ древнихъ жилищъ и площадокъ, относящіеся къ Трипольской культурѣ и расположенные у насъ, въ Европѣ, произошли вслѣдствіе упомянутыхъ торговыхъ сношеній, то послѣдніе должны были бы быть въ большихъ размѣрахъ; но данныхъ для этого нѣтъ.

Мало того: если бы мы пришли къ мысли, что Трипольская культура создана не у насъ, а занесена, благодаря торговымъ сношеніямъ, то гдѣ же та страна, гдѣ жители занимались выработкою керамическихъ издѣлій этого типа, откуда бы могли позаимствовать ихъ представители Трипольской культуры? Такой страны мы не знаемъ.

Напротивъ, мы видимъ, какъ постепенно развивается у насъ керамика, переходя отъ простыхъ къ болѣе сложнымъ, почему, — всѣ данныя для признанія этого производства самостоятельнымъ, созданнымъ европейскими народностями.

Высказывать постоянно всякія сомнѣнія о томъ, что европейскіе неолитическіе жители могли сами дойти до этого, безъ чужой помощи и вліянія, могли имѣть у себя изготовленные ими самими керамическія издѣлія, особенно съ росписью, и что произведенія эти

могли быть только привозными, чужого производства, едва-ли можно назвать правильнымъ и справедливымъ.

Чтобы убѣдиться въ противоположномъ, достаточно указать, какія способности въ культурномъ отношеніи проявлялъ не только европейскій неолитическій, но и на много вѣковъ жившій до него палеолитическій человѣкъ, оставившій намъ въ доказательство этого разнаго рода изъ своихъ тогдашнихъ произведеній, изъ которыхъ особенно по своему хорошему исполненію выдѣляются нѣкоторыя произведенія рѣзбы и рисунки, произведенные на кости первобытнаго слона или рогъ оленя, изображающіе не только животныхъ, но и самого человѣка того времени.

Кромѣ того, также разнаго вида рисунки, иногда исполненные даже красками и изображающіе живущихъ тогда животныхъ, сохранились на каменныхъ стѣнахъ и возбуждаютъ наше удивленіе своимъ прекраснымъ исполненіемъ.

На подобномъ уровнѣ своихъ познаній, можетъ быть, стояли не всѣ люди, обитающіе въ палеолитическую эпоху на Европейскомъ материкѣ, а, напротивъ, исключительно только нѣкоторыя лица, принадлежащія къ одному или же другому обществу.

Человѣкъ неолита прогрессировалъ, опыты далекаго прошлаго звали его на дальнѣйшее преуспѣяніе.

Природа-мать кладетъ свою мощную руку: житель болѣе холоднаго сѣвера остается еще охотникомъ, житель болѣе благодатнаго юга—нашего Приднѣпровья—уже переходитъ къ скотоводству и земледѣлію, уже являются два великіе признака осѣдлости.

Издѣлія изъ кремня улучшаются; существуетъ широкое производство изъ глины.

Въ спросѣ и въ предложеніи гончарное производство играетъ доминирующую роль, керамика—въ потребностяхъ, она и въ роскоши,—вездѣ имѣетъ первостепенное значеніе.

Въ эпоху неолита слагается культъ погребенія. Первобытный человѣкъ желаетъ окружить своего покойника всѣмъ, что у него есть лучшаго, но не имѣетъ онъ ни золота, ни серебра; всѣ представленія о лучшемъ, самомъ изящномъ связаны у него съ издѣліями изъ керамики. Издѣлія керамическія крайне разнообразны по формѣ и по росписи—въ творчество этого рода первобытный человѣкъ вкладываетъ всю силу своего ума, весь свой талантъ.

Заботятся не только о составѣ глины, изъ которой изготовлялись разной формы сосуды, но и объ обжигѣ, отъ котораго зависѣла не только и прочность и до извѣстной степени ихъ окраска, а, главнымъ образомъ, также о ихъ наружномъ видѣ.

Поэтому, мастера эти старались о томъ, чтобы устранить шероховатость на своихъ издѣліяхъ, вслѣдствіе чего они ее старательно сглаживали и украшали разнаго рода орнаментомъ.

Нѣсколько позднѣе еще, чтобы ихъ издѣлія стали живописнѣе, прибѣгли къ окраскѣ поверхности издѣлій, на которой уже произ-

водилась разными, кромѣ синяго и зеленаго, цвѣтами краски, съ замѣчательнымъ ихъ сочетаніемъ.

Иногда роспись на этихъ сосудахъ замѣнялась изящно произведенной инкрустаціей.

Производство росписныхъ керамическихъ издѣлій у насъ въ Европѣ раньше всего возникло и очень продолжительное время существовало въ Прикарпатской области, гдѣ-то въ ея южной части, а оттуда уже изъ разныхъ тамошнихъ центровъ распространялось сначала въ сосѣдніе, а впослѣдствіи и болѣе отдаленныя отъ нихъ мѣстности.

Доказательствомъ этому служить то, что обнаруженные въ этой области памятники почти исключительно содержатъ въ себѣ керамическія издѣлія съ росписью и при этомъ съ разной степени развитія, на которомъ въ одномъ или же другомъ періодѣ стояло ихъ производство, между тѣмъ, какъ въ мѣстностяхъ, расположенныхъ за предѣлами этой области, количество росписныхъ сосудовъ по мѣрѣ ихъ разстоянія и отдаленія отъ нея все уменьшается, пока, наконецъ, оно дѣлается совсѣмъ ничтожнымъ и замѣняется издѣліями обыкновенными, безъ росписи, мѣстнаго производства.

Особенно распространеннымъ и болѣе всего жившимъ во вкусахъ и потребностяхъ человѣка этого времени былъ тотъ видъ керамическихъ издѣлій, поверхность которыхъ покрыта была какимъ-нибудь оттѣнкомъ коричневаго цвѣта краской и украшена орнаментомъ, произведеннымъ темнымъ или чернымъ цвѣтомъ краски.

По рѣкамъ и сухимъ путемъ сосуды эти доставлялись съ одной мѣстности въ другую; наконецъ, мастера-торговцы этихъ издѣлій, вмѣсто того, чтобы доставлять изъ своихъ центровъ, гдѣ они жили, просто изготовляли ихъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нуждались въ нихъ тамошніе жители. Для этого достаточно было имъ запастись необходимымъ количествомъ красокъ и другими предметами, нужными въ производствѣ, и отправлялись на мѣсто спроса.

Подтвержденіемъ высказанной мысли можетъ служить разный составъ глины, отвѣчающій той мѣстности или ея ближайшей окрестности, въ которой обнаружены были описываемыя издѣлія.

Кромѣ того, поразительное сходство формы и орнамента, которые можно прослѣдить на всемъ протяженіи ихъ распространенія, начиная отъ ихъ главныхъ центровъ или сплошь, или иногда большими даже скачками чрезъ извѣстное разстояніе до самыхъ крайнихъ ихъ предѣловъ.

Мастера-торговцы въ слѣдующей затѣмъ эпохѣ, такимъ образомъ, являясь къ намъ въ Средне-Приднѣпровье, гдѣ, какъ извѣстно, не было матеріала для состава бронзы, имѣя съ собою извѣстный запасъ каменныхъ формочекъ для отливки нѣкоторыхъ предметовъ какъ, напр., серповъ, копій, топориковъ и проч., собирали негодные предметы изъ мѣди и бронзы и, сплавивъ и отливъ изъ нихъ новые, замѣняли ихъ мѣстнымъ или же другимъ жителямъ.

Это производство долго продолжалось; исчезло же оно съ пере-

мѣною населенія; наши южно-русскія степи и южная часть Прикарпатя занята была населеніемъ, имѣющимъ иную культуру, другіе обряды. Хотя въ сѣверной части Прикарпатя и въ Среднемъ Приднѣпровьѣ производство росписныхъ сосудовъ прекращается, однако, въ то же время производство мѣстной нерасписной керамики продолжается, но въ немъ нѣтъ прежней движущей силы: напротивъ, производство это переживаетъ какой-то кризисъ, въ немъ чувствуется даже нѣкоторый упадокъ.

Но интересно: въ южномъ Прикарпатіи прекратилось производство росписныхъ сосудовъ; но оно появляется на Балканскомъ полуостровѣ и отчасти отголоски его видны далѣе на юго-западѣ по направленію къ Альпамъ и Адриатическому морю.

Поэтому можно заключить, что мѣстности, въ которыхъ существовали главные центры производства керамическихъ издѣлій, съ украшающей ихъ росписью и откуда происходило дальнѣйшее ихъ распространеніе въ сосѣднія съ ними расположенныя страны, особенно въ Средне-Приднѣпровье, было или добровольно или вслѣдствіе насилія тамошними жителями оставлено, такъ какъ они ушли или оттѣснены были по направленію къ югу и юго-западу, гдѣ и имѣются слѣды ихъ дальнѣйшаго тамъ существованія.

Далѣе изъ этого слѣдуетъ также, по моему мнѣнію, то, что Трипольская культура не является принесенной къ намъ въ Европу какимъ-нибудь чужимъ, изъ Азіи пришлымъ народомъ или при посредствѣ тогдашней торговли изъ-заморскихъ странъ, а, напротивъ, она была самостоятельнымъ продуктомъ европейскаго неолитическаго человѣчества, сосредоточеннаго, главнымъ образомъ, въ Прикарпатской и Средне-Приднѣпровской области.

Южная вѣтвь этихъ обитателей, съ болѣе художественнымъ чутьемъ, съ развитой промышленностью, съ своими промышленными центрами перемѣстилась еще далѣе на югъ, за Балканы и другія страны юго-западной Европы. Средне-приднѣпровскіе и часть сѣверо-прикарпатскихъ жителей, какъ народъ земледѣльческій, съ своей своеобразной культурой, съ своими обычаями, по большей части, продолжали оставаться на занимаемыхъ ими мѣстахъ, и не только въ это время, но и впослѣдствіи, когда пришлось имъ переживать болѣе бурныя эпохи.

Синодикъ дворцовой церкви св. великомученицы Евдокіи 7141 (1633) г.

С. Н. Кологривова.

Синодикъ дворцовой церкви св. великомученицы Евдокіи, писанъ полууставомъ въ 7141 г. (1633), на 134 л. Онъ хранится въ московскомъ отдѣленіи общаго Архива Министерства Императорскаго двора и представляетъ интересъ своими заставками и обозначеніемъ нѣкоторыхъ родовъ (таб. IX и X). Въ началѣ слѣдуетъ заглавіе:

«Лѣта 7141 Февраля 1-мъ д. написанъ бысть синодикъ сей въ церковь святыя преподобныя мученицы Евдокіе, что Государыни Царицы на сѣняхъ, при державѣ Благовѣрнаго и Христілюбиваго Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всея русіи самодержца и его благовѣрной царицы и великой княгини Евдокіи Лукьяновнѣ, повелѣніемъ рабы Божіа тоя же царицы святыя преподобно мученицы Евдокіи священника Александра Алексѣева вѣчнаго ради помину по своихъ родителейхъ».

Послѣ вступительныхъ статей и общаго помянника, настоящій синодикъ заключаетъ въ себѣ: 1. Имена російскихъ патріарховъ, имена великихъ и нѣкоторыхъ удѣльныхъ князей и княгинь, царей и царицъ. 2 (л. 112). Родъ Никиты Романовича Юрьева. 3 (л. 113). Родъ князя Ивана Ивановича и князя Дмитрія Ивановича Шуйскихъ. 4 (л. 114). Родъ государыни иноки Марфы Ивановны. 5 (л. 116). Родъ государыни благовѣрной царицы и великой княгини Евдокіи Лукьяновны. 6 (л. 118). Родъ боярина Бориса Ивановича Морозова. 7. Родъ окольного Ѳедора Кузьмича да думнаго дворянина Прокофья Кузьмича Елизаровыхъ. 8 (л. 120). Родъ Михаила Ртищева. 9. Родъ Григорья Ивановича Ртищева. 10 (л. 121). Родъ Ѳедора Алексѣевича Полтева. 11. Родъ стольника Іова Голохвастова. 12 (л. 122). Родъ Евдокійскаго попа Александра, что у Государыни на сѣняхъ. 13. Родъ Ивана Ивановича Колычева. 14 (л. 124). Родъ Петра Мурскаго.

Далѣе три отдѣленія именъ безъ означенія родовъ и, наконецъ, на л. 128 идетъ болѣе поздняя запись за упокой убіенныхъ, которые «въ прошломъ во 167 году Іюня въ 28-мъ числѣ побиты на

Государевомъ царевѣ и великаго князя Алексѣя Михайловича всея великія и малыя Россіи самодержца службѣ въ приходѣ Крымскаго Царя и измѣнника Ивашки Выговскаго надѣ Конотопомъ — полку боярина и воеводы князя Алексѣя Никитича Трубецкаго». Сначала дворяне Московскіе, потомъ жильцы съ означеніемъ фамилій. «Василій, приписано киноварю, Яковлевъ сынъ Тухачевскій, Никифоръ — киноварю, Андреевъ сынъ Кологривовъ» и т. д.

(л. 130). Родъ Никифора Андреева. (л. 133). Родъ Михаила маленькаго Шеголева и нѣсколько отдѣленій безъ означенія родовъ. Последняя запись представляетъ особый интересъ, во-1-хъ, въ виду того, что здѣсь записаны имена лицъ, на брани своей животъ положившихъ, а, во-2-хъ, что ихъ имена приведены полностью, т.-е. указаны имя, отчество и фамилія, что весьма рѣдко встрѣчается въ синодикахъ и, конечно, значительно увеличиваетъ историческую цѣнность записей, тогда какъ въ большинствѣ случаевъ голый перечень именъ весьма мало даетъ изслѣдователю, оставляя широкое поле для догадокъ. Оставляя всѣ записи о патріархахъ, царяхъ, царицахъ и князьяхъ, какъ обычные въ синодикахъ, я привожу полностью записи частныхъ лицъ.

Въ началѣ рукописи переплетенныхъ листахъ другимъ почеркомъ (скорописью) имена патріарховъ: Филарета, Никона, Іоакима, царей, царицъ, и царевенъ.

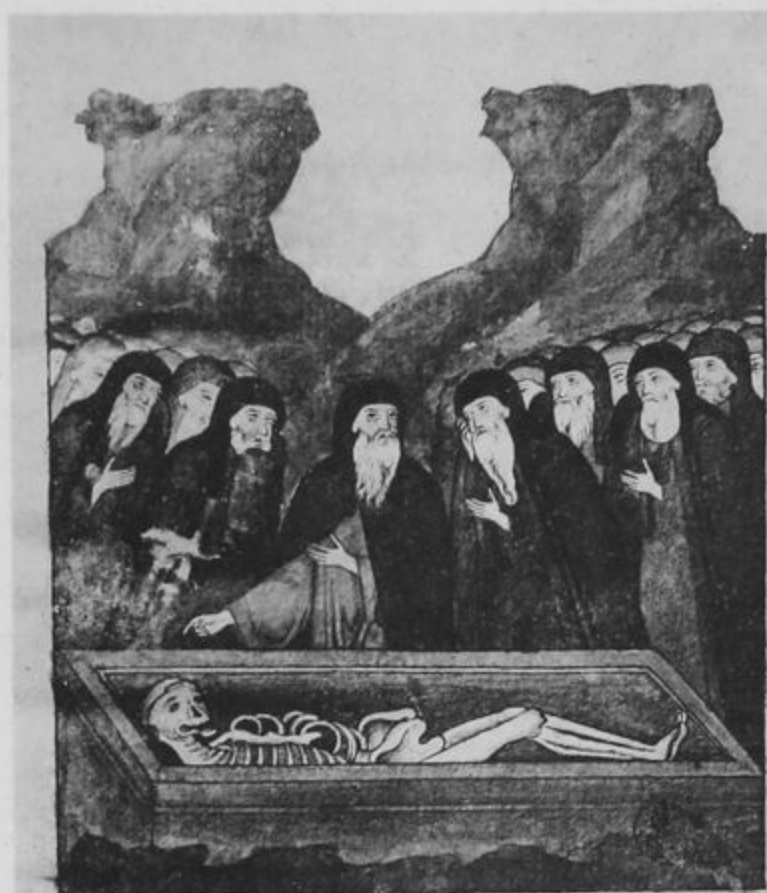
Синодикъ дворцовой церкви св. Евдокіи «лѣта 7141 оевраля въ 4 день написанъ бысть синодикъ сей въ церковь святыя преподобномученицы Евдокѣи что у Государыни Царицы на сѣняхъ при державѣ благовѣрнаго и Христолюбиваго Царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи Самодержца и его благовѣрной царицы и великой княгини Евдокѣи Лукьяновне. Повелѣніемъ раба Божія тоя же церкви Святыя преподобномученицы Евдокѣи, священника Александра Алексѣева вѣчнаго ради помину по своихъ родителехъ».

(л. 112). «Родъ Никиты Романовича Юрьева, Ондрѣя, Ѳеодора, Григорія, Ивана, Іакова, Захарія, Георгия, Ирину, Дарью, Петра, Василия, Ирину, Инока Мисаила, Ѳеодосія, Ивана, Данила, инока Іосааа, Романа, Долмата, Анну, Михаила, Ульянѣю, Ирину, Марѣю, Ивана, Анну, иноку Анастасію, Евдокѣю, Василия, Варвару, Захарія, Бориса, млад. Никиту, млад. Иванна, княгиню Ѳетинию, Григорія, Михаила, Ѳетиню, млад., иноку Анастасію, Ѳеодора млад. князя Селивестра, княжну Домникѣю, Евдокѣю, князя Василия, княгиню Анну, князя Георгия во иноцехъ Герасима, княгиню Анну, Ивана, Ѳеодора, Михаила, Симеона, Ивана, Василия, Анну, Ивана, Ѳеодора, Настасью, Ивана, Ѳеодора, Протасья, Марью, млад., князя Василья, иноку Анастасію, Евдокѣю, княжну Стеѳаниду, князя Ивана млад., княгиню иноку Варсуноѣю, Ивана млад., князя Василия, Александра, Михаила, князя Софронія, во иноцехъ Сергія, князя Бориса, княгиню Еуѳимию во иноцехъ Еуѳросинію, князя Ѳеодора, князя Михаила, Андрѣя млад. Димитрія млад. Парасковѣю млад., княгиню Марѣю, княгиню Татіану, Льва млад.».

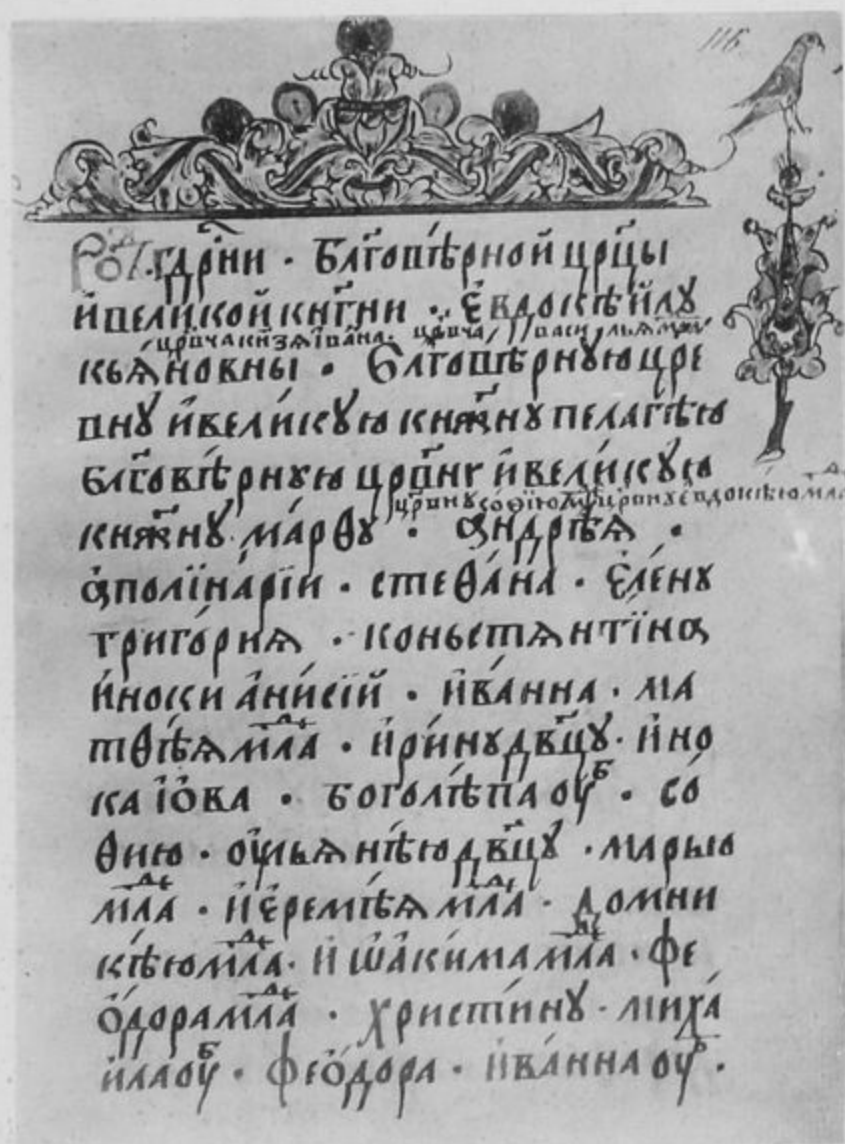
(л. 113 об.). «Родъ князя Івана Івановича и князя Дмитрія Івановича Шуйскихъ Благовѣрнаго Царя и великаго князя Василя Івановича всея Руси во иноцехъ Варлаама, князя Іванна, князя Дмитрія».

(л. 114). «Родъ Государыни иноки Марѣы Івановны, Благовѣрнаго царя и великаго князя Іванна Васильевича всея Руси во иноцехъ Иону, Благовѣрнаго царевича Іванна Івановича, благовѣрную царицу и великую княгиню Анастасѣю, благовѣрную царицу и великую княгиню иноку Александру, царицу и великую княгиню иноку Марѣу. Благовѣрную царицу и великую княгиню иноку Парасковѣю. Благовѣрную царицу и великую княгиню Марью. Благовѣрную царевну и великую княжну Анну, Благовѣрную царевну и великую княжну Пелагѣю, благовѣрную царевну и великую княжну Марѣу, благовѣрнаго боярина Никиту во иноцѣхъ Неоонта, государыню иноку Марѣу ским., благовѣрную княгиню Татьяну, Никиту млад., Бориса млад., Льва млад., Івана млад., иноку Теофану, иноку Евникѣю, иноку Елеуѣерию, Евдокѣю, Ирину, Василя, Івана, Петра, Івана, Назарія, Александра убѣен., князя инока Сергія убѣен., князя Василя убѣен., княгиню иноку Елену, княгиню Евдокѣю, иноку Леониду, иноку Марѣу, иноку Сундулию, иноку Пелагѣю, Теоодору дѣвицу, иноку Дарью, Евдокѣю, Ирину, Івана, Івана, Дмитрія утопшаго, князя Василя убѣен., Данила, Анну, Теоодора, Іванна, иноку Анну, Анастасѣю, Романа, Георгія, князя Теоодора, княгиню Оетинью, Александру, князя Івана, иноку Марью, князя Бориса, княжну Марѣу, инока Мисаила, Григорія, Аноима, иноку Елену, иноку Маремьяну, иноку Варвару, Карпа, уродиваго».

(л. 116). «Родъ государыни Благовѣрной царицы и великой княгини Евдокѣи Лукьяновны царевича князя Івана, царевича Василя младен., благовѣрную царевну и великую княжну Пелагѣю, благовѣрную царевну и великую княжну Марѣу, царевну Союю млад., царевну Евдокѣю млад. Андрѣя, Аполинарія, Стеѡана, Елену, Григорія, Константина, иноки Анисіи, Івана, Матѣѣя млад., Ирину дѣвицу, инока Іова, Боголѣпа уб., Союю, Ульянѣю дѣвицу, Марью млад., Іеремѣя млад., Домникѣю млад., Іоакима млад., Феодора млад., Христину, Михаила уб., Теоодора, Іванна уб., иноку Варсуноѣю, иноку Исупраксѣю, инока Іону, инока Симеона, Георгія, Агрѣпину млад. Григорія, Теоку млад., Сергѣя, Алексѣя, Матѣѣя, Варвару, Марѣу, Теоодосію, Василя, князя Іванна, княжну Татьяну, князя Іванна, Константина млад., Іванна млад., Агапію, Ксенью млад. Михаила млад. Дмитрія млад. Іванна млад. Андрея уб., Марѣу, Соломонію, Саву, Вассу, инока Іону, Инока Владимѣра, инока Іону, инока Владимѣра, инока Іону, инока Аркадія, Анну млад., Елену млад., инока Дороеѣя, Марью, Игнатія, Феодора, Іякова, Евдокѣю, Агрипину, Аѡнасіа, Ирину, Симона млад., Дмитрія млад., Кирила млад., Іванна млад., Марѣу, Ксенью, Наталію уб., Лаврентія, Наталію млад., Устинію,

Тогоже ішанна дмалекинна.
Поманѣ прѣка попиѣща
ѡзѣ ѣмѣ земаѣ и попель

БИБЛИОТЕКА
Ин-та Красн. работы
в Музейной работе

Поминать заупокой оубіе нныхъ .

Оторые впрошломъ, во рѣзъ
годѣ, іюна, въ ки мѣ чиемъ по
биты на дѣрвѣ црѣвѣ и великого
кнѣзя александра михайловича всеа
великіа ималыа росін самодѣр
жца сѣжѣтъ; въ перхочермскіа
царѣ, инѣмѣнника и вѣнжавы
гобского погонюпопомъ .
Полкъ беларина и воеводы кнѣзя
алексѣя никитича трѣбещего.

Дворѣна московскіа .

Василіа .		іаншолѣ сѣмѣтѣхъ сѣмѣтѣхъ
Никитѣра .		андреѣ сѣмѣтѣхъ сѣмѣтѣхъ
Григоріа .		васильѣ сѣмѣтѣхъ сѣмѣтѣхъ

Василіа .	смирновѣ сѣмѣтѣхъ сѣмѣтѣхъ
Іоанна .	миссѣ сѣмѣтѣхъ сѣмѣтѣхъ
Василіа .	лѣннѣ сѣмѣтѣхъ сѣмѣтѣхъ
Кнѣзь Іоанна .	инѣ андрѣѣ сѣмѣтѣхъ сѣмѣтѣхъ
Петра .	михайловѣ сѣмѣтѣхъ сѣмѣтѣхъ
Гавріила .	лѣннѣ сѣмѣтѣхъ сѣмѣтѣхъ
Авѣа .	миссѣ сѣмѣтѣхъ сѣмѣтѣхъ
Никитѣра .	шановѣ сѣмѣтѣхъ сѣмѣтѣхъ
Еліа Зара .	михайловѣ сѣмѣтѣхъ сѣмѣтѣхъ
Кнѣзь Василіа .	инѣ дмитріѣ сѣмѣтѣхъ сѣмѣтѣхъ
Даніила .	лѣннѣ сѣмѣтѣхъ сѣмѣтѣхъ
Григоріа .	іменѣ сѣмѣтѣхъ сѣмѣтѣхъ
Кориса .	григорѣ сѣмѣтѣхъ сѣмѣтѣхъ
Феодора .	лапернѣ сѣмѣтѣхъ сѣмѣтѣхъ
Стефана .	богданѣ сѣмѣтѣхъ сѣмѣтѣхъ
Феодора .	іаншолѣ сѣмѣтѣхъ сѣмѣтѣхъ
Кѣрпа .	Феодора сѣмѣтѣхъ сѣмѣтѣхъ

Милцеа .	іаншолѣ сѣмѣтѣхъ сѣмѣтѣхъ
Силы .	іаншолѣ сѣмѣтѣхъ сѣмѣтѣхъ
Алѣксѣя .	миссѣ сѣмѣтѣхъ сѣмѣтѣхъ
Григоріа .	лѣннѣ сѣмѣтѣхъ сѣмѣтѣхъ
Стефана .	ианшолѣ сѣмѣтѣхъ сѣмѣтѣхъ
Іоанна .	генгосѣ сѣмѣтѣхъ сѣмѣтѣхъ

Жилыцы

Іоанна .	миссѣ сѣмѣтѣхъ сѣмѣтѣхъ
Василіа .	генгосѣ сѣмѣтѣхъ сѣмѣтѣхъ
Феодора .	михайловѣ сѣмѣтѣхъ сѣмѣтѣхъ
Никитѣра .	іаншолѣ сѣмѣтѣхъ сѣмѣтѣхъ
Алѣксѣя .	миссѣ сѣмѣтѣхъ сѣмѣтѣхъ
Іоанна .	миссѣ сѣмѣтѣхъ сѣмѣтѣхъ
Іоанна .	богданѣ сѣмѣтѣхъ сѣмѣтѣхъ
Ісѣлѣма .	андреѣ сѣмѣтѣхъ сѣмѣтѣхъ
Никитѣра .	генгосѣ сѣмѣтѣхъ сѣмѣтѣхъ
Іоанна .	лѣннѣ сѣмѣтѣхъ сѣмѣтѣхъ

Іаншолѣ .	генгосѣ сѣмѣтѣхъ сѣмѣтѣхъ
Іоанна .	іаншолѣ сѣмѣтѣхъ сѣмѣтѣхъ
Кнѣзь Симеона .	инѣ лѣннѣ сѣмѣтѣхъ сѣмѣтѣхъ
Андрѣа .	миссѣ сѣмѣтѣхъ сѣмѣтѣхъ
Кѣрпа .	григорѣ сѣмѣтѣхъ сѣмѣтѣхъ
Симеона .	стѣфанѣ сѣмѣтѣхъ сѣмѣтѣхъ
Алѣксѣя .	стѣфанѣ сѣмѣтѣхъ сѣмѣтѣхъ
Алѣксѣя .	генгосѣ сѣмѣтѣхъ сѣмѣтѣхъ
Василіа .	генгосѣ сѣмѣтѣхъ сѣмѣтѣхъ
Кнѣзь Григоріа .	инѣ андрѣѣ сѣмѣтѣхъ сѣмѣтѣхъ
Мѣрпа .	іаншолѣ сѣмѣтѣхъ сѣмѣтѣхъ
Симеона .	миссѣ сѣмѣтѣхъ сѣмѣтѣхъ
Іоанна .	іаншолѣ сѣмѣтѣхъ сѣмѣтѣхъ

БИБЛИОТЕКА
НИИ и Краеведческой
в Луховицкой работы

5

князя Симеона, Матрону млад., Анну, инока Игнатія схим., княгиню Ирину, Игнатія, Василия».

(л. 118). «Родъ боярина Бориса Ивановича Морозова, боярина Иліи, Анны, Михаила, князя Іванна, Терентія, Симеона, князя Георгія, Іванна, Михаила, Игнатія, Василия, Дмитрія, Симеона, Льва, Оирса, Василия, Θεодора, Давыда, Бориса, Іякова, Михаила уб., Іванна уб., Θεодора уб., Митрофана, иноки схим. Анисіи, Варвары, Ирины, иноки схим. Домникіи, Θεодосіи млад., Еуѳиміи млад., Вѣры млад., Ксеніи млад., Соѳіи млад., князя Василия уб., Михаила уб., иноки схим. Пелагій, князя Василия, иноки схим. Марѳы, Бориса, Іоанна, Григорія, Дмитрія, Θεοοιλαкта, Евдокіи, Автонома, Аѳанасія, Анисіи, Аѳанасія уб., Елены схим., Галасіи схим., Параскевы, Андрея, Екатерины, Елены».

(л. 119). 170 г. «Окольничаго Федора Кузмича да думного дворянина Прокофья Кузмича Елизаровыхъ. Козмы, Таисіи схим., Василия, иноки Ирины, Симеона, Марѳы схим., Пимины, Василия, Тихона схим., Ирины, Парасковіи, Епистиміи, Федора, Деонисія схим., Мартиниана, Михаила, Іякова, Елены схим., Іоанна, князя Деонисія, князя Симеона, Авраамія схим.».

(л. 120). «Родъ Михаила Ртищева. Захарія, Θεодора уб., Давыда уб., Федора, Алексія, инока схим. Макария, Ксеніи, Уліянніи, иноки схим. Анисіи, иноки Соѳіи уб., Іосифа, иноки схим. Елены, Іульянніи, Анны, Θεодора, Анастасіи, Парасковіи, Наталіи, Θεодосіи, Василия, Дмитрія, Сергія, Андрѣя, схимницы Леониды, Агаѳіи, Ирины, Марѳы, Акилины уб., Григорія, Матѳея, Григорей уб., Вниѳантія, Авраамія, Евдокіи, Маріи, Варвары, Бориса уб., Вниѳантія схим., Ниѳонта, Соломѣи, Петра, Неонилы схим., Іліи, Іоанна, Іони, схим. Іраиды, Домники, Михаила, Іоанна, Симеона, Дмитрія, Θεодора, Ерѳея».

(л. 120 об.). «Родъ Григорья Ивановича Ртищева. Помини Господи души рабъ своихъ Захарія уб., Давыда инок., Ниѳонта, Василия уб., Иліи, Сергія, Анны, Агрипины, Стефана, Соѳіи, Феодосіи, инок. схим. Фотиніи, Марфы, Кондрата, Христины, Акилины млад., Андрѣя, Домники, Маремьяміи млад., Михаила млад., Ксеніи млад., Петра млад., Симеона млад., Михаила млад., Петра, Акилины, Евдокіи, Никиты млад., Іякова уб., Стефана уб., Екатерины млад., Феодора».

(л. 121). «Родъ Феодора Алексѣевича Полтева раба своего инок. схим. Аѳонасія, иноки схим. Соѳіи, Никифора, Феодора, Агрипины».

(л. 121 об.). «Родъ столника Іева Голохвастова раба своего инок. схим. Макарія, Іоанна уб., Фотиніи сожжен., Диомида, инок. схим. Паисѣя уб., Стефана Ксеніи».

(л. 123 об.). «Родъ Івана Ивановича Колычева, Дмитрея, Іоанна».

(л. 124). «Родъ Петра Мусоркова. Инока схимника Паѳнутія, инока схимника Никандра, иноки схимницы Екатерины, княгини Маріи».

(л. 128). «Поминать за упокой убіенныхъ которые въ прошломъ во 167 году іюня въ 28 числѣ побиты на Государевѣ Царевѣ и великого князя Алексѣя Михайловича всеа великиа и малыа Росіи самодержца службѣ, въ приходѣ Крымскаго царя и измѣнника Івашка Выговскаго подѣ Конотопомъ, Полку боярина и воеводы князя Алексѣя Никитича Трубецкого дворяня Московскіе: Василія (Яковлевъ сынъ Тухачевской), Никифора (Андреевъ сынъ Кологривовъ), Григорія (Васильевъ сынъ Восковъ), Симеона (Івановъ сынъ Колычевъ), Василія (Гавріиловъ сынъ Топтыковъ) Іоанна (Моисеевъ сынъ Плещевъ), Василія (Аѳанасьевъ сынъ Вараксинъ), князя Іоанна (князь Андреевъ сынъ Львовъ), Петра (Михайловъ сынъ Шепелевъ) Гавріила (Антоновъ сынъ Башмаковъ) Льва (Васильевъ сынъ Башмаковъ) Никифора (Івановъ сынъ Ельдизинъ), Еліазара (Михайловъ сынъ Щербининъ), князя Василія (князь Дмитріевъ сынъ Волконской), Даніила (Аѳанасьевъ сынъ Жеринской), Григорія (Семеновъ сынъ Сербинъ), Бориса (Григорьевъ сынъ Квашнинъ), Ѳеодора (Лаврентьевъ сынъ Кайсаровъ), Стефана (Богдановъ сынъ Коковинской), Ѳеодора (Яковлевъ сынъ Шущеринъ), Карпа (Федоровъ сынъ Веніаминовъ) Матѳея (Івановъ сынъ Поливановъ), Силы (Івановъ сынъ Бобрищевъ-Пушкинъ) Лаврентія (Максимовъ сынъ Квашнинъ), Григорія (Аристовъ сынъ Новиковъ), Стефана (Івановъ сынъ Дольской), Іоанна (Григорьевъ сынъ Аргуновъ).

Жильцы.

Іоанна (Максимовъ сынъ Полибинъ), Василія (Григорьевъ сынъ Протопоповъ), Ѳеодора (Михайловъ сынъ Бухасовъ), Никиты (Івановъ сынъ Строиловъ), Алексѣя (Мурахѣевъ сынъ Ладыженской), Іоанна (Васильевъ сынъ Юшковъ) Іоанна (Борисовъ сынъ Шапиловъ), Іоакима (Андреевъ сынъ Карповъ), Никиты (Григорьевъ сынъ Бѣлкинъ) Іоанна (Аѳанасьевъ сынъ Шишоловъ), Іакова (Гавріиловъ сынъ Трегубовъ) Іоанна (Івановъ сынъ Ржевской) князя Симеона (князь Стефановъ Живорогъ Засѣкинъ) Андрея (Васильевъ сынъ Бердяевъ), Карпа (Григор. Ладыженской) Симеона (Стефановъ сынъ Евской) Алексѣя (Стефановъ сынъ Евской) Алексѣя (Петровъ сынъ Кондыревъ) Василія (Семеоновъ сынъ Извольской), князя Григорія (князь Андреевъ сынъ Мещерской) Марка (Козминъ сынъ Колтовской) Симеона (Мартемьяновъ сынъ Люсузиниковъ) Іоанна (Івановъ сынъ Рожновъ)».

